

ISSN 0042—8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

**23
91**

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2-3/91

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

2-3/91

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- А. П. Новосельцев** — Образование Древнерусского государства и первый его правитель 3
- А. Я. Гуревич** — О кризисе современной исторической науки 21

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- М. Ц. Арзакян** — Шарль де Голль 37

ВОСПОМИНАНИЯ

- Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Продолжение 62
- Вилли Брандт** (ФРГ) — Воспоминания. Продолжение 83

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

- А. Г. Авторханов** — Технология власти. Продолжение 117

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

- Генерал А. И. Деникин** — Очерки русской смуты.
Продолжение 138
- А. Ф. Керенский** — Россия на историческом повороте.
Продолжение 162

Выходит
с 1926 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОГРЕСС»
МОСКВА

ПУБЛИКАЦИИ

- Ю. Г. Фельштинский** (США) — Два эпизода из истории внутрипартийной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина 182
- Письма чиновника А. А. Клопова царской семье. (Вступительная статья В. И. Старцева, примечания В. И. Старцева и Б. Д. Гальпериной) 204

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

- Лейберов А. И.** (Ленинград) — «Свободу депутатам!» . 223
- А. Ю. Зубков** — Виктория Вудхалл — кандидат в президенты США 227

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Л. Т. Мильская** — А. И. Неусыхин — выдающийся ученый и педагог 231
- Л. В. Малиновский** (Барнаул) — История советских немцев в современной историографии ФРГ 238
- В. М. Селунская** — Д. Шелестов. Время Алексея Рыкова 242
- П. С. Кабытов** — Г. А. Герасименко. Земское самоуправление в России 243
- С. В. Думин** — А. Титов. Городская геральдика Белоруссии 245
- Е. И. Федосова** — Я. Башкевич. Французы 1789—1794. Исследование революционного сознания 246
- В. Н. Шевардин** — История науки 248

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- А. Н. Мерцалов** — Некоторые проблемы Великой Отечественной войны на страницах «Военно-исторического журнала» 249
- Ю. Л. Епанчин** — Батарея Раевского 252
- Е. Ю. Тихонова** — Наказанная неосторожность 254
- Н. В. Галкин** — Рабочие комитеты и архивное дело в Кузбассе 254

Образование Древнерусского государства и первый его правитель

А. П. Новосельцев

В статье поставлены более широкие проблемы, нежели просто биография князя Олега, которого древняя летопись именует «Вещим» и который, по сути дела, является первым достоверным государственным деятелем нашей истории. Дело в том, что не только легендарный основатель «матери городов русских» Кий был для летописцев XI—XII вв. фигурой просто сказочной, о которой они имели, по крайней мере, две версии эпического рассказа, но и более близкие хронистам политические личности, как Рюрик, Дир, Аскольд и другие, были для них малоизвестными фигурами.

Иное дело Олег. Именно от него дошли первые древнерусские документы-договоры с греками, реальность которых подтверждается не только их документальной сущностью, но и косвенными свидетельствами иностранных источников. Долгое время в нашей историографии именно Олег считался первым правителем Древнерусского государства, образовавшегося после объединения русского севера, откуда этот правитель пришел, с югом, главный город которого (Киев) он сделал столицей державы.

Историки, как правило, рассматривали Олега в полном соответствии с показаниями источников как крупного государственного деятеля¹. Это относится не только к историкам великорусским, но и к большинству украинских², хотя многие из них, начиная с М. С. Грушевского, по вполне понятным мотивам³ не только выдвигали на первое место южную Русь, но и объявляли именно ее подлинной Русью, для которой другие восточнославянские земли были покоренными или колонизованными окраинами, Русью даже не называвшимися⁴. С точки зрения этой группы историков, название «Русь» было присвоено или узурпировано Владимиро-Суздальским княжеством, а затем Москвой. Здесь не место специально рассматривать эту проблему, важно лишь указать на ее ошибочность. К сожалению, и советские историки, начиная с таких крупных, как М. Н. Тихомиров и А. Н. Насонов⁵, доказывали, что «Русью» первоначально назывался лишь юг.

Между тем это легко опровергается именно древней летописью, где термин «Русь» только для Киевской земли используется не ранее XII в., то есть тогда, когда единое Древнерусское государство стало распадаться на отдельные княжества, и уже в силу этого название «Русь» стало порой применяться только к старому центру державы⁶. В то же время и летопись и прочие памятники, в том числе «Слово о полку Игореве», знают единую Русь от Карпат до верхней Волги.

Новосельцев Анатолий Петрович — член-корреспондент АН СССР, директор Института истории СССР АН СССР.

Касаясь личности Олега, нельзя не констатировать ее трактовку в работах такого известного историка, как Б. А. Рыбаков. Она весьма оригинальна и отличается от большинства прочих. В написанной им главе об образовании Древнерусского государства для «Очерков истории СССР»⁷ читатель найдет разбор легенд о Кие, обнаружит существование «эпохи Кия и Юстиниана», множество иных выкладок, которые могут рассматриваться как гипотезы, но имени первого правителя Древней Руси, князя Олега, не обнаружит.

А вот в одной из своих последних книг Рыбаков охарактеризовал Олега как коварного скандинавского конунга, истребившего династию Киевичей, совершавшего заморские походы, «сопровождавшиеся чудовищными зверствами», которые, разумеется, были делом рук варягов. Для вящей убедительности автор вспоминает о жестокостях норманнов на западе и утверждает, что именно они принесли эту «нередко бессмысленную жестокость» на Русь. По мнению Рыбакова, «в русской летописи Олег присутствует не столько в качестве исторического деятеля, сколько в виде литературного героя, образ которого искусственно слеплен из припоминаний и варяжских саг о нем»⁸.

Но достаточно вспомнить рассказы, например, ранних византийских писателей о славянах и Руси VI—X вв., чтобы увидеть, что жестокости в период походов и войн проистекали вовсе не из-за тлетворного влияния скандинавов, а были присущи той стадии общественного развития, на которой находились славяне в 1 тыс. н. э. и которую Энгельс вовсе не случайно именовал «варварством». Для нее войны и разбойничьи набеги были неотъемлемой частью⁹, и дело здесь не в том, идет ли речь о скандинавах, славянах, тюрках или иных народах.

Источники об Олеге и его времени можно разделить на две группы: древнерусские и иностранные. Первые — это летописи. Вторые — документы, происходящие из Византии, мусульманских стран, Хазарии.

В древних русских летописях сохранены два варианта рассказа о деятельности Олега: один в Повести временных лет (ПВЛ), второй — в Новгородской летописи младшего извода (к сожалению, начало летописи старшего извода не уцелело). Первый из этих рассказов, явно киевского происхождения, вошел, иногда с небольшими изменениями, во все последующие летописи вплоть до XVI—XVII веков. Встает вопрос о двух наиболее ранних источниках летописания на Руси: киевском и новгородском. Возможно, они возникли приблизительно в одно и то же время, хотя на сей счет мнения исследователей неодинаковы.

Весьма существенны различия в изложении ранней истории славян и Руси в киевской и новгородской летописях. При этом во второй обнаруживается ряд деталей, отличных от киевского варианта, в их числе и дата смерти Олега. В то же время в новгородскую летопись не вошли тексты договоров Олега с Византией, включенные в ПВЛ. Очевидно, они хранились именно в столичных киевских архивах. Вопрос об источниках обоих летописных рассказов сложен и запутан. Кроме упомянутых договоров, источниками для летописцев XI — начала XII в. были народные предания, возможно даже, что именно на них во многом основано повествование не только о деятельности Олега, но и вообще о событиях русской истории до конца X столетия.

Как ни странно, византийские известия о Руси времени Олега крайне скудны. По сути дела, с полной достоверностью к ним можно отнести лишь одно место из хроники так называемого Продолжателя Феофана¹⁰, хотя не исключено, что именно с походами Олега связаны упоминания о русских судах в некоторых документах времени Льва VI (886—921 гг.)¹¹. В мусульманских (арабских и персидских) источниках имя Олега не упоминается, хотя имя одного из славянских князей у ал-Масуди можно по некоторым рукописям воспроизвести как искаженное «Олег»¹². У авторов X—XV вв. есть рассказы о походах Руси на Каспий именно в период правления Олега. По этим сюжетам существует немалая литература, но спорные вопросы, в том числе и по хронологии событий, остаются¹³.

Наконец, загадочный рассказ так называемого Кембриджского документа. Найденный в архиве кайрской Генизы¹⁴, он впервые был издан С. Шехтером в 1912 году. В последующем документ изучался, переводился и комментировался

П. К. Коковцовым¹⁵ и недавно Н. Голбом и О. Прицаком¹⁶. Документ сохранился не в полном виде, содержание его довольно сложное, хотя главное место там занимает рассказ об обращении хазар в иудаизм. Вместе с тем в Кембриджском документе имеется и ряд интереснейших деталей, в том числе и рассказ о русском князе Хлгу, который во времена Романа Лакапина (919—944 гг.) воевал с хазарами. Рассказ не имеет параллелей в других источниках, а его точная привязка к упомянутому византийскому императору вызывает затруднения дополнительного свойства.

И еще один вопрос — хронология событий времени Олега. Он относится преимущественно к хронологии русских летописей, хотя вопросы датировки событий в арабско-персидской и хазаро-еврейской литературах также не во всем ясны.

Что касается русских летописей, то речь идет не о сложности летописной хронологии вообще, связанной с возможным использованием разных дат сотворения мира¹⁷. Этот вопрос изучен Н. Г. Бережковым¹⁸. Важнее указать на общую ненадежность летописной хронологии практически до времен Владимира и даже отчасти первых лет его правления. На это неоднократно обращали внимание исследователи¹⁹, однако из-за ограниченности параллельных материалов серьезных попыток исправить летописную хронологию, по сути дела, не было.

У нас есть ряд отправных дат, по которым в общих чертах, а кое-где и более конкретно, можно уточнить датировку важнейших событий древнерусской истории. Это прежде всего сообщение о посольстве 839 г. в Бертинских анналах, о вытеснении венгров из причерноморских степей у Регинона и некоторые другие. Сопоставление точно известных дат с хронологией летописи и приводит к выводу о неточности последней. Например, поход Руси в 60-х годах IX в., по византийским данным, имел место в 860 г., а по летописи, это случилось в 866 году. Венгры проходили мимо Киева, по ПВЛ, в 898 году. Однако если здесь речь идет об изгнании венгров печенегами, то это событие произошло на 9 лет раньше (данные Регинона). Печенеги упоминаются в летописи под 915 г., причем отмечается, что в этом году они впервые пришли на Русскую землю²⁰. Данная летописная статья скорее всего должна пониматься буквально, то есть в ней речь идет именно о первом столкновении Руси с печенегами, а до этого отношения между ними были скорее всего дружественными. Таких примеров можно привести больше.

Еще серьезнее хронологические расхождения между киевской и новгородскими летописями, из которых для нас наиболее важна дата смерти Олега (по Новгородской летописи — 922 г.). Разобраться во всем этом трудно и порой просто невозможно.

Попытаемся воссоздать картину политических объединений Восточной Европы IX века:

В ту пору наиболее сильным государством региона была Хазария, хотя после поражения в арабо-хазарской войне 737 г. эта держава постепенно стала клониться к упадку. Тем не менее гегемония каганата сохранялась и распространялась на значительную часть восточнославянских земель. О последних известия для VIII—IX вв. весьма скудны. Шел процесс распространения славянского этноса на восток от Днепра до Северского Донца и Дона. Еще дореволюционные историки усматривали здесь благотворное влияние хазар²¹. Во всяком случае, упоминание славян где-то в Подонье в связи с событиями 737 г. — свидетельство зависимости части славян от Хазарии.

Более подробны, хотя и не всегда ясны известия русских летописей. Из них видно, что от хазар какое-то время зависели поляне, северяне, радимичи и вятичи. Три последних «племена»²² долго подчинялись хазарам, относительно же полян много неясного. В ПВЛ имеются два варианта о поляно-хазарских отношениях. Один «патриотический» — это легенда о мече, который якобы прислали поляне хазарам в ответ на требование подчиниться. Увидев это обоюдоострое оружие, хазары будто бы сказали, что меч оружие более эффективное, нежели сабля, и отступились от полян²³. Однако из других разделов летописи видно, что поляне какое-то время зависели от хазар, и от этого их избавили пришедшие с севера бояре новгородского правителя Рюрика — Аскольд и Дир. Точной даты летопись не

называет, но рассказ помещен под 862 г. в связи с повествованием о призвании трех братьев-варягов новгородцами²⁴. Вокруг этих пассажей шли и идут нескончаемые споры. Отрицать некое реальное зерно в рассказе о призвании оснований нет, особенно если рассматривать этот рассказ в связи с реальной ситуацией в IX в. в Восточной Европе.

Итак, значительная часть восточных славян, включая и полян, была подчинена хазарам. Зависимость от последних была отнюдь не номинальной: каганат умел собирать дань и деньгами (шелагами, то есть дирхемами) и пушниной. Более того, из летописи видно, что такая дань была хорошо отрегулирована — например, с вятичей брали по шелагу с рала, то есть с сохи. Несомненно, хазары переняли и успешно внедрили в своей державе многовековой опыт сбора налогов в странах Передней и Средней Азии.

Подчинив своему контролю полян, радимичей, северян и вятичей, хазары тем самым держали в своих руках большую часть торгового пути из Европы на Восток. Однако самая северная оконечность этого пути — земли словен ильменских и кривичей — хазарам подвластны не были. Вместе с тем, закрепившись в указанных восточнославянских областях и в Волжской Булгарии, хазары могли претендовать и на более северные области. Если учитывать это обстоятельство, то нет ничего удивительного в том, что словене и некоторые финские племена севера пригласили каких-то варяжских конунгов с их дружинами. Таким образом, в предании о Рюрике и братьях гораздо больше реального, чем в сказании о Кие и его братьях. Одним словом, общая канва событий в Восточной Европе, отраженная в ПВЛ и Новгородской летописи, сомнений не вызывает. Иное дело хронология и конкретика этих событий.

Время викингов в Европе — действительно эпохальное явление, затронувшее почти весь континент и не только его (вспомним, что именно скандинавы открыли для Европы Америку). Эту эпоху следует приурочить к концу VIII—XI вв., разумея под первой датой приблизительное начало походов скандинавов в страны Западной Европы, а под конечной — создание норманнского королевства в Сицилии.

В целом эпоха викингов изучена в настоящее время неплохо, но, к сожалению, из-за состояния источников это больше относится к деятельности скандинавов на западе, тогда как их активность на востоке, в пределах Прибалтики и особенно будущей России, известна гораздо хуже. Но имеются основания утверждать, что и походы скандинавов на восток начались приблизительно в то же время, что и на запад, разница может быть в два — три десятка лет, то есть о начале движения викингов в Восточную Европу можно говорить где-то в конце VIII века²⁵. Однако, поскольку с востоком имели дело в основном шведы, их деятельность в нашем главном источнике — сагах — отражена слабо, так как скандинавские саги все западного происхождения.

Другая общая черта — синтез общественного строя скандинавов и местного населения стран, куда они приходили во время своих походов. Норманны находились на стадии военной демократии, тогда как в Западной Европе существовали более развитые формы общественной и политической жизни. А вот народы и племена Восточной Европы находились на той же стадии общественного развития, что и их северные соседи. Правда, часть славян пережила к тому времени свою «эпоху викингов», которая должна датироваться VI—VII веками. Но это вряд ли относится к большей части восточных славян, так как последние явились продуктом слияния праславян, двигавшихся в указанные столетия на восток с более старым местным населением (иранцами, балтами и т. д.). Да и о восточном славянстве можно говорить, как это ныне принято, не ранее VIII века²⁶. Поэтому правильнее утверждать, что славяне и скандинавы находились в VIII—IX вв. приблизительно на одном уровне социального развития. В этих условиях норманны, разумеется, не могли принести славянам ни более высокой культуры, ни государственности. Зато одностадийность развития способствовала более легкому общественному синтезу пришельцев и аборигенов (славян и финно-угров).

Главной же особенностью Восточной Европы той поры являлась зависимость значительной ее части от такого сильного государства, как Хазария, и угроза

подчинения этой державе также и северославянских и финских земель, находившихся на торговом пути с Востока в Прибалтику и вообще в Западную Европу. Именно это и побуждало общины Восточной Европы пригласить на условиях договора (русское — ряд, византийское — пакт) предводителей варяжских дружин, типа Рюрика, Аскольда, Дира и др.

Здесь уместно коснуться одной воистину «проклятой» для нашей истории проблемы — борьбы так называемых норманистов и антинорманистов. Если внимательно проследить споры этих двух течений, то легко увидеть, что главными вопросами для них были те, которые поднимал еще древний летописец начала XII в.: происхождение термина «Русь» и династии киевских князей. С точки зрения современной науки, оба вопроса второстепенны. Тем не менее вокруг них сломано немало копий.

Думается, что в оценке дореволюционных норманизма и антинорманизма прав М. А. Алпатов, когда писал: «Борьба норманистов и антинорманистов в XIX в. была борьбой двух русских монархических концепций»²⁷. Нельзя, однако, не отметить, что с точки зрения оценки двух отмеченных выше спорных вопросов норманистами являлись все видные русские историки (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др.), а их оппонентами были, как правило, посредственности типа Д. И. Иловайского. К антинорманистам относилось и большинство украинских историков.

В 20—30-е годы вопросы норманизма и антинорманизма уже не играли большой роли, хотя в ранней советской историографии существовали представители обоих направлений. В то же время осмысление сущности государства как общественного института, возникшего на определенной стадии развития, делало вопрос о происхождении династии второстепенным, каким он, кстати, давно является для европейской исторической науки. Иначе, например, английские историки должны были бы ломать копья из-за принадлежности своих правящих династий, чего они не делают, хотя с 1066 г. в Англии не было ни одного английского по происхождению правящего дома. Уже из этого следует, что борьба вокруг такого сюжета ничего общего с патриотизмом не имеет и является не более как реликтом средневековья. Тем не менее уже с 40-х годов и особенно в период «борьбы с космополитизмом» в нашей исторической науке взяли верх именно «патриоты» такого толка. Но на позицию антинорманизма волей-неволей встали почти все советские историки; многие потому, что приклеиваемый в противном случае ярлык «норманиста» делал человека чуть ли не врагом народа.

Мне кажется, однако, что вся шумиха, поднятая в нашей историографии 40-х — первой половины 80-х годов вокруг данных сюжетов, не заслуживает серьезного внимания, ибо она была лишь ширмой для выдвижения отдельных персоналий на научном поприще. По сути дела, настоящих норманистов, то есть тех, кто утверждал неспособность славян самим создать свое государство, давно нет. Поэтому странно читать заявление Рыбакова, будто бы видный датский ученый А. Стендер-Петерсен (1893—1963 гг.), сетуя на крах старого норманизма, задался целью создать некий неонорманизм²⁸. На самом деле, этот ученый (кстати, русский по матери), прекрасный знаток наших древностей, был не более норманистом, чем, например, Ключевский. Он действительно считал, что термин «Русь» северного происхождения, как и династия киевских Рюриковичей. Но к этому выводу теперь, после того, как кличка «норманист» перестала быть синонимом чего-то антипатриотического, постепенно склоняется все большее число наших историков²⁹. Что же касается Стендер-Петерсена, то он на самом деле писал о существовании у нас неонорманизма³⁰. Думается, разница здесь есть.

Попытаемся посмотреть на легенду о Рюrike и его братьях с точки зрения исторических реалий той эпохи. Древний наш летописец утверждает, что три брата варяга, призванные словенами и финскими племенами севера, утвердились: Рюрик в Новгороде, Синеус на Белоозере, а Трувор в Изборске³¹. Локализация любопытна, но не бесспорна, хотя бы потому, что Новгорода в IX в. еще не было, но, по видимому, существовало поселение на его месте или рядом с ним³². Это, очевидно, город Слав восточных источников³³. Важнее, однако, другое. Упоминание Бело-

озера свидетельствует о том, что пришлый скандинавский конунг обязался охранять верховья Волги и выходы к Белому морю. Изборск же доказывает, что ту же цель Трувор ставил еще на одном подступе к Балтике.

Из летописи видно, что приход братьев был отнюдь не первым появлением варяжских дружин на славянском севере. Упоминание об этом помещено под 862 г., когда прибыли три брата. Единственная предшествующая дата — воцарение в Византии Михаила III (852 г.)³⁴ — неверна, так как этот император занял престол в 842 году. Поэтом можно предположить, учитывая неточность или просто систематическую ошибочность летописной хронологии IX в., что хронист на основании преданий и отчасти византийских источников знал о ранних приходах варягов в славянские земли, но точно датировать их не мог. Вероятно, по этой же причине он сделал соправителями варягов Аскольда и Дира, хотя на деле, как это давно предположено³⁵, они скорее жили в разное время. Принимая во внимание все это, следует и появление Рюрика с братьями датировать приблизительно серединой IX в. или даже более ранним временем.

В то же время из иностранных источников мы узнаем о появлении русов (а это и были первоначально скандинавы) на славянском юге также в 30-х годах IX века. Здесь приходится опираться на знаменитое известие Бертинских анналов, сопоставимое с восточными сведениями о хакане русов и некоторыми данными Константина Багрянородного и других византийских источников. Бертинские анналы представляют официальную летопись сначала единого императора франков Людовика Благочестивого, а затем его сына Карла Лысого, короля западных франков (Франция). Часть, нас интересующая, написана Пруденцием, современником тех событий.

Рассказывая о посольстве византийского императора Феофила ко двору Людовика Благочестивого в 839 г., Пруденций отмечает: «Он также послал с ними (византийскими посланцами. — А. Н.) неких [людей], которые утверждали, что они являются народом, именуемым Рос, чей король, называемый³⁶ хаканус, послал их к нему [Феофилу], как они утверждают, дружбы ради... И он [Феофил] просил в упомянутом письме, чтобы они, если возможно по милости императора (Людовика. — А. Н.) получили разрешение и помощь безопасно возвратиться [на родину] через его империю, потому что путь, по которому они пришли в Константинополь, проходил среди варварских, отличающихся жестокостью и беспримерной дикостью племен, и он не хотел бы, чтобы они, возвращаясь тем путем, подвергли себя возможным опасностям. [Однако] расследуя более тщательно причину их прибытия, император выяснил, что они из народа свеонов и скорее являются лазутчиками в той стране [Византии] и в нашей [Франкском государстве], нежели искателями дружбы»³⁷.

Что послы хакана росов оказались шведами, нет никаких сомнений, ибо набеги норманнов на владение франков в первой половине IX в. сделали скандинавов хорошо известными в центральной и западной Европе. Следовательно, первое датированное известие о Руси отождествляет ее с норманнами. Главное для нас однако не признание этого факта. Гораздо важнее выяснить, откуда прибыли русы-шведы в Ингельгейм и почему они не могли вернуться на родину прежним путем? Ясно, что они приехали не из Швеции и вообще не из районов Северной Европы. Чтобы как-то разобраться в этом вопросе, необходимо привлечь некоторые византийские и восточные свидетельства.

Из первых непосредственных отношений к данным событиям имеет сообщение Константина Багрянородного и некоторых поздних хронистов о построении греками по просьбе хазар крепости Саркел (Белая Вежа) на Дону. Константин рассказывает, что с просьбой о постройке Саркела к Феофилу обратились хакан и пех Хазарии³⁸. Император послал спафарокандидата Петруну, и тот крепость построил. Сравнение источников дает основание утверждать, что это имело место где-то в 30-х годах IX века. Что же случилось в это время, если византийско-хазарские отношения, расстроившиеся еще во второй половине VIII в.³⁹, вновь не только укрепились, но и стали более тесными и дружественными?

Зная время прибытия русских послов в Ингельгейм и данные о построении Саркела византийцами, можно прийти к определенным выводам: прежде всего о

появлении именно в 30-х годах IX в. на западных границах Хазарии какого-то нового сильного и опасного противника. Им не являлись венгры, поскольку они были союзниками хазар и с их благословения, теснимые своими восточными недругами печенегами, перешли Волгу и временно обосновались в области Леведия (между Доном и Днепром), тем самым став западным оплотом Хазарии. И опять-таки эта акция была вызвана возникшей где-то на западе новой политической силой. Раскопки Саркела, произведенные в свое время М. И. Артамоновым (ныне развалины этой крепости находятся на дне Цимлянского моря), доказали, что эта крепость тоже была воздвигнута против какого-то врага с запада⁴⁰.

Сопоставляя эти данные с рассказом Бертинских анналов, можно заключить, что где-то на западных рубежах Хазарии в 30-х годах оформилось угрожавшее каганату политическое объединение во главе с русами, правитель которого, вступая в борьбу с хазарами, решил принять высший титул в тогдашней Восточной Европе — хакана⁴¹. Учитывая также известия древних русских летописей и принимая во внимание неточность их хронологии, можно заключить, что именно в 30-е годы и произошло утверждение Диры и Аскольда на земле полян в Киеве. Возникло еще одно русское княжество на просторах Восточной Европы. В том, что оно было не единственным, убеждает не только русская летопись, но и данные восточных источников. Они крайне сложны и трудно датируемы.

Самое раннее известие (Ибн Хордадбега) лишь упоминает о русских купцах, приезжавших из отдаленных частей земли славян. У другого географа — Ибн ал-Факиха, писавшего в самом начале X в., купцы названы просто славянскими⁴². В этом нет ничего удивительного, так как означенные торговцы отправлялись из славянских земель и в их числе были люди разных национальностей. Кроме того, имеется рассказ группы арабских источников, восходящий к IX в. (самая ранняя редакция у автора первых лет X в. Ибн Руста), об «острове русов» и хакане русов.

Дискуссия об этом острове имеет давнюю историю. Вроде бы наиболее логично видеть в нем именно северную Русь⁴³. Но не исключено, что здесь смешаны оба тогдашних центра русов — южный и северный — и речь идет о времени, когда варяги (то, что они варяги, видно из имен⁴⁴) Аскольд и Дир не порвали с севером. Можно предположить, что, по крайней мере, один из них отправился на юг до Рюрика, а уже позднейший летописец приурочил его (он имел на сей счет лишь какие-то предания) ко времени Рюрика. Ведь та же летопись отмечает, что варяги правили в Новгороде и до Рюрика, но были изгнаны⁴⁵. Словом, здесь обширный материал для размышлений. Однако искать «остров русов» в Тмутаракани или в устье Дуная никаких оснований нет.

В связи с этим следует обратить внимание на некоторые пассажи древних русских летописей. С одной стороны, в них начало земли русской связывается с Киевом⁴⁶, а с другой — столь же четко происхождение названия «Русь» увязано с севером⁴⁷. В ПВЛ хронология событий начинается с утверждения на византийском престоле Михаила III, в Новгородской же летописи о Михаиле сказано вскользь после киевской легенды о Кие и братьях. Надо не исправлять летопись, а просто попытаться взглянуть на прошлое глазами летописца XI — начала XII века. Центром державы был Киев, и, естественно, начало державе χρονист должен был искать именно в киевской истории, зная в то же время, что название «Русь» и династия, правившая в Киеве, были северного происхождения.

Привлекая восточные материалы, можно расширить географический диапазон Руси. Речь идет о знаменитом рассказе о трех «видах» русов. Арабские географы первой половины X в., использовавшие данные IX в., называли три таких «вида» (синфа, персидское горух) русов: Куяву, Славу и Арсу. Под первыми из них подавляющее большинство исследователей видят Киев либо центр на месте (или рядом) с будущим Новгородом. Под Арсой, мне кажется, надо усматривать именно Ростов — Белоозеро, поскольку это согласуется с рассказом русской летописи о Рюрике и его братьях. Попытки усмотреть в Славе Переяславль, а в Арсе Родню⁴⁸ несостоятельны уже потому, что в IX в. этих городов просто не существовало⁴⁹.

Итак, в IX в., по-видимому, сложилось несколько русских (с точки зрения правящей династии и ее ближайшего окружения — дружины) центров: Киев, земля

словен ильменских и соседних финнов, Ростов — Белоозеро и, возможно, Полоцк⁵⁰. Наиболее важными из них были Киев и земля словен ильменских. Последняя была сильна именно своими связями со Скандинавией, откуда постоянно получала военную помощь. Известно, что князья, правившие в Новгороде, пользовались такой помощью и позже (примеры — Владимир и Ярослав Мудрый). С другой стороны, южная Русь, как мы ее можем называть, а точнее земля полян, имела свои преимущества. И они заключались вовсе не в производстве зерна и торговле этим продуктом, как иногда полагают. У нас просто нет данных о широком экспорте зерна да еще из в общем-то не очень благоприятной для его производства, географически небольшой Полянской земли в IX веке.

Когда об этом пишут, то опираются на известия более древних времен (скифское или черняховское), но и тогда речь должна идти не о районе Полянской земли, а о более южных или юго-западных местностях. В IX в. параллельно с построением Саркела сюда были двинуты хазарами мажарские племена, обосновавшиеся лет на 50 в области Ателькюза (древневенгерское Междуречье) — между Днестром и Днепром. Очевидно, именно занятие этой области венграми стало причиной того, что русское посольство в Константинополь не могло вернуться обратно через эти районы и вынуждено было отправиться в пределы Франкского государства, чтобы затем добраться до своей земли через области своих сородичей-скандинавов.

Итак, главным врагом утвердившихся в Киеве скандинавских князей были хазары. Дир или Аскольд освободились от хазарской зависимости и, очевидно, пытались использовать существовавшие уже со второй половины VIII в. плохие византийско-хазарские отношения, направив посольство в Константинополь. Однако, если принимать на веру известия житий Стефана Сурожского и других о походах русов на византийские владения в начале IX в. (?), то в Византии должны были опасаться новой политической силы. Эти опасения в конечном счете перевесили, и греки построили хазарам Саркел.

Очевидно, это привело к обострению византийско-киевских отношений. К сожалению, фактов об этом нет, и в нашем распоряжении есть лишь известие о походе 860 г. на Константинополь, которое летопись связывает с Аскольдом и Диром. В то же время некоторые данные поздних хроник говорят о том, что киевские князья развернули борьбу не только с хазарами, но и за присоединение других восточнославянских земель⁵¹. Одновременно они, кажется, воевали и с союзниками хазар венграми. О таких войнах говорится и в арабских источниках и поздней венгерской летописи, основанной на преданиях.

Престиж южнорусского объединения был очевидно велик, если согласиться с тем, что именно к Киеву относится упоминание ал-Йакуби о посольстве санарийцев к сахиб ас-сакалиба в начале 50-х годов IX века⁵². В то же время В. Н. Татищев пишет о возникшем конфликте между южными русскими князьями и северными (упоминание о бегстве мужей от Рюрика на юг⁵³). Это было уже не на пользу южным князьям, для которых север и в ту пору и много позже служил как бы источником дополнительной военной силы.

Возможно, именно с таким конфликтом связано принятие какой-то частью русов христианства из Византии вскоре после похода 860 года. Об этом упоминает патриарх Фотий⁵⁴ и ему следует доверять, чего нельзя сказать о более поздних источниках, вроде тенденциозной биографии Василия I Македонянина. Южные князья из-за назревавшего конфликта с севером могли пойти на еще одну попытку установить союз с Византией — ценой принятия христианства. Но это вряд ли могло быть в ту пору поддержано княжеской дружиной, в которой преобладали скандинавы, да и местной языческой киевской знатью — другой опорой полянорусских князей.

Экономическая ситуация IX в., когда начал формироваться «путь из варяг в греки», требовала объединения всех территорий вдоль него. Возникает вопрос о причинах возникновения этого пути. Думается, это объясняется двумя обстоятельствами: господством Хазарии на более старом пути (по Волге к Балтике) и начавшимся экономическим и политическим подъемом Византии при Македонской династии. Объединение было выгодно и для восточнославянских земель.

Чтобы разобраться в этом, необходимо коснуться специфики экономики докапиталистических обществ, которая коренным образом отличается от хозяйства нового и новейшего времени. Для докапиталистических формаций характерно лишь начальное отделение ремесла и торговли от сельской экономики. Это отделение уже само по себе — важнейший переворот в истории человечества и олицетворяется оно в городах как символах новых социально-экономических отношений. Но были ли у восточных славян в IX в. города? Судя по этимологии этого слова (собственно «огороженное место»), несомненно, были. Однако в социально-экономическом плане, как показывают новейшие исследования, о городах до X в. на Руси говорить трудно⁵⁵.

То, что именовалось городом, было резиденцией правителей и их дружин или просто купеческими факториями на больших торговых путях. Пример последних — Гнездово около Смоленска или Сарское городище возле Ростова. Иногда (как в случае с Киевом) оба эти момента совпадали, и возникал настоящий город в социальном смысле. А вот Гнездово и Сарское городище были покинуты после того, как исчерпали свои функции, которые перешли к настоящим городам (Смоленску и т. п.). Кстати, именно город явился основой формирования территориального деления взамен племенного.

А раз у восточных славян в IX в. отделения города от села еще не произошло, вряд ли можно говорить о существовании у них в ту пору классового общества и государства в подлинном смысле этого слова. Можно говорить о предпосылках государства, результатом чего и были те политические формирования, о которых упоминается в ПВЛ. Летописец называет области, в которых были свои княжения. Это поляне, словене ильменские, древляне, дреговичи, полочане. Нет княжений у северян, радимичей и вятичей, зависимых от хазар. Отсутствуют таковые и у западных «племен» (вольбян, хорватов и др.), очевидно, в силу зависимости их от западнославянских политических объединений (Великой Моравии, позже Чехии и Польши).

Но следует отметить и еще одну форму разделения труда, присущую раннеклассовым и даже, кажется, доклассовым обществам. Ее правильнее назвать географической, и она была полностью обусловлена спецификой производства той или иной страны или региона⁵⁶. Например, еще в глубокой древности, когда возникло производство бронзы, олово для этого поставлялось из очень немногих, порою отдаленных регионов земли, где оно имелось (месторождения олова крайне ограничены); или лазурит и бирюза, которые привозились с территории современного Афганистана в древние Шумер и Элам, и т. д.

С этой точки зрения Восточная Европа, в том числе и славяне, уже в VIII—IX вв. специализировались на конкретной, весьма специфической группе товаров (пушнина, рыба, воск, мед и др.), которые были очень ходовыми в наиболее развитых обществах той эпохи (Халифате, Византии). Чтобы собрать эти товары, нужна была определенная «организация труда», осуществляемая через местных правителей и их дружины. Собрать эти товары было, может быть, и просто, а вот отвезти и реализовать их на рынках Востока или Византии было гораздо сложнее, учитывая конкуренцию хазар и северопричерноморских кочевников (начала венгров, а потом печенегов). Этот фактор сыграл в объединении восточнославянских (и иных) земель Восточной Европы куда большую роль, нежели развитие зернового хозяйства или только возникающего городского ремесла.

Зачинщиками объединения прежде всего земель вдоль важнейших транзитных торговых путей (а из них во второй половине IX в. все более возрастала роль «пути из варяг в греки»), стали два важнейших восточнославянских центра — полянский (киевский) и северный (Слава — Новгород). Из них более сильным оказался в ту пору второй. Реальное же осуществление такого объединения выпало на долю Олега. То, что он был скандинав, доказывается и его именем и сведениями летописи. Правда, последняя дает уже славянизированную форму скандинавского имени Хелгу (Святой), но оригинальная форма этого имени сохранилась в Кембриджском документе⁵⁷. Женским эквивалентом этого же имени было скандинавское Хелга, славянизированная форма — Ольга. И здесь любопытно, что Константин Багрянородный дает опять-таки изначальную форму этого имени — Хельга⁵⁸.

Однако летописец XI — начала XII в., имея в своем распоряжении тексты (в древнерусском переводе?) договоров Олега с греками, в остальном зависел от преданий, сохранявшихся, очевидно, среди древнерусской знати, особенно потомков варягов, пришедших некогда с Олегом в Киев. Из таковых наиболее известно потомство Свенельда, сподвижника следующего после Олега киевского князя Игоря, а затем воеводы и советника Святослава. Были, по-видимому, и другие знатные фамилии, генетически связанные с соратниками Олега. Но предания — есть предания, были их разные варианты. Потому и в летописях Олег то называется князем⁵⁹, то выдается за воеводу, опекуна малолетнего Игоря⁶⁰. Здесь с летописной хронологией опять не все в порядке. ПВЛ называет 879 год как дату смерти Рюрика и утверждения Олега⁶¹. Сын Рюрика Игорь называется малолетним, следовательно, он должен был родиться до 879 года⁶². Погиб Игорь по той же летописи в 945 г., оставив опять-таки малолетнего сына Святослава.

Описание Святослава Львом Диаконом, а также наличие у этого князя накануне смерти трех взрослых сыновей противоречат этим данным. Так что, очевидно, ближе к истине сведения Татищева, согласно которым Святослав родился в 920 году⁶³. Но это могло случиться и раньше, поскольку почти все летописные варианты отмечают 903 год как год возмужания Игоря и женитьбы его на Ольге. Сопоставляя это с недочетами летописной хронологии для IX в., следует признать, что Олег стал правителем не в 879 г., а раньше, когда — сказать трудно. Летопись (ПВЛ) также сообщает, что Олег был родственником Рюрика и Игоря, не уточняя в каком свойстве⁶⁴.

Любопытно, что в ПВЛ Олег — князь, а Игорь даже после своего возмужания (в 908 г.) «хожаша по Олзе и слушааша»⁶⁵, тогда как по Новгородской летописи он — воевода Игоря. Убийство Аскольда и Дира ПВЛ целиком связывает с Олегом, так как Игорь был мал и лежал в ладье, откуда его извлекли, дабы показать незаконным киевским правителям истинного князя. А Новгородская летопись и здесь на первое место ставит Игоря, который и обращается к киевским правителям со словами, что они не княжеского рода, а истинный князь он, Игорь⁶⁶.

Перед нами два варианта предания: одно — киевское (в ПВЛ), другое — новгородское. Но почему же именно последнее всячески старается показать активную роль Игоря в событиях, связанных с убийством Аскольда и Дира? Думается, это связано с тем, что новгородский летописец в силу каких-то причин хотел более явно подчеркнуть роль Игоря, предка всех русских князей XI—XII вв., тогда как Олег, хотя и был из того же рода, но предком правящей династии не являлся. Киевский же летописец излагал версию, почерпнутую из преданий в семьях каких-то сподвижников Олега, и потому более рельефно обрисовывал его роль. К тому же киевский летописец не только знал, но и привел тексты договоров с Византией, в которых Олег назван великим князем русским⁶⁷. Очевидно, более правильной была киевская версия, и Олег до своей смерти был великим князем, а Игорь после своего возмужания мог быть его соправителем.

Итак, есть все основания считать, что правителем северных русских областей был в 70-х годах IX в. именно Олег, и он же стал инициатором войны с югом, которая датируется летописью 882 г., но на самом деле могла иметь место и раньше. Для этой войны Олег собрал, согласно летописи, много варягов, чуди, словен, мерю и всех кривичей⁶⁸. Последнее особенно любопытно, так как позволяет утверждать, что огромное «племя» кривичей, обитавшее в восточной части нынешней Белоруссии, Смоленской области и некоторых других районах, было уже подвластно Олегу, то есть ему подчинялся весь север. Правда, затем отмечается захват Смоленска, центра восточных кривичей, что может быть свидетельством того, что этот пункт прежде был подчинен киевским князьям. Летопись, упоминая всех кривичей, тем не менее молчит о Полоцке, центре западных кривичей.

Полоцк упоминается ПВЛ в числе славянских земель, имевших свое княжение, из чего можно сделать вывод о периодической самостоятельности Полоцкой земли в IX и X вв. до времени Владимира. К тому же летописец порой пишет о всех кривичах, а иногда отдельно выделяет полочан. Поэтому упоминание кривичей в

составе ополчений Олега и Игоря во время походов на Византию может относиться и ко всем кривичам и только к их восточной части. К тому же Полоцк, строго говоря, лежал в стороне от «пути из варяг в греки», а Олег прежде всего ставил цель подчинить области по этой важнейшей магистрали. Именно поэтому, посадив своего «мужа» как наместника в Смоленске (или Гнездове?), Олег так же поступил с другим важным пунктом на этом пути — Любечем, после чего и направился к Киеву.

Вся канва летописного рассказа свидетельствует о том, что поход проходил по возможности быстро с тем, чтобы Киев был захвачен врасплох. Очевидно, северный князь не хотел сражения, поэтому и прибег к хитрости, заявив, что он и его спутники (большая часть которых либо спряталась в ладьях, либо отстала от передового отряда) едут в Константинополь. В этом рассказе многое трудно объяснить. В Киеве не могли не знать о том, что произошло с более северными градами (Смоленском и Любечем), но в то же время, учитывая силу северян, также не хотели военного столкновения, а потому и сделали вид, что верят в версию о движении Олега («в греки»). По всей видимости, киевские князья просто согласились на переговоры, во время которых они (или один князь?) и были убиты. Память об Аскольде и Дире сохранилась в Киеве и в XI—XII вв., тогда еще знали места их захоронения.

Здесь коснемся еще раз вопроса, являлись ли Аскольд и Дир современниками. Летопись упорно их делает таковыми. Если так, то у них были и предшественники (или предшественник) в 30-х годах IX века. Но очень резонны сомнения многих ученых в подлинности этого рассказа летописи. К сожалению, мы можем здесь привлечь лишь одно крайне сложное известие, содержащееся в труде арабского энциклопедиста ал-Масуди в рассказе о славянах и их племенах. Этот рассказ сложен по своему составу. Именно там содержится известие о «валинана» и их царе Маджаке. Прежде в нем видели правителя какого-то древнего объединения славян в Прикарпатье⁶⁹. Затем стали относить это сообщение к поморским славянам и городу Волину. Я прежде склонен был согласиться с последним, но ныне думаю, что оно весьма сомнительно по той причине, что в IX в. Волина еще просто не существовало.

Между тем ал-Масуди сведения о славянах черпал в основном из несохранившегося до наших дней труда ал-Джарми. Об этом авторе известно, что он находился в византийском плену и был освобожден в сентябре 845 г., после чего написал специальный труд о Византии⁷⁰ и ее соседях. Трудность состоит в том, что ал-Масуди наряду с трудом ал-Джарми использовал и другие материалы, которые вычленил практически невозможно. Известен и другой арабский автор, побывавший в византийском плену уже около 900 г. — Харун ибн Йахья⁷¹. Ал-Масуди мог использовать и его материалы. Поэтому можно предположить, что сведения арабского энциклопедиста восходят именно к этим источникам и должны датироваться IX веком. Это очень важное обстоятельство, поскольку иные источники о славянах (через посредство Византии) у арабов первой половины X в. нам не известны.

Обратимся к рассказу ал-Масуди. Как уже сказано, он весьма сложен по составу. Тем не менее, мне кажется, в нем кроме рассказа о Валинана и Маджаке можно выделить два основных сюжета. Во-первых, данные относящиеся частично к западным славянам, частично к германцам, которых арабский ученый причислил к славянам (намчин, саксин и др.)⁷². Во-вторых, сведения о двух славянских царях, которые были современны источникам ал-Масуди. Имя первого из них (скорее всего в смысле близости к источнику информации, то есть Византии) читается как ал-Дир; «ал» здесь арабский определенный артикль, и вполне возможно, как это давно сделано, видеть в этом царе и нашего летописного Дира. Речь здесь идет не о западных славянах, это доказывается тем, что в столицу его с различными товарами приезжают мусульманские купцы.

Но следует обратить внимание на другого упомянутого ал-Масуди, славянского царя. Имя его в рукописях искажено, но по одному из вариантов может быть прочтено как ал-Олванг, что очень напоминает имя Олег. Это, конечно, гипотеза, но, думается, и она имеет право на существование. Любопытно, что об этом царе пишет ал-Масуди: «Вслед за ним (Диром. — А. Н.) следует царь ал-Олванг, у кото-

рого много владений, обширные строения, большое войско и обильное военное снаряжение. Он воюет с Румом, франками, лангобардами и другими народами. Войны между ними ведутся с переменным успехом. За этим царем следует из стран славян царь турок, а это вид славян наиболее красивый, наибольший числом и силой»⁷³. Под турками (ср. данные Константина Багрянородного), очевидно, надо понимать венгров, которые были восточными и южными соседями восточных славян до прихода печенегов.

Учитывая эти обстоятельства, известие ал-Масуди можно датировать 40—80-ми годами IX в. и высказывать предположение, что здесь речь идет о двух восточнославянских княжествах — южном (Дира) и северном (Олега) накануне их столкновения. Это опять-таки гипотеза, однако при скудости известий о IX в. пренебрегать ею не следует.

Но вернемся к главному источнику — русским летописям. Согласно ПВЛ, Олег, захватив Киев, сделал его столицей («матерью городов Русских»), и на то были веские причины. Если север давал военную силу, столь необходимую ранним русским князьям, то положение Киева на южной оконечности «пути из варяг в греки» да еще рядом с ответвлениями на Волгу и Дон было особенно значимым. Именно это и явилось главной причиной, что Киев стал столицей возникшего тогда Древнерусского или Киевского государства. Ранее о последнем говорить трудно, так как и северное, и южное объединения IX в., равно как и прочие восточнославянские политические образования той поры, могут рассматриваться только как предшественники Древнерусского государства, поскольку последнее и возникло лишь в результате политической деятельности Олега, объединившего прежде всего земли вдоль «пути из варяг в греки», но сразу же (по летописи буквально в последующие годы) принявшегося присоединять и другие восточнославянские территории.

Из них первыми были, по летописи, покорены древляне — западные соседи полян. А затем последовала первая русско-хазарская война. Летопись ее так не называет; в ней просто отмечено, что в 884 и 885 гг. Олег ходил на северян и радимичей, освободил их от власти хазар и наложил на них дань. При этом отмечается, что с северянами Олег воевал, а радимичи вроде бы были подчинены без войны⁷⁴. Трудно предположить, что подчинение северян и радимичей, до того плативших дань хазарам, обошлось без борьбы. Скорее всего столкновение имело место, и в него оказались вовлечены и другие политические силы Восточной Европы и даже Заволжья. На стороне хазар, очевидно, действовали венгры, тогда как союзниками русов стали давние враги хазар и венгров — заволжские печенеги.

Это подтверждается косвенными данными. Рассказ Константина Багрянородного о венграх доказывает верность их хазарам вплоть до поражения в войне с печенегами, которое согласно Рeginону, имело место в 889 году. Летопись датирует подчинение северян и радимичей Киеву 884 и 885 гг., и с этими датами можно согласиться, так как Рeginон отмечает время изгнания венгров печенегами из южных степей и уход их в Паннонию, чему должны были предшествовать годы борьбы. О печенегах наша летопись загадочно молчит и лишь под 915 г. отмечает их первый поход на Русскую землю. Это является свидетельством того, что прежде печенеги не были врагами Руси, а скорее всего являлись союзниками Олега. Это подтверждается и сведениями Ибн Хаукаля, географа, писавшего в 60—70-х годах X в., но обработавшего более ранние труды ал-Балхи и ал-Истахри. Ибн Хаукаль называет печенегов «силой и союзниками русов»⁷⁵, чего не было в X, но вполне относимо к IX веку.

Следовательно, есть основания утверждать, что в результате борьбы двух союзных сил (русы — печенеги, хазары — венгры)⁷⁶ на протяжении 80-х годов IX в. в политической географии Восточной Европы произошли существенные изменения. Оформилось раннее Древнерусское государство, в состав которого вошли восточнославянские и неславянские области вдоль «пути из варяг в греки» и его ответвлений. Венгры были вытеснены на запад, и южные степи заняли печенеги. Произошло дальнейшее ослабление Хазарии.

Надо обратить внимание на очень важное обстоятельство. По летописи, Олег,

утвердившись в Киеве, сначала подчинил древлян. Эта часть восточных славян упорно сопротивлялась Киеву⁷⁷. Известно, что древлян пришлось вторично покорять Игорю⁷⁸, и окончательно они лишились независимости только в результате известных акций княгини Ольги. Летопись упоминает о войнах Олега с уличами и тиверцами, сидевшими по Днестру и южному Бугу. Возможно, эти славяне были союзниками венгров и хазар, а потому унаследовали вражду к пришедшим печенегам. Согласно Новгородской летописи, уличей подчинил Игорь в 40-х годах X в., а воевода Свенельд взял их град Пересечен⁷⁹. В то же время именно печенеги в X в. опустошили земли уличей и тиверцев, в результате чего эти два «племени» сошли с арены истории.

Еще важнее констатировать тот факт, что самые юго-западные славянские «племена» (волянские и белые хорваты) вошли в состав Древнерусского государства очень поздно, лишь при Владимире. Это объяснялось и ролью в этих районах западославянских государств (Чехии и Польши) и, очевидно, сильным сопротивлением Киеву. Уже это противоречит точке зрения, объявляющей украинским Древнерусское государство. Большинство будущих украинских земель (начиная с древлян) подчинялось Киеву медленно и трудно. В то же время будущие великорусские области (Новгород, Смоленск и др.) явились частью Древнерусского государства фактически изначально. Вопрос о формировании древнерусской народности как общего предка великорусской, украинской и белорусской, мне думается, нуждается ныне в новом специальном исследовании. В IX—X вв., как явствует из источников, Русью назывались изначально территории государства, прежде всего Киев и Новгород. Не случайно Константин Багрянородный отмечает (40-е годы X в.) внешнюю Русь (Новгород), и это свидетельство современника⁸⁰ опровергает тех, кто утверждает, будто Новгород в ту пору Русью не назывался.

Посмотрим теперь на державу Олега, ее пределы и структуру. Очевидно, Олегу подчинялись поляне, северяне, радимичи, древляне, восточные кривичи, словене ильменьские и некоторые финские племена. Вероятно, в какую-то зависимость от Киева попали дреговичи, западные кривичи и, возможно, на время уличи и тиверцы. Вятичи пребывали под властью хазар, а юго-западные «племена», вероятно, находились под опекой Чехии или Польши.

Мне уже приходилось писать, что раннее Древнерусское государство представляло собой федерацию княжеств, возглавляемую великим князем киевским или хаканом⁸¹. Отношения между Киевом и другими землями регулировались договорами (русское «ряд», греческое «пакт», отчего Константин Багрянородный именуется большинство славян «пактиотами Киева»). Этими же договорами определялось право великого князя на полюдь — основной источник благосостояния ранних киевских князей и их дружины (руси). Но, очевидно, не все области находились в одинаковом положении. Выделяется Новгород, в котором, как в городе, откуда происходила княжеская династия, сидел, по-видимому, наследник великого князя или его ближайший родственник. Впервые точные указания на сей счет дает опять-таки Константин Багрянородный, отмечающий, что Новгородом правил сын Игоря Святослав⁸².

Видимо, особое положение кроме Киева занимали центр Северной земли Чернигов и Переяславль. Область Переяславля была районом полянской и северянской колонизации. Очевидно, она вошла в состав Руси также в результате войны Олега с хазарами. Упоминание Чернигова и Переяславля в договоре Олега с греками после Киева подчеркивает роль этих городов, хотя и не очень проясняет их статус. Возможно, речь идет о городах, непосредственно подчиненных великому князю, но в таком положении оказывается по тому же документу, например, Полоцк. Кроме того в летописи есть рассказ об основании Переяславля в 992 году⁸³. Археологически город для начала X в., кажется, также не выявлен⁸⁴.

Объединив под своей властью земли вдоль «пути из варяг в греки», Олег вовлекается в сложные отношения с Византией, не оставляя в забвении и более старый торговый путь на Восток через Хазарию. Проблемы русско-византийских и русско-хазарских отношений времени Олега изучены достаточно хорошо, хотя отдельные вопросы имеются. Несомненно, знаменитый поход на Константинополь и последу-

ющие договоры были прямым продолжением политики предшественников Олега в Киеве. Главная их цель — обеспечить выгодные условия торговли или, точнее, сбыта результатов полюдь в столице Византии. Тексты договоров это полностью подтверждают. Однако именно поход Олега и его договоры как следствие этого успешного мероприятия были в истории древней Руси уникальными. Поход 860 г., как известно, закончился гибелью русского флота. Таков же исход и мероприятия 40-х годов в правление Игоря, хотя заключенные тогда договоры были безвыгодны для Руси. А поход Олега был, судя по данным летописи, победоносным. Правда, прямых указаний о нем в других источниках нет. Однако упоминание русов в ряде документов времени Льва VI (886—912), кажется, является прямым следствием русско-византийских отношений того времени.

Сложнее обстоит дело с походом (или походами?) на восток. О них повествуют только восточные авторы. Один из них, прикаспийский историк XIII в. Ибн Исфендийар, рассказывая о походе русов, датированном им 909 г., замечает, что до этого русы появлялись на Каспии прежде, а именно, в правление местного прикаспийского князька Хасана ибн Зайда (864—884)⁸⁵. Однако современник большого похода, вероятно, тождественного описанному Ибн Исфендийаром, ал-Масуди⁸⁶, собиравший свои сведения в Прикаспии, отмечал, что до этого русы в данном районе не появлялись. Исключать какой-то локальный набег в 60—80-х годах IX в. русов на Абесгун полностью, конечно, нельзя, но если он имел место, то происходил еще до Олега.

Уже давно высказана точка зрения, что договоры Олега (а затем Игоря) с Византией преследовали не только коммерческие, но и политические цели, с той лишь разницей, что последние выдвигались по инициативе империи. Византия вела упорную борьбу с Арабским халифатом, исход которой в начале X в. не был еще ясен. Враждая с Багдадом, Константинополь поддерживал тех закавказских правителей, которые пытались освободиться от власти арабов, прежде всего в данное время царя Смбата Армянского. В противовес последнему, Багдад опирался на правителя Азербайджана Абу-л Саджа. И когда император признал царем Армении Смбата Багратуни, Багдад и его вассал предложили царскую корону Армении другому крупному армянскому владельцу, Гагику Артсруни, под властью которого находилась самая восточная область древней Армении Васпуракан (между оз. Ван и современной Нахичеванской АССР). Можно предположить, что поход русов в Закавказье был связан с византийско-русскими отношениями.

Хочется обратить внимание еще на одно обстоятельство: неудачный поход, описанный ал-Масуди, и гибель почти всех русских войск в засаде в устье Волги, а затем выше по этой реке. И здесь невольно приходится обратиться к Кембриджскому документу. Это не историческая хроника, а что-то вроде литературного памфлета, написанного или хазарином или евреем, прежде подданным царя Иосифа. В момент составления данного документа автор его находился в Константинополе, куда попал, вероятно, после разгрома Хазарии войсками Святослава (968—969 гг.). Одним словом, это был человек следующего поколения, не современник событий. Исключая начало, в котором повествуется о принятии хазарами иудаизма, в Кембриджском документе речь идет преимущественно о деяниях царя Иосифа с экскурсами во времена его отца и деда.

Рассказывая о победе отца Иосифа над аланами, завершившейся женитьбой Иосифа на аланской принцессе, автор Кембриджского документа совершенно неожиданно переходит ко времени правления Иосифа и упоминает о гонениях на иудеев в Византии во времена Романа Лакапина (919—944 гг.)⁸⁷. Об утеснениях евреев этим императором писал и ал-Масуди, его современник⁸⁸. Но вот что любопытно. Иосиф был последним хазарским царем (на это указывают сведения Кембриджского документа). Время его правления можно установить лишь приблизительно. Но вряд ли он правил до 20-х или даже 30-х годов X века. Описание войны Аарона с аланами в сопоставлении с рассказом ал-Масуди позволяет предположить, что эта война как раз и была причиной отречения аланского царя от христианства в 932 году.

Следовательно, рассказ Кембриджского документа о русском князе Хлгу, то

есть Олеге, не может быть отнесен к правлению Иосифа. Тогда, возможно, он ошибочно связан и с Романом Лакапином? Между тем, вряд ли можно сомневаться в том, что происходили война и поход русского князя на хазарские владения в Крым по подстрекательству Византии. Скорее всего, автор Кембриджского документа знал по устным рассказам предшествующего поколения о такой войне, но его информация не была во всем точной. Согласно Кембриджскому документу, Хлгу потерпел в войне с хазарами поражение, а затем предпринял поход морем в Персию и там погиб⁸⁹.

Могло ли такое случиться с Вещим Олегом? Могло, тем более, что наш летописец точных сведений о смерти Олега не имел. Он знал знаменитое предание о смерти князя от укуса змеи⁹⁰. Этот рассказ вошел в ПВЛ, где отмечено, что Олег и похоронен возле Киева на горе Щековице. А Новгородская летопись приводит другие предания⁹¹. Согласно одному из них, Олег ушел в Ладогу и там, очевидно, закончил свои дни, так как и в Ладоге показывали его могилу. Но новгородский летописец знал и иную версию, сходную с киевской, хотя и отличную от нее. По ней, Олег ушел за море (не сказано, какое) и там погиб от укуса змеи. Дата смерти Олега по Новгородской летописи (922 г.) могла бы отнести его кончину и ко времени Романа Лакапина, и в этом случае нам пришлось бы искать поход на восток в 20-х годах X века. С. М. Алиев предположил существование такого похода⁹², хотя и без учета данных русских летописей. Это весьма сомнительно из-за отсутствия о том сведений в восточных источниках, хорошо информированных о событиях X века.

Итак, даже последние годы Олега, первого правителя Древнерусского государства, овеяны противоречивыми легендами. И все-таки имя его вписано в раннюю нашу историю.

Примечания

1. КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Т. 1, кн. 1. М. 1988, с. 74—87; СОЛОВЬЕВ С. М. Соч. Кн. 1. М. 1988, с. 131—138; КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Соч. Т. 1. М. 1987, с. 163—165, 168—170; ЛЮБАВСКИЙ М. К. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. М. 1916, с. 83—87; ГРЕКОВ Б. Д. Киевская Русь. М. 1949, с. 448—451; Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М. 1953, с. 80—82.
2. Здесь не место подробно рассматривать их работы. Однако совершенно ясно, что взгляды М. С. Грушевского были в значительной мере вызваны к жизни позицией официальной великорусской историографии, которая фактически игнорировала существование украинского народа и его историю.
3. Украинская историография включает не только труды украинских ученых, живших и работавших в пределах старой России, а затем СССР, но и историков, издававшихся в Австро-Венгрии, затем Польше (куда входила часть украинских земель), позже в Канаде, США, Италии, ФРГ и других странах. Разумеется, современную советскую и зарубежную украинскую историографию нельзя в полной мере отождествлять, но столь же неверно и полностью отрывать их друг от друга. Соотношение здесь то же, что между советской русской и русской эмигрантской историографиями. Только теперь и русские, и украинские историки начинают осознавать, что и их зарубежные коллеги имеют с ними, по крайней мере, общие истоки. Впрочем, для русской историографии это в полной мере осознал еще лет 20 назад В. Т. Пашуто. К сожалению, его монография об эмигрантской историографии осталась незавершенной.
4. ГРУШЕВСЬКИЙ М. С. Історія України — Руси. Т. 1. Київ. 1913, с. 1, 184—226, 388—436; ДОРОШЕНКО Д. Нарис історії України. Т. 1. Варшава. 1932, с. 37—68; ДОБРЯНСЬКИЙ М. Д. Україна і Росія. Рим. 1989, с. 14—15; CHIROVSKY N. An Introduction to Ukrainian History. Vol. 1. N. Y. 1981, pp. 30—66; АНТОНОВИЧ М. Історія України. Т. 1. Прага. 1942, с. 16—22; АРКАС М. Історія північної Черноморщини. Т. 1. Торонто. 1969, с. 279—343; ЧУБАТИЙ М. Княжа Русь — Україна, та виникнення трьох східнослав'янських націй. Нью-Йорк — Париж. 1964, с. 18—60.
5. ТИХОМИРОВ М. Н. Происхождение названия «Русь» и «Русская земля». — Советская этнография, 1947, № 6—7; НАСОНОВ А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М. 1951.

6. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1. М. 1962, с. 338, 341, 371; т. 2. СПб. 1908, с. 284, 285 и др.
7. Очерки истории СССР III—IX вв. М. 1958, с. 733—878.
8. РЫБАКОВ Б. А. Мир истории. М. 1984, с. 67, 63.
9. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 21, с. 143.
10. *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. Bonn. 1838, S. 707.
11. NICOLAS I. Patriarch of Constantinople. Letters. Washington. 1973, pp. 158, 160 e. a.
12. АЛ-МАСУДИ. Промывальни золота. Т. III. Париж, 1864, с. 64; Т. II. Бейрут. 1966, с. 144 (на араб. яз.).
13. ДОРН Б. Каспий. СПб. 1876; МИНОРСКИЙ В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М. 1968; БАРТОЛЬД В. В. Арабские известия о русах. — Соч. Т. II, ч. 1. М. 1963, с. 810—858; ПАШУТО В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М. 1968; АЛИЕВ С. М. О датировке набега русов, упомянутых Ибн Исфандийаром и Амоли. В кн.: Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы. II. М. 1969, с. 316—321; и др.
14. Гениза — архив, хранилище (древнеевр.). В данном случае место, где сохранились важные рукописи и документы еврейской общины Каира.
15. КОКОВЦОВ П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л. 1930.
16. GOLB N., PRITSAK O. *Khazarian Hebrew Documents of the Tenth Century*. Ithaca — Lnd. 1982.
17. См. ПРОНШТЕЙН А. П., КИЯШКО В. Я. Хронология. М. 1981, с. 82.
18. БЕРЕЖКОВ Н. Г. Хронология русского летописания. М. 1963.
19. РОЖКОВ Н. Русская история. Т. 1. М.-Л. 1930, с. 93—94; Очерки истории СССР IX—XIII вв., с. 82. См. любопытную попытку определения ранних дат русской истории: НАНАЈЕВСКИЙ I. *History of Ukraine*. Philadelphia. 1975, pp. 335—336.
20. ПСРЛ. Т. 1, с. 42; т. 2, с. 32.
21. ЛЮБАВСКИЙ М. К. Ук. соч., с. 43—44; ГРУШЕВСКИЙ М. С. Ук. соч. Т. 1, с. 226—227.
22. Поляне, северяне и другие, по летописи, — это не племена, как иногда полагают. Кстати, и в тексте летописи они племенами не называются, хотя переводчики на современный русский язык порой используют этот термин. Скорее всего, в летописи речь идет уже о территориальных, с сильными племенными пережитками политических образованиях восточных славян. Иногда их именуют «племенными союзами», или «конфедерациями».
23. ПСРЛ. Т. 1, с. 17; т. 2, с. 12.
24. ПСРЛ. Т. 1, с. 21; т. 2, с. 15.
25. ЛЕБЕДЕВ Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л. 1985, с. 227.
26. СЕДОВ В. В. Происхождение и ранняя история славян. М. 1979, с. 142.
27. АЛПАТОВ М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М. 1973, с. 12.
28. РЫБАКОВ Б. А. Ук. соч., с. 11—12.
29. По вопросу о происхождении термина «Русь» см.: КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Об управлении империей. М. 1989, с. 291—326; МЕЛЬНИКОВА Е. А., ПЕТРУХИН В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства. — Вопросы истории, 1989, № 8.
30. STENDER-PETERSEN A. *Var gersporgsmalet, Viking*. Oslo. 1959. Bd. 23, pp. 43—55.
31. ПСРЛ. Т. 1, с. 20; т. 2, с. 14; Новгородская летопись. М.-Л. 1950, с. 106.
32. ЛЕБЕДЕВ Г. С. Ук. соч., с. 217—219.
33. НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П. и др. Древнерусское государство и его международное значение. М. 1965, с. 416—417.
34. ПСРЛ. Т. 1, с. 17; т. 2, с. 12.
35. ГРУШЕВСКИЙ М. С. Ук. соч., с. 408—410. Грушевский считал возможным рассматривать этих князей как потомков Кия, опираясь на Длугоша. Он полагал, что династия киевских князей, известных после Кия, состояла из Олега, Бравлина, Аскольда (правил между 860 и 867 г.), Дири (до конца 80-х годов IX в.) и Олега (II). Упомянутый И. Нахаевский датирует правление Аскольда и Дири примерно 838—887 гг., а приблизительно с 879 г. он предполагает утверждение в Киеве Олега.
36. Уточняю перевод М. Б. Свердлова (см. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Л. 1989, с. 10—11), у которого прочитано: «по имени хахан». Именно такое осмысление текста вызвало еще в прошлом столетии попытки увидеть здесь не титул хахан, а скандинавское имя Хакон (см. там же, с. 13—14). В оригинале стоит: «quos rex illorum chacanus vocabulo».
37. *Annales Bertiniani. Hannoverae*. 1983, pp. 19—20.
38. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 170—173. К сожалению, в указанном издании этого труда не проведено (в комментариях) параллели источников о построении Саркела. В очень

- общей форме этот вопрос рассмотрен и в комментариях Дженкинса (см. Constantino Porphyrogenitus. *De administrando imperio*. Vol. II. 1965. pp. 155). Сведения о построении Саркела есть у Продолжателя Феофана и Кедрина. Упоминание о миссии Петроны в первом из указанных источников — перед сообщением о походе на арабов в 837 г., а у Кедрина под 834 г. — позволяет заключить, что это произошло в 30-х годах IX в. и до посольства Феофила к Людовикам Благочестивому, о котором пишет Пруденций.
39. Об отпадении от империи Абхазского княжества с помощью хазар см.: Очерки истории Грузии. Т. II. Тбилиси. 1988, с. 281.
  40. АРТАМОНОВ М. И. История хазар. Л. 1962, с. 299—300.
  41. В свое время я предположил, что хакан русов властвовал на севере (НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П. и др. Ук. соч., с. 406—407). Ныне на сей счет у меня серьезные сомнения.
  42. НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П. и др. Ук. соч., с. 384—385.
  43. Там же, с. 397—403.
  44. STENDER-PETERSEN A. *Varangica*. Aarhus. 1953, p. 207.
  45. ПСРЛ. Т. 1, с. 19; т. 2, с. 12; Новгородская летопись, с. 106.
  46. ПСРЛ. Т. 1, с. 1, 8—10; т. 2, с. 1, 7—8; т. 38. М. 1989 (Радзивилловская летопись), с. 13. Однако в Новгородской летописи (с. 103) на первое место поставлена «Новгородская волость». В этом плане есть отличия и в ранних вариантах ПВЛ. Например, в Радзивилловской летописи, в отличие от Ипатьевской, в начале нет известного подзаголовка «Кто первым стал княжить в Киеве».
  47. ПСРЛ. Т. 1, с. 17—23; т. 2, с. 12—17; т. 38, с. 15—17; Новгородская летопись, с. 105—107.
  48. РЫБАКОВ Б. А. Киевская Русь и русские княжества XI—XIII вв. М. 1982, с. 235.
  49. Древняя Русь. Город, замок, село. М. 1985, с. 58—59, 69.
  50. С Полоцком ситуация во многом не ясна. ПВЛ сообщает, что Рюрик по смерти братьев отдал Полоцк, Ростов и Белоозеро своим мужам (ПСРЛ. Т. 1, с. 20). Затем известия о Полоцке есть в договоре Олега (там же, с. 31) и уже в 70-х годах X в. в этом городе правил Роголод (судя по имени — варяг). Поэтому можно предположить, что область западных кривичей с Полоцком то попадала под власть Киева, то становилась самостоятельной. Не случайно Полоцк выделился раньше других земель, сразу после смерти Владимира, который посадил туда внука Роголода Изяслава.
  51. Сведения об этом содержатся преимущественно в поздних летописях или у Татищева. Это не плод измышлений, так как о войнах южных князей с древлянами и уличами пишет и Новгородская летопись (с. 106).
  52. НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П. и др. Ук. соч., с. 371—372.
  53. ТАТИЩЕВ В. Н. История Российская. Т. IV. М.-Л. 1964, с. 113.
  54. *Patrologia graeca*. Vol. 102. P. 1900, pp. 735—738.
  55. Древняя Русь. Город, замок, село, с. 39—104.
  56. Роль географического фактора для Древней Руси отстаивали все крупнейшие дореволюционные историки (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский и др.). Позже советские историки практически от этого отказались, хотя, например, основоположники марксизма придавали географической среде, природным условиям огромное значение.
  57. GOLB N., PRITSAK O. *Op. cit.*, pp. 114—119.
  58. *Corpus scriptorum historiae Byzantinae*. Vol. I. Bonn. 1829, pp. 594—598.
  59. ПСРЛ. Т. 1, с. 33; т. 2, с. 23.
  60. Новгородская летопись, с. 107.
  61. ПСРЛ. Т. 1, с. 22; т. 2, с. 16.
  62. Кстати, если полагаться на ПВЛ, то Игорю при рождении Святослава было более 60 лет, а Ольге — около того!
  63. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч. Т. IV, с. 119.
  64. ПСРЛ. Т. 1, с. 22; т. 2, с. 16.
  65. ПСРЛ. Т. 1, с. 29; т. 2, с. 20—21.
  66. Новгородская летопись, с. 107.
  67. ПСРЛ. Т. 1, с. 33; т. 2, с. 23.
  68. ПСРЛ. Т. 1, с. 22, 23; т. 2, с. 16. В Ипатьевской летописи, возможно, речь идет о веси—финском племени. В Радзивилловской летописи текст идентичен Лаврентьевскому списку (ПСРЛ. Т. 38, с. 17).
  69. См., напр. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Ук. соч. Т. 1, с. 123.
  70. АЛ-МАСУДИ. Книга пересмотра. Лейден. 1894, с. 190—191 (на араб. яз.).
  71. КРАЧКОВСКИЙ И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV. М.-Л. 1957, с. 132.
  72. АЛ-МАСУДИ. Промывальни золота. Т. III, с. 63 (на араб. яз.).

73. Там же, с. 64; т. II, с. 144.
74. ПСРЛ. Т. 1, с. 24; т. 2, с. 17.
75. ИБН ХАУКАЛЬ. Книга картины земли. Т. 1. Лейден. 1938, с. 15. (на араб. яз.).
76. По ПВЛ, венгры прошли мимо Киева в 898 г., то есть опять почти 10 лет спустя после их ухода в Паннонию.
77. Согласно ПВЛ (ПСРЛ. Т. 1, с. 16, т. 2, с. 12), древляне некогда «обижали» полян.
78. ПСРЛ. Т. 1, с. 42; т. 2, с. 31—32.
79. Новгородская летопись, с. 109.
80. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 44—45.
81. НОВОСЕЛЬЦЕВ А. П. Принятие христианства Древнерусским государством как закономерное явление эпохи. — История СССР, 1988, № 4.
82. КОНСТАНТИН БАГРЯНОРОДНЫЙ. Ук. соч., с. 44—45.
83. ПСРЛ. Т. 1, с. 122—124; т. 2, с. 106—108.
84. Древняя Русь. Город, замок, село, с. 59.
85. ИБН ИСФЕНДИЙАР. История Табаристана. Тегеран. 1941, с. 266 (на перс. яз.).
86. МИНОРСКИЙ В. Ф. Ук. соч., с. 198, 201.
87. GOLB N., PRITSAK O. Op. cit., pp. 114—119.
88. МИНОРСКИЙ В. Ф. Ук. соч., с. 193.
89. GOLB N., PRITSAK O. Op. cit., pp. 118—119.
90. ПСРЛ. Т. 1, с. 38—39.
91. Новгородская летопись, с. 109.
92. АЛИЕВ С. М. Ук. соч., с. 316—321.

О кризисе современной исторической науки

А. Я. Гуревич

Переживает ли современная историческая наука кризис? Казалось бы, нет оснований сомневаться: кризис налицо, и он обусловлен многими причинами. Утрата мировой цивилизацией ясной перспективы, крах идеологий, которые еще недавно давали ориентиры, угроза гибели человечества в огне ядерного апокалипсиса или вследствие экологической катастрофы вызвали растерянность многих историков. Две мировые войны, бесчеловечные тоталитарные режимы, опиравшиеся на покорность и энтузиазм масс, разгул национализма в крайних и кровавых формах и кризис культуры, наконец, падение авторитета научного знания — все это способствовало подрыву общей веры в идею прогресса, которая придавала динамизм и оптимистический настрой исторической науке XIX в., нередко именуемого «столетием историков». Нельзя не учитывать и более прагматические причины: повсеместно урезаются ассигнования на науку, и в первую очередь на науку гуманитарную.

Но вот свидетельство видного американского историка Л. Стоуна: «Если (а на то похоже) приток новых сил в академические круги на ближайшие полтора десятилетия будет резко сокращен вследствие отсутствия рабочих мест, то, вероятно, наступит интеллектуальная стагнация, ибо обновления можно ожидать именно от молодежи. Так вот, если это произойдет, то минувшие 25 лет будут считаться своего рода героическим периодом в развитии исторического понимания, зажатым между двумя периодами умиротворенного усвоения добытых знаний». Стоун вспоминает о «золотом веке историографии» и считает, что «Новая историческая наука» — направление, возникшее в промежутке между мировыми войнами¹, — за минувшие 40 лет «омолодила историческое знание и привела к тому, что этот период, вместе с 40-летием, предшествовавшим первой мировой войне, стал наиболее продуктивным и творческим периодом во всей истории нашей профессии»².

Обновление исторического знания Стоун видит в глубоких сдвигах, пережитых историей. Центральная ее тема переместилась с «окружающих человека обстоятельств на человека в исторически конкретных обстоятельствах»; на смену проблемам экономики и демографии пришли проблемы культуры и эмоциональной жизни; влияние социологии, политической экономики и демографии потеснено влиянием символической и социальной антропологии и психологии; центр тяжести в изучении перенесен с групп на индивида; от объяснительных моделей исторических

Гуревич Арон Яковлевич — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР.

изменений, характеризовавшихся монокаузальностью, произошел переход к моделям многофакторным; квантификацию, направленную на исследование групп, массовых явлений, сменила индивидуализация³. Теперь историки задают вопросы: «Почему развитие пошло так, а не иначе, и каковы его последствия», а не, как прежде: «Что» и «как»⁴. Вместе с тем Стоун констатирует и признаки кризиса исторической профессии — гипертрофированную квантификацию, избыточную приверженность к психоаналитическим штудиям, применение упрощенно-однолинейных систем объяснений⁵.

К оценкам столь авторитетного историка нельзя не прислушаться. К тому же он не одинок. Даже во Франции, на родине «Новой исторической науки», раздаются голоса, что это самое влиятельное историографическое направление привело к «раздроблению» истории, — она якобы утратила былую целостность и целеустремленность⁶.

Итак, кризис. Но какой? Представляет ли он собой «болезнь с летальным исходом» или же это болезнь роста, которая рано или поздно принесет обновление? Историю делают люди и пишут ее люди. Следовательно, от них и их усилий зависит, какова будет историческая наука начала третьего тысячелетия.

Чтобы понять природу кризиса, необходимо присмотреться к тенденциям, которые наметились в исторической науке за последние десятилетия. И тут нужно признать: такого анализа исторической мысли советскими историками не производилось, и ее состояние представляется в весьма обедненном и даже искаженном виде. Немало трудов было затрачено на огульное поношение «реакционной буржуазной историографии периода общего кризиса капитализма», но как мало было сделано для изучения реального историографического опыта! Если Стоун прав, и за минувшие 40 лет историческая мысль пережила свой «золотой век», добившись огромных успехов и омоложив нашу науку, то что же знает об этом в нашей стране не только интересующийся историей интеллигент, но и профессиональный историк? Много ли книг видных современных зарубежных представителей исторического ремесла было переведено, много ли их научных статей появилось в наших журналах? Образовался огромный и трудновосполнимый пробел, в особенности если говорить не о «белых» или «черных пятнах» в истории, а о чем-то куда более сложном и важном — о методологии и гносеологии исторического исследования, которые отвечали бы современной духовной и научной ситуации и картине мира.

И здесь нельзя пройти мимо контраста между двумя интеллектуальными «ренессансами» в нашей стране — тем, который имел место во второй половине 50-х — начале 60-х годов, и нынешним. Первый, ознаменовавший недолгую и неверную хрущевскую «оттепель», был отмечен напряженным интересом к теории и методологии общественных наук. То было время дискуссий, возникали кружки и секторы методологии⁷, в журналах публиковались статьи по всем этим проблемам. Ничего подобного сейчас, когда и внешняя и внутренняя свобода историка несравненно шире, не наблюдается. Методологическая мысль историков кажется парализованной. Как объяснить этот контраст? Ответ состоит в следующем. «Шестидесятники» решали задачу в высшей степени важную и необходимую, но в определенном смысле несложную. Им предстояло расчистить «завалы» догматизма, отказаться от сталинских вульгаризаций и очевидных упрощений. И в этом отношении было сделано многое. Но по существу все, что тогда было сказано историками и философами, совершалось в рамках марксистской концепции истории, в контексте все той же методологии, правильность которой никто не ставил под сомнение. Напротив, задача формулировалась так: «возвратиться к подлинному и неискаженному марксизму», «заново прочитать Маркса». Это «новое прочтение» дало свои положительные результаты. У многих шоры спали с глаз, был положен конец цитатничеству.

Однако никто не сомневался в том, что сочинения Маркса, Энгельса и Ленина остаются для историков и философов методологическими основами и «первоисточниками», которые и в библиографических списках по-прежнему предшествовали списку исторических источников, не говоря уже о списках работ специалистов. Мелочь, казалось бы, но — симптоматичная. Мы остались на позициях однозначной и принудительной приверженности марксизму. Исторический процесс по-преж-

нему понимался как смена социально-экономических формаций, а основное его содержание сводилось к борьбе классов; все остальное — история производства и идеологии, государства и права, политических событий и религии, философии и исторической науки определялось центральным тезисом — приматом классовой борьбы. Она представляла собой обязательную точку отсчета, универсальный критерий отбора материала.

В области философии истории мы не пошли дальше частичного «поновления» схемы способов производства. Пределом теоретической смелости явился возврат некоторых историков, преимущественно востоковедов, к идее «азиатского способа производства». Впрочем, период «идеологической растерянности» (по определению одного моего коллеги) был недолог, вскоре, на рубеже 60-х и 70-х годов, был положен конец всяким дискуссиям. Вспоминается ворчание «хранителей основ», когда я осмелился утверждать, что социально-экономическая формация есть умственная конструкция, своего рода «идеальный тип», используемый историками для систематизации конкретного материала⁸. И они были правы, ибо для Маркса не существовало никаких «идеальных типов», формации были в его системе реальными социально-экономическими образованиями, находящимися на грешной земле, а не в умах историков или социологов.

Тем самым мы подошли к тому рубежу, за который наша философско-историческая мысль 60-х годов упорно не хотела или не могла переступить.

Марксизм, великое достижение науки об обществе минувшего столетия, мощно обогатившее историческое знание и раздвинувшее горизонты исследования социальной жизни, вместе с тем имеет свои эпистемологические, связанные с теорией познания пределы, и они были очерчены Марксом с самого начала и очень жестко. Марксова мысль — гегельянская по существу. Уход Маркса от младогегельянства означал перевертывание диалектики Гегеля «с головы на ноги», но самое «фигура» при ее перевертывании осталась тою же. Маркс разделял с Гегелем позиции панлогизма. Мир разумен сам по себе, философия и наука вполне способны адекватно «отразить» его разумность. Способности познания безграничны, и, главное, нет и не может быть никаких существенных препятствий для познания объективной действительности. «Идеальное» и «реальное» в принципе совпадают. Идеальное, по Гегелю, есть «инобытие предмета, его субъективное бытие»⁹. По Марксу, «идеальное есть не что иное, как материальное, пересаживаемое в человеческую голову и преобразованное в ней»¹⁰. Расхождение — в идеалистической интерпретации (в первом случае) и материалистической (во втором) одного и того же принципа беспроблемной познаваемости. Боюсь, сходство более существенно, нежели различие.

Став на позиции панлогизма, всеобщей познаваемости разумно и логично устроенного мира, Маркс тем самым решительно отверг кантианскую теорию познания с ее учением о границах человеческого разума. Эти границы, отделяющие «мир в себе» от познающего субъекта, подлежат осознанию и исследованию. Знание, основанное на опыте, имеет дело с миром феноменов, явлений, а не с «вещью в себе». «Теория познания — пограничная стража, которая противостоит переходу через границы познаваемого»¹¹. Канту принадлежит открытие, пишет Ж. Ортега-и-Гассет, что «бытие имеет смысл только как вопрос субъекта... Бытие — это не бытие в себе, а отношение к теоретизирующему субъекту... Кант первый (не считая софистов) счел невозможным говорить о бытии без предварительного упоминания, каков познающий субъект, поскольку он входит в конституцию бытия «вещей», поскольку вещи «есть» или «не есть» только в связи с ним»¹². Кантианская проблематика «критики чистого разума» и выросшее из нее неокантианство несовместимы с «принципом отражения». Но именно пафос идеи «отражения» заключен в ленинских «Философских тетрадах» и «Материализме и эмпириокритицизме».

Вполне естественно поэтому, что когда неокантианцы выдвинули учение о специфике «идиографического» (индивидуализирующего) метода «наук о культуре», оперирующих ценностями, с которыми по необходимости соотносится положительное знание, противопоставив его «номотетическому» (законополагающему) методу «наук о природе», когда они стали разрабатывать учение об «идеальном типе» как

орудии познания историка, вырабатывающего «исследовательскую утопию», которая служит условием его исторической реконструкции, когда, одним словом, ими была обнажена исключительная сложность исторического познания и предельно обострена вся проблема исторической эпистемологии, — марксизм (после Маркса и Энгельса) отказался углубиться в эту проблематику, не преминув, тем не менее, обрушить на В. Виндельбанда, Г. Риккерта и М. Вебера неквалифицированную и неконструктивную критику.

Марксово-гегельянский подход к проблемам исторического познания роковым образом закрыл для наших историков доступ к наиболее интересному и продуктивному методологическому направлению в исторических науках XX века¹³. Зато этот подход прекрасно уживался с позитивизмом с его методологией, не разграничивающей методы истории и методы естествознания, и нацеленностью на открытие законов природы и общества. В результате методология марксистской историографии стала гибридом поверхностно усвоенного марксизма с обветшавшим позитивизмом. Таково было наследие, полученное нашими «шестидесятниками». В тот период оно казалось приемлемым. Во всяком случае, я затрудняюсь припомнить историков или философов, которые выступили бы тогда с его критикой и обосновали бы необходимость выйти за эти пределы, и, что еще более тревожно, ныне в принципиально новой интеллектуальной ситуации поставили бы вопрос о рассмотрении гносеологии и методологии исторического знания.

Казалось бы, для подобной научной ревизии существуют все необходимые условия: свобода выражать мысли (если они в наличии), кризис марксизма как учения, основные положения которого не выдержали проверки историческим опытом, то есть тем решающим критерием, какой марксизмом и был выдвинут для испытания истинности или ложности всякой философии и идеологии. Мы оказались среди руин основанного на марксистских догмах общественного строя, послужившего источником трагедии для сотен миллионов людей, которые оказались в положении «подопытных животных» в колоссальном социальном эксперименте, проведенном партиями, руководствовавшимися «единственно верным учением». Так не пора ли свести с ним научные счета и уяснить себе, наконец, собственные философские и научные позиции?

На этот безжалостный самоанализ не рискнули пойти деятели конца 50—60-х годов, вернее всего, просто-напросто не «докопавшиеся» до эпистемологических глубин. Деятели конца 80-х годов вообще обратили свои силы и внимание не на теорию и философию — они активны политически. Впервые представилась возможность решать, не упустив исторического момента, наиболее жгучие вопросы политики, экономики, государственного и конституционного устройства. Речь идет о власти, а не о Риккертe или Вебере. «Сова Минервы вылетает только ночью». Все это понятно и правомерно. Но вместе с тем ясно, что интеллектуальная атмосфера в обществе определяет его качество и эффективность, что без теории и мировоззрения далеко не уйти и что в период, когда старая идеология, подобно обветшавшей одежде, спала с массового сознания, а новая не сформировалась, когда, следовательно, мы оказались в мировоззренческом вакууме, эта пустота может быть заполнена (и уже начинает заполняться!) нежелательным и даже страшноватым содержанием.

Возвратимся, однако, к исторической науке. Почему именно сейчас вопросы методологии и теории познания представляются первостепенными, даже решающими?

До тех пор, пока историки придерживались официально насаждаемой идеологии с такими ее компонентами, как: «светлое будущее», неизбежно подстерегающее нас чуть ли не за ближайшим поворотом и представляющее собой закономерный итог всей мировой истории (превращающейся в этом свете в «предысторию»); «мотор» исторического прогресса — классовая борьба, развитие которой в конечном счете и приведет к смене способов производства и к соответствующим коренным изменениям в «надстройке»; общий кризис мировой капиталистической системы и мирное сосуществование ее с системой «развитого социализма», рассматривавшееся опять-таки в терминах классовой борьбы, — до тех пор, пока эти дискредитиро-

ванные жизнью догмы не отпали, наши историки, естественно, оставались при старой методологии рядящегося в марксизм позитивизма. Вера в «законы истории», в родство или единство методов естественных и социальных наук составляла «идейную вооруженность» советских историков. Неколебимой и не подлежащей дискуссии оставалась и убежденность в том, что познание истории не представляет собой каких-либо особых трудностей. «Теория отражения» (Ленин наверняка очень удивился бы, услышав о том, что он развивал подобную теорию) давала оправдание облегченным исследовательским процедурам историков, описание которых можно найти в созданных еще на рубеже XIX и XX вв. пособиях Ланглуа и Сеньобоса.

Было бы весьма интересно под этим углом зрения прочитать труды многих наших историков: далее внешней критики источников дело не идет; если источник не фальсифицирован и в хорошей сохранности, им можно спокойно пользоваться, выбирая из него нужные отрывки. Вопросы же об общем историческом контексте, в котором источник появился, о выражении в данном памятнике присущего автору и его времени менталитета обычно перед исследователями не возникают.

Еще более показателен выбор тем исследования. Прямо или косвенно большинство их продиктовано проблематикой развития и смены формаций и классовой борьбы: революции и народные движения и их отражение в политической и идеологической надстройке; социально-экономическое расслоение, которое, все углубляясь, прослеживается на протяжении истории. Конечно, эти сюжеты существенны и необходимы, но сводится ли к ним основное содержание истории? Ее подмостки заняты феноменами и процессами одного понятийного ряда, и создается впечатление, будто через них и раскрываются движущие силы исторического развития.

Нетрудно видеть, что применяемая историками-марксистами методология полностью соответствовала указанной проблематике. Но легко убедиться и в другом: предмет истории — процесс жизни людей, обществ и социальных групп, народов и наций — легко подменялся в этих сочинениях социологическим и политико-экономическим исследованием. Самая жизнь индивида и коллективов, в которые он входил, человеческих поколений, в ее конкретной предметности, с реальными потребностями и интересами людей, с их страстями и мыслями (не с одними только идеями великих носителей «общественной мысли», но и с побуждениями и эмоциями «простого человека») этим экономико-социологическим подходом исключалась из рассмотрения как «бесконечно малая величина». Реальная жизнь в общепринятую понятийную схему не укладывалась, рассказ об ее проявлениях мог только помешать формационному анализу, отвлечь внимание от «существа дела». Повседневность — то, что и составляет жизнь человека, — бесследно исчезала из истории, вернее, она в нее и не допускалась.

Речь идет не о том, чтобы политико-экономические сюжеты были «расцвечены» красочными деталями — сценками из жизни, штрихами индивидуального, психологическими портретами. Дело не в том, чтобы украсить фронтон возведенного историками социально-экономического здания фигурками и орнаментами и «оживить» картину. Вопрос стоит в совершенно иной плоскости. Это вопрос о природе исторического объяснения, иными словами, вопрос методологический.

В самом деле, даже если допустить, что материальное производство является решающим фактором социального развития, то демонстрация определенных экономических состояний и изменений еще не дает нам объяснения движущих пружин социальных процессов. Общество — не абстракция, а объединение живых людей, из плоти и крови, с их интересами, потребностями, мыслями и эмоциями. Наши нынешние политики терпят фиаско прежде всего потому, что не способны понять эту, казалось бы, элементарную истину. Признать банальность — то, что люди, оказавшись в той или иной конкретной экономической или политической ситуации, будут вести себя не адекватно требованиям законов производства и даже не в соответствии с политической целесообразностью, но прежде всего в зависимости от картины мира, которая заложена культурой в их сознание, от своего психического состояния, а последнее определяется отнюдь не одними лишь постулатами политэкономии и социологии — их религиозные, национальные и культурные традиции, стереотипы поведения, их страхи и надежды, подчас совершенно иррацио-

нальные, их символическое мышление неизменно и неизбежно налагают неизгладимый отпечаток на их поступки и реакции на стимулы материальной жизни, повторяю, признать эту очевидность мешает узкоэкономическая ориентация исторического материализма.

Признать человеческое содержание исторического процесса, признать не на уровне общих деклараций, а всерьез, разрабатывая соответствующую исследовательскую стратегию и формулируя такую методологию научного поиска, которая заставила бы исторические источники дать нам искомую информацию о людях, образующих данное общество, — значит пересмотреть самые основы подхода историков к предмету изучения.

Здесь-то проблема коренной специфики исторического знания как науки о культуре и встает перед нами во весь рост, со всеми вытекающими из нее последствиями. Дело в том, что для проникновения во внутренние причины поведения людей надобен совсем иной исследовательский инструментарий, нежели тот, какой предлагал историкам экономически и социологически ориентированный марксистский позитивизм.

Источники сообщают историку только те сведения, о которых он эти источники вопрошает. Наивно и глубоко ошибочно распространенное представление, будто материал исторических памятников подсказывает исследователю его сюжеты. Памятник нем и невыразителен до тех пор, пока исследователь не задаст ему свои вопросы. Первый и важнейший этап исследования, в огромной мере предопределяющий дальнейший его ход и результаты, — формулировка проблемы. Проблема диктует вопросник историка, с которым он приходит к памятнику; ставя перед ним свои вопросы, историк преобразует этот безмолвствующий памятник в источник сведений, которые он ищет. Имея в виду определенную проблему, исследователь активно работает с текстом, выделяя из него интересующую его информацию.

Мне представляются странными классификации источников, которые заранее предусматривают, в какого рода текстах можно получить ту или иную информацию. Ведь возможность ее получения зависит не столько от характера источника, сколько от вопрошающего его историка. Исторические источники сами по себе не существуют, — в это достоинство памятники прошлого возводит лишь мысль историка. Нет вопрошающего историка — нет и исторического источника. В этом смысле правы те, кто вслед за Л. Февром утверждают, что историк сам создает свои источники¹⁴. И в этом же смысле понятие «данные источника» — обманчиво. Оно дезориентирует, внушая мысль, будто источник предлагает историку уже готовые сообщения о фактах. Источник сам по себе ничего не «дает», эти «данные» — суть плод активной и целенаправленной работы историка.

Можно пойти дальше и утверждать, что самые «факты истории» также суть не объективно имевшие место события и явления прошлого, ибо сами по себе, до того как они оказались в поле зрения историков, были включены ими в определенные функциональные или причинно-следственные связи и получили соответствующую оценку, они еще статуса исторического факта не приобрели. Вот пример. «Охота на ведьм», наподобие эпидемии распространявшаяся в Европе XV—XVII вв., ныне более пристально, чем прежде, изучается многими историками. Выясняются связи этого социально-психологического и религиозно-политического феномена с общим развитием мировоззрения, менталитета и культуры народов ряда стран. Проводя сравнение гонений на ведьм в Европе с ведовскими верованиями и практикой в Африке, исследователи приходят к некоторым интересным обобщениям. В этих концептуальных рамках преследование людей, подозреваемых в колдовстве, приобрело значение существенного исторического феномена. Но когда при обсуждении рукописи очередного тома «Истории Европы», охватывающего указанный период, я решился спросить, почему авторы и редакторы его обошли «охоту на ведьм» молчанием, то услышал в ответ, что их занимали «более важные явления». Этот феномен не стал для них историческим фактом. Таковым факт прошлого становится тогда, когда он включен историками в какую-то осмысленную ими систему.

Историческая реконструкция есть конструкция историка, он возводит ее из

сложного сплава сообщений источников и собственных представлений об историческом процессе, впитавших в себя опыт науки и современную картину мира. В рамках этой конструкции, разумеется, не произвольной, но создаваемой в соответствии с принципами научного анализа, памятники прошлого становятся историческими источниками, а сообщения последних о событиях и явлениях — историческими фактами. Исследовательская, творческая активность историка отнюдь не сводится к «отражению», к регистрации «данных»; поставленная им проблема делает возможным для него установление контакта с прошлым и влечет за собой «создание» — в указанном выше смысле — и исторического источника, и исторических фактов.

Лишь тогда, когда вооруженный своим вопросником историк углубляется в источник, последний, в свою очередь, начинает снабжать его теми сведениями, о которых исследователь мог и не подозревать. Между историком и источником устанавливается плодотворное взаимодействие. И это взаимодействие представляет собой не что иное, как диалог между историком и людьми прошлого. Исторический памятник воплощает их мысли и намерения. Задавая свои вопросы источнику, историк обращается к его создателю и к людям, которые разделяли с последним его взгляды на мир. Историк пытается их расшифровать и вернуть им жизнь, и «воскрешенные» им люди отвечают ему. Они способны не только ответить на поставленные перед ними вопросы, но и сообщить исторiku нечто неожиданное.

Когда я, воспитанный на социально-экономической проблематике европейского Средневековья, пришел к древнескандинавским правовым и повествовательным памятникам со своим вопросником, выработанным в недрах школы аграрной истории, и стал искать в них «данные» о земельной и движимой собственности, о формах крестьянской зависимости и эксплуатации и т. п., эти памятники буквально отказались отвечать на подобную анкету. Крестьяне, фигурирующие в средневековых норвежских судебных книгах и в исландских сагах, были заняты совсем другими делами, нежели те, о коих я пытался их расспросить. Повернулись они ко мне лицом только тогда, когда я коренным образом перестроил свой вопросник, убедившись в том, что я смогу что-то узнать и о природе собственности, и о характере социальных отношений лишь при условии, что я сниму с глаз шоры и познакомлюсь с их жизнью, с их представлениями о человеческом достоинстве и о семье, о суде и праве, об устройстве космоса и о смерти, об их ритуалах и символах, которые регулировали все их социальное поведение. Уже не я «экзаменовал» людей далекой эпохи, а они учили меня своей мудрости.

Здесь нужно ввести понятие «исторический контекст». Рассмотрение того или иного явления, его оценка и истолкование в огромной степени зависят от того, в какой системе связей это явление рассматривается. Возвращусь к своему скандинавскому примеру. Собирая в источниках указания на золото, гривны, мечи и заморские одеяния, я хотел выяснить, каковы были богатства их обладателей. Но при такой постановке вопроса эти «данные» «не работали». Только тогда, когда я осознал необходимость понять, что означали все эти богатства и предметы искусства для людей, которые ими обладали или их домогались, стала вырисовываться определенная картина. Но для этого пришлось резко расширить контекст, в котором эти сведения надлежало рассматривать.

А именно: обмен дарами, как было продемонстрировано еще М. Моссом, играл роль «тотального социального факта» у самых разных народов мира¹⁵. Этот обмен дарами, который постоянно имеется в виду или подразумевается в сагах и поэзии скандинавов, был у них одним из важнейших средств социального общения и установления отношений дружбы, службы или зависимости. Золото и серебро представляли собой в глазах скандинавов эпохи викингов не инертные богатства, но воплощали магическую «удачу», «везенье» их обладателя, и этим «везеньем» он мог поделиться с тем, кому он дарил богатство, украшение или дорогостоящее оружие. Скандинавы прятали драгоценности в земле или топили их в болотах и море, чтобы обеспечить себе благополучие в потустороннем мире. Короче говоря, невозможно понять смысл накопления и хранения богатств и обмена ими, если отвлечься от той системы представлений и верований, которая существовала у наро-

дов Северной Европы в дохристианский период и далеко не была изжита в более позднее время. Контекст, в котором надлежит рассматривать владение богатствами в этом обществе, пришлось резко расширить — далеко за пределы материально-собственнической сферы¹⁶.

Сказанное имеет силу не только в отношении скандинавов раннего Средневековья. И на континенте Европы историк постоянно встречается с подобными же явлениями. То инструментальное обращение с предметом собственности, к которому мы привыкли и которое столь часто историки распространяют на другие эпохи, на самом деле вовсе не было тогда нормой. Собственность, богатство невозможно отделить от категорий престижа, личного статуса и от форм социального общения.

Я позволю себе в этой связи возвратиться к «охоте на ведьм». Я понимаю логику игнорирующих ее авторов и редакторов «Истории Европы»: в контексте истории официальных учений церкви, Реформации, истории культуры и «общественных идей» (в их традиционном понимании как созданий и достижений творческой мысли индивидов) преследования женщин и мужчин по вымышленным обвинениям в колдовстве и общении с дьяволом оказываются «чужеродным телом» и лишены смысла. Однако как только историки всерьез поставили проблему народной культуры в качестве особой традиции в более широком горизонте культуры и религиозности позднего Средневековья и начала Нового времени, ведовские процессы и лежавшие в их основе верования и предрассудки приобрели совершенно иное звучание.

В самом деле, вера в способность ведьм превращаться в животных и летать по ночам на шабаш, наводить порчу и причинять ущерб людям и их имуществу, исконно распространенная в народе, поначалу церковью осуждалась. Но затем она радикально изменила свое отношение к этим суевериям и взяла их на вооружение, демонизировав их (во второй половине Средних веков возникла идея о союзе ведьмы с дьяволом)¹⁷. Охватившие католическую и протестантскую Европу преследования объективно послужили делу искоренения народных верований и праздников; в конфликте между официальной и народной («фольклорной») культурными традициями эти гонения сыграли роль эффективного средства для искоренения последней¹⁸.

Расширив контекст, историки сумели установить новые связи и предложить новое объяснение изучаемым феноменам. Каков же этот новый контекст? Это социально-культурный контекст. В нем не предполагается приоритет экономических факторов перед политическими или религиозными. Социально-культурный контекст не строится по схеме «базис — надстройка», навязывающей историкам одностороннюю детерминацию. Речь идет о куда более сложных и неоднозначных функциональных связях. Нужно, наконец, признать, что привычные схемы объяснения, предлагавшиеся марксистско-позитивистской историографией, не способны включить в себя элементы исторического синтеза, который мог бы объединить идеальное и материальное в их взаимном переплетении. В этом смысле социально-культурная модель исторического объяснения противоположна позитивистской.

Однако не только в этом смысле. Историки-позитивисты довольствуются той информацией, которую им непосредственно «дает» источник; если источник отвечает требованиям внешней критики, он считается объективно «отражающим» действительные отношения. Позитивист не задумывается над вопросом: какова была картина мира, существовавшая в сознании создателя изучаемого памятника, и как она воздействовала на те «данные», которые он зафиксировал? Ведь первый пласт информации, с каким имеет дело ученый, — это определенные аспекты сознания автора памятника, и лишь пройдя сквозь «фильтры» его картины мира и подвергшись преобразованиям, соответствующим как этой модели, так и условиям «жанра» памятника, информация доходит до исследователя. Следовательно, он обязан представить себе эту модель мира и правила, в соответствии с которыми изложены в источниках «факты истории». Система ценностей, взгляды автора, специфика языка и сознания его эпохи образуют «канал связи», через который осуществляется диалог современности с прошлым. Здесь формы выражения и фигуры

умолчания подчас могут сказать вдумчивому историку больше, нежели прямые «идеологизированные» высказывания источника.

Как видим, все упомянутые выше моменты — роль проблемы в историческом исследовании, социально-культурный контекст, новое понимание исторического источника и исторического факта, функциональные связи в объяснении, реконструкция картины мира, установление «диалога» с людьми изучаемой эпохи — могли быть по достоинству осознаны только после того, как в области гносеологии были обоснованы принципиальные различия между методами наук о культуре и методами наук о природе и огромная эвристическая роль «идеальных типов».

Вместе с тем стала понятной и важность полидисциплинарного подхода к изучению истории. Этнология и культурная антропология перестали быть науками только о «холодных» обществах, то есть обществах, которые воспроизводят себя преимущественно по правилам гомеостасиса и члены которых слабо ощущают движение истории. Эти научные дисциплины смогли предложить историкам «горячих», относительно более динамично развивающихся, обществ новые вопросы для изучения и иные критерии для сравнения и типологизации. Создались новые ориентации исторического знания, оказавшиеся более перспективными, чем союз с политэкономией и социологией. Впрочем, в рамках исторического подхода и экономика и социология приобретают новое измерение; так возникли историческая социология и экономическая антропология. Эти направления неразрывно связаны с эшелонированным во времени изучением истории человеческого сознания — с палеопсихологией, исторической психологией и историей ментальностей.

Все упомянутые направления фокусируются на сознании человека, на его представлениях о себе, о мире и обществе. Не политические события сами по себе, но — в восприятии их участников и современников (и последующих поколений); не материальное производство и обмен как таковые (это предмет не истории, а политической экономии), но в качестве одной из форм человеческой деятельности; не автономное художественное творчество (предмет филологии и истории искусства), но обнаружение в нем моделей мира его творцов и тех, кому их создания были адресованы. Иными словами, и хозяйственная деятельность, и политические факты и институты, и культурные творения, и, прибавим, религиозная жизнь, все эти сферы находят в контексте исторического исследования специфическое преломление — как формы человеческой активности и, следовательно, индивидуального и коллективного поведения. Поскольку любой род деятельности человека окрашен его психологией и получает отпечаток его взглядов на мир и его эмоций, эта психология, индивидуальная и коллективная, представляет собой неотъемлемую составную часть исторического процесса и должна быть в качестве таковой изучена.

Направление исторического знания, которое в наибольшей мере восприняло новые импульсы и далее всего продвинулось по пути переориентации своих исследовательских интересов, — это «Новая историческая наука», или школа «Анналов». За 60 лет своей истории она прошла долгий и далеко не прямой путь. Ее основные принципы (научные «парадигмы») были четко сформулированы М. Блоком и Л. Февром, наиболее крупными французскими историками нашего столетия. Их творчество приходится на первый период существования журнала «Анналы», основанного в 1929 году. Многие сделавший для утверждения позиций школы глава этого направления в конце 50-х — начале 70-х годов Ф. Бродель отошел от наметенного ее создателями научного курса; его занимали преимущественно «геоистория», история экономики и материальной цивилизации, тогда как интерес к человеческому содержанию исторического процесса, к ментальностям, к историко-антропологической проблематике был оттеснен на задний план.

Однако подход Броделя не восторжествовал. В 60-е годы в недрах «Новой исторической науки» выдвинулся ряд историков «блоковской» ориентации, ученых, искания которых были устремлены на идеал «глобальной», или «тотальной», истории, то есть на достижение исторического синтеза, на преодоление разрыва между историей экономики и социальных структур, с одной стороны, и историей духовной жизни во всех ее проявлениях и на разных уровнях — с другой. Из-под пера таких исследователей, как Ж. Ле Гофф, Ж. Дюби, Э. Леруа Ладюри, вышел ряд трудов,

которые представляют первостепенный интерес как с познавательной точки зрения, так и в методологическом отношении. По всеобщему признанию, их монографии принадлежат к лучшему, что было создано в 60—80-е годы в нашей профессии.

Вместе с тем в этом же поколении «анналистов» существует и иное, отчасти противоположное им направление, представители которого сосредоточивают свои усилия на компьютеризации исторического исследования и разработке так называемой серийной истории, связанной с математической обработкой массовых данных (П. Шоню, Ф. Фюре и другие). Водораздел между разными тенденциями провести трудно. Например, Леруа Ладюри, многое сделавший в области истории ментальностей и «этнологической истории», отдал должное и математизированной истории.

Расхождения среди «новых историков» отчасти обусловлены тем, что медиевисты по характеру своей профессии и природе изучаемых ими источников тяготеют преимущественно к качественному анализу уникальных исторических текстов, тогда как специалистов по истории Нового времени привлекают массовые, серийные источники. Тем не менее причины расхождения, видимо, лежат глубже. Так или иначе, можно констатировать существование в недрах «Новой исторической науки» наших дней определенной традиции, которая восходит к Блоку и Февру; не повторяя своих великих предшественников и идя в ряде отношений дальше их, эти историки активно творчески участвуют в обновлении и переориентации современного исторического знания. О них-то и идет речь. Изучение этой тенденции представляется в высшей степени важным. Позитивный опыт, ими накопленный, не должен игнорироваться; не менее поучительны их ошибки и трудности.

Любопытное явление: французские историки, по их собственным словам, традиционно далеки от теории и весьма неблагоприятны к эпистемологическим штудиям¹⁹, и тем не менее именно они раньше и острее других ощутили те сдвиги, которые давно назревали в историческом ремесле, и попытались выявить их в конкретной исследовательской работе. Новые подходы к истории, провозглашенные Февром и Блоком, отчасти могли быть подсказаны их предшественниками и коллегами — социологами (Э. Дюркгейм, М. Хальбвахс), этнологами (М. Мосс), философами (А. Берр), психологами (Ш. Блондель), географами (П. Видаль де ла Блаш), историками (А. Пиренн, Ф. Мэйленд, К. Лампрехт, И. Хейзинга), экономистами (Ф. Симиан), лингвистами (А. Мейс)²⁰. Однако только в лаборатории «Анналов» различные тенденции гуманистики и социальных наук привели к возникновению качественно нового историографического феномена — школы «Анналов». В чем же заключается его новизна и значение?

Сами по себе компаративистику и интерес к психологической стороне исторической жизни, внимание к истории языка или к «человеческой географии», как и стремление к синтезу в истории, сколь они ни существенны в трудах «анналистов», едва ли можно принять за исключительные отличительные признаки, выделяющие это направление из всей современной историографии. Подлинный «коперниканский переворот» в профессии историка (как неоднократно квалифицировали вклад Блока и Февра) заключался в новой концепции деятельности самого историка, в коренном изменении отношения историка к объекту исследования²¹.

Присмотримся к некоторым сторонам этой концепции.

Первое. Февр и его последователи резко противопоставили традиционную «историю-повествование» «истории-проблеме». Историки-позитивисты, приверженные к «истории-повествованию», склонны пересказывать содержание исторических памятников, демонстрируя тем самым свою полнейшую от них зависимость. Их девиз — «тексты, все тексты, ничего помимо текстов!». Там, где источники молчат, должен быть нем, по их убеждению, и историк; там, где они искажают или упрощают действительность, ее по необходимости исказит и упростит и он²². Кое-кто из позитивистов уподоблял себя тряпичнику: надо собирать любые «данные», впоследствии они смогут пригодиться. Итак, историк «отражает» содержание источника, которое он принимает за подлинное содержание самой истории. Если соблюдены правила внешней и внутренней критики на предмет установления

подлинности источника, он может быть расценен как «окно в прошлое». Применение такого метода давало возможность изобразить событийную, политическую историю; глубокий же анализ экономических, социальных и ментальных структур, как правило, ускользал.

В противовес этому ползучему эмпиризму Февр, Блок и другие «анналисты» выдвинули иную концепцию деятельности историка. Здесь важно отметить новый тип самосознания историка, соответствующий изменившемуся в XX в. самосознанию ученого и творческой личности вообще. По их убеждению, историк — не раб источника, он действует максимально активно и суверенно. Он ставит научную проблему, которая и доминирует в его исследовании, определяя отбор материала и угол зрения, под которым этот материал анализируется.

Как возникают сами научные проблемы? Блок и Февр энергично подчеркивали, что вопросы, с которыми историки обращаются к источникам, продиктованы жизнью. В то время как традиционные позитивисты кичились своей «независимостью» от окружающей действительности и мнили себя замкнутыми в «башне из слоновой кости», основатели школы «Анналов» четко сознавали: принадлежность историка к обществу, его активная включенность в современную жизнь и та картина мира, которую он разделяет со своими современниками, определяют характер вопросов, задаваемых им людям прошлого. Речь идет, само собой, не о служении конъюнктуре и «подгонке» истории под современность, а о глубоких проблемах культуры, о том, что общество в своем стремлении дать себе отчет о самом же себе неизбежно обращается к прошлому и историк служит посредником в этой культурной коммуникации.

Говорят, что история есть общественная память. Но память — не склад фактов-воспоминаний, из которого можно извлекать те или иные фрагменты, память — творческий и неустанно протекающий процесс преобразования своего содержания. Социальная значимость профессии историка заключается в установлении контакта с людьми минувших времен, и в этом диалоге ныне живущих людей с людьми иных эпох и культур и заключен конечный смысл деятельности историка. Поэтому гражданская позиция неотделима от его позиции научной. Доказательством этого послужила жизнь М. Блока, историка-медиевиста и патриота — участника движения Сопrotивления, который погиб от рук гестаповцев, защищая свою родину и ценности европейской цивилизации²³.

Перед историками, которым навязывался «принцип партийности», понимаемой как беспринципное служение «инстанциям» и предполагавшей готовность вкривь и вкось трактовать и ближнюю и дальнюю историю, не мог не вставать проклятый вопрос: как примирить этот «принцип» с честным и объективным исследованием? Многие историки воображали, что уйдя в скрупулезное изучение фактов они разрешат эту тревожившую их дилемму. Они надеялись таким образом избавиться от современности. Напротив, Февр и Блок, потратившие немало усилий на борьбу с позитивистской историографией, поклонявшейся беспроблемному эмпиризму²⁴, отчетливо понимали связь истории с современностью, которая и дает историку критерии его научного анализа.

Трудно сказать, в какой мере они были знакомы с учением Риккерта об «отношении к ценностям» как условии существования наук о культуре. Во всяком случае в своей исследовательской работе они исходили именно из этого постулата, понимая, что использование историком ценностей, заложенных в его собственной культуре, протекает по большей части неосознанно, — это та система критериев отбора и оценки материала, которой он руководствуется. Тем самым в историческое понимание вводился принцип релятивизма. «Каждая эпоха, — писал Февр, — создает свое собственное представление об историческом прошлом. У нее свой Рим и свои Афины, свое Средневековье и свой Ренессанс»²⁵. Когда Февр и Блок повторяли слова Ж. Мишле «История — это воскрешение», они очень хорошо сознавали, насколько «воскрешение» прошлого происходит по правилам культурной трансформации, в соответствии с тем видением мира, которое присуще обществу, современному историку.

Не нужно страшиться релятивизма и видеть в нем признак кризиса историчес-

кой мысли. Сформулировав этот постулат для физики, А. Эйнштейн вместе с тем приоткрыл одну из тайн современной культуры в целом. Если историки и «отражают» историческую действительность, то отражение это включает в себя все те «поправки», которые предполагаются современной картиной мира.

Знаменитое выражение Л. Ранке, что он пишет историю такой, «какова она была на самом деле», давно уже обнаружало свою иллюзорность и двусмысленность, которую однако не мог и не желал заметить позитивизм. Ранке, подобно другим историкам минувшего столетия, воображал, что способен восстановить жизнь прошлого в том виде, в каком она некогда существовала. В этом же смысле его современник Мишле говорил о «воскрешении» прошлого. Ранке называли «большим окуляром»: через его труды, как через некий прибор, можно якобы разглядеть «подлинные» черты прошлого. В определенном смысле здесь на свой лад воспроизводится тезис о том, что научные усилия способны превратить «вещь в себе» в «вещь для нас».

В действительности историк на «воскрешение» прошлого не способен, и лучше отдавать себе в этом ясный отчет. Разумеется, когда историк трудится над своим исследованием, пытаясь по возможности «погрузиться в прошлое», он питает некоторую иллюзию, будто видит изучаемый фрагмент истории таким, каков тот и был «на самом деле». Заявления впадших в «методологическую панику» презентистов о том, что каждый историк якобы сочиняет свою собственную историю, оказались настолько несостоятельными, что провозгласившие подобные тезисы К. Беккер и Ч. Бирд в собственных трудах им не следовали.

Историк познает истину. Но истина эта — весьма сложного состава. Он способен восстановить определенные фрагменты исторической жизни в неискаженном и более или менее правильном виде. Но помимо орудий труда, одежды и построек, языковых форм, ритуалов и политических учреждений, содержания законов и верований и иных самых различных аспектов жизни прошлого, которые можно описать с довольно большой степенью точности, в жизни существует и нечто иное. Это общая система отношений, объединяющий все аспекты действительности структурный принцип, возможно, всякий раз особый, та «атмосфера», которая превращает конгломерат разрозненных артефактов и текстов в связную целостность. И вот оказывается, что мысль историков, принадлежащих к разным периодам или культурам (а зачастую и современников), всякий раз по-своему понимает и формулирует этот интегрирующий принцип.

Стоит ли из-за этого впадать в отчаяние или отрицать нашу способность познавать историю? История, как и другие науки, кумулятивна (хотя, разумеется, мера ее кумулятивности особая), она наследует накопленные ранее знания и способна передавать их последующим поколениям ученых. Но наследуется лишь определенная, преимущественно фактическая, часть знаний, общий же взгляд на ту или иную эпоху меняется в соответствии с картиной мира, которую разделяет новое поколение историков. Так случилось и с Февром. Он обнаружил преемственность между Средневековьем и Возрождением и пришел к выводу, что между обеими эпохами не было такого резкого разрыва, какой постулировал К. Буркхардт, писавший об «открытии» в эпоху Возрождения «мира и человека». При этом Февром и другими историками, исследовавшими цивилизацию XVI в., было открыто не столь уж много новых фактов, но изменилась точка зрения на целое, и на характер исторической целостности Ренессанса, и на картину европейского и мирового исторического процесса.

Итак, принадлежность историка к обществу и присущее ему мировидение являются необходимыми условиями познания им прошлого — в терминах современности. Как видим, «история-проблема» радикально отличается от «истории-рассказа», и главнейшее ее отличие заключается в новой роли историка в осмыслении и реконструкции прошлого.

Второй аспект активности историка, который был выделен представителями «Новой исторической науки» в качестве наиболее существенного, в свою очередь теснейше связан с пониманием особенности методов наук о культуре и их противоположности методам наук о природе. Последние имеют дело с неодушевленными

или лишенными высших форм сознания объектами, тогда как исторические науки — это «науки о человеке». Предмет их исследования — мыслящий и чувствующий субъект, подобный самому историку²⁶. Методы его изучения не могут коренным образом не отличаться от методов естествознания. Историк уже не довольствуется одним только «внешним» («естественнонаучным») описанием, изображением исторических явлений и событий с позиций стороннего наблюдателя. Он в состоянии завязать диалог с людьми иной культуры и эпохи, пытаться проникнуть в строй их мыслей и чувств, в тайны их сознания. Поэтому традиционный для науки подход «извне» должен сочетаться с подходом «изнутри», с позиций самих людей прошлого. При первом, «внешнем», подходе историк применяет понятия и категории современной науки, тогда как при подходе «изнутри» он стремится выявить точку зрения людей другой эпохи, прислушивается к ним.

Расшифровка языка чужой культуры, ее собственных понятий и специфической логики — совершенно новый сюжет исторической науки. Обратимся к труду Февра «Проблема неверия в XVI веке: религия Рабле»²⁷. Для того чтобы ответить на вопрос, был ли великий французский писатель атеистом, как утверждали предшественники Февра, исследователь не ограничивается анализом его романов, свидетельствующим о том, что Рабле нападал на церковь, а не на христианство как таковое, и задается более общей проблемой: мог ли он быть атеистом, то есть существовали ли в Европе того периода условия для возникновения такого мирозерцания, которое не нуждалось бы в идее Бога и находило бы иные, нерелигиозные основания? Постановка вопроса была беспрецедентна, и Февр намерен изучить духовный универсум определенного времени и установить его пределы, очертить невидимые контуры ментальной сферы. Для решения этой проблемы уже недостаточно анализа сочинений самого Рабле, и Февр, привлекая самые разнообразные источники, стремится выявить «умственное оснащение» людей XVI столетия. Изучив их образ жизни, способы мировосприятия, аффективные особенности и психологические реакции (преимущественно по литературным памятникам), исследователь приходит к заключению, что в то время такой «ментальный инструментарий» еще не мог сложиться.

Таким образом, потребности исследования привели Февра к созданию нового понятия для того, чтобы уловить симптомы неявной логики культуры другой эпохи, логики, которая не могла найти в источниках прямого и непосредственного выражения. Независимо от того, был ли вполне убедителен ответ Февра на вопрос о неверии в век Рабле, им был сформулирован и экспериментально обоснован метод исследования глубинных слоев сознания людей иных эпох и культур. Тем самым к историку были предъявлены новые требования. Для того чтобы проникать в сознание людей минувших времен и восстанавливать его структуру, необходимо расширить круг источников, которые могли бы дать нужные ответы, и интенсивно использовать методики других дисциплин, от психологии до лингвистики и семиотики. Быть историком менталитета в высшей степени трудно — не только потому, что такого рода исследование требует вдумчивости и изобретательности, но и вследствие необходимости ориентироваться во многих соседних науках. Леруа Ладюри, начинавший в качестве аграрного историка, в своих последних работах интенсивно использует методы структуралистского литературоведения²⁸.

В труде, ориентированном на изучение менталитета, неявно сопоставляются две картины мира — картина мира историка, исходя из которой он проводит исследование, и видение мира людьми изучаемой эпохи. Не представляет ли подобная конфронтация обоих сознаний главную привлекательную черту истории? Но в контексте исторического исследования рассмотрение «внутренней» точки зрения людей изучаемого общества, их миропонимания, менталитета диктуется необходимостью объяснить их поведение. Как неоднократно подчеркивали «анналисты», социальное поведение людей лишь отчасти диктуется их материальными интересами и социальным положением, — в огромной степени оно детерминировано совсем другими факторами — религиозным, этническим менталитетом, образованием или его отсутствием, половозрастной принадлежностью и т. д.²⁹ То, что является продуктом воображения и фантазии людей, их «заблуждения», «суеверия» и «иллю-

зии», их «ложное сознание» (Маркс), в неменьшей, а может быть, и в большей мере воздействует на их поступки и определяет социальное поведение индивидов и групп, чем привычные для историков классово-экономические факторы. Действия материальных факторов невозможно понять, если продолжать игнорировать весь этот мир эмоций и идей, культурных традиций, верований и стереотипов³⁰.

Общество живет как бы в двух измерениях — в материальном мире и в мире воображения. Собственно говоря, разграничение между ними весьма условно, и едва ли возможно найти такую сферу человеческой активности, в которой не переплетались бы материальное и идеальное. Эта противоположность в законченно метафизической форме восходит к марксизму, который, сконцентрировавшись на идее классовой борьбы, и историю философии интерпретировал в виде борьбы между материализмом и идеализмом, существенно упростив действительную ее картину (ср. ленинскую «теорию двух культур» — буржуазной и пролетарской). Перед историками, которые рассматривают общество как целостно-противоречивую систему, стоит нелегкая задача: охватить различные стороны его жизни, от экономической до интеллектуальной, и осмыслить ее в виде некоей тотальности.

Свидетельством того, что вопрос ставится именно так, служит выдвинутый «анналистами» идеал «тотальной», или «глобальной», истории. Они столкнулись со сложившимся еще в прошлом столетии размежеванием исторических дисциплин, при котором экономическая история оторвана от истории политической и от истории культуры или религии. Сам по себе неизбежный и оправданный процесс научной специализации привел к утрате целого — истории общественного человека. Реальная жизнь, богатая своими проявлениями и органически связанная, предстает в трудах историков разведенной по обособленным департаментам.

Поэтому потребность в историческом синтезе давно назрела. В какой мере подобный синтез достижим, остается не вполне ясным, скорее всего, это — «сверхзадача», к решению которой остается только стремиться, это горизонт, продвижение к коему порождает новые методологические проблемы. Но именно проблема исторического синтеза с самого начала занимала Февра и Блока — последователей в этом смысле А. Берра, который поставил ее в своем «Revue de Synthèse historique». Идеей «глобальной истории» руководствуются Дюби, Ле Гофф, Леруа Ладюри, Вовель, Ж.-К. Шмитт и ряд других представителей «Новой исторической науки». Можно утверждать, что одной из наиболее характерных черт этого направления исторической мысли, может быть, даже самой характерной и ценной в методологическом отношении, является именно проблема синтеза. Не во всех случаях предлагаемые этими историками конкретные решения вопроса представляются достаточно убедительными, подчас нетрудно заметить упрощения и «спрямления» связей, которые приводят к возврату к декларативно отвергаемой теории «базиса-надстройки». Не таковы ли формула М. Вовеля «От подвала к чердаку»³¹ или теория П. Шоню о «третьем уровне» действительности: первый — экономика, второй — социальный строй, третий — менталитет и идеология?³²

Разработка методов синтетического подхода к пониманию и изображению общества и его развития, невозможная без полидисциплинарности, требует от историка резкого расширения кругозора, выхода за привычные рамки относительной узкой специализации. На современном этапе «Новая историческая наука» мыслит себя как антропологически ориентированная история, в центре внимания которой стоит человек во всех его жизненных проявлениях — от производственной деятельности до семейных отношений и от техники до религиозной и интеллектуальной жизни. Историческая антропология или, может быть, лучше сказать, историческая культурантропология³³ и пытается осуществить полидисциплинарный синтез. Реализация его задач требует ученого нового типа — с широким кругозором, всесторонне образованного профессионала, который одновременно обладал бы солидной теоретической подготовкой и склонностью к вопросам методологии и эпистемологии.

Выше затронуты лишь некоторые аспекты методологии современного исторического знания. Речь шла только об одном историографическом направлении — школе «Анналов». Однако этот выбор далеко не случаен. Дело в том, что когда

критики констатируют кризис нашей профессии, они винят в нем прежде всего именно это направление. С такими обвинениями трудно согласиться. То, что в недрах «Новой исторической науки» с наибольшей отчетливостью обнаружилось новые тенденции, — свидетельство того, что этот кризис есть не что иное, как кризис роста. Услышав от своих коллег заявления о кризисе истории, Бродель возразил, что кризис есть нормальное состояние науки: наука, которая не ощущает кризиса, находится в состоянии стагнации³⁴.

Кризис роста, наблюдаемый ныне, выражается не в простом количественном накоплении, а в существенной ломке привычных стереотипов и устоявшихся схем, в назревании глубокой трансформации исследовательских методов и научных подходов. В центре кризиса стоит сам историк: ему предстоит менять свои методологические и гносеологические принципы и ориентации. Обрести эти новые позиции не так-то просто, но от его выбора зависит, в какой мере наша профессия освободится от груза прошлого и будет отвечать коренным запросам человека конца XX — начала XXI века.

Примечания

1. О «Новой исторической науке» см.: АФАНАСЬЕВ Ю. Н. Историзм против эклектики. М. 1980; ЕГО ЖЕ. Эволюция теоретических основ школы «Анналов». — Вопросы истории, 1981, № 9; ЕГО ЖЕ. Вчера и сегодня французской «Новой исторической науки». — Там же, 1984, № 8; ДАЛИН В. М. Историки Франции XIX—XX веков. М. 1981; STOIANOVICH T. French Historical Method: The «Annales» Paradigma. Ithaca — Lnd. 1976; IGGERS G. G. New Directions in European Historiography. Middletown. 1984; BURKE P. The French Historical Revolution. Cambridge. 1990.
2. STONE L. The Past and the Present Revisited. Lnd. 1987, pp. XI, XII, 30.
3. Ibid., p. 96.
4. Ibid., p. 21.
5. Ibid., pp. 28—42. Все эти замечания справедливы в отношении отдельных представителей «Новой исторической науки», но указанные тенденции отнюдь не характерны для таких наиболее крупных «новых историков», как Ж. Дюби, Ж. Ле Гофф или П. Тубер.
6. DOSSE F. L'histoire en miettes. P. 1987; Les «Annales» ne sont plus ce qu'elles étaient. — L'Histoire, 1989, № 121.
7. См. НЕРЕТИНА С. С. История с методологией истории. — Вопросы философии, 1990, № 9.
8. См. ГУРЕВИЧ А. Я. К дискуссии о докапиталистических общественных формациях. — Вопросы философии, 1968, № 2.
9. См. подробнее: ИЛЬЕНКОВ Э. Идеальное. — Философская энциклопедия. Т. 2. М. 1962, с. 219—227.
10. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 23, с. 21.
11. Философский словарь. М. 1961, с. 274.
12. ОРТЕГА-И-ГАССЕТ Х. Чистая философия. В кн.: Философия Канта и современность. Ч. 2. М. 1976, с. 129—130.
13. Когда в 20-е годы мой учитель А. И. Неусыхин опубликовал статьи о методологии Вебера, в которых демонстрировал ее научную плодотворность (НЕУСЫХИН А. И. Проблемы европейского феодализма. — Избранные труды. М. 1974, с. 472—498), он был подвергнут резкой и несправедливой критике.
14. См. две недавние редакционные статьи программного содержания: Histoire et sciences sociales: un tournant critique? — Annales, E. S. C., 1988, № 2, pp. 291—293; Histoire et sciences sociales: un tournant critique. — Annales, E. S. C., 1989, № 6, pp. 1319—1323.
15. MAUSS M. Essai sur le don. In: Mauss M. Sociologie et anthropologie. P. 1950.
16. ГУРЕВИЧ А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М. 1970, с. 63—82.
17. GINZBURG C. Storia notturna. Torino. 1989.
18. MUCHEMBLED R. Culture populaire et culture des élites dans la France moderne (XV-e — XVIII siècles). P. 1979.
19. DUBY G., LARDREAU G. Dialogues. P. 1980, p. 96; L e G o f f J. L'appetit de l'histoire. In: Essays d'ego—histoire. P. 1987, p. 233. «В традиции французских историков — быть философобами» (DOSSE F. L'histoire en miettes, p. 54).
20. BURKE P. Die «Annales» im globalen Kontext. In: Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaften, 1990, Hf. 1.
21. ФЕВР Л. Бои за историю. М. 1990, с. 35, 50 и др.; BURQUIÈRE A. De la compréhension en histoire. — Annales, E. S. C., 1990, № 1.
22. HALPHEN L. Introduction à l'Histoire. P. 1946, p. 61.
23. FINK C. Marc Bloch; A Life in History. Cambridge. 1989.

24. FEBVRE L. Combats pour l'Histoire. P. 1953; e j u s d. Pour une histoire à part entière. P. 1962; БЛОК М. Апология истории, или Ремесло историка. М. 1986.
25. FEBVRE L. La Problème de l'incroyance au XVI siècle: La Religion de Rabelais. P. 1942, p. 12.
26. «История — одна из труднейших наук: она хочет быть и самой объективной, и самой субъективной наукой одновременно... Ибо она представляет собою мышление человека об общественном человеке прошлого в терминах и этого прошлого, и того настоящего, к которому принадлежит познающий субъект; никакое историческое познание невозможно без этого сочетания» (НЕУСЫХИН А. И. Ук. соч., с. 518).
27. FEBVRE L. Le Problème de l'incroyance.
28. LE ROY LADURIE E. L'argent, l'amour et la mort en pays d'oc. P. 1980.
29. DUBY G. La Féodalité? Une mentalité médiévale. — Annales, E. S. C., 1958, № 4; EJUSD. Histoire sociale et idéologies des sociétés. In: Faire de l'histoire. T. 1. P. 1974.
30. DUBY G. L'Histoire des mentalités. Histoire et ses méthodes. P. 1961; EJUSD. Problèmes et méthodes en histoire culturelle. — Objet et méthode d'histoire de la culture. P. 1982. Ср.: BOURQUIN J.-Chr. Georges Duby et l'Histoire des mentalités; une vue d'ensemble. — Mentalités. Mentalities. An Interdisciplinary Journal, Vol. 4, 1987, № 2; Vol. 5, 1988, № 1.
31. VOVELLE M. De la cave au grenier. Québec. 1980.
32. CHAUNU P. Un nouvel champ pour l'histoire sérielle: le quantitatif au 3e niveau. Mélanges Braudel. Toulouse, 1973; EJUSD. Histoire quantitative, histoire sérielle. — Cahiers des Annales, 1978, № 37.
33. См. ГУРЕВИЧ А. Я. Историческая наука и историческая антропология. — Вопросы философии, 1988, № 1; ЕГО ЖЕ. Историческая антропология: проблемы социальной и культурной истории. — Вестник АН СССР, 1989, № 7.
34. BRAUDEL F. En guise de conclusion. — Review (The Impact of the Annales School on the Social Sciences), 1978, Vol. 1, № 3/4, p. 260.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Шарль де Голль

М. Ц. Арзаканян

22 ноября 1890 г. в семье Жанны и Анри де Голля родился третий сын, Шарль. Анри де Голль, дворянин, верующий католик и истинный патриот, преподавал философию и литературу в парижском коллеже иезуитов. Он был человек правых взглядов и сам себя называл «тоскующим монархистом». Молодая французская республика не вызывала у него симпатий. Жанна де Голль, глубоко религиозная женщина, происходила из правобуржуазной семьи. Своих пятерых детей (у Шарля было три брата и сестра) родители воспитывали в духе католицизма и патриотизма. С самого раннего детства их знакомили с догмами христианской религии, с историей и культурой Франции. 14 июля в семье не праздновалось, а «Марсельезу» Анри де Голль называл «безбожной песней». Историю родной страны отец представлял детям как историю французской нации, ее побед и поражений. Нация и Родина. Эти два понятия в семье ставились выше всего.

С раннего детства Шарль много читал. Наибольшее предпочтение он отдавал французскому драматургу Ростану, и в первую очередь его «Сирано де Бержераку». Премьера этой пьесы состоялась в Париже в 1897 году. Она принесла триумф ее автору и была воспринята как возрождение национальных поэтических традиций. Очень быстро для подростков конца XIX — начала XX в. отважный, пылкий Сирано стал идеалом. Юный Шарль выучил всю драму Ростана наизусть и даже написал в подражании ему свою собственную пьесу «Дурные встречи».

В 1901 г. Шарль начинает учебу в коллеже, где преподавал его отец. Разумеется, большое значение в нем придавалось религиозному воспитанию. Но вместе с тем ученики получали прекрасное гуманитарное образование.

Еще в отрочестве Шарль проявлял себя гордым и строптивым, но в то же время мечтательным и романтичным. Он много думал об исторических судьбах своей родины, о развитии французской нации, о ее современном состоянии. Его не покидала мысль о том, что он просто обязан что-то сделать для своей страны, ее величия и процветания. Какой путь для этого избрать? Задолго до окончания учебы де Голль остановил свой выбор на военной карьере. Будущий генерал писал в своих «Военных мемуарах», что, по его мнению, «армия занимала очень большое место в жизни народов»¹. Он мечтал о победах и славе во имя Франции.

Итак, он твердо решил стать офицером французской армии и, закончив коллеж, в 1909 г. поступил в знаменитое военное училище Сен-Сир. Опять началась учеба. Многочисленные военные дисциплины сочетались с усиленной физической

Арзаканян Марина Цолаковна — кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории АН СССР.

подготовкой. В свободное время де Голль как всегда много читал. Среди его любимых авторов — мыслители и писатели прошлого, а также его современники. Творчество и идеи некоторых из них оказали большое влияние на мировоззрение и мировосприятие будущего военного и политика. Это были прежде всего философы Э. Бутру и А. Бергсон, писатель М. Баррес, поэт Ш. Пеги.

Участь в Сен-Сире, де Голль никогда не переставал думать о собственном назначении в жизни. В свои 20 лет он считал, что ее смысл «состоит в том, чтобы совершить во имя Франции выдающийся подвиг»². В его внешности уже оформились характерные черты — почти двухметровый рост и большой нос. Он был по-прежнему гордым и в любой ситуации умел сохранять чувство собственного достоинства. Товарищи называли его по-разному: «Двухметровый Шарль», «Коннетабль», и даже «Король в изгнании».

В 1912 г. де Голль в звании младшего лейтенанта окончил Сен-Сир с отличной аттестацией: «Обладает большими способностями, энергией, усердием, энтузиазмом, самостоятельностью и решительностью. Может стать прекрасным офицером»³.

Через два года началась первая мировая война. Почти всеми молодыми офицерами французской армии это событие было воспринято как неизбежное и естественное. Де Голль был среди них. Он ушел на фронт в первые дни войны, храбро сражался и думал только о победе. В канун 1916 г. он писал отцу в Париж: «Дорогой отец, вместе с моей бесконечной любовью посылаю Вам единственное пожелание, которое подобает послать — французской победы в 1916 году»⁴. За участие в боях де Голль был произведен в капитаны. Был трижды ранен. Самым тяжелым было последнее ранение, полученное в рукопашной схватке под Верденом в марте 1916 года. Де Голля сочли мертвым и оставили на поле боя. Он был подобран немцами и так оказался в плену. Пять раз пытался бежать, но безуспешно. В результате в лагерях на территории Германии ему пришлось провести почти три года. Это время не прошло для де Голля бесследно. В плену он совершенствовал свои знания немецкого языка, пристально следил за военным положением. Молодой капитан обдумывал многие проблемы, постоянно вел записи в своем дневнике. Позднее, через несколько лет то, что было замыслено им в плену, нашло законченное выражение в его статьях и книгах.

Только после окончания войны де Голль вернулся на родину. В начале 1919 г. он в числе многих своих соотечественников завербовался в Польшу, где до начала 1921 г. вел обучение офицеров. После этого он вновь приехал во Францию, женился на Ивонне Вандру. Молодая чета поселилась в Париже. Де Голлю предложили место профессора военной истории в Сен-Сире. Но он мечтает поступить в Высшую военную школу, успешно сдает конкурсные экзамены и осенью 1922 г. приступает к занятиям. Занятия в школе длились два года. В 1924 г. де Голль уже выпускник с прекрасной характеристикой: «Очень способный и широко образованный, отлично ориентируется на местности, отдает четкие приказы, решителен, трудолюбив... Личность очень развитая, с большим чувством собственного достоинства. Может достичь блестящих результатов»⁵.

В середине 20-х годов в жизни будущего генерала открывается новый, очень важный этап. Его деятельность выходит далеко за рамки офицерской службы. Он начинает публиковать статьи, выступать с докладами, писать книги, касающиеся как военных, так и других проблем. В них де Голль изложил свою военную доктрину, свои убеждения, свое жизненное кредо. В межвоенный период его идеи по военной стратегии и тактике не получили широкого распространения и признания. Но уже в начале второй мировой войны, после поражения Франции, которое де Голль фактически предсказывал, они стали предметом пристального внимания и как бы получили второе звучание.

В 1924 г. вышла первая книга де Голля — «Раздор в стане врага». Она касалась событий первой мировой войны. Самое интересное в книге — это ее выводы. Де Голль указывал, что Германия проиграла войну из-за несогласованности действий военного командования и гражданских властей. Он подчеркивал, что военные власти как в мирное время, так и во время войны обязаны всецело подчиняться своему правительству.

В том же году де Голль был послан на несколько месяцев в оккупированную Францией Рейнскую область, где заметил первые признаки подготовки реванша за недавнее поражение.

В следующем, 1925 г. капитан де Голль перешел на работу в кабинет маршала Петена. Первая встреча двух военных произошла задолго до этого. Еще в 1912—1913 гг., сразу после окончания Сен-Сира де Голль служил в г. Аррасе под командованием Петена. Тогда он был лишь полковником, а теперь уже стал маршалом.

Де Голлю сразу было дано задание — изучить вопрос об оборонительных укреплениях Франции в ее северо-восточных областях. Именно в это время французское военное командование во главе с Петеном выдвинуло идею строительства вдоль западных границ Франции оборонительных сооружений. Она базировалась на тезисе о том, что страна, добившись возвращения Эльзаса и Лотарингии, теперь должна лишь надежно защищаться. Между тем такая идея выглядела явно устаревшей, так как совсем не учитывала стремительного развития военной техники. Де Голль это понял одним из первых. Он выполнял задание маршала и заявил, что оборонительные сооружения Франции нужны, но что на этом никак нельзя строить всю военную доктрину страны и тем самым обрекать армию на пассивность. Вскоре, однако, Франция приступила к строительству системы укреплений, получившей название «линии Мажино».

В 1926 г. де Голль разработал проект программы обучения в Высшей военной школе. Пожалуй, это первый документ, из которого мы узнаем, что де Голль наравне с военными интересовался и политическими проблемами. Он считал, что офицеры высшей школы обязаны быть знакомы со всеми сторонами жизни современного французского общества, в том числе и политикой. Нетрудно догадаться, что если де Голль предлагал изучать политические вопросы, то сам тоже ими интересовался. Однако проявить свой собственный политический талант судьба предоставит ему возможность еще не скоро. А пока де Голль лишь выражал сожаление по поводу политической системы, существующей в стране. В правительственной нестабильности он видел препятствие к выработке стройного плана национальной обороны.

В 1932 г. выходит вторая книга де Голля — «На острие шпаги». Она написана прекрасным литературным языком, в возвышенном стиле. В ней чувствуется влияние на автора идей Бергсона, Ницше, Морраса. В общем, работа посвящена роли армии и личности в истории. Автор показал, каким должен быть, на его взгляд, руководитель армии и вообще обрисовал сильную личность, вождя.

Время шло. Де Голль продолжал жить и работать в Париже. Его семья состояла уже из пяти человек. У него было трое детей. Сын Филипп родился в конце 1921 года. В 1924 г. родилась дочь Элизабетт, и в 1928 г. — дочь Анна. Младшая девочка от рождения страдала умственной недостаточностью и дожила всего до 20-ти лет. Ее тяжелый недуг стал общим семейным горем. В 1934 г. де Голли по случаю купили небольшое имение — дом с парком — «Буассери». Оно располагалось в Шампани, в небольшой деревне Коломбэ-ле-дэз-Эглиз почти в 300 километрах от Парижа. В семье решили, что там, вдали от столичной суеты, Анна будет чувствовать себя лучше, да и старшие дети станут с удовольствием проводить каникулы. Итак, дом был куплен. Постепенно его очень полюбил сам де Голль. Он велел пристроить к нему небольшую круглую башенку, в которой разместил свой кабинет. Коломбэ со временем стало его родным домом и любимым местом пребывания.

Тем временем события в Европе развивались. В Германии пришел к власти Гитлер, и началась открытая пропаганда реваншистских идей. Но казалось, что французские правящие и военные круги это мало беспокоило. Генералы во главе с маршалом Петеном утверждали, что «линия Мажино» совершенно неприступна. Принцип пассивности окончательно лег в основу национальной обороны. Де Голль стал первым офицером французской армии, который счел своим долгом открыто выступить против такой пагубной военной доктрины. Мало того, он выдвинул свои собственные предложения, как можно и нужно по-настоящему защитить родину от врага, в своей третьей книге — «За профессиональную армию» (1934 г.).

Панацеей от всех возможных бед де Голль считал незамедлительное формиро-

вание бронетанковых войск, фактически первым во Франции предсказав решающую роль танков в будущей войне. В заключении книги он писал, что сейчас его стране необходима настоящая личность, способная возглавить армию и повести ее за собой. Такой личностью может стать только тот, «кто достаточно силен, чтобы заставить признать себя... и достаточно талантлив, чтобы осуществить дело»⁶. Здесь мы явно узнаем портрет самого автора, вернее, его автопортрет:

Идеи, высказанные де Голлем, были встречены враждебно. На глазах портились его отношения с маршалом Петеном, который раньше ему покровительствовал.

В 1937 г. де Голль получает повышение. В 47 лет он становится полковником. Его назначают командиром танкового полка в г. Меце, чуть ли не единственного во Франции. А Европа шла к войне с головокружительной быстротой. В марте 1938 г. Германия захватила Австрию, а в сентябре было подписано Мюнхенское соглашение. Франция фактически начала проводить прогерманский внешнеполитический курс.

Де Голль с горечью взирал на все происходящее. В 1938 г. выходит его четвертая книга — «Франция и ее армия». Он напишет позднее: «Это было моим последним предупреждением, с которым я со своего скромного поста обращался к родине накануне катастрофы»⁷. Книга в целом была посвящена истории французской армии. В ее заключении автор писал о будущей войне, которую считал неизбежной. Де Голль утверждал, что Франция к ней совершенно не готова и требовал скорейшего создания танковых войск и авиации. Но его опять никто не захотел услышать. Но не прошло и года как катастрофа разразилась.

В мае 1940 г. Германия начала стремительное наступление на Западном фронте. Как известно, немцы нанесли первый удар по французской границе через территории нейтральных стран — Бельгии и Голландии, а затем их главные силы атаковали французскую территорию в районе г. Седан, где кончались укрепления «линии Мажино». Фронт был прорван. Французская армия поспешно отступала.

11 мая де Голль получил приказ принять командование только что сформированной из разрозненных частей 4-й бронетанковой дивизией. Она самоотверженно сражалась, неся большие потери. В конце месяца де Голль был произведен в чин бригадного генерала и вскоре назначен заместителем военного министра. Он немедленно прибыл в столицу и там узнал, что в состав правительства введены также сторонники прекращения войны, например, маршал Петен. Де Голль упорно настаивал на ее продолжении. Он пытался убедить в этом Рейно и предложил правительству перебраться в североафриканские владения Франции, чтобы продолжать борьбу, опираясь на огромную колониальную империю страны. 9 июня де Голль вылетел в Лондон. Там он впервые встретился с премьер-министром Великобритании Черчиллем и пытался добиться его поддержки. Но тот явно скептически отнесся к заверениям о решимости Франции продолжать войну. События приобретали все более грозный характер. Немецкие войска находились уже близ Парижа. Правительство бежало из столицы в Бордо. Даже после этого де Голль опять предпринял отчаянные попытки убедить Рейно не складывать оружия, а перебраться в Алжир. Но безрезультатно. 16 июня кабинет подал в отставку, а новый сформировал маршал Петен. Теперь капитуляция Франции была неминуемой. Все, что творилось в эти дни, казалось де Голлю каким-то абсурдом. Он отказывался верить в то, что его страна повержена, и думал только об одном: любой ценой, любыми средствами продолжать битву, даже если этого хочет только он один. И вот бригадный генерал принимает решение, которое перевернуло всю его жизнь. 17 июня де Голль вылетает в Лондон для того, чтобы сказать «нет» поражению Франции и бороться дальше. В этот же день он встретился с Черчиллем, когда уже стало известно, что маршал Петен обратился к правительству Германии с просьбой о перемирии. Де Голля это побудило к быстрым действиям. Он заявил английского премьера в своем твердом намерении продолжать борьбу. 18 июня генерал уже писал знаменитое воззвание к своим соотечественникам, которое прочитал в 8 часов вечера по английскому радио. Очевидцы вспоминали, что де Голль не спал почти двое суток. Усталый, бледный, он вошел в радиостудию, положил перед

собой исписанный мелким почерком листок и стал читать неровным прерывистым голосом⁸. В своей краткой речи никому не известный генерал доказывал, что положение Франции далеко не безнадежно, потому что война носит мировой характер и ее исход не будет решен лишь битвой за Францию. Заканчивалась речь следующими словами: «Я, генерал де Голль, ныне находящийся в Лондоне, приглашаю французских офицеров и солдат, которые находятся на британской территории или смогут так оказаться, установить связь со мной. Что бы ни случилось, пламя французского Сопrotивления не должно погаснуть и не погаснет. Завтра, как и сегодня, я буду выступать по радио Лондона»⁹.

Мало кто услышал первую лондонскую речь де Голля во Франции. Но уже через некоторое время она стала исторической. Произнеся эти 40 строчек, генерал, по его собственным словам, почувствовал, как он заканчивает одну жизнь и начинает другую¹⁰. Совершенно сознательно, следуя только собственным убеждениям, он перечеркнул прошлое и вступил в неизвестность, конечно понимая, каким трудным и тернистым будет его дальнейший путь. Но, обладая сильным характером, твердой силой воли и честолюбием, генерал смело пошел навстречу судьбе. Вот так де Голль стал де Голлем, первым французом, поднявшим факел Сопrotивления своей родины.

22 июня было подписано франко-германское перемирие. По его условиям французская армия и флот разоружались и демобилизовывались. Франция должна была выплачивать огромные оккупационные платежи, две трети страны, включая Париж, были оккупированы Германией, а ее южная часть (так называемая свободная зона) и колонии не подвергались оккупации и контролировались правительством Петена. Оно обосновалось в небольшом курортном городке Виши. Де Голль новый кабинет вскоре заочно приговорил к смертной казни за «дезертирство» и «измену». Такое решение не могло уже ни утрашить, ни огорчить генерала. Отныне для него существует две Франции. Одна — это та, которая позорно капитулировала. Другая — это его Франция, которая будет сражаться с врагом до победного конца, чего бы ей это не стоило. Осознавал де Голль это или нет, но уже в июне 1940 г. он встал на политический путь. Ведь противопоставив себя и свое дело официальной доктрине французского правительства, он сразу оказался в другом политическом лагере. В результате война не только перевернула жизнь де Голля, но и стала для него дорогой к политической карьере. До войны, по свидетельству сына генерала, его отец о ней никогда не думал. Он мыслил себя скорее известным полководцем, но никак не политиком¹¹.

Семья генерала также прибыла в Лондон. Его жена и трое детей в июне 1940 г. находились в Бретани. В одном из последних писем, отправленном жене из Парижа, де Голль писал: «Если только перемирие будет подписано, немедленно садись с детьми на пароход и уезжай. Я не сдамся»¹². Ивонне де Голль удалось сесть буквально на последнее судно, отплывающее в Англию. 19 июня она с детьми была уже в Лондоне.

28 июня английское правительство объявило, что оно признает де Голля как главу «Свободных французов» и отдало в его распоряжение небольшое помещение в Лондоне на Карлтон-гарденс, 4. Теперь свою основную задачу де Голль видел в формировании на территории Англии французских добровольческих сил, которым будет суждено именоваться «Свободными французами». Он начал искать сторонников. И действительно к нему стали присоединяться военные и штатские лица. Так в течение летних месяцев сложилось ядро организации «Свободных французов». Ее девизом стали слова «Честь и родина», а эмблемой — Лотарингский крест. Его изображение навсегда станет символом голлистского движения. Английское правительство предоставило де Голлю и его сторонникам возможность два раза в день по 5 минут проводить вещание на Францию через лондонское радио.

Постепенно весть об основании генералом де Голлем организации «Свободные французы» облетела весь континент. Мало по малу к нему в Лондон начали съезжаться французы, которых война застала на разных материках земли. Ехали из Африки, Америки и даже Австралии.

7 августа 1940 г. де Голль и Черчилль подписали соглашение относительно

организации, формирования и использования французских добровольческих сил в Англии. Соглашение окончательно конституировало существование организации «Свободных французов», вскоре переименованной в «Свободную Францию».

В первую очередь генерал направил свои усилия на овладение французскими колониями. С помощью своих сторонников он начал там пропаганду в пользу продолжения войны и присоединения к «Свободной Франции». Администрация Северной Африки категорически отклонила такие предложения и осталась верной вишистскому правительству. Зато откликнулись колонии Французской Экваториальной Африки. Чад, Конго, Убанги-Шари, Габон, Камерун заявили о своем признании де Голля. В результате «Свободная Франция» получила собственную территориальную базу.

Службы «Свободной Франции» размещались на Карлтон-гарденс, 4. Неподалеку отсюда и жили первые голлисты. Лидер их движения снимал номер в отеле «Кониэт». Все дни недели он неустанно работал: писал свои речи и обращения, разрабатывал планы действий, давал указания. Редко, когда выдавалась свободная минутка, генерал читал и перечитывал своих любимых авторов. На его письменном столе можно было увидеть томики Паскаля, Монтеня, Бергсона, Гегеля. Вот как представил нам де Голль того времени Ж. Шастене: «Очень высокого роста, худощавый, монументального телосложения, с длинным носом над маленькими усиками, слегка убегающим подбородком и властным взглядом, он казался намного моложе своих 50-ти лет. Одетый в форму цвета хаки и головной убор такого же цвета, украшенный двумя звездами бригадного генерала, он ходил всегда широким шагом, держа, как правило, руки по швам. Говорил медленно, резко, иногда с сарказмом. Память его была поразительна. От него просто веяло властью монарха, и теперь, как никогда, он оправдывал эпитет «король в изгнании»¹³.

С самого начала войны де Голль проявил себя искусным дипломатом. Свои отношения с Англией и США он стремился строить на основе равноправия и отстаивания французских национальных интересов. Генерал все время упорно доказывал союзникам, что только возглавляемая им «Свободная Франция» — подлинная представительница французского народа, а правительство Виши незаконно. Де Голль старался всеми силами вернуть Франции международный авторитет и ранг великой державы. Офицеры и солдаты «Свободной Франции» постоянно принимали участие в военных операциях, разворачиваемых союзниками. В конце 1940 г. их было всего 7 тыс., но менее чем через два года это число выросло в 10 раз.

Англия и особенно США поначалу не склонны были идти навстречу интересам де Голля. Соединенные Штаты поддерживали дипломатические отношения с Виши, и претензии «Свободной Франции» казались им необоснованными. Сразу после начала в июне 1941 г. Великой Отечественной войны де Голль высказался за установление связей с Москвой. Советский Союз признал созданную де Голлем организацию, и это укрепило позиции «Свободной Франции».

24 сентября 1941 г. он издал ордонанс, учреждающий в рамках «Свободной Франции» Французский национальный комитет, временно осуществлявший функции государственной власти. Он был призван существовать до тех пор, «пока не будет создано представительство французского народа, способное независимо от врага выражать волю нации»¹⁴. В него входили комиссары, назначаемые председателем, де Голлем. Первоначально их было семь. За каждым закреплен определенный участок работы. Так было создано некоторое подобие правительства.

Уже в середине 1941 г. к де Голлю в Лондон начали приходить известия о развитии движения Сопротивления на территории Франции, которое постепенно превращалось во внушительную действенную силу. В нем были представлены почти все слои французского народа. Де Голль поставил перед собой задачу объединить разрозненные силы Сопротивления вокруг «Свободной Франции». В связи с этим генерал выступил с рядом речей, где изложил программу возглавляемой им организации. Для того, чтобы практически приступить к объединению различных группировок Сопротивления под своим руководством, генерал начал направлять во Францию особые «политические миссии». Главная из них была поручена известному

деятелю Сопротивления Ж. Мулену. Мулен по своей инициативе прибыл к де Голлю в Лондон и представил ему доклад об обстановке во Франции. Он произвел сильное впечатление на главу «Свободной Франции», и тот решил возложить на него ответственную миссию — объединить все группировки Сопротивления и обеспечить их подчинение лондонскому руководству. 1 января 1942 г. Мулен спрыгнул с парашютом в Южной Франции¹⁵. Сначала дела у него складывались нелегко. Не все деятели Сопротивления ратовали за подчинение де Голлю. И все же постепенно многие начали склоняться к этому. В Лондон стремились попасть руководители различных группировок Сопротивления, чтобы лично познакомиться с генералом.

В июне 1942 г. «Свободная Франция» была переименована в «Сражающуюся Францию», во главе которой стоял Французский национальный комитет, имеющий единоличное право организовывать участие французов в войне и представлять французские интересы при союзниках. «Сражающаяся Франция» была признана СССР, Англией и США. Однако последующие события показали, что и этот акт не упрочил положения де Голля. Соединенные Штаты и Англия считали, что он чересчур строптив, и вынашивали планы заменить его более податливым и сговорчивым человеком. Для де Голля настал час труднейших испытаний. На карту оказалось поставленным все, чего он добился за два года своим умом, талантом, упорством и силой воли.

После разгрома немецко-фашистских войск под Сталинградом наметился коренной перелом в ходе войны. Поражение Германии и ее союзников на Восточном фронте создало благоприятные условия для открытия второго фронта в Западной Европе, что Англия и США обещали сделать в 1942 году. Однако вместо этого они решили высадить десант в Алжире и Марокко, где стояли вишистские войска. Операция была назначена на 8 ноября 1942 года. Американцы считали, что нужно действовать в согласии с вишистскими войсками, и решили найти какого-нибудь высокопоставленного французского военного, который смог бы увлечь за собой вишистскую администрацию и армию. На такую роль по их мнению вполне подходил командующий французским флотом, вишист адмирал Дарлан. К тому же с начала ноября он как раз находился в Алжире. Американцы позаботились о запасном варианте. Они держали наготове еще одного французского военного, генерала армии Жиро. Того или другого союзники прочили на место де Голля. О готовящейся военной операции его даже не предупредили.

Итак, 8 ноября крупные англо-американские силы высадились на территории Алжира и Марокко. Вишистские военные силы после недолгого сопротивления сложили оружие. В ответ на это Германия оккупировала южную зону Франции. Американское командование провозгласило адмирала Дарлана Верховным комиссаром Северной Африки. Но 24 ноября он был застрелен, причем причины его убийства остаются не вполне ясными даже сегодня. Буквально через несколько дней на его место был назначен Жиро, получивший титул «гражданского и военного главнокомандующего». Его окружение состояло в основном из вишистов, перешедших на сторону США. К режиму Виши явно сочувственно относился и сам генерал. Политика его не интересовала. Своей главной задачей он видел только победу в войне. «В принципе Жиро не возражал против объединения со «Сражающейся Францией», но, командуя крупной армией и далеко превосходя бригадного генерала по званию, он считал само собой разумеющимся, что сравнительно слабые силы «Сражающейся Франции» должны перейти в его подчинение»¹⁶. Жиро занимал явно проамериканскую позицию, действовал по указке президента США Франклина Рузвельта и был поддержан им в своих намерениях относительно лондонской организации.

Де Голль был поставлен перед фактом ловкой игры союзников за его спиной. «Сражающаяся Франция», первая поднявшая факел борьбы против немецких захватчиков, была оттеснена на задний план. Смириться с этим генерал, конечно, не мог и опять настойчиво и упорно начал борьбу за свое признание. В начале 1943 г. де Голль вызывает Жиро на «дуэль»¹⁷. Оружие, которое он предложил своему сопернику, называется дипломатизмом, ловкостью и политическим чутьем. Де Голль нашел путь к победе, который мог лежать только через привлечение на свою

сторону всех сил внутреннего французского Сопротивления. В мае 1943 г. Жану Мулену удалось объединить 16 основных организаций Сопротивления в единый Национальный совет Сопротивления. Первым председателем совета стал сам Жан Мулен. После его ареста и трагической гибели в застенках гестапо этот пост занял Жорж Бидо.

Заручившись поддержкой со стороны внутреннего Сопротивления, де Голль начал переговоры с Жиро о необходимости их встречи и объединения. Правительства США и Англии посоветовали Жиро согласиться, и тот пригласил де Голля в Алжир. Как раз перед отъездом из Лондона глава Французского национального комитета получил телеграмму от Мулена, в которой говорилось, что подготовка к созданию Национального совета Сопротивления завершена. В ней указывалось также, что «французский народ никогда не допустит подчинения генерала де Голля генералу Жиро и требует быстрее учреждения в Алжире Временного правительства под председательством де Голля»¹⁸. Так, получив крупный козырь и представ перед общественным мнением в качестве национального лидера, пользующегося поддержкой движения Сопротивления, генерал 30 мая 1943 г. явился в Алжир.

Де Голль и его сторонники понимали, что сразу устранить Жиро от руководства невозможно, поэтому они предложили создать правительственный орган, возглавляемый двумя председателями. В результате 3 июня 1943 г. в Алжире де Голль и Жиро подписали ордонанс, учреждающий Французский комитет национального освобождения (ФКНО). В комитет вошли де Голль и Жиро в качестве председателей, а также еще 5 человек. Свои задачи ФКНО видел в том, чтобы вместе с союзниками продолжать борьбу «до полного освобождения французских территорий и территорий союзников, до победы над всеми враждебными державами». ФКНО обязался «восстановить все французские свободы, законы республики и республиканский режим»¹⁹. 7 июня были сформированы комиссариаты (министерства) ФКНО, а его состав расширен.

С формированием ФКНО для де Голля закончился еще один этап его жизни и деятельности. Ушли в прошлое героические дни и месяцы лондонской эпопеи. Франция благодаря де Голлю заняла свое место в ряду союзников и сражалась вместе с ними за разгром фашизма. Сам генерал за эти годы, отстаивая подлинные интересы своей страны, не раз проявил себя как талантливый и мудрый политик. Он заканчивал свою военную карьеру и начинал карьеру политическую. Теперь все его усилия были направлены на то, чтобы Франция как можно скорее была освобождена. Своей деятельностью в этом направлении де Голль отводил первостепенное значение. В конце августа 1943 г. заявление о признании ФКНО опубликовали одновременно СССР, Англия, США, а в течение последующих недель еще 19 государств. В том же году де Голль искусно отстранил от дел Жиро. Он был твердо уверен, что отныне судьба его страны должна быть связана с его жизнью и деятельностью.

17 сентября 1943 г. по инициативе де Голля ФКНО принял ордонанс об учреждении в г. Алжире представительного органа наподобие парламента — Временной Консультативной ассамблеи. Она была сформирована из 94 человек, представителей организаций Сопротивления, бывших парламентариев и делегатов населения освобожденных территорий. В начале ноября ФКНО принял решение о введении в свой состав представителей основных политических течений и организаций Сопротивления. 3 ноября на первом заседании Консультативной ассамблеи де Голль выступил с торжественной речью, в которой он высоко оценил созыв ассамблеи и заявил о программе реформ, которую собирался осуществить после освобождения Франции.

Летом 1944 г. настал час долгожданного освобождения. В июне англо-американские войска под командованием генерала Эйзенхауэра высадились в Северной Франции, а в августе — на юге. Де Голль добился согласия Англии и США на участие в освобождении своей страны войск ФКНО и получил возможность ввести своих представителей в состав межсоюзного командования. Таким образом, за англо-американскими войсками на землю Франции вступили воинские части ФКНО, который стал именоваться Временным правительством Французской

республики. 24 августа был освобожден Париж. В тот же день туда прибыл де Голль. Через два дня на Елисейских полях по случаю освобождения состоялась грандиозная манифестация. В присутствии членов правительства и Национального совета Сопротивления де Голль зажег огонь на могиле неизвестного солдата около Триумфальной арки, потушенный более четырех лет назад захватчиками. Оттуда де Голль прошел в окружении своих соратников к площади Согласия и к Собору Парижской богородицы, чтобы присутствовать на торжественной благодарственной молитве. На всем пути следования генерала приветствовали жители столицы. «И вот я иду, — вспоминал он, — взволнованный и в то же время спокойный, среди толпы, чье ликование невозможно описать,.. стараясь охватить взглядом каждую волну этого человеческого прилива... Это минута, когда происходит чудо, когда пробуждается национальное сознание, когда Франция делает один из тех жестов, что озаряет своим светом нашу многовековую историю»²⁰. Конечно, в эти минуты де Голль был счастлив. Он вместе со всеми праздновал победу, но не только общую, но и свою личную. Он совершил выдающийся подвиг во имя и во славу своей отчизны²¹.

23 октября 1944 г. возглавляемое де Голлем Временное правительство было признано СССР, Англией и США. Вскоре после этого генерал приступил к осуществлению своих внешнеполитических замыслов, направленных на укрепление позиций Франции на мировой арене. Он, в частности, провозгласил курс на сближение с СССР. В ноябре — декабре 1944 г. французская правительственная делегация во главе с де Голлем посетила Советский Союз с официальным визитом. Переговоры завершились подписанием Договора о союзе и взаимной помощи между двумя странами.

Большую программу преобразований Временное правительство осуществило в области внутренней политики. В первую очередь оно восстановило в стране все демократические свободы, ликвидированные во время оккупации, предоставило право голоса женщинам. Были национализированы некоторые отрасли промышленности и банки. Правительство провело также ряд очень важных мероприятий в социально-экономической сфере: увеличило заработную плату на 40—50%, утвердило оплачиваемые отпуска, а также ввело целую систему пособий.

Осенью 1945 г. прошли первые послевоенные выборы в Учредительное собрание Франции. В него вошли представители левых — ФКП, Социалистической партии (СФИО), Демократического и Социалистического союза Сопротивления (ЮДСР), а также члены Народно-республиканского движения (МРП), радикалы и различные правые группировки.

Де Голль еще во время войны стремился представить себя единственным лидером французской нации. Теперь, в период освобождения он хотел сохранить такой же облик. Генерал не желал, чтобы его отождествляли с каким бы то ни было политическим объединением, а стремился встать над классами и партиями. Де Голль был доволен результатами выборов. Однако он понимал, что отныне его власть уже не будет непререкаемой и неоспоримой, так как теперь право на политическое лидерство у него станут оспаривать возродившиеся партии. Ведь именно «режим партий» привел, на его взгляд, страну к национальной катастрофе в 1940 году. А теперь эти партии были готовы оспаривать все его решения, его, который невероятными усилиями ликвидировал последствия этой катастрофы. Подтверждений своим опасениям де Голлю не пришлось долго ждать. В конце декабря его правительство представило на обсуждение Учредительного собрания бюджет на 1946 год. Депутаты-социалисты предложили сократить на 20% военные расходы. Их поддержали коммунисты. Генерал решительно протестовал. В результате был найден компромисс. Однако для себя он тут же сделал вывод, что управлять без собрания ему не удастся, а управлять вместе с ним он не станет. Так было принято решение подать в отставку.

Для начала де Голль решил взять небольшой отпуск, ведь он не отдыхал семь лет. Он встретил Новый год в Париже, 3 января присутствовал на свадьбе дочери Элизабет и сразу после церемонии вместе с женой уехал на юг Франции, в курортный городок Иден-Рок. Отпуск у Средиземного моря длился всего восемь дней. На

пустынным зимнем курорте можно было увидеть, как знаменитый генерал в сером штатском костюме, в шляпе и с тростью, с сигаретой во рту, неприкаянно ходит своей размашистой походкой вдоль скалистого берега. 14 января де Голль вернулся в Париж. 20 января он попросил собраться всех министров в военном министерстве на улице Доминик и сделал короткое заявление об отставке. В следующем месяце де Голль писал своему сыну: «Ты, конечно, поймешь основные причины, заставившие меня решить дать развиваться установившейся политической практике уже без меня. Нужно было сделать выбор. Нельзя быть одновременно человеком испытанным бурей и низких политических комбинаций»²². Вот так, словами одного из биографов генерала, де Голль - «символ» продиктовал выбор де Голлю - человеку.

Хотел ли де Голль действительно отойти от политики? Конечно, нет. Его приближенные утверждают, что он рассчитывал вскоре вернуться к власти²³. Он думал, что после его отставки по всей стране развернется кампания за его возвращение. В таком случае он смог бы продиктовать Учредительному собранию свои условия. Однако ничего подобного не произошло. В конце января 1946 г. социалистом Ф. Гуэном был сформирован новый кабинет. В его состав вошли представители ФКП, Социалистической партии и МРП. Так во Франции начался период правления трехпартийного блока.

Де Голль пребывал в некотором замешательстве, хотя складывать оружия не собирался. Он явно рассчитывал, что призыв к нему все-таки будет брошен. Мог ли генерал думать тогда, что ждать такого призыва ему придется долгих двенадцать лет. Он хотел покинуть Париж и уехать в свой дом в Коломбэ. Но тот сильно пострадал во время войны, и сейчас там полным ходом велись реставрационные работы. Пришлось ждать до мая, а пока пожить с семьей близ столицы в небольшом особнячке Марли.

Весной 1946 г. Учредительное собрание закончило разработку новой конституции. Большинство голосов депутатов ее проект был одобрен. Преобладающее место в политической жизни страны в проекте отводилось однопалатному парламенту — Национальному собранию, обладавшему широкими полномочиями и контролирувавшему деятельность правительства. Национальное собрание должно было избирать президента республики, который не имел реальной власти. Проект был вынесен на всеобщий референдум, но отклонен, хотя и незначительным большинством. После референдума, в июне были снова проведены выборы в Учредительное собрание, чтобы оно уже новым составом опять взялось за разработку конституции.

Де Голль не вмешивался в кампанию по референдуму и выборам. Жил пока в Марли. Он отпраздновал свою серебряную свадьбу. Начал писать «Военные мемуары» и много времени проводил за чтением собственных речей военной поры. Иногда генерал выезжал из своего убежища в Париж. Журналисты тут же настораживались, полагая, что сейчас де Голль сделает какое-нибудь заявление. А он отправлялся на Елисейские поля в один из столичных кинотеатров, чтобы посмотреть новый фильм. Вечера генерал проводил в кругу семьи. Он очень любил раскладывать пасьянсы.

Учредительное собрание вновь приступило к разработке конституции. И вот здесь де Голль решил вмешаться. Наконец, он посчитал нужным представить стране свой конституционный проект. Для этого было найдено определенное место и время. Местом стал небольшой нормандский городок Байё, который первым был освобожден союзниками два года назад от захватчиков и в который прибыл де Голль. Датой стало 16 июня 1946 года. Два года назад именно в эти дни освобождалась нормандская земля, а шесть лет назад начиналась уже вошедшая в историю лондонская эпопея генерала. Он прибыл в Байё в прекрасный летний день. Город встретил его цветами, звоном колоколов, развевающимися на ветру национальными флагами. В окружении своих соратников военной поры генерал произнес небольшую речь, в которой он сформулировал свою основную конституционную идею. Она заключалась в том, что исполнительная и законодательная власти должны быть разделены и что самими широкими полномочиями должен обладать глава исполнительной власти, глава государства.

Речь де Голля была услышана во всей стране. Она широко комментировалась по радио, была опубликована многими крупными периодическими изданиями. Но обратило ли на нее должное внимание Учредительное собрание? Генерал рассчитывал на поддержку своих конституционных идей со стороны партии МРП. Однако этого не произошло. МРП совместно с другими партиями Учредительного собрания разработало проект, который явился результатом компромисса между тремя основными партиями страны (ФКП, СФИО и самого МРП). Парламент делился теперь на две палаты — Национальное собрание и Совет республики. В руках первой палаты была по существу сосредоточена вся власть. Именно она принимала законы и контролировала деятельность правительства. Президенту республики, выбираемому на 7 лет, отводились второстепенные функции. Учредительное собрание одобрило новый проект. На 13 октября был опять назначен референдум. И на этот раз французский народ одобрил конституцию. Она вошла в силу. Прошли выборы теперь уже в Национальное собрание. Начала свое существование IV Республика.

Пришла зима. Генерал, наконец, переехал в «Буассери» и жил там отшельником. Но смириться с подобной ролью было не в его характере. Ведь всю свою жизнь он постоянно стремился к достижению поставленной цели. А в чем она заключалась для генерала в начале 1947 года? Как вскоре выяснилось, в завоеванной власти, которую он так опрометчиво выпустил из рук год назад. Только такая цель соответствовала его амбициям. Однако теперь нужно было все начинать с нуля, почти как в 1940 году. Правда, сейчас де Голль был уже не один. Многие во Франции разделяли его взгляды и считали себя голлистами. Некоторые из тех, кто присоединился к генералу в Лондоне, Алжире и, наконец, Париже, после его ухода в отставку оказались не у дел и сейчас ждали нового призыва. К ним и обратился де Голль в январе 1947 г. и поделился своими планами на будущее. Он пригласил в Коломбэ Ж. Сустеля, А. Мальро, М. Дебре и заявил им, что хочет создать и возглавить объединение, имеющее целью бороться за возрождение Франции и против пагубной французской политической системы. Вскоре они, по поручению де Голля совершили ряд поездок по Франции и оповестили бывших участников движения Сопротивления о планах генерала.

Генерал решил создать не политическую партию, а некое объединение, имеющее надклассовый характер и включающее в себя все компоненты французской нации.

7 апреля де Голль выступил в Страсбурге. Он прибыл туда на празднование второй годовщины освобождения Эльзаса от немецких захватчиков. В эльзасскую столицу съехались десятки тысяч людей со всей страны. Генерал прибыл вместе со своими уже известными сторонниками — Мальро, Сустелем, Шабан-Дельмасом, Мишле, Капитаном. Днем с балкона городской ратуши он выступил перед огромной толпой собравшихся. Его речь носила чисто политический характер. Де Голль выразил свое отрицательное отношение к Конституции 1946 года. Он подверг критике деятельность правительства IV Республики и выдвинул программу действий с целью изменения французской политической системы и установления «сильной власти». В конце выступления де Голль заявил: «Настало время, чтобы было создано Объединение Французского Народа, которое смогло бы осуществить и заставить восторжествовать над различными мнениями большой порыв всеобщего блага и коренную реформу Государства. И таким образом в ближайшем будущем, объединяя волю и действие, Французская республика создаст Новую Францию»²⁴. Официальное заявление о создании организации де Голль сделал в Париже через несколько дней. Итак, де Голль бросил вызов IV Республике, решив вступить на путь открытой борьбы за воплощение в жизнь своих идей. Начался второй этап голлистского движения, так называемый политический голлизм, или оппозиционный голлизм.

Генерал стал председателем РПФ, Сустель — генеральным секретарем. Был сформирован исполнительный комитет организации, позднее переименованный в комитет руководства. Штаб-квартира РПФ расположилась в Париже, на улице Сольферино, 5. Председатель РПФ продолжал жить в Коломбэ. Но раз в неделю

обязательно приезжал в Париж, чтобы осуществлять руководство своим объединением. Он всегда останавливался в одном и том же отеле «Ла Перуз» недалеко от площади Звезды, которая сейчас носит его имя.

РПФ не имело программы. Ему заменяли ее «ударные идеи». Главная из них заключалась в требовании отмены Конституции 1946 г. и установлении сильной, независимой от партии исполнительной власти страны. В период IV Республики эта идея стала основным стержнем голлистской доктрины.

В течение лета и осени 1947 г. объединение развернуло активнейшую пропагандистскую деятельность. Странники де Голля проводили по всей стране многочисленные митинги и манифестации.

В выступлениях на митингах и в прессе де Голль и голлисты постоянно касались темы о необходимости реформы французских государственных институтов. Они также выступали за независимость внешней политики страны и требовали, чтобы она была направлена прежде всего на защиту интересов французской нации и на отстаивание своего «национального величия». Лидеры РПФ выдвинули идею реформы социально-экономических отношений в духе «ассоциации труда и капитала». По их мнению, такая реформа дала бы возможность рабочим стать соучастниками производства наравне с предпринимателями. В общих чертах эти идеи были высказаны де Голлем в довоенные, военные и первые послевоенные годы. В период РПФ они сформировались окончательно и стали основой идеологии голлизма, совокупности внешнеполитических, внутривнутриполитических и социально-экономических взглядов.

Первоначально РПФ имело большой успех. В его ряды вступило около миллиона человек. На муниципальных выборах в конце 1947 г. объединение получило 40% голосов избирателей. Итоги выборов буквально окрылили де Голля и его сторонников. Генерал немедленно объявил, что Национальное собрание должно быть распущено. Однако такое заявление главы РПФ не встретило ни малейшего энтузиазма в правящих кругах страны. На требование де Голля никто не посчитал нужным откликнуться. В результате, несмотря на большой политический успех, взять IV Республику первым штурмом не удалось. Но голлистов это особенно не огорчило. Они были настолько рады победе, что буквально жили ожиданием власти и считали, что она окажется в их руках в самом ближайшем будущем. И сам председатель РПФ полагал, что режиму не обойтись без него и что политические деятели Франции вынуждены будут призвать его на помощь.

Требование роспуска Национального собрания стало лейтмотивом I съезда РПФ проходившего в апреле 1948 г. в Марселе. Де Голль стремился вернуть власть законным путем. Именно поэтому он так настаивал на роспуске Национального собрания и проведении новых парламентских выборов, рассчитывая таким образом получить большинство мест и сформировать свой кабинет. Но распустить собрание никто не собирался. А очередных выборов пришлось ждать долгих три года.

И вот, наконец, долгожданный 1951 год настал. Увы, он принес лишь разочарования. РПФ удалось получить всего 118 мандатов в Национальное собрание. Возглавить коалиционное правительство де Голль отказался. Поэтому РПФ продолжало оставаться в оппозиции. Оно по-прежнему выступало с критикой «слабого режима» и по настоянию де Голля придерживалось в парламенте строгой дисциплины голосования.

Такая ситуация в скором времени начала вызывать недовольство некоторых депутатов, почувствовавших возможность интегрироваться в «систему» и получить от нее различные выгоды, например, правительственные посты. Они открыто выступили против тактики председателя РПФ в 1952 г., поддержав, вопреки воле де Голля, «независимого» Антуана Пине на пост премьер-министра. Среди так называемых диссидентов оказалось 27 человек. Обстановка внутри РПФ накалилась и явно свидетельствовала о кризисе объединения. Де Голль был крайне недоволен. «Диссидентов» немедленно исключили из рядов РПФ. Но спасти объединение было уже невозможно. Оно начало терять влияние. Поражением для него обернулись муниципальные выборы 1953 г., когда голлисты собрали всего 10,6% голосов.

После такой серьезной неудачи де Голль начал склоняться к мнению, что с РПФ пора кончать. Однако одним махом пресекать его деятельность он все же не стал. Пока генерал решил избавиться от «предавших» его парламентариев. 6 мая глава РПФ заявил, что, хотя Объединение французского народа не прекращает своего существования, его депутаты и сенаторы отныне не будут считаться членами РПФ и могут вести парламентскую деятельность только от своего имени, а не от лица объединения²⁵. По свидетельству Сустеля, «де Голль быстро разочаровался. Это была его характерная черта. Когда ему что-нибудь не удавалось, он имел обыкновение бросать начатое, говоря: «Пусть все катятся ко всем чертям». Так было в 1946 и в 1969 гг.»²⁶. Добавим, что в один ряд с этими датами вполне можно поставить и 1953 год.

В результате РПФ как бы разделилось надвое. С одной стороны, парламентская фракция, депутаты которой стали участвовать в правительственных кабинетах. С другой — рядовые голлисты. Генерал, конечно, был огорчен поведением своих соратников, еще совсем недавно следовавших только его тактике по отношению к «слабому режиму» — ни при каких обстоятельствах никакого сотрудничества. Однако он понимал также, что с его постепенным отходом от политики многие голлисты остались как бы не у дел, стали «безработными». Некоторым из них серьезно пришлось подумать, чем заниматься дальше. Де Голль прекрасно осознавал это и потому «закрыв глаза» на то, что часть депутатов-голлистов нашла прибежище в правительственных кругах IV Республики. Голлистское движение на местах постепенно угасало.

С конца 1953 г. де Голль все более и более отходил от политической деятельности. Он все реже выступал с речами и заявлениями, почти не ездил по стране. Правда, генерал осуществил довольно длительное путешествие по странам французской Африки и французским владениям в Тихом океане, чтобы отвлечься от своих неудач и невзгод и, заодно, посмотреть, каково положение дел в некогда великой колониальной империи. А главной заботой генерала стали его «Военные мемуары». Его жизнь текла спокойно и размеренно. Работа в любимом кабинете. Прогулки по саду, иногда по окрестностям Коломбэ. Общение с внуками. Переписка с сыном, служившим на военном корабле, родственниками, друзьями, соратниками. Де Голль жил скромно. Обстановка в доме была простой. От государства знаменитый политик получал лишь пенсию полковника. Ведь его так и не утвердили в звании генерала, которое он получил в канун катастрофы 1940 года. Денег часто не хватало. Давно был продан американский автомобиль, подаренный президентом США Г. Трумэн. А сейчас приходилось иногда продавать какие-то фамильные вещи. Ситуация изменилась, когда «Военные мемуары» увидели свет. Первый том появился в конце 1954 г., разошелся большим тиражом и принес автору солидный гонорар.

В Париж генерал наезжал все реже, но тем не менее регулярно. Он продолжал видеться со своими сторонниками, а также со всеми теми, кто хотел видеть его. Объединение французского народа, а вернее то, что от него осталось, доживало свой недолгий век. В правящих кругах страны многие уже считали, что политическая карьера генерала завершена. Когда осенью 1954 г. в Париж приехал новый посол СССР С. А. Виноградов, министр иностранных дел Франции Ж. Бидо сказал ему: «Ехать повидаться с де Голлем бесполезно. Он конченый человек»²⁷. Так для генерала и голлистов начинался самый тяжелый период их деятельности, который сами они назовут позднее «переходом через пустыню».

В 1957 г. генерал уже заканчивал свои «Военные мемуары». Он набросал первый вариант эпилога, который читается как законченное произведение, как небольшая грустная новелла. «В моем доме царит безмолвие,.. мой взор скользит вдоль холмов,.. я наблюдаю, как опускается ночь, и тогда, созерцая звезды, я чувствую, как во мне пробуждаются мысли о бренности всего сущего». «Я старею, и все ближе мне становится природа. Я читаю, пишу, мечтаю, и ни одна иллюзия не смягчает горькой безысходности в моей душе». И все же сквозь этот печальный тон человека, который, казалось бы, уже ничего не ждет от жизни, прорываются нотки непоколебимой веры в свою судьбу, в свою звезду. Разве он сказал свое

последнее слово? Разве свершил все, что задумал? Де Голль никогда не переставал надеяться, даже в самые черные дни своей жизни. Мемуары заканчиваются изумительным мини-автопортретом генерала периода «перехода через пустыню»: «Старый человек, изнуренный испытаниями, отстраненный от дел, чувствующий приближение вечного холода и все-таки не перестающий ждать, когда во мраке блеснет луч надежды».

Но что же сделать, чтобы этот привидившийся ему маленький луч света среди тьмы стал сияющим солнечным диском и обратился явью? Ответ на этот вопрос подсказали сами события. В 1957 г. они возвестили де Голлю и его сторонникам, что приближается конец их долгого и мучительного пути через «пустыню». Где-то вдали будто показался манящий к себе цветущий оазис.

Уже давно для IV Республики, установленной во Франции в 1946 г., главной проблемой стала алжирская война. Алжир занимал совершенно особое место в системе французской колониальной империи. Из 9,5 млн. его населения 1 млн. составляли европейцы, в основном французы. В их руках была сосредоточена практически вся экономическая и политическая власть в стране. В течение десятилетий многим поколениям французов со школьной скамьи внушалось, что Алжир является неотъемлемой частью Франции и что защита ее интересов на этой территории — патриотический долг каждого гражданина республики. Именно поэтому, когда под руководством Фронта национального освобождения (ФНО) Алжира началось восстание против французских властей, правительство сразу взяло курс на его подавление. Вопреки ожиданиям правящих кругов война затянулась и стала со временем по выражению М. Тореза «язвой на теле нации». Французская армия, познавшая горечь поражения в Индокитае, стремилась взять реванш в алжирской войне, но терпела неудачи. Удрученные поражениями офицеры проникались ультраколониалистскими настроениями и стали вслед за «ультра» отстаивать лозунг «французский Алжир». Командование армии было крайне недовольно правительственной политикой. С одной стороны, все кабинеты держались курса на подавление национально-освободительного движения алжирцев, а с другой — за спиной армии вели секретные переговоры с ФНО. В рядах армейской верхушки быстро росло убеждение, что правительство вообще неспособно разрешить «алжирский вопрос». Такого мнения придерживались алжирские «ультра». И те и другие начали открыто возлагать ответственность за неудачи в колониальной войне на правящие круги Парижа. К концу 1957 г. они по существу перешли в оппозицию к правительству.

Такое обострение политической обстановки вызвало оживление в рядах практически замершего голлистского движения. Интуитивно голлисты поняли, что, наконец, настал тот самый момент, когда IV Республике можно нанести решающий удар. В то время как лидер их движения продолжал жить затворником в Коломбэ, они развернули по всей стране широкую кампанию за возвращение де Голля к власти. В самом начале 1958 г. голлисты распространили ее также на Алжир, где находился очаг недовольства IV Республикой. Руководящий комитет небольшой голлистской партии «социальных республиканцев» решил воспользоваться тем, что их представитель Ж. Шабан-Дельмас занимал пост министра обороны в правительстве Гайяра, и послать в Алжир в качестве официальных лиц этого министерства голлистов Дельбека и Нейвирта.

Основной целью деятельности посланников должна была стать агитация за возвращение к власти генерала де Голля, а также привлечение на его сторону двух основных сил, отстаивающих лозунг «французский Алжир» — ультраколониалистов и командование армии. В них голлисты увидели своих возможных сторонников, которые могли бы помочь вернуть де Голля. Дельбеку вскоре удалось завязать некоторые контакты. Он познакомился с лидерами «ультра» Лагайярдом, Ортизом, де Сереньи и даже проник в ставку главнокомандующего французскими войсками в Алжире генерала Салана. Правда, ни «ультра», ни военные не спешили себя связывать какими-то обязательствами. После падения в середине апреля 1958 г. кабинета Гайяра голлистская кампания в метрополии все ширилась. Сторонники генерала уже требовали немедленного создания «правительства общественного спасения». Дельбек все время проводил в бесконечных перелетах из Алжира в

Париж и обратно. Он давал отчеты голлистам в столице и получал указания. Сам де Голль внешне оставался безучастным к кампании, развернутой его сторонниками, однако он зорко следил за событиями. Голлисты докладывали ему обо всем происходящем. В конце апреля у де Голля в Коломбэ побывал Дельбек и рассказал ему об обстановке в Алжире. В своих воспоминаниях он следующим образом резюмировал их разговор: «В настоящий момент все возможно, мой генерал». «Но армия? Вы думаете, что она за меня? Вы говорили обо мне с Саланом?» Де Голль всегда делал вид, что он ни во что не верит, но аудиенция, предусмотренная на 20 минут, длилась час с лишним»²⁸. Вообще тактика де Голля в эти дни была сложной и таинственной. Ни перед кем он не хотел раскрывать своих карт. Даже самым верным сторонникам генерал не говорил ничего определенного о своих намерениях. Однако с каждым днем становилось все очевиднее, что он полон надежд вернуться к власти. Когда в самом конце апреля с де Голлем в Париже повидался Нейвирт и спросил, что генерал намерен делать, если армия и народ выступят с призывом к нему, де Голль ответил: «Я откликнусь»²⁹.

Обстановка в Алжире накалилась до предела, когда президент республики Р. Коти предложил сформировать новый кабинет стороннику переговоров с ФНО Пфлимлену. «Ультра» неистовствовали. 13 мая 1958 г., в день инвеституры нового премьера в Национальном собрании они развязали мятеж. Так начались три трагические недели для IV Республики, ее майские иды. Мятежники сформировали Комитет общественного спасения, к которому примкнули военные в лице генерала Массю и нескольких полковников и голлисты в лице Дельбека. Тот сразу же начал настаивать, чтобы основным требованием Комитета стал призыв к де Голлю. Несмотря на то, что Пфлимлен был утвержден в качестве премьер-министра, Дельбеку удалось настоять на своем. В первом коммюнике Комитета говорилось, что его члены «умоляют генерала де Голля прервать свое молчание и создать правительство общественного спасения, единственно способное сохранить Алжир»³⁰. 15 мая Дельбеку удалось склонить на сторону мятежников главнокомандующего генерала Салана. Он от своего лица также выступил с призывом к де Голлю. Вот в этот самый момент де Голль решил сам вступить в игру и очень быстро занял в ней главную роль. Он провел свою партию блестяще, искусно «загипнотизировав» соперников и заставив их, в конце концов, просто сдать без боя. Итак, вечером 15 мая генерал выпустил декларацию, в которой извещал, что намерен вернуться к власти: «Некогда, в тяжелый для нас час страна доверилась мне, чтобы я повел ее к спасению. Сегодня, когда стране предстоят новые испытания, пусть она знает, что я готов взять на себя власть Республики»³¹.

Мятежники в Алжире расширяли свою деятельность. Туда прибыли сторонники генерала Сустель, Фрей и др. Им удалось окончательно ввести мятеж в голлистское русло. Правительство в Париже практически бездействовало. А де Голль 19 мая уже собрал журналистов на пресс-конференцию. В 3 часа дня он появился в большом зале «Пале д'Орсе». Многие из присутствующих не видели генерала с 1946 года. Они отметили, что он постарел, стал более грузным, поседел, тяжеловатые черты лица с возрастом сгладились, голос стал приглушенным. То и дело он надевал очки с толстыми стеклами, которые теперь носил с собой неизменно. Журналисты увидели перед собой человека более покладистого, чем прежде. Если раньше он был высокомерным и чопорным, отличался безапелляционностью своих суждений, то теперь стал более осторожным и обходительным.

Де Голль очень уклончиво высказался относительно положения в Алжире. Он подчеркнул, что в случае его возвращения к власти хотел бы получить чрезвычайные полномочия на формирование кабинета. Максимум любезности генерал проявил к социалистам, особенно к их лидеру Ги Молле, и сделал это не случайно. Ведь в известной мере именно в руках у социалистов находился ключ к власти. Де Голль прекрасно понимал, что правых (представленных в парламенте партией «независимых» и МРП) ему не придется долго уговаривать утвердить его в качестве премьера. О поддержке коммунистов, имевших 150 мандатов, и думать было нечего. Поэтому позиция 95 депутатов Социалистической партии (СФИО) могла стать решающей.

Время шло. Правительство пребывало в замешательстве. Пфлимлен не знал, что ему делать. Одни просили его покинуть свой пост во имя национального единства, другие — остаться по тем же причинам. А в Алжире мятежники решили поторопить события. 24 мая они организовали мятеж, аналогичный алжирскому, на о. Корсика. В Париже известие об этом вызвало просто панику. Начали распространяться слухи о возможной высадке мятежников в метрополию и начале гражданской войны. В правительственных кругах начали склоняться к тому, что наилучшим выходом из положения была бы передача власти де Голлю. Теперь события развивались с головокружительной быстротой. Каждый день и каждый час приближали IV Республику к неминуемой гибели.

У де Голля в Коломбэ побывал лидер «независимых» Пине. С письмами к нему обратились социалисты Молле и Ориоль. 25 мая повидаться с генералом уговорили самого Пфлимлена. Поздно вечером он на небольшой машине без положенного премьеру эскорта тайно покинул свою резиденцию и направился в Сен-Клу. Там его уже ждал де Голль. Пфлимлен предложил обезоружить мятежников Алжира и Корсики, после чего созвать совещание лидеров всех партий для обсуждения кандидатуры де Голля на пост главы правительства. Генерал потребовал, чтобы ему была предоставлена власть без всяких оговорок³². Они расстались во втором часу ночи, так ни о чем и не договорившись. «Диалогом глухих» назвал это свидание Пфлимлен. А де Голль, напротив, заявил, что они «расстались друзьями»³³. Он просто использовал встречу с премьер-министром для того, чтобы представить ее как начало формирования своего правительства. Генерал вернулся в Коломбэ в пять утра, спал несколько часов и в десять сел за письменный стол, чтобы написать свою следующую декларацию. В час дня ее уже передавали все радиостанции страны. «Вчера я начал обычный процесс, необходимый для создания республиканского правительства, способного обеспечить единство и независимость страны...»³⁴.

Такое заявление явилось полной неожиданностью для депутатов и даже для многих министров. 27 мая Бурбонский дворец бурлил, как только что прорвавшийся гейзер. Одни говорили, что Пфлимлен капитулировал этой ночью. Другие — что де Голль его просто обвел вокруг пальца. Сам премьер вообще ничего не мог объяснить. Он заявил, что ровным счетом ничего не понимает. По словам Э. д'Астье у него просто «не хватило смелости назвать де Голля лжецом»³⁵. Вскоре Пфлимлен подал в отставку. После этого по просьбе президента республики с генералом встретились председатели обеих палат парламента Лё Трокёр и Моннервиль. Они просили де Голля, чтобы он сформировал свой кабинет по существующей практике IV Республики. Однако генерал твердо настаивал на том, чтобы ему были предоставлены чрезвычайные полномочия. Собеседники ни о чем не договорились. Тогда президент республики сам решил призвать де Голля к власти.

Утром 29 мая стало известно, что Коти направил послание двум палатам парламента. В три часа началось заседание Национального собрания. Перед амфитеатром Бурбонского дворца появился Лё Трокёр. Он попросил депутатов встать и выслушать заявление президента. «В этот тяжелый час, — писал Коти, — я решил обратить свой взор к генералу де Голлю — самому знаменитому из всех французов» и предложить ему «сформировать правительство общественного спасения, которое смогло бы осуществить глубокие преобразования наших институтов»³⁶. В этих словах заключалась суть всего текста. В конце своего послания президент угрожал подать в отставку, если парламент выскажется против правительства де Голля. Как только имя де Голля было произнесено, по знаку Жака Дюкло все депутаты-коммунисты и некоторые социалисты вновь сели на свои места. Правые продолжали слушать стоя. Не успел председатель закончить чтение, как левые начали скандировать «Фашизм не пройдет!» Представители правых партий ответили им криками «Французский Алжир!» Коммунисты и социалисты запели «Марсельезу». На скамьях правых молчали. Затем начались бесконечные переругивания, угрозы, насмешки. Дело чуть было не дошло до драки³⁷. Пока в кулуарах Бурбонского дворца депутаты продолжали возмущаться, генерал де Голль приехал в Елисейский дворец. Два президента Французской республики — нынешний и буду-

щий — договорились о том, как произойдет процедура утверждения нового правительства.

Дебаты по инвеституре де Голля начались 1 июня. Генерал просил Национальное собрание предоставить его правительству «чрезвычайные полномочия сроком на полгода» с тем, чтобы «разработать новую конституцию и вынести ее на всеобщий референдум». Далее де Голль сформулировал три принципа, на которых будет базироваться новая конституция: «всеобщее избирательное право, разделение исполнительной и законодательной власти и отчетность правительства перед парламентом»³⁸. После прочтения декларации генерал покинул Бурбонский дворец. Начались дебаты. Из 17 выступавших ораторов восемь выступили за предоставление инвеституры де Голлю и девять — против. В результате «за» проголосовали 329 депутатов: «независимые», МРП, «социальные республиканцы», часть социалистов и радикалов. 224 депутата голосовали «против»: коммунисты, часть радикалов и социалистов.

В последующие два дня большинством голосов депутатов некоммунистических партий парламент одобрил три представленных де Голлем законопроекта: о специальных полномочиях в Алжире, о новом порядке пересмотра конституции, о чрезвычайных полномочиях правительства. После этого обе палаты были распущены. IV Республика навсегда ушла в историю.

Одним из первых мероприятий, проведенных де Голлем после его прихода к власти, была поездка в Алжир. Он отправился туда, чтобы «умиротворить» армию и ультраколониалистов, только что переживших знаменательные события.

После возвращения из Алжира де Голль вместе с министрами своего правительства всецело посвятил себя работе над проектом новой конституции. Он был закончен к началу осени и вынесен на всеобщий референдум, состоявшийся 28 сентября 1958 года. Теперь центральной фигурой всей французской политики стал президент республики. Почти 80% французов ответили «да» новому основному закону страны. Конституция вошла в силу. Родилась V Республика, живущая по сей день.

В ноябре 1958 г. прошли выборы в Национальное собрание. Почти 200 мест завоевала новая крупная голлистская партия «Союз за новую республику» (ЮНР). Сторонники генерала основали ее незадолго до выборов. Однако сам генерал отказался встать во главе ее, так как стремился представить себя арбитром, отстаивающим интересы всей нации в целом. Печальный опыт РПФ не давал себя забыть. На пресс-конференции 23 октября глава правительства сказал, что возражает против использования партиями его имени «даже в качестве прилагательного», хотя и не намерен запрещать «каким бы то ни было политическим объединениям говорить о своей солидарности с действиями Шарля де Голля»³⁹. Тем не менее генерал постоянно поддерживал связь со своими единомышленниками, объединившимися в ЮНР. Более того, как показали дальнейшие события, ни одно важное партийное решение не принималось без его согласия. Министры, члены ЦК ЮНР, держали де Голля в курсе всех партийных событий, обсуждали с ним все важнейшие вопросы.

В декабре 1958 г. де Голль был избран на семилетний срок президентом республики. В начале 1959 г. было сформировано новое правительство. На пост премьер-министра де Голль назначил своего верного соратника Дебре. Первоочередной задачей правительства стало урегулирование «алжирской проблемы». Скорее всего, де Голль вернулся к власти с твердым убеждением в том, что Алжиру необходимо предоставить независимость. Генерал понимал, что пока такой точки зрения придерживаются далеко не все и что многие французы сочувственно относятся к европейцам Алжира, которым в случае его отделения придется уехать. Однако президент решил твердо следовать избранному пути. 16 сентября 1959 г. он впервые заявил о праве Алжира на самоопределение. Вскоре, в ответ на это, «ультра» в алжирской столице устроили так называемую неделю баррикад, требуя от правительства отказа от новой политики. Но де Голль продолжал взятый им курс. Он заявил в середине 1960 г.: «Нет ничего странного в том, что испытываешь ностальгию по империи. В точности так же можно сожалеть о мягкости света, который некогда излучали лампы на масле, о былом великолепии парусного флота, о пре-

лестной, но уже не существующей возможности проехать в экипаже. Но ведь не бывает политики, идущей вразрез с реальностью»⁴⁰. В конце года президент объявил, что будущий Алжир мыслится им как «государство со своим правительством»⁴¹. Примерно в то же время он писал сыну: «Я продолжаю дело по высвобождению нашей страны из пут, которые ее еще обволакивают. Алжир одна из них. С тех пор как мы оставили позади себя колониальную эпоху, а это, конечно, так, нам нужно идти новой дорогой... В конце концов все поймут, что Северная Африка гораздо больше нуждается в нас, чем мы в ней»⁴². В 1961 г. в Алжире вспыхнул еще один мятеж. На этот раз его развязали военные, требующие удержания Алжира под французским суверенитетом. Но де Голль был непреклонен. Мятеж был подавлен. В следующем, 1962 г. были подписаны Эвианские соглашения об окончании войны. Алжир получил независимость.

Теперь генерал мог всецело посвятить себя внешнеполитическим проблемам. Он взялся за осуществление политики «величия Франции», за обеспечение ей достойного места внутри НАТО.

Добиваться реорганизации Атлантического блока генерал начал еще во время алжирской войны. Де Голль настаивал на том, чтобы в системе Атлантического союза Франция играла роль державы с «мировой ответственностью». Он постоянно отстаивал эту идею перед президентом США Эйзенхауэром в их секретной переписке, но не мог добиться согласия. США все время подтверждали свою гегемонию в НАТО.

В 1961 г. новым президентом США избран 44-летний Джон Кеннеди. В начале июня он прибыл с официальным визитом в Париж. В центре внимания руководителей двух стран находилась проблема реорганизации НАТО. Президент Франции настоятельно требовал, чтобы главенствующее положение в Атлантическом блоке занимала «тройка» — США, Англия и Франция. Но Кеннеди отклонил такое предложение. Америка не собиралась с кем-то делить свое главенствующее положение в НАТО. И позиция Англии, которая играла роль проводника американской политики на европейском континенте, ее также вполне устраивала. В результате постепенно де Голль, понимая, что он не придет к согласию со своими англо-саксонскими собеседниками, начал курс постепенного отхода от НАТО.

В связи с этим де Голль понимал, что его страна должна в какой-то мере сама заботиться о собственной безопасности. Он придавал очень большое значение производству Францией своего атомного оружия. Первые атомные испытания она осуществила в алжирской Сахаре еще в 1960 г. и с тех пор продолжала их. Де Голль считал, что обладание ядерной силой возвеличивает Францию и ставит ее в ранг великой державы.

С давним союзником, Великобританией, отношения Франции поначалу складывались хорошо. Англия стала первой страной, которую де Голль посетил с официальным визитом после своего возвращения к власти. Это было еще в апреле 1960 года. Он был прекрасно принят королевой Елизаветой и премьер-министром Г. Макмилланом и с воодушевлением встречен в парламенте, где выступил с приветственной речью. Но через некоторое время отношения бывших союзников стали осложняться, особенно после того, как Англия объявила о своем намерении вступить в Общий рынок. Де Голль категорически воспротивился этому. В январе 1963 г. Франция наложила вето на вступление Англии в ЕЭС. Такая позиция де Голля отнюдь не означала, что генерал не хотел сотрудничества с Великобританией. Он его хотел, но на условиях, отвечающих интересам Франции. Наложив вето, де Голль таким образом решил избежать конкуренции со стороны Англии для французских товаров и, главным образом, для французской сельскохозяйственной продукции. Но вместе с тем, по мнению генерала, включение Англии в Общий рынок означало бы введение в него сильного претендента на лидерство в Западной Европе, да к тому же тесно связанного с США. А вот такого поворота дела он как раз не желал.

Де Голль одним из первых западноевропейских политиков выступил, выражаясь языком сегодняшнего дня, за создание «общеевропейского дома». На протяжении всей жизни генерал задавался вопросом, что такое Европа и в чем ее отли-

чие от других континентов. В одной из его личных записей можно прочитать: «Я постоянно убеждаюсь в том, как много общего есть у народов, населяющих Европу. Все они белой расы, христианского вероисповедания. У всех у них одинаковый образ жизни и все они испокон веков связаны между собой тесными узами в сфере мышления, искусства, науки, политики, торговли. И совершенно естественно, если они образуют в мире свою особую организацию»⁴³. Де Голль считал, что именно Европа стимулирует и даже направляет духовное и техническое развитие мира. Уже в 1961—1962 гг. президент Франции и его сторонники выдвинули идею заключения между странами Общего рынка договора, предусматривающего постоянное сотрудничество их правительств с целью разработки совместной политики в области международных отношений, обороны, экономики и культуры. Генерал стремился к созданию организации, которая могла бы в известной мере противостоять Соединенным Штатам. Но «Европа» де Голля — это не наднациональное объединение, это «Европа отечеств», в которой каждая отдельная страна сохраняет свою национальную самобытность. Конечно, центральное место в такой Европе президент отводил Франции. Именно свою страну он хотел видеть задающей тон в европейской организации. Но вместе с тем, он отдавал в ней значительное место ФРГ. Де Голль вообще придавал большое значение связям Франции с Западной Германией.

Еще в сентябре 1958 г., когда де Голль был премьер-министром, он встретился с федеральным канцлером ФРГ К. Аденауэром. Генерал пригласил его не в Париж, а в Коломбэ, чтобы в спокойной, почти интимной обстановке обменяться мнениями по поводу ситуации в Европе и во всем мире. Переговоры были закрытыми, но, судя по сообщениям печати, главное место во время бесед глав государств заняли вопросы о европейском и франко-западногерманском сотрудничестве. В коммюнике, опубликованном после переговоров, сообщалось, что франко-западногерманский альянс рассматривается обеими сторонами как основа «объединения Европы»⁴⁴. Встречи де Голля с Аденауэром стали постоянными. Президент Франции выступал за расширение сотрудничества двух стран. Аденауэр еще несколько раз приезжал во Францию, а де Голль в сентябре 1962 г. посетил с официальным визитом Западную Германию. Менее чем через год, в январе 1963 г. в Париже главы двух государств подписали франко-западногерманский договор о сотрудничестве. Он предусматривал постоянные встречи и консультации глав двух стран, а также министров иностранных дел и министров обороны. Согласно договору, правительства Франции и ФРГ перед принятием ответственных решений обязались консультироваться по всем важным проблемам внешней политики⁴⁵. Надо отметить, что традиции сотрудничества с Западной Германией живы по сей день. Их продолжателями стали Ж. Помпиду и В. Жискард д'Эстен. А сегодня им следует Ф. Миттеран. Однако в период президентства де Голля во франко-западногерманских отношениях были не только светлые страницы. Де Голль не хотел признавать ГДР и вообще одним из первых высказался за необходимость объединения двух германских государств, предвидя, что рано или поздно это обязательно произойдет. Вместе с тем, он твердо выступал за законность границы по Одере — Нейсе. А это западным немцам совсем не нравилось. У германской стороны де Голль пытался найти поддержку своим идеям относительно НАТО. Он хотел, чтобы Германия вместе с Францией составляла как бы ядро Европы, проводила свою, независимую от США и НАТО политику. В сущности с этой целью де Голль и хотел «построить новую Европу». Но правящие круги Западной Германии отклонили такой курс президента Франции. Его также не приняли члены Общего рынка — Бельгия, Голландия и Люксембург. Вот почему деголлевский план «Европы» остался только планом и не был осуществлен.

Для де Голля Европа — это не только Европа западная, но и «Европа от Атлантики до Урала», непременно включающая в себя Советский Союз или, как любил называть его президент Франции, Россию. Сотрудничеству с нашей страной де Голль всегда придавал большое значение. Во Францию был приглашен глава СССР Н. С. Хрущев. В марте 1960 г. он с семьей прибыл в Париж. Существует мнение, что де Голль и Н. С. Хрущев не нравились друг другу. Действительно, глава

Советского государства отрицательно воспринял приход к власти де Голля, считая его (трудно судить, с чьей подсказки) реакционным военным. Однако нельзя сказать, что де Голль относился к Хрущеву однозначно плохо. Во всяком случае очевидцы визита 1960 г. с французской стороны не оставили нам таких воспоминаний. Например, министр П. Сюдру отметил, что де Голль просто приходил в полное изумление от горячности, открытости, прямоты характера Хрущева и его склонности к экспромту⁴⁶. Обеим сторонам все же удалось прийти к некоторым соглашениям, например, к соглашению о необходимости разрешения неурегулированных международных вопросов не путем применения силы, а мирными средствами.

Важное значение генерал придавал связям Франции со странами «третьего мира». В 1964 г. он осуществил большое путешествие по всем странам Южной Америки и везде был принят с энтузиазмом и симпатией. В том же году де Голль выступил за признание Китайской Народной Республики. Он одним из первых решительно осудил войну США во Вьетнаме. Индивидуальность де Голля наложила свой отпечаток на всю внешнею политику Франции. Это и было причиной его многих нетривиальных внешнеполитических решений. Иногда особая позиция президента Франции вызывала неприязнь руководителей других государств, в частности США. Однако надо отметить, что в кризисных ситуациях возглавляемая де Голлем Франция всегда вставала на позиции западных держав и блока НАТО. Так было, например, в моменты Берлинского и Карибского кризисов.

По Конституции 1958 г. и по сложившейся практике, президент республики занимается в основном внешней политикой. Внутренняя политика — дело премьер-министра. Тем не менее неправильно было бы полагать, что де Голль вообще не уделял внимания внутриполитическим проблемам. Он всегда очерчивал вместе с премьером и другими министрами основные направления внутренней политики.

В 1965 г. истекал семилетний срок президентства де Голля. В конце года должны были состояться новые выборы. Они впервые проводились во Франции всеобщим голосованием, а не коллегией выборщиков, как раньше. Де Голлю было почти 75 лет, и он не сразу решил, будет ли вообще выставлять свою кандидатуру. Когда в середине года на одной из пресс-конференций его спросили, как он себя чувствует, генерал пошутил: «Неплохо, но уверяю вас, что в один прекрасный день я все-таки умру». Он действительно чувствовал себя неплохо. Но возраст есть возраст. Может быть, де Голль задумывался о том, что уже пора уступить свое место. Но в последний момент генерал решил выдвинуть свою кандидатуру. Он объявил об этом ровно за месяц до выборов — 4 ноября.

Поначалу де Голль не хотел устраивать какую-либо предвыборную кампанию. Он считал, что его повседневный труд на благо отечества и достижения Франции говорят сами за себя. Но его противники развернули ожесточенную борьбу за власть. От правой оппозиции, обвинившей де Голля в его отходе от проатлантического курса, был выдвинут Ж. Леканюэ. Единым кандидатом левых сил стал Ф. Миттеран. Пока де Голль просто ждал дня выборов, они без конца ездили по стране и громили в своих речах установленный генералом режим «личной власти». Особенно усердствовал Миттеран. Каждому претенденту отпущалось два часа телевизионного времени. И здесь противники де Голля рассказали буквально все о себе и своих предвыборных программах. Странники де Голля начали просить его, чтобы он тоже выступил по телевидению. Он упорно отказывался, заявляя: «Ну что мне им сказать? Меня зовут Шарль де Голль, мне 75 лет!»⁴⁷. И все же генерала уговорили. Он выступил перед телезрителями, хотя, говорят, не очень удачно. В первом туре де Голль набрал 44% голосов, Миттеран — 32% и Леканюэ — 16%. Был назначен второй тур. В результате за де Голля отдали голоса около 55% избирателей. Так впервые во Франции был избран президент всеобщим голосованием.

1966 год был ознаменован двумя важными событиями во внешней политике Франции. В марте де Голль объявил, что его страна выходит из военной организации НАТО. Такое решение было принято после того, как президент Франции окончательно убедился в невозможности реорганизации Атлантического блока. Практически это означало: вывод всех французских войск и военно-воздушных сил, размещенных в Западной Германии, из подчинения командованию НАТО; прекраще-

ние участия Франции в атлантических интегрированных командованиях; перевод из Франции этих командований и их штабов в другие страны, полное удаление находящихся во Франции американских и канадских военных частей, штабов и баз.

Вторым событием был визит президента республики в СССР. Де Голль прибыл в Москву 20 июня. Его переговоры с советскими руководителями свидетельствовали о желании Франции выступить инициатором процесса разрядки. В своей речи на приеме в Кремле президент Франции заявил: «Что касается наших общих политических целей, то ими являются разрядка, согласие, безопасность, а в один прекрасный день и объединение Европы от края до края, равновесие, прогресс и мир во всем мире»⁴⁸. Переговоры завершились подписанием советско-французского договора о сотрудничестве. Визит де Голля в СССР длился 10 дней. За время своего пребывания в нашей стране генерал стремился ознакомиться с различными сферами общественной жизни, побывал в Ленинграде, Киеве, Волгограде, Новосибирске, на космодроме Байконур.

1968 год принес большие испытания Франции и ее президенту. Еще зимой в стране начались студенческие волнения. За 60-е годы численность студентов увеличилась до 600 тыс., причем среди них очень возросла прослойка выходцев из средних слоев общества и рабочих. Постепенно очень давно сложившаяся система высшего образования перестала удовлетворять часть студенчества. «Около половины студентов были вынуждены сочетать учебу с работой. Отсутствие необходимых материальных условий и сложная система экзаменов приводили к тому, что 70—80% студентов, принятых на первый курс, не могли окончить учебу. Но даже те, кто получил диплом о высшем образовании, в отличие от прежнего времени не имели никаких гарантий трудоустройства и не могли рассчитывать на обеспеченное будущее»⁴⁹. Такая ситуация способствовала быстрому росту популярности среди студенчества левацких группировок. Их лидеры срывали занятия, устраивали стычки с полицией, предлагали ликвидировать «классовый университет» и даже свергнуть правительство. И вот, в мае 1968 г. в ответ на угрозу исключения нескольких «леваков» студенты в Париже объявили забастовку и заняли Сорбонну. Университетские власти вызвали полицию, которая начала аресты. В ответ на это теперь уже не только в столице, но и в других городах развернулись массовые студенческие демонстрации. Начались схватки с полицией. В Париже, в Латинском квартале студенты разбирали мостовые, валили деревья, строили баррикады, поджигали автомашины. 13 мая в знак солидарности со студентами в столице состоялась мощная демонстрация. Собравшиеся вышли на улицы с лозунгами «Десяти лет достаточно!», «Де Голль, до свидания!» Одновременно с демонстрацией началась забастовка протеста, которая быстро переросла во всеобщую стачку огромного размаха. Большинство предприятий и банков прекратило работу. Остановился транспорт. Рабочие и служащие требовали повышения заработной платы, улучшения социального обеспечения, принятия мер против безработицы. Вскоре к ним присоединились крестьяне. За несколько дней общее число бастующих достигло 10 млн. человек. Такие события явно свидетельствовали о наличии серьезных социальных противоречий во французском обществе и о просчетах или недостаточном внимании правительства в социальной политике.

Де Голля майские события застали почти врасплох. Может быть впервые в жизни он понял, что не контролирует ситуации и даже не может для себя решить, что происходит, а вернее почему. Он, вероятно, осознал, что что-то делал не так, чего-то недопонял, что-то упустил. Но что именно? Президент республики говорил в майские дни генеральному секретарю Елисейского дворца Б. Трико: «Ситуация совершенно неуправляема. Я не знаю, как реагировать. Я не понимаю, что надо сделать, не для того, чтобы взять в руки этот народ, а для того, чтобы он сам взял себя в руки. Я не знаю, что делать»⁵⁰. Генерал не понял, чего хотел «этот народ». Он грустно заявлял: «Французы порвали контракт, который я с ними заключил». А хотел народ, наверное, просто социальной справедливости. Де Голль этого, видимо, не смог осознать, во всяком случае тогда, в мае. Он считал, что французы обошлись с ним скверно и отплатили ему за все то, что он сделал для Франции, небла-

годарностью. Недаром он бросил как бы в ответ всему происходящему одну краткую фразу: «Реформа — да, мерзость — нет».

Премьер-министр Помпиду сразу решил пойти на уступки. В правительственной резиденции на улице Гренелль он еще в середине мая начал переговоры с профсоюзами и предпринимателями. Однако в течение всего месяца обстановка оставалась крайне напряженной. Левые силы требовали немедленной отставки правительства. А Миттеран заявил даже, что «власть вакантна». Настроение де Голля в эти дни еще более ухудшилось. 29 мая он принял довольно странное решение лететь в Баден-Баден, на территорию ФРГ, чтобы заручиться поддержкой командования расположенных там французских войск. Во главе их стоял генерал Массю. Он принял президента республики, и довольно быстро собеседники пришли к мнению, что де Голль должен вернуться в Париж⁵¹. 30 мая — президент уже опять в столице. Наконец он принял решение. Генерал выступил с речью по радио и телевидению, в которой утверждал, что над Францией нависла угроза коммунистической диктатуры и объявил о роспуске Национального собрания. В тот же день в Париже состоялась огромная манифестация в знак солидарности с де Голлем. В первых рядах демонстрантов шли члены правительства с лозунгами «Де Голль не одинок!» Переговоры Помпиду завершились подписанием «Гренелльских соглашений». Значительно была повышена заработная плата, увеличены пособия по безработице и семейные пособия. Забастовочное движение стало ослабевать и к середине июня в основном прекратилось. 30 июня состоялись выборы в Национальное собрание. Сторонники де Голля добились огромного успеха. Голлистская партия, выступившая во время майских событий в качестве «партии порядка», получила почти 300 мандатов и завоевала абсолютное большинство.

Итак, все улеглось, все успокоилось. Только не мог более обрести душевного равновесия генерал де Голль. Майские события оставили где-то внутри него след и постоянно напоминали о себе всю его оставшуюся жизнь. Теперь президент включил в состав правительства так называемых левых голлистов, которые еще во времена РПФ выступали с проектом социально-экономических реформ в духе «сотрудничества классов». Генерал задумал осуществить эти реформы. Первым шагом в осуществлении его плана стал законопроект о новом районировании Франции и обновлении Сената, согласно которому в стране некоторым образом урезались права местного самоуправления и лишался законодательных функций Сенат. Де Голль объявил, что он выносит проект на всеобщий референдум и, в случае его отклонения, уйдет в отставку. Проект был явно неудачным. В нем объединялись две плохо сочетаемые вещи. Многие говорили генералу, что французы его не поймут, что лучше отказаться от этой идеи. Однако он твердо решил осуществить задуманное и упрямо стоял на своем. Может быть, президент республики искал повод, чтобы уйти, решив, что оборвалась тугая струна, которой он сам стянул воедино десять лет назад свою судьбу с судьбой Франции. Референдум был назначен на апрель 1969 года. Де Голля, как и ожидалось, не поддержали левые силы. Законопроект был отклонен также Жискара д'Эстеном, лидером группы «независимых республиканцев». Уже в марте стало ясно, что де Голль не получит большинства. Генерал с грустью ждал вынесения приговора. Он говорил сыну еще в начале года: «Французы устали от меня, да и я утомился от них»⁵². На референдуме 27 апреля 52% избирателей отвергли проект. Так закончились 10 лет 3 месяца и 19 дней президентства генерала де Голля. Он сложил свои полномочия с горечью в сердце и тайной досадой, сказав одному из своих близких: «Меня ранили в мае 1968 г., а теперь прикончили»⁵³.

Де Голль уехал в Коломбэ. Теперь он действительно был уже таким, каким обрисовал себя двадцать лет назад на последней странице «Военных мемуаров» — «старым человеком, изнуренным испытаниями, отстраненным от дел, чувствующим приближение вечного холода». Мало-помалу для бывшего президента республики жизнь приобретала другой ритм. Появились новые, простые дела и заботы. Он стал опять писать воспоминания — «Мемуары надежды», начинающиеся 1958 годом. Издательство «Плон» приступило к публикации пятитомника его «Речей и посланий». Первый том увидел свет весной 1970 года. Иногда де Голль

покидал свою деревню. В мае — июне 1969 г. почти сорок дней провел с женой в Ирландии, а в июне 1970 г. три недели прожил в Испании. Он ни к чему не утратил интереса, был в курсе всех политических событий, расспрашивал своих посетителей о самых разных вещах. Генерал всегда был чутким отцом, теперь он стал добрым и нежным дедом. У него было три внука — Шарль, Ив и Жан (сыновья Филиппа) и внучка Анна (дочь Элизабет). Он любил бродить с ними в окрестностях Коломбэ. Де Голль все больше и больше погружался в воспоминания о былом, опять много времени проводил в своем кабинете. Он говорил, что ему нужно еще пять лет жизни, чтобы дописать воспоминания. Но судьба не отпустила ему этих лет.

9 ноября 1970 года. Тихий пасмурный осенний день в Коломбэ. Генерал, как обычно, работал, гулял, размышлял. О чем? Может быть о том, как через две недели отпраздновать свое 80-летие. Вечером де Голль сел раскладывать пасьянс. И вдруг все тело оцепенело. Он только успел сказать: «Какая боль». Карты посыпались из рук. Вмиг разрыв аорты остановил биение сердца. На следующий день президент республики Помпиду сказал своим соотечественникам: «Француженки, французы. Умер генерал де Голль. Франция овдовела».

Его опустили в землю 12 ноября на маленьком деревенском кладбище Коломбэ, как он завещал, «без музыки и фанфар», в присутствии только родных и близких. Сегодня каждый может прийти туда, поклониться ему и прочесть на скромном памятнике: «Шарль де Голль. 1890—1970».

Примечания

1. ГОЛЛЬ Ш. де. Военные мемуары. Т. 1. М. 1957, с. 31.
2. Там же.
3. Цит. по: POGNON E. De Gaulle et l'armée. P. 1976, p. 10.
4. GAULLE Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1905—1918. P. 1980, p. 280.
5. Цит. по: TOURNOUX J.-R. Pétain et de Gaulle. P. 1964, p. 87.
6. GAULLE Ch. de. Vers l'armée de métier. P. 1934, pp. 223, 227.
7. ГОЛЛЬ Ш. де. Ук. соч. Т. 1. с. 56.
8. SOUSTELLE J. Envers et contre tout. Vol. 1. P. 1947, p. 28.
9. GAULLE Ch. de. Discours et messages. Vol. 1. P. 1970, pp. 3—4.
10. ГОЛЛЬ Ш. де. Ук. соч. Т. 1. с. 111.
11. Interview de l'amiral Philippe de Gaulle. — Le Figaro, 13. IV. 1990.
12. GAULLE Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1919—1940. P. 1980, p. 512.
13. CHASTENET J. De Pétain à de Gaulle. P. 1970, pp. 30—31.
14. GAULLE Ch. de. Discours et messages. Vol. 1, p. 105.
15. О Жане Мулене см.: СМИРНОВ В. П. Жан Мулен — герой французского Сопротивления. — Новая и новейшая история, 1978, № 1.
16. СМИРНОВ В. П. Движение Сопротивления во Франции. М. 1974, с. 171.
17. Подробно об этом см.: СМИРНОВ В. П. Де Голль и Жиро. — Новая и новейшая история, 1982, №№ 1—2.
18. ГОЛЛЬ Ш. де. Ук. соч. Т. 2. М. 1960, с. 563.
19. Там же, с. 578—579.
20. Там же, с. 362.
21. Подробно о деятельности де Голля во время второй мировой войны см.: МОЛЧАНОВ Н. Н. Генерал де Голль. М. 1973 и др. издания; СМИРНОВ В. П. Движение Сопротивления во Франции.
22. GAULLE Ch. de. Lettres, notes et carnets. 1945—1951. P. 1984, p. 190.
23. См. MICHELET C. Mon père Edmond Michelet d'après ses notes intimes. P. 1974, p. 157.
24. GAULLE Ch. de. Discours et messages. Vol. 2. P. 1970, p. 55.
25. Ibid., pp. 580—582.
26. Цит. по: LACOUTURE J., MEHL R. De Gaulle ou l'éternel défi. P. 1988, p. 415.
27. Цит. по: FERNIOT J. De Gaulle et le 13 mai. P. 1965, p. 54.
28. Interview de Léon Delbecq. — L'Express, 3.V.1962.

29. Беседа Люсьена Нейвирта с автором статьи 28 ноября 1990 года.
30. *Le Monde*, 15.V.1953.
31. GAULLE Ch. de. *Discours et messages*. Vol. 3. P. 1970, p. 3.
32. *L'Année politique 1958*. P. 1959, p. 63.
33. GAULLE Ch. de. *Mémoires d'Espoir*. Vol. 1. P. 1971, p. 28.
34. GAULLE Ch. de. *Discours et messages*. Vol. 3, p. 11.
35. Цит. по: LACOUTURE J. De Gaulle. P. 1965, p. 157.
36. *L'Année politique 1958*, pp. 539—540.
37. FERNIOT J. Les ides de mai. P. 1958, p. 138.
38. GAULLE Ch. de. *Discours et messages*. Vol. 3, p. 12.
39. *L'Année politique 1958*, p. 563.
40. GAULLE Ch. de. *Discours et messages*. Vol. 3, p. 198.
41. GAULLE Ch. de. *Lettres, notes et carnets. 1958—1960*. P. 1985, p. 406.
42. GAULLE Ch. de. *Discours et messages*. Vol. 3, p. 266.
43. Цит. по: *L'Express*, 25.V.1990.
44. *L'Année politique 1958*, p. 433.
45. *Le Monde*, 24.I.1963.
46. См. LACOUTURE F., MEHL R. *Op. cit.*, p. 221.
47. Цит. по: LACOUTURE J. De Gaulle. Vol. 3. P. 1986, p. 633.
48. Советско-французские отношения. 1965—1976. Док. и м-лы. М. 1976, с. 23.
49. СМИРНОВ В. П. *Новейшая история Франции*. М. 1979, с. 346—347.
50. Цит. по: LACOUTURE J., MEHL R. *Op. cit.*, p. 447.
51. *Ibid.*, p. 454.
52. Цит. по: *Le Nouvel Observateur*. Collection portrait. № 1. P. 1990, p. 84.
53. Цит. по: *ibid.*, p. 85.

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева

Перед Курской битвой и в ее начале

Итак, прибыл я в Москву и рассказал Сталину о положении дел на Южном фронте. Тогда у нас было хорошее настроение, мы еще радостно переживали свой успех. Северный Кавказ тоже быстро освобождался. Но это был участок не нашего фронта, а вообще другой фронт, докладывал же я о делах нашего фронта. Сталин: «Мы утвердили вас членом Военного совета Воронежского фронта. Нашими войсками занят Харьков. Вы об этом знаете?» «Знаю. Красная Армия продвинулась на довольно значительное расстояние западнее Харькова». «Вот вам и надо лететь сейчас в штаб Воронежского фронта. Вы будете выполнять функции не только члена его Военного совета, но и секретаря ЦК КП(б) Украины, как и прежде». Потом он начал высмеивать руководителей, которым поручил дела Украины, когда в дни Сталинграда сказал мне, что я не украинец и поэтому ее делами займется Корниец, который тогда являлся председателем Совета Народных Комиссаров УССР.

Я уже рассказывал, как я согласился с тем, что я не украинец: всем известно, что и по паспорту, и по месту рождения я курянин, а мое село — русское, хотя буквально впритирку граничит с Украиной. Граница есть граница. Я-то не придавал значения тому, украинец ли я или русский. Я интернационалист и с уважением относился и отношусь к каждой нации. Но наиболее близки мне те, среди кого я провел свои детство и юность. Это русские и украинские рабочие и крестьяне, а также украинская интеллигенция, с которой я работал, когда являлся заворгом Киевского окружного комитета партии в 1928—1929 гг. и особенно будучи Первым секретарем ЦК КП(б) У. Я 13 лет проработал на Украине, и не просто с удовольствием, а с большим наслаждением, и очень доволен отношением ко мне всех ее людей — рабочих, крестьян и украинской интеллигенции.

Отвечаю: «Хорошо, товарищ Сталин, я охотно поеду на Воронежский фронт. А кто командует войсками Воронежского фронта?» «Генерал Голиков». Тут я сразу вспомнил, как Сталин критиковал меня за то, что я не поддерживал Голикова, когда он был заместителем командующего войсками в Сталинграде. Тогда (я уже рассказывал) он написал какую-то гадость Сталину против Еременко, и Сталин меня критиковал за то, что я слишком поддерживаю Еременко и не поддержал Голикова. Может быть, тот и обо мне написал какую-нибудь гадость? Это возможно. Я в жизни, к сожалению, много видел гадкого. Правда, и хорошее видел, но и гадкое. Иной раз гадости делались людьми, с виду довольно приличными и прият-

ными. Я мог бы сказать, что человек я довольно незлопамятный. А как поступили бы, к примеру, другие, имея такой факт с Голиковым? Ведь действовал недобропорядочно, какой-то гадкий донос написал на Еременко и, прямо или косвенно, на меня как члена Военного совета Сталинградского фронта. От меня многое зависело, когда Голиков, уже в мое время, утверждался начальником Главного политуправления РККА и когда ему присваивали маршальское звание — высшее военное звание в Советских Вооруженных Силах.

Говорю Сталину: «А как он командует? Каково Ваше впечатление?» Более я ничего не сказал, но Сталин понял сразу, что я обращаюсь с таким вопросом потому, что у нас имелись разные оценки поведения Голикова как представителя фронта при армии Чуйкова, когда Голиков не выполнил приказа об организации переправы боеприпасов и пополнения в Сталинград. Я считал тогда и считаю сейчас, что мы с командующим войсками Сталинградского фронта отреагировали правильно. Однако теперь возникла уже другая ситуация. Вражеские войска в Сталинграде пленены, всех обуревала радость победы. Это была радость не только нашего народа, но и всего прогрессивного человечества, которое понимало значение нашей борьбы с фашистской чумой.

Сталин опять взглянул на меня: «А помните, что вы говорили мне о Голикове?» «Да, помню». «Как же вы говорили?» «Но тогда для чего Вы меня посылаете членом Военного совета к Голикову?» «Мы в скором времени примем новое решение и переставим его». Не знаю, почему он мне это сказал. В терзаниях, что ли, находился? «Мы думаем назначить туда Ватутина командующим войсками фронта. Вы знаете генерала Ватутина?» «Я генерала Ватутина знаю, и даже очень хорошо знаю. Я высокого о нем мнения».

Этот генерал был как бы особым. Особенность его заключалась в том, что он почти непьющий. Я вообще не видел, чтобы он пил вино. Кроме того, он очень трудоспособен и очень хорошо подготовлен в военном отношении. Не случайно он был одно время начальником штаба в Киевском Особом военном округе, а потом заместителем начальника Генерального штаба. Вот тоже хорошая аттестация его военных знаний. И я сказал: «Как к начальнику штаба, как к человеку, знающему военное дело, и как к члену партии отношусь к нему с большим уважением. Но не знаю, как он себя проявит в качестве командующего. Здесь требуются, помимо знаний, распорядительность и умение пользоваться правом командующего, умение приказать и потребовать выполнения приказа. Разработать операцию он может, тут я не сомневаюсь в нем, а вот другие его качества мне совершенно неизвестны. В этом отношении он для меня новый человек, тут я нигде с ним не соприкасался». Не помню, что сказал потом Сталин, но я был доволен новым назначением.

Через день или два я улетел. Когда уже собрался лететь, мне доложили, что в направлении Харькова противник сгруппировал эсэсовские войска, танковые дивизии и прижимает наши войска к Харькову. Наши войска отступили на восток уже на довольно большое расстояние, и противник опять вплотную подошел к Харькову. Вылетел вечером, перед сумерками. Мы с Николаем Ивановичем Цыбиным выбрали именно такое время. Я всегда, пока жив, буду поминать добрым словом этого замечательного летчика, генерала, честнейшего человека трезвого ума и с такой, я бы сказал, девичьей деликатностью. В данном случае как раз он спланировал так, чтобы нам прилететь в Харьков под вечер, потому что в это время меньше возможностей встретиться с истребителями противника. Так мы и поступили. Когда мы приземлились, уже зажигались огни.

Поехали с аэродрома в Харьков. Мне сообщили там тревожное известие: над Харьковом нависла угроза нового захвата его врагом. Я приехал в штаб фронта, встретился там с командующим войсками. Он сообщил о положении на фронте. Действительно, положение было очень неустойчивым. Противник превосходил нас и в количестве войск, и в качестве боевой техники. У него там и танковые войска, и пехота были отборными. Уже теперь, из книги «Совершенно секретно», я узнал, что враг взял их из Италии. Лучшие эсэсовские и танковые дивизии он бросил именно сюда, против нас на Харьковском направлении.

Нам пришлось сейчас же выехать в Мерёфу, в 25 км от Харькова. В Мерёфе я

бывал еще до революции. Когда ехал, случалось, из своей Курской губернии в Донбасс, в Юзовку, то обязательно через Мерэфу. А теперь, конечно, я ехал туда в ином качестве. Группой войск там руководил генерал Козлов. Козлова я до того не знал. Он командовал раньше Керченской группировкой наших войск. Мы высадили в захваченном врагом Крыму десанты, но данная операция была неудачной и много наших войск там погибло. Туда, по-моему, одно время посылали командовать и Ворошилова. Потом его, кажется, отозвали и послали комиссарствовать Мехлиса. Фактически Мехлис как представитель Ставки командовал этой группировкой. Он подмял под себя Козлова, и наши войска были загублены. Помню, как тогда Мехлис метал громы и молнии против всех кавказских народов. Он говорил, что и главное пополнение, и вообще войска того фронта состояли из кавказцев, а они совершенно ненадежны. С точки зрения нашей национальной политики, он занял абсолютную неправильную линию. Сам он человек неуравновешенный, но был весьма доверенным человеком у Сталина.

Взяв на себя реальное командование, Мехлис фактически лишил возможности командовать Козлова. Подробно я не мог тогда по своему положению рассматривать эту операцию, это не входило в мои функции. Но я слышал военных специалистов, которые обсуждали и разбирали происшедшее на Крымском фронте. Правда, тоже лишь вот так, на ходу. Они возлагали вину за провал на Мехлиса и в какой-то степени на Ворошилова. Но больше все же на Мехлиса и на то, что Козлов не проявил своего характера как командующий войсками. Он сразу же подпал под влияние Мехлиса вместо того, чтобы выставить свою волю командующего и использовать военные познания для должной организации войск. Он стал покорно слушать и выполнять приказы и предложения, которые вносил Мехлис. Одним словом, репутация Козлова была подмочена. Он как командир проявил там в какой-то степени и беспринципность, и бесхарактерность.

В Мерэфу мы поехали вместе с Голиковым. Козлов произвел на меня в общем-то неплохое впечатление. Я старался не поддаваться влиянию того, что ранее слышал о нем, а хотел сам оценить его на основе фактов, которые сейчас смогу наблюдать. Он рассуждал вполне разумно. Распоряжения, которые он давал, казались мне толковыми. Одним словом, у меня не сложилось отрицательного впечатления о Козлове.

Итак, мы отходили. Ну и что? Был ли там Козлов, был бы Петров, Иванов, все равно бы мы отходили, потому что противник имел превосходство. Тогда мы уже чувствовали и даже говорили, что нам придется Харьков вновь оставить, мы не сумеем удержать его. Мне было всего этого очень жаль. Я проехал по городу. Город особенно больших разрушений не имел, Тракторный же завод был вообще цел, никаких разрушений! Мы раньше вывезли оттуда оборудование, но немцы там что-то ремонтировали: собрали какое-то оборудование и организовали ремонтные мастерские. Одним словом, целехонек завод. Как говорится, завози станки, давай сырье, рабочих — и можно начинать производство танков, автомашин или тракторов. Но я знал также, что когда теперь опять оставим Харьков, то в следующий раз (а мы были уверены, что вернемся, никакого даже сомнения не было, что противник недолго сможет удерживать город) враг сделает все, что в его силах, чтобы разбить и разрушить город, особенно его предприятия. Я был убежден, что Тракторный завод вновь он нам таким не оставит, он его доконает. Ну, ничего не поделаешь! Итак, мы вынуждены были опять оставить Харьков.

Я решил тогда собрать для беседы украинскую интеллигенцию. И вечером был созван митинг интеллигенции, которая оставалась в Харькове и жила там при немцах. А уже ночью или под утро мы должны были выехать со штабом фронта из Харькова. Организовывали это дело те наши украинские интеллигенты, которые в то время находились при штабе фронта, вернее сказать — при мне как при члене Военного совета и, главным образом, секретаре Центрального Комитета КП(б)У. Там имелись и интеллигенция, и руководящие работники Совета Народных Комиссаров Украины. Одним словом, актив. Мы собирали при себе подходящих людей, чтобы при продвижении наших войск на запад можно было сразу же расставлять кадры и организовывать государственные, республиканские, областные и район-

ные учреждения. Многое делал тогда Николай Платонович Бажан и другие писатели. Именно через них я попросил интеллигенцию собраться, сказал, что приеду к ним поговорить и послушаю их. Главным образом, мне хотелось именно послушать, почувствовать их настроение.

Митинг состоялся очень хороший. Я своих людей предупредил: «Будьте очень осторожны в своих заявлениях. Мы всегда говорим, что ни на шаг не отойдем и тому подобное. Это произведет плохое впечатление, потому что мы уже приняли решение об отходе, Харьков удерживать нам нечем. Мы оставляем Харьков. Поэтому речи должны быть построены так, чтобы вселять надежду. Чтобы отход не расценивался в смысле какого-то непонятого маневра: все равно мы пойдем затем вперед, враг будет разбит и изгнан с территории Советского Союза». То есть я хотел подбодрить их. Я не мог сказать им прямо, что мы отходим. Вообще об отходе не было и речи. Но я косвенно им намекал и внушал им уверенность, чтобы они более стойко пережили новое нашествие врага. Я склонял их в своем выступлении, чтобы они отошли вместе с Красной Армией. Хотя я не буквально так говорил, но хотел как бы убедить их не доверяться немцам; внушить им, что мы не будем интеллигенцию арестовывать, что не будем упрекать людей, что они остались на территории, занятой противником, однако желаем совместного с нами их отхода.

Это обстоятельство больше всего меня беспокоило: я боялся, что мы отступим, а они останутся. Так и случилось! Но если сделаю я хоть какой-то намек на то, что осуждаю их поступок в случае, если они останутся, то это прозвучит угрозой. Следовательно, тогда они убежали бы на запад с немцами. Этого-то я и боялся. Мне хотелось, чтобы по Харьковову разнесся слух, что в любом случае не будет репрессий. Чтобы это дошло до тех лиц, которые не были на митинге (а там не было многих). Не было там, например, Гмыри. А его певческий голос звучал на всю Украину. Это — замечательный артист. Он оставался на Украине при немцах. Потом он объяснял, что остался потому, что у него была больна жена. Сейчас не будем разбирать это. Я уже привык к объяснениям, что или жена, или мать, или отец были при смерти и человек не смог эвакуироваться. Так ли это было, судить очень трудно. Существовала напряженная обстановка, проверять было некогда. А после уже и смысла не возникало для проверки.

Одним словом, провел я как бы беседу. Там присутствовал какой-то художник (забыл его фамилию). Считали, что он неплохой художник. Но он так развязно рассказывал, как жил при немцах и как «промышлял», что на меня произвел очень неприятное впечатление. Ну, я не подал вида. Я держал такую линию, что меня это не задевает. Он же хвастал, как торговал иконами. «Вот, — рассказывал, — брали мы рядовые иконы, химическими реактивами обрабатывали их, чтобы материал постарел, и, пользуясь безграмотностью покупателей-немцев, продавали им эти иконы как старинные, имеющие особую ценность». Выступал он, как шабашник, ловкий такой торговец, довольно оборотистый. Видимо, жил он неплохо. Другие же иначе рассказывали, а этот — даже с каким-то задором: вот, мол, какой я, как сумел прожить в такой среде и как надувал немцев. Умный, дескать, дураков всегда надувает; и я тоже показал свои способности.

Провели мы митинг, распрощался я и уехал. В ту ли ночь или на следующий день, но вынуждены были мы отходить. Утром выехали из города всем штабом, и в скором времени немцы опять вступили в Харьков. А мне хотелось, чтобы и этот художник уехал, и другие интеллигенты тоже не оставались бы больше с немцами. Я хотел верить в лучшее — в то, что они не останутся. Нет, видимо, нехорошая была душа у этого человека, ближе по складу, по своему характеру к нашим врагам, чем к душе советского человека, советского интеллигента, советского художника. Я потом о нем спрашивал Бажана и других товарищей, где он? Они ответили: «Нет его с нами». Трудно было узнать, мог он или не мог уйти. Мог, если бы захотел. Но не пошел с нами. Когда мы потом опять Харьков освободили, я дал поручение найти этого художника, чтобы проверить себя в правильности оценки этого человека. Нет, он ушел с немцами. Его душа коммерсанта и рвача тяготела к немцам, а не к нам, и он ушел «на ту сторону». Когда же кончилась война, я спра-

шивал, есть ли какие-нибудь следы этого человека? Нет, его не нашли. Но я никак не могу допустить, что немцы сделали с ним что-либо. Ведь их он обслуживал. Может быть, он остался невозвращенцем. Таких много было тогда — и русских, и украинцев, и других. Украинцев было много! Особенно из жителей Западной Украины. Там было много националистов, одурманенных пропагандой врага, или просто бандеровцев. Они поверили врагу, остались на Западе и порвали со своей Родиной. Может быть, художник и в Канаду уехал. Одним словом, я сказал бы, это был тип маклака, спекулянта художественными произведениями.

Итак, опять мы отступили. Штаб фронта отошел в Белгород. Мы рассчитывали удержаться в Белгороде, но у нас были настолько слабые силы, что нам это не удалось. Штаб расположился в каком-то небольшом домике с садиком. Каждую ночь противник бомбил Белгород, включая расположение нашего штаба. Не исключая, что в Белгороде, возможно, были ранее оставлены какие-то немецкие агенты или предатели, которые сообщали вражеской авиации о целях. Правда, Белгород — город небольшой. Но самолеты врага буквально висели над районом, где располагался наш штаб. Однажды, когда мы с Голиковым стояли у карты и разбирались в обстановке, бомба разорвалась во дворе. Абажур развалился, свет погас, стекло посыпалось на карту. Вышли мы, посмотрели на воронку. Видимо, упала небольшая бомба. Если бы большая, то, наверное, не устоял бы наш домик. Мы навели в нем порядок, но в ту же ночь опять подверглись налету.

Произошел и такой случай. Командующему войсками понадобилось воспользоваться туалетом. Теплого туалета в доме не было, был холодный, на улице. Командующий оказался там, когда нас вновь накрыло бомбой, но все сошло благополучно, хотя Голиков пришел, весь обсыпанный каким-то мусором. Мы потом не раз подшучивали над ним. Что же, с живыми людьми все бывает, и драматическое, и смешное.

Противник наседал на нас и уже подошел к Белгороду. Противопоставить врагу свои силы, с тем чтобы остановить его, мы не смогли и вынуждены были теперь оставить и Белгород. А наутро мы с Голиковым избрали новый пункт для расположения штаба, не то в Старом Осколе, не то в Новом Осколе, где-то далеко за Северским Донцом. Мы решили выехать на рассвете, чтобы не попасть под бомбежку. Расстояние до нового штаба было довольно приличное. Не помню, ехали ли мы на автомашине. Возможно, и на санях, так как лежали глубокие снежные заносы. Мы очень переживали случившееся: и Харьков сдали, и Белгород. Конечно, теперь враг будет прилагать все усилия, чтобы вновь занять Курск, отвоеванный нами в феврале.

Стали мы строить оборону: стаскивать на передний край все, что было у нас и что нам смогла подбросить Ставка. Противник, видимо, тоже к тому времени выдохся и прекратил дальнейшее наступление. Наши войска остановились севернее и восточнее Белгорода, от Суджи до Волчанска. Штаб фронта мы перенесли в Обоянь. Это был южный фас образовавшейся теперь Курской дуги. К этому времени приехал Ватутин с приказом принять командование войсками фронта. Голикову было дано предписание, сдав командование, убыть в распоряжение Ставки. Мы распрощались с Голиковым, и Ватутин приступил к исполнению обязанностей командующего. Каких-то активных операций проводить мы тогда не имели возможности. Следовательно, и намерений таких у нас не было. Все усилия были направлены на то, чтобы как-то выровнять линию фронта и выбрать рубеж, наиболее выгодный для создания полевых укреплений. Мы хотели получше подготовиться к весне, потому что были уверены, что весной и противник опять станет наступать, и мы тоже будем наступать и бить противника.

Дали нам танковый корпус. Я сейчас забыл фамилию его командира. Это был хороший танкист, раньше командовавший танковой бригадой, а в 1943 г. получивший корпус. Он передвигался к линии фронта, в тот район, где должен был расположиться. И тогда впервые с начала войны мы встретились с таким приемом со стороны врага: тот прямо на марше сумел этот танковый корпус почти весь уничтожить. Как же он этого добился? С воздуха, применив для бомбежки низколетящие самолеты-тихоходы типа наших У-2, только несколько помощнее. Эти самолеты

были вооружены пушкой. Они подлетали к танкам и расстреливали их с воздуха, пользуясь тем, что на башне у танков сверху очень слабая броня. Поэтому нетрудно было мелкокалиберной пушкой или даже крупнокалиберным пулеметом поджечь танк. Помню, как пришел к нам генерал-комкор, как говорится, с кнутиком. Так некогда говорили о цыганах, которые лишились лошадей и остались только с погонялкой. «С кнутиком» пришел в наш штаб фронта и этот генерал, страшно взволнованный, до слез. Ведь он ни за что потерял корпус. У него не было даже зенитно-пулеметного прикрытия танков от атак с воздуха. После этого случая советские конструкторы учли этот недостаток и стали выпускать танки с зенитным пулеметом. Не помню, на каждом ли танке появился зенитный пулемет, или лишь на каком-то их количестве, с тем чтобы можно было так построить боевые порядки, чтобы прикрывать с воздуха и свой танк, и соседа. А пока что немцы использовали элемент внезапности и нанесли нам существенный урон. Такие большие возлагали мы с Николаем Федоровичем Ватутиным надежды на танковый корпус. А остались у нас и командный состав, и танкисты, танки же были сожжены на марше.

Началось на Воронежском фронте затишье. Враг приводил себя в порядок, оборудовал свой передний край, укреплял его. И мы занялись тем же делом. Уже разгоралась весна. Она пришла к нам в Обоянь и под Белгород, однако снега были еще очень глубокие. 1943 г. особо отличился снежной зимой, более снежной, чем холодной. Вскоре приехал к нам представитель Ставки Василевский. Он к нам часто навещался. У меня к тому времени уже сгладилась боль, которую я носил в себе с зимы 1942 г., когда Василевский, поступив неправильно, не выполнил своего гражданского долга воина и не пошел с докладом к Сталину во время первой Харьковской операции. Но я донине, когда начинаю вспоминать этот период, сильно переживаю. Это меня огорчило и даже настроило против Василевского, самого по себе, как я уже говорил, человека милого и спокойного. С ним можно было ладить. Он не раз приезжал на фронт, и с ним всегда приятно было беседовать и обсуждать вопросы, которые назревали у нас. Впрочем, повторюсь, мы не чувствовали особой необходимости в приезде представителей Ставки, с точки зрения помощи в сугубо военных делах. Я считаю, что и штаб Воронежского фронта, и командующий достаточно были подготовлены к несению своих функций, правильно их понимали и верно оценивали обстановку. Зато при каждом приезде представителя Ставки возникала надежда, что удастся получить пополнение или боеприпасы, «вырвать» у тыловиков шинели, обувь. Одним словом, подход у нас был тут меркантильный. Иногда нам это удавалось, но не всегда. Все это понимали и сами представители Ставки. Они приезжали, потому что им приказывали. Вроде того, что: «поезжай, что-то немцы опять наступают. Вот уже и Белгород сдали». Возможно, в Москве складывалось впечатление, что приехал представитель Ставки — и приостановилось вражеское наступление, фронт стабилизировался. Дело же заключалось не в том, что кто-то приехал, а в том, что противник измотался и сам вынужден был остановиться, чтобы привести себя в порядок, или же мы получали подкрепление и сами вынуждали противника остановиться.

В ту пору только на одном из участков противник продолжал действовать активно и наступал. Этот участок занимала 38-я армия. Мы поехали туда. День был солнечный, снег глубокий и отражавший лучи. Такая лежала белизна, сверкавшая до боли в глазах. Нельзя было смотреть на этот снег. Свернули мы со снежной целины в поселок, Ям, что ли? Действительно, он находился в яме, в ложбине. И как раз в это время налетели один или два вражеских самолета и начали бомбить наши машины. Мы с Василевским выскочили наружу и представляли, вероятно, смешное зрелище для летчика. Он ведь все видел. Мы отбежали от машины, и ему предоставлялся выбор: или бомбить машину, или вести огонь из пулемета по живой силе. Живая сила — это мы с Василевским, наши шоферы и сопровождающие лица. Но летчик, видимо, уже отстрелялся по шедшим впереди машинам, развернулся и улетел. Летел он довольно низко и весьма действовал на нервы. Кто находился под бомбежкой, понимает, что это значит.

Приехали мы к командарму, заслушали доклад об обстановке. Противник так и не занял этот упомянутый пункт. Он пытался, наверное, просто улучшить там

свои позиции. Это было наступление местного характера — по выравниванию линии переднего края, чтобы лучше приспособить ее к обороне, а потом использовать и в ходе наступления создать подходящие исходные позиции для своих войск.

Так закончились зимне-весенние операции, в которых я участвовал: освободили Ростов и подошли к Таганрогу, дошли чуть ли не до Днепропетровска и освободили Харьков, а потом вынуждены были под давлением противника оставить и Харьков, и Белгород, и некоторые другие города. После этого фронт стабилизировался, а на нашем направлении образовался выступ, который приобрел название Курской дуги. Дуга была довольно большой глубины. Левое крыло дуги, то есть у нас, начиналось в верховьях Северского Донца. Вершина дуги лежала севернее Сум, у Рьльска, а второе ее крыло проходило между Курском и Орлом. Курск остался за нами. Севернее Поньрей и восточнее Орла извивался в обратную сторону еще один своеобразный зигзаг линии фронта. Нас с командующим, товарищем Ватутиным, прежде всего беспокоил, конечно, участок, за который мы отвечали: от Волчанска до р. Сейм. И мы приняли меры, чтобы здесь противник ни в коем случае не смог продвинуться. Если бы он продвинулся, к примеру, в северном направлении, то есть к Курску, то поставил бы под угрозу наши 38-ю и 40-ю армии, стоявшие под Сумами, а мы потеряли бы выгодные позиции для наступления на Ромны и Лебедин. К этому времени мы перенесли свой штаб на северную окраину Обояни, в глубину южного фаса дуги. Название выбранного нами местечка было какое-то военное — такая-то рота: память былых времен, когда через Обоянь проходила граница средневекового Русского государства. Здесь жили поселенцы, которые несли воинскую повинность по охране границы от набегов с юга. Поэтому тамошние села имели военные названия. В данном случае — такая-то рота (ее номер я сейчас не помню).

Надвигалась весна. А с приближением весны, как мы знали, приближаются и напряженные бои. Мы считали, что противник, пока он не «просохнет» и не накопит достаточных сил, особых действий предпринять против нас не сможет. Но и мы тоже были абсолютно не способны сначала к активным действиям. У нас просто не было сил для этого. Не помню точно, когда и какие новые воинские объединения прибыли к нам. Вдруг мы получили 6-ю Гвардейскую армию. Это — бывшая 21-я армия, которая участвовала в Сталинградской битве со стороны Донского фронта, потом пополнилась, заново обучилась и получила новое название. Она пришла к нам, когда снег уже сошел. Командовал ею генерал Чистяков. Ранее я его лично не знал. Но, когда он прибыл и мы познакомились с ним, он произвел на нас хорошее впечатление. Мы считали, что это — сила! Во-первых, кадры этой армии в основном уже прошли сталинградские бои, приобрели закалку, опыт и упорство в обороне. Нам-то, имея в виду лето, как раз требовалось, чтобы армия была крепкой в обороне. Ее мы расположили севернее Белгорода, чтобы она оседлала шоссе Белгород — Курск — Москва.

Прибыла к нам и 7-я Гвардейская армия, тоже сталинградская. Под Сталинградом она называлась 64-й. Командовал ею Шумилов, а членом Военного совета был Сердюк. Она прибыла к нам с тем же командованием. Эта армия была расположена к востоку от Белгорода, за Донцом. Она должна была дать отпор противнику при попытках его продвижения на Новый Оскол и одновременно сама могла ударить южнее Белгорода. Во втором эшелоне, между 6-й и 7-й Гвардейскими армиями, стояла 69-я армия под командованием генерала Крюченкина. Я Крюченкина знал: это был воин еще гражданской войны. Лицо у него было все иссечено шрамами, которые он получил во время боев с белыми. Сам он был ранее кавалеристом. Штаб его армии располагался в Старом Осколе. На правом фланге 6-й Гвардейской разместились 40-я армия. Командовал ею хорошо известный мне генерал Москаленко. Значительно позже пришла к нам 47-я армия. Она вошла сначала во фронтовой резерв. А возле армии Москаленко располагалась 27-я армия. Ею командовал генерал Трофименко. Они повернулись лицом на юг, находясь на одной стороне линии, образующей дугу. А прямо лицом на запад стояла 38-я армия, которой командовал Чибисов. Она была расположена на правом крыле фронта, и ее правый фланг соприкасался с левым крылом Центрального фронта.

Сзади Шумилова, за его левым флангом стояли в резерве войска под командованием Ивана Степановича Конева. Это был Степной фронт. Потом он приобрел название 2-го Украинского. Войсками Юго-Западного фронта, примыкавшими с юга к войскам Воронежского фронта, командовал Малиновский. Он нацелен был в то время на Харьков и Днепропетровск. Вот как располагались войска в районе, имевшем прямое и косвенное отношение к моим тогдашним функциям. Что касается штаба армии Шумилова, то он расположился восточнее Белгорода, в лесу. Мы много раз приезжали к нему и проверяли, как его армия готовилась к наступлению, заслушивали доклады не только командарма, но и командиров корпусов, дивизий и бригад.

Перед всеми войсками фронта была поставлена задача учиться хорошо воевать, отрабатывать тактику, обучить солдат отличному владению оружием. Партийная организация и политотделы были нацелены на то, чтобы политически и морально сцементировать войска, чтобы каждый воин понимал свою миссию и сделал все, что от него зависит, чтобы не отступить ни на шаг и готовиться к наступлению. Впрочем, особой агитации, чтобы убедить солдат стойко обороняться и мужественно наступать, не требовалось. Все рвались в бой. Не помню, чтобы возникали какие-либо эксцессы. О дезертирстве я уже и не слышал. Конечно, всегда в массе людей бывают какие-то отклонения от средней нормы в поведении того или другого человека. Но в общем войска были в очень хорошем состоянии. Готовы были и драться, и умереть, если понадобится, но гнать врага из своей страны. Гнать его прочь! Особенно отличались гвардейские армии. Уже тогда у них появился лозунг: «На Берлин! От Сталинграда на Берлин!» Потом много было шуток на эту тему. Бывало, генерал как бы шутя, но полусерьезно говорит: «Ну, берем Берлин! Хочу быть комендантом Берлина». Такое желание возникало у каждого. Человек, который выстрадал войну, видел, сколько бед она нам принесла, хотел показать и противнику, что война приносит бедствия, что расплачиваться за эту войну придется тем, кто ее начал.

6-й Гвардейской приказали зарыться в землю, вырыть противотанковые рвы и возвести три полосы обороны. Мы создавали оборону на большую глубину на случай, если противник, начав наступать, овладеет нашими армейскими позициями. Поэтому за ними были приготовлены еще три фронтовых рубежа обороны, хорошо оборудованных, насколько это тогда было возможно. В ход шли и дзоты на основе бревен и земли, и такой «механизм», как солдатская лопата. Сзади нас строился оборонительный рубеж Степного фронта, подпиравшего наш тыл, а за ним, по Дону от Лебедяни к Павловску, тянулся еще один, Государственный рубеж обороны. Ничего подобного у нас ранее не встречалось. Работу солдаты проделали очень большую. наших солдат особенно уговаривать не приходилось. Они сами все понимали. Старые уже были «волки», прошедшие два года войны. Каждый знал, что чем лучше будет построена противотанковая оборона, чем лучше оборудована траншея, чем лучше расположены артиллерия и пулеметы, тем меньше прольется советской крови и тем труднее будет противнику сбить и потеснить нас.

Генерал Чистяков и его начальник штаба Пеньковский отлично знали свое дело и тоже провели большую и полезную работу. Пеньковский еще жив и здоров. Желаю ему жить и бодрствовать 100 лет. Хороший человек и понимающий свое дело генерал. Он прилежно относился к сложным обязанностям и был хорошим дополнением командующего армией. Другие армии тоже возводили оборону, но не на такую глубину, как 6-я Гвардейская. Мы тогда частенько ездили в нее, заслушивали доклады командиров и проверяли, как используется каждый день для наращивания обороны. Однажды мы приехали к генералу Москаленко. Он находился в небольшой крестьянской комнате с довольно скудным освещением. Его подчиненные, которым нужно было присутствовать, расселись на лавках, вроде как на царском совете в Грановитой палате московского Кремля. Там тоже стояли лавки в былые времена, когда заседали бояре. Воцарилась тишина. Начал докладывать Москаленко. И вдруг раздался звонкий храп. Ватутин сразу встрепенулся, насторожился и обвел глазами сидевших. Стоял полумрак, и не было ясно видно, кто где сидит. Ватутин по звуку определял направление, откуда идет храп. Когда он повто-

рился несколько раз, командующий увидел, что храп исходит от начальника штаба армии Батюни. Хороший генерал и хороший товарищ, но просто человек был сверх-утомлен. В комнате было тепло, вот его и разморило. Ватутин тут как крикнет: «Батюня!» Тот вскочил, озирается. Доклад был продолжен, но Батюня снова задремал. Такие эпизоды врывались в повседневные будни и вносили юмор и своеобразное оживление.

В апреле, а может быть и в мае, мы со штабом фронта выехали из Казачьего (населенный пункт севернее Обояни) и расположились юго-восточнее Обояни, в каком-то очень большом селе. Укрепление обороны еще продолжалось, но штаб уже начал заниматься разработкой наступательной операции. Было определено, что если будем контрнаступать, так 6-й Гвардейской армией на Белгород с доворотом на Харьков, то есть с севера на юг. Начальником штаба фронта у нас был Иванов. Очень порядочный человек, добросовестно относившийся к своим обязанностям. Но так как и сам командующий войсками фронта Ватутин был раньше больше штабистом, чем командиром, то Иванову не так-то легко было проявить свои таланты начальника штаба. Ватутин не только давал общие установки, как составлять план операции, но и сам часто садился за стол, брал линейку, карандаш, карты и начинал чертить стрелы и подсчитывать. Одним словом, брал на себя работу начальника штаба, а порою даже начальника оперативного отдела. Я полагал, что тут есть и положительная, и отрицательная стороны дела. Конечно, он перегружал себя и брал на себя работу, которую должны были делать начальник штаба и другие штабные офицеры.

Итак, начала готовиться наступательная операция. Разрабатывались варианты. Лучшим вариантом признали контрудар на Белгород. Хотел бы отвлечься. Я упомянул Иванова. Он работал в 1959—1962 гг. в Генеральном штабе заместителем начальника. И мы освободили его от этой должности. А я был тогда Председателем Совета Министров СССР и являлся Главнокомандующим Вооруженными Силами. Мне было его жалко, но сложилась такая ситуация, когда государственный долг требовал пойти на такую жертву, при всем моем большом личном уважении к генералу Иванову. Сейчас уже не помню, в чем конкретно заключалось дело. Он допустил серьезное упущение с документами. Это случилось как раз в то время, когда у нас был разоблачен шпион Пеньковский (не вышеупомянутый, а другой, полковник. Так что прошу не смешивать честного воина, преданного Родине человека с предателем Родины). Что-то в Генштабе случилось с документами, и пришлось отстранить от работы Иванова. Мне это было особенно тяжело, потому что я его уважал за прошлое и ценил его работоспособность и трудолюбие. У меня его честность не вызывала и сейчас не вызывает сомнений. Но военное дело требует не одной честности, а и аккуратности, особенно при секретной работе в штабах. Можно быть честным, но если не соблюдать должного порядка, то можно нанести вред, даже того не желая. Враг использует и неряшливость, и любое другое наше упущение. Поэтому мы тогда наказали генерала Иванова, переведя его начальником штаба в Сибирский военный округ.

Я вспомнил и другой неприятный эпизод. Он относится к раннему периоду обороны на Курской дуге. Приехали мы с Ватутиным к командарму Чибисову. Мне не понравились ни доклад Чибисова, ни выступление члена его Военного совета. Вопрос они подняли такой, что вот, дескать, им дали в пополнение украинцев, которые находились ранее на занятой немцами территории. Люди прибыли, но не обученные и даже хуже того: бросили против них нехорошее обвинение политического характера. «Какой же это порядок в армии, — говорил член Военного совета. — Состоялся бой. А после боя пришли на поле матери, жены и сестры погибших, ходили там и собирали трупы убитых». Я возмутился: «Товарищи, это же от вас зависит. Что же вы обвиняете людей, которых сами и мобилизовали? Сразу же, не обучив их, бросили в бой несколько частей. Они же умирали, и честно умирали. А то, что пришли их жены, сестры и матери и находили трупы своих родственников, это естественно. Это ваша обязанность — не допускать такого, чтобы морально не разлагать войска». Особенно упорствовал и стоял на своем член Военного совета.

Когда мы с Ватутиным уехали, то, посоветовавшись, решили, что у этого члена Военного совета слишком плохое настроение, и внесли предложение освободить его от должности и назначить нового члена Военного совета, который занимался бы делами, ему положенными, правильно понимал и организовывал свою работу. Такие настроения, к сожалению, возникали не только в армии Чибисова. Тогда вообще в войсках, пришедших на Курскую дугу, все занимались мобилизацией людей призывных возрастов из числа местного населения, и какое-то время сквозило такое настроение, что местные, оказавшиеся под фашистской оккупацией, — второсортные люди. С этим взглядом приходилось бороться. Такие настроения были по существу и неправильны, и вредны. Нам предстояло наступать, освобождать всю Украину. Безусловно, нам придется и далее пополняться за счет мобилизованных, которые оставались на оккупированной территории. Эти люди потом тоже сыграли важную роль в разгроме врага. Главным источником пополнения наших войск при наступлении вообще оказались «местные ресурсы». Такой метод господствовал.

Наступательная операция была разработана. Подсчитано, какие силы и какая военная техника потребуются, какие необходимы материальные ресурсы для прорыва через Белгород на Харьков. Мы с Ватутиным попросились после этого на доклад к Сталину. Сталин сказал: «Прилетайте». Еще до доклада Сталину наши разработки изучались и корректировались Генеральным штабом, а после доклада обычно все приводилось в окончательный вид. Доложили мы Сталину. Он уже чувствовал себя по-другому, источал теперь уверенность. Я бы сказал, что в это время ему было приятно докладывать, не то, что годом раньше. Да и сам он уже выражал более правильное понимание обстановки и более правильное отношение к поставленным фронтами вопросам. Нам дали срок — 20 июля — и приказали готовиться к началу наступления. Направление, которое нами было выбрано, одобрили. Далее основным вопросом стал «торг»: какое пополнение мы сможем получить для проведения этой операции? Да и всегда так было. Запросы, которые предъявляли командующие, полностью никогда не удовлетворялись. Нам дали много, но все же нас не удовлетворяли. Однако нам сказали: вот ваша сила, ею и распоряжайтесь, а за вашей спиной будут стоять еще резервы Верховного Главнокомандования.

К операции на Курской дуге, я считаю, готовились хорошо и штаб фронта, и Генеральный штаб. Мы уехали, очень довольные беседой со Сталиным и результатами доклада. Сейчас уже не помню, почему наше наступление было назначено именно на 20 июля. Это, видимо, определялось тем, что мы могли получить все, что нам нужно было, только к названному сроку. Сталин сказал нам, что дней на шесть раньше нас проведет наступательную операцию Центральный фронт Рокоссовского, а потом и мы начнем свою операцию. Я это помню потому, что корпус тяжелой артиллерии резерва Верховного Главнокомандования направлялся сначала к Рокоссовскому, чтобы обеспечить там прорыв фашистского фронта, а когда он сделает там свое дело, то поступит в наше распоряжение и будет содействовать нашему наступлению. Впрочем, это могла быть артиллерия и не Центрального, а действовавшего севернее Брянского фронта. Хорошо помню также генерала Королькова, командира упомянутого корпуса. Очень он мне нравился. Я потом с ним встречался и под освобожденным Киевом. Там он тоже командовал тем же артиллерийским корпусом.

А пока мы упорно готовили войска к обороне и строили укрепления, согласовали также действия войск на стыке между фронтами. Например, мы провели такое совещание с южным соседом. Оно состоялось в дубовом лесу. Мы приехали туда, и Малиновский тоже приехал со своими генералами. Сразу заметили, что листьев на деревьях не было: дубовый шелкопряд объел все листья. Поэтому с воздуха все просматривалось: никакого прикрытия. Командующий армией, в зоне которой мы проводили совещание, говорил: «Окончится совещание, и я сейчас же уйду отсюда. Ожидая, что вот-вот могут налететь немцы и разгромить мой штаб». На совещании мы обменивались мнениями и совместно прорабатывали действия на стыке фронтов, с тем чтобы противник не смог вклиниться в наше расположение.

Из Ставки перед нашим наступлением приезжали к нам Жуков и Василевский.

Мы ездили с ними по армиям. Подвоз снарядов и прибытие воинских соединений в наше распоряжение шли по плану, который был утвержден для проведения операции и выполнялся более или менее своевременно. Возили мы представителей Ставки из расположения своего штаба юго-восточнее Обояни. Там он пробыл месяц или чуть больше. Тут недостаточно строго соблюдалась дисциплина: в расположении штаба появлялись разные машины, когда им вовсе не следовало появляться, и противник, ведя воздушную разведку, заметил, что здесь расположено какой-то штаб. Мы чувствовали, что немцы усилили воздушную разведку. Немецкие самолеты начали зависать над расположением штаба. Поскольку у нас был подготовлен резервный пункт в районе небольшой станции севернее Прохоровки, мы решили перевести штаб туда. Предупредили всех штабников, что утром на рассвете надо перебраться на новое место. Некоторые «хозяйства» мы перевели раньше, с тем чтобы при переезде не возникло большого обоза, который мог бы привлечь внимание авиации противника. Мы с Ватутиным тоже переехали в какой-то совхоз, километрах в двух-трех от станции. Постройки там были временные, дощатые. Клопов в них оказалось — страх! Это довольно выносливое зверье жило в пустых бараках, голодало, а теперь набросилось на нас, и мы их откармливали своей кровью. Около этого совхоза виднелся лесок — небольшой овраг, заросший дубняком. Когда исполняют песню композитора Соловьева-Седого «Соловьи, соловьи, не тревожьте солдат», я всегда вспоминаю этот овраг: сколько же там было соловьев! Какое-то соловьиное царство. На случай авианалета мы подготовили себе землянки в этом лесу и там же расположили жизненно необходимые звенья штаба, чтобы не потерять управления войсками, не нарушить связь. Землянки Ватутина, моя и некоторых других лиц тоже были в этом лесу.

Только мы расположились, а у нас даже какое-то хозяйство еще оставалось в старом пункте, как нам сообщили, что на рассвете налетела авиация противника и разбомбила старое место штаба. Потеря у нас, однако, не было, бомбежка оказалась безрезультатной. Разрушил враг село, но не полностью. А через день-два сбили немецкий разведывательный самолет и захватили в плен летчиков. Мы с Ватутиным их допрашивали. Я спросил летчика: «Вы участвовали в бомбежке такого-то населенного пункта?» (а мы сбили его самолет как раз над населенным пунктом, где раньше располагался наш штаб). «Да, участвовал». «Какая задача была поставлена перед Вами?» «Нам сказали, что в этом населенном пункте расположен крупный русский штаб». Вот как получилось. Потом мы часто вспоминали, как «предчувствие» спасло нас.

У военных вообще принято: как только штаб расположится в каком-либо пункте, сразу же готовить запасной командный пункт. На этот раз мы его выбрали несколько севернее штаба. Тоже облюбовали себе лесок и послали туда саперов. К началу немецкого наступления 5 июля 1943 г. этот командный пункт был готов. По собственному плану мы имели в виду выехать туда перед проведением операции, которую наметили на 20 июля: хотели лишь перед самым наступлением перебраться туда, пока противник еще не обнаружил нового расположения штаба. Оттуда мы могли бы более уверенно, имея обеспеченную связь, управлять войсками.

Не помню, по нашей инициативе в этот раз или же это была инициатива Ставки, вновь приехали мы в Москву, встретились со Сталиным. Для какой-то из наших армий я попросил дать членом Военного совета генерала Попеля. С ним я познакомился в первые же дни войны, когда он был комиссаром в корпусе, которым командовал генерал Рябышев. Попель очень понравился мне своими спокойствием, порядительностью и мужеством. В 1941 г. штаб мехкорпуса оказался разорванным на две части. Одна часть оказалась с Рябышевым, другая — с Попелем. Они переговаривались по радию: Рябышев задавал вопросы, сомневаясь, отвечает ли именно Попель, а не подставное лицо от врага. Он спрашивал, как зовут его дочерей и что случилось с его кобелем. Занятный такой был разговор. Рассказ об этом долго гулял среди командного состава и много раз повторялся при встречах со Сталиным. Мы шутили, но способ опознавания по существу был правильным. Теперь же я попросил Попеля опять к нам. Сталин согласился.

Когда мы были в Москве, нам сказали также, что мы получаем в свое распоряжение 1-ю танковую армию, которой командует генерал Катюков. Мы были очень рады этому. С Катюковым я лично ранее не встречался, но знал его по его делам. Он считался хорошим танкистом, упорным воином, знающим технику и распорядительным командиром. Когда Катюков докладывал Сталину о состоянии своей армии, он обратился с просьбой: «Товарищ Сталин, прошу, дайте мне членом Военного совета Попеля». Сталин сразу глянул на меня. Катюков: «Я его знаю, и он меня знает. Мы верим друг другу, друг друга понимаем. Прошу Вас, дайте мне его». Сталин: «Что ж, мы к вам его пошлем». И мне: «А вы ищите другого». И мы нашли другого: Крайнюкова, хорошего члена Военного совета, уже находившегося в другой армии нашего фронта.

Прибыла 1-я танковая армия. В ее состав входили около 1 тыс. танков и еще мотопехота. Правда, мотопехоты было немного. Ее мы направили в расположение 6-й Гвардейской армии, чтобы создать глубину обороны не только отрывтием противотанковых рвов и сооружением другого полевого оборудования. Решили расположить танковую армию на определенной глубине и закопали танки Катюкова в землю на случай, если противник прорвется и нам придется перейти к глухой обороне. То есть решили использовать танки как казематную артиллерию, но со способностью передвижения. Ведь танки могут передвигаться. Вырыли для танков капониры без верхних сводов. Это хорошо оправдало себя. Катюков толково использовал свои силы и сыграл очень большую роль при разгроме фашистского наступления на Курской дуге.

Мы получили также танковое подкрепление в виде отдельных корпусов. Припоминаю сейчас, что когда мы подсчитывали свои силы к моменту наступления противника, то у нас было около двух с половиной тысяч танков. Огромная мощь! Разведка нам докладывала, что у противника примерно такое же количество танков. Стало быть, тут на узком участке фронта с той и с другой стороны насчитывалось четыре с лишним тысячи танков. Не говорю уже об артиллерии, которой тоже было немало с нашей стороны. А у немцев артиллерии было еще больше. Сейчас не помню все цифры, которые докладывала наша разведка. А мы ждали. Оставалось дней 15 до начала операции. Мы были уверены, что наше наступление будет успешным, что мы разобьем здесь врага и двинемся на запад, освободим Харьков и выйдем на Днепр. Желание это было просто выстраданним.

Вдруг — звонок из 6-й Гвардейской армии: командующий докладывает, что с переднего края перебежал немецкий солдат из какой-то эсэсовской дивизии. Разные эсэсовские дивизии там были. Я еще говорил Ватутину, что на каком бы участке фронта я ни был, обязательно меня преследует дивизия «Мертвая голова», всегда действует против меня. Командарм же сообщил, что солдат уверяет, будто завтра, 5 июля в 3 утра немцы перейдут в наступление. Мы приказали сейчас же доставить солдата к нам. Допросили его. Он все нам повторил. Мы его спросили: «Почему вы так думаете?» Отвечает: «Я, конечно, приказа о наступлении не видел, но есть солдатское чутье, солдатский вестник. Во-первых, все мы получили трехсуточный сухой паек. Во-вторых, танки подведены вплотную к переднему краю. В-третьих, был приказ выложить боекомплекты артснарядов прямо у орудий. Все приготовили, чтобы не было никакой задержки». «Но отчего вы говорите, что в три часа утра? Откуда такая точность?» «Это вы уже и сами могли бы заметить. Если мы наступаем, то в это время года всегда в три утра, то есть с началом рассвета. Я уверен, что будет так, как я вам сообщаю». Этот перебежчик был молодой парень, красивый, элегантный, холеный, явно не из рабочих. Спрашиваю его: «Как же вы перешли линию фронта и нам сообщаете о наступлении, а сами являетесь эсэсовцем? Как это понять? Вы же нацист». «Нет, — говорит, — я не нацист, я против нацистов, поэтому и перешел к вам». Я ему: «Ведь в эсэсовские части берут людей только из нацистов?» «Нет, это раньше, на первый и второй годы войны так было, а сейчас берут всех подходящих. Меня взяли по приличному росту и внешнему виду арийца. Так я и попал в эсэсовские войска. Но я против нацизма. Я немец, но родители мои из Эльзаса. Мы воспитаны на французской культуре и поэтому мы не такие, как нацисты. Родители мои против нацизма, и я такой же. Я

теперь принял твердое решение для себя и убежал, чтобы не участвовать в этом наступлении, не подставлять свою голову под ваши пули в интересах Гитлера. Поэтому и перебежал. Я говорю все откровенно потому что желаю поражения Гитлеру. Это будет в интересах немецкого народа».

Мы позвонили в Москву и предупредили об услышанном. Потом мне позвонил Сталин. Не знаю, говорил ли он раньше с Ватутиным. Мы располагались в те часы в разных местах. Иногда Сталин звонил раньше мне, а в другой раз раньше командующему. Никакого «порядка» тут не было, да и быть не могло. Хотел бы, чтобы меня правильно поняли: вот, дескать, звонил ему Сталин. Мол, Хрущев выпячивает себя. Нет, не выпячиваю. Ведь я был членом Военного совета фронта и членом Политбюро ЦК партии. Сталин меня хорошо знал и считался со мной, даже несмотря на свое бешенство в моменты тяжелейшего положения для страны, когда он незаслуженно переносил свое настроение на меня и других, когда искал «козла отпущения». А тут вот как раз Первый секретарь ЦК КП(б)У, член Политбюро, член Военного совета фронта. Имелось, на кого валить все беды. Не возьмет же на себя Верховный главнокомандующий провалы, которые мы терпели до Сталинграда. А сейчас уже стиралась горечь наших поражений.

В принципе Сталин относился ко мне с доверием. Он часто звонил мне и спрашивал о моем мнении. Так было и в Сталинграде, и на юге, и на Курской дуге. На Курской дуге состоялась решающая, переломная битва, которая определила крен стрелки истории войны в пользу Красной Армии, и далее эта стрелка уже не меняла направления, твердо показывала путь полного разгрома гитлеровской Германии, курс на торжество нашего народа, Красной Армии, советской идеологии, нашей Коммунистической партии!.. Я допустил здесь такое отступление от темы с тем, чтобы верно поняли мои слова и не говорили, что вот, мол, он якает. Нет, уважаемые друзья, не якаю, а просто рассказываю так, как было.

Когда Сталин позвонил, я сообщил ему еще раз о том, что поведал нам немецкий солдат. Он выслушал меня спокойно, и это мне понравилось; не проявил ни грубости, ни резкости. Обычно он был резок, угловат, даже при хорошем настроении. Черт его знает почему. Будто его постоянно кто-то за нитку дергает, связанную с главным нервом, и выводит из равновесия. Хотя иной раз он умел сдержаться и маскировал свое настроение. И то, и другое у него было развито в сильной степени. Все это проявлялось постоянно: одно начало, которое противоречило другому. Но он владел собой, когда хотел. Одним словом, это была сильная личность, сильный человек.

Сталин спросил меня: «А как вы там сами чувствуете ситуацию? Какова ваша уверенность в успехе?» Отвечаю: «Мы с командующим обменялись мнениями и солидарны, чувствуем себя хорошо, уверенно. Мы даже довольны, что немцы завтра перейдут в наступление». «Почему?» «Потому что они станут лезть на наши укрепления, а наши укрепления солидные, и у нас существует уверенность в том, что мы на этих укреплениях заставим врага положить свои силы и истечь кровью. У нас пока недостаточно сил для наступления, мы не получили еще то, что нам было положено иметь по плану к 20 июля. Поэтому сами наступать мы еще не готовы, но оборону держать готовы: обороняться можно и при меньшей силе. Это мы уже на практике усвоили, а не только в теории. Поэтому мы так уверены. Хорошо, что враг будет наступать, а мы его побьем». «Мы тоже имеем сведения, что завтра против вас начнется наступление». На этом разговор закончился.

Напоминаю (я уже говорил об этом), что по плану первыми должны были наступать войска Рокоссовского, а уступом, спустя какое-то время, мы. Артиллерийский корпус резерва Верховного Главнокомандования уже занял севернее нас свои позиции. А противник-то начал наступать сразу против нас и Рокоссовского одновременно. Таким образом, Рокоссовский оказался в более выгодном положении. Так как он по плану должен был наступать первым, то первым получал и пополнение, и боеприпасы, и все остальное. Для чего я ссылаюсь на это? Чтобы читатель понимал, почему это обернулось на какое-то время против нас с Ватутиным. Противник, когда стал наступать, прорвался на нашем направлении глубже, чем у Рокоссовского, который был лучше подготовлен. А у нас еще оставалось 15

дней до нашего наступления; согласно плану, мы имели в резерве время. И вдруг оно сократилось, враг упредил нас. Это очень большой срок, с точки зрения подброски пополнения и прочего на передний край.

Кто же командовал войсками на нашем фронте? Командующим артиллерией был генерал Варенцов, начальником штаба фронта — Иванов, начальником ВВС — генерал Красовский. Вот вчера лишь, при вручении Почетного Красного Знамени Военно-Воздушной академии имени Гагарина, я имел возможность увидеть по телевизору, как пополнял маршал авиации Красовский. Ему уже за 70, а он еще руководит академией... Кто же был у нас командующим бронетанковыми войсками? В 1942 г. был один армянин, хороший генерал. Потом его ни за что арестовали и, по-моему, расстреляли. Я очень высоко ценил его деятельность и с уважением относился к нему. Его фамилия — Тамручи. Как-то я его спросил: «Судя по фамилии, Вы итальянец или грек?» Он засмеялся: «Армянин, товарищ член Военного совета». Вообще на нашем фронте воевала тогда большая группа армян. Хорошие были генералы.

Потом у нас стал начальником бронетанковых войск Штевнев. Он погиб, и в какой-то степени по собственной вине. Ему надо было б отъехать на несколько километров подальше от дороги, по которой он ехал, потому что дорога, которую он избрал для переезда из одной части в другую, простреливалась артиллерией противника. А он, махнув рукою, сказал: «Проскочу!» И не проскочил. Его расстреляла буквально в упор артиллерия противника. Штевнев тоже был хороший генерал. Вообще начальники бронетанковых и других родов войск у нас, с которыми я встречался, соответствовали своим назначениям, понимали дело и правильно руководили боевой техникой. И мне обидно, что я сейчас не припоминаю фамилии следующего командующего бронетанковыми войсками Воронежского фронта. А ведь я всегда питал большую слабость к этому роду войск. Но вот случается порою так, что выскочит фамилия из головы...

Мы с Ватутиным, обдумывая план действий по отражению немецкого наступления, обсудили и предложение командующего 6-й Гвардейской армией Чистякова. Тот предложил: «Давайте в 21.00 сделаем артиллерийский налет на позиции противника, с тем чтобы незадолго перед его наступлением нанести ему урон». Я высказался так: «Лучше не будем наносить артналет в 21.00. Сколько можем мы вести артиллерийский огонь с учетом наличия нашего боезапаса? Несколькими минутами. Мы ведь не в состоянии долго стрелять, выбрасывать снаряды. Они нам потребуются завтра, когда противник начнет наступать. А тут мы станем стрелять лишь по площадям. Это невыгодный расход боеприпасов. Давайте сделаем артналет, но за несколько минут до вражеского наступления, около 3-х часов». У меня имелись такие соображения: к этому времени солдаты врага уже будут на исходных позициях, а не сидеть в траншеях, и не будут укрыты; его артиллеристы тоже займут свои места у орудий. Все его люди выползут из подземелий и станут ожидать в открытом поле сигнала к действиям. Если в это время сделать хороший артиллерийский налет, то мы получим больший эффект, нанеся урон противнику в живой силе и выведя из строя часть его техники. Безусловно, как-то нарушится при этом и связь, которая имеет большое значение при проведении операции. Ватутин согласился со мной. Так мы и решили поступить, подготовились и стали ждать 3-х часов.

Хотел бы сделать теперь некоторое отступление перед тем, как описать решающий поединок двух сторон в 1943 г. на нашем направлении, который в смысле общего военного значения и прямых результатов боев стал историческим, и не только для нашего направления, а вообще для всей Красной Армии и судьбы СССР. Хочу рассказать о том, как все мы, и я в том числе переживали, когда читали в газетах о том, что на таком-то участке фронта, в таких-то частях дали концерт для бойцов, выступали там-то такие-то артисты и такие-то писатели. Ранее все это относилось к войскам Западного фронта, которые почти стояли на месте, защищая Москву в 1942 и в 1943 году. У нас возникли зависть к ним и непонимание: идет война, а они слушают песни, смотрят на танцы? В 1942 г. на южном направлении нам было не до песен и не до танцев. Головы не могли поднять, взглянуть на небо,

потому что все время противник проводил активные операции, наносил нам большой урон и непрерывно продвигался вперед. Мы же оборонялись, отступали, а порою и бежали. Он оттеснил нас к Волге и продвинулся чуть ли не до Каспия. Только теперь, перед наступлением немцев 5 июля, и мы немного вкусили от этого развлекательного плода, когда стояли в обороне и проводили работы по укреплению своих позиций. К нам тоже стали приезжать люди из Центра, доклады делали. Тогда был установлен персональный состав всех докладчиков — «пламенных ораторов». Вот и приезжали к нам «пламенные ораторы». А пламя это надо было раздувать мехами, чтобы оно стало ярким. Получалось не у всех. Но все равно, докладчик считался пламенным! Не знаю, кто выдумал это выражение: пламенный оратор. Потом стали приезжать и артисты, давали концерты. Одним словом, проводилась культурно-массовая работа.

В то время у нас начальником Политуправления фронта был генерал Шатилов. Я хорошо знал Шатилова еще по своей работе в Москве. Он трудился тогда на Электроставоде, занимался там агитмассовой деятельностью, потом работал в горкоме или в Сталинском райкоме партии. Одним словом, это был московский партийный работник. А потом стал начальником Политуправления нашего фронта, и вся партийно-агитационная массовая работа в значительной степени лежала на его плечах. Только в 1943 г. я смог понять, что значит — долго стоять в обороне — и какие это предоставляет возможности для организации партийной и агитмассовой работы среди воинов.

Наступило 4 июля. Дело шло к вечеру. Мы с Ватутиным нетерпеливо ждали рокового часа, установленного Гитлером для нашего фронта. Я мог тогда вспомнить генерала Тупикова. Когда штаб фронта стоял в 1941 г. под Киевом и немецкая авиация бомбила его расположение, начальник штаба Тупиков, расхаживая по комнате, напевал арию из оперы Чайковского: «Что день грядущий мне готовит?» Сейчас и мы с Ватутиным могли тоже затянуть эту арию. Конечно, мы были уверены, что день грядущий готовит нам успех. Но, как говорят украинцы, не кажи гоп, пока не перескочишь. Поэтому естественной была и тревога за то, как пройдет начало вражеского наступления, как удастся нам его остановить, а потом перейти в контр-наступление.

Без пяти минут 3 Варенцов отдал приказ произвести артиллерийский налет на позиции противника, выпустив по сколько-то снарядов из каждого орудия в полосе 6-й и 7-й Гвардейских армий. О результатах мы узнали позже. А ровно в 3 часа утра немецкая аккуратность «не подвела»: задрожала земля, загудел воздух. Такого я раньше никогда не наблюдал. Я пережил отступление, и сами мы наступали, но такого огня прежде не встречал. Позднее мы сами тоже давали огонька, может быть и побольше. Но для 1943 г., надо признать, противник организовал чрезвычайно мощную артиллерийскую подготовку. Его авиация тоже стала громить наш передний край. Немцы использовали в те часы всю свою авиацию только на переднем крае, с задачей сломить наше сопротивление, стереть в пыль наши укрепления, смешать все с землей и расчистить путь танкам, чтобы рвануться на Курск и окружить советские войска внутри дуги. Тем самым они хотели повторить или даже осуществить в еще большей степени то, что сделали с нашими войсками в 1942 г. на направлении Барвенково — Лозовая.

Несколько позже, когда уже мы наступали, разгромили танковую дивизию врага и захватили ее штаб, командиру этой дивизии удалось спрятаться в пшенице. Мы его так и не поймали, хотя очень охотились за ним. Зато захватили тогда штабные документы и карту. На ней было помечено расположение наших частей и воткнут флажок в место, на котором был отмечен штаб Воронежского фронта. Значит, враг знал расположение нашего штаба, но не бросил туда ни одной бомбы, не послал для бомбежки ни одного самолета. Я объясняю это тем, что немцы были уверены в успехе и проигнорировали факт, что штаб окажется в состоянии нормально вести работу, его деятельность не будет дезорганизована и связь не будет разрушена. Они считали, что главное — разрушить оборонительные позиции, взломать передний край, разгромить там наши войска и расчистить путь для своих танков, а все остальное рухнет само собой. Действительно, они зверски рвались

вперед, использовали все шансы, все поставили на карту, чтобы решить поставленную задачу.

Земля дрожала от разрывов снарядов и бомб, воздух гудел от слитного звучания самолетов бомбардировочной авиации и истребителей прикрытия. Наши войска были готовы к отражению удара. Завязался бой, тяжелый бой. Немцы лезли, как могут это делать только они, люди высокой дисциплины. Или же они применяли какие-нибудь одурманивающие средства своих солдат (об этом много тогда говорили), но упорство в наступлении проявили очень большое. Наши войска сначала держали свои позиции. Однако количество огня постепенно ломает даже сталь, а не только людей, которые закопались в землю. И первая полоса обороны была прорвана. Мы это предвидели. Поэтому и построили три полосы обороны. У нас оставались еще вторая и третья полосы. Поэтому начало битвы нас не обескуражило. Мы знали, что враг положил много войск и техники при прорыве переднего края. О каком-то бегстве наших войск никаких разговоров даже не возникало. Наши солдаты дрались там до последнего, умирали, но не бежали. Здесь был проявлен истинный героизм, не газетный, а настоящий.

К нам опять прилетел Василевский. Кажется, на второй день немецкого наступления. Мы всегда встречали его любезно, потому что это человек особого склада характера. Разговаривать с ним было приятно: он не повысит голоса, не накричит, а беседа всегда велась им не вообще, но по существу обстановки, которая складывалась. Было приятно чувствовать человеческое понимание, человеческое к тебе отношение, особенно в трудную минуту обороны. Между тем стали мы брать наступающих понемногу в плен. Мне доложили, что захватили среди других артиллерийского офицера. Говорю Василевскому: «Давайте, допросим его». Привели высокого, стройного молодого человека, видимо с неважным зрением, в пенсне. Я захотел лучше расположить его к себе, чтобы он что-нибудь сказал нам пооткровеннее. Спрашиваю: «Как же вы так оплошали и попали в плен?» Отвечает: «Так уж сложилось, я плохо вижу. Увлёкся я, переправлял через противотанковый ров свою артиллерию, а ваши пехотинцы схватили меня, вот и оказался я в плену». Потом я стал ему задавать другие вопросы. Он понял, что я хотел бы, чтобы он рассказал нам, что ему известно о составе немецких войск и по прочим вопросам военного характера, которые мы смогли бы использовать. Тогда он взглянул на меня и говорит: «Я офицер немецкой армии и просил бы таких вопросов мне не задавать. Не буду отвечать ни на один вопрос, который можно было бы использовать во вред Германии». И мы с Василевским не стали больше ему задавать вопросов, а сказали: «Вы будете отправлены, куда следует». Он испугался. Наверное, подумал, что это означает расстрел. Однако его отправили на допрос к нашей войсковой разведке, а оттуда в лагерь для военнопленных. Меня это, впрочем, не касалось. Я тогда даже не знал толком, куда отправляют пленных. Да меня это особенно и не интересовало.

Сражение разгоралось. У нас с Ватутиным стала проявляться тревога: мы все же не ожидали такого нажима. Чрезвычайно встревожило нас известие, что появились какие-то новые танки противника с такой броней, которую не берут наши противотанковые снаряды. Дрожь прошла по телу. Что же делать? Мы отдали распоряжение, чтобы артиллерия всех калибров была по гусеницам. Гусеница у танка всегда уязвима. Если и не пробьешь броню, то гусеницу снаряд всегда возьмет. А перебил гусеницу, и это уже не танк: вроде неподвижной артиллерии. Появится облегчение. Наши стали именно так и действовать, причем довольно успешно. Одновременно мы начали бомбить танки с воздуха. И тут же доложили в Москву, что встретились с новыми танками. Немцы называли их «тигры». Доложили мы в Центр и о технических характеристиках этих танков. Мы узнали их, потому что наши солдаты захватили один или несколько подбитых «тигров». Нам вскоре прислали новые противотанковые снаряды, которые поражали броню «тигров», кумулятивные снаряды, прожигавшие металл. Однако «тигры» успели поколебать уверенность действий нашей противотанковой артиллерии. Мы-то считали, что все нам нипочем и разгромим немецкие танки. А новый танк внушал к себе уважение, требовал к себе особого отношения со стороны наших войск.

Вообще очень важные происходили тогда события. Решалась судьба войны, да и судьба страны. Много неприятно сейчас вспоминать. И обстановка сейчас другая, и время другое, и мое положение. Теперь я — не то, что тогда, когда, получив донесение, должен был быстро реагировать, найти какой-то выход, противопоставить противнику свое решение, свой ответный ход. Теперь я не тороплюсь.

Бои на Курской дуге усиливались. Противник проявлял упорство и продвигался вперед, хотя и медленно. Он вынуждал наши войска отступать. Да, советские люди стояли там насмерть, но силы у противника было сначала побольше. Мы не смогли удержаться на первом рубеже, отошли на второй рубеж, где продолжали с той же стойкостью оказывать сопротивление. К этому времени наши войска научились подбивать «тигров», по тому времени наиболее мощные танки. Правда, они были несколько громоздкими, но имели мощную лобовую броню. Сначала мы били только по гусеницам. А потом, как я уже сказал, нам прислали термитные снаряды, которые прожигали броню. Первый шок, который вызван был появлением новых танков, прошел. Мы увидели, что «тигр» подчиняется нашему огню.

Тем не менее враг оттеснил нас и к третьему рубежу обороны. Три ее полосы, включая последнюю, имели противотанковые рвы, различные земляные и полевые укрепления, особые позиции для пехоты, артиллерии и танков. И почти все это он за неделю преодолел, пока не уперся в тыловую армейскую полосу обороны. Особенно острой сложилась ситуация у станции Прохоровка, в направлении на Курск. Примерно в это же время или немного раньше к нам обратилась Ставка с таким делом (разговаривал со мною Василевский, но ссылался на Сталина): надо, чтобы у нас прошел боевую стажировку генерал армии Апанасенко; пусть прибудет на Воронежский фронт; но, вот, Ватутин возражает. И Василевский стал уговаривать меня: «Ни один командующий не хочет его принять. Все отказываются, поэтому я решил позвонить вам и попросить, чтобы вы согласились принять его. Апанасенко — человек с большим опытом, герой гражданской войны, но у него тяжелый характер и высокое самомнение. Поэтому все командующие отказываются». Действительно, всех командующих фронтами Апанасенко рассматривал как людей, ниже его стоящих, хотя бы по революционным заслугам. Он провел всю гражданскую войну на коне, боевой человек, а кто такие эти новенькие? Но сейчас они заняли высокое положение, он же торчит без дела на Дальнем Востоке. Это и играло роль в его отношении к людям. Я лично с ним никогда не встречался, хотя слышал об Апанасенко. Говорю: «Пусть приезжает». Тот приехал.

Когда мы в Киеве работали вместе с Тимошенко, а Тимошенко по 1-й Конной армии хорошо знал Апанасенко, он мне рассказывал о нем. Насколько у меня отложилось в памяти, якобы, когда казнили Тухачевского и других славных командиров Красной Армии, то допрашивали и Апанасенко. На него тоже пало какое-то подозрение. Тимошенко говорил, что с Апанасенко беседовал Сталин и что Апанасенко сознался, будто состоял в какой-то заговорщической группе. Сталин взял с него честное слово, простил, послал в Среднюю Азию. Там он занимал крупный командный пост. Потом стал командующим войсками на Дальнем Востоке. Значит, ему уже доверяли. Оттуда он и прибыл к нам.

Апанасенко произвел на меня хорошее впечатление. Роста он был гигантского, плечистый, грузный, уже человек в годах. Занял пост заместителя командующего войсками фронта, а сначала был прикомандирован к командующему для особых поручений, что фактически одно и то же. Нас предупредили, что он должен стажироваться, понюхать порох второй мировой войны. Он знал первую мировую войну, гражданскую, но не знал пока второй мировой. А это совершенно другая война, и по-другому она протекала. И вооружение иное, и тактика иная, и условия изменились. Мы посылали его по армиям, как бы познакомиться. Прежде всего направили в 6-ю Гвардейскую, потому что там возникло особенно напряженное положение.

Он меня немного удивлял своим поведением, и мы с Ватутиным за глаза подшучивали над ним. Как-то он поехал в какую-то часть, ознакомился с положением и прислал телеграмму: «Вот то-то и то-то он осмотрел, попробовал солдатский борщ. Борщ отличный. Генерал армии Апанасенко». Мы долго смеялись. Я впервые

встретился с таким актерским приемом поведения. Ни у кого другого я не замечал такой манеры вести себя. Он, так сказать, немножко рисовался. Ну и пусть! Затем и на другие участки фронта мы его посылали, когда там завязались усиленные бои. Он направлялся нами туда, где складывалось самое опасное положение. Это естественно. Такой крупный военачальник мог оказать помощь командующему армией.

Нам требовалось много пополнения и подкреплений. И их в ту пору Ставка сейчас же давала. Мы получили 10-й танковый корпус. Потом еще один танковый корпус, командовал которым Полубояров. Но он действовал в полосе Степного фронта. Сейчас Полубояров — начальник бронетанковых войск Советской Армии. Мы тогда сначала его корпус поставили в тылу, западнее Воронежа. Потом нам дали 5-ю Гвардейскую армию, крепкую, полного состава, с хорошо обученной молодежью. Командовал ею генерал Жадов. Ее мы поставили так, чтобы использовать против правого фланга немецкого наступления. Еще мы получили 5-ю Гвардейскую танковую армию. Командовал ею генерал Ротмистров. О нем я уже рассказывал в связи со Сталинградской битвой. Он приехал к нам, как старый знакомый. Я относился к нему с большим уважением и высоко ценил его знания и военные способности. 5-ю Гвардейскую танковую армию мы расположили так, чтобы рядом с 5-й Гвардейской тоже нанести фланговый удар по немецким войскам. Когда враг проявил такое упорство в наступлении, а наши войска упорствовали при удержании своих позиций, перемалывая живую силу и технику врага, мы приняли решение ударить немцам именно во фланг, а не в лоб, считая, что скорее сумеем свернуть как раз фланг противника, потом дезорганизовать сбоку его наступление и самим перейти в контрнаступление.

Но бывает и такое совпадение. Немцы тоже решили ударить по нашему флангу, только левому, то есть на восток. Там у нас вначале силы имелись небольшие: стояла на Северском Донце одна 69-я армия. Получилось, что наше решение и решение противника территориально совпали. Произошел встречный танковый бой. Рядом сражалась армия Жадова. Я находился как раз в ней. Ранее тоже встречался с Жадовым, но был с ним слабо знаком. Завязались очень упорные бои по верхнему течению Псела. К нам приехал Жуков. Мы с ним решили вдвоем поехать в танковую армию к Ротмистрову, в район Прохоровки. Прибыли в расположение штаба, прямо в поле, в посадках, не то в каком-то кустарнике. Служб никаких там не имелось — только сам Ротмистров да офицеры для поручений и при них связь. Дорога туда вела накатанная. Но нас предупредили, что она обстреливается и усиленно бомбится противником. Мы с Жуковым дали газу и проскочили, реальной опасности не встретили.

У Ротмистрова тоже разгорелось сражение. На полях виднелось много подбитых танков — и противника, и наших. Появилось несовпадение в оценке потерь: Ротмистров говорил, что видит больше подбитых немецких танков, я же углядел больше наших. И то, и другое, впрочем, естественно. С обеих сторон были ощутимые потери. Потом я еще раз съездил туда, уже без Жукова, который возвратился в Москву. Несколько раньше меня к Ротмистрову заехал Апанасенко. Я встретил там его, когда меня привел к нему офицер связи в небольшую деревушку в ложине, неподалеку от воды. Крестьяне издревле выбирали для себя место около воды. Там я застал картину, которая произвела на меня впечатление театрального представления. Около хаты стоял столик, покрытый кумачом. На столе — телефон. Апанасенко сидел за столиком в бурке, наброшенной на плечи. И все это — около самого переднего края. Вражеские снаряды и болванки летели через дома деревни, визжали и завывали. У металлических болванок был характерный вой; потом они шлепаются без разрыва.

К тому времени наше положение ухудшилось. Мы исчерпали свои резервы, хотя не знали, что имелись еще резервы Верховного Главнокомандования. Потом уже нам сказали, что за нами стоят армии Степного фронта, которыми командовал Конев. Добавили, что 47-я армия этого фронта поступает в наше распоряжение. Это произошло, когда враг оттеснил нас уже километров на 35 на север и когда мы выдохлись. Я поехал к Катукову. Его войска оседлали шоссе Белгород — Курск и удерживали его южнее Обояни. Там же находился штаб 6-й Гвардейской армии,

потому что Катукон и Чистяков занимали по фронту и в глубину одну полосу: танковая армия была придана на усиление 6-й Гвардейской, как подвижная артиллерия. Там я встретился сразу с обоими командирами. Положение складывалось тяжелое, Москва проявляла нервозность. Помню, как перед моим отъездом к Катукону мы с Ватутиным разговаривали со Сталиным. Потом взял трубку Молотов. Молотов всегда в таких случаях вел разговор грубее, чем Сталин, допускал оскорбительные выражения, позволял себе словесную бесконтрольность. Но чего-либо конкретного, кроме ругани мы от него не услышали. Он ничем не мог нам помочь, потому что в военных вопросах был нулем, а использовался в таких случаях как бич, как дубинка Сталина. В оскорбительном тоне он говорил с командующими, а потом и со мной. Не хочу допускать в свою очередь неуважительных выражений в его адрес, потому что при всех его отрицательных качествах Молотов по-своему был честен, а его преданность Советской власти не дает мне права отзываться о нем плохо, когда речь идет о войне. В кризисные моменты он проявлял грубость, но в спокойной обстановке — нет, и я понимал, что в те часы он мог только ругаться. Положение-то сложилось грозное. Вот тогда я и выехал на главное направление, к Чистякову и Катукону. Сил у них было уже мало. Армию Катукон потренировали. Не помню, сколько она к тому времени насчитывала в своем составе танков. Шутка ли сказать: три полосы обороны, где были почти сплошь расположены танки, противник прогрыз. Но за последней полосой наши войска закрепились, и враг не смог продвинуться дальше. Он и сам выдохся. Фронт становился не то чтобы стабильным (потому что никакая сторона не добивалась там перехода к обороне), а обоюдно обесиленным.

К нам попали в плен два немецких летчика. Пилотировали они одноместные самолеты, но помню, какой марки, старые тихоходы, вооруженные мелкокалиберными пушками. Это были воздушные истребители танков. Одному из летчиков было лет за 40, другой — молодой, вероятно, богатый человек, потому что все на нем было, судя по качеству и виду, не стандартное, а приобретенное за собственные средства. Первый же был попроще, хотя по воинскому званию старше. Он обгорел, у него были обожжены пальцы и лицо, а другой совершенно не тронут. Я допрашивал обоих. При допросе они оказали разное «сопротивление». О молодом мне доложили наши разведчики, которые раньше его допрашивали, что он ничего не скажет: это фашист, верящий в Гитлера и в победу германской армии. Его даже припугнули, чтобы он поддался, но тот ответил, что готов принять смерть за Гитлера, немецкая армия победит, а вы будете разбиты. Потом мне он повторил то же самое. Я недолго с ним возился, и его увели.

Стал беседовать со старшим. Это был иной, морально разбитый человек. Я ему предложил: «А вы не смогли бы написать письмо к вашим летчикам и обратиться к ним с листовкой антигитлеровского содержания?» Он ответил: «Как же я напишу?», — и руку показывает. — Я не могу владеть рукой, она вся у меня обожжена». Я ему: «Вы будете диктовать». Одним словом, он согласился. Думаю, впрочем, что мы эту листовку не распечатали, потому что решали главный вопрос, а на листовки мало возлагали надежд. Надо было физически разгромить противника. Говорю это к тому, что в то время даже среди летного состава германских войск появились люди, которые не проявляли моральной устойчивости и были надломлены, потеряв веру в победу немецкого оружия.

Многого я сейчас уже не помню, но и не стремлюсь дать точную картину перемещения воинских частей и хронологию проведения операций. Все это изложено в мемуарах генералов, у каждого — по своему участку, и в опубликованных оперативных документах. Из них точно известно, когда противник выдохся, когда мы задержали его продвижение и сами перешли в наступление. Мне же хочется рассказать о своем восприятии тех событий, о каких-то запавших мне в память фактах, об интересных людях, о том, что я чувствовал в те дни.

Итак, мы стали теснить противника на главном направлении, а оно определяло положение на всем фронте. Не помню, сколько километров мы прошли, когда передвинули штаб, и я переехал вместе с ним. Новый полевой штаб организовали в землянке. Почти тут же разместились штабы 6-й Гвардейской и 1-й танковой

армий, штабная землянка расположилась на кургане, и мы могли наблюдать за ходом боя, находясь на фланге войск, которые непосредственно сражались. Смотрели мы сверху вниз вместе с Чистяковым, Катуковым и Попелем, и все очень хорошо было видно, как на ладони: и действия наших танков, и действия танков противника, и поведение пехоты. Самолеты противника кружились над нами. Не знаю, заметили ли они нас, но бомбы бросали. Правда, не попали, и мы отделались лишь некоторым волнением.

Помню и первую ночь, когда приехали сюда на новое место. Очень близко сидит противник. Буквально у него под носом наша землянка. Сохранился в памяти и командующий артиллерией 6-й Гвардейской армии, забыл его фамилию, какая-то украинская. Очень был хороший артиллерист. Он, бедняга, погиб, когда мы освободили Киев, а погиб глупо: ехал на мотоцикле и перевернулся, получил сотрясение мозга, пролежал в госпитале несколько дней и умер. Очень я жалел его, в госпиталь тогда к нему ездил. Хороший был генерал. Не помню его фамилию, но держу в памяти его слова: «Ну, товарищи, как спать будем ложиться? Штаны будем снимать, или ляжем в штанах?» Это он — в том смысле, что ночью все возможно, противник может какую-нибудь вылазку предпринять, и тогда мы или погибнем, или будем поспешно удирать. Впрочем, не помню, кто из генералов раздевался, а кто ложился одетым. Солдаты нарвали нам полыни (хорошее средство летом от блох), и мы на ней отдыхали.

Мы много сил перетянули на главный участок из 38-й и других армий, которые стояли на западе, на правом фланге, где не велось активных действий. И все же были сильно истощены, понесли много потерь. Из войск я возвращался всякий раз в штаб фронта, к Ватутину. Он сидел там как часовой, и непрерывно управлял войсками. Я верил ему, уважал его и знал, что он сделает все, что следует командующему.

А теперь вспомнил еще один эпизод. После войны данный случай при рассказе звучал даже забавно. Апанасенко находился на командном пункте 6-й Гвардейской армии. Вдруг звонит Чистяков и говорит, что противник очень близко подошел к расположению командного пункта, и я прошу разрешения перенести командный пункт на запасной, который оборудован ранее. Однако связи с запасным пунктом пока не было, поэтому мы с Ватутиным сказали ему: «Нет, держать оборону и командный пункт не переносить!» Через какое-то время опять звонит Чистяков и вновь настойчиво просит. Мы ему опять отказали. Тогда позвонил Апанасенко и сказал, что он с командармом рядом, присоединяет свой голос и тоже просит разрешения перенести командный пункт: «Я сам вижу, как танки врага лезут буквально на командный пункт. Мы можем попасть в плен». Мы обменялись мнениями: «А вдруг им нечем отбить атаку танков? Может быть, все люди у них на переднем крае. Им-то виднее, чем нам». И решили: пусть командующий армией и Апанасенко едут на новый командный пункт, а там останется начальник штаба, пока не заработает надежно связь с новым командным пунктом. Начальник штаба остался, а двое уехали.

По приезду на новый пункт они должны были сейчас же связаться с нами и доложить, что взяли связь на себя и могут управлять войсками. Но нет звонка ни от Чистякова, ни от Апанасенко. Зато начальник штаба 6-й Гвардейской со старого командного пункта регулярно докладывает нам о том, что он сам видит и что ему доносят. Это длилось много часов. И потом мы стали выяснять, в чем же дело? Оказывается, это наши танки отходили, а их приняли за танки противника. Хорошо, впрочем, что начальник штаба Пеньковский тоже уцелел. Я далек от мысли в чем-либо заподозрить Чистякова и Апанасенко. Не хочу, чтобы меня так поняли. Всякое бывает на фронте. Случается, что люди героического склада характера, отлично показавшие себя не в одном бою, вдруг нервничают, ошибаются. А могла иметь место простая ошибка.

Когда мы уже гнали врага на всех участках, выталкивая его, как поршнем, из мест, куда он пробился после 5 июля, произошел нелепый случай. Апанасенко поехал к Ротмистрову, и вскоре нам донесли, что Апанасенко убит. Доложили, что он погиб при следующих обстоятельствах: стояли в поле и разговаривали Апа-

сенко и Ротмистров, рядом находились сопровождающие. Пролетел немецкий самолет, бросил бомбу. Она разорвалась довольно далеко, но осколок попал в Апанасенко и сразил его наповал. Из всей группы лиц пострадал он один. В кармане у него нашли записку, которая осталась мне непонятной. В ней содержались заверения в его преданности Коммунистической партии. Он излагал свои чувства. Я не понимаю этого: зачем носить в кармане на войне записку, в которой описываются верноподданнические чувства? Ничего подобного я не встречал ни раньше, ни позже. Сам же Апанасенко своим поведением производил на меня впечатление артиста, который все время играет, любитесь своими действиями. Возможно, он обдумывал, какое это произведет впечатление на того, кто прочитает, если записка попадет в другие руки? Или же она была следствием тех потрясений 1937 г., о которых мне рассказывал в связи с ним Тимошенко?

Приехала его жена. Я познакомился с ней. Мне сказали, что она актриса какого-то театра. Она настойчиво просила, чтобы его труп отправили похоронить в Ставрополь, на родину покойного. Я долго уговаривал ее не делать этого: «Лучше похороним его здесь, в районе Прохоровки. Тут произошла великая битва, ее будут помнить в веках». Может быть, несколько нескромно было мне говорить это, потому что я тоже был как бы солдатом той роты, которая там дралась. Солдат говорит: самая боевая та рота, в которой он служит. «Что может быть почетнее для боевого генерала, каким являлся Апанасенко, чем быть похороненным здесь? К этому месту будут приходить наши люди и отдавать долг павшим». Жена сначала согласилась, и мы похоронили генерала там, где он пал. Но потом она опять подняла этот вопрос, и тело было перенесено оттуда и перезахоронено в Ставрополе.

Вернусь к боевым действиям. На Центральном фронте, против войск Рокоссовского, немцы тоже продвинулись но меньше, чем у нас. В те времена кое-кто делал неправильный и обидный вывод: вот, в вашем направлении противник продвинулся дальше! Но этого мало, чтобы говорить об умении командующего организовать оборону и управлять войсками. Сейчас не могу сказать, какое было соотношение сил на нашем направлении и у Рокоссовского, которого я очень уважал и уважаю сейчас. Я считаю его одним из лучших командующих войсками. И как человек он мне нравился. Особенно нравилась его служебная порядочность. Не хочу возвышать кого-то с тем, чтобы кого-то унижить, или наоборот. Надо всем отдать должное в таком великом деле, каким была битва на Курской дуге.

(Продолжение следует)

Вилли Брандт. Воспоминания

Какое единство?

Сколько времени прошло с тех пор, как шведский канцлер Оксеншерна спросил своего сына, знает ли он степень той глупости, которая правит миром? Сумма знаний с той поры неизмеримо возросла. А разум? Не ново то, что люди легко и охотно принимают желаемое за действительное. Или же они впадают в самообман, вместо того чтобы смотреть правде в глаза.

Так Гитлер и его сообщники опустошили Европу, погубили Германию, а юридическая казуистика должна была доказать, что не могло быть того, чего не должно было быть. Утверждали: рейх не погиб. Он продолжает существовать и воскреснет, очистившись после всех испытаний, в своем естественном единстве. Не все верили тому, что говорилось на этот счет. И ложные утверждения многих не совпадали с их истинными намерениями. Но больше всего было таких, которые дали себя провести.

Тезис о том, что германский рейх в принципе продолжит существовать в старых границах, я считал возмутительным, но не хотел вступать в спор с теми, кто его поддерживал. Это отвлекло бы меня от настоящей работы. Но я никогда не сомневался и в том, что раздел Германии неразумен и даже опасен, так как он угрожает миру в Европе. Понимание того, что даже разделенная на два государства Германия обязана внести свой вклад в процветание нашего континента, далось мне нелегко. Какие бы ответы на национальный вопрос ни предвещало будущее немцам, исходя из всего, что я осознал, было бы антиисторично не допускать этой мысли или отрицать ее. Барабанить о призрачных претензиях и всерьез принимать заверения союзников — это не могло способствовать решению немецких дел. В высшей степени ложным было представление, что в 1945 г. погибла лишь тирания, но не государство.

Но разве три державы в Потсдаме и четыре (после того, как получила доступ Франция) в Союзном Контрольном Совете не дали ясно понять, что они собираются сузить и переустроить германское государство, не расчленив его или заменить чем-то другим? Разве три года спустя, когда началась разработка боннской

конституции, не было ясно сказано, что речь идет о «временной мере»? И разве не следовало из ее преамбулы, что нужно лишь «воссоединить» то, что оккупационные державы разделили на Восток и на Запад? Когда говорили, что в Потсдаме — или до, а может быть, после него — державы-победительницы обязались сохранить или восстановить наше государственное единство, — это была чистой воды подмена трезвой оценки субъективными желаниями. Никогда их не мучило сознание того, что они должны уплатить Германии долг. Но почему бы не признать на словах единство, которое немецкие политики от левых до правых выдают за свою высшую цель? Вероятно, этот вопрос задавали себе многие.

В середине 50-х годов меня посетил в Берлине мой норвежский друг, ставший в Осло статс-секретарем Министерства иностранных дел. Он хотел знать, что я думаю о перспективах германского единства. Когда я откровенно разъяснил ему всю сложность этой задачи, Йенс с подкупающей прямоотой резюмировал: «Тогда мы можем и в дальнейшем спокойно соглашаться с совместными заявлениями». А среди французов была в ходу злобная острота: мы так любим Германию, что рады тому, что она представлена не единственным числом.

В начале 1959 г. (я уже в течение полутора лет был правящим бургомистром) на меня произвело впечатление откровенное и в то же время отрезвляющее высказывание Джона Фостера Даллеса, госсекретаря при Эйзенхауэре: «Мы спорим с русскими по ста вопросам, но по сто первому мы с ними единого мнения: нейтральной, а чего доброго, вооруженной Германии, которая сможет передвигаться между фронтами, не будет». Примерно в то же время Хрущев сказал французскому министру иностранных дел, что он предпочитает иметь 20 млн. немцев на своей стороне, чем 70 млн. против себя. В другой раз кремлевский властитель утверждал, что как премьер-министр Макмиллан, так и президент де Голль ему вполне определенно сказали, что они не стремятся к воссоединению Германии. Правда, они не пожелали сказать об этом правительству ФРГ или подтвердить это публично.

Было бы ошибкой или самообманом делать из заявлений и решений держав-победительниц вывод, что они признают наше право на государственное единство. В действительности, возможно, и удалось бы изменить условия, если бы были образованы, как это первоначально предполагалось, центральные общегерманские департаменты во главе с немецкими статс-секретарями. Сначала это не удалось сделать из-за возражений Франции, а потом вопрос вообще отпал. После всего, что произошло, не следовало удивляться, что державы-победительницы использовали воссоединение лишь в качестве пропагандистской формулы.

Раньше, чем немцы, их соседи поняли: подчинение обоих немецких государств противостоящим друг другу союзам с их последующим вооружением и притязания на восстановление государственного единства нельзя привести к общему знаменателю, если, конечно, не делать ставку на «отбрасывание» в военной области. Но это, во-первых, было нереалистично, а во-вторых, не зависело от немцев. Исследование взаимосвязей, из которых можно было бы мирным путем извлечь какую-то пользу, тем не менее продолжает представлять определенный интерес. Но неуступчивость и ретивость могут здесь, конечно, лишь повредить.

История не знает последнего слова. Но нам — одним раньше, другим позже — пришлось осознать, что ремилитаризация и воссоединение друг друга исключают. Было ли это, как иногда говорят, собственно платой за то зло, которое гитлеровская Германия причинила миру? Великая двойная иллюзия послевоенной истории Германии — о временном характере и о непродолжительности раздела — с этим совершенно не вяжется. Как известно, в рамках порядка, который мыслился как временное явление, немецкие заказчики, то есть главы земель, поручили в 1948 г. Парламентскому совету разработать «Основной закон», а не «Конституцию», как это предусматривали оккупационные державы. То, что впоследствии из этого все же получилось больше, чем добивались одни и ожидали другие, соответствовало непредсказуемой логике развития. Нужно было осторожно переубедить военных губернаторов, считавших, что мир ждет именно «конституции». С немецкой стороны (причем это были не только консерваторы) также выдвигались возражения против «безответственного толкования понятия «временное состояние».

Долгое время ссылками на Основной закон объясняли наш долг добиваться воссоединения. В действительности в преамбуле речь идет об обязанности всего немецкого народа «завершить путем свободного самоопределения дело единства и свободы Германии». Это было чем-то иным и большим, нежели фикция. Ибо этим хотели сказать, что разделенный в результате развязанной Гитлером войны и оккупации немецкий народ составляет сообщество людей с общей судьбой, из которого вновь возникнет единое государство. Однако существовала значительная путаница в понятиях. Из единства сделали воссоединение. Как будто история и европейская действительность держали наготове привязку к империи Бисмарка. Или же как будто вся проблема сводилась к тому, каким образом может произойти или произойдет присоединение ГДР к Федеративной Республике? Даже Федеральный конституционный суд поддержал представление о том, что рейх лишь временно «недееспособен». А граница с ГДР в полном отрыве от реальности сравнивалась с границами между федеральными землями. Полтора года спустя суд осторожно скорректировал свою точку зрения.

Представление о том, что необходимо привести германский Запад в порядок и сделать его сильным, господствовало не только среди сторонников Конрада Аденауэра. Точки зрения расходились там, где речь шла о поиске конкретных шансов соединить обе части Германии как-то иначе, чем путем «аншлюса». Вместо анализа изменившихся реальностей мировой политики высоко ценилась фикция прошлой национальной политики. Теория о продолжающемся существовании германского рейха (мой друг Карло Шмид говорил об «общегерманской власти суверенного государства в Западной Германии») затруднила нам правильный подход к проблематике германского единства. «Холодная война» и ее последствия способствовали превращению вопроса о «воссоединении» в специфическую спасительную ложь второй германской республики.

В Федеративной Республике Германии о воссоединении больше говорили, чем думали. Или говорили одно, а думали другое. Мое собственное мнение было богато оттенками, о чем, однако, трудно было судить по тем расхожим формулировкам, которыми я открывал заседания берлинской палаты депутатов. Там я систематически призывал выразить «нашу непреклонную волю к свободному воссоединению Германии со своей столицей Берлином». Но в том, что «воссоединения» не будет, трудно было признать даже самому себе, а тем более сделать это предметом публичного обсуждения. Споры по поводу политического курса Бонна, в которых никто не хотел уступать и которые больше напоминали словесную гражданскую войну, не позволяли все тщательно взвесить и обдумать. Так уж вышло, что во время «холодной войны» на дубинки спрос был выше, чем на лупы. Люди, призывавшие к терпению и вере, говорили в пустоту.

В дискуссиях тех лет, проходивших в тесном или очень тесном кругу, мы, конечно, обсуждали вопрос, каким образом Германия без ненужных ссылок на мнимые права или опасных расчетов на «отбрасывание» в военной области может вновь стать единой? Я уже давно сделал свой выбор в пользу Запада в смысле правового государства, демократической конституции, свободомыслия в культурном наследии и был готов уплатить за это соответствующую цену. Я давно питал надежду на то, что Европа объединится и станет источником политической силы, и почти не сомневался, что Сталину не удастся ни покорить Европу, ни определить будущее России. Я считал, что России придется сталкиваться и по возможности находить общий язык с Америкой, с Западной Европой, с новыми блоками государств в других частях света.

На дортмундском партсъезде СДПГ, первом после смерти Шумахера, это прозвучало следующим образом: «Мы ни в коем случае не поддерживаем любой проект, который выдают за «западный», но я думаю, что мы всегда поддерживали и сегодня поддерживаем Запад в смысле свободы и человеческого достоинства. Мы также поддерживаем демократическую обороноспособность ради мира и свободы в этом пока далеко еще не миролюбивом мире». И далее: «Если мировая политика сегодня или завтра предоставит возможность воссоединить Германию на основе свободы, мы должны отнестись к этому положительно даже в том случае, если

такая свободно воссоединенная Германия — я хотел бы здесь добавить «к сожалению» — не сможет быть в военно-политическом смысле составной частью Атлантического союза. Подобное уточнение вообще не имеет ничего общего с играми в нейтралитет, и я отрицательно отношусь к попыткам федерального правительства представить любое размышление о возможностях решения германской проблемы как проявление нейтралитета». В конце я призвал партию не поддаваться желанию «продолжать действовать по-старому, а там, где нужно, пересматривать, изменять и обновлять».

О восточной политике Германии на ранней стадии развития ФРГ, за исключением упоминания в подобных, в общем-то остававшихся незамеченными выступлениях, не могло быть и речи. Прошли годы, прежде чем стала допустимой и возможной новая германская внешняя политика. Впрочем, понятие «восточная политика» несло на себе бремя стольких предрассудков, что нужно было быть чертовски осмотрительным во избежание недоразумений. Во всяком случае, я и думать не мог, что немецкое слово «Ostpolitik» (восточная политика) так же, как «Weltanschauung» (мировоззрение) и «Gemütlichkeit» (удобство), со временем войдет в другие языки.

Бремя предрассудков было следствием не только недавней кровавой бойни, но и наследия «доброе старое время» с его грубыми манерами. И к этому еще добавился страх перед расплатой и ужас, связанный с особенностями советской оккупации. Даже если бы испарился весь яд нацистской пропаганды (чего не могло быть), страх перед русскими перерастал в дремучий антикоммунизм, ставший частью ранней западногерманской государственной доктрины.

Мы видели, что Потсдамская конференция, проходившая в конце лета 1945 г., не принесла ничего положительного. Правда, было записано, что Германия не должна быть разрушена и ей следует предоставить возможность «вернуться в круг цивилизованных наций». И что она будет рассматриваться как экономическое целое. Но предусмотренные для этой цели общегерманские центральные департаменты так и не были созданы.

Не было единства между державами-победительницами по вопросу о том, следует ли поддержать немцев в их стремлении снова жить в одном государстве? Еще в Ялте вся тройка, в том числе Сталин, была за раздел. Однако позднее Сталин предпочел, используя свой крупный военный успех, прибрать все, что можно, к рукам. Во всяком случае, было ясно, что восточная граница Германии не останется неизменной.

Оглядываясь назад, кажется невероятным, что федеральное правительство, а также до него и вместе с ним политические партии настаивали, по меньшей мере, на границах 1937 г., хотя они должны были бы знать, что в этом вопросе они нигде в мире не найдут поддержки. Соединенные Штаты и Великобритания согласились в Потсдаме де-факто с новой западной границей Польши. Еще более приятным было полученное задним числом согласие Франции. Не исключались, как нам казалось, небольшие поправки. В первые годы после войны я еще считал, что они возможны. С течением времени это сделалось страницей того позавчерашнего, которым так легко преграждать путь завтрашнему. Ущемленное право гражданства миллионов немцев сменилось вновь возникшим правом миллионов переселившихся на Запад и родившихся уже там поляков.

Какая-то смесь абстрактных претензий и конкретного предвыборного оппортунизма мешала большинству из нас в знакомстве с этим фрагментом новой действительности. Даже такой человек, как Эрнст Рейтер, казалось, забыл, что в своем выступлении в марте 1933 г. на последнем собрании в Магдебурге он предсказывал, что Гитлер — это война, а война означает потерю Восточной Германии. В том, что я написал за время войны, я был более осторожен. Тем не менее я послушался совета никому об этом не говорить. Вряд ли кто-либо из нас осознавал, что консерватор Карл Герделер, который, прежде чем он примкнул к заговору против нацистов, как-никак до 1937 г. был бургомистром Лейпцига, в 1938 г. написал, что если разразится война, Германия потеряет свои земли восточнее Одера.

Вместо воссоединения областей, которыми не смогли распорядиться иначе, обе стороны приступили к ремилитаризации. То, что одним казалось более чем естественным, для других было завершением закрепленного в ходе «холодной войны» раздела. А может быть, речь шла о неоплаченном счете за то, что гитлеровский режим причинил Европе?

В специфических условиях тех послевоенных лет на восточную зону — будущую ГДР — была возложена намного большая материальная ответственность, как будто тамошние жители проиграли войну в большей степени, чем их земляки на Западе. Федеративной Республике было легче. В обоих германских государствах люди упорно работали. Но на Западе доходы были несравненно выше, так как его экономика имела возможности для развития, а американцы оказали ей «стартовую помощь». Вскоре Федеративная Республика смогла встать на ноги. Она произвела кое-какие платежи, провозгласив себя по собственной инициативе правопреемницей рейха, однако суверенитет она обретала только по частям и поэтапно. Ее называли экономическим гигантом и политическим карликом.

Разве не было ясно, что стремление к равноправию на Западе будет сопровождаться желанием самим представлять наши интересы и на Востоке? Такое желание далеко не все считали целесообразным и уместным. От имени комиссии по вопросам внешней политики бундестага — тогда она еще называлась «Комиссия по вопросам оккупационного статуса и по иностранным делам» — в 1952 г. мне надлежало констатировать: мы все едины в том, что германская политика должна быть пронизана особой заинтересованностью в мире и служить налаживанию нормальных отношений со всеми государствами. Большинство же членов комиссии, то есть коллеги по тогдашней правительственной коалиции, хотели зафиксировать, что в любом случае следует отклонить установку на неприсоединение. Они высказались за воссоединение путем силы и были убеждены, что Советский Союз отступит.

Социал-демократы — мнение их меньшинства я должен был отразить в равной мере — были настроены более скептически. Они считали, что предстоящее заключение договоров с западными державами-победительницами затрудняет или даже исключает проведение германской восточной политики. Мои политические друзья придавали, однако, большое значение тому, чтобы на них не наклеивали ярлык «нейтралов». В июле 1952 г. я заявил в бундестаге, что в социал-демократической фракции «нет людей, питающих иллюзии, будто на этом, увы, столь несовершенном и не столь уж миролюбивом свете можно оставаться абсолютно безоружным». Я объявил себя сторонником солидарности демократий, равноправного участия в европейском и международном сотрудничестве, а также «непрестанных и серьезных усилий по решению общегерманского вопроса и преодолению европейского кризиса».

Ремилитаризацию на ранней стадии я считал ошибкой и предпочел бы противопоставить «народной полиции на казарменном положении» в ГДР соответствующий инструмент на нашей стороне. При этом я не руководствовался пацифистскими мечтами моей ранней юности. Меня даже причисляли к социал-демократам, «симпатизирующим военным», и я в действительности интересовался условиями, в которых создавался бундесвер. Некоторые из нас усвоили, что нужно уметь обращаться с военной силой, если хочешь предотвратить, чтобы она обращалась с тобой.

Западногерманская политика сковала сама себя. Правительство ожидало, что весь мир одобрит теорию идентичности, согласно которой Бонн является единственным правопреемником германского рейха, а также согласится с тем, что только Федеративная Республика вправе представлять Германию, а «зону» нужно подталкивать к проведению свободных выборов, в результате которых она должна исчезнуть.

Простодушного федерального президента Генриха Любке отправили в поездку по Африке и еще в какие-то страны «третьего мира» и дали ему вкусить успех, если в соответствующее коммюнике удавалось вписать, во-первых, что правительство, которому он нанес визит, признает Германию только в лице Федеративной Республики; и, во-вторых, что оно может рассчитывать на продолжение или предоставление экономической помощи со стороны Федеративной Республики.

Таким же образом бургомистра Берлина послали объехать полмира, чтобы он отстаивал интересы своего города. Однако в начале своего большого путешествия я ни в коем случае не должен был наносить визит генеральному секретарю ООН Дагу Хаммаршельду в его официальной резиденции. Он приехал ко мне в гостиницу. Визит в Стекланный дворец мог бы быть истолкован так, будто я заимствовал тезис о «вольном городе». Кроме того, кто знает, что случилось бы, если непредсказуемую массу чиновников Объединенных Наций побудили бы заняться германскими делами?

В один из моих последующих приездов в Нью-Йорк представитель генерального консула, встретивший меня в аэропорту, сообщил, что только что удалось отразить попытку добиться от нас уступки в вопросе о теории трех государств. Как это понимать, спросил я. Оказалось, что старшему швейцару гостиницы «Вальдорф-Астория», в которой я обычно останавливался, велели спустить флаг Берлина. А ведь эмигрировавшие в Нью-Йорк экс-берлинцы всегда так радовались, видя, как поднимают флаг с изображением медведя — герба Берлина!

Доктрина Хальштейна, сказал Генрих фон Брентано в нашей беседе с Конрадом Аденауэром, проходившей в 1963 г. в моем берлинском кабинете, собственно говоря, должна была бы носить его имя. Сформулировал ее профессор Вильгельм Греве после того, как в 1957 г. члены руководства ГДР посетили Египет, Ирак, Индию и им оказали там дружественный прием. А применили ее впервые в начале 1963 г. по отношению к Кубе потому, что Фидель Кастро признал ГДР. Разрыв дипломатических, но не фактических отношений с Югославией произошел еще в 1957 году. Тито дал согласие на просьбу ГДР быть представленной в Белграде послом, а не посланником. Конечно, доктрина не относилась к Советскому Союзу, с которым Аденауэр осенью 1955 г. договорился об обмене послами. Те, кто правил в Бонне до большой коалиции, в конце концов склонялись к тому, чтобы установить дипломатические отношения и с другими государствами Восточного блока. Желание сойти с предписанного доктриной пути мотивировалось следующим образом: они ведь не виноваты в том, что у них уже сидят послы ГДР. Это как «врожденный порок».

Конечно, в сущности речь шла не о протоколе. И сегодня остается вопрос: существовали ли после 1945 г. реальные шансы на общегерманское решение, а если такие шансы были, то почему оно сорвалось? Многие из того, что по этому поводу писалось, основывается на оценке, согласно которой от советской стороны нельзя ждать серьезных намерений. Кто знает, удастся ли когда-либо добиться удовлетворительного ответа на этот вопрос? Пока что придется набраться терпения. Многие еще скрыты в архивах. Но находится ли еще там все, что имеет значение, и находилось ли оно там вообще?

Совершенно ясно, что в конце войны не было никаких шансов предотвратить раскол Европы. И уж, конечно, в то время не могло быть положительного немецкого влияния. Однако почему в 1949 г. не было сделано никаких выводов из уроков блокады, в которой мы выстояли, и почему не прислушались к соответствующим советам? Вопрос о том, что происходило в 1952 г., остается открытым. Я не верил и не верю в то, что Сталин был готов отказаться от «своей» части Германии. Но я считал и считаю, что Запад поступил бы правильно, если бы он попытался выяснить все, что было связано с этим вопросом. А федеральное правительство было бы просто обязано это сделать. Мне кажется, что в общих и в высших интересах Европы следовало бы уже тогда оказать решительное противодействие начавшемуся разрыву между отдельными частями континента и связанной с этим угрозой для дела мира. Однако подобная попытка имела бы смысл только в том случае, если бы носители вновь созданной германской демократии нашли в себе силы отказаться от участия в военных союзах. И если бы решающие силы за рубежом предоставили немцам свободу действий в этом направлении. Обе эти предпосылки отсутствовали.

В ноте от 10 марта 1952 г. — еще одна последовала в апреле (дипломаты пренебрежительно называли их не совсем точно «сталинскими нотами») — было предложено создать «нейтральную» Германию и провести «свободные выборы». Как достоверно установлено, Ульбрихт считал, что эти предложения таили в себе опас-

ность для него и его режима, но, к счастью, другая сторона их отклонила. На отклонение советских нот (даже если речь шла всего лишь о том, чтобы взвесить все «за» и «против») были запрограммированы и те круги на Западе, которые в отношении Германии ни в коем случае не хотели принимать в расчет возможность ее неприсоединения.

Конечно, существовала связь между советским «зондированием почвы» и предстоящим заключением договора о Европейском Оборонительном Сообществе (ЕОС), в которое должна была войти и Федеративная Республика. Этот план провалился во французском парламенте и в 1955 г. был заменен вступлением Федеративной Республики в НАТО. Прежде чем наступило это время для немецких солдат, СССР в январе 1955 г. заявил, что, если все части Германии останутся свободными от военных обязательств, он допустит «свободные выборы», и притом под «международным надзором». Чем закончилась эта глава в истории, хорошо известно: в мае Федеративная Республика вступает в НАТО, а ГДР — в Организацию Варшавского Договора. В принципе подтверждается суверенитет обоих германских государств, и многим кажется, что в мире воцарился порядок. Состоявшаяся в июле 1955 г. в Женеве конференция четырех держав не принесла результатов. Хрущев на обратном пути заявил в Восточном Берлине, что воссоединение Германии возможно, во-первых, лишь в связи с системой коллективной безопасности в Европе, во-вторых, если будут установлены соответствующие контакты между обеими частями Германии и, в-третьих, если будут сохранены «политические и социальные завоевания» ГДР.

В германском бундестаге я в 1955 г., как и три года до того, был основным докладчиком по вопросу о договорах с прежними западными оккупационными державами. За это время произошли полные волнений события, значение которых многие, как и я, едва осознавали. Лишь гораздо позднее стали известны кое-какие подробности. Я имею в виду то, что разыгрывалось в Москве после смерти Сталина и в связи с восточногерманскими событиями 17 июня 1953 года.

Многое говорит за то, что это восстание помешало наметиться возможному коренному перелому в советской политике по отношению к Германии. Стихийные движения обладают тем свойством, что они не поддаются планированию с точки зрения высокой политики. Сталин умер. Один из его преемников, пресловутый начальник тайной полиции Берия, выступил, связавшись с оппозиционными немецкими коммунистами, за новый политический курс. Ради создания единого германского государства СЕПГ должна была принести себя в жертву и вместе с западногерманской КПП перейти в оппозицию. Речь шла также о смещении Ульбрихта, но, тем не менее, он продержался после этого почти двадцать лет. Владимир Семенов, прежде работавший в советских посольствах в Берлине и Стокгольме, затем ставший одним из заместителей министра иностранных дел, а впоследствии послом в Федеративной Республике, возглавлял в то время Советскую контрольную комиссию в ГДР. Он поехал в Москву и вернулся в Берлин с новыми инструкциями.

Заинтересованные немцы, в том числе — и люди, подобно мне, непосредственно этим занятые, понятия не имели, к чему клонится дело. Аденауэр знал больше, но не хотел делиться своими знаниями с людьми, склонными задавать вопросы. Уинстон Черчилль, которого он посетил в середине мая, передал ему информацию из Москвы, указывавшую на то, что тенденции к изменению советской политики следует принимать всерьез. Старик англичанин не нашел поддержки среди собственной бюрократии. Американцы, с которыми немедленно связался Аденауэр, также считали, что не стоит заниматься выяснением подробностей. Однако через некоторое время, по крайней мере, людям, хорошо осведомленным, стало ясно, что за этим крылось что-то серьезное: после свержения и казни Берии Ульбрихт в конце июня на пленуме Центрального Комитета СЕПГ жаловался, что Берия, якобы, хотел продать ГДР. Позднее Хрущев обвинил также Маленкова в намерении «продать» ГДР.

Не был ли это тот повторный шанс, возникший благодаря серьезному пересмотру интересов безопасности СССР? Какой неиссякаемый источник для всевозможных спекуляций и умозрительных заключений! Представители молодого поколения

немцев, которые интересуются этим вопросом, будут удивлены, узнав, что депутата, активно занимавшегося внешней политикой, каким был я, совершенно не трогали напряженные отношения, составлявшие предмет забот главы правительства в связи с его отношением к будущим союзникам и предполагаемым многолетним серьезным противникам, хотя, с точки зрения германской политики, это должно было его волновать.

Можно спорить о датах, а также об оценке тех или иных заявлений и сведений. Намерения Сталина в 1952 г. и суть конфликта между его преемниками в 53-м еще долго останутся загадкой. Но не подлежит сомнению, что 1955 г., когда оба германских государства были формально включены в соответствующие военные союзы, стал по-настоящему переломным. В так называемом Германском договоре от 1954 г., устанавливавшем наш суверенитет, статус воссоединенной Германии определялся как статус страны, «интегрированной в европейское сообщество». Правда, слово «европейское» было там написано с маленькой буквы. Но в целом время с 1955 по 1958 г. отличалось стремлением продолжить диалог и даже добиться определенной разрядки.

Одной из таких попыток был план Идена, названный по имени министра иностранных дел в правительстве Черчилля и его преемника на посту премьер-министра и предложенный в 1955 г. на Женевской конференции четырех держав. Идея создания зон военной инспекции по обе стороны разделяющей Европу линии не нашла поддержки потому, что не удалось прийти к соглашению по вопросу о Германии. Аденауэр добился от Запада согласия на то, что речь должна идти о демаркационной линии между воссоединенной Германией и восточноевропейскими странами.

С точки зрения содержания, инициатива была подхвачена и получила дальнейшее развитие в плане, который связывают с именем польского министра иностранных дел Адама Рапацкого. Этот план предусматривал создание в Европе безъядерной зоны. Первая его редакция была положена на стол переговоров в октябре 1957, вторая — в феврале и третья — в ноябре 1958 года. Если бы я сказал, что немецкие политические деятели — и не только входившие в правительство — проявили к инициативе Варшавы больший, чем чисто поверхностный, интерес, это было бы сильным преувеличением. Ведь так легко и просто было всюду подозревать советских подстрекателей. Тем не менее в измененной форме планы по взаимному выводу войск появлялись все снова и снова.

Джордж Кеннан, звезда американской дипломатии и большой знаток европейских процессов, в январе 1957 г. заявил в подкомиссии сената по вопросам разоружения: сокращение, перегруппировка или вывод размещенных в Европе американских и советских вооруженных сил необходимы. До тех пор пока они будут в Германии противостоять друг другу, невозможен прогресс ни в вопросах разоружения, ни в вопросах германского единства. В ноябре 1957 г. обратили на себя внимание выступления Кеннана по Би-би-си. Он рекомендовал русским уход из Восточной Европы и политику неприсоединения для Германии.

Похожие нотки прозвучали и у Хрущева в начале 1957 г. в Дели: он, мол, согласен с тем, чтобы Советский Союз и НАТО одновременно ушли из Центральной Европы. За год до этого состоялся XX съезд КПСС, который прошел под знаком не только десталинизации, но и мирного сосуществования. Со всей решительностью была отвергнута приписываемая китайцам концепция о неизбежности войн.

В последний день 1956 г. Ульбрихт, наверняка не без согласия Москвы, потребовал предусмотреть проведение конференции обоих германских государств в качестве промежуточного решения на пути к возможному воссоединению. В начале 1958 г. Москва со своей стороны предприняла акцию в целях разработки германского мирного договора, увязав ее с планом проведения конференции по безопасности в Европе. Хрущев выступил также инициатором встречи на высшем уровне обоих союзов и нейтральных стран для обсуждения на ней плана Рапацкого и мирного договора. В начале 1959 г. он выдвинул советский проект мирного договора с обоими германскими государствами, на который, однако, легла тень берлинского ультиматума.

Со стороны Запада в 1959 г. на Женевской конференции министров иностранных дел четырех держав был предложен план, названный по имени преемника Даллеса на посту госсекретаря, Кристиана Гертера, — последний совместный западный план «воссоединения». В середине июня и в конце июля я дважды побывал в этом городе на Женевском озере, но впустую. Совещание сорвалось. Следствием этого явилось то, что особенно на американской стороне дали волю своему нетерпению те, кто обвинял немцев в оцепенении. Стали слышны упреки, что немцы используют в игре за удержание своих устаревших позиций средства ядерного разрушения, принадлежащие их державам-гарантам.

Входил ли в эту цепь тщетных попыток план СДПГ от 1959 г. по Германии? Был ли он ее последним звеном? Речь в нем, собственно говоря, шла не о чем-то ошибочном, но тем не менее он был лишь приближен к действительности. К тому же существовала разница в том, исходили ли модели конфедерации из Германии или из мозговых центров держав-победительниц. Прошедшие годы показали, что все они были бесплодны. Так, например, Герберт Венер не успел положить свой более поздний план на стол, как тут же убрал его.

Обходных путей не существовало: очевидную потерю чувства реальности надо было преодолеть путем новой политики. В пользу этого говорило и то, что западные державы все больше выражали свое недовольство бесплодностью боннской политики. Изменение курса, которое несколько лет спустя почти все считали само собой разумеющимся, тем не менее было не простым делом. Всем было ясно, что претензии на единоличное представительство провалились. Но как отказаться от них или что предложить взамен? «Я хотел бы, мы хотели бы, чтобы нерешенные вопросы прошлого не мешали нам строить будущее», — так я позднее объяснял новую восточную политику, показав тем самым, что мною двигало задолго до того, как началась ее разработка.

Привычка немцев кичиться зачастую всего лишь мнимыми правовыми претензиями и нередко высмеиваемое свое наивное пристрастие, доверчивое отношение к заверениям союзников, ни в какой мере не могли способствовать решению германских дел. Заблуждались те, кто считал нужным обвинять меня в том, что, лишь став канцлером, я начал об этом говорить с должной откровенностью. Каждый, кто обладал способностью слушать, мог, например, понять из моего ответа на правительственное заявление Аденауэра в декабре 1961 г. в бундестаге, почему я считал обанкротившимся то, что тогда называлось политикой воссоединения.

Пять лет спустя я принял на себя руководство министерством иностранных дел. По моей просьбе ушедший в отставку статс-секретарь — это был Карл Карстенс, федеральный президент в период с 1979 по 1984 г., — ознакомил меня с некоторыми секретными делами. Он подготовил записку, в которой уже вообще ничего не говорилось о мнимых шагах к государственному единству, а лишь о том, что нужно прекратить попытки воспрепятствовать международному признанию второго германского государства. Становилось все труднее оспаривать право ГДР на членство в международных организациях. Считалось, что «единоличное представительство» ФРГ удастся еще какое-то время сохранить, но только путем существенного повышения военных расходов и увеличения средств на помощь развивающимся странам. Еще за два месяца до этого статс-секретарь сообщил федеральному правительству, в котором еще председательствовал Людвиг Эрхард: время так называемой «активной политики воссоединения» прошло.

Требования изменения политики уже нельзя было просто отклонить. Однако оказалось, что пробивать новый курс крайне трудно.

О трудностях корректировки курса

В начале декабря 1966 г. в Бонне стал известен состав нового правительства, сформированного обеими крупными партиями. Я стал федеральным министром иностранных дел и одновременно заместителем федерального канцлера. Пришедшую по душе работу в Берлине пришлось оставить.

В то время и при существовавших тогда обстоятельствах я не стремился получить должность в Бонне. Большая коалиция никоим образом не вызывала у меня симпатий. Но что было бы лучшим решением? Когда я, следуя настоятельным советам, решил войти в правительство, не приступивший еще к исполнению своих обязанностей канцлер уже пообещал пост министра иностранных дел своему швабскому земляку Ойгену Герстенмайеру. Тот впоследствии говорил, что ему следовало бы настоять на том, чтобы Курт-Георг Кизингер сдержал свое слово, и вообще надо было решительно поставить под сомнение «создание того кабинета». Он еще больше ожесточился после того, как собственные друзья по партии еще во времена Большой коалиции освободили его от поста председателя бундестага по смехотворному обвинению: участник заговора 20 июля Ойген Герстенмайер якобы не имел права получать причитающуюся ему по закону денежную компенсацию.

Правительственный союз обеих крупных партий, с точки зрения внутренней политики, выглядел неплохо. Но во внешней политике дела шли со скрипом, ибо значительная часть христианских демократов, и прежде всего представителей баварского Христианско-социального союза, противилась попыткам расстаться с вымыслами и иллюзиями. Между Кизингером и мной пролегла не пропасть, а та дистанция, которую определили различные жизненные пути и жизненные интересы. «Король сладкоречия», как его называли за глаза и в некоторых органах печати, был на десять лет старше меня. В бундестаге он проявил себя красноречивым толкователем планов своего канцлера, умевшим всегда оставить место для возможных совместных действий. Говорят, что Аденауэр долго не мог ему простить того, что в сентябре 1949 г. на заседании фракции, предшествовавшем открытию первого Федерального собрания, он высказался в пользу кандидата на пост президента, которого можно было бы избрать совместно с социал-демократами. Когда после всех перестановок в Бонне ему ничего не предложили, он в 1957 г. вернулся в качестве премьер-министра в Штутгарт. В последующие годы мы иногда встречались с ним в бундесрате и в кругу глав земельных правительств.

Кизингер был слишком умен и слишком хорошо воспитан, чтобы кроме партбилета еще чем-то большим подтверждать свою принадлежность к нацистам. Он не отрицал, что вначале, как и многие другие, он поддался бредовым идеям, но и не утверждал, что оказывал сопротивление. Его послевоенный демократический пафос не каждому пришелся по вкусу. Однако не было причин сомневаться в искренности духовных основ его политической позиции. Живший интересами Европы имперский шваб и я были едины в том, что западногерманская внешняя политика нуждается в модификации, корректировке и дальнейшем развитии. Следовало уладить наши отношения с Вашингтоном, которые были омрачены не только конфликтом из-за компенсационных платежей на содержание расположенных в Германии американских вооруженных сил. Да и крайне натянутые отношения с Парижем не могли оставаться в таком ужасном положении.

Эрхард никак не мог настроиться на одну волну с де Голлем, а техасцу из Белого дома он давал обвести себя вокруг пальца. К тому же именно при нем, как нарочно, проявились признаки первого после войны кризиса в собственном доме. Аденауэр, предсказавший провал Эрхарда, способствовал этому по мере своих убывающих сил.

Внешнеполитические факторы в то время зависели от множества незначительных, отнюдь не радикальных перемен. Президентство Линдона Джонсона увязло во вьетнамской трясине. В конце 1968 г. ничтожным большинством голосов президентом был избран Ричард Никсон. В Советском Союзе после свержения в 1964 г. Хрущева в руководстве страны консолидировалась консервативная группа вокруг Брежнева. Отношения между Москвой и Пекином все больше ухудшались. Во Франции майские волнения 1968 г. потрясли президентство де Голля. В следующем году генерал ушел в отставку. Жорж Помпиду повел страну по умеренно консервативному курсу.

Пик «холодной войны» миновал. Международное положение изменилось. Законные интересы нации требовали, чтобы политика ФРГ по отношению к Москве и ее союзникам была «очищена от наслоений». Мы знали, где наше место,

и поняли, что лояльность по отношению к Западу и дружба с ним должны дополняться компромиссом и сотрудничеством с Востоком.

В то время как социал-демократы однозначно выступали за «примирение» и включение в повестку дня мер по ограничению вооружений, а также за подписание совместных с ГДР заявлений об отказе от применения силы, обязательных в правовом отношении для обеих сторон, партнеры по коалиции создавали себе трудности и не собирались проводить новую политику. В правительственном заявлении повторились старые правовые положения (или то, что таковыми считалось), но, ко всеобщему удивлению, во внешнеполитической части первым упоминался Советский Союз. К Европе вновь вернулось доброе имя, и она не была больше окаменевшим слепком того, что породило конфликт между Востоком и Западом. Отсюда — помимо западноевропейского единства — готовность к максимальному сотрудничеству и поиск новых исходных точек для установления мирного порядка в Европе.

Воля к миру и взаимопониманию является, как говорили, первым и последним словом и фундаментом нашей внешней политики. К этому я добавил: европейская политика должна стать нескончаемым поиском расширения плодотворных сфер общих интересов, нейтрализации недоверия путем делового сотрудничества и в конечном итоге его преодоления. Ориентацию на активные действия по обеспечению мира в качестве общего знаменателя нашей внешней политики я считал подходящим средством для улучшения положения людей в разделенной Германии. А это, как мы надеялись, поможет сохранить дух нации.

В большинстве своем дельные и лояльные сотрудники Министерства иностранных дел помогали мне более точно определять германские интересы. Когда в декабре 1966 г. я приехал в Париж, французская сторона и Совет НАТО, заседавший там в последний раз перед переездом в Брюссель, вероятно, поняли, что мы приступили к работе, не хвастаясь своей силой, но с новым самосознанием. Именно то, что мы собираемся защищать свои интересы без высокомерия, но непредвзято, я четко показал в начале 1967 г. и во время моего первого визита в Вашингтон в качестве министра иностранных дел. Я не дал навязать себе ложные представления о преемственности и не собирался верить в чудо юридических формул, которые якобы могут вычеркнуть из людской памяти гитлеровскую войну или устранить ее последствия. Став членом боннского правительства, я, конечно, не к всеобщему удовольствию, продолжал отстаивать убеждение, что нацизм даже в новой упаковке, как и вообще ядовитый национализм, является изменой стране и народу.

У Кизингера не было недостатка в добрых намерениях, но ему не хватало решимости преодолеть самого себя. Многие из его окружения никак не хотели публично признать все грехи нацистского господства и согласиться с тем, что теперь нужно исходить из изменившихся реалий. Правда, «мой» канцлер отважился отвечать на письма с номером другой германской «полевой почты», что уже само по себе много значило, но он скорее готов был стать посмешищем в глазах всего мира, чем назвать ГДР государством. Он упорно пользовался словом «феномен». В Министерстве иностранных дел сочли полезным не говорить все время только о «советской зоне». И когда я употребил выражение «другая часть Германии», из этого быстро сделали сокращение «ДЧГ». Правда, продержалось оно недолго. До тех, кто действовал по черно-белым (или, вернее, черно-красным) схемам, не доходило, что на Востоке намечаются важные, конфликтоопасные и, возможно, полезные перемены. С этой точки зрения такому человеку, как Кизингер, в 1968 г., когда «Пражская весна» зачала, было легче, чем мне. Он чувствовал, что был прав: коммунизм — другие говорили социализм — и свободу не привести все-таки к общему знаменателю. Конец дискуссии!

Не следует считать, что во внешней политике Большой коалиции все вертелось вокруг перехода к новой восточной политике. Львиную долю нашего внимания и времени приходилось уделять нашим отношениям с державами-гарантами, с НАТО и ЕЭС, а также с многочисленными старыми и новыми торговыми партнерами во многих частях света. Тем не менее в этой работе оставались «белые пятна». С западногерманской точки зрения такими «белыми пятнами» являлись государства с коммунистическими режимами.

Насколько тяжел будет поиск своего места в новых условиях, стало уже ясно на рубеже 1966 и 1967 гг., когда американцы и англичане начали договариваться с Советами о нераспространении атомного оружия. Когда в декабре 1966 г. мы встретились с госсекретарем Дином Раском в Париже на заседании Совета НАТО, он дал мне текст двух первых статей проекта договора. Кизингер, находясь под влиянием предубеждений, лишь частично являвшихся его собственными, подобно де Голлю вообразил существование «ядерного заговора» сверхдержав. Аденауэру все это напомнило план Моргентау. Штраус нарисовал ужасную картину «нового Версаля космических масштабов». Людям старались внушить, что пострадает их безопасность, а экономике будет причинен непоправимый ущерб.

Под Новый год я на неделю уехал на Сицилию, занялся там накопившимися бумагами и набросал от руки, какой должна быть наша политика в этой области. В Министерстве иностранных дел мой стиль работы вызвал удивление, но там умели ценить тех, кто мог проложить маршрут.

Договор о нераспространении (ядерного оружия. — *Прим. ред.*) грозил стать для Большой коалиции своего рода психологическим испытанием на разрыв. Действительно, чтобы его наконец-то подписать в ноябре 1969 г., потребовалось новое правительство. А ратификации пришлось ждать еще несколько лет. Это был не единственный проект, который пришлось отложить.

Страх перед «Версальем космических масштабов», конечно же, был необоснованным. Однако подтвердилась оценка, согласно которой, во-первых, будет трудно ограничить число ядерных держав пятью, а во-вторых, подавляющее большинство государств не согласится навсегда отказаться от ядерного оружия, если получившее немалые преимущества меньшинство не проявит готовности предпринять серьезные шаги в направлении ограничения вооружений и разоружения.

В 1968 г. речь шла о том, чтобы возложить на государства, обладающие ядерным оружием, моральную и политическую обязанность приступить к разоружению. Они должны были сократить и — как уже тогда было сформулировано — по возможности ликвидировать свои ядерные арсеналы. От государств, не обладающих ядерным оружием, ожидалось, что они своим отказом от него внесут вклад в обеспечение мира. Договор о нераспространении, таким образом, мыслился как мост на пути к контролю над вооружениями и их ограничению. Разумеется, никто не думал, что разоружение может быть реализовано в течение короткого времени. Правда, статья 6 договора содержала своего рода обязательство приступить к разоружению, но прогресса в этом направлении в течение долгих лет не наблюдалось. Наоборот, арсеналы продолжали пополняться, в связи с чем государства, не обладающие ядерным оружием, на проходящих раз в пять лет конференциях по проверке явно выражали свое нетерпение. А что это дало? Число ядерных государств за эти годы не уменьшилось, а число потенциальных обладателей ядерного оружия — тем более. То, что мы с глобальной точки зрения находились на плохо обозримой местности, было общеизвестно. На немецкой земле, несмотря на договор, все еще было расположено больше средств ядерного уничтожения, чем в каком-либо другом сравнимом регионе.

Что касается кремлевского руководства, то нам казалось, что оно заинтересовано в хороших контактах с правительством Большой коалиции. Однако послу Семену Царапкину был дан отбой. Москва, очевидно, опасалась, что мы хотим настроить ее партнеров по восточному блоку против их лидера. Ульбрихт стоял поперек дороги по своим причинам. Обмен нотами о взаимном отказе от применения силы между СССР и ФРГ остался на бумаге. Правда, не произошло и дальнейшего ужесточения.

С послом Петром Абрагимовым при посредничестве шведского генерального консула, а впоследствии посла в Бонне Свена Баклунда я неоднократно встречался в мае — ноябре 1966 г. в Берлине, в том числе в здании советского посольства на Унтер-ден-Линден. Однажды за ужином — это было в октябре — он познакомил меня со всемирно известным виолончелистом Славой Ростроповичем, который тогда еще жил в Москве и с которым я с тех пор связан узами дружбы.

В беседах, состоявшихся в том году со мной как председателем партии, затра-

гивались темы, выходящие далеко за рамки берлинских проблем, в том числе различные аспекты будущих германо-советских отношений. Казалось, что мы предпочувствовали надвигающиеся осложнения.

Поздней осенью этого щедрого на события года Абрахимов пригласил меня в Москву. Я не стал отказываться. Несколько позднее советский посол в Бонне Смирнов за ужином у Бертольда Бейтца повторил приглашение и даже объяснил, где я буду жить в Москве. Но, так как я стал министром иностранных дел, визит в Москву не состоялся. Абрахимов не скрывал, что он очень недоволен созданием Большой коалиции. Однако он умел приходиться к согласию.

О Смирнове я сохранил добрую память с тех пор, как он в 1960 г. передал мне интересный меморандум, который одновременно был доведен до сведения федерального правительства. Однако там сочли, что он не заслуживает тщательного изучения. Предусматривалось установить более тесную связь Западного Берлина в качестве «вольного города» с территорией ФРГ и сделать его форумом для контактов между обеими частями Германии.

Тогда, летом 1960 г., Громько попытался гнуть свою прежнюю линию. Находясь с визитом в Вене, он передал Бруно Крайскому документ, в котором мне настоятельно рекомендовалось вступить в переговоры с правительством СССР. Это было невозможно хотя бы по причине компетенции, а от Крайского, представлявшего себе дело таким образом, что я могу поехать в Москву вместе с Аденауэром, ускользнула разница между германскими и австрийскими реалиями. Возможно, в свое время действительно что-то было упущено, но, несмотря на это, обстановка впоследствии все же изменилась.

Это проявилось накануне летних каникул 1968 г., когда я посетил Абрахимова в его резиденции, что для федерального министра иностранных дел было довольно-таки необычно. Это был долгий, оживленный вечер, принесший определенные результаты. Когда мы сидели за ужином, послу позвонил Леонид Брежнев, который счел важным подчеркнуть, что он хотел бы не обострения, а спокойной обстановки в Берлине и вокруг него. Абрахимов отреагировал положительно на мое предложение о взимании общей суммы сборов за пользование автострадой. Когда я через некоторое время доложил об этом министрам иностранных дел трех держав, Дин Раск предсказал, что такое урегулирование разрядит обстановку. Я также убедил Абрахимова в необходимости ближе подойти к рассмотрению вопроса о договоре об отказе от применения силы. Между нами началась весьма конструктивная дискуссия. Мой вывод в бундестаге: «После беседы, которой придавалось очень большое значение, я не могу больше считать, что Советский Союз не осознал действительное значение наших предложений».

Дальнейший контакт с советской стороной, а именно с Андреем Громько в Нью-Йорке, также завязался не совсем обычным путем. Я участвовал в первой конференции неядерных государств в Женеве, а оттуда направился в Нью-Йорк: в рамках Генеральной Ассамблеи ООН там состоялась встреча министров иностранных дел стран НАТО, и в этой же связи состоялась моя беседа с советским министром иностранных дел. Ее устроил мой знакомый, австрийский журналист Отто Лейхтер, представлявший в Нью-Йорке агентство ДПА. Она состоялась в представительстве СССР при ООН. С Громько был старый эксперт по германским делам Семенов. Меня сопровождал Эгон Бар. Через некоторое время ему предстояло провести много дней в Москве, согласовывая с Громько важнейшие составные части того договора, который я подписал в августе 1970 года.

Я нашел Громько более приятным собеседником, чем представлял его себе по рассказам об этаким язвительном «мистере Нет». Он производил впечатление корректного и невозмутимого человека, сдержанного на приятный англосаксонский манер. Он умел в ненавязчивой форме дать понять, каким огромным опытом он обладает. Считалось, что у него феноменальная память. Это впечатление еще более усилилось, когда мы вновь встретились осенью 1969 года. Я прилетел в Нью-Йорк исключительно ради этой встречи, хотя (а может быть, потому что?) вскоре предстояли выборы в бундестаг. На этот раз Громько появился в сопровождении Валентина Фалина, который в Министерстве иностранных дел занимался вопро-

ми, связанными с нашим будущим договором. Позже он стал послом в Бонне, к которому относились с большим уважением, а для некоторых из нас он стал даже другом. Горбачев включил его в узкий круг своих ближайших советников.

Содержание обеих бесед в значительной мере предвосхищало то, чем нам предстояло заниматься в связи с Московским договором. Громыко весьма резко заявил, что вопрос сложившихся после второй мировой войны границ — «это вопрос войны и мира». С другой стороны, по его словам, в немецком народе никто не видит «вечного врага». Немцы напрасно волновались, опасаясь, что в связи с Договором о нераспространении Советский Союз хочет сохранить возможность воспользоваться оговоркой о вражеских государствах в Уставе ООН, чтобы обосновать свое право на вмешательство. Улучшение атмосферы германо-советских отношений в 1969 г., вероятно, было связано с трудностями Москвы на Дальнем Востоке. Посол Царапкин побывал у меня еще весной, чтобы по поручению своего правительства (и в довольно взволнованном тоне) проинформировать меня о напряженности в отношениях с Китаем; в начале марта на Уссури имели место бои между пограничными частями.

В первой половине 1969 г. я провел с полдюжины длительных бесед с советским послом. Он посетил меня также в Бюлерхеэ, где я лечился от плеврита. После летнего перерыва мы продолжили обмен мнениями. В сентябре Москва дала официальный ответ на нашу инициативу по вопросам отказа от применения силы и предложила начать переговоры. Решающим я теперь считал советскую заинтересованность в экономическом сотрудничестве, а русско-китайские осложнения играли, как я думал, второстепенную роль.

А может быть, советское руководство прежде всего рассчитывало, что ему придется иметь дело с будущим федеральным канцлером Брандтом? Сразу после выборов 28 октября у меня появился Царапкин и передал пожелание Кремля, чтобы новое федеральное правительство нормализовало отношения с восточноевропейскими государствами и расчистило путь к разрядке в Европе.

Отношениям с Советским Союзом придавалось, что было ясно почти всем, особое значение. Попытки урегулировать отношения с государствами, расположенными между Германией и Россией, отдельно, как это пытались сделать до моего прихода в МИД, не могли увенчаться успехом. В 1963—1964 гг. по согласованию с социал-демократами были открыты торговые представительства в Варшаве, Бухаресте, Будапеште и Софии. В Праге, которая долгое время противилась включению Западного Берлина в переговоры как равноправного партнера, мы открыли такое представительство летом 1967 года. Весной 1966 г. министр иностранных дел Шрёдер — опять же по договоренности с социал-демократами — направил всем, в том числе и восточноевропейским государствам, «мирную ноту» с предложением обменяться заявлениями об отказе от применения силы. Правительство Кизингера истолковало это предложение таким образом, что к нему могла также подключиться и ГДР.

Исключение составляли дипломатические отношения с Румынией, об установлении которых мы еще в начале 1967 г. договорились в Бонне с моим коллегой Корнелиу Мэнеску. Летом того же года я сам поехал в Бухарест. В то время с Николае Чаушеску еще можно было разумно разговаривать.

Во время моего пребывания в Бухаресте разразилась одна из нередких в Бонне «бурь в стакане воды». Причиной ее послужило крохотное добавление к моей заранее написанной застольной речи. В рукописи стояло, что мы согласны с тем, что в вопросах европейской безопасности следует исходить из существующих реальностей. К этому я добавил: «Это относится также к обоим существующим в настоящее время на немецкой земле политическим системам. Необходимо избавить людей от чувства неуверенности и страха перед войной». Добавление возникло на основе вопросов, которые мне задавали за столом. Трудно было понять граничащую с истерией реакцию официального Бонна, но она показала, что вопрос о включении другого немецкого государства в переговоры продолжает наталкиваться на большое сопротивление.

Другие страны также дали понять, что они заинтересованы в нормализации

отношений, попросили на это разрешения, но не получили его. Варшавский пакт — прежде всего по настоянию Восточного Берлина — вновь, но теперь уж ненадолго отмежевался от нас. Ульбрихт еще раз склонил Варшаву и Прагу к вступлению в «Железный треугольник», осуществляя свою контрдоктрину: полноценные отношения с нами, только при условии нашего признания согласно нормам международного права ГДР и границы по Одере и Нейсе, согласия на то, что Западный Берлин является «самостоятельной политической единицей», объявления Мюнхенского соглашения «с самого начала недействительным», решительного отказа от обладания атомным оружием. С нашими усилиями по нормализации отношений с Советским Союзом и его союзниками было связано восстановление полных дипломатических отношений с Югославией, что также имело большое значение для европейской политики. Весной 1968 г. я поехал в Белград, а оттуда на остров Бриони к Тито. Мне снова помог журналист. На этот раз связь была установлена через югославского корреспондента, с которым я был дружен, когда работал в Берлине.

В наших отношениях с Польшей за несколько месяцев до пражского кризиса наметились кое-какие подвижки. На Нюрнбергском съезде СДПГ в марте 1968 г. я высказался за «признание и уважение линии по Одере и Нейсе». Я был убежден, что примирению между поляками и немцами должно придаваться такое же историческое значение, как германо-французской дружбе.

Вряд ли для кого-нибудь это могло быть неожиданностью, но тем не менее мои слова многих задела за живое. Кизингер, с которым я разговаривал по телефону, был прав, исходя из того, что у нас будут неприятности с руководителями союзов изгнанных. Я обратил его внимание на то, что федеральный канцлер отвечает за основные направления политики правительства, а не социал-демократической партии. Партийный съезд со мной согласился, а Гомулка принял «пас» из Нюрнберга. Несмотря на продолжающуюся демагогию в вопросе о границе, я все же на следующий год с небольшим перевесом одержал победу на выборах.

Будучи министром иностранных дел, я так же, как и до этого, никогда не сомневался в том, что наша восточная политика должна опираться на поддержку Запада. Призрак Рапалло доставлял нам немало хлопот. А ведь в этом прибрежном местечке неподалеку от Генуи в 1922 г. не случилось ничего плохого — там всего лишь договорились об окончании состояния войны с Россией и о предоставлении режима наибольшего благоприятствования в области экономического сотрудничества. С другой стороны, я лучше других понимал, что без нас разрядка в отношениях между великими державами, будучи и без того хрупкой, обязательно потерпит неудачу. Германская политика оказывала существенное влияние не только на общие проблемы в Европе, но и за ее пределами.

В работе сессии Совета НАТО в декабре 1966 г. я впервые участвовал в качестве министра иностранных дел. То, что мне пришлось там сказать, было воспринято с определенным любопытством и некоторой долей одобрения. Я заявил, что Федеративная Республика твердо решила участвовать в разработке политики, направленной на достижение разрядки без ущерба для безопасности. Нам часто предлагалось внести собственный вклад в устранение напряженности. «Мы это сделаем в соответствии с нашими интересами и сообразно нашим союзническим обязательствам». Вынесенную на рассмотрение тему я обозначил как «реформа альянса», а двойную функцию обороны и разрядки сформулировал как новую задачу, имеющую политическое значение для всего мира.

Именно об этом шла речь в июне 1967 г. в Люксембурге и в декабре в Брюсселе. Бельгийский министр иностранных дел Пьер Армель проделал предварительную работу по определению будущих задач союза. Только поэтому изданный в конце 1967 г. доклад был назван его именем. С этим валлонцем, членом христианско-социальной партии, меня связывали доверительные отношения. Когда во время избирательной кампании 1969 г. я выехал в Брюссель, он проводил меня на аэродром и сказал, что мои друзья и я непременно должны остаться в правительстве ради Европы.

Особое значение имела сессия Совета НАТО в столице Исландии в конце июня 1968 года. Кув де Мюрвиль был из-за майских беспорядков во Франции не в форме

и уступил мне свою очередь председательствующего. Сформулированный там «сигнал из Рейкьявика» должен был призвать Москву и Варшавский пакт настроиться на переговоры о пропорциональном сокращении вооруженных сил. В «сигнале», в формулировании которого я принял деятельное участие, речь шла о «процессе». Я выступал за то, чтобы начать сокращение войск там, где это было особенно необходимым, а именно в Центральной Европе. Желательно, считал я, в ближайшее время в порядке предварительного исследования начать переговоры союзников с Советским Союзом и восточноевропейскими государствами. Я дал также понять, что подобные соображения должны распространяться и на другую часть Германии.

Эта инициатива в конечном итоге вылилась в венские переговоры об обоюдном сокращении войск, но поначалу все заглохло из-за вступления Советской Армии в Чехословакию. Для наших соседей это явилось тяжелым потрясением, а для нашей политики серьезным поражением.

Через месяц после советской карательной акции против Праги я выступал в Женевском Дворце наций на первой конференции неядерных государств. За 42 года до этого, когда с Веймарской республики был снят карантин, введенный после первой мировой войны, в этом зале предоставили слово Густаву Штреземану. Потрясенный пражской трагедией, я сказал: «Мы ни за кем не признаем права на интервенцию». И далее: «Если кто-то обладает силой, тем более ядерной силой, то это еще не значит, что он обладает моралью и мудростью». Я также сказал: «Величайшая опасность для человечества исходит от великих держав, а не от малых».

Обреченные на молчание делегаты ЧССР сидели со слезами в глазах. Вскоре после этого картина повторилась на конференции ЮНЕСКО в Париже, когда я сказал: «Предоставим каждому народу право самому определять свой путь. Всем известно, что народы опасаются за свою независимость. На карту вновь поставлены нормы международного общежития, казалось бы получившие развитие за годы после второй мировой войны. Наша политика рассчитана на то, чтобы вместо угрозы применения силы или равновесия страха утвердить в Европе мирный порядок. Даже на демонстрацию силы со стороны других мы не должны отвечать так, чтобы это могло усилить напряженность».

Если бы мы послушались некоторых коллег по кабинету, как, например, министра обороны Шрёдера, Федеративная Республика блистала бы в Женеве своим отсутствием. Я дал понять, что, если там не будут представлены наши интересы, мне придется это рассматривать как халатное отношение к своим служебным обязанностям. Против этого аргумента никто не решился возразить, в том числе Франц Йозеф Штраус.

Осенью 1968 г. в Нью-Йорке во время Генеральной Ассамблеи ООН — нам, немцам, там еще в течение нескольких лет отводилась роль безбилетных зрителей — на специальной встрече министров иностранных дел стран НАТО обсуждалось положение, создавшееся после пражских событий. Констатировалось, что ужасное событие, которое мы не смогли предотвратить, следует квалифицировать как рецидив худших форм агрессии, но, тем не менее, мы должны придерживаться прежнего курса, курса на снижение напряженности в отношениях между Востоком и Западом. Лишь для виду мы поговорили и о незначительных дополнительных мерах военного характера, так как никто не думал, что в результате вступления советских войск изменилась или возросла угроза для Запада.

В апреле 1969 г. конференция министров стран НАТО в Вашингтоне отметила двадцатую годовщину основания союза. При этом речь зашла о вещах не только новых, но и заставивших прислушаться в первую очередь германского министра иностранных дел. Президент Никсон пригласил нас на заседание, в котором участвовали только министры, с каждым из которых было по одному сопровождающему. «Так как нам предстоит период переговоров, — сказал президент, — важно не дать навязать себе «избирательную», устанавливаемую Москвой, форму разрядки». Иначе говоря, это означало: Вашингтон хочет оставить за собой последнее слово. Тут не трудно было узнать почерк Генри Киссинджера. Никсон проинформировал нас также о состоянии стратегичес-

ких ядерных вооружений: «Шесть или семь лет тому назад во время кубинского кризиса соотношение между американскими и советскими ядерными вооружениями было 10:1. Сейчас об этом не может быть и речи. Понадобится еще шесть или семь лет, пока будет установлено равновесие». В конце президент ознакомил нас с ходом переговоров, впоследствии ставших известными под названием ОСВ.

На этом совещании НАТО в Вашингтоне я, несмотря на пражский кризис (а возможно, как раз именно из-за него), выступил за то, чтобы идея общеевропейской конференции по безопасности не была отдана на откуп восточной пропаганде, а аргументированно и в конструктивном духе использовалась нами самими. В этом для меня заключалась желательная европеизация восточной политики. Пьетро Ненни, старый лидер итальянских социалистов, занимавший короткое время пост министра иностранных дел своей страны, продолжил мою мысль, отметив, что Запад сам должен проявить инициативу в деле проведения конференции по безопасности.

За год до этого правительства стран — участниц Варшавского пакта приняли на своей Будапештской конференции заявление, которое стоило изучить не только потому, что в нем отсутствовали обычные нападки на Вашингтон и Бонн. Я считал, что нам нужно выяснить все, что поддается выяснению, конечно, без предварительных условий, и что мы обязательно должны настоять на участии наших североамериканских партнеров. Таким образом, получит обоснование их присутствие, выходящее за рамки прав победителей. Эту мысль Генри Киссинджер нашел довольно дерзкой. В остальном же, как я считал, конференция должна состояться лишь в том случае, если будут обоснованные надежды на прогресс в этом деле. А тем временем нам следовало бы начать открытую дискуссию, по крайней мере, по некоторым аспектам европейской безопасности. Из этих набросков все же вырисовывался определенный, хотя и не особенно вдохновляющий, образ действий для западного союза.

Сведения о будапештской встрече Варшавского пакта и других событиях в Восточной Европе мы получили от итальянских коммунистов. Мой друг Лео Бауэр, бывший коммунист, вернувшийся после долгих лет страданий из Советского Союза, подружился с руководителем ИКП Луиджи Лонго, когда они вместе были интернированы, и сумел теперь воспользоваться этой связью. То, что он нам рассказал о своих римских встречах, было в высшей степени интересно, и есть основания полагать, что этот контакт имел кое-какое значение для формирования мнения итальянской стороны. Сообщение о встрече в итальянской столице, которую провели некоторые из моих товарищей по партии, получила Федеральная разведывательная служба (БНД — Bundes Nachrichten Dienst. — *Прим. ред.*), а затем этим тенденциозным материалом поспешили снабдить федерального канцлера. Никто не считал нужным или целесообразным проинформировать об этом меня или спросить, что я, как председатель партии, об этом думаю. Фальсифицированные донесения о якобы состоявшихся «тайных переговорах» долгое время использовались для нападок на меня и мою партию. Франц Йозеф Штраус еще раз подогрел этот вздорный вымысел в статье, написанной им за две недели до своей смерти в октябре 1988 года.

На декабрьской сессии 1969 г., состоявшейся, поскольку я уже не был министром иностранных дел, без моего участия, НАТО поставила поддержку идеи о конференции по безопасности в Европе в зависимость от того, будет ли достигнут прогресс в отношении Берлина и на переговорах между Бонном и Москвой. За несколько месяцев до этого финляндское правительство распространило меморандум, чтобы выяснить, какие предпосылки имеются для такой конференции. От имени федерального правительства я отреагировал осторожно, но не отрицательно. В качестве федерального канцлера я помог президенту Кекконену, чтобы Хельсинки был избран местом проведения конференции. Она состоялась летом 1975 года.

Как в бундестаге в марте 1969 г., так и по отношению к США и НАТО в апреле того же года в Вашингтоне я недвусмысленно повторил, что в подобной

конференции обязательно должны участвовать Соединенные Штаты и Канада. В то же время я вполне определенно объяснил, что участие Федеративной Республики в конференции по безопасности в Европе не будет иметь смысла, если до этого не будут отрегулированы отношения между обеими частями Германии. Я не переоценивал значение подобных высказываний, однако позволил себе маленький намек: если жених не явился на свадьбу, то невесте, вероятно, это не доставит большого удовольствия.

Западные союзники поняли намек. Они поддержали нашу точку зрения и дополнили ее требованием, согласно которому предварительно должно было быть также достигнуто удовлетворительное соглашение четырех держав по Берлину.

Эта взаимосвязь имеет большое значение. Неумные оппоненты умышленно смешивали мою встречу с Брежневым в 1971 г. в Ореанде с сессией Совета НАТО. Однако именно она приняла, в том числе и за меня, положительное решение о нашем участии в конференции по безопасности в Европе. Правда, Франц Йозеф Штраус счел даже в 1975 г. уместным распространить под заголовком «Опасная деятельность Брандта» легенду о том, будто бы я ранней осенью 1969 г. без ведома и против воли Кизингера положительно отреагировал (или приказал отреагировать) на предложение правительства Финляндии провести конференцию в Хельсинки. На самом деле осторожный ответ нашего Министерства иностранных дел тогда был согласован с федеральным канцлером. Конечно, я был очень заинтересован в том, чтобы к этому вопросу не подошли формально. Не стоило отдавать эту часть темы мира целиком и полностью на откуп «другой стороне». Почему бы не разработать внутреннюю взаимосвязь между европейской безопасностью, ограничением вооружений и нераспространением ядерного оружия с учетом интересов Федеративной Республики? Все три элемента вызывали у партнера по коалиции недоверие. Сам Кизингер встретил мощное сопротивление со стороны правого крыла своей партии. Я слышал, что баварский ХСС угрожал ему выходом из коалиции. При этом никто не возражал открыто, когда я в декабре 1967 г. заявил, что мы хотели бы участвовать в разработке соглашения, которое в процессе пропорционального сокращения всех вооруженных сил привело бы также к поэтапному сокращению ядерного оружия в Европе. В моей речи в Женеве я вместе с тем придал большое значение актуальной теме биологического и химического оружия.

Настоящий правительственный кризис разразился весной 1969 г. по вине одной из стран Юго-Восточной Азии — Камбоджи. Не без довольно бесцеремонного вмешательства Советского Союза принц Сианук, так же как до него правительства Египта и некоторых других арабских государств, — признал ГДР. Следовательно, мы со своей стороны должны были разорвать дипломатические отношения с Камбоджей. Сообщение ДПА об этом событии застало меня в Турции, где я находился с визитом. Не очень изящное описание моей резкой реакции («с меня довольно!») не было далеко от истины. Высказывалось даже предположение, что в тот вечер на Босфоре стало ясно, что я не соглашусь участвовать в «переиздании» Большой коалиции.

Я не мог считать благоразумным, что везде, где поднимают флаг наших немецких конкурентов, мы спускаем свой. К тому же едва ли еще существовала возможность воспрепятствовать вступлению ГДР в важные международные организации, начиная с Всемирной организации здравоохранения. Во время одного из ночных заседаний кабинета было найдено «решение», получившее название «камбоджанизация»: отношения с Пномпенем следовало не разрывать, а всего лишь заморозить. Некоторые шутники поневоле вывели из этого следующую версию: этим «замораживанием» Кизингер в мае 1969 г. якобы пошел мне навстречу. В действительности я раньше времени улизнул с того ночного заседания кабинета и подумывал об отставке. Но это все же не было бы подходящим шагом. Кроме того, предстояли выборы.

В общем и целом я не был недоволен моим почти трехлетним пребыванием на посту министра иностранных дел. Большим достижением я считал региональные совещания послов, проведенные мной в боннском Министерстве иностранных дел, а также в 1967 г. в Японии, в 1968 г. в Республике Берег Слоновой Кости и в Чили.

Я с удовольствием вспоминаю также дух взаимопомощи, господствовавший в «профсоюзе министров иностранных дел». Впоследствии мне приходилось поддерживать того или другого министра, когда у него возникали трудности у себя дома. Мне самому, когда потребовалось открыть запертые двери, особенно помогла поддержка скандинавских коллег.

В Кремле и в Крыму

Как и многие не столь видные русские, Леонид Брежнев был склонен переоценивать немцев. С одной стороны, это, возможно, было связано с Марксом и Энгельсом, без которых Ленин в какой-то мере остался бы без имени. С другой (и это было важнее) — эти проклятые «фрицы» почти взяли Москву, хотя они одновременно дрались с англичанами и американцами. Куда же они дошли бы в следующий раз, если бы у них было американское оружие? А то, что они создали после 1945 г., — это тоже не мелочь!..

Нет сомнения в том, что руководство и народ были рядом, когда речь шла о преодолении тяжелого наследия второй мировой войны. Брежнев сказал, что поворот к лучшему — непростое, нелегкое дело. Между нашими государствами и нашими народами стоит тяжелое прошлое. 20 миллионов человек потерял советский народ в развязанной Гитлером войне. Это прошлое не вычеркнуть из памяти людей. Многим миллионам немцев также пришлось сложить голову в этой войне. Память об этом жива. Может ли советский народ быть уверенным в том, что внешняя политика создаст новые основы взаимоотношений?

Он сказал это во второй половине дня 12 августа 1970 года. В Екатерининском зале Кремля он стоял позади меня, когда я вместе с Алексеем Косыгиным и обоими министрами иностранных дел подписывал Московский договор. Первоначально мое присутствие вообще не предусматривалось. Министр иностранных дел Шеель по инициативе советских партнеров по переговорам позвонил в Норвегию, где я проводил отпуск, и дал понять, что мне нужно приехать. Какая тяжелая дата! Какой весомый договор! Я и так не мог и не хотел уклоняться от бремени, которым этот договор должен стать для многих немцев. Нельзя было объявить несостоятельными итоги гитлеровской войны, но смягчить ее последствия было необходимо как с патриотической точки зрения, так и с точки зрения европейской ответственности. Своим землякам я сказал из Москвы, что договор не угрожает ничему и никому; он должен помочь расчистить путь вперед.

На следующий день — 13 августа — я должен был произнести речь по случаю годовщины возведения берлинской стены, однако мои любезные хозяева нашли отговорку, что с технической точки зрения будет трудно передать запись моего выступления в Бонн. В полной уверенности, что меня подслушивают, я громко и отчетливо разговаривал в здании посольства, дав им таким образом понять, что, если понадобится, я затребую из Бонна самолет, который доставит пленку с записью моей речи домой. Реакция последовала немедленно. Когда мы направлялись к Кремлевской стене для возложения венка, один высокопоставленный чиновник шепнул мне: «С передачей все будет в порядке». Мне выделили какого-то сутулого министра, который не спускал с меня глаз.

Первое впечатление, которое произвел на меня во второй половине августовского дня в своем мрачноватом кремлевском кабинете Брежнев, было утомительным. Да и как могло быть иначе, если тебе в течение почти двух часов зачитывают какой-то текст? За первым чтением после моих реплик последовало второе, а отреагировать на «второе выступление» у меня почти не осталось времени, хотя в нашем распоряжении имелось четыре часа. Перед тем как пригласить меня для беседы, Генеральный секретарь неожиданно для нашей стороны явился на церемонию подписания договора. Он пришел также на коктейль, но извинился, что не сможет быть на ужине, так как недавно выписался из больницы. Пока его здоровье явно не ухудшилось, коренастый Брежнев казался — если ему не нужно было читать по бумажке — здравствующим и даже непоседливым человеком.

Ему доставляло огромное удовольствие слушать и рассказывать анекдоты. Он проявлял любопытство к руководителям других стран. «Вы ведь знакомы с Никсоном. Он действительно хочет мира?» Или в июне 1981 г. по пути на аэродром он спросил: «Как мне расценивать Миттерана?» Однажды в Бонне появился человек, который должен был распросить меня о Джимме Картере. Найти подход к Картеру «москвитам» было еще труднее, чем впоследствии понять Рональда Рейгана. В репертуаре Брежнева имелись маленькие, дешевые трюки: в конце нашей первой беседы в Кремле он вдруг сказал: «Надеюсь, Вам известно, что в руководстве вашей партии у Вас есть не только друзья». Однако на «Икса» (так ему написали на бумажке фамилию премьер-министра одной из земель, которую он не смог правильно произнести), добавил он, я могу положиться. Гибрид партаппарата с секретной службой подчас приносит странные плоды. Однако его демонстративные ссылки на Сталина и нежелание приводить хотя бы до некоторой степени серьезные аргументы меня во время той первой беседы очень удручало...

Во-первых, Брежнев действительно считал, что я могу поверить официальной, партийно-правительственной версии, согласно которой в Советском Союзе, как ни в какой другой стране мира, 99,99% людей устремляются к избирательным урнам, чтобы почти поголовно проголосовать за «кандидатов блока коммунистов и беспартийных». Даже более тонкий Косыгин, которому я сказал, что чувствую поддержку явного большинства моих сограждан, без всякого смущения ответил, что в Советском Союзе 99% за договор. Тут же он стал иронизировать по поводу социал-демократов, о которых, например в Скандинавии, никогда нельзя точно знать, входят ли они еще в правительство или уже снова в оппозиции.

Во-вторых, Брежнев с самого начала хотел мне разъяснить, что он не согласен с антисталинскими тезисами Хрущева. Сталин очень много сделал, говорил он, и в конце концов под его руководством страна выиграла войну — ему еще воздадут должное. Нет, Леонид Ильич не выдавал себя за реформатора. Но я не смог разглядеть в нем и революционера. Скорее это был консервативно настроенный управляющий огромной державы. Однако я не сомневался, что он был заинтересован в сохранении мира. Не сомневаюсь в этом и сейчас. То, что Брежнев с большим удовольствием полностью отменил бы осуждение страдавшего манией уничтожения людей Сталина, явилось одним из отрезвляющих впечатлений, полученных мною в Кремле.

Между тем первого человека Советского Союза, каковым с 1964 по 1982 г. был Брежнев, превратили в какое-то почти безликое существо. Наряду с кумовством и другими слабостями характера его обвиняют в тяжких политических грехах. Именно поэтому я счел нужным объяснить Михаилу Горбачеву, почему я не желаю в том, что касается серьезности наших совместных усилий, дезавуировать Брежнева. Такие американцы, как Генри Киссинджер, в своих оценках сотрудничества с русскими в прошлом пришли к такому же выводу. В личных беседах Брежнев не казался мне несимпатичным, хотя его избирательное восприятие действительности и связанная, очевидно, не только с этим зависимость от шпаргалок производили немного неприятное впечатление. Но я не имел возможности выбирать себе визави или ждать Горбачева. Я и в 1970 г. уже не думал, что меня примет гигант мысли или величина в смысле морали.

Официально в 1970 г. я был гостем не Брежнева, а Косыгина, который как Председатель Совета Министров в тогдашней иерархии имел такой же ранг, как и Генеральный секретарь партии. Год спустя это изменилось, поскольку Генеральный секретарь стал и в вопросах внешней политики номером один. Сделав министра иностранных дел Андрея Громыко членом Политбюро, он крепче привязал его к себе. Больше говорить в Москве о договоре не имело смысла. Косыгин, этот образованный ленинградский инженер с выражением легкого разочарования на лице, который много, но не очень успешно работал, говорил о «политическом акте, которому советское руководство и весь мир придают большое значение». Я возразил, что текст, конечно, важен, но гораздо важнее то, что из него получится. Косыгин намек понял. Утром после подписания и неизбежного официального

обеда он сказал: «Лучше меньше шума, а больше успехов». Я заверил, что для меня содержимое бутылки важнее, чем ее этикетка. Он дал свой вариант темы, имея в виду намечавшуюся конференцию по безопасности в Европе: «Продолжительность заседания еще не признак того, что на нем достигнут прогресс». Впрочем, война больше не является средством политики, а центральная проблема разрядки в Европе заключается в отношениях между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии.

В своей речи на обеде Косыгин говорил о «памятном дне» в отношениях между нашими странами. Договор «продиктован самой жизнью», он отвечает долгосрочным интересам мира. В ответном слове я сказал: «Мне известно, что я нахожусь в стране, у которой особое понимание истории, истории, которую никто не может отменить и никто не вправе отрицать. Так же верно и то, что ни один народ не может постоянно жить без чувства гордости: «История не должна превратиться в хомут, который будет постоянно удерживать нас в прошлом». В некотором отношении я рассматриваю этот договор как заключительную черту и как новое начало, позволяющее обоим нашим государствам направить свои взоры вперед, в лучшее будущее. Этот договор должен освободить как вас, так и нас от тени и груза прошлого и как вам, так и нам дать шанс начать все сначала».

В тот день, 12 августа, обе договаривающиеся стороны торжественно обещали в будущем решать спорные вопросы исключительно мирными средствами. Этот отказ от применения силы включал в себя обязательство уважать неприкосновенность всех существующих в Европе границ, в том числе линии по Одру и Нейсе, и не предъявлять никаких территориальных претензий. Мы признали нерушимость границ. В этом я не видел никакого противоречия с усилиями, направленными на то, чтобы сделать границы по возможности более проницаемыми. Кстати, о вымыслах. Разве мы могли напасть на Советский Союз? Но мы вряд ли могли использовать в качестве аргумента тот факт, что в этом отношении отказ Советского Союза от применения силы был гораздо весомее, чем наш. Недвусмысленно признавалась законная сила ранее заключенных договоров и соглашений, в том числе между Федеративной Республикой и ее западными союзниками. В преамбуле содержалась ссылка на цели и принципы Организации Объединенных Наций. Цель достижения германского единства путем самоопределения не нарушалась.

В специальном письме, получение которого подтвердило Советское правительство, наш министр иностранных дел констатировал, что «данный договор не противоречит политической цели Федеративной Республики Германии добиваться состояния мира в Европе, в условиях которого германский народ путем свободного самоопределения вновь достигнет своего единства». Как же мог такой видный политический деятель ХДС, как Райнер Барцель, даже несколько лет спустя утверждать, что согласно Восточным договорам мы обязались «больше не говорить о воссоединении»? В той же связи говорилось, что я якобы отрицательно высказывался о воссоединении. Это имеет значение только для тех, кто не хотел и не хочет принимать во внимание мои доводы, направленные против обращенной в прошлое приставки «вос».

Оппозиция придавала особенно большое значение тому, чтобы Московский договор не затрагивал объединения Европы. Мы это учли. Было рассмотрено ожидавшееся расширение ЕЭС и предложено проведение переговоров с СЭВ на уровне экспертов. В 1973 г. в Бонне Брежнев выдвинул следующие аргументы: Советский Союз против политики блоков в экономических вопросах. Он не понимает, зачем ехать в Брюссель, если ты что-то хочешь купить в Эссене у Круппа. Это может все лишь усложнить. В то же время, советская сторона не закрывает глаза на существование ЕЭС. Возможно, было бы полезно поискать какие-то формы сотрудничества между ЕЭС и СЭВ. И тем не менее! Принципиальным в итогах переговоров о заключении договора было то, что в области отношений между Советским Союзом и Федеративной Республикой исчезла ссылка на статью Устава ООН о враждебных государствах.

Путь к заключению договора, если считать исходным пунктом формирование нового федерального правительства, был короток. Предварительные переговоры

в Москве я поручил вести моему испытанному сотруднику Эгону Бару, ставшему статс-секретарем в ведомстве канцлера. Из-за этого посол почувствовал себя ущемленным. В остальном также существовали как доброжелатели, так и завистники, которые точно знали, каким образом все можно было сделать гораздо лучше, не попадая в цейтнот, как это якобы случилось с нами. В действительности шла борьба за каждую статью договора, оттачивалась каждая формулировка. Громыко, которого я посетил незадолго до его отставки с поста президента (он занял его в начале эры Горбачева), даже 18 лет спустя мог точно вспомнить каждый из тех 55 часов, которые у него в феврале, марте и мае 1970 г. заняли беседы с Баром. В своих мемуарах Андрей Громыко воздвиг мне небольшой памятник и подчеркнул большую роль, которую я «лично» сыграл при разработке договора.

В Бонне результаты переговоров Бара получили одобрение, а ведение заключительных переговоров взял на себя министр иностранных дел. Они привели к некоторым изменениям, которые должны были дополнительно защитить договор и относиться к нему документы как от вечно сомневающимися, так и от серьезных критиков.

В нескольких километрах от аэродрома, на котором я приземлился 11 августа 1970 г. с опозданием, так как перед вылетом неизвестный сообщил, что в самолете спрятана бомба (поэтому после приземления я сказал: «Мы прилетели поздно, но все же прилетели»), стоит памятник, обозначающий место, где в 1941 г. немецкие танки вынуждены были повернуть назад. Однако травма от смертельной угрозы имела более глубокие корни. По пути с аэродрома в резиденцию Косыгин остановил машину на Ленинских горах и подвел меня к тому месту, с которого Наполеон бросил последний взгляд на горящую Москву. Это был еще один эпизод разбухенной истории.

Я был не согласен с Брежневым относительно его воспоминаний о дне нападения на Советский Союз в июне 1941 года. Ведь между русскими и немцами, говорил он, существовали договор и хорошие экономические отношения. Он сам видел, как к западной границе шел нагруженный пшеницей товарный поезд, когда «люфтваффе» начала бомбежку. Как секретарь Днепропетровского обкома партии он в первый же день войны получил задание остановить поезда, направлявшиеся в Германию. Об этом он хотел напомнить только для того, чтобы показать, какие положительные чувства испытывал советский народ и как доверчиво было руководство. Газеты были полны фотографий, иллюстрирующих сотрудничество с немцами. Он также сослался на хорошие деловые контакты с немецкими фирмами в далекие времена и в период между мировыми войнами. Немало его коллег обучались в фирмах Круппа и Маннесманна. И вдруг такое вероломство, которое просто трудно было ожидать от такого порядочного партнера! Затем последовали фронтовые воспоминания с мелодраматическими призывами к «товарищам с той стороны».

Такой способ пробуждения сентиментальных чувств не столько удивил меня, сколько испугал. Когда люди обмениваются воспоминаниями о войне, фальшь и правда находятся всегда рядом. Весной 1973 г. во время ужина, который я дал в честь Брежнева в его боннской резиденции на Венусберге, Гельмут Шмидт обрисовал двойственные чувства молодого офицера на Восточном фронте. Тогда он не мог себе представить, что после этой ужасной войны появится хоть какой-то шанс на то, что первый по статусу человек Советского Союза будет разговаривать с немцами. Брежнев ответил очень эмоциональным тостом. У принимавших меня русских точно так же накатывались слезы, когда я во время застольной речи зачитал выдержку из письма, которое один не вернувшийся с фронта немецкий солдат после нападения на Советский Союз написал своим родителям.

Весной 1973 г. Брежнев подхватил формулу Никсона: эра конфронтации должна перерасти в эру переговоров. Я мог исходить из этого так же, как и из того, что Генеральный секретарь в июне того же года в одной из своих речей сказал о коммунистах и социал-демократах: не затушевывая ничего принципиального, конкретно рассматривать то, что можно сделать для мира и в интересах народов.

Когда дело касалось военных элементов политики мира, Брежнев всегда выражался довольно неопределенно. Во время нашей первой беседы он, видимо вполне

серьезно, заявил следующее: ограничение вооружений не является «кардинальной темой». Советский Союз и он лично выступают за полное разоружение. Он даже намеком не откликнулся на сигнал из Рейкьявика, то есть на разработанные нами в рамках НАТО предложения, включавшие в себя пропорциональное сокращение войск. В 1971 г. в Крыму я тщетно пытался убедить его в необходимости серьезных переговоров о взаимном сокращении войск и вооружений. Причем об уравнишенном сокращении, что означало: глобальное равновесие не должно быть поставлено под вопрос. Однако Брежнев меня не понял, впрочем, так же, как и в 1973 г. в Бонне. В Москве ему наверняка никто не говорил о проблеме военного неравенства в Европе. А также о том, что нужно различать две сферы, по которым впоследствии велись переговоры частично в Хельсинки, а частично во время их продолжения в Вене: с одной стороны, сотрудничество и укрепление доверия, с другой — сокращение войск.

Я и позднее никогда не замечал, чтобы Брежнев, если речь заходила о конкретных вещах, мог бы потребовать от военного руководства каких-то новых идей. Особенно ясно это проявилось в вопросе о ракетном оружии. Но даже когда я однажды завел разговор о форсировании морских вооружений, меня удивила его радостная реакция: американцы нас намного опередили, «но теперь не так уже много. Мы теперь каждую неделю «лепим» по одной подводной лодке». При этом он делал движения руками так, как это бывает у детей при игре в куличики. Характерным для эры Брежнева являлось то, что, несмотря на политическую разрядку, СССР продолжал усиленно вооружаться и постоянно «модернизироваться». Разумеется, НАТО в те годы тоже не становилась слабее, а соответствующая американская служба вынуждена была признать, что ее оценка роста оборонного бюджета СССР наполовину преувеличена.

В своем прагматизме в военных делах Брежнев и Хрущев недалеко ушли друг от друга. Последний заявил во время кубинского кризиса: «В Советском Союзе ракеты изготавливаются, как сосиски в сосисочном автомате». На приеме по случаю нового, 1960 г. он после обильного возлияния сообщил «по секрету» западным послам: для Франции и Англии готово по 50 ракет, а для Федеративной Республики — 30 пронумерованных экземпляров. Но когда жена французского посла спросила, сколько ракет предназначено для США, жизнерадостный Никита ответил, что это военная тайна.

В приписываемых ему воспоминаниях изложена полемика с теми военными руководителями, которые «в речах и мемуарах пытаются обелить Сталина и вновь поставить «отца народов» на пьедестал». Брежнев, как уже сказано, рассматривал это под другим углом зрения, но общим для них обоих являлась ужасающая идеологическая узость мышления. Кстати, после нескольких лет гласности высший генералитет заявил протест против того, что на него пытаются переложить ответственность за то, в чем он не виноват: не военное, а политическое руководство на Рождество 1979 г. выступило за вторжение в Афганистан. На четвертый год правления Горбачева наконец-то стало возможным, чтобы люди, отвечающие за внешнюю и за военную политику, подвергли критике курс, который в 70-е и в начале 80-х годов односторонне ориентировался на военное равновесие сил и пропагандистские успехи.

К вопросу о связях Федеративной Республики с Западом кремлевский руководитель подходил с реалистических позиций. Никто не собирается, говорил он, отделять нас от союзников, так же как и нет планов, чтобы наши будущие отношения с Советским Союзом развивались за счет отношений с другими странами. Брежнев заявлял это таким радостным тоном, что это могло бы внушить недоверие, если бы я и так его не испытывал: «У нас не было и нет никаких коварных замыслов, и я думаю, что это является важным фактором». Косыгин также подчеркивал, что никто не собирается посредством договора изолировать нас от наших западных союзников: «У нас нет подобных намерений, да они тоже были бы нереалистичны». Против этого нельзя было возразить.

Если абстрагироваться от некоторых мелочей, в Москве в августе 1970 г. речь шла о переходе к новому отрезку европейской послевоенной истории. В то же

время мне представилась возможность поставить стрелки на путь к урегулированию некоторых практических вопросов. Это в первую очередь относилось к Берлину. Я сообщил, что мы лишь тогда ратифицируем Московский договор, когда четыре державы положительно завершат свои переговоры по Берлину. Если мы хотим разрядки, Берлин не должен оставаться очагом «холодной войны». Он не должен больше оставаться яблоком раздора, а ему следует придать определенные функции в рамках мирного сотрудничества. Брежнев эта взаимобусловленность раздражала. Не означает ли моя позиция, что США будет предоставлено право вето? Действительно, многое осталось открытым, но возможность использовать берлинский вопрос в качестве рычага для создания помех была ограничена, хотя, к сожалению, не устранена. Уже в конце октября 1970 г. Громько во время встречи с Шеелем дал с некоторыми оговорками понять, что с нашей берлинской взаимобусловленностью жить можно. Они встретились в Таунусе накануне выборов в ландтаг земли Гессен.

В то же время мы имели в виду проблему прав человека, которую, дабы придать ей более безобидный характер, обозначили как «гуманитарные вопросы». Речь шла о репатриации из Советского Союза людей, являвшихся к началу войны германскими гражданами, а также о конкретных случаях воссоединения семей. Косыгин сказал, что об этом и впредь должны заботиться оба общества Красного Креста, хотя до сих пор они добились весьма скромных результатов. Я смог оказать им кое-какую помощь, в том числе и после того как отошел от правительственных дел. После 1970 г. многие лица немецкого происхождения смогли переселиться в ФРГ, а в конце концов даже наметилось улучшение условий жизни и культурного развития для советских граждан немецкой национальности. Не хвалясь, я все же должен сказать, что за эти годы я в целом ряде случаев принимал участие в судьбе так называемых диссидентов. Результаты моих ходатайств были скромными; в нескольких случаях представители интеллигенции уехали за границу, хотя они с большей охотой остались бы на родине, в других — им были созданы лучшие условия жизни в самой стране.

Речь, конечно, шла и об экономических интересах. Я прежде всего хотел выяснить у русских, не собираются ли они в дополнение ко всем тяжелым последствиям войны потребовать от нас еще и выплаты репараций? Для ответа Брежневу нужно было время. На следующий год в Крыму он мне коротко сообщил: Советский Союз снимает этот вопрос. Толковые комментаторы могли бы проследить в этом единственную в какой-то мере существенную параллель с Рапалло.

Брежнев и Косыгин говорили о «больших и даже огромных перспективах» в области экономики, науки и техники; прежде всего нам расхваливали сотрудничество в добыче полезных ископаемых Сибири. Это всегда было и остается постоянной темой германо-советских переговоров. Я перелистал старые подшивки и установил, что еще в 1922 г. Карл Радек, большевистский эксперт по Германии, польского происхождения, погибший в одном из сталинских лагерей, сказал заведующему восточным отделом германского Министерства иностранных дел: «Германия может извлечь выгоду из использования русских сырьевых запасов. Немецкая работа найдет теперь в России поддержку».

В последующие годы строительство воздушных замков продолжалось. Косыгин не был склонен к преувеличениям: «Ни мы, ни вы не являемся благотворительными организациями, сотрудничество должно приносить пользу обеим сторонам». Ему тоже было известно, что заинтересованные в сотрудничестве немецкие фирмы откровенно жалуются на неповоротливость и частую пробуксовку советских органов управления народным хозяйством. Тем не менее торговля с Советским Союзом после этого по сравнению с исходным уровнем развивалась вполне успешно.

Для возглавляемого мной правительства Московский договор имел принципиальное и жизненно важное значение. Не только для нас в Бонне, но и с точки зрения европейской политики представлялось очень важным, что из заявлений мировой державы, так же как и из политзанятий в Советских Вооруженных Силах, исчез призрак германской угрозы, а тем самым из «межкоммунистической колоды» была изъята антигерманская карта.

В середине сентября 1970 г. я заявил в бундестаге: «Федеральное правительство убеждено, что настало время заново обосновать и в пределах возможного нормализовать наши отношения с Советским Союзом и с Восточной Европой. Заключая данный договор, федеральное правительство придерживалось того, что оно отразило в своем правительственном заявлении». Этим договором мы никоим образом не дарим. Он исходит из реального положения вещей. Им устанавливается неприкосновенность границ и мирное урегулирование всех имеющихся вопросов. «Главное в этом договоре то, что он служит миру и обращен в будущее. Он создает предпосылки для лучшего сотрудничества с Советским Союзом и с нашими прямыми восточными соседями. Он не отделяет нас от наших союзников по НАТО и не мешает прогрессирующему единению Западной Европы. Он должен пойти на пользу Берлину. И, в конце концов, он оставляет свободным путь к достижению в Европе такого состояния мира, при котором и германские вопросы могут найти справедливое и прочное решение на основе права на самоопределение».

На следующий, 1971 г., во время летних каникул я получил запрос: не хотел бы я в середине сентября посетить в течение нескольких дней Брежнева в Крыму — без «протокола» и без «делегации». Советский руководитель отнесся к отказу от протокола настолько серьезно, что когда я 16 сентября во второй половине дня приземлился в Симферополе, он стоял на летном поле в полном одиночестве. Я прилетел на самолете военно-воздушных сил ФРГ. Это также было новшеством. Об экипаже позаботились самым наилучшим образом, что отнюдь не было само собой разумеющимся.

В здании аэропорта был устроен прием. Он очень затянулся. Казалось, что наш запас анекдотов никогда не иссякнет. В соответствии с этим и атмосфера была непринужденной. Если по программе предусматривалось испытать меня в буквальном смысле слова на выносливость, то этот экзамен я выдержал. Теперь Брежнев совершенно однозначно был первым лицом и находился в гораздо лучшей форме, чем за год до этого, когда мне довелось его увидеть в Москве, а затем в 1973 г. в Бонне.

Как у чванливого, так и у официального Бонна, действующие лица которого дополняли друг друга и были тесно переплетены между собой, возникло ощущение, что им брошен серьезный вызов: может быть, происходящее в Крыму не имеет ничего общего с правительственными делами, а является «всего лишь» встречей руководителей партии? «Не секретная ли это встреча?» — вопрошал Франц Йозеф Штраус. Титул советского Генерального секретаря и его ранг по протоколу причиняли и в дальнейшем немало хлопот. Хотя в Париже его принимали со всеми почестями, полагающимися главе государства, ответственные за прием высоких гостей боннские бюрократы были против того, чтобы при его встрече производился обязательный в таких случаях артиллерийский салют. А у меня не было никакого желания с ними связываться.

Что же собой представляла Ореанда, где в распоряжении советского руководителя имелась летняя резиденция, в которой он принимал гостей из дальних и ближних стран? Не находилась ли она поблизости от той Ялты (а может быть, даже была ее предместьем?), где в начале 1945 г. Сталин вместе с Рузвельтом и Черчиллем приняли решения, воспринятые так, будто там раз и навсегда был утвержден раскол Европы, что соответствует не столь уж необычному историческому ракурсу? Впрочем, что касается мест, связанных с тяжкими событиями, то куда бы мы могли податься в Германии после 1945 г., если бы хотели, чтобы другие — да и мы сами — избежали крайне неприятных воспоминаний?

Поднимались и другие, второстепенные вопросы. Почему для Ореанды не было предусмотрено «официальное» сопровождение прессы? То, что многочисленные журналисты и фотокорреспонденты без всяких затруднений попали на место событий, почти не смягчило критику. Затем фотографы запечатлели меня не только во время лодочной прогулки по Черному морю в спортивном костюме без галстука, но и тот момент, когда я вместе с Брежневым вхожу в воду, чтобы поплавать. Не было ли это в высшей степени безответственным?

А была ли у меня там возможность воспользоваться советами компетентных

людей из Министерства иностранных дел? Кроме Эгона Бара, статс-секретаря ведомства канцлера, меня сопровождал сведущий сотрудник Министерства иностранных дел, впоследствии дважды работавший послом в Москве. Само собой разумеется, что при мне находился переводчик. Он делал соответствующие записи.

По возвращении я сообщил представителям оппозиции, хотя это был всего лишь второстепенный момент, о следующем: Брежнев спросил меня о коммунистах в ФРГ, и я подтвердил, что они действуют легально. Это вызвало огромное возбуждение. Советский руководитель проявил любознательность по поводу того, каким образом действует «партия господина Бахмана». Он имел в виду ГКП, которая возникла в 1968 г. по формальному совету министра юстиции Хайнеманна. Федеральный конституционный суд в 1956 г. по представлению федерального правительства запретил старую КПГ.

Казалось, что Брежнев хочет уйти от надоевшей ему темы. А ведь за год до этого во время моего визита в Москву нам настойчиво приводили такие аргументы: «У вас свободно развиваются силы реваншизма, — говорил Косыгин, — в то время как коммунистов загоняют в подполье». В Ореанде я лишь подтвердил, что ГКП действует активно и легально. По отношению ко мне она ведет себя далеко не дружелюбно, но другого я и не жду и всегда возражаю тем, кто добивается нового ее запрета. Из этого сделали вывод, будто бы я выразил свою благосклонность по отношению к коммунистической партии. Герхард Шрёдер, мой предшественник на посту министра иностранных дел, летом 1988 г. заявил, что ему, якобы, известно, что во время той «сомнительной» лодочной прогулки я подтвердил в разговоре с Брежневым «конституционный характер» ГКП. Это было неверно в отношении как места, так и существа вопроса. Также неверен был и вывод, что «с тех пор у нас есть ГКП».

Более серьезной, чем мелкотравчатая полемика в собственной стране, была буря в стакане парижской воды. Во французской столице нашлись люди, пытавшиеся внушить президенту Помпиду, что перед визитом Брежнева во Францию я «втиснулся» в его календарный план и, возможно, заключил с ним тайные договоренности. Конечно, это можно было легко опровергнуть, но тем не менее это напомнило о том, что каждый раз, когда Германия и Россия обсуждают общие вопросы, Франция следит за этим со скрытым подозрением. Впрочем, я не видел ничего плохого в том, что советский руководитель, когда речь идет о Европе, интересуется и мнением немцев. Развитие в Европе, говорил Брежнев, будет в значительной мере зависеть от того, как будут складываться отношения между Советским Союзом и Федеративной Республикой, с одной стороны, и с Францией — с другой. Это было не так уж неверно. Помпиду, принимавший Брежнева в начале декабря 1971 г. в Париже, вряд ли возражал, услышав от своего гостя, что тот больше доверяет федеральному канцлеру, чем Германии. Мог ли я отвечать за то, что в Париже, как и в Москве и в других местах, все еще проводилось такое различие?

В Ореанде мы не раз часами беседовали друг с другом. Прежде всего о двусторонних отношениях и возможности общеевропейского сотрудничества, а также о Китае. Эту тему предложил я, но ее обсуждение оказалось бесплодным. Большое место, естественно, занимали советско-американские отношения и германский вопрос. На меня произвело впечатление то, как Брежнев после оживленных часов в зале для гостей в аэропорту, когда мы поехали вниз, к Крымскому побережью, затронул германский вопрос и тут же исключил его из дискуссии. Как только машина тронулась, он положил мне руку на колено и сказал: «В том, что касается Германии, Вилли Брандт, я Вас хорошо понимаю. Но ответственность за это несем не мы, а Гитлер». А может быть, он даже сказал, что теперь мы ничего не можем изменить?

«Строго между нами» он хотел бы знать, будет ли действительно ратифицирован Московский договор. Неудача может отбросить нас на целые десятилетия назад. Не осталось незамеченным то, что я открыто говорил о слабом и хрупком большинстве моей коалиции, добавив к этому: «Я связал судьбу моего правительства с политикой договоров, и так оно и будет».

Казалось, Брежнев старается избежать берлинской темы. Он не понимал, да и

не хотел понять, что мы были начеку, чтобы не допустить еще большего отделения Берлина от Федерации, чем это предусматривалось выторгованным между державами-победительницами особым статусом. За две недели до этого, 3 сентября 1971 г., было подписано новое четырехстороннее соглашение. Его немецкий перевод — западная или восточная редакция? — доставил нам немало неприятностей. Сначала Брежнев об этом ничего не хотел слышать, однако потом он поблагодарил меня за разъяснения, добавив, что эта благодарность его ни к чему не обязывает.

После Ореанды мои противники пытались приписать мне, что я вел с Генеральным секретарем переговоры о достижении единства Германии ценой ее нейтрализации. Это не соответствовало действительности, да и было бы нереально. В бундестаге я снова и снова объяснял, что прогресс на пути к германскому единству возможен лишь по мере общего и кардинального улучшения отношений между Востоком и Западом. После моей отставки в 1974 г. мои эксцентричные противники даже распространили слух, что они привлекут меня к ответственности по обвинению в измене родине, если я «буду высовываться». Основание: я говорил с Брежневым о статусе безопасности для Германии, отличающемся от статуса НАТО.

Визит Брежнева в Бонн в мае 1973 г. был изнурительным. Русский был в плохой форме. Он производил впечатление утомленного и рассеянного человека. Создавалось впечатление, что он плохо себя чувствовал в совершенно незнакомой обстановке. Но дело было не только в этом. Ибо мы оба понимали, что американо-советские отношения снова ухудшились. За год до этого Никсон подписал в Москве Заявление о принципах взаимоотношений между обеими державами. По существу, это означало признание Советского Союза в качестве равноправной мировой державы. Но оказалось, что надежды президента и его госсекретаря, считавших возможным не допустить русских в страны «третьего мира», являются иллюзией.

Когда Брежнев находился в Бонне, наша политика договоров явно преуспевала: только что бундестаг одобрил договор об основах отношений с ГДР, за него проголосовали даже некоторые депутаты от оппозиции. Решение о вступлении в Организацию Объединенных Наций было принято еще более внушительным большинством голосов — примерно половина оппозиции высказалась «за». Произошел значительный подъем в торговле с Востоком. Мы подписали Договор о развитии экономического, промышленного и технического сотрудничества сроком на 10 лет. Брежнев затянул старую песню, слова которой я уже знал наизусть: не хотим ли мы участвовать в освоении огромных природных запасов Советского Союза, и прежде всего Сибири? Там нас ожидают не только природный газ и уголь, но и важные руды, а таких богатых запасов леса нет нигде в мире. Конечно, говорил Брежнев, у нас различные системы: «У нас можно приказывать, у вас это иначе. Но, несмотря на это, если руководители дадут соответствующие импульсы, то и деловые люди начнут мыслить другими категориями. Я со своими людьми готов к более дерзким перспективам».

Я еще дважды встречался и вел подробные беседы с Брежневым в Советском Союзе — в 1975 и 1981 г., а также во время его визита в Федеративную Республику в 1978 году. Летом 1975 г. я побывал не только в Москве и Ленинграде, но и в Новосибирске и Узбекистане. Сотрудники Генерального секретаря приложили немало усилий, чтобы я согласился приехать еще раньше. Они придавали большое значение тому, чтобы я услышал от их шефа, что он не имел абсолютно никакого отношения к шпиону, из-за которого мне пришлось уйти в отставку.

Коленопреклонение в Варшаве

Еще в 1970 г., но и в более поздние годы меня спрашивали, почему я предпочел заключить договор сначала с Советским Союзом, а не с подвергавшейся неописываемому глумлению Польшей? Это был чисто абстрактный вопрос, в том числе и в понимании польского руководства. Выбора не было — ключ к нормализации

лежал в Москве. А кроме того, там находилась не только власть, но и народ, который также претерпел ужасные страдания.

Однако я признаю: поляки — как народ, так и руководство — предпочли бы, чтобы наше заявление о границе по Одеру и Нейсе было сначала запротоколировано в Варшаве; в качестве «подарка от русских» оно имело для них лишь полцены. Разумеется, руководству было известно то, чего общественность еще не могла знать: руководимое мной правительство будет готово признать новую польскую границу на договорной основе. Это я дал понять во время избирательной кампании 1969 г., то есть когда еще не было ясно, смогу ли я сформировать новое правительство. В 1970 г. я сразу же согласился с польским предложением поставить в Варшавском договоре на первое место вопрос о границе и лишь затем отказ от применения силы.

Когда 7 декабря 1970 г. после подписания договора я разговаривал с Владиславом Гомулкой, снова возникла проблема очередности. Польские журналисты подбросили из добрых побуждений идею, чтобы мы предпочли Варшавский договор Московскому. Гомулка сказал: «Прошу Вас не упускать из виду реальности. Любая попытка разорвать союзнические связи Польши, а тем более вбить клин между ней и великим соседом на Востоке обречена на провал. Впрочем, Московский договор был заключен раньше. Их следовало бы ратифицировать одновременно или через короткий промежуток времени».

Разумеется, поляки не хотели, чтобы к ним относились как к довеску ведущей державы. Точно так же им была неприятна мысль, что русские и немцы могут упражняться в решении вопроса, который они считали жизненно важным. Поляки не скрывали той горечи, которая наложила свой отпечаток на отношения с Советским Союзом; о том, что Сталин уничтожил их офицерский корпус, что Красная Армия в 1944 г. остановилась на Висле и наблюдала, как истекает кровь Варшава, что пришлось смириться с потерей собственных восточных областей, нигде не говорилось открыто, но кое-где на это намекалось. Не в последнюю очередь вследствие этого они очень старались не отстать от русских. Когда в сентябре 1971 г. я встретился в Крыму с Брежневым, мне передали просьбу сделать на обратном пути остановку в Варшаве. Я ответил, что другие обязательства не позволяют мне сделать это. Позднее я часто задавал себе вопрос — и не только в связи с этим случаем — не слишком ли часто мы становимся рабами собственного графика?

Юзеф Циранкевич, бывший узник Маутхаузена, представитель социал-демократической части ПОРП — объединенной коммунистической партии — и премьер-министр заявил в начале варшавских переговоров: оба наши правительства должны настроиться на своего рода психоаналитический курс и прежде всего выяснить, что у нас не в порядке. Затем последует терапевтическая беседа. Многостороннее сотрудничество может нам помочь, а остальное исцелит время. Накануне подписания договора Гомулка сказал: «Нужно иметь в виду, что процесс сближения продлится как минимум десять лет». Однако и эта перспектива оказалась чересчур оптимистичной.

Первый человек в партии, а де-факто и в государстве, в декабре того же года потерпел фиаско. Причиной послужили протесты против недостаточного снабжения. Вышедшие на демонстрации — особенно в Данциге — рабочие вынудили его уйти в отставку. Он был личностью, закаленной в рядах Сопротивления. В начале 50-х годов его арестовали как «титоиста». В 1956 г., вопреки воле Хрущева, он стал руководителем партии. Как и все коммунистические вожди, он владел ритуалом длинных речей, заменявших дискуссию. «С глазу на глаз» (не считая двух переводчиков) он произнес двухчасовую речь. Чтобы поддержать свой престиж, мне понадобился по крайней мере час для ответной речи, а потом все пошло по программе.

Варшавский договор прояснил «основы нормализации отношений» и показал, насколько тонок лед, по которому мы идем. Тем не менее для нас было важно констатировать, что (как и в других «восточных договорах») он не затрагивает заключенные ранее действующие договоры и не ставит под вопрос международные соглашения. Глава польского правительства не преминул отметить, что польская сторона сознает, что от имени Федеративной Республики договор подписывает человек, «который сразу же после захвата власти фашистами понял, каким неимовер-

ным несчастьем это обернется для немецкого народа, для народов Европы, для мира во всем мире». В ответной речи я сказал: я сознаю, что никакой документ, как бы важен он ни был, не может засыпать насильственно вырытые рвы. По указанию правительства нельзя прийти к взаимопониманию, а тем более к примирению. Они должны созреть в сердцах людей обеих стран.

Я рассказал своим партнерам о беседах с генералом де Голлем, в которых шла речь о Германии и Польше. Он и я были едины в том, что народы Европы должны сохранить свою самобытность и именно это открывает перед континентом широкие перспективы. Итак, мне известно, «что изолированных ответов больше нет, есть только общеевропейские. И это также привело меня сюда». А в речи по случаю подписания договора я сказал: «Мое правительство принимает результаты истории. Совесть и понимание привели нас к выводам, не будь которых мы бы сюда не приехали». Однако никто не должен ожидать, что в политическом, юридическом и моральном смысле «я возьму на себя больше, чем это соответствует сознанию и убеждению». Прежде всего «границы должны меньше разделять и причинять меньше боли».

Я привез в Варшаву необычный груз. Нигде народ, люди не вынесли столько страданий, как в Польше. Механизированное уничтожение польских евреев явилось вершиной кровожадности, которую трудно себе представить. А кто назовет имена евреев из других частей Европы, уничтоженных в одном лишь Освенциме? На пути в Варшаву была память о шести миллионах убитых, память об агонии варшавского гетто, за которой я следил из Стокгольма и которая так же, как несколько месяцев спустя героическое восстание в польской столице, была почти не замечена воевавшими против Гитлера правительствами.

Программой моего пребывания в Варшаве предусматривалось на следующее утро после моего прибытия возложение двух венков. Сначала на могиле Неизвестного солдата. Там я почтил память жертв насилия и предательства. На экраны телевизоров и на страницы газет всего мира попало изображение, показывающее меня стоящим на коленях перед памятником, воздвигнутым в честь погибших жителей еврейской части города. Меня часто спрашивали: с какой целью был сделан этот жест? Был ли он запланирован? Нет, никоим образом. Для моих ближайших сотрудников это явилось не меньшей неожиданностью, чем для стоявших рядом со мной репортеров и фотокорреспондентов, а также для тех, кто остался дома, потому что они не ожидали ничего «нового».

Я ничего не планировал, однако дворец Вияянов, где меня разместили, покидал с чувством, что следует как-то подчеркнуть особенность церемонии у монумента в бывшем гетто. Перед пропастью немецкой истории и под тяжестью памяти о миллионах убитых я сделал то, что делают люди, когда им не хватает слов. Даже сейчас, 20 лет спустя, я не могу это выразить лучше, чем тот корреспондент, который написал: «И вот он становится на колени. Он, для которого нет необходимости делать это за всех, кому это необходимо, но которые не становятся на колени, потому что не осмеливаются или не могут или не могут осмелиться».

Дома, в ФРГ, не было недостатка в язвительных, а тем более в глупых вопросах: не «перестарался» ли я с этим жестом? Польская сторона, как мне показалось, чувствовала себя смущенной. В день, когда это случилось, никто из моих хозяев не говорил со мной на эту тему, из чего я сделал вывод, что другие эту часть истории тоже еще не переварили. Карло Шмид, находившийся со мной в Варшаве, рассказывал, что его спрашивали, почему на могиле Неизвестного солдата я возложил только венок, но не встал на колени? На другое утро в машине по пути на аэродром Циранкевич взял меня за руку и сказал, что очень многие были тронуты; его жена вечером звонила в Вену подруге, и обе они горько плакали.

Я рекомендовал министру иностранных дел поручить ведение переговоров о Варшавском договоре статс-секретарю Фердинанду Дуквицу. Одна из его заслуг состояла в том, что он во время войны, будучи официальным лицом, многое сделал для спасения датских евреев. «Дуки» — это классический пример, как, являясь номинально членом партии, не обязательно было становиться нацистом. После войны он поступил на службу в Министерство иностранных дел, досрочно вышел

на пенсию, а благодаря мне вновь вернулся к активной деятельности. Сделал я это не в последнюю очередь потому, что у нас были схожие представления о восточной политике. И он, как обнаружилось на переговорах о балансировании платежей, умел находить общий язык с американцами.

Вальтер Шеель не продлил приглашение на службу, приписав ему недостаток лояльности. Что же произошло? Перед началом третьего тура переговоров я дал Дуквицу абсолютно безобидное письмо, которое должно было ему помочь добиться приема у Гомулки, но забыл предупредить об этом Шееля. В Варшаве один из корреспондентов обратил на это внимание и написал, что главе партии было передано письмо от канцлера. Это сообщение вызвало различные спекуляции на этот счет и обычное для Бонна волнение. Что это были за «секретные контакты»? И что я мог сообщить первому человеку в Варшаве? Я как раз находился в Осло, где мне предстояло обсудить некоторые вопросы, когда мне позвонил взволнованный Шеель. Не сразу удалось его успокоить. Это оставшееся единственным недоразумение и вызвавший его организационный «прокол» удалось уладить по возвращении из Осло.

Чтобы привести к общему знаменателю правовые и политические реальности и политико-психологическую необходимость, пришлось поразмышлять по вопросу о границах. В начале 1970 г. в докладе о положении нации я предупреждал: «Того, что потеряли наши отцы, мы не обретем вновь ни чудесной риторикой, ни самыми отточенными юридическими ухищрениями». Тем не менее многим в Германии было трудно примириться с изменившимися реальностями нашего мира. В Польше граница по Одере и Нейсе вообще стала национальным вопросом. Русские еще в 1950 г. побудили ГДР признать ее, но этого было недостаточно. Слово Федеративной Республики было для поляков более весомым, хотя общей границы с ней не было. И они бы очень хотели и считали полезным, если бы Федеративная Республика — на случай заключения мирного договора — уже заранее приняла на себя обязательство уважать границу по Одере и Нейсе. Ко мне по этому поводу не обращались. Я и не мог бы подавить в себе правовые сомнения противоположного рода.

В Потсдаме было записано, что германо-польская граница будет окончательно установлена только в «мирных договорах». Однако американский президент и британский премьер санкционировали в 1945 г. выселение немцев и не возражали, когда была зафиксирована новая граница. Де Голль обиделся на них за то, что они его не пригласили в Потсдам, а не за то, что они действовали подобным образом.

Право миллионов немцев на родину сменилось таким же правом переселенных на Запад или родившихся там поляков. Во всем мире не нашлось ни одного правительства, которое было бы готово поддержать германские притязания в вопросе о границах. Прошло довольно много времени, прежде чем ведущие представители западного мира открыто и однозначно указали немцам на то, что им следует примириться с новой линией границы. Аденауэр и его доверенные лица знали положение дел. Но раздавались голоса многочисленных беженцев и изгнанных, особенно громко звучали голоса их профессиональных опекунов. Социал-демократы лишь позднее решились плыть против течения. В моих ушах все время звучали слова Эрнста Рейтера, сказанные им в год своей смерти: нам нужно пойти навстречу полякам, нельзя требовать от них, чтобы они еще раз создали «государство на колесах». Тем не менее я нашел свою фамилию под документом, заканчивавшимся словами «отказ — это предательство».

Решающим для меня было то, что нельзя проводить восточную политику «за спиной изгнанных». Они должны быть посвящены в наши дела и иметь возможность самим решить, что можно, а что нельзя. К этому нас обязывал также огромный вклад изгнанных с родины и бежавших восточных и судетских немцев в дело восстановления. В 1965 г. памятная записка евангелической церкви в немалой степени способствовала снятию нервозности в дискуссии по этому вопросу. Католические епископы никак не решались сделать шаг навстречу своим польским собратьям. Тем не менее во второй половине 60-х годов дух перемен коснулся и федерального канцлера Кизингера, заговорившего о понимании стремления польского народа «наконец-то жить на собственной территории с гарантированными границами».

В связи с договором от декабря 1970 г. возникли практические вопросы, на которые не удалось найти удовлетворительного ответа. С одной стороны, возможность для «фольксдойче» переселиться в Федеративную Республику или в одно из двух немецких государств. С другой — желание Польши получить материальное возмещение непосредственно или в форме крупного и дешевого государственного кредита. Кроме того, унификация школьных учебников и молодежный обмен, о поощрении которого мы просили, также оказались отнюдь не пустяками.

Польская сторона не захотела отразить в договоре вопросы эмиграции и переселения. Она настаивала на форме односторонней «информации»: «несколько десятков тысяч (нам объяснили, что это означает от 60 до 100 тысяч) лиц бесспорно немецкой национальности» должны были получить разрешение на выезд. Значительно большее количество прибыло в Федеративную Республику еще в 50-е годы при содействии национальных обществ Красного Креста. Теперь нужно было опять прибегнуть к помощи Красного Креста, которому сообщили, что указанное польской стороной число не следует рассматривать как окончательный верхний предел, тем более что число желающих выехать, несомненно, больше. В перспективе намечались облегчения при поездках для посещения родственников. Не нашло (или почти не нашло) поддержки наше пожелание, чтобы оставшимся в Польше немцам было оказано содействие в развитии культуры, особенно путем преподавания языка.

Однако этим данная глава была далеко не завершена. Когда было рассмотрено примерно 60 тысяч дел, в Польше началось сильное сопротивление местной и региональной бюрократии. В Германии жонглировали цифрами. Сколько человек в действительности хотели переселиться? Доколе можно было говорить о воссоединении семей? А как быть, если немецкая и польская кровь там смешивалась в течение многих поколений? Нередко это означало: воссоединение на одной стороне, новое расставание — на другой.

В Варшаве Гомулка мне разъяснил: Польша в 1953 г. отказалась от репараций, но примерно 10 миллионов человек по западногерманским законам о возмещении ущерба имеют право потребовать этого. Исходя из этого, эксперты подсчитали, что сумма составит приблизительно 180 млрд. марок ФРГ. Не лучше ли нам забыть о таких больших цифрах, а вместо этого договориться о скромном, но важном для Польши кредите сроком на 10 лет без процентов или с небольшими процентами? В принципе я ничего не имел против «косвенного» решения, которое содействовало бы экономическому развитию. Правда, Министерство финансов в те годы не соглашалось на снижение государством процентных ставок, хотя в других странах это было обычным явлением. Позднее это стало стоить дороже.

Взаимосвязь вещей, строго говоря, не имевших между собой ничего общего (кредит, компенсация имевшим право на пенсию полякам, угнанным во время войны на принудительные работы, и разрешения на выезд), в течение многих лет бросала тень на германо-польские отношения и обходилась Федеративной Республике все дороже; она объявила себя правопреемником германского рейха и практически не могла воспрепятствовать тому, чтобы ей не предъявляли счета.

Так же как в случае с Югославией, в разговоре с Тито я никогда не скрывал, что считаю тяжелое материальное бремя психологической нагрузкой, и не хотел бы подсчитывать, какое влияние это окажет на последующие поколения. В конце концов, не следует забывать, что изгнанные со своей родины немцы потеряли не только землю, но и много ценного имущества.

То, что Польша в течение двух десятилетий, последовавших за подписанием Варшавского договора, так редко приходила в состояние покоя, больше почти не зависело от ее отношений с немцами. Однако нормализация продвигалась не столь успешно, как этого хотелось. О желающих эмигрировать и разрешениях на выезд велись длительные переговоры и было немало полемики. Никто еще не подозревал, что в Федеративной Республике переселенцев более или менее немецкого происхождения уже далеко не всегда будут встречать с распростертыми объятиями. Верным всегда было и остается то, что отношения между немцами и поляками имеют особое значение для Европы.

А как с Чехословакией? За эти годы меня нередко спрашивали, почему нормализация этих отношений затянулась еще на три года, до конца 1973 г., а Пражский договор вступил в силу только летом 1974 года. За это время мы, как и ГДР, стали членами ООН, а в Хельсинки собрались министры иностранных дел Востока и Запада, чтобы подготовить общеевропейскую конференцию. Разве я или кто-то другой забыли, что требовали от Чехословацкой Республики еще накануне второй мировой войны и какие страдания пришлось претерпеть там людям во время нацистской оккупации? Конечно, нет. Правовые или псевдоправовые споры вокруг Мюнхенского соглашения действительно заняли много времени. Но эта по существу верная ссылка была лишь полуправдой. Ибо политика Праги в значительной степени была парализована последствиями августовских событий 1968 г., которые наложили свой отпечаток на то, что происходило во время моего визита в Прагу в декабре 1973 года.

Казалось, что холодная погода выражает настроение присутствующих. Тем не менее я внимательно слушал принимавших меня чехословацких руководителей, когда они говорили о страданиях и о надеждах своего народа, а премьер-министр Любомир Штроугал, державшийся не так натянуто, как большинство его коллег по руководству (он занимал этот пост до 1988 г.), вспоминал о «терновом венце Лидице», когда уже отмеченный печатью скорой смерти генерал Свобода, бывший в 1968 г. главой государства, очень дружелюбно призывал к «добрососедству», а Густав Гусак, руководитель партии, вскоре ставший и президентом страны, согласился выполнить мою просьбу о помиловании нескольких находившихся в заключении немцев. Посмотрим, пообещал он, что тут можно сделать. В конце концов он-то хорошо знал, что такое тюрьма. Он сидел там и тогда, когда его партия была у власти. По нему было видно, что он очень хотел бы оказаться в такой же роли, какая в тяжелые годы после 1956 г. выпала на долю Яноша Кадара. Но то, что — по крайней мере частично — удалось на Дунае, никак не получалось на Молдове. Гусак и его группа потерпели фиаско — главным образом из-за того, что они не смогли преодолеть недоверия своих сограждан.

В пражской речи я вспомнил о своем приезде в этот город зимой 1936/37 и летом 1947 г., о той роли, которую играла Прага в жизни немецкой эмиграции, о важных отрезках нашей общей истории — сообществе немцев и славян в богемских землях, трагедии гитлеровской оккупации, другой трагедии, трагедии поголовного изгнания, о которой я написал одним из первых.

«Пражская весна» 1968 г. очаровала и меня. Внутренне я тоже не был готов к тому, что ответом на борьбу коммунистов-реформаторов станет вторжение войск стран Варшавского Договора. Все утверждения, что оно было вызвано западногерманским вмешательством или даже военными приготовлениями на нашей территории, были взяты с потолка. Однако нам это приписывали не только на Востоке, кое-где этому верили и на Западе. Когда я вскоре после того злосчастного 21 августа прибыл в Париж, Мишель Дебре, сменивший Кув де Мюрвиля на посту министра иностранных дел, вполне серьезно упрекнул меня в том, что якобы наша активность вредит делу. Французская разведка снабдила его сногшибательной информацией. Такое случается.

Французский министр иностранных дел был прав, предупреждая НАТО об опасности бессмысленного реагирования. Но он явно недооценил значение случившегося, назвав новую пражскую трагедию «дорожным происшествием на пути к разрядке». Заодно с ним был даже де Голль, который упрекнул Кизингера в том, что федеральное правительство вдохновляло пражских реформаторов и, следовательно, несет часть вины за случившуюся трагедию. А в качестве, так сказать, конфиденциального приложения добавил: Брежнев перед этим получил от Джонсона заверение, что Соединенные Штаты ничего не будут предпринимать.

То, что один из ведущих немецких либералов незадолго до того, как кризис достиг своей высшей точки насилия, побывал в Праге, возможно, было излишним, но это никак не могло повлиять на отношения между Прагой и Москвой. Готовность руководства Федерального банка на месте вести переговоры о расширении двусторонних отношений, после того как летом 1967 г. наконец-то открылись тор-

говые представительства обеих стран, ни в коей мере не носила враждебного характера по отношению к другим государствам. Встреча Эгона Бара, в то время начальника отдела планирования в руководимом мной Министерстве иностранных дел, с чехословацким министром иностранных дел Иржи Гаеком во время его остановки в аэропорту во Франкфурте-на-Майне была вызвана оправданной заинтересованностью в получении информации, и ничем больше. Однако из всего этого сконструировали нечто в высшей степени предосудительное.

СДПГ также пришлось выслушать кучу бессмысленных упреков. То, что социал-демократы в моей стране так же, как и в других странах, восприняли планы строительства «социализма с человеческим лицом» с большой симпатией, не могло никого удивить. Службы, специализирующиеся в получении секретной информации, разумеется, знали, как неукоснительно немецкие социал-демократы придерживались принципа невмешательства. Стремление к восстановлению чехословацкой социал-демократии (за самое короткое время возникло более 300 местных организаций) нами ни в коей мере не поощрялось. Не все понимали, что там, где превыше всего была европейская ответственность за судьбы мира, социал-демократическая солидарность отступала на второй план.

Известие о военной интервенции стран Варшавского пакта застало меня на борту судна у берегов Норвегии. Я вылетел в Осло, а оттуда на самолете бундесвера в Бонн. Мои сотрудники в Министерстве иностранных дел и в правлении партии, как и все, кого я встречал в те часы, были потрясены тем, что свободолюбивые порывы «Пражской весны» были раздавлены гусеницами танков. Я был подавлен и сгорал от стыда, что в карательной акции участвовали немецкие солдаты из Народной армии ГДР. Их численность была невелика, но сам по себе этот факт возмутил меня больше, чем моих консервативных коллег, считавших, что от коммунистов ничего другого нельзя было и ожидать.

Вождь румынской партии Николае Чаушеску, который уже после этого потерял рассудок и своим правлением повел страну к гибели, в то время выгодно отличался от руководителей других стран Варшавского Договора. Он отказался от участия в интервенции и оставил солдат в казармах. 21 августа на митинге под открытым небом он осудил вторжение. Во многих столицах его послы на крайний случай прощупывали возможность получения конкретной помощи. Чехословацкие оппозиционеры пришли к выводу, что Румыния избежала интервенции потому, что она продемонстрировала свою готовность к обороне. По поводу практического применения этого тезиса реформаторы, что, впрочем, неудивительно, не смогли прийти к общему мнению.

В первые же дни после вторжения я случайно встретил пражского друга по стокгольмским дням. Вальтер Тауб снова вернулся к своей профессии актера и с успехом выступал на немецкой и австрийской сцене. Как и большинство интеллигенции, он был на стороне реформаторов. Будучи коммунистом, он со слезами на глазах спросил меня: «Неужели ни от кого в мире нельзя ждать помощи и неужели Европа это стерпит?» Я понимал тех, кто так воспринимал происшедшее, но ничем не мог им помочь. И уж совсем я был бессилен, если в своей беде и отчаянии они ожидали от западного союза нечто такое, для чего он не был создан.

Слов в эти дни было много. Но разве существовала разумная альтернатива курсу разрядки? В Бонне мы себе сказали, выйдя за рамки руководящих кругов моей партии, что возврат к временам усиленной конфронтации не поможет ни Чехословакии, ни кому-либо еще. Я не дал себя вовлечь в кампанию по критике пражских реформаторов. Уж немцам-то, во всяком случае, не пристало обсуждать вопрос, достаточно ли стратегическим было их мышление и тактически грамотными — их действия. Кто хочет руководить столь широким движением за реформы, кто может направить в одно русло столь многообразные стремления к свободе? К тому же когда речь идет о народе с такими свободолюбивыми традициями?

Секретарь словацкой партии Александр Дубчек, сменивший в январе 1968 г. в Праге руководителя компартии Новотного и опиравшийся на поразительный культурный подъем двух предшествующих лет, всплыл на гребне волны симпатий и доверия. Его сместили и заставили замолчать вероломные товарищи по партии,

действовавшие сообща с соответствующими советскими органами. Как милостыню, он получил место посла в Анкаре, а позднее жил в изоляции под Пресбургом (старое название Братиславы. — *Прим. ред.*). Мне импонировала его гордая стойкость. Он остался коммунистом, самоотречения от него не добились. Когда его обвинили в сомнительных политических связях, он совершенно справедливо сослался на меня, сказав, что ради честного компромисса и делового сотрудничества он тоже приложил бы свои усилия. Ему не позволили это сделать.

После трех лет пребывания у власти Горбачева наметилась также реабилитация Дубчека. Однако ЧССР превратилась в отстающего партнера в области политических отношений между Западом и Востоком. Премьер-министр Румынии Ион Георге Маурер, этот интересный, всегда сыпавший остротами человек, как-то зло пошутил, что Чехословакия — самое нейтральное государство в мире. Почему? Да потому, что она не вмешивается даже в свои собственные дела.

Нормализация межгосударственных отношений оказалась особенно затруднительной потому, что юристы обломали себе зубы об Мюнхенское соглашение 1938 года. В ноте о мире от марта 1966 г. Шрёдер сообщил, что Гитлер разорвал это соглашение и оно не имеет больше никакого территориального значения. В конце 1966 г. я поддержал министра юстиции Хайнеманна, потребовавшего, чтобы все эти вопросы были урегулированы через правительственное заявление Большой коалиции. В нем говорилось, что «достигнутое под угрозой применения силы соглашение больше не действительно». Это означало «ex tunc» (с конца), но пражане настаивали на «ex nunc» (с самого начала).

А как можно было составлять заявление об объявлении Мюнхенского соглашения недействительным, не увязав его при этом с вредными правовыми последствиями для судебных немцев? Не могли же мы объявить их постфактум изменниками родины. Хотя с тех пор прошло много лет, мы не могли не принимать во внимание, что и немецкие граждане прежней Чехословакии, пострадавшие от нацизма, несмотря на это, в 1945—1946 гг. стали жертвами жестокого изгнания.

В Пражском договоре записано: Мюнхенское соглашение было навязано Чехословацкой Республике национал-социалистическим режимом «под угрозой применения силы». Обе стороны хотят покончить с пагубным прошлым. В обеих странах выросло новое поколение, и оно имеет «право на гарантированное мирное будущее». Пресловутое соглашение объявлялось «согласно данному договору недействительным применительно к их обоюдным отношениям». Это была компромиссная формула между «ex tunc» и «ex nunc». Чтобы добиться этого, исключительно толковому статс-секретарю Паулю Франку пришлось промучиться три года! Договор не касался правовых последствий, наступивших осенью 1938 г. и в мае 1945 г., за исключением тех мер, которые оба государства «в связи с их несовместимостью с основополагающими принципами справедливости» считали недействительными.

Дополнительные трудности возникли из-за мелочного спора по поводу положений об оказании юридической помощи Западному Берлину и его гражданам. Это еще больше затянуло заключение договора. Я не мог отделаться от впечатления, что в этой игре был замешан Ульбрихт со своей «дружиной».

Брежнев, а также Гомулка в 1970 г. мне предсказывали, что поладить с «чехами» не составит большого труда. В мае 1973 г. кремлевский руководитель как бы желая меня подбодрить еще раз заявил, что сейчас создалась благоприятная ситуация для того, чтобы «избавиться от проклятого Мюнхенского соглашения». Гусак дважды подтвердил ему свою готовность пойти нам навстречу. Несговорчивость и затруднительность положения пражских посредников, несомненно, были связаны со сложностями в отношениях между правительством и правящей партией, с одной стороны, и населением — с другой.

Шла ли речь о Варшаве или Праге, или какой-то другой столице в Центральной и Восточной Европе, политика Федеративной Республики вряд ли могла облегчить груз ответственности тамошних руководителей, но она не создавала им и дополнительных трудностей.

(Продолжение следует)

Технология власти

А. Г. Авторханов

IV. Сибирский план Сталина

Практический план колхозного строя родился, собственно говоря, не в Политбюро и даже не в Москве, а в Сибири. Правда, уже XV съезд партии постановил держать курс на развитие коллективов¹, но это решение все еще оставалось на бумаге, пока за дело не взялся сам Сталин.

Когда осенью 1927 года, вопреки Бухарину, Рыкову, Томскому и Угланову и, кажется, Калинин, Политбюро постановило применять на хлебозаготовках чрезвычайные меры («экстраординарные меры»), руководители ЦК и правительства были командированы в качестве «чрезвычайных уполномоченных» в основные зерновые районы страны — на Украину, ЦЧО, Северный Кавказ и Сибирь. Обычно такие уполномоченные имели право единолично решать любой вопрос на местах от имени ЦК и Совнаркома. В их распоряжении находился целый штаб сотрудников, от чекистов, специалистов, пропагандистов и до машинисток включительно, который комплектовался в Москве каждым из «чрезвычайных уполномоченных».

В качестве такого уполномоченного в начале 1928 года в Сибирь был командирован Сталин, а в числе его штабных «специалистов» находились сибиряки Маленков и Сорокин. Полномочия Сталина распространялись и на Урал, но на Урал Сталин не собирался ехать, ограничившись вызовом тамошних руководителей в свою будущую сибирскую ставку — в Новосибирск. Сибирский и уральский актив был предупрежден правительственной телеграммой о предстоящем прибытии Сталина с чрезвычайными полномочиями. Пока Сталин мчался в бронированном вагоне сибирского экспресса, в Сибири царил переполох, граничащий с паникой гоголевских героев из «Ревизора».

Сорокин уже находился в Новосибирске в «дозорной бригаде» ЦК, когда секретарь Сибирского крайкома Сырцов устанавливал порядок: в школах начались регулярные занятия, в больницах производили дезинфекцию, ответственные работники сняли галстуки («Сталин, говорят, органически не терпит галстуков»), а сводный оркестр местного гарнизона репетировал революционные гимны (тогда гимнов о Сталине еще не было).

Наконец Сталин прибыл со своей свитой и, минуя «потемкинские» деревни, прямо направился в настоящие деревни в поисках лишь одной достопримечательности Сибири: хлеба! Сорокин рассказывал, что сначала Сталин попросил Сырцова

Продолжение. См. Вопросы истории, 1991, № 1.

дать ему местную карту с нанесением на нее наиболее хлебных районов и сводку о выполнении плана хлебопоставок. Ему предоставили и то и другое. Сталин объехал лишь те районы, которые были нанесены на карту как малохлебные. Он заезжал в случайные деревни, панибратски беседовал с крестьянами, под видом осмотра хозяйства заходил в сараи, конюшни, на гумна. Расспрашивал, на что крестьяне жалуются, хорошо ли относится к ним местное начальство, и каждый раз беседа оканчивалась неизменным вопросом: а вот, я вижу, у вас даром пропадает хлеб, почему вы не хотите его продать государству? На такой вопрос Сталин в одной деревне получил ответ: а вот, я тоже вижу, что у вас в Москве даром пропадает мануфактура, почему вы не хотите продать ее крестьянам? Сталин вопроса «не расслышал».

Зато другой вопрос он не только «расслышал», но и твердо запомнил. Об этом он говорил спустя год, на апрельском пленуме ЦК 1929 года, но дипломатически перенес этот случай из Сибири в Казахстан, а вместо себя поставил какого-то безличного «нашего агитатора». Однако и в исправленном изложении Сталина случай был очень характерен². «Когда наш агитатор, например, в Казахстане, два часа убеждал держателей хлеба сдать хлеб для снабжения страны, кулак выступил с трубкой во рту и ответил ему: «А ты попляши, парень, тогда я тебе дам пуда два хлеба». Весь пленум знал, что этим «парнем» был сам Сталин.

Потом Сталин объездил районы, где были выполнены планы хлебозаготовок. Теперь, присоединив к своим собственным наблюдениям данные своих специалистов, Сталин составил себе общую картину положения дел, дающую возможность сделать определенные выводы. Выводы, касающиеся Сибири, заключались в том, что «малохлебные районы» на самом деле являются наиболее хлебными. Крестьяне этих районов хлеба не дают потому, что у них его просят, вместо того, чтобы отбирать!

Что же касается тех районов, в которых план выполнен, то тут дело обстоит еще хуже: план выполнен из-за его «заниженности». Районы эти могут и обязаны дать еще столько же хлеба, сколько они сдали. Как это сделать? Провести бедняцко-средняцкие собрания о самообложении. Кулаков на эти собрания пускать нельзя. На этих собраниях надо принимать решения о «добровольной сдаче» крестьянами всех хлебных излишков государству. При этом кулакам давать «твердые задания», невыполнение которых всегда влечет за собою применение статьи 107 УК РСФСР.

После всего этого Сталин решил информировать бюро Сибирского крайкома и Уральского обкома ВКП(б) о дальнейших задачах и планах. В одной из речей, которая тогда была скрыта от страны, он заявил: «Я командирован к вам в Сибирь на короткий срок. Мне поручено помочь вам в деле выполнения плана хлебозаготовок. Мне поручено также обсудить с вами вопрос о перспективах развития сельского хозяйства, о планах развертывания в вашем крае строительства колхозов и совхозов... Вы говорите, что план хлебозаготовок напряженный, что он невыполним. Почему невыполним, откуда вы это взяли?.. Посмотрите на кулацкие хозяйства: там амбары и сараи полны хлебом, хлеб лежит под навесом ввиду недостатка мест хранения... Я видел несколько десятков представителей вашей прокурорской и судебной власти. Почти все они живут у кулаков, состоят у кулаков в нахлебниках и, конечно, стараются жить в мире с кулаками! На мой вопрос они ответили, что у кулаков на квартире и чище и кормят лучше. Понятно, что от таких представителей прокурорской и судебной власти нельзя ждать чего-либо путного и полезного для советского государства. Непонятно только, почему эти господа до сих пор еще не вычищены и не заменены другими... Предлагаю: а) потребовать от кулаков немедленной сдачи всех излишков хлеба по государственным ценам; б) в случае отказа кулаков подчиниться закону — привлечь их к судебной ответственности по ст. 107 Уголовного Кодекса РСФСР и конфисковать у них хлебные излишки в пользу государства с тем, чтобы 25 процентов конфискованного хлеба было распределено среди бедноты и маломощных середняков»³.

Чтобы дело пошло успешнее, Сталин предложил снять с ответственных постов и исключить из партии тех коммунистов, которые «якшаются» с кулаками и нэпма-

нами. К этой категории он относил всех коммунистов, живущих у кулаков, женатых на их дочерях, имеющих иные родственные связи с «чуждыми элементами» или же происходящих из «социально-чуждой среды».

Паникеры оказались правы: не успел Сталин еще уехать, как в Сибири и на Урале началась кампания против «перерожденцев» и «чужаков», которых стали пачками снимать с работы и исключать из партии. Никому не делалось никаких скидок: исключались бывшие заслуженные партизаны, «красногвардейцы», «революционные матросы», коммунисты «ленинского призыва» (молодые коммунисты, принятые в партию в связи со смертью Ленина). Причины исключения везде одни и те же — «сращивание («якшание») с чуждыми элементами», «притупление революционной бдительности» и саботаж хлебозаготовок. Никакие былые «революционные заслуги» не принимались во внимание. Тогда, собственно, и родилась известная формула: «За прошлое — спасибо, за настоящее — отвечай!».

На место исключенных назначались люди, не имевшие никакого прошлого или имевшие «весьма темное прошлое», даже с точки зрения самих большевиков, но которые готовы были пойти на все, что бы от них ни потребовала партия, то есть Сталин. А он пока что требовал только одного — хлеба! Хлеба любой ценой и любыми средствами!

Эти организационные мероприятия были лишь одной стороной дела. Сами по себе они не могли иметь успеха, если основательно не «раскачать» самого крестьянства. В «раскачке» этого крестьянства Сталин встал на путь расслоения крестьянства по признакам групповым или классовым. Деревня была разбита на шесть групп: 1) батраки, 2) беднота, 3) маломощные середняки, 4) середняки, 5) зажиточные и 6) кулаки. При распределении плана хлебозаготовок первые две группы освобождались от сдачи хлеба, третья группа делала «символический взнос», четвертая категория сдавала «законную норму» (около одной четвертой наличного хлеба), пятая и шестая категория — весь хлеб. Не менее оригинальны были и методы изъятия хлеба, предложенные Сталиным: «самообложение» и «твердое задание».

Прежде всего созывались так называемые «собрания бедноты». На этих собраниях утверждались списки, кого из крестьян данного села отнести к какой категории. После утверждения списков выбирали «комсоды» (комиссии содействия). В их задачу входило: 1) утверждать от имени крестьян план хлебозаготовок, предложенный сверху; 2) взыскивать этот хлеб с крестьян (обходы крестьянских дворов, обыски, конфискация хлеба). Чтобы подбодрить бедноту на борьбу с основной массой крестьянства, названной теперь «кулачеством» (к кулачеству относились, по существу, и «зажиточные»), Сталин предложил дать бедноте «ряд льгот, в силу которых беднота получала в свое распоряжение 25% конфискованного кулацкого хлеба»⁴. Таким образом, часть крестьян, преимущественно бедняцкая и нерадивая, как раз та часть, которую потом сами большевики величали «лодырями», стала как бы подрядчиками государства на процентах: при помощи органов милиции и ГПУ она отбирала хлеб у зажиточных крестьян, получая за это 25% забранного хлеба в свою пользу. Если же зажиточные крестьяне оказывали сопротивление, то их судили уголовным судом. Впоследствии Сталин с полным основанием писал:⁵ «Чрезвычайные меры возымели свое действие: беднота и середняки включились в решительную борьбу против кулачества, кулачество было изолировано, сопротивление кулачества и спекулянтов было сломлено».

Основная цель миссии Сталина состояла, однако, не в этом. С тех пор как в Политбюро намечались разногласия по вопросам политики в деревне, в частности по вопросам дальнейших перспектив развития сельского хозяйства, перед советским правительством встала одна, далеко не теоретическая задача: эволюция или революция, мир с крестьянством или репрессии против крестьянства. Короче: «Кто кого?» — так по-ленински сформулировал Сталин эту задачу. Сталин держался той точки зрения, что уже наступило время, когда советская власть настолько укрепилась, что она может повторить опыт Октябрьской революции против капиталистов и помещиков, на этот раз уже против зажиточного и среднего крестьянства в деревне. Эту мысль Сталин обосновал так:⁶ «Для упрочения советского строя и победы

социалистического строительства в нашей стране совершенно недостаточно социализации одной лишь промышленности. Для этого необходимо перейти от социализации промышленности к социализации всего сельского хозяйства».

В какой форме провести эту социализацию крестьянства? В той же речи в Сибири Сталин дал ответ:⁷ «Нужно покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами (и совхозами), способными заменить, как сдатчика хлеба государству, не только кулаков, но и индивидуальных крестьян».

Но на XV съезде партии, который происходил ровно за месяц до этого выступления Сталина (декабрь 1927 г.), еще не было речи о «колхозах», а тем более не было директивы: «покрыть все районы нашей страны, без исключения, колхозами». Там говорилось лишь:⁸ «Принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство по направлению к социализму». Вот этот вопрос о «сплошной коллективизации» и «ликвидации кулачества как класса на ее основе» Сталин и поставил перед сибиряками. При обсуждении его на заседании Сибирского крайкома Сталина поддержали: Сырцов (секретарь Сибирского крайкома), Шверник (секретарь Уральского обкома), Кабаков (председатель Уральского облизполкома) и Сулимов (Урал).

Уезжая из Сибири, Сталин вез в кармане постановление Сибирского и Уральского комитетов партии, требующее проведение форсированного курса коллективизации по методу Сталина. Вскоре к этому постановлению присоединилась Центрально-Черноземная область (секретарь Варейкис), Нижнегородский крайком (секретарь Жданов), ЦК КП(б) У (секретарь Каганович) и через некоторое время и Северо-Кавказский крайком (секретарь Андреев). Однако вслед за Сталиным в Москву посыпались бесчисленные письма и телеграммы крестьян и самих работников Сибири и Урала, жаловавшихся на «государственный переворот», который Сталин произвел там в виде опыта. Когда «урало-сибирскому методу», как Сталин называл свой эксперимент, начали подражать, по прямому указанию Сталина от имени ЦК, и в других районах, то появились серьезные симптомы возможного крестьянского бунта в широком масштабе. Это заставило группу Бухарина вновь поставить вопрос перед ЦК, чтобы призвать Сталина к порядку. В результате этого Политбюро приняло решение, подписанное самим Сталиным, в котором прямо говорилось:⁹ «Разговоры о том, что мы будто бы отменяем нэп, вводим продрозверстку, раскулачивание и т. д., являются контрреволюционной болтовней, против которой необходима решительная борьба. Нэп есть основа нашей экономической политики и остается таковой на длительный исторический период».

Подписывая это постановление, Сталин обманывал свою собственную партию: через год он провозгласил отмену нэпа, рассчитанного на «длительный исторический период»!

Вспоминая об этой поездке Сталина в Сибирь и своей роли в проведении «сибирского опыта», Сорокин передал мне впоследствии некоторые подробности о лицах из штаба Сталина и о сибирско-уральских руководителях, — подробности, проливающие свет на дальнейшую карьеру этих лиц. Прежде всего, я впервые услышал имя Маленкова. Последний работал тогда, продолжая учебу в МВТУ (Московское высшее техническое училище), в аппарате ЦК, в личном секретариате Сталина. Еще во время своей учебы Маленков выдвинулся как «активист» в борьбе с троцкистской оппозицией и уже в 1924 году встал во главе партийной организации училища. Когда эта организация МВТУ почти единодушно поддержала платформу Троцкого¹⁰, Маленков был одним из нескольких коммунистов, которые фанатично выступали за «ленинское руководство» Сталина — Бухарина. Партийное собрание училища квалифицировало его позицию как «оппортунистическую» и «подхалимскую» и постановило снять Маленкова с поста секретаря партийной организации. Маленков пожаловался в райком партии (кажется, Краснопресненский), но там ему ответили, что РК не может ни отменить решения собрания, ни восстановить его в должности секретаря, так как это будет нарушением устава партии. Маленков обратился в Московский Комитет, но опять-таки безрезультатно. Тогда он написал в ЦК жалобу, в которой обвинял РК и МК в том, что они не помогают ему в разоблачении «троцкистского заговора» в МВТУ.

Через некоторое время Маленков был вызван к заведующему оргинструкторским отделом ЦК Л. Кагановичу. Так произошла «историческая встреча».

Маленков рассказал Кагановичу о вещах, о которых в ЦК догадывались, но установить не могли. Вузовские ячейки и ячейки партии МВТУ держатся за троцкистов, главным образом потому, докладывал Маленков, что «учащиеся-троцкисты» пользуются «особыми привилегиями» у райкомов и Московского Комитета партии; последние не разрешают исключать из партии «злостных троцкистов», требуя их «воспитания», а Ходоровский (Главпрофобр Наркомпроса) сажает во главе вузов директоров из «заядлых троцкистов». На дискуссионные собрания ячеек РК и МК посылают в качестве докладчиков всяких беспомощных «пролетариев от станка», тогда как троцкисты посылают докладчиков из Коммунистической академии и Института красной профессуры и даже работников Коминтерна.

На вопрос Кагановича: «Как нам, по вашему мнению, очистить вузовские организации от троцкистов?», Маленков ответил конкретным планом: «Надо пройти железной метлой не только по аудиториям вузов, но и по кабинетам вузовских начальников. Вот вам и план, как провести все это мероприятие», — при этих словах Маленков вынул из своего студенческого портфеля подробные «Предложения по чистке вузовских партийных организаций». Это был меморандум на имя ЦК. Каганович не стал читать меморандум, но обещал просмотреть, а самого Маленкова попросил прийти к нему еще раз через неделю (время достаточное для наведения справок о Маленкове в особом секторе ЦК и ОГПУ). Едва ли можно сомневаться в том, что молодой Маленков (ему было тогда всего 23 года) произвел на Кагановича самое положительное впечатление.

Принимая второй раз Маленкова, Каганович удивил его новостью: т. Сталин хочет с вами познакомиться. Пойдемте к нему. Сталин принял Маленкова запросто («Уже при первой моей встрече со Сталиным я почувствовал в нем родного отца», — говорил Маленков Сорокину), расспрашивал его об учебных успехах, о питании, об общежитии, живы ли родители и все в этом духе. Ни одного делового или политического вопроса. Конец беседы явился для Маленкова полным сюрпризом: «Мы с Лазарем Моисеевичем договорились забрать вас на работу в аппарат ЦК. Не возражаете, товарищ Маленков?» — спросил Сталин. «Я живу для партии», — отвечал Маленков. Это было в начале 1925 года. «Предложения» Маленкова легли в основу директив по чистке вузовских и учрежденных ячеек в 1925 году, а сам Маленков стал одним из руководителей этой чистки. За один 1925 год из партии было исключено 92 тысячи студентов и советских чиновников¹¹. Маленков с тех пор стал «аппаратчиком» ЦК и МК ВКП(б).

В штабе Сталина Маленков выполнял функции его личного адъютанта. Он аккуратно вел дневник впечатлений Сталина от разных поездок, записывал его вопросы и ответы, указания и распоряжения, присутствовал на всех закрытых совещаниях Сталина с руководителями края, составлял параллельный протокол этих совещаний для Сталина, а на некоторых ведомственных совещаниях, где у Сталина не оказывалось возможности присутствовать, Маленков представлял его в качестве наблюдателя. Но нигде и никогда он не выступал в прениях, хотя очень часто и задавал вопросы по обсуждаемым делам, если только не присутствовал сам Сталин.

Многие его личные качества роднят его с его учителем. Отсутствие болтливости, внутренняя сосредоточенность, чуждость академизму и теоретизированию, ярко бросающийся в глаза грубый реализм, граничащий с откровенным цинизмом, практический утилитаризм при решении самых отвлеченных проблем, удивительная способность приспособленчества и лавирования, если этого требуют личные интересы или интересы дела. Если добавить к ним два других качества, которые он унаследовал от своего учителя, — глубоко затаенную хитрость и способность на самое крайнее вероломство, вплоть до измены даже Сталину, тогда мы получаем общее представление о психологическом профиле Маленкова. Уже говорилось, что теория не является его сильной стороной. И это не случайно. Один из ответственных работников ЦК, уже спустя много времени, рассказывал мне, что как-то в дружеской беседе Маленков сказал ему: «Вы, теоретики, все хвалитесь своими

знаниями марксизма, но я читал полностью Сталина, не всего Ленина и лишь «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса, а марксизм знаю не хуже вас, макулатурных теоретиков!»

Очень может быть, что Маленков и не признавался так открыто в своем невежестве в марксизме, но что это фактически соответствует действительности, в этом я не сомневаюсь и сейчас. В этом нет ничего удивительного. Я знал многих членов ЦК — практиков своего дела, даже партийных деятелей, которые оправдывали свое невежество в области марксистской теории трудностью для понимания «Капитала» Маркса или «Диалектики природы» Энгельса. Даже больше. Кто внимательно изучал так называемые теоретические труды Сталина, того прямо-таки поражают школьные ошибки Сталина (и это бессознательно!) в области философии и политической экономии. Но потом все это выдавали за «дальнейшее развитие марксизма».

Слабость в теории или, во всяком случае, отсутствие претенциозной склонности к теоретизированию при неимении к этому природного дара — это, пожалуй, плюс людей типа Маленкова. Как раз русская революция пожрала всех своих теоретиков, и больше всего погрешил в этом ее большевистский этап (Плеханов, Богданов, Троцкий, Бухарин, Преображенский и др.). До победы революции они давали тон, программу и идеологию движения, после же победы, когда от теории надо было переходить к практике, они оказались неспособными ни к чему, кроме теоретизирования и в дальнейшем. Поэтому руль нового государственного корабля оказался в руках трезвых капитанов, не признающих ни безгрешности, ни старых догматов, ни авторитетов своих пророков. В этом смысле Сталин был величайший утилизатор и враг мертвых догм. «Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на точке зрения последнего», — говорил он за несколько месяцев до прихода к власти большевиков. Вот таких «творческих марксистов» Сталин и подбирал вокруг себя, когда он занял капитанскую каюту на большевистском корабле. Маленков и оказался таким «марксистом», не читав даже Маркса. Еще одно немаловажное качество Маленкова — это умение проникать в чужую душу. Все, кто знал его близко, рассказывали, что стоит Маленкову поговорить некоторое время с незнакомым человеком — и он может поставить безошибочный диагноз — «чем дышит» и на что способен этот человек. В этом смысле Маленков в оценке людей ошибался даже меньше самого Сталина.

Известен случай, когда Маленков отлично засвидетельствовал свое превосходство над Сталиным в распознавании людей — это история с выдвижением Сырцова на пост председателя Совнаркома РСФСР вместо Рыкова в 1930 году. Сталин более близко познакомился с Сырцовым только в свою поездку в Сибирь. Так как тогда уже намечалась борьба с группой Бухарина и Сталин мысленно разрабатывал проект, кем и как нужно будет заменить его будущие жертвы, он решил изучить сибирских руководителей как кандидатов для возможного выдвижения. Накануне своего отъезда из Новосибирска Сталин договорился, конечно, под величайшим секретом, что Сырцов, возможно, будет отозван на ответственную работу в Москву. Сталин не скрыл от Сырцова, что такое назначение он связывает с лояльностью его к ЦК (иначе говоря, к Сталину). Сырцов еще не знал точно, в чем дело, и дал свое согласие. Однако Маленков вежливо, хотя и довольно настойчиво, предупредил Сталина — Сырцов «подведет»! Сталин не придавал особенного значения замечанию Маленкова, и Сырцов был назначен председателем Совнаркома РСФСР и даже введен в состав кандидатов в члены Политбюро. Прошло каких-нибудь шесть месяцев и Сырцов «подвел»! Он был выведен из ЦК, а звезда Маленкова поднялась.

V. Первые аресты в ИКП

«Лучше поздно, чем никогда», — острили студенты, когда в ИКП произошли первые аресты. В числе арестованных не было ни одного профессора, все это были

слушатели исторического отделения и отделения философии и естествознания, преимущественно старших курсов, мне мало известные. На партийном собрании, созванном по этому поводу, секретарь ячейки Орлов и представитель ЦК (им был, если я не ошибаюсь, Б. Таль) объяснили причины арестов: «Маленькая группа троцкистских предателей, окопавшихся в ИКП, подогреваемая правыми из московской парторганизации, старалась противопоставить ИКП ленинскому Центральному Комитету. Доблестные чекисты раскрыли заговор и вовремя обезопасили ИКП от заговорщиков. Поможем ОГПУ до конца выкорчевать корни «троцкизма». Вот к чему приблизительно сводилась речь Орлова. Представитель ЦК ни слова не говорил о «троцкистах», а больше подчеркивал правую опасность. «Контрреволюционный троцкизм разгромлен и физически и идейно, надо доконать его правых соперников», — такова была вкратце его речь.

После такой противоречивой информации Орлова и представителя ЦК мы, собственно, и не поняли, кто же эти арестованные — «левые или правые»? Представителю ЦК, конечно, виднее, но и Орлов как секретарь парторганизации ИКП подчинялся прямо ЦК и получал директивы оттуда. Собрание сразу приняло бурный характер. Посыпались многочисленные вопросы, то к Орлову, то к представителю ЦК: «Кто же, в конце концов, арестованные — контрреволюционеры или просто уклонисты, «левые» или «правые»?; В какой связи аресты находятся с «портретом Сталина»?; Где и когда слыхано, чтобы заслуженные большевики загонялись в подвалы большевистского ГПУ даже без предварительного обсуждения вопроса об их партийности?; Знают ли в ЦК, что почти все арестованные были активными участниками революции и гражданской войны?; Все арестованные — заслуженные коммунисты, павшие жертвой заговора группы Орлова. Где тогда гарантия, что мы все, сидящие в этом зале, не будем арестованы завтра по доносу Орлова, если эти аресты будут санкционированы, или же, наоборот, где гарантия, что мы не будем арестованы сегодня по доносу того же Орлова, если мы этих арестов не одобрим?»

Последний вопрос задал Сорокин. Он, в сущности, и взорвал Орлова. Нахмурив брови, уставив свои большие серые глаза прямо в Сорокина, он хриплым голосом кабачного пьяницы проговорил: «Товарищ Сорокин, ваше лукавое мудрствование не свидетельствует о вашем мужестве. Если вы солидарны с арестованными бандитами, то заявите это со свойственной большевикам прямоотой, а для демагогии и провокации нет места на партийном собрании!»

Сорокин спокойно поднялся с места, подошел к трибуне и, не спросив у председателя слова, обратился к собранию: «Если когда-либо в этих стенах побывал бандит, провокатор и трус — это сам Орлов. Собранию, может быть, это неизвестно, но спровоцированный Орловым на объяснение, я должен быть откровенным: в те тяжелые годы революции, когда я по заданию ЦК работал в подполье у Деникина, Орлов был адъютантом у генерала Эрдели и продавал мне тайны своего шефа, правда, только за наличные деньги. Вот документы». Сорокин швырнул прямо в лицо представителя ЦК кипу полинявших от времени документов — расписок, донесений, газетных вырезок.

В зале произошло бурное движение, сопровождаемое громкими выкриками за и против Орлова. Представитель ЦК призвал собрание к порядку. Сорокин продолжал речь о карьере Орлова у белых. «Мое кратковременное пребывание у белых в ЦК известно», — отпарировал Орлов. «Но, к сожалению, в ЦК все еще неизвестно, — продолжал Сорокин повышенным нервным голосом, — что вы остались верным своей старой профессии доносчика, провокатора, карьериста... Не партия, не ЦК и даже не ГПУ, а вы, Орлов, посадили ваших врагов в подвал... К несчастью, вы не один, вас набралась целая армия профессиональных Малиновских». Зал слушал с затаненным вниманием слова Сорокина. Для большинства речь эта была откровением.

Не дав Сорокину докончить, представитель ЦК попросил слово для экстренного заявления. Сорокин покинул трибуну. Собрание насторожилось: «Не потому партия расправилась с Троцким, Зиновьевым и Каменевым, что они были менее заслуженными, чем товарищ Сорокин, а потому, что, пользуясь своими прошлыми

заслугами, они наносили вред сегодняшней генеральной линии партии. Недаром наш народ говорит — за прошлое спасибо, а вот за сегодняшнее отвечай! Советская власть не есть торговая фирма «Троцкий и К⁰», а государственная система диктатуры пролетариата. Мозгом этой диктатуры является ленинский ЦК, кто против ЦК, тот против партии, тот против пролетариата, потому что наша партия есть авангард пролетариата. Поэтому пусть т. Сорокин, заслуги которого в прошлом мы все признаем, не забывает, что теперь партия мерит людей другим масштабом!» «Да здравствуют белогвардейские большевики!» — раздался в зале лозунг.

«Подождите, — продолжал представитель ЦК, — и об этом я скажу. Да, мы знаем, что в рядах нашей партии есть меньшевики, эсеры и даже лица, случайно оказавшиеся у белых. Многие из них на практике доказали и доказывают, что все их прошлое было ошибочным и случайным. Но прошлые ошибки и заблуждения прощаются, когда они демонстрируют сейчас беспредельную преданность ленинскому ЦК. Поэтому говорить о «белогвардейских» или «меньшевистских» большевиках — значит выступать против партии. Таких вступлений партия не потерпит так же, как она не потерпит желания правых свернуть ее с ленинского пути, и тут не будут приняты во внимание никакие заслуги в прошлом. С бандитом, который взвел курок своего оружия и целится прямо в ваше сердце, нельзя вступать в переговоры, надо предупреждать его выстрел. Партия предупредила выстрел троцкистов, предупредит и выстрел правых. Вот почему партия, а не Орлов, изъяла и контрреволюционеров в ИКП. Да, как будто есть нарушение устава партии, что мы не даем вам обсудить вопрос об исключении из партии арестованных до их ареста. Но тут надо заметить, что, во-первых, устав партии не есть статус какого-нибудь рыцарского ордена, а инструмент воли партии, во-вторых, почему же это враги в партии должны пользоваться преимуществом предупреждения о предстоящих репрессиях перед врагами вне партии. В ЦК сидят не рыцари ложного понятия чести, а революционеры дела... ЦК как высший исполнительный орган партии вправе сам исключать любого члена партии. Он и исключил арестованных лиц, заочно, еще до их ареста».

Представитель ЦК предложил собранию подтвердить «единственно правильное решение ЦК». Вопрос был поставлен на голосование без дальнейших прений в такой формулировке: «Кто за решение ЦК об исключении из партии врагов партии и народа...?» За эту формулировку голосовало слабое большинство, против, кажется, никто не голосовал. Около трех десятков воздержалось. Некоторые просто не участвовали в голосовании. От воздержавшихся потребовали мотивировки. «Я лично воздержался не потому, — сказал Сорокин, — что я выступаю против ЦК, а потому, что ЦК не соблюдает порядка очереди — сначала надо посадить в ГПУ Орловых, потом скрытых троцкистов, а там поговорим о мнимых или действительных «правых». «Кого же ты имеешь в виду под «скрытыми троцкистами»? — подал кто-то реплику из президиума. «Ты их знаешь лучше меня», — ответил Сорокин и сел.

Это вызвало явный гнев президиума. Намек на «скрытых троцкистов» больно задел верноподанных сталинцев. В широких кругах партии с нескрываемой тревогой следили за тем, как самые радикальные требования Троцкого в отношении внутренней политики (крестьянство, нэп, индустриализация) становились программой действия антитроцкистского ЦК. Некоторые договаривались даже до того, что серьезно дискутировали вопрос о «добровольном уходе» Троцкого из Политбюро и о принятии Сталиным троцкистского плана ликвидации нэпа. Троцкий слишком хорошо знал честолюбие Сталина, чтобы успешно играть на этой его слабости. Жертвуя личной амбицией, Троцкий решил выиграть идею. Если же он не уступит сейчас, жажда власти Сталина пересилит всякую идею, и тогда погибнет Сталин, погибнет Троцкий и погибнет вся революция. Но так как на путях к власти у Сталина нет никакой другой программы и другого выхода, кроме как принятия платформы Троцкого, то надо облегчить Сталину его задачу в конечных интересах революции. Однако Троцкий имел не только развернутую платформу «сверхиндустриализации» и «перманентной революции», которые хорошо известны Сталину и ему по душе, но Троцкий разработал до тончайших деталей и методы претворения

ее в жизнь. Платформа лежит на столе в Политбюро, а методы — в мозговом сейфе Троцкого.

Этот сейф Троцкий откроет только на второй день после провала Сталина с троцкистской платформой, когда партия уберет Сталина и торжественно пригласит Троцкого на престол. Практика «экстраординарных мер» в хлебозаготовительных кампаниях 1927 и 1928 годов свидетельствует как раз о том, что Сталин уже поссорил партию с крестьянством, а когда он приступит к осуществлению первой пятилетки, он поссорит ее и с рабочим классом. Сталин стремительно мчится к катастрофе, а Троцкий уверенно отсиживает свои последние дни в Алма-Ате. Во всей этой иллюзии была одна правда — Сталин воспринял, с некоторой внешней отделкой, платформу Троцкого, но с тем, чтобы ею же похоронить Троцкого и идейно. Но как велика сила иллюзии! Оказывается, и более серьезные люди бывают в плену у последней. Вот что об этом рассказывал впоследствии сам Троцкий:¹² «Таймс» напечатал позже сообщение о том, что я выехал в Константинополь по соглашению со Сталиным, чтобы подготовить здесь военный захват стран Ближнего Востока. Шестилетняя борьба между мною и эпигонами изображалась как простая комедия с заранее распределенными ролями. «Кто поверит этому?» — спросит иной оптимист — и ошибется».

Собственно говоря, вся разница между Сталиным и Троцким была не в программных вопросах, а в тактике. Если бы Ленин жил, отпала бы и эта разница. Когда надо было делать резкий, иной раз совершенно неожиданный поворот в политике, Ленин, будучи во главе партии, а потом и государства, сам становился в оппозицию ко всей своей вчерашней политике. «Либо мы изменим политику и тактику, либо мы все погибнем как партия», — заявлял он на поворотных этапах русской революции и советской власти. Так было в 1906—1907 годах, так было после Февральской революции (апрель 1917 г.), так было и в 1921 году (нэп). Вот эту величайшую тактическую гибкость — «ленинскую диалектику» — Сталин усвоил твердо, Троцкий же ее не понял и до конца дней своих. Когда же Сталину пришлось вступить в войну с «правыми» и поэтому, по логике вещей, черпать свою идейную пищу из троцкистского котла, он не дал себя запугать шумом «правых» о «троцкизме».

Сталин хорошо понимал, что править страной с 170-миллионным преимущественно крестьянско-демократическим населением ему не удастся, если он экономически не задавит эту крестьянскую демократию. Задавив ее экономически, он легко мог править ею и политически. Поэтому Сталин так же смело шел на ликвидацию нэпа, как смело ввел его пять лет тому назад Ленин. Нэп был большим элементом свободы, которую вынудили у Ленина крестьяне, вынудили потому, что Ленин был слаб, но Ленин мог править страной и при наличии нэпа, поскольку опирался на большинство в партии. Сталин же, взятый с самого начала и Лениным («политическое завещание»), и партией (троцкисты, «правые», «национал-уклонисты») под сомнение как лидер, не мог укрепиться у власти, допуская в партии ленинскую «внутрипартийную демократию», а в стране — крестьянские вольности.

Теперь, после того как устранены троцкисты при явном сочувствии крестьянства и поддержке крестьянской членской массы в партии, надо было идейно убить «правых», чтобы покончить заодно и с нэпом и с «внутрипартийной демократией». Другого пути к личной диктатуре не было. Здесь Сталин вписал новую главу в историю политической тактики Ленина. Задача была тяжелой, опасность была велика, врагов было много, но головой своей Сталин и в этом случае не рисковал — он слишком хорошо знал своих врагов, чтобы не бояться их.

Победят враги («правые»), Сталин покается и этим дело кончится или, в худшем случае, его уберут из Москвы и поставят во главе какого-нибудь кооперативного союза в Грузии. Победит он сам — он похоронит и «правых» и «левых», чтобы лично управлять страной. На этом тернистом и кровавом пути к власти Сталин оказался и виртуозным тактиком ленинской школы, и величайшим комбинатором партийной стратегии, а сталинские ученики показывали себя везде достойными своего учителя.

Так случилось и в стенах ИКП. Когда Сорокин хотел отделаться фразой, что

«тебе известны скрытые троцкисты лучше, чем мне», один из членов президиума, высокий человек с рыжей шевелюрой, серыми, как у Орлова, глазами, звонким басом заявил: «Товарищ Сорокин, или ты докажешь, что мне известны «скрытые троцкисты» в партии (реплика, оказывается, исходила от него), или ты ответишь за клевету. Сорокин должен помнить, — продолжал он, — что кто берет под сомнение линию ленинского ЦК, тем только одна дорога — в лагерь контрреволюции. В этом случае партия будет разговаривать с ними на языке чекистов. Так поступила партия с ныне арестованными, так поступит и со всеми, кто выступит против нее. Пусть Сорокин не утешает себя мыслью, что он имеет единомышленников, напрасные надежды. Либо с партией, либо против партии! Середины нет! «Правых» ожидает участь «левых», если они не поймут этой истины. Ставка «правых» на ИКП как на свой штаб на идеологическом фронте бита, а теперь надо сорвать маску и с их ставленников в нашей среде. Предлагаю поставить на обсуждение вопрос об антипартийном поведении товарища Сорокина». Он закончил свою речь при громких протестах собрания и аплодисментах меньшинства. Это был секретарь партийной ячейки отделения философии и естествознания П. Ф. Юдин (ныне член ЦК).

Председатель долго не мог успокоить собрание. Каждый требовал слова. Группами подбегали к столу президиума, кто-то даже явочным порядком занял ораторскую трибуну, тщетно пытаясь начать речь, но собрание неистовствовало. Большинство встало и образовалось несколько не столько спорящих, сколько кричащих групп. Некоторые заставили себя если не слушать, то слышать: «Это зажим критики!; Осадное положение в ИКП!; Демагогия Юдина!; Убрать Орлова из президиума!; Сорокин — заговорщик!» Наконец председатель выкрикнул в бушующий зал: «Объявляю перерыв до завтра.»

Отложенное на завтра собрание возобновилось только через три дня. Тем временем все члены бюро общеинститутской ячейки и секретари ячеек всех отделений вызывались в ЦК. В числе вызванных были из слушателей, кроме Орлова, Юдина, Щербакова, Сорокина, и бывшие слушатели, впоследствии профессора Стэн, Митин, Ванга, Карев, Луппол, Троицкий и ректор Покровский. Их принял Каганович в присутствии Криницкого, Стецкого и Б. Таля. Сорокин рассказывал, что на столе у Кагановича уже лежал стенографический отчет общего собрания ячейки ИКП. Отчет этот он, видимо, предварительно проштудировал. Многие места, испещренные красным карандашом, были отмечены многочисленными знаками на полях. Каганович, бывший обычно всегда в хорошем расположении духа, в связи с данным случаем напустил на себя притворное неудовольствие, желчность и важность человека, знающего себе вес. Он перелистывал отчет, то делая удивленное лицо, словно он читал его впервые, то насупив брови, нагонял морщины на лоб, когда хотел постичь сокровенный смысл читаемого.

Это продолжалось около четверти часа при гробовом молчании присутствующих. Все продолжали стоять, кроме Покровского. Закончив чтение, Каганович исподлобья окинул стоящих сухим взглядом и пригласил занять места вокруг длинного стола, поставленного перпендикулярно к его рабочему столу. Беседа продолжалась около часа. Ее содержание доложил нам заместитель заведующего Агитпропом Стецкий. ЦК решил отозвать Орлова досрочно из ИКП в распоряжение ЦК (потом он был назначен инструктором Орготдела ЦК). Партийной ячейке ИКП был «рекомендован» новый состав бюро в лице Юдина, Митина, Щербакова, Петрова, Константинова, Сорокина, Покровского и др. Секретарем ячейки ЦК предложил Юдина. Кто же победил? Это оставалось тайной, пока не разыгрались новые события. Они не заставили себя долго ждать.

VI. «Теоретическая бригада» ЦК

Снятие Орлова истолковывалось как несомненная победа Сорокина, но тогда не было понятно назначение секретарем ячейки Юдина. Совсем было непонятно и введение Сорокина в состав бюро. Все знали, что эти два человека не только враждебны друг другу, но прямые антиподы и по характеру. Юдин — начетчик, «тал-

мудист», «приспособленец» и карьерист. Примитивность его теоретических суждений и посредственность исследовательских способностей сказывались только на учебных семинарах, а в партийной жизни Института у него было мало конкурентов. Люди типа Юдина обладали одним качеством, при правильном применении которого можно было делать головокружительную карьеру: даром правильной интерпретации уже принятых и способность предвидения будущих решений ЦК. Предвосхищать партийную погоду при Ленине не было особенно трудной задачей, а следить за нею, да еще выводить безошибочно прогнозы при колебаниях сталинского барометра было делом чрезвычайно сложным. Надо было чувствовать себя и идейно и физически незримой частичкой самого Сталина, чтобы быть в контакте с работой его мозга. «Я не Ленин, но в Ленине и я», — писал поэт Безыменский в «Партбилете». Юдины могли сказать о себе то же — «Мы не Сталины, но в Сталине мы!» Поэтому юдины и давали тон на партийных собраниях, а оппортунисты из партийных профессоров ставили им высшие академические отметки на том только основании, что они — будущие «звезды партии».

Сорокины шли в теории так же, как и в гражданской войне, напролом, в лобовую атаку, мало считаясь с условиями местности и «метеорологическими сводками» партийной погоды, и неизбежно спотыкались. Я помню два ярких примера на этот счет. Первый: на семинаре по истории революционного движения в России XIX и XX вв. обсуждался проспект «Истории ВКП(б)» Ем. Ярославского, Минца и Кина. Чтобы ярче подчеркнуть значение «Апрельских тезисов» Ленина и продемонстрировать «разброд и шатание» в партии по вопросам об отношении к Временному правительству Львова — Керенского, авторы проспекта доказывали, что до приезда Ленина из-за границы российские большевики — бывшие думские депутаты, русское бюро ЦК, Петроградский Комитет партии большевиков, газета «Правда» — стояли на полуоппортунистической соглашательской точке зрения. Все эти высшие органы партии держались лозунга — «Мы будем поддерживать Временное правительство «постольку-поскольку», то есть поскольку Временное правительство будет осуществлять волю народа, постольку большевики и будут его поддерживать».

В проспекте было указано, что «даже Сталин не имел ясной точки зрения по этому вопросу». Только «тезисы» Ленина поставили точку над «и»: «Никакой поддержки Временному правительству». Часть слушателей и профессоров типа Юдина категорически запротестовала против утверждения «даже Сталин». Аргументация протестовавших была такой: прошлую историю мы пишем для настоящего времени, а в настоящее время Сталин — преемник Ленина по руководству партией. «Даже Сталин» набрасывает тень на Сталина: надо выбросить эту часть «проспекта». Контраргументация Ярославского — Минца: история есть наука, наука же должна быть объективной. К тому же, нет ничего удивительного в том, что гений Ленина видел дальше и лучше рядовых руководителей партии. Решение — принять проспект в целом. Юдины замолчали, ЦК остался «нейтральным», но то, что предвидели юдины, произошло через несколько лет: в 1931 году в письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» Сталин забраковал «Историю ВКП(б)» под редакцией Ем. Ярославского за «принципиальные и исторические ошибки». Ярославские и минцы каялись, а юдины торжествовали.

Второй пример. В 1928 году бывший слушатель ИКП и преподаватель философии в Академии коммунистического воспитания им. Н. Крупской М. Б. Митин представил на обсуждение кафедры новейшей философии ИКП трактат под необычным тогда названием: «Ленин и Сталин как продолжатели философского учения Маркса и Энгельса». Руководитель кафедры А. Деборин, профессор Луппол и профессор Карев забраковали работу и даже высмеяли Митина, отважившегося называть Ленина и Сталина «философами»: единственная работа Ленина по философии — «Материализм и эмпириокритицизм» — не философский трактат, а популярные критические заметки, а Сталин вообще ничего не написал на философские темы. Другого мнения оказался секретарь ячейки философского отделения слушатель Юдин — он решительно восстал против своих профессоров и довел дело до ЦК. Из ЦК последовал довольно загадочный ответ: «Сообщите Юдину и Мити-

ну, что тема весьма интересная, но не актуальная». Но через три года она стала актуальной — начали появляться главы из этой работы на страницах «Правды», «Под знаменем марксизма» и «Большевика» за подписями Митина, Юдина и Ральцевича. Но мы несколько забегаем вперед.

Как бы там ни было, Сорокин был введен в состав бюро общепартийной ячейки и должен был работать вместе с Юдиным. Я не знаю, догадывались ли в ЦК, что в своем критическом отношении к нынешнему официальному курсу партии Сорокин начинал переходить границы и связывался на этой почве со многими из «правых» в МК и ЦК. Я не сомневаюсь, однако, что Юдин свои обвинения против Сорокина повторил и в ЦК, и тем не менее Сорокин был рекомендован в состав партийного руководства института. Даже больше, нам стало известно, что в ЦК нотацию читали как раз Юдину и Орлову за «перегиб», а не Сорокину. Это сказывалось и в отношениях Юдина к Сорокину — если в Сорокине нельзя было заметить каких-либо внешних перемен, то Юдин стал весьма предупредительным и корректным. Он бегал за Сорокиным, угрожал ему, советовался с ним, а слушатели, наблюдая эту невероятную метаморфозу у Юдина, говорили: «Юдин пал жертвой второго закона диалектики Гегеля — количество «взорвалось» в качество и он влюбился в Сорокина!»

Поскольку же Сорокин не отвечал особенной «взаимностью», мы, знающие и Сорокина и Юдина, предвидели новые «взрывы», но пока все шло нормально. Через какой-нибудь месяц мы вновь были поставлены перед загадкой — исчезло новое бюро ячейки, будто в воду кануло. Выясняется, что отсутствуют и некоторые из преподавателей. По институту пошли разные слухи и толки. Покровский не давал никаких справок, а жены отсутствующих сами справлялись у нас — не знаем ли мы, куда «командированы» их мужья. Слухи нарастали: «К Бородину послали, в Китай, для работы в штабе Чжу Дэ...»; «Коминтерн откомандировал на Запад...»; «ОГПУ арестовал...» Паникеры нервничали: если так пойдут дела и дальше, то на воле останется только Дедодуб!

Наконец Покровский решил успокоить людей: члены бюро и некоторые преподаватели находятся в отпуску. Разгар учебного года, а целое бюро в отпуску — этому, конечно, никто не поверил. Я за Сорокина особенно не беспокоился, зная, что в такой компании он в ГПУ, по крайней мере, не попал. Я догадывался, что отъезд Сорокина был внезапным, иначе он бы мне сказал, в чем дело, но почему от него нет писем? Я навестил Зинаиду Николаевну. Когда я ей сообщил об отсутствии Сорокина, она побледнела и недоуменно спросила: «Вы думаете, что он арестован?» Я ей ответил, что хотя в Институте и были подобные слухи, но я им не верю, так как отсутствует не один Сорокин, а весь новый состав бюро. Зинаида Николаевна заметно успокоилась, но все же позвонила Резникову и передала ему новость. Резников, по-видимому, был в курсе дела и сообщил причину отсутствия Сорокина. Зинаида Николаевна только повторяла в ответ одно и то же слово: «Бесподобно!» Разговор кончился, и я видел, что она совершенно успокоилась: «Резников говорит, что наш друг находится вне Москвы и занят важным делом. Приедет и расскажет сам...» Я не стал допытываться, в чем дело, и уехал.

Через полтора месяца — это было в конце октября 1928 года — почти все члены бюро вернулись. Вернулся и Сорокин. Мне бросились в глаза резкие перемены в нем. Он стал задумчивым, похудел, на лице исчез природный румянец сибиряка, щеки впали и, казалось, что он даже немножко осунулся. Я не замедлил передать ему это свое впечатление. «Натуги перед прыжком», — ответил он многозначительно и быстро перешел на тему об институтских делах. Услышав от меня, что некоторые предполагали, что они арестованы, Сорокин расхохотался: «Юдин и Митин арестованы!? Нет уж, лучше увольте ГПУ!» О своих делах Сорокин не говорил ни слова. Я не стал допытываться, будучи убежден, что он сам расскажет. Так и случилось.

Вечером он пригласил меня к себе, а от него мы вместе поехали к Зинаиде Николаевне. Она, видимо, уже ожидала гостей. Мы приехали первыми. Скоро прибыли один за другим Резников и «Генерал». Зинаида Николаевна подала чай, но «Генерал» потребовал водки, а ее не оказалось. Я вызвался пойти за водкой. Когда

я вернулся, беседа была уже в разгаре. Из дальнейшего рассказа я понял, что Сорокин отсутствовал «по мобилизации» ЦК. Случилось это так. Вскоре после назначения нового бюро ЦК вызвал группу слушателей старших курсов (почти весь состав нового бюро) и некоторых преподавателей. С вызванными, с каждым лично, имел беседу заведующий отделом печати ЦК И. Варейкис. Под строжайшим секретом он сообщил им причину их вызова: ЦК решил (на самом деле такого решения ЦК вынесено не было, а было указание Молотова, исходящее, несомненно, от Сталина) создать «теоретическую бригаду» для пересмотра и критического анализа всех статей, речей и книг, написанных Н. И. Бухариным до и после революции. В Секретариате ЦК была разработана и подробная тематика предстоящей работы. Каждый из участников «бригады» был обязан взять на себя одну из предложенных тем. Темы были самые различные. Некоторые работы, названные Сорокиным, помню, вышли потом в виде отдельных брошюр: «Философские основы правого оппортунизма», «Кулачество и правый уклон», «Правые реставраторы капитализма», «Классовая борьба и теория равновесия», «Социал-демократия и правый оппортунизм», «Коминтерн и правый уклон» и т. д.

Н. Бухарин был членом Политбюро, а о той борьбе, которая происходила внутри Политбюро между группами Бухарина и Сталина, в партии ничего не было известно. Как я уже упоминал, еще в сентябре 1928 года Сталин категорически отрицал наличие «правых» и даже «примиренцев» в Политбюро. Оказывается, «правые» там были, но не будучи подготовленным теоретически (разоблачения) и организационно (репрессии) для немедленной расправы с ними Сталин не давал этому факту огласки и исподволь готовился к предстоящей схватке. Поскольку Бухарин считался официальным и главным теоретиком партии, надо было первым удар нанести с этой теоретической стороны.

ИКП в целом находился под сильнейшим влиянием «школы Бухарина», но были отдельные профессора и старшие слушатели, которые могли быть полезными ЦК в борьбе с Бухариным. Ни талантом, ни тем более научной подготовкой эти недоучившиеся «красные профессора» не отличались, но этот недостаток легко восполнялся их претенциозным «всезнайством», а главное — приказом ЦК. «Требуется доказать, заявил мне Варейкис, — рассказывал Сорокин, — одну простую аксиому: Бухарин — теоретически ничто, а политически — дрянь!» Видимо, этот же тезис он повторил и другим профессорам. Через неделю все вызванные, в том числе и Сорокин, исчезли из ИКП для выполнения этого «специального задания ЦК».

Под страхом исключения из партии члены бюро были предупреждены, чтобы они не разглашали ни характера своей работы, ни места нахождения «бригады». «Бригада» была откомандирована в Ленинград и работала под непосредственным руководством С. Кирова и Б. Позерна. Из членов Политбюро о работе бригады знали, кроме Сталина и Кирова, только Молотов и Каганович. Через полтора месяца работа в основном была закончена, и Сталину доложили результаты — до десяти больших статей на вышеназванные темы и полный список «сочинений Бухарина» с подробным предметным указателем: когда, где и что писал или говорил Бухарин по тому или иному вопросу. В связи с этим был разработан специальный «указатель» и к произведениям Маркса, Энгельса и Ленина, чтобы легко было сравнивать марксо-ленинские высказывания с утверждениями Бухарина. Весь этот материал был предназначен пока что не для печати, а лично для Сталина. Члены «бригады» обязывались уже индивидуально продолжать свою работу для издания отдельных брошюр в будущем, но опять-таки соблюдая необходимые предосторожности.

Еще до своего отъезда Сорокин сообщил Резникову, а через него и Бухарину, какую ему Сталин готовит «бомбу» на очередном пленуме ЦК. Бухарин не придавал особого значения этому факту, кажется, даже взял его под сомнение. Он не допускал, чтобы Сталин мог заниматься сведением с ним теоретических счетов, когда разногласия внутри ЦК идут по линии политики, а не теории.

Резонные и весьма обоснованные предупреждения Резникова, как и Угланова, кандидата в члены Политбюро, что Бухарина будут бить как раз за «теорию»,

чтобы развенчать его славу как одного из руководителей партии, а потому надо готовиться к контрудару именно в области «теории», не возымели на Бухарина никакого действия. После подробной информации Сорокина Резников решил устроить Сорокину свидание с Углановым, который не только был единомышленником, но и личным другом Бухарина. Свидание это состоялось на квартире Д. Марецкого, члена редакционной коллегии журнала «Большевик» и ученика Бухарина. Угланов на свидание не явился, но зато явился сам Бухарин. Сорокин подробно доложил Бухарину о работе «теоретической бригады» в Ленинграде. Бухарина заинтересовала, собственно, только роль Кагановича и Кирова в этом деле. Сорокин рассказал и об этом.

«Можете ли вы письменно изложить мне то, что вы рассказали?» — спросил Бухарин. Сорокин вручил Бухарину уже готовое письмо, предупредив его, что он подписал это письмо, по совету Резникова, псевдонимом, чтобы избежать возможных неприятностей. Бухарин выразил явное неудовольствие советом Резникова, но требовать подписи не стал. Однако Резников оказался прав: через несколько месяцев письмо Сорокина лежало в делах Кагановича.

VII. Партия в партии

Будущий историк большевистской партии, добросовестно изучив все этапы ее истории, идейные раздоры, организационные «размежевания», отколы и расколы, объединения и разъединения, наконец, динамизм большевиков в Октябре, триумф в гражданской войне и пафос нэпа, недоуменно остановится у порога ее радикального нового этапа — 1924 года. И чем дальше, тем больше будет нарастать это недоумение. Добравшись до джунглей конца двадцатых и начала тридцатых годов, он вообще разведет руками: ведущие актеры великой драмы начинают заикаться, немые статисты, напротив, приобретают дар слова, а закулисная толпа театрального люмпен-пролетариата грубо и напористо заливаает сцену... «Умер режиссер русской революции — да здравствует режиссер!» — кричит люмпен-пролетариат. Он, жадный до власти и неразборчивый в средствах, и ведет своего кумира к пустыющей после Ленина режиссерской будке революции. Ведущие актеры один за другим сходят со сцены, статисты вступают в главные роли, люмпен-пролетариат получает «хлеб и зрелища», а режиссер властной рукой и железной волей переворачивает новую страницу кровавой драмы. Почему это ему удастся?

Вот кардинальный вопрос, на который обязан ответить будущий историк. Тщетно он будет искать ответа в генеалогии большевизма, психологии большевиков, в мессианстве «русской души», в темпераменте грузинского характера. Напрасны будут его поиски в пыльных архивах революции, в партийных резолюциях и даже протоколах Политбюро. Сами социальные условия того времени мало что смогут объяснить ему. Гениальность Сталина в интеллектуальном отношении он возьмет под сомнение. Граммофонные пластинки с речами Сталина и тринадцать томов его сочинений вообще разоружат будущего историка: он убедится, что Сталин — тошнотворный оратор и кустарный теоретик.

Тогда как же этот посредственный человек смог стать грозным владыкой великого государства и ярким символом целой эпохи?

Одного ответа на этот вопрос нет. Надо знать всего Сталина и всех его врагов. Одно несомненно: Сталин — великий психолог люмпен-пролетариата и гениальный макиавеллианец в политике. Февраль дал власть народу, Октябрь — плебсу, а Сталин — люмпен-пролетариату. Октябрь национализировал богатых, но не обогатил бедных. «Военный коммунизм» допролетаризировал город и пролетаризировал деревню. Нэп повернулся лицом к сильному, ничего не дав плебсу — «лицом к деревне», «учиться торговать», «обогащайтесь!». Плебс опустился ступенью ниже — он стал люмпен-пролетариатом и занял очередь у «биржи труда» не с тем, чтобы идти на работу, а просто угрожать: «За что мы боролись, за что кровь проливали? Ленина повесить, Троцкого — к стенке!»¹³

В верхах партии тоже происходили глухое брожение и дифференциация. Одни

тянули «влево», другие «вправо», третьи качались «без руля и без ветрил» между теми и другими. Вакантное место Ленина продолжало пустовать, но оно, как и природа, не терпело пустоты. Лозунг Троцкого «возместим потерю Ленина коллективной волей и коллективным разумом ленинского ЦК» — оказался пустословием. Междоусобица продолжалась только до тех пор, пока Сталин не овладел массой люмпен-пролетариата и техникой великого флорентийца. Уничтожив «левых» руками «правых», «правых» — руками «кающихся», «кающихся» — заговором люмпен-пролетариата от Ежова до Маленкова, Сталин превзошел Ленина. Удалось это ему потому, что он сумел создать в партии партию. Эта «внутрипартийная партия» вербовалась из профессиональных политических дельцов, которые должны были обладать всеми человеческими качествами, кроме одного: морального тормоза. Если сама идея была подсказана Лениным («ядро профессиональных революционеров» — «Что делать?»), то техника и устав ее были разработаны Сталиным не в период его прихода к власти, а задолго до этого.

В связи с этим я невольно припоминаю рассказ одного старого грузинского социал-демократа, который вместе с Джугашвили учился в семинарии, вместе с ним сидел в царской тюрьме в Кутаисе, а через 35 лет доживал свои последние дни в сталинской тюрьме. Он рассказывал: «Однажды преподаватель древней истории задал нам тему для письменной работы. Тема называлась «Причина гибели Цезаря». Джугашвили написал самое оригинальное сочинение. Отвечая на прямо поставленный вопрос о причинах падения Цезаря, он добросовестно изложил школьную концепцию и добавил от себя — действительная же причина заключалась в том, что у Цезаря отсутствовал аппарат личной власти, который контролировал бы аппарат государственной (сенатской) власти.

В приложенной к сочинению схеме организации власти Цезаря, сената и провинциальных наместников Джугашвили выводил «белые места», охваченные красными клещами. «Белые места» — уязвимые точки для нанесения ударов цезаризму, а «красные клещи» — оборонительные меры для их предупреждения. В комментариях к схеме Джугашвили утверждал, что провинциальные наместники были слишком самовластны, чтобы они могли чувствовать над собой не столько власть сената, сколько дамоклов меч Цезаря. Борьба с сенатской знатью окончилась помилованием врагов и сохранением коллективного символа власти — сената, что делало иллюзорными права «вечного диктатора». Кроме всего этого, Цезарь искал друзей, чтобы разделить с ними власть, а не исполнителей, которые обязаны повиноваться. Поэтому он и погиб от рук друзей (Кассий и Брут), не огражденный железными клещами верноподданных исполнителей.

Преподаватель спросил своего ученика: «Не похожа ли ваша схема на абсолютную монархию?» Ученик ответил: «Нет, личная власть монарха опирается на аппарат государственной власти, а по моей схеме и сам аппарат государственной власти держится аппаратом личной власти».

Впоследствии Сталин такие и подобные им суждения о «диктатуре пролетариата» называл суждениями «еще окончательно не оформившегося марксиста» (сравните предисловие к первому тому «Сочинений И. В. Сталина»). Но мне всегда казалось и сейчас кажется, что в этих семинарских сочинениях Джугашвили — весь будущий Сталин. Если бы у нас не было никаких других доказательств на этот счет, то одни уже воспоминания Троцкого «Моя жизнь» не оставляют ни малейшего сомнения, что начиная с апреля 1922 года, то есть со дня своего назначения генеральным секретарем ЦК, Сталин методически и настойчиво работает над осуществлением своей семинарской схемы. Прежде всего Сталин воссоздал снизу доверху весь партийный аппарат и поставил его над партией. Первым человеком, который разгадал тайну этого «нового курса» Сталина еще при жизни Ленина, был Троцкий. В письме ЦК, в октябре 1923 года, Троцкий открыто обвинил аппаратное руководство ЦК в «групповой политике». Это же обвинение было выдвинуто и в «Заявлении 46». Групповую политику Сталина Троцкий видел в том, что «партийный аппарат, несмотря на идейный рост партии, продолжает упорно думать и решать за всех», но «партия должна подчинить себе свой аппарат»¹⁴. Однако ни эти предупреждения Троцкого, ни «Заявление 46», ни глухое требование больного Ленина «быть

осторожным на поворотах» не могли удержать Сталина от уже взятого курса.

Троцкий свидетельствует:¹⁵ «Ленин вызвал меня к себе, в Кремль, говорил об ужасающем росте бюрократизма у нас в советском аппарате и о необходимости найти рычаг, чтобы как следует подойти к этому вопросу. Он предлагал создать специальную комиссию при ЦК и пригласил меня к активному участию в работе. Я ему ответил: Владимир Ильич, по убеждению моему, сейчас в борьбе с бюрократизмом советского аппарата нельзя забывать, что и на местах и в центре создается особый подбор чиновников и спецов, партийных и беспартийных, вокруг известных партийных руководящих групп и лиц, в губернии, в районе, в центре, то есть в ЦК. Нажимая на чиновника, натыкаешься на партийца, в свите которого спец состоит, и, при нынешнем положении, я на себя такой работы не мог бы взять». Ленин согласился с этой оценкой Троцкого и предложил ему блок Ленин — Троцкий против Сталина¹⁶. Это уже показывает, как далеко зашел Сталин, а главное — какой силой стал его аппарат еще до смерти Ленина!

Идеальной налаженной взаимная работа главы ВЧК Ф. Дзержинского и главы Секретариата ЦК Сталина помогла Сталину и здесь. Когда обвинение Троцкого в установлении диктатуры партийного аппарата нельзя уже было игнорировать, Сталин предложил Политбюро создать «нейтральную партийную комиссию» под руководством Дзержинского для рассмотрения жалоб Троцкого и «46». Эта комиссия сделала все, чтобы обелить «аппарат Сталина» и дискредитировать Троцкого, но октябрьский пленум ЦК (1923 г.) постановил предложить Политбюро принять все меры к тому, чтобы обеспечить дружную работу.

«Я должен заявить, товарищи, за период после октября мы приняли все меры к тому, чтобы дружная работа с т. Троцким была налажена, хотя должен сказать, что дело это далеко не из легких. Мы имели два частных совещания с т. Троцким, перебрали все вопросы хозяйственного и партийного порядка, причем пришли к известным мнениям, не вызывавшим никаких сомнений. Продолжением этих частных совещаний и этих попыток наладить дружную работу внутри Политбюро было, о чем я уже докладывал вчера, создание подкомиссии из трех. Подкомиссия эта и выработала проект резолюции, ставшей впоследствии резолюцией ЦК и ЦКК о демократии. Так было дело. Нам казалось, что после того, как резолюция принята единогласно, нет больше оснований для споров, нет оснований для внутрипартийной борьбы. Да так оно и было на деле до нового выступления т. Троцкого на другой день после опубликования резолюции ЦК, проведенного независимо от ЦК и через голову ЦК, которое расстроило все дело, изменило положение радикальным образом»¹⁷ — так жаловался Сталин на Троцкого, признавая одновременно тот знаменательный факт, что «октябрьский пленум предложил», по существу, не Троцкому, а ему прекратить практику создания собственной партии в партии, хотя комиссия Дзержинского пришла на пленум со сталинскими тезисами «о клевете Троцкого» на «партаппарат и ленинские кадры партии». Выступление же Троцкого «через голову ЦК» было вызвано тем, что, положив в сейф ЦК решение пленума, Сталин как ни в чем не бывало продолжал свое дело по созданию и укреплению «диктатуры партаппарата».

Низовая партийная масса после этого обращения Троцкого, несмотря на терпор и давление этого уже почти окончательно сложившегося аппарата Сталина — Дзержинского, весьма резко реагировала на поведение Сталина. На собраниях «пролетарских ячеек Москвы», этих крепостей сталинизма, Сталин и Дзержинский, пользуясь именем Ленина, собрали против Троцкого только 9843 голоса. Обвинения Троцкого против Сталина поддержали 2223 человека, голосовавших за осуждение Сталина. Еще большее количество членов партии не участвовало в дискуссии, чтобы завтра же не оказаться если не в подвалах Дзержинского, то в очередях у «биржи труда» как безработные. Катастрофическое поражение Сталин потерпел в партийных организациях высших школ Москвы. Из 72 вузовских ячеек за ЦК высказались 32 (2790 чел.), за оппозицию — 40 ячеек (6594 чел.)¹⁸.

Еще хуже было дело у Сталина в провинции. Многие провинциальные организации решительно требовали смены «нового курса» Сталина. Если все еще не было единодушного бунта в партии против своего аппарата, то объяснялось это, глав-

ным образом, колоссальным личным авторитетом Ленина, из-за болезни лишенного возможности дать партии объяснение. Партия ждала его выздоровления. Сталин ждал его смерти. Но уже на XIII партийной конференции Сталин принял и профилактические меры по изменению состава столь непослушной партии — по его предложению конференция решила привлечь в партию новых 100 тысяч членов от рабочего станка, закрыв путь в партию мелкобуржуазным элементам. К «мелкобуржуазным элементам» относилась провинция (крестьяне) и вузы (студенты). Сталин приглашал пролетариев от станка и люмпен-пролетариат, чтобы вернее покончить с «саботажниками» создания партии в партии.

21 января 1924 года Ленин умер. В тот день экстренный пленум ЦК выпустил обращение, в котором говорилось: «Пусть злобствуют наши враги по поводу нашей потери. Несчастные и жалкие! Они не знают, что такое наша партия. Они надеются, что партия развалится. А партия пойдет железным шагом вперед! Потому, что она ленинская партия. Потому, что она воспитана и закалена в боях! Потому, что у нас есть в руках то завещание, которое оставил ей т. Ленин!»¹⁹. В этом «завещании», опубликованном после XX съезда КПСС, Ленин писал, что Сталин груб, капризен и нелоялен, и поэтому требовал снятия Сталина с поста «генсека» ЦК. Нет никакого сомнения, что если бы Ленин остался в живых хотя бы еще несколько месяцев, Сталин перестал бы существовать политически. В этом случае решение Ленина было бы окончательным и, как всегда, безапелляционным.

Сталин это знал лучше других и поэтому готовил Ленину «аппаратную» оппозицию против осуществления его воли. Имел бы Сталин успех? Сомнительно. И здесь встает вопрос, который Троцкий ставит в своем незаконченном (и тут Сталин его предупредил, вовремя подослав убийцу в Мексику) биографическом очерке «Сталин», а именно — не убил ли Ленина сам Сталин? Троцкий рассказывает, что после своего очередного визита к больному Ленину Сталин сообщил Политбюро, что Ленин требует от него яда, чтобы покончить с собой. Это сообщение Сталина было встречено с возмущением членами Политбюро. Сам Сталин не открыл своего отношения к этому требованию Ленина. Замечая, что Ленин хорошо знал, кто способен, да и заинтересован дать ему яд, Троцкий молчаливо допускает такую гипотезу, хотя и не настаивает на ней. Могло ли это случиться? Люди, знающие характер Сталина и сущность его системы, не могут отрицать такую возможность.

Н. К. Крупская еще в 1927 году произнесла общеизвестную в партии фразу: «Живи сегодня Ильич, Сталин посадил бы его в тюрьму!» А из сталинской тюрьмы, как известно, не вышел живым ни один ленинец. Почему же тогда не убить и самого Ленина? Возьмите полный список членов ленинского ЦК, избранного на VI съезде партии в августе 1917 года. Кто из них остался в живых?

1. Ленин — умер, 2. Каменев — расстрелян, 3. Троцкий — убит Сталиным, 4. Сталин, 5. Зиновьев — расстрелян, 6. Свердлов — умер, 7. Ногин — умер, 8. Рыков — расстрелян, 9. Бухарин — расстрелян, 10. Бубнов — расстрелян, 11. Урицкий — убит (террористом), 12. Милютин — расстрелян, 13. Коллонтай — умерла, 14. Артем (Сергеев) — умер, 15. Крестинский — расстрелян, 16. Дзержинский — умер, 17. Иоффе — покончил с собой из-за Сталина, 18. Муранов — умер, 19. Сокольников — расстрелян, 20. Смилга — расстрелян, 21. Шаумян — расстрелян (англичанами), 22. Берзин — расстрелян, 23. Стасова — арестована (потом освобождена), 24. Ломов — расстрелян.

Таким образом, из 24 членов ЦК, руководивших октябрьским переворотом большевиков, к концу всех чисток один Сталин остался в живых и на свободе, 7 умерло естественной смертью, 11 расстреляны Сталиным, 1 убит Сталиным, 1 арестован, 2 убиты врагами, 1 покончил жизнь самоубийством. Спрашивается, почему же Сталин должен был пощадить и самого Ленина, уничтожая начисто всю ленинскую гвардию?

Вернемся к теме. Я уже цитировал рассказ Троцкого, как прямо на глазах Ленина Сталин создавал свою собственную партию в партии. Смерть Ленина только ускорила этот процесс. Прежде всего ЦК решил в ответ на смерть Ленина призвать в партию «рабочих от станка» — так называемый «Ленинский призыв». Под этим лозунгом было торжественно принято в партию до 250 000 человек рабо-

чих с производства, сочувствующих новому сталинскому курсу в партии. Таким образом, партия выросла к маю 1924 года до 730 000 человек. Одновременно сталинцы приступили к чистке партии от ее членов, которые во время дискуссии 1923 года голосовали против Сталина за Троцкого.

В первую очередь эта чистка коснулась, разумеется, вузовских ячеек, в большинстве открыто ставших на сторону Троцкого (Сталин и ЦК обвиняли Троцкого, между прочим, и в том, что, выдвинув лозунг: «Молодежь — барометр партии», он только льстит молодежи и противопоставляет ее «старым кадрам»). После такой чистки к концу 1925 года в партии было только 640 000 человек. Около 100 тысяч студентов, профессоров и работников вузов, членов партии, Сталин, по уже упомянутому «плану Маленкова», исключил из партии за недоверие к себе²⁰. Исключенных из партии немедленно выгоняли и из вузов.

Этот жестокий урок, данный Сталиным «пролетарскому студенчеству», был в памяти у каждого, когда начали обсуждать «правые» дела в стенах ИКП. Большинство слушателей ИКП явно сочувствовало «правым», но сталинское меньшинство работало по-сталински — оно создало в ИКП свою собственную партийную организацию на тех же принципах, на которых Сталин создал свою партию во всей партии.

«Дайте нам организацию профессиональных революционеров и мы перевернем Россию», — говорил Ленин еще в 1902 году («Что делать?»). Эта мысль Ленина оставалась центральной руководящей идеей Сталина на путях к его личной власти в борьбе с оппозициями. На этот раз говорилось не о «профессиональных революционерах», а об «активе» партии. Это было не только магическое слово, но и магическая идея. Уже спустя два десятка лет «Правда» напоминала партийному аппарату и имя автора этой идеи и ее значение в истории сталинского переворота:²¹ «т. Сталин указывает, что актив при умелом его использовании может составить величайшую силу, способную на чудеса». Действительно, в борьбе с Троцким этот актив составил «величайшую силу» и продемонстрировал «чудеса», столь легко дискредитировав казавшийся до этого неоспоримым авторитет Троцкого в партии и стране. Правда, многие из старого «актива» сами оказались троцкистами, но в целом «актив» себя оправдал.

Сталин сделал отсюда только тот вывод, что и «актив» надо подбирать и организовывать, как Ленин подбирал и организовывал группу «профессиональных революционеров». Нельзя допускать в активе потенциальных врагов «генеральной линии». Надо подбирать его не по признакам прошлых заслуг перед революцией, а по признакам актуальным — на что данный коммунист способен сегодня.

«ЦК руководствовался при этом гениальной мыслью Ленина о том, что главное в организационной работе — подбор людей и проверка исполнения», — говорил Сталин об этой своей практике²². Очищая послетроцкистский актив, Сталин уже к концу двадцатых годов дал понять партии, что в этом активе он потерпит только послушных и беспощадно будет преследовать старых «вельмож». Партийные комитеты на местах получили директивы о том, кого и как вычищать из «актива». Внешне эта чистка актива была обставлена так, будто партия снимает с работы лишь «бюрократов» и «честных болтунов». На самом деле снимали возможных союзников Бухарина и «правых», о чем широкая партийная масса еще ничего не знала. Таким образом снятые с руководящих постов лица механически выбывали из категории актива, хотя бы они были известными деятелями партии до революции, во время революции и гражданской войны. Тем самым они переставали оказывать влияние на внутривнутрипартийные дела. Вот это и была негласная чистка актива, «подбор людей», способных поддержать сталинское руководство в ЦК против бухаринского крыла, когда Сталин решил вынести свои споры с «правыми» из Политбюро на суд «актива» и партии. Но кого же все-таки считать членом актива — местного, районного, областного, центрального? Так называемых номенклатурных работников райкомов, обкомов и ЦК партии, иначе говоря, бюрократию партийного, административного, хозяйственного, профсоюзного и военного аппарата? Но не все члены этой бюрократии числились в «активе», а только

избранные. Кто же их избирает? Партийный аппарат. Только те могут участвовать на собраниях партийного актива, которые получают персональные приглашающие билеты от партаппарата (РК, обкомов, ЦК). Кому же он рассылает приглашения? Только тем руководящим коммунистам, которые числятся без минусов в списках особых секторов партийных комитетов. Бывало много случаев, когда весьма заслуженные коммунисты, все еще занимающие видные посты в органах администрации и хозяйственного управления, на партактивы не приглашались, если их лояльность к сталинской линии вызывала сомнение.

Это и понятно, так как актив — это элита партии, на его собраниях подтверждалась от имени всей партии правильность линии ЦК и Сталина. Актив, или активы, служил для создания общественного мнения в партии так же, как эту роль в печати выполняла «Правда». Решение партактива механически принималось за волю всей партии. Поэтому понятие «активист» одновременно символизировало собою и преданность сталинской линии и принадлежность к партийной элите. Чтобы сделать какую-либо карьеру в партии и государстве, коммунист должен был попасть в этот «актив». Так создавалась та партия в партии, которая привела к столь легкой победе Сталина над «правыми».

Сейчас же после возвращения «теоретической бригады» ЦК из Ленинграда в Коммунистической академии состоялось первое собрание актива так называемого теоретического фронта СССР. Билеты на собрание раздавал непосредственно Агитпроп ЦК. Не помню, сколько билетов было прислано в наш ИКП, но помню хорошо, что многие не только из студентов, но и из профессоров «бухаринской школы» не были приглашены. Бухаринцы, числившиеся ранее в активе и действительно много сделавшие для Сталина и Бухарина во время борьбы с Троцким, подняли открытый скандал. Они обвиняли Юдина и Орлова, вычеркнувших их имена из списка приглашенных, представленного в ЦК, в групповщине. Покровский взялся урегулировать вопрос в ЦК, но оттуда последовал ответ — действительно не ЦК виноват в этих «досадных упущениях», но исправить ошибку сейчас невозможно — «билетов на актив больше нет». Опальные «активисты» «линчевали» Юдина, но «легально» на актив все-таки не попали. Я сам в активе как новичок не числился, но сочувствовал обиженным.

Если бы не скандал в ИКП, я, быть может, и не придавал бы особого значения тому, что собиравшись там говорить. Поэтому, когда Сорокин предложил достать мне билет, я охотно согласился пойти с ним на собрание. Собрание состоялось в большом зале Коммунистической академии на Волхонке. Присутствовали не только члены Комакадемии, профессора и студенты ИКП, РАНИИОНа, но и руководящие работники ЦК во главе с Кагановичем, который только что был переведен с Украины в Москву и назначен секретарем ЦК. Из Ленинграда специально на собрание приехал Позерн, шеф пропаганды Кирова. Председательствовал наш ректор Покровский (он был и председателем президиума Коммунистической академии). Работники ЦК, хотя и не члены Коммунистической академии (только Криницкий и Стецкий числились, насколько я помню, членами Академии), сидели за столом президиума. В зале и на галерке я заметил многих из «скандалистов», которые все-таки попали на собрание (впоследствии я узнал, что они прошли по «блату»). Никто из присутствующих, за исключением членов ЦК и членов «теоретической бригады», не был в курсе дела, почему или в связи с чем происходит сегодня собрание актива. Председатель собрания М. Н. Покровский, который был и оставался до самой смерти личным другом Бухарина (между прочим, на похоронах Покровского в 1932 году на Красной площади от имени ЦК как официальный оратор выступил именно Бухарин с большой речью, в которой он, воздавая дань покойному как ученому, назвал Сталина «фельдмаршалом пролетарских сил»), обьявив собрание актива открытым, огласил необычную повестку дня: «Теоретические ошибки т. Бухарина и его школы». Этим, вероятно, обьяснялось и то, что, нарушив обычный в подобных случаях порядок, Покровский не стал держать в качестве председателя вступительную речь, а тут же предоставил слово Л. Кагановичу.

Шумный зал Коммунистической академии замер. Каганович начал издали.

«Ленин ратовал не за всякую науку, а за науку партийную, большевистскую. Ленин не признавал никаких авторитетов, когда речь идет об интересах марксизма. Ленин, как никто, умел громить врагов и бить друзей в борьбе за марксистскую науку. Вспомните «Материализм и эмпириокритицизм»... Если мы хотим быть достойными учениками Ленина, то и мы должны быть беспощадны к тем из нашей среды, кто думает учить не только нас, но и Ленина... После смерти Ленина никто не может претендовать на роль нашего учителя в вопросах марксизма — у нас есть только один учитель, это — ленинизм и одна лаборатория ленинской политической и теоретической мысли — ЦК. Однако в наших кругах есть горе-теоретики, которые думают, что ключи от марксизма-ленинизма находятся в их собственном кармане. К этой категории горе-теоретиков относится и Бухарин с его школой».

В эти минуты по длинному залу академии к столу президиума собрания шумно направились несколько человек, на ходу кивком головы обмениваясь приветствиями с присутствующими. В аудитории слегка зашевелились. В некоторых уголках наступивший было шепот перешел в громкий разговор. Кто-то с галереи растянутым басом крикнул: «Да здравствует любимец и теоретик партии товарищ Бухарин!» «Простите, Лазарь Моисеевич, — сказал один из вошедших подчеркнуто ироническим тоном, — кажется, я прервал ваши ученые изыскания на самом интересном месте». Это был Бухарин.

Не только как член Политбюро, но и как член президиума Коммунистической академии он занял пустующее место Кагановича в президиуме. Покровский был явно смущен, но его помощник по собранию Адоратский призвал галерею и зал к тишине, а Каганович, демонстративно обращаясь не к Бухарину, а в зал, крикнул грубо и официально: «Вы ошибаетесь еще раз, товарищ Бухарин, если думаете, что кому-нибудь было интересно копаться в навозе, не находя там ни разу жемчужины». Бухарин ответил: «Значит, плохие вы ассенизаторы!» В зале раздался дружный смех.

Было видно, что внезапное появление Бухарина и его друзей явно испортило увертюру Кагановича к предстоящим докладам «Об ошибках школы Бухарина». Хотя и не предполагалось, что Каганович будет говорить по существу об «ошибках» Бухарина, а скорее ограничится лишь политически-принципиальной стороной дела, я заметил, что Каганович начал нервничать, перескакивая с одного вопроса на другой.

Еще во время продолжающейся его речи кто-то из членов президиума, кажется, Шкирятов, отлучился из зала и направился в кабинет председателя президиума академии. Едва Каганович закончил свою речь, как вернувшийся Шкирятов подошел к нему и что-то прошептал на ухо. Каганович взял под мышку лежащий перед Бухариным свой тяжелый «наркомовский» портфель и быстро направился вместе со Шкирятовым в тот же кабинет. Произошла заминка. На этот раз не только Покровский, но, видимо, и Адоратский не знал, как быть дальше — дать слово кому-нибудь или ждать возвращения Кагановича и Шкирятова. С галереи начали кричать: «Дать слово Николаю Ивановичу! Просим товарища Бухарина!»

Бухарин добродушно улыбался, кивая головой в сторону кабинета: «Подождем, мол, возвращения начальства». Но начальство не возвращалось, зал требовал продолжения собрания, а галерея неистовствовала: «Дайте слово Николаю Ивановичу!» Вернувшийся Шкирятов успокоил зал: «Николай Иванович, вас просят к телефону!» Бухарин вышел из зала.

В кабинете у Бухарина произошел довольно продолжительный разговор по телефону со Сталиным. Запись этого разговора была приложена к делу «группы правых», когда оно разбиралось впервые на февральском пленуме ЦК 1929 года. Я постараюсь воспроизвести смысл этого разговора, не ругаясь, конечно, за текстуальную точность:

«Сталин: ЦК считает нецелесообразным ваше присутствие на теоретической дискуссии, дабы последняя не приняла политического характера.

Бухарин: Каганович уже придал ей политический характер, к тому же присутствие почти всего аппарата ЦК говорит менее всего о ее «теоретическом» характере.

Сталин: Каганович присутствует там не как представитель ЦК, а по персональному приглашению Комакадемии, другие явились тоже по приглашению академии, членом которой являетесь и вы.

Бухарин: Однако я являюсь и членом Политбюро, а Политбюро не выносило никакого решения даже о «теоретической дискуссии». Как это могло случиться, что Каганович без ведома ЦК самолично открывает дискуссию?

Сталин: Видимо, инициатива исходит не от Кагановича, а от самой академии. ЦК ведь не может запретить ученому учреждению вести ученые споры, если бы даже они касались нас с вами, членов Политбюро. Но вы своим присутствием там как член Политбюро можете отрицательно влиять на свободу дискуссии, раз она уже началась. Поэтому я снесся с другими членами Политбюро, и мы договорились, что вам лучше покинуть собрание, чтобы оно действительно не приняло и политического характера.

Бухарин: Во-первых, все ли члены Политбюро вашего мнения, во-вторых, распространяется ли это пожелание и на других членов ЦК — Кагановича, Позерна, Криницкого, Стецкого, Ярославского, Шкирятова?

Сталин: Как вам известно, Рыкова и Томского в Москве нет, Калинин болен, а остальные запрошены. Они настаивают, чтобы вы подумали о политических последствиях вашего неподчинения общей воле Политбюро. О Кагановиче и других мы вопроса не обсуждали, но об этом мы поговорим после.

Бухарин: Прошу дать конкретный ответ — дали ли вы как секретарь ЦК указание об открытии хотя бы теоретической дискуссии против меня?

Сталин: Конечно, нет, но я не могу кому-нибудь и запретить ее, если бы даже она была направлена и против меня.

Бухарин: Я остаюсь на собрании.

Сталин: Но тогда уже за последствия пеняйте на самого себя!»

Вскоре Покровский без мотивировки сообщил: «Собрание объявляется закрытым».

(Продолжение следует)

Примечания

1. (ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. II, стр. 251.
2. И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 260.
3. И. Сталин. Соч., т. 11, стр. 1—4.
4. История ВКП(б). Краткий курс, стр. 279.
5. Там же.
6. И. Сталин. Соч., т. 11, стр. 6.
7. Там же.
8. ВКП(б) в резолюциях, ч. II, 1933, стр. 260.
9. И. Сталин. Соч., т. 11, стр. 15.
10. Л. Троцкий. Моя жизнь, ч. II.
11. История ВКП(б). Краткий курс, стр. 257, 263.
12. Л. Троцкий. Моя жизнь, ч. II, стр. 319.
13. В середине двадцатых годов в государственном цирке в Москве была разыграна общеизвестная москвичам сатира: на арене валяются портреты Ленина и Троцкого. Один клоун обращается к другому и приказывает убрать их. «Куда же их убрать? — «Ленина повесить, а Троцкого — к стенке!»
14. Л. Троцкий. Новый курс. 1923.
15. Л. Троцкий. Сталинская школа фальсификации. 1932, стр. 85—86.
16. Там же, стр. 86.
17. Речь Сталина на XIII партконференции. 1924.
18. А. Бубнов. ВКП(б). БСЭ. 1-е изд., т. XI, с. 498.
19. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, 1954, стр. 806.
20. XIV съезд ВКП(б), стенографический отчет.
21. «Правда», передовая, 25.7.1952.
22. И. Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 479.

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том второй. Август 1917 г. — апрель 1918 г.

Г л а в а IV. *Идеология корниловского движения. Подготовка выступления.*
«Политическое окружение». Трехсторонний «заговор»

Корниловское «дело», «выступление», «заговор», «мятеж» — вот в каких терминах определялись трагические события конца августа, связанные с именем Корнилова. Обстановка, однако, по природе своей была несравненно сложнее и, захватывая широкие круги русской общественности, не может быть втиснута в узкие рамки таких определений. Гораздо правильнее назвать эти события — корниловским движением, оставляя за актом, имевшим место 27—31 августа, название корниловского выступления.

Итак, по личному твердому и искреннему убеждению и под влиянием общественного мнения¹ Корнилов видел в диктатуре единственный выход из положения, созданного духовной и политической протрацией власти. Формы диктатуры определялись весьма разнообразно не в силу личного честолюбия или двуличия, в чем тщится обвинить Корнилова Керенский, а исключительно как мучительное искание наилучшего и наиболее безболезненного разрешения кризиса власти. Мы знаем, что 19 июля Корнилов при назначении своем на пост Верховного требовал от правительства признания за ним ответственности «только перед собственной совестью и всем народом», устанавливая какую-то оригинальную схему суверенного военного командования. 30 или 31 июля в разговоре со мной он упоминал о полной мощи Верховного главнокомандующего, но несколько расширенной правами по умиротворению взбаламученной народной стихии. Позднее в беседах с целым рядом лиц, так или иначе причастных к движению, выдвигаются самые разнообразные формы «сильной власти», как то: пересоздание на национальных началах кабинета Керенского, перемена главы правительства, совмещение званий министра-председателя и Верховного, директория и, наконец, единоличная диктатура.

Нет сомнения, что и сам Корнилов и в особенности ближайшее его окружение склонялись к этой последней форме правления. Но лично Корнилов в своем сознании не ставил диктатуру самоцелью, придавая огромное значение факту законной преемственности. В силу этого окончательное решение вопроса ставилось в полную зависимость от хода событий: будет достигнуто соглашение с Керенским и

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—12; 1991, №1.

изменение курса государственной политики — тогда возможно устройство власти в порядке сговора, возможны и коллективные формы ее; не будет достигнуто соглашение, и, следовательно, исчезнут всякие надежды на спасение страны, — предстояло насильственное устранение представителей верховной власти и в результате потрясения рисовалась одна перспектива — личной диктатуры. При этом возможность крушения власти далеко не обуславливалась одним лишь корниловским движением: оно могло наступить стихийно и непредотвратимо в любой момент как результат одного из непрекращавшихся внутренних кризисов правительства, большевистского ли восстания или нового наступления австро-германцев, грозившего смести фронт и в его бешеном потоке затопить и правительство.

Все эти перспективы были равно возможны, роковым образом приближались и требовали принятия героических мер для их предотвращения. Попытки Корнилова привлечь с собой на этот путь Керенского оставались пока безрезультатными. Поэтому Верховный главнокомандующий считал себя вынужденным принять некоторые предварительные меры, применение которых могло быть определено лишь историческим ходом событий.

Нет сомнения, что переброска войск на Северный фронт, их дислокация, создание Петроградской армии и ее усиление вызывались, безусловно, стратегической необходимостью; но, конечно, выбор войск соответствовал и другой цели — создания благоприятных условий на случай крушения центральной власти. Таким же подсобным средством считались офицерские организации. Ввиду полной ненадежности петроградского гарнизона, столичные организации представлялись полезным орудием как для вооруженной борьбы против большевистского восстания, так и на случай падения власти или окончательного уклонения ее на путь, предопределенный соотношением сил в Советах, в которых большевистские течения получали явное преобладание.

* * *

К 13-му августа в Могилев прибыл командир 3-го конного корпуса генерал Крымов и в своих руках сосредоточил как непосредственное руководство войсками, прибывающими в Петроградский район, так и общее направление деятельности организаций. Большой патриот, смелый, решительный, не останавливавшийся перед огромным риском, разочарованный в людях еще со времени подготовки мартовского переворота², не любивший делиться своими планами с окружающими и рассчитывавший преимущественно на свои собственные силы, он внес известные индивидуальные особенности во все направление последующей конспиративной деятельности, исходившей из Могилева. Его непоколебимым убеждением было полное отрицание возможности достигнуть благоприятных результатов путем сговора с Керенским и его единомышленниками. В их искренность и в возможность их «обращения» он совершенно не верил; все последующие события подтвердили правильность его точки зрения.

По-видимому, политическая сторона вопроса Крымова, как и Корнилова, не слишком интересовала. Если раньше, когда верховное возглавление находилось в руках оппортуниста Брусилова, Крымов делал попытку организовать вокруг себя военный центр в Киевском округе, то теперь, подчиняясь широким общественным настроениям, единодушно называвшим имя Корнилова, он предоставил себя в полное его распоряжение. Крымов добровольно стал орудием, «мечом» корниловского движения; но орудием сознательным, быть может, направлявшим иногда... руку, его поднявшую. «Меч» хотел разить, утратив веру в целебность напрасных словопренений, и, исходя из взгляда, что страна подходит к роковому пределу и что поэтому приемлемо всякое, самое рискованное средство... «Рука» разделяла всецело эти взгляды, но, придавленная огромной тяжестью нравственной ответственности перед страной и армией, несколько колебалась. Только это пробуждение сдерживало Корнилова, потому что о себе, о своей голове, он не раздумывал ни одной минуты.

Корнилов переживал тяжелые дни. Вспомним конкретные факты. 31-го июля

Корнилов совершенно спокойно и уверенно говорит со мной о будущих перспективах, не предвещая насильственного кризиса и рассчитывая на благополучный исход разговоров с «ними». 3-го августа едет в Петроград предъявить свою докладную записку о реорганизации армии и борьбе с разрухой и испытывает жестокое разочарование. 8-го августа отказывается вести дальнейшие переговоры о «записке», считая их бесполезными. 10-го августа, по настоянию Савинкова и Филоненко, вновь прибывает в Петроград и вновь совершенно напрасно. 14-го августа, в день возвращения с Московского совещания, по-видимому окончательно определяется невозможность идти вместе с Керенским, и генерал Крымов, вполне удовлетворенный течением событий, говорит начальнику одной из офицерских организаций: «Все идет хорошо. Решили не иметь больше дела с «ними»...»

24-го августа Савинков прибывает в Ставку, знакомит Верховного с проектами законов, вытекающих из корниловской «записки», еще не подписанных, но прохождение которых в правительстве якобы обеспечено; сообщает о решении Керенского объявить Петроград и его окрестности на военном положении; просит от имени правительства, ввиду возможных осложнений, к концу августа подтянуть к Петрограду 3-й конный корпус... Это обстоятельство, знаменующее выход правительства, в частности Керенского, на путь, предуказанный Корниловым, вызывает несомненно искренний ответ Корнилова: «Я готов всемерно поддержать Керенского, если это нужно для блага отечества».

А в те же дни с Крымовым, не верившим совершенно ни Керенскому, ни Савинкову, происходит резкая перемена. Он ходит расстроенный, бледный, задумчивый, все еще не едет к корпусу, живет на вокзале в Могилеве. В доверительном разговоре с одним из своих соучастников он высказывает глубоко пессимистический взгляд: «Конечно, надо идти до конца. Я отдаю делу свою голову. Но 90 процентов за неудачу. Мне необходимо ехать к корпусу, но я боюсь, что, когда я оставлю Могилев, здесь начнут творить несообразное...»

* * *

Между тем, подготовка «выступления», ни время, ни формы которого не представлялись еще достаточно ясными, продолжалась. Ставка как орган управления — в ней не участвовала. Несколько лиц из состава Ставки были посвящены в истинный смысл принимаемых мер, все другие продолжали свою нормальную служебную деятельность, быть может, только догадываясь о назревающих событиях и вполне сочувствуя предполагаемым замыслам Корнилова.

Стратегическая подготовка велась при участии 1-го генерал-квартирмейстера, генерала И. П. Романовского, с которым связывали Корнилова добрые отношения еще по короткой совместной службе в 8-й армии и который имел личные доклады у него по этим вопросам. Начальник штаба Верховного, генерал Лукомский, не был посвящен в то, что делалось за кулисами. Как человек умный и хорошо разбирающийся в явной и скрытой обстановке Ставки, он, несомненно, отдавал себе ясный отчет о всем происходящем. Нервничал, но до поры до времени молчал. Тем более, что возник вопрос о перемещении его на должность командующего одной из армий. Но когда обстановка назрела в такой степени, что долее занимать нейтральную позицию было невозможно, Лукомский в середине августа переговорил по этому поводу с Романовским и затем поставил Корнилову вопрос о доверии. Беседа окончилась приобщением Лукомского к делу.

Подтягивались к пунктам сосредоточения и войска. Очевидно, количеству их в Ставке не придавали большого значения, тем более, что элемент времени не давал возможности солидной организации. Чуть не на походе начиналось развертывание весьма слабой Осетинской бригады и формирование Туземного корпуса; во главе вновь учреждаемой Петроградской армии становился генерал Крымов, а командование имевшим решительное значение 3-м конным корпусом поручалось незнакомому с частями ген. Краснову¹, который не успел и прибыть к началу движения. Войска расползлись по широким квартирам и эшелонировались на огромном протяжении железных дорог вне всякого морального воздействия старшего команд-

ного состава. Еще 5-го августа командир Корниловского ударного полка, капитан Неженцев, в продолжительном докладе убеждал своего шефа развернуть эту надежную добровольческую часть в дивизию. Корнилов тогда отказал, и полк на общих основаниях был включен в одну из дивизий 7-й армии. Этот полк, оправдавший впоследствии вполне доверие Верховного, только 21-го августа получил приказание двигаться на Северный фронт. Наконец, возможно было использовать для Петрограда Кубанскую бригаду, стоявшую между Выборгом и Петроградом, и для Москвы донскую дивизию, направляемую с Дона в Финляндию.

Когда в середине августа части с Юго-западного фронта двигались в район Псков — Луга — Дно, перед ними невольно должна была возникнуть мысль о возможности применения их сил и для разрешения вопросов внутренней политики. Как учитывали они положение, видно из хроники Корниловского полка³: «Истинная цель переброски не была известна; известен был лишь конечный пункт маршрута — местечко Усве, на берегу Балтийского моря. Но общее мнение было, что идем на Петроград». И далее: «Полк выступил в поход в приподнятом, великолепном состоянии духа... Мы знали, что должен был через некоторый промежуток времени состояться государственный переворот⁴; (?) но по нашим сведениям, он должен был заключаться в уничтожении власти Петроградского совдепа и в установлении или директории или диктатуры, но с согласия и с участием Керенского, что при тогдашних условиях гарантировало полный успех переворота».

Несомненно, офицерская среда в конечном итоге была готова на все. Но в толще войск настроение оказалось иное: 3-й конный корпус, Кавказская Туземная дивизия, быть может, и много еще других частей были тогда вполне способны идти с Корниловым против большевиков и против Советов, но в отношении Временного правительства они сохраняли еще «нейтралитет»: ни за него, ни против него идти не хотели. Один только Корниловский ударный полк и Текинский, невзирая на весьма неопределенную позицию, занятую его командиром, могли безотговорочно следовать за Корниловым...

Также наспех, несерьезно готовились офицерские организации. В начале августа для объединения военной секции «Республиканского центра» был командирован член комитета офицерского союза, полковник С., который получил в свои руки все дело финансирования и полную свободу действий, без вмешательства комитета «Респ. центра». В половине августа при посредстве членов офицерского союза началась тайная переброска офицеров из армии в Петроград; одни направлялись туда непосредственно — по двум конспиративным адресам, другие через Ставку, имея официальным назначением обучение бомбометанию. Вследствие крайне легкомысленной организации дела эти офицеры попали в весьма двухсмысленное и тяжелое положение. Тогда же на секретном заседании в Могилеве под председательством Крымова выяснялся вопрос о вооруженном занятии Петрограда, составлялся план и распределялись роли между участниками. Полковник С. уверенно заявил, что у него решительно все готово... Киевской организации было указано по частям перебрасываться в Петроград, куда должны были собираться и могилевские «бомбометчики». По отношению ко всем им С. также успокоил совещание. Впоследствии оказалось, что для приезжих не было ни указаний, ни квартир, ни достаточных средств, и вся организация понемногу расплылась и расстраивалась.

Позднее в Петрограде руководители организации устраивали непрестанные заседания, но так как местом для них, в видах вящей конспирации, избирались обыкновенно наиболее посещаемые рестораны (Аквариум, Вилла Родэ), то эти заседания мало-помалу утрачивали деловой характер, обращаясь в товарищеские пирушки. К тому же еще на могилевском заседании руководителей прозвучало резким диссонансом заявление одного из видных участников, что сердце его к делу не лежит, в успех он не верит и потому просит освободить его от всяких обязанностей...

Таким образом, вся техническая подготовка носила характер крайне несерьезный. Лишь опыт подавления предыдущих восстаний мог оправдать подобное легкомыслие. Опыт, доказавший, что с трусливой, распропагандированной толпой, которую представлял из себя Петроградский гарнизон, и с неорганизованным городским пролетариатом может справиться очень небольшая дисциплинированная

и понимающая ясно свои задачи часть. Правда, кроме Петрограда была ведь еще страна... Но удар по столице не мог не отозваться в положительном смысле в самых отдаленных углах государства...

Как бы то ни было, тетива натягивалась все сильнее, и стрела готова была вылететь. Направление ее во многом зависело от того курса государственной политики, который примет Временное правительство. Я говорю так потому, что не только военная среда, но и лица, стоявшие во главе войск и организаций, плохо разбирались в политической конъюнктуре и личную политику Керенского отождествляли с правительственной. При этом все колебания Керенского, все причудливые зигзаги его в области государственного правления, его метания между Корниловым и Советами — в простом преломлении военного мышления получали форму весьма элементарную: с большевиками или против большевиков.

* * *

Наиболее странным и необъяснимым является то влияние, которое имели на ход событий окружавшие Корнилова политические деятели в лице Завойко, Филоненко, Аладина, за кулисами Добрынского и т. д. К ним примыкал полковник Голицын. Кроме Филоненко, перечисленных лиц я знаю. Появление всех их вокруг Корнилова внесло элемент некоторого авантюризма и несерьезности, отражавшихся на всем движении, связанном с его именем. Один из членов Временного правительства говорил мне, что когда 27-го на заседании правительства был прочитан корниловский список министров, с именами Филоненко, Аладина и Завойко, то даже у лиц, искренне расположенных к Корнилову, опустились руки... Стоит прочесть повествование В. Львова, изображающее сцены и разговоры за кулисами корниловского выступления, и если даже одну половину отнести на долю своеобразного восприятия автора, то другая в достаточной степени рисует хлестаковщину и легкомыслие «политического окружения».

Я уже говорил, что Корнилов плохо разбирался в людях. Но это не все. Однажды, впоследствии, на мой вопрос по поводу бывшего своего окружения, он ответил: «У меня никого не было. Этих людей я знал очень мало. Но они, по крайней мере, хотели и не боялись работать». И при этом расценивали свою работу не меньше как министерскими портфелями. С большою легкостью Филоненко брал на себя внешние сношения русского государства и только после решительного протеста генерала Лукомского соглашался на портфель внутренних дел. Без колебаний Завойко принимал бремя русских финансистов и т. д.

У Корнилова действительно никого не было. Все те общественные и политические деятели, которые, если не вдохновляли, то, во всяком случае, всецело стояли на его стороне, предпочитали оставаться в тени, в ожидании результатов борьбы. Что касается Савинкова, то Корнилов никогда в точности не знал, кому Савинков собирается «воткнуть нож в спину» — ему или Керенскому.

Как же определялась политическая физиономия предполагавшейся новой власти? За отсутствием политической программы, мы можем судить только по косвенным данным: в составленном предположительно списке министров, кроме указанных выше лиц, упоминались Керенский, Савинков, Аргунов, Плеханов; с другой стороны — генерал Алексеев, адмирал Колчак, Тахтамышев, Третьяков, Покровский, гр. Игнатъев, кн. Львов. По свидетельству кн. Г. Трубецкого, этот кабинет должен был, по словам Корнилова, «осуществлять строго демократическую программу, закрепляя народные свободы, и поставить во главу угла решение земельного вопроса». А включение в кабинет Керенского и Савинкова должно было служить для демократии гарантией, что меры правительственного принуждения не перейдут известных границ и что «демократия не лишается своих любимых вождей и наиболее ценных завоеваний». К 29-му августа приглашены были в Ставку на совещание по вопросу о конструкции власти Родзянко, кн. Львов, Милюков, В. Маклаков, Рябушинский, Н. Львов, Сироткин, Третьяков, Тесленко и др. Полагаю, что весь этот перечень, указывая на некоторое перемещение «равно-

действующей» вправо, не представлял еще ничего угрожающего для завоеваний революции. Тем более что, выйдя из узкой и душной атмосферы конспирации на широкую всероссийскую арену, Корнилов, несомненно, изменил бы характер своего окружения.

Наконец, если даже говорить о сторонних чисто политических влияниях, то приведенные ниже строки из частного письма главного советчика Завойко, адресованного Корнилову в Быхов и не предназначавшегося для посторонних, могут дать некоторое понятие о характере этого влияния. В письме, датированном 15-м октября, дается современная политическая ориентировка. «В настоящее время общественные настроения слева направо рисуются мне в следующем виде: обе крайние (левая и правая) слились воедино и беснуются, а 20-го и позднее ожидаются выступления; лозунги, выкинутые на это число, совершенно смешались; явственнее других слышится «Долой Керенского», «Долой Временное правительство», «Бей жидов», «Вся власть Советам» и т. д. — одним словом, черносотенцы и большевики идут вместе — это несомненно; левые трепещут и теряют позиции; Временное правительство дрожит и само в себе не уверено, заискивает у всех и на все стороны раскланивается; кадеты подняли головы и мнят себя «спасителями»; правые совсем возгордились и с каждым днем прут все настойчивее и определеннее. Между тем линия поведения, единственно ведущая к победе, это средняя — здоровая и истинная демократия».

Правда, направление средней линии и те источники, которые должны питать новую власть, из этой политической шарады совершенно не ясны, но, во всяком случае, в ней нет уклонения в сторону мракобесия и реакции.

* * *

О подготовительных мерах, предпринимаемых кругами, близкими к Ставке, знали и Керенский, и Савинков. Быть может, не всё, без деталей, но знали, в особенности Керенский — этого он не скрывает. Держа в своих руках нити организации уже в конце июля, он в течение августа имел возможность прекратить их деятельность путем разрушения их руководящих органов и остановки движения частей на Северный фронт, если считал его опасным. Но лично для него эти меры имели бы смысл лишь в двух случаях: если бы он решительно повернул от Корнилова к Советам или имел в руках прямое доказательство связи Верховного с конспиративными кругами, подозреваемыми в организации переворота. Ни того, ни другого не было. Результатом явилась та недостойная игра, которая велась с правительством, Ставкой и военным министерством — этот «танец среди мечей», из которых каждый при неосторожном прикосновении мог нанести стране смертельную рану.

Если события, предшествовавшие корниловскому выступлению, определять по терминологии Керенского словом заговор, то на протяжении августа месяца в чрезвычайно сложной и переплетающейся обстановке внутренней политики таких «заговоров» история отметит несколько⁵. Корнилов (с Крымовым), Керенский и Савинков — против власти большевистских Советов — в те дни, когда министр-председатель решил принять корниловские законопроекты и недвусмысленное назначение 3-го конного корпуса и тем вступил на путь открытой борьбы не только с большевизмом, но и с прикрывающими его Советами. Корнилов (с Крымовым) и Савинков — против Керенского, когда последний колебался и брал обратно свои обещания. Наконец, Корнилов и Крымов против Советов и Керенского, когда не было никакой надежды на соглашение. В этой последней комбинации не находилось места Савинкову, которому плохо верил Корнилов и вовсе не верил Крымов. Только поэтому Савинков и оказался на противоположном берегу.

Во всех этих перипетиях сложной борьбы оставался совершенно в стороне источник всероссийской верховной власти — Временное правительство. От имени его говорили или имя его поносили главные персонажи разыгравшейся исторической драмы в тех лишь случаях, когда торжественность обстановки, юридическая терминология или стилистическая форма того требовали.

Итак, к концу августа Керенский все еще не решался — идти ли с Корниловым против Советов или с Советами против Корнилова; Савинков взвешивал все возможности для себя от неизбежного конфликта; Корнилов, твердо решив вопрос о необходимости изменения конструкции власти, колебался еще в выборе методов его осуществления. Лишь один Крымов не сомневался и не колебался, считая, что вести с «ними» переговоры или ждать выступления большевиков не следует и что только силою оружия можно разрубить завязавшийся узел.

Обстоятельства, непосредственно вызвавшие корниловское выступление, изложены в книгах Керенского, Савинкова, В. Львова и во многих свидетельских показаниях, сделавшихся достоянием гласности. К сожалению, эти источники, за исключением непосредственного по своей наивной простоте рассказа В. Львова, носят отпечаток «следственного производства» и лишены поэтому надлежащей объективности. Неполнота в области фактов и аргументации присуща и показанию Корнилова. Зная хорошо его характер, я убежден, что это обстоятельство вызывалось соображениями чисто объективными: Корнилов мог сказать стране всю правду и не постеснялся бы сделать это с полной прямоотой и искренностью, если бы... эта правда своими последствиями угрожала только ему лично, а не сотням людей, доверивших ему свою судьбу.

Попытаюсь разобраться в этом материале, внося в его оценку то понимание, которое создано на основании личного общения со многими важнейшими участниками событий, и очертив лишь главные этапы корниловского выступления.

Поводом к развязке событий послужило несомненно роковое вмешательство в них б[ывшего] члена правительства В. Львова — человека, которому В. Набоков дал следующую характеристику: «Он был одушевлен самыми лучшими намерениями... поражал своей наивностью да еще каким-то невероятно легкомысленным отношением... к общему положению... Он выступал всегда с большим жаром и одушевлением и вызывал неизменно самое веселое настроение не только в среде правительства, но даже у чинов канцелярии»... Попав в общество гг. Аладьина и Добрынского, с их трагикомической конспирацией, инсценировавшей важность участия их в назревающем перевороте, Львов проникся страхом и воспытал желанием спасти положение, приняв от них⁶ поручение переговорить с Керенским. Эти переговоры должны были привести к примирению между Корниловым и Керенским, к предоставлению полной мощи над всей вооруженной силой страны Верховному главнокомандующему и к созданию нового правительства на национальной основе.

22-го августа между Керенским и Львовым произошел разговор, содержание которого установить трудно, так как он велся без свидетелей, а передача его обоими собеседниками совершенно не согласована. Поэтому я приведу выдержки из их показаний по важнейшим вопросам в параллельном изложении. У Керенского. Из следственного дела. «Прелюдия большевизма». Англ. изд. У Львова. «Последние Новости» 1920 г. № 190 (нами приняты обозначения К. (Керенский), Л. (Львов). — *Ред.*).

1. К.: «Я не помню подробностей разговора, но суть его сводилась к следующему»... Л.: (Львов передает разговор с большими деталями).

2. К.: «Он (Львов) продолжал повторять «мы можем сделать то или другое»... Я спросил его — кто «мы» и от чьего имени он говорит». «Я не имею права сказать вам. Я только уполномочен спросить, согласны ли вы войти в переговоры». Л.: «Я пришел по поручению». «От кого?» — Живо спросил Керенский. «От кого, я не имею права сказать. Но доверьтесь мне, что раз я пришел, значит дело важное».

3. К.: «Львов пытался доказать мне, что я не имею поддержки». Л.: «Скажите, пожалуйста, на кого вы опираетесь?.. У вас Петроградский совет уже состоит из большевиков и постановляет против вас». «Мы его игнорируем», — воскликнул Керенский. «С другой стороны, — продолжал я, — негодование на Совет растет...

(оно) переливается через край и выразится в резне». «Вот и отлично! — воскликнул Керенский, вскочив и потирая руки. — Мы скажем тогда, что не могли сдержать общественного негодования, умоем руки и снимем с себя ответственность». «(Но) первая кровь прольется ваша»... Керенский побледнел. «Что же вы хотите, чтобы я сделал?» «Порвите с Советом». «Вы хотите, чтобы я был изменником?» «Нет... Я желаю, чтобы вы подумали о России, а не о революции».

4. К.: «Он выразительно добавил: «Я уполномочен спросить вас, хотите ли вы включить в правительство новые элементы и обсуждать этот вопрос?» Я ответил: «Перед тем как дать ответ, я должен знать, с кем я имею дело. Кто те, кого вы представляете, и чего они желают?» «Они общественные деятели». «Бывают разного сорта общественные деятели... Хорошо, допустим, я не имею поддержки. Какими же реальными силами вы располагаете?» Он возразил, что я введен в заблуждение, что они опираются на серьезные силы, которых нельзя игнорировать». Л.: «Кто же это вы? Союз георгиевских кавалеров?» — саркастически улыбнулся Керенский. «Это, во-первых, конституционно-демократическая партия. Вторых, это торговопромышленники, в-третьих, это казачество, в-четвертых, — полковые части, наконец, союз офицеров и многие другие». «Что же вы хотите, чтобы я сделал?» «Протяните руку тем, которых вы от себя отталкиваете... Включите (в правительство) представителей правее кадет[ов], с другой стороны, пусть в нем будут социалисты-государственники, а не исключительно представители Совета». «Ну все же нельзя обойтись без представителей Совета», — сказал Керенский. «Я не спорю, пусть так».

5. К.: «Конечно, я не дал ему никаких инструкций, никаких полномочий. Я считаю, что он, говоря от моего имени в Ставке так, как он это сделал, допустил «превышение полномочий». Это несомненно, так как ничего подобного я ему не говорил... Львов не окончил разговора. Он спросил: «Вступите ли вы в переговоры, если я вам скажу (от кого прислан)?» «Скажите более определенно, что вы желаете слышать от меня и для чего». Он ответил: «До свиданья!» И ушел». Л.: «Керенский был тронут. «Хорошо, — сказал он. — Я согласен уйти. Но поймите же, что я не могу бросить власть; я должен передать ее с рук на руки». «Так дайте мне поручение, — сказал я, — войти в переговоры от вашего имени со всеми теми элементами, которые я сочту необходимым». «Я даю вам это поручение, — сказал Керенский. — Только прошу вас все держать в секрете». И крепко пожал мне руку».

Предоставляя читателям разобраться в этих противоречиях, я не могу, однако, не указать, что диалог, изображенный на левой половине листа (то есть изложение разговора Керенским. — *Ред.*), в особенности в заключительной части своей, представляется чрезвычайно странным. Явно чувствуется, что так нелепо закончиться он не мог. Хотя Керенский в своем показании усиленно подчеркивает, что разговору со Львовым он не придал никакого значения, он тут же рядом неоднократно заявляет, что вопрос — от чьего имени сделано было предложение и та таинственность, которой облек его Львов, в связи с имевшимися у премьера ранее сведениями о заговоре, «произвела большое впечатление»... Что касается меня, я убежден в правильности версии Львова и считаю, что в этот день, если не свершилось грехопадение Керенского перед лицом революционной демократии, то развернулась окончательно нить «великой провокации».

Львов, пройдя опять через все сомнительное чистилище корниловского окружения, попадает 24-го к Верховному. Их разговор, веденный в этот день и на следующий, в противоположность предыдущему, в сущности своей является совершенно установленным.

У Корнилова. Показание следственной комиссии. У Львова. «Последние Новости» 1920 г. № 192 (Корнилов — К., Львов — Л. — *Ред.*).

1. К.: «Войдя ко мне в кабинет, Львов сразу заявил мне: «Я от Керенского». Л.: «Я от Керенского». Глаза Корнилова сверкнули недобрый огнем».

2. К.: «В. Н. Львов заявил мне от имени Керенского, что если по моему мнению дальнейшее участие последнего в управлении страной не даст власти необходимой силы и твердости, то Керенский готов выйти из состава правительства. Если Керенский может рассчитывать на поддержку, то он готов продолжать работу». Л.:

«Я имею сделать вам предложение. Напрасно думают, что Керенский дорожит властью. Он готов уйти в отставку, если вам мешает. Но власть должна быть законно передана с рук на руки. Власть не может ни валяться, ни быть захваченной. Керенский идет на реорганизацию власти в том смысле, чтобы привлечь в правительство все общественные элементы. Вот вам мое предложение — это есть соглашение с Керенским».

3. К.: «Я очертил общее положение страны и армии, заявил, что, по моему главному убеждению, единственным выходом из тяжелого положения является установление военной диктатуры и немедленное объявление страны на военном положении». Л.: «Передайте Керенскому, что... дальше медлить нельзя... Необходимо, чтобы Петроград был введен в сферу военных действий и подчинен военным законам, а все тыловые и фронтовые части подчинены Верховному главнокомандующему... Ввиду грозной опасности, угрожающей России, я не вижу иного выхода, как немедленная передача власти Верховным правительством в руки Верховного главнокомандующего». Я перебил Корнилова: «Передача одной военной власти или также гражданской?» «И военной, и гражданской». «Быть может, лучше просто совмещение должности Верховного главнокомандующего с должностью председателя совета министров?» — вставил я. «Пожалуй, можно и по вашей схеме... Конечно, все это (только) до Учредительного Собрания».

4. К.: «Я заявил, что не стремлюсь к власти и готов немедленно подчиниться тому, кому будут вручены диктаторские полномочия — будь то сам Керенский⁷, ген. Алексеев, ген. Каледин или другое лицо. Львов заявил, что не исключается возможность такого решения, что ввиду тяжелого положения страны Временное правительство, в его нынешнем составе, само придет к сознанию необходимости установления диктатуры и, весьма возможно, предложит мне обязанности диктатора. Я заявил, что если бы так случилось,.. я от такого предложения не отказался бы». Л.: «Корнилов продолжал: «Кто будет Верховным главнокомандующим, меня не касается, лишь бы власть ему была передана Временным правительством». Я сказал Корнилову: «Раз дело идет о военной диктатуре, то кому же быть диктатором, как не вам».

5. К.: «Я просил Львова передать Керенскому, что, независимо от моих взглядов на его свойства, его характер и его отношение ко мне, я считаю участие в управлении страной самого Керенского и Савинкова безусловно необходимым». Л.: «Я не верю больше Керенскому... и Савинкову я не верю... Впрочем, — продолжал Корнилов, — я могу предложить Савинкову портфель военного министра, а Керенскому портфель министра юстиции»...

6. К.: «Я просил передать Керенскому, что, по имеющимся у меня сведениям, в Петрограде в ближайшие дни готовится выступление большевиков и на Керенского готовится покушение; поэтому я прошу Керенского приехать в Ставку, чтобы договориться с ним окончательно. Я просил передать ему, что честным словом гарантирую его полную безопасность в Ставке». Л.: «Затем, — продолжал он, — предупредите Керенского и Савинкова, что я за их жизнь нигде не ручаюсь, а потому пусть они придут в Ставку, где я их личную безопасность возьму под свою охрану».

Таким образом, предложения Корнилова ультимативного требования не носили, тем более что вопрос о личности диктатора, в случае возможности сговора, оставлялся открытым. На другой день уже, 26-го, Корнилов в беседе с Филоненко, Завойко и Аладиным допускает возможность коллективной диктатуры, в виде Совета народной обороны, с участием Верховного главнокомандующего в качестве председателя.

Корнилов не имел ни малейшего основания не верить Львову. Он знал, что Львов пользуется репутацией человека не серьезного, путаника, но честного. Сущность же всего разговора была настолько определена, что не допускала невольного искажения его передачи. Наконец, Львов был ведь недавно министром в правительстве Керенского!

Перед Корниловым в первый раз встали реальные перспективы мирного, легального разрешения вопроса о реорганизации власти, по крайней мере, в первой

стадии его, так как в дальнейшем, несомненно, предстояла решительная и жесткая борьба с Советами. Первый, самый важный вопрос был близок к разрешению, и это обстоятельство меняло весь характер борьбы, ставя ее в легальные рамки.

После разговора с Корниловым Львов опять попал в «чистилище». Оглушенный всей этой хлестаковщиной корниловского «политического окружения», всеми «тысячью курьеров», он совершенно потерял масштаб в оценке веса, значения и роли своих собеседников. Добрынский⁸, могущий «по первому сигналу выставить до 40 тысяч горцев и направить их куда пожелает»... Аладыин, якобы посылающий корниловскую телеграмму Донскому атаману Каледину с приказом начать движение на Москву и от имени Верховного и офицерского союза требующий, чтобы ни один министерский пост не замещался без ведома Ставки... Завойко, назначающий министров и «собирающийся созвать Земский собор»... Профессор Яковлев, разрешающий каким-то неслыханным способом аграрную проблему...

Вернулся Львов в Петроград, окончательно сбитый с толку в той атмосфере беспардонной фронды и кричащей о себе и своих тайнах на каждом шагу «конспирации», которая окружала Ставку. И привез целый ряд «государственных актов», составленных и врученных ему Завойко: проект манифеста к армии от имени Корнилова, принимавшего на себя верховную власть; проект воззвания к солдатам по поводу дарования им земельных наделов — аграрная программа Яковлева, если верить Львову, сильно напоминавшая демократический проект большевистского генерала Сытина⁹; список министров нового кабинета, тут же наскоро набросанный Завойко при благосклонном участии самого Львова¹⁰; словесное внушение Завойко, развивавшего по-своему указания Корнилова, — предъявить правительству три пункта: «1) Немедленная передача правительством военной и гражданской власти в руки Верховного главнокомандующего, 2) немедленная отставка всех членов Временного правительства и 3) объявление Петрограда на военном положении». Наконец, вернулся Львов с твердым убеждением, основанным на всем слышанном, что Корнилов желает спасти Керенского, но что в Ставке вынесли Керенскому «смертный приговор». Это последнее обстоятельство, по-видимому, окончательно нарушило душевное равновесие Львова и отразилось на всем характере второго разговора его с Керенским и в значительной мере повлияло на решение последнего. Маленькая житейская подробность, вероятно, небезынтересная для бывшего премьера, который в своей книге не раз останавливается на грозившей ему смертельной опасности, очень туманно касаясь источников ее: 26-го для него в Могилеве, в губернаторском доме, приготовили комнату рядом со спальней Корнилова, выселив для этой цели одного из членов его семьи... Верховный не играл своим словом.

26-го августа Львов — у Керенского и передает ему результаты своих переговоров в Ставке. Посоветовав Керенскому не ехать в Ставку, Львов предъявил ему те предложения, которые были сформулированы Завойко. «Когда я услышал все эти нелепости, — показывает Керенский, — мне показалось, что он (Львов) болен или случилось действительно что-то очень серьезное... Те, кто были возле меня, могут засвидетельствовать, как сильно я был расстроен... Успокоившись несколько, я умышленно уверил Львова, что больше не имею ни сомнений, ни колебаний и решил согласиться. Я стал объяснять Львову, что я не могу представить Временному правительству такое сообщение без доказательств... Под конец я попросил его изложить письменно все корниловские предложения. Львов написал: «1) Объявить в Петрограде военное положение. 2) Вся военная и гражданская власть должна быть передана в руки Верховного главнокомандующего. 3) Все министры, не исключая премьера, должны подать в отставку. Временно исполнительная власть должна быть передана товарищам министров впредь до формирования правительства Верховным главнокомандующим. В. Львов. Петроград 26-го августа».

«Было необходимо, — говорит Керенский, — доказать немедленно формальную связь между Львовым и Корниловым настолько ясно, чтобы Временное правительство было в состоянии принять решительные меры в тот же вечер... заставив Львова повторить в присутствии третьего лица весь его разговор со мной». Для этой цели был приглашен помощник начальника милиции Булавинский, которого

Керенский спрятал за занавеской в своем кабинете во время второго посещения его Львовым. Булавинский свидетельствует, что записка была прочтена Львову и последний подтвердил содержание ее, а на вопрос «каковы были причины и мотивы, которые заставили генерала Корнилова требовать, чтобы Керенский и Савинков приехали в Ставку», он не дал ответа.

Львов категорически отрицает версию Керенского. Он говорит: «Никакого ультимативного требования Корнилов мне не предъявлял. У нас была простая беседа, во время которой обсуждались разные пожелания в смысле усиления власти. Эти пожелания я и высказал Керенскому. Никакого ультимативного требования (ему) я не предъявлял и не мог предъявить, а он потребовал, чтобы я изложил свои мысли на бумаге. Я это сделал, а он меня арестовал. Я не успел даже прочесть написанную мною бумагу, как он, Керенский, вырвал ее у меня и положил в карман».

* * *

Теперь уже все государственные вопросы отошли на задний план. Глава правительства в наиболее критический момент для государства перестает взвешивать его интересы и, будучи во власти одной болезненно-навязчивой идеи, стремится лишь всеми силами к отысканию неопровержимых улик против «мятежного» Верховного. Перед нами проходит ряд сцен, в которых развернулись приемы сыска и провокации: эпизоды с запиской Львова и с Булавинским, и, наконец, разговор Керенского совместно с Вырубовым по аппарату с Корниловым от имени премьера и... отсутствующего Львова. Больше всего Керенский боится, чтобы ответ Корнилова по самому существенному вопросу — о характере его предложений — не внес каких-либо неожиданных изменений в толкование «ультиматума», которое он старался дать предложению Корнилова в глазах страны и правительства.

Думский и политический деятель, правитель волею революции и юрист по профессии не мог не сознательно облечь в такие умышленно темные формы главное существо вопроса: — Просим подтвердить, что Керенский может действовать, согласно сведениям, переданным Владимиром Николаевичем (Львовым). Вновь подтверждая тот очерк положения, в котором мне представляется страна и армия, очерк сделанный мною В. Н-чу [Львову], с просьбой доложить вам, я вновь заявляю, что события последних дней и вновь намечающиеся повелительно требуют вполне определенного решения в самый короткий срок. — Я, Владимир Николаевич (?), вас спрашиваю: то определенное решение нужно исполнить, о котором вы просили известить меня Александра Федоровича только совершенно лично; без этого подтверждения лично от вас А. Ф. колеблется мне вполне доверять. — Да, подтверждаю, что я просил вас передать А. Ф-чу мою настойчивую просьбу приехать в Могилев. — Я, А. Ф., понимаю ваш ответ, как подтверждение слов, переданных мне В. Н. Сегодня этого сделать и выехать нельзя. Надеюсь выехать завтра. Нужен ли Савинков? — Настоятельно прошу, чтобы Б. В. приехал вместе с вами... Очень прошу не откладывать вашего выезда позже завтрашнего дня. Прошу верить, что только сознание ответственности момента заставляет меня так настойчиво просить вас. — Приезжать ли только в случае выступления, о котором идут слухи, или во всяком случае? — Во всяком случае.

Этот разговор обличает в полной мере нравственную физиономию Керенского, необычайную неосмотрительность Корнилова и сомнительную роль «благородного свидетеля» Вырубова.

Только в этот день, поздно вечером 26-го августа, поехал к своим войскам Крымов, которому были даны Верховным две задачи: (1) В случае получения от меня или непосредственно на месте (сведений) о начале выступления большевиков, немедленно двигаться с корпусом на Петроград, занять город, обезоружить части Петроградского гарнизона, которые прижмут к движению большевиков, обезоружить население Петрограда и разогнать Советы; 2) По окончании исполнения этой задачи генерал Крымов должен был выделить одну бригаду с артиллерией в Ораниенбаум и по прибытии туда потребовать от Кронштадтского гарнизона разоружения крепости и перехода на материк»¹¹.

Этот документ, которому Керенский придает такое уличающее значение в ква-

лификации корниловского выступления «мятежом», по существу вытекал непосредственно из всей создавшейся обстановки: войска Крымова по требованию правительства шли к Петрограду; ожидавшееся большевистское выступление неизбежно втягивало в себя Советы, так как почти половина состава Петроградского совета была большевистской; так же неизбежно было, безотносительно даже от чисто большевистского восстания, выступление революционной демократии в лице Советов в тот день, когда объявлены были бы первые меры «правительственной твердости». Наконец, самый сдвиг правительства от Совета к Ставке, который после львовской миссии и последнего телеграфного разговора считался вопросом ближайших одного — двух дней, должен был произвести оглушительный взрыв в недрах Советов... Что же касается ликвидации кронштадтского мятежного гнезда, то согласие на нее было дано министром-председателем еще 8-го августа.

Утром 27-го Ставка была поражена неожиданной новостью: получена была телеграмма, передающая личное распоряжение Керенского, в силу которого Корнилов должен был немедленно сдать должность Лукомскому и выехать в Петроград...

Стремление «охранять завоевания революции», нерешительность, обман и провокация — можно называть какими угодно именами те действия и бездействие, которые проявлены были министром-председателем, но сущность их не подлежит никакому сомнению: они были лишены государственной целесообразности и предвидения. Керенский с большим удовлетворением повторяет «образное выражение» Некрасова, что «благодаря приезду Львова стало возможным взорвать приготовленную мину на два дня раньше срока»... Но это «образное выражение» значительно теряет свое радостное содержание, если вспомнить, что мину взорвали в теле Родины и что можно было, не взрывая, просто потушить фитиль, став на прямую открытую дорогу, не угрожавшую завоеваниям революции и даже вначале не причинявшую большого ущерба политической карьере премьера.

Керенский дает сбивчивые показания о порядке разрешения вопроса об удалении с поста Корнилова, утверждая, что мера эта была принята Временным правительством в заседании 26-го августа. Никаких письменных следов такого постановления нет; бурное заседание это, окончившееся в 5 часов утра, обсуждало главным образом требование Керенского о предоставлении ему чрезвычайных (диктаторских) полномочий и хотя и выяснило принципиальное согласие почти всех министров вручить председателю свою отставку, но к окончательным решениям не привело. По крайней мере, по свидетельству Кокошкина, на другой день, 27-го, на 11 часов утра было назначено новое заседание «для оформления, — как заявил Некрасов, — всех принятых решений». Но заседание не состоялось. Члены правительства собрались только 28-го на частное заседание, которое явилось последним, так как Керенский действовал уже самостоятельно, считая себя воспрившим единолично верховную власть. «Временное правительство» — этот фетиш, который так крикливо и лицемерно оберегался Керенским от притязаний Корнилова, «дерзнувшему предъявить Временному правительству требование передать ему власть», было им распущено и отстранено от участия в государственном управлении. «Держать», следовательно, можно было только Керенскому. Тем не менее среди правительства и советских кругов царил полная растерянность. В Смольном происходили день и ночь тревожные заседания и принимались необычайные меры изолирования здания и самообороны. Еще 28-го новый диктатор в частном заседании бывшего правительства определял положение почти безнадежным: крымские войска шли на Петроград, и испуганному воображению диктатора уже рисовалось приближение страшных кавказских всадников «Дикой дивизии»... Усиливалось и политическое одиночество премьера: большинство бывших членов правительства высказалось за мирную ликвидацию корниловского выступления и образование директории с участием генерала Алексева, с совмещением им должности Верховного, а кадеты, поддержанные извне Милюковым, настаивали даже на том, чтобы Керенский покинул правительство, передав власть генералу Алексеву. В этом назначении они видели не только перемену правительственной политики, но и наилучший

способ бескровной ликвидации корниловского выступления, так как не было сомнений, что Корнилов подчинится тогда Алексееву.

В то же время ряд лиц, в том числе генерал Алексеев, Милюков, президиум казачьего Совета и другие вели настоячивые переговоры с Керенским о примирении его со Ставкой. Даже вдохновитель Керенского г. Некрасов, сыгравший такую печальную роль в поспешном оповещении страны о «мятеже Корнилова»¹², по свидетельству Кишкина, в этот день, «лежа в изнеможении на кушетке», на вопрос Керенского ответил: «Я нахожу, что без того или иного участия генерала Алексева в составе правительства нельзя разрешить кризиса». Керенский не хотел слышать ни об оставлении власти, ни о примирении с «мятежным генералом». «Оставшись один, — заявил он, — я ухожу к «ним». И ушел в соседнюю комнату, где его ожидали Церетели и Гоц. В окончательном итоге судьбы движения решили «они», т. е. Советы.

27-го августа Керенский поведал стране о восстании Верховного главнокомандующего, причем сообщение министра-председателя начиналось следующей фразой: «26 августа генерал Корнилов прислал ко мне члена Государственной Думы В. Н. Львова с требованием передачи Временным правительством всей полноты военной и гражданской власти с тем, что им по личному усмотрению будет составлено новое правительство для управления страной».

В дальнейшем Керенский, триумvirат Савинков, Авксентьев и Скобелев, Петроградская дума с А. А. Исаевым и Шрейдером во главе и Советы лихорадочно начали принимать меры к приостановке движения войск Крымова и, вместе с тем, целым рядом воззваний, обращенных к народу, армии, комитетам, железнодорожникам, местным комиссарам, Советам и т. д., стремились опорочить движение и вызвать ненависть против его главы. Во всех этих воззваниях не было правдивого, фактического и юридического обоснования — они отражали лишь более или менее холерический темперамент составителей. «Мятеж», «измена родине и революции», «обнажение фронта» — вот главные мотивы. Но постыднее всех было воззвание Чернова от имени Исполнительного комитета Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Оно начиналось обращением к «крестьянам в серых солдатских шинелях» и приглашало их «запомнить проклятое имя человека», который хотел «задушить свободу, лишить вас (крестьян) земли и воли!». Участник Циммервальда, член редакционного комитета газеты «На чужбине», состоявшей на службе у германского Генерального штаба, пролил слезу и над участью «родной земли», страдающей от «опустошения, огня, меча чужеземных императоров», — земли, от защиты которой отвлекаются «мятежником» войска.

А в то же время новый петроградский генерал-губернатор, Б. Савинков, собирал революционные войска для непосредственной обороны Петрограда — занятие тем более трудное, что Петроградский гарнизон отнюдь не имел желания отдавать свою жизнь за Временное правительство, а юнкерские караулы в Зимнем Дворце, по свидетельству того же Савинкова, приходилось сменять по несколько раз за ночь из опасения «измены». В организации военной обороны, за отсутствием доверия к командному составу, принимали деятельное участие такие специалисты военного дела, как Филоненко и... Чернов, причем последний «объезжал фронт и высказывал неожиданные (стратегические) соображения»...¹³.

Между прочим, в какой-то газете или информации промелькнуло совершенно нелепое сведение об участии генерала Алексева совместно с Савинковым в тактической разработке плана обороны подступов к столице против корниловских войск. Невзирая на всю вздорность этого слуха, Корнилов склонен был верить ему и однажды в Быхове, передавая мне этот эпизод, сказал: «Я никогда не забуду этого». С большим трудом мне удалось рассеять его предубеждение.

Должен заметить, что какие-то влияния все время усиленно работали над созданием недружелюбных отношений между генералом Алексеевым и Корниловым; искажались факты, передавались не раз вымышленные злые и обидные отзывы, долетавшие извне даже до Быхова. Кому-то нужно было внести элемент раздора в ту среду, которую не разъедало политическое разномыслие.

В последние дни августа Петроград представлял из себя развороченный мура-

вейник. И невзирая на громкие, возбуждающие призывы своих вождей, — призывы, скрывавшие неуверенность в собственных силах, революционная демократия столицы переживала дни смертельной тревоги. Приближение к Петрограду «ингушей» заслонило на время все прочие страсти, мысли и интересы. А некоторые представители верховной власти торопливо запасались уже заграничными паспортами...

Г л а в а VI. *Выступление генерала Корнилова. Ставка, военачальники, союзные представители, русская общественность, организации войска генерала Крымова — в дни выступления. Смерть генерала Крымова. Переговоры о ликвидации выступления.*

Если в Петрограде положение было крайне неопределенным, то еще больший хаос царил в противном лагере. Керенский приказал вступить в верховное командование последователю начальнику штаба Верховного генералу Лукомскому¹⁴, затем главнокомандующему Северным фронтом генералу Клембовскому. Оба отказались: первый — бросив обвинение Керенскому в провокации, второй — «не чувствуя в себе ни достаточно сил, ни достаточно умения для предстоящей тяжелой работы»... Генерал Корнилов, придя к убеждению, что «правительство снова подпало под влияние безответственных организаций и, отказываясь от твердого проведения в жизнь (его) программы оздоровления армии, решило устранить (его) как главного инициатора указанных мер¹⁵, — решил не подчиниться и должности не сдавать.

27-го в Ставку начали поступать петроградские воззвания, и Корнилов, глубоко оскорбленный их внешней формой и внутренней неправдой, ответил, со своей стороны, рядом горячих воззваний к народу, армии, казакам. В них, описывая исторический ход событий, свои намерения и «великую провокацию»¹⁶, он клялся довести страну до Учредительного собрания. Воззвания, искусственные по стилю¹⁷, благородные и патриотические по содержанию, остались гласом вопиющего в пустыне. «Мы» и без них всей душой сочувствовали корниловскому выступлению; «они» — шли только за реальными посулами и подчинялись только силе. А, между тем, во всех обращениях слышалась нота душевной скорби и отчаяния, а не сознание своей силы. Кроме того, тяжело переживая события и несколько теряя равновесие, Корнилов в воззвании 27-го августа неосторожно заявил, что «Временное правительство, под давлением большевистского большинства Советов, действует в полном согласии с планами германского Генерального штаба и, одновременно с предстоящей высадкой вражеских сил на Рижском побережье, убивает армию и потрясает страну внутри».

Это неосторожное обобщение всех членов Временного правительства, которых за исключением, быть может, одного, можно было обвинять в чем угодно, только не в служении немцам, произвело тягостное впечатление на лиц, знавших действительные взаимоотношения между членами правительства, и особенно на тех, кто в среде его были духовно сообщниками Корнилова.

Образ, сравнение, аналогия — в редакции Завойко выражены были словом «согласие». Без сомнения, и Корнилов не придавал прямого значения этому обвинению Временного правительства, ибо 28-го он уже приглашал его в Ставку, чтобы совместно с ним выработать и образовать «такой состав правительства народной обороны, который, обеспечивая победу, вел бы народ русский к великому будущему».

28-го Керенский потребовал отмены приказа о движении 3-го конного корпуса на Петроград. Корнилов отказал и, на основании всей создавшейся обстановки придя к выводу, что «правительство окончательно подпало под влияние Совета», решил: «выступить открыто и, произведя давление на Временное правительство, заставить его: 1. исключить из своего состава тех министров, которые, по имеющимся (у него) сведениям, были явными предателями Родины; 2. перестроиться так, чтобы стране была гарантирована сильная и твердая власть». Для оказания давления на правительство он решил воспользоваться войсками Крымова, кото-

рому 29-го августа послано было соответствующее приказание. Итак, жребий брошен — началась открыто междоусобная война.

Мне не раз приходилось слышать упреки по адресу Корнилова, что он сам лично не стал во главе войск, шедших на Петроград и не использовал своего огромного личного обаяния, которое так вдохновляло полки на поле сражения... Повидимому, и войсковые части разделяли этот взгляд. По крайней мере в хронике Корниловского ударного полка читаем: «Настроение корниловцев было настолько приподнятое, что, прикажи им генерал идти с ним на Петроград, много было шансов, что взяли бы. Корниловцы увлекли бы за собой и других... Но почему-то генерал Корнилов, первоначально решившись, казалось, все поставить на карту, внезапно заколебался и, остановившись на поддороге, не захотел рискнуть своим последним козырем — Корниловским и Текинским полками». Интересно, что и сам Корнилов впоследствии считал крупной своей ошибкой то обстоятельство, что он не выехал к войскам... Несомненно, появление Корнилова с двумя надежными полками решило бы участь Петрограда. Но оно вряд ли было бы высокомерно технически: не говоря уже о том, что с выходом полков из Ставки весь драгоценный аппарат ее попал бы в руки местных Советов, предстояло передвинуть могилевские эшелоны, исправляя пути, местами, вероятно, с боем — на протяжении 650 верст! 26-го Корнилов ждал приезда Керенского и Савинкова; 27-го вел переговоры в надежде на мирный исход, а с вечера этого дня пути во многих местах были разобраны, и бывшие впереди эшелоны Туземной дивизии и 3-го конного корпуса безнадежно застряли, разбросанные на огромном протяжении железнодорожных линий, ведущих к Петрограду. Было только две возможности: не ведя переговоров, передав временное командование генералу Лукомскому, выехать 27-го с одним эшелоном на Петроград или позже перелететь на аэроплане в район Луги, рискуя, впрочем, в том и другом случае вместо «своих» попасть к «чужим», так как с Крымовым всякая связь была прервана. Обе эти возможности сильно ударялись в область приключений.

В Могилеве царило тревожное настроение. Ставка работала по-прежнему, и в составе ее не нашлось никого, кто бы посмел, а, может быть, кто бы хотел не исполнить приказания опального Верховного... Ближайшие помощники Верховного, генералы Лукомский и Романовский и несколько других офицеров сохраняли полное самообладание. Но в души многих закрадывались сомнение и страх. И среди малодушных начались уже панические разговоры и принимались меры к реабилитации себя на случай неуспеха. Бюрократическая Ставка по природе своей могла быть мирной фрондой, но не очагом восстания.

В гарнизоне Могилева не было полного единства: он заключал в себе до трех тысяч преданных Корнилову — корниловцев и текинцев — и до тысячи солдат Георгиевского батальона, тронутых сильно революционным угаром и уже умевших торговать даже своими голосами...¹⁸ Георгиевцы, однако, чувствуя себя в меньшинстве, сосредоточенно и угрюмо молчали; иногда, впрочем, происходили небольшие побоища на глухих городских улицах между ними и «корниловцами». И когда 28-го августа генерал Корнилов произвел смотр войскам гарнизона, он был встречен могучими криками «ура» одних и злобным молчанием других. «Никогда не забыть присутствовавшим на этом историческом параде, — говорится в хронике Корниловского полка, — небольшой, коренастой фигуры Верховного,.. когда он резко и властно говорил о том, что только безумцы могут думать, что он, вышедший сам из народа, всю жизнь посвятивший служению ему, может даже в мыслях изменить народному делу. И задрожал невольно от смертельной обиды голос генерала, и задрожали сердца его корниловцев. И новое, еще более могучее... «ура» покатилося по серым рядам солдат... А генерал стоял с поднятой рукой,.. словно отличая тех, кто нагло бросил ему обвинение в измене своей Родине и своему народу»...

Если бы этот могучий клик мог докатиться до тех станций, полустанков, деревень, где столпились и томились сбитые с толку, не понимавшие ничего, в том что происходит, эшелоны крымских войск! Город притих, смертельно испуганный всевозможными слухами, пользующимися из всех углов и щелей, ожиданием междоусобных схваток и кровавых самосудов.

* * *

Старый губернаторский дом на высоком, крутом берегу Днепра, в течение полугода бывший свидетелем стольких исторических драм, хранил гробовое молчание. По мере ухудшения положения стены его странно пустели, и в них водворилась какая-то жуткая, гнетущая тишина, словно в доме был покойник. Редкие доклады и много досуга. Опальный Верховный, потрясенный духовно, с воспаленными глазами и тоскою в сердце, целыми часами оставался один, переживая внутри себя свою великую драму, драму России. В редкие минуты общения с близкими, услышав робко брошенную фразу с выражением надежды на скорый подход к столице войск Крымова, он резко обрывал: «Бросьте, не надо».

Все понемногу рушилось. Последние надежды на возрождение армии и спасение страны исчезли. Какие еще новые факторы могли спасти положение? Разговор по телефону 27-го августа с Савинковым и Маклаковым не мог внушить никакого оптимизма. Из них первый в пространном и нравоучительном наставлении убеждал Корнилова «во имя несчастной родины нашей» подчиниться Временному правительству; второй — «принять все меры, (чтобы) ликвидировать недоразумение без соблазна и огласки»... Было ясно, что искусственная редакция обращения Савинкова имеет целью личную реабилитацию его в глазах кругов, стоявших на стороне Керенского, оправдание тех загадочных для революционной демократии и самого Керенского связей, которые существовали между военным министерством и Ставкой. Или, как говорил сам Савинков, — «для восстановления исторической точности».

Поддержка «маршалов»? Корнилов не верил в стремление к активному выступлению высшего командного состава и не считал поэтому необходимым посвящать его заблаговременно в свои намерения; если не ошибаюсь, никуда, кроме Юго-западного фронта, ориентировка не посылалась. По существу, главнокомандующие и командующие не располагали ведь ни реальными силами, ни реальной властью, находясь в почетном, иногда и не в почетном, плену у революционных организаций. Тем не менее, создать узлы сопротивления путем формирования послушных частей, хотя бы для удержания в своих руках — более или менее длительного — военных центров и штабных технических аппаратов, было, конечно, и необходимо, и возможно. Но для этого нужен был некоторый подбор главных начальников, а для всего вместе — время. Между тем, быстро прогрессирующий распад страны и армии, по мнению Корнилова, не давал возможности планомерной подготовки. Наконец, Корнилов считал, что в случае успеха — признание всех старших военных начальников было обеспечено, а при неуспехе — меньшее число лиц вовлекалось в дело и под ответ. Судьба, однако, распорядилась иначе, создав совершенно непредвиденную обстановку длительного конфликта, в решении которого не только материальные силы, но и моральное воздействие, требовавшее однако, некоторого самопожертвования и риска, имело бы огромное значение. Такой нравственной поддержки Корнилов не получил.

27-го на обращение Ставки из пяти главнокомандующих отозвалось четыре¹⁹: один — «мятежным» обращением к правительству, трое — лояльными, хотя и определенно сочувственными в отношении Корнилова. Но уже в решительные дни 28—29-го, когда Керенский предавался отчаянию и мучительным колебаниям, обстановка резко изменилась: один главнокомандующий сидел в тюрьме; другой (Клембовский) ушел и его заменил большевистский генерал Бонч-Бруевич, принявший немедленно ряд мер к приостановке движения крымовских эшелонов; трое остальных засвидетельствовали о своем полном и безоговорочном подчинении Временному правительству в форме достаточно верноподданной. Генерал Пржевальский, донося Керенскому, счел нужным бросить укор в сторону Могилева: «Я остаюсь верным Временному правительству и считаю в данное время всякий раскол в армии и принятие ею участия в гражданской войне гибельным для отечества»... Еще более определенно высказался будущий военный министр, ставленник Керенского, полковник Верховский, объявивший в приказе по войскам Московского округа: «Бывший Верховный главнокомандующий... в то самое время, когда немцы прорываются у Риги на Петроград, снял с фронта три лучших казачьих дивизии и направил их на борьбу с правительством и народом русским»...

По мере того как получались все эти сведения, настроение Ставки все более падало, а Верховный все больше уходил в себя, в свои тяжкие думы.

Поддержка союзников? Нужно заметить, что общественное мнение союзных стран и их правительств, вначале чрезвычайно благожелательно настроенных к Керенскому, после июльского разгрома армии резко изменилось. И посланный правительством для ревизии наших заграничных дипломатических миссий Сватиков имел полное основание суммировать свои впечатления следующими словами доклада: «Союзники смотрят с тревогой на то, что творится в России. Вся западная Европа — с Корниловым, и ее пресса не перестает твердить: довольно слов, пора приступить к делу»²⁰. Еще более определенные и вполне доброжелательные отношения сохранили к Верховному иностранные военные представители. Многие из них представлялись в эти дни Корнилову, принося ему уверения в своем почитании и искренние пожелания успеха; в особенности в трогательной форме это делал британский представитель.

Слова и чувства. Реально они проявились только в декларации, врученной 28-го августа Терещенко Бьюкененом, в качестве старейшины дипломатического корпуса. В ней в изысканной дипломатической форме послы единодушно заявляли, что «в интересах гуманности и в желании устранить непоправимые действия они предлагают свои добрые услуги (посредников) в единственном стремлении служить интересам России и духу союзников». Впрочем, Корнилов тогда не ждал и не искал более реальных форм интервенции.

Поддержка русской общественности? Произошло нечто чудесное: русская общественность внезапно и бесследно сгинула.

Как я говорил уже, Милюков, быть может, еще два, три видных деятеля упорно и настойчиво поддерживали в Петрограде необходимость примирения с Корниловым и коренной реорганизации Временного правительства. Кадетская группа в правительстве героически и беспомощно боролась за то же в самой среде его. Какое фатальное недоразумение выросло на почве ненависти к правительству в целом и непонимания его политических группировок, когда и этим четверем «праведникам» в общей «содомской» куче, как оказывается, угрожали большие бедствия со стороны конспиративных организаций, очевидно превышавших свои полномочия... Либеральная печать, в том числе «Речь» и «Русское слово», в первые дни в спокойных лояльных статьях так определяла элементы выступления: «преступность» способов борьбы, правильность целей ее («подчинение всей жизни страны интересам обороны») и почвенность движения, обусловленная положением страны и ошибками власти. Довольно робко говорили о примирении... Вот все.

Исчезло и «совещание общественных деятелей», в лице оставленного им «совета»²¹. Председатель его М. Родзянко, еще три недели тому назад от имени совещания заявивший, что «всякие покушения на подрыв авторитета (Корнилова) в армии и в России считает преступным», теперь говорил²¹: «Никогда ни в какой контрреволюции я не участвовал и во главе фронды не стоял. О всех злобах дня я узнал только из газет и сам к ним не причастен. А вообще могу сказать одно: заводите сейчас междоусобия и ссоры — преступление перед Родиной». *Ab uno disce omnes!* (По одному узнай все! — *Ред.*).

Офицерство? Не было никакого сомнения, что масса офицерства всецело на стороне Корнилова и с замиранием сердца следит за перипетиями борьбы, им кровно близкой; но, не привлеченное к ней заблаговременно в широком масштабе и в солидной организации, в той обстановке, в какой оно жило, офицерство могло дать лишь нравственную поддержку.

Одна надежда оставалась на вооруженную силу, каковую представляли войска Крымова и петроградские организации, которые должны были выступить одновременно с войсками. Но с Петроградом, кроме военного министерства, связи не было никакой; о Крымове и сосредоточении его частей ничего не было известно; летчик и целый ряд посланных Ставкой офицеров застревали по дороге или были перехвачены, и никто не возвращался. Предчувствовалось что-то недоброе...

* * *

В Петрограде, как я уже говорил, царил полный развал. Казалось необыкновенно легким с ничтожными силами овладеть столицей, так как в ней не было войск, искренно преданных Временному правительству. Но не было и самоотверженных «корниловцев». Неожиданный поворот событий 27-го августа привел в полную растерянность петроградскую организацию. Вновь пошли непрерывные сборища и совещания, обнаружившие только нерешительность и подавленное настроение руководителей.

Между тем генерал Алексеев тщетно добивался благоприятного разрешения кризиса. Та растерянность, которая царила в Петрограде, и те настроения, которые преобладали среди бывших членов правительства, как будто давали надежду на образование нового правительства, с участием в нем в первенствующей роли генерала Алексеева, если с его стороны будет проявлена твердость и настойчивость. Впоследствии он подвергся суровым обвинениям за то, что не сумел использовать положение и согласился стать в подчиненную роль к Керенскому. Приводимый ниже эпизод дает некоторые объяснения его решению.

29-го августа ротмистр Шапрон — один из участников организации — застал его в крайне угнетенном состоянии. Старый генерал сидел в глубоком раздумье, и из глаз его текли крупные слезы. Он сказал: «Только что был Терещенко. Уговаривают меня принять должность начальника штаба при Верховном — Керенском... Если не соглашусь, будет назначен Черемисов... Вы понимаете, что это значит? На другой же день корниловцев расстреляют!.. Мне противна предстоящая роль до глубины души, но что же делать? Неужели нельзя связаться с Крымовым и вызвать сюда хоть один полк? Ведь у вас тут есть организация... Отчего она бездействует? Найдите во что бы то ни стало С. и заставьте его приступить к действиям...»

Один из крупных участников конспирации — летчик — заявил, что все летательные машины испорчены; взялся лично пробраться к Крымову на автомобиле, но скоро вернулся, объяснив, что сломалась машина. Этим, собственно, попытка связаться с конным корпусом и ограничилась. Наводит на размышление тот факт, что в те же дни по всему району «внутреннего театра» совершенно беспрепятственно проезжал комиссар Станкевич, а к крымским войскам проникали свободно всевозможные делегации.

Главного руководителя петроградской военной организации, полковника С., разыскивали долго и безуспешно. Он, как оказалось, из опасения преследования, скрылся в Финляндию, захватив с собой последние остатки денег организации, что-то около полутора тысяч рублей. Впоследствии имена нескольких участников организации я встретил в агентурных списках лиц, косвенно содействовавших большевикам или промотавших деньги конспирации. И техническая, и материальная часть дела были поставлены из рук вон плохо.

29-го Керенский отдал указ об отчислении от должностей и предании суду «за мятеж» генерала Корнилова и старших его сподвижников. Ночь на 30-е послужила решительным поворотным пунктом в ходе событий: генерал Алексеев, ради спасения жизни корниловцев, решился принять на свою седую голову бесчестие — стать начальником штаба у «главоверха» Керенского. Само назначение Керенского на этот пост вносило в дело обороны страны элемент какой-то злой и глупой шутки. Об этом кратком, всего несколькодневном периоде своей жизни Алексеев говорил впоследствии всегда с глубоким волнением и скорбью.

* * *

В этот день, 30-го, Ставка потеряла в значительной мере надежду на успех. Между часом и тремя часами дня произошел исторический разговор по телеграфу между Алексеевым и Корниловым. Генерал Алексеев сообщал о принятом «после тяжелой внутренней борьбы» назначении, обуславливая его тем, чтобы «переход к новому управлению совершился преемственно и безболезненно» для того, чтобы «в корень расшатанный организм армии не испытал еще лишнего толчка, последствия которого могут быть роковыми»...

Минута для такого перехода очевидно уже назрела, так как еще до этого разговора была заготовлена Лукомским от имени Верховного телеграмма Временному правительству... В ней указывалось на недопустимость перерыва руководства операциями хоть на один день и на необходимость немедленного приезда в Ставку генерала Алексеева, который, «с одной стороны, мог бы принять на себя руководство по оперативной части, с другой — явился бы лицом, могущим всесторонне осветить обстановку»... Корнилов обещал свою лояльность, под некоторыми условиями: 1. объявления о создании сильного и не подверженного влиянию безответственных организаций правительства, «которое поведет страну по пути спасения и порядка»; 2. прекращения арестов генералов и офицеров и приостановки предания суду генерала Деникина и подчиненных ему лиц; 3. прекращения в интересах армии распространения приказов и воззваний, порочащих имя Корнилова, еще не сдавшего верховного командования.

Алексеев обещал предъявить эти требования правительству — по-видимому, без веры в успех, потребовать временного оставления за Корниловым оперативного руководства войсками и ускорить свое прибытие. Керенский действительно отдал приказ о выполнении армиями всех оперативных приказаний Корнилова и Ставки и даже о продолжении прерванных перевозок, за исключением... направленных к Петрограду, Москве, Могилеву и на Дон, так как — сказано было в телеграмме — «современное положение дел не требует сосредоточения войск к указанным пунктам». Это не была еще безусловная сдача, как ошибочно поняли в Петрограде.

30-го Корнилов просил Алексеева дать ему возможность переговорить по прямому проводу с Крымовым... 31-го он объявлял войскам и населению Могилева: «Генерал Алексеев едет из Петрограда в Могилев для ведения со мной от имени Временного правительства переговоров... Являясь поборником свободы и порядка в стране, я остаюсь непреклонным в защите таковых и буду отстаивать их во все время ведения переговоров».

В ночь с 31-го августа на 1-е сентября происходит весьма характерный разговор по аппарату между генералами Алексеевым (из Витебска) и Лукомским, который я приведу в подробных извлечениях:

А.: Циркулирующие сплетни и слухи окутывают нежелательным туманом положение дел, а главное вызывают некоторые распоряжения Петрограда, отдаваемые после моего отъезда отсюда и могущие иметь нежелательные последствия. Поэтому прошу ответить мне: 1. Считаете ли, что я следую в Могилев с определенным служебным положением или же только для переговоров. 2. Предполагаете ли, что с приемом мною руководства армиями дальнейший ход событий будет определяться прибывающей в Могилев, вероятно, 2-го сентября или вечером 1-го сентября следственной комиссией под председательством главного (военного и) морского прокурора... От этого будет зависеть мое собственное решение, так как я не могу допустить себе быть простым свидетелем тех событий, которые подготавлиются распоряжениями и которых, безусловно, нужно избежать.

Л.: Сегодня вечером генерал Корнилов говорил мне, что он смотрит на вас, как на лицо, предназначенное на должность наштаверха, и предполагал после разговоров с вами и показав вам ряд документов, которых вы, вероятно, не имеете, дать вам свое окончательное решение, считая, что, быть может, ознакомившись с делом, вы несколько измените тот взгляд, который, по-видимому, у вас сложился. Во всяком случае, уверяю вас, что генерал Корнилов не предполагал устраивать из Могилева форт Шаброль и в нем отсиживаться. Я убежден, что ради того, чтобы не прерывать оперативной деятельности и дабы в этом отношении не произошло каких-либо непоправимых несчастий, вам не будет чиниться никаких препятствий по оперативным распоряжениям. Вот все, что я знаю. Если этот ответ вас не удовлетворяет, я могу разбудить генерала Корнилова и дать вам дополнительный ответ. Нужно ли?

А.: Да, придется разбудить, так как всего сказанного вами недостаточно. После тяжелого размышления я вынужден был силою обстоятельств принять назначение, во избежание других решений, которые могли отразиться на армии. В

решении этом я руководствовался только военной обстановкою, не принимая во внимание никаких других соображений. Но теперь возникает вопрос существенной важности: прибыть в Могилев только для оперативной деятельности, при условии, что остальная жизнь армии будет направляться другою волею, невозможно. Или придется взять все, или отказаться совершенно от появления в Могилеве. Я сказал вам, что после моего отъезда из Петрограда оттуда идут распоряжения, идущие помимо меня, но прямо касающиеся событий, которые могут разыграться в Могилеве. Поэтому явиться невольным участником столкновения двух волей, не от меня зависимых, я считаю для себя и недопустимым, и недостойным. Или с прибытием в Могилев я должен стать ответственным распорядителем по всем частям жизни и службы армии, или совсем не должен принимать должности. В этом отношении не могу допустить никакой неясности и недоговоренности, так как это может повлечь за собой непоправимые последствия. Я понимаю, что документы могут осветить мне ход событий. Думаю, что мой взгляд не идет вразрез с сутью этих документов. Но в настоящую минуту вопрос идет о практическом разрешении создавшегося положения.

Л.: Для получения мне вполне определенного ответа от генерала Корнилова на ваши вопросы было бы крайне желательно получить от вас освещение двух вещей: 1. что делается с Крымовым и 2. решено ли направить сюда что-либо для ликвидации вопроса.

А.: Я задержал сегодня свой отъезд до 10 ч утра, чтобы дожидаться приезда генерала Крымова в Петроград. Видел его и разговаривал с ним. На пути видел бригадных командиров Туземной дивизии и читал записку, присланную им от генерала Крымова. Записка говорит об отводе Туземной дивизии в район станции Дно и о прибытии начальников дивизий и бригадных командиров в Петроград. Сейчас в Витебске циркулируют неясные слухи, что с генералом Крымовым что-то случилось, но слухам этим я не доверяю и предполагаю, что он остался в Петрограде. Крымов говорил мне, что в 12 часов он должен был быть у Керенского. На 2-й ваш вопрос должен сказать, что при отъезде я заявил, что беру на себя спокойно, без всяких толчков вступить в исполнение обязанностей. К глубокому сожалению, на пути узнал, что непосредственно из Петрограда отдаются распоряжения, которые становятся мне известными совершенно случайно, — о направлении средств для насильственной, если нужно, ликвидации. Потому-то я и высказал, что для меня и недостойно, и недопустимо пребывание при таких условиях в Могилеве. Вот причина, вследствие которой для меня необходим ясный ответ. От него будет зависеть мое решение. Но, к сожалению, я не могу сейчас повлиять на остальные распоряжения. Сознаю только глубоко, что допустить до подобной ликвидации было бы большой ошибкой...

Л.: Генерал Корнилов просит вас приехать как полномочного руководителя армиями. Но вместе с этим ген. Корнилов настаивает, чтобы вы приняли все меры к тому, чтобы никакие войска из других пунктов теперь в Могилев не вводились и к нему не подводились, ибо по настроению здешних войск произойдет кровопролитие, которое ген. Корнилов считает необходимым избежать. Со своей стороны он примет меры, дабы никаких волнений в Могилеве не было. Ген. Корнилов просит вас ответить, можете ли вы ручаться, что эта его просьба, чтобы войска к Могилеву не подводились, будет исполнена?

А.: Сделаю все.

Таким образом, только утром 1-го сентября генерал Корнилов принял окончательное решение подчиниться судьбе.

* * *

Что же случилось с войсками генерала Крымова? Вновь назначенный командиром 3-го конного корпуса генерал Краснов прибыл в Могилев только 28-го августа. Получив в Ставке приказание ехать через Псков и, узнав там местонахождение частей корпуса, немедленно двинуться по направлению к Петрограду, он задержался в Пскове, где и был арестован.

Приказ о движении к Петрограду войска 3-го конного корпуса и Туземной дивизии получили 27-го августа. Войска эти были разбросаны на обширном пространстве между Ревелем — Валком — Псковом — Дно. Ко времени, когда окончательно остановилось железнодорожное движение, передовые части оказались далеко от Петрограда, и только одна бригада Туземной дивизии (Черкесский и Ингушский полки под командой князя Гагарина) дошла своими передовыми частями до станции Семрино, впереди которой и завела бескровную перестрелку с «правительственными» войсками, находившимися у Антропшина. «Правительственные войска», т. е. по преимуществу тыловые запасные батальоны, не выражали склонности к серьезному сопротивлению, нервничали и не раз уходили, бросая свои позиции от одного слуха о приближении казаков и «диких». Путаница была настолько велика, что нередко казачьи квартирьеры мирно разъезжали в районе своего противника и располагали там свои части. Приказы от Крымова высшими штабами получались, но технически их распространение по эшелонам, разбросанным на сотни верст, встречало трудно преодолимые препятствия. До 29-го войска шли на Петроград официально для поддержки Временного правительства. В этот же день Крымов объявил о столкновении Керенского с Верховным и призывал оставаться послушными распоряжениям последнего, напоминая постановление казачества о недопустимости смены Корнилова. Вместе с тем, подтверждал свой приказ двигаться на Петроград, где по его сведениям «начались беспорядки». Такая неопределенная постановка цели уже ни казаков, ни солдат удовлетворить не могла. Вопрос стоял проще и определеннее: с Временным правительством против Корнилова или с Корниловым против Временного правительства.

Весь старший командный элемент, если и не был в полном составе посвящен в планы и намерения Крымова, то, конечно, отдавал себе ясный отчет в том, на чью сторону стать. В отношении офицерства, которое далеко не все знало, но все понимало обстановку, разномыслия также не было. Все знали, что необходимо спешить к Петрограду. Необходимо было, следовательно, начальникам, рискуя головами, увлечь за собой части, бросить станции, где шла бешеная противокорниловская агитация, бросить свои обозы и хвосты, жертвуя сосредоточением всех сил, и идти в поле, деревнями, походом, форсированными маршами, только бы скорее дойти до столицы.

Но дерзания не было. Томление, нерешительность, беспомощность, потеря времени давали печальные результаты. Тем временем работал «Викжель», задерживая повсюду «корниловские эшелоны». Новый управляющий министерством путей сообщения Ливеровский^{III} проявил необыкновенную деятельность в деле противодействия сосредоточению войск. Одновременно двинулись навстречу эшелонам множество делегаций от Керенского, Совета, Петроградской думы, мусульманского съезда, от всяких местных комитетов и т. д. Правительственные делегации имели «мандаты» на устранение и аресты начальствующих лиц. В свою очередь войсковые части послали своих делегатов в Петроград, и мало-помалу накопившееся напряжение или рассасывалось в потоке революционных словопрений, или срывалось насилиями над офицерами.

Керенский говорит, что корниловское движение было бескровно подавлено в самом начале только благодаря энтузиазму и единению всей страны, которая соединилась вокруг национальной демократической власти...²². Какое пристрастие к пафосу! Ведь энтузиазм был уже похоронен на полях июньского наступления, «цветы души» растоптаны на Московском совещании, власть давно опошлена и обескровлена, и вместо яркого светоча ее тлел только фитиль еще два месяца, пока не погас в конце октября окончательно.

Нет, причины были более реальные: энергичная борьба Керенского за сохранение власти и борьба Советов за самосохранение, полная несостоятельность технической подготовки корниловского выступления и инертное сопротивление массы, плохо верившей Корнилову, мало знавшей его цели или, во всяком случае, не находившей их материально ценными...

К 30-му на подступах к Петрограду у Крымова была только одна бригада кавказских всадников. Метод, так успешно примененный в отношении Корнилова со

львовской миссией, Керенский повторил и с Крымовым. Он послал в окрестности Луги помощника начальника своего кабинета, полковника Генерального штаба Самарина, к которому Крымов издавна питал большое расположение, «для выяснения положения», в действительности же, чтобы безболезненно изъять Крымова из войск. Есть основание думать, что Самарин представил Крымову положение безнадежным, подчинение Ставки окончательным и от имени Керенского заявил, что последний желает принять все меры, чтобы потушить возникшее столкновение и представить его стране в примирительном духе. Ни одному слову Керенского Крымов не верил, но Самарину поверил. И поехал в Петроград.

Ранним утром 31-го он вел долгую беседу с генералом Алексеевым в вагоне поезда, уже готового к отправлению. Никто, кроме их двух, не присутствовал в этот глубоко драматичный момент при их беседе, облеченной покровом тайны и положившей предел корниловскому выступлению. Одно во всяком случае ясно: потерявший сердце Алексеев не мог влить твердость в мятущуюся душу Крымова. Алексеев уехал в Могилев «для ликвидации Ставки», Крымов поехал к Керенскому. Его видели проезжавшего по городу в автомобиле — бледного, задумчивого, не замечавшего приветствовавших его знакомых. В Зимнем дворце произошел разговор его с Керенским, который последний передает в английском издании своей книги²³ в оскорбительном для памяти покойного изложении. По его словам, Крымов — смелый, решительный, прямой, честный Крымов — был тих, скромен и подавлен якобы тем, что сказал неправду ему — Керенскому, прозорливо разгадавшему истинную роль Крымова. О том бурном, гневном, обличительном слове Крымова, которое вырвалось из-за стен кабинета, он молчит. В неоставляющей его мании величия, Керенский дает понять между строк английскому читателю, что на финальный выстрел не осталось без влияния и то обстоятельство, что он — Керенский не подал при прощании руки генералу Крымову... Англичанам можно рассказывать что угодно: они не знают, что Крымов всегда и открыто выражал свое глубокое презрение к Керенскому. Впрочем и Керенский должен бы признать посмертно «честную, сильную и храбрую натуру этого человека» и «неоспоримое право его на величайшее уважение своих политических врагов».

Крымов оказался обманутым. Уйдя от Керенского, выстрелом из револьвера он смертельно ранил себя в грудь. Через несколько часов в Николаевском военном госпитале, под площадную брань и издевательства революционной демократии в лице госпитальных фельдшеров и прислуги, срывавшей с раненого повязки, Крымов, приходивший изредка в сознание, умер.

Но, по-видимому, и мертвым «политический враг» был страшен для министра-председателя: публичные похороны были запрещены, и вдове покойного пришлось пройти через новое тяжелое испытание — просить Керенского о разрешении честного погребения. Было, наконец, разрешено похоронить покойного по христианскому обряду, но не позже шести часов утра в присутствии не более девяти человек, включая и духовенство. Вечная ему память!

* * *

4-го сентября полковник Самарин за отличие по службе был произведен в генерал-майоры и назначен командующим войсками Иркутского военного округа.

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Правые смотрели на Корнилова только как на орудие судьбы и на дело его как на переходный этап к другому строю.
2. Конец 1916 и начало 1917 года. Крымов был вызван своими единомышленниками с фронта в Петроград к 1-му марта, но петроградское восстание изменило ход событий.
3. Составлена кн. Ухтомским.
4. Интересно это представление строевого офицерства о «власти Совета» как о государственно-правом состоянии и о свержении этой «власти» как о «государственном перевороте».
5. Обобщаю течения именами главных участников.
6. Корнилов узнал об этом только впоследствии.
7. Единственная фраза во всем показании, которая не подтверждается В. Львовым.
8. Добрынский до декабря не был представлен ген. Корнилову.
9. См. главу IX т. 1.
10. Предположительный список министров составлялся в кабинете Корнилова на следующий день, 26-го, при участии его, Филоненко, Завойко и Аладина. По свидетельству г. Н-го, Завойко впоследствии, на совещании в Ставке, оправдываясь перед Корниловым, отрицал факт передачи им (Завойко) списка министров В. Львову.
11. Из показания Корнилова следственной комиссии.
12. Инициатива, редакция и даже подпись фамилии Керенского на телеграмме с обращением к народу о мятеже главнокомандующего приписываются Некрасову. Следственная комиссия так и не добила подлинника телеграммы.
13. Из письма в газету Филоненко.
14. См. том 1, гл. XXXVI.
15. Из показания Корнилова следственной комиссии.
16. «Телеграмма министра-председателя... во всей своей первой части является ложью: не я послал члена Гос. Думы В. Львова к Временному правительству, а он приехал ко мне как посланец министра-председателя».
17. Два воззвания составлены Завойко, одно (к казакам) лично Корниловым.
18. При выборах в городскую думу.
19. Кроме главнок. Кавказским фронтом, ген. Пржевальского. См. гл. XXXVI. т. 1.
20. Из секретных документов, опубликованных большевиками.
21. «Русское Слово», 1917 г., № 197.
22. «Прелюдия большевизма».
23. «Прелюдия большевизма». Керенский припоминает, что при разговоре присутствовал помощник военного министра, полковник Якубович.

Примечания редакции

- I. *Краснов Петр Николаевич* (1869—1947) — генерал-лейтенант, один из главных организаторов борьбы с целью свержения Советской власти в период гражданской войны. В августе — сентябре 1917 г. — командир 3-го конного корпуса. После Октябрьской революции вместе с А. Ф. Керенским возглавлял антисоветский мятеж, командовал войсками, направленными с фронта на Петроград. Был разбит и взят в плен. Отпущен советскими властями под честное слово, что не будет продолжать борьбу против революции. Бежал на Дон, в мае 1918 г. был избран атаманом Войска Донского. Опираясь на помощь Германии, вооружил белоказачью Донскую армию и в мае — августе захватил власть в Донской области. В январе 1919 г. признал главенство Деникина, но из-за противоречий с командованием Добровольческой армии в феврале вышел в отставку и уехал в Германию, где продолжал антисоветскую деятельность. В годы второй мировой войны сотрудничал с гитлеровцами; захвачен в плен бойцами Красной Армии; казнен по приговору Верховного суда СССР.
- II. «*Совет общественных деятелей*» — контрреволюционная организация, созданная в Москве в августе 1917 г. накануне Государственного совещания с целью установления в стране военно-буржуазной диктатуры. Руководители: М. В. Родзянко, П. Н. Милуков, затем Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев. «Совет» поддерживал корниловщину, после Октябрьской революции боролся против Советской власти. Члены организации входили в «Правый», «Национальный» и «Тактический» центры.

III. *Ливеровский Александр Васильевич* (1867—1951) — ученый, специалист в области строительства железных дорог и мостов в условиях вечной мерзлоты. После Октябрьской революции входил в подпольное Временное правительство. В конце 1917 г. признал Советскую власть. Находился на преподавательской и научной работе, участвовал в разработке проектов и руководстве строительством Транссибирской магистрали, Кругобайкальской, Мурманской дорог и др., создании первого пятилетнего плана развития железных дорог (1927 г.), ледовой «Дороги жизни» через Ладогу (1942 г.). Дважды был арестован — в Ленинграде (март — май 1933 г.) и в Москве (сентябрь 1933 — март 1934 г.) по делу «вредителей» (см. о нем: «Показания» А. В. Ливеровского. — Вопросы истории, 1988, № 7, с. 90 сл.).

Россия на историческом повороте

А. Ф. Керенский

Глава XVII. Двойное контрнаступление

1 июля М. И. Терещенко, И. Г. Церетели и я возвратились в Петроград. Текст соглашения с украинской Центральной Радой был ранее передан по телеграфу князю Г. Е. Львову, который сообщил его содержание остальным министрам. Вечером того же дня на заседании правительства соглашение было ратифицировано большинством голосов, после чего министры от кадетской партии объявили о своем немедленном выходе из кабинета. Политические круги Петрограда охватило возмущение, а мы оказались в состоянии нового правительственного кризиса.

На следующий день министры после длительных неофициальных переговоров в кабинете Львова договорились отложить решение вопроса о новых назначениях в правительстве. Это позволило мне выполнить обещание, которое я дал генералу А. И. Деникину: я немедленно отправился на Западный фронт. Я выехал из Петрограда вечером 2 июля и на следующее утро прибыл на место.

Первым делом я отправился в инспекционный объезд, который хоть немного отвлек меня от мыслей о тягостном положении в столице. Поездка на фронт была словно возвращение домой. Тут людям не до церемоний и сложностей. У них одна-единственная, предельно простая цель — выжить, их сознание целиком занято проблемой жизни и смерти, и перед лицом общей опасности они ощущают особую близость друг к другу.

Ранним утром 4 июля мы получили первое официальное сообщение о вооруженном восстании рабочих и солдат в Петрограде, организованном Лениным, которое известно в истории как восстание 3 июля¹.

Новость эта не очень меня встревожила — я полагал, что в столице достаточно надежных войск, и приступил к объезду дивизий, которым первым предстояло 9 июля вступить в бой. То, что я увидел, произвело на меня еще более неблагоприятное впечатление, чем на Деникина.

Проходя опушкой леса вдоль линий траншей, я увидел, как несколько солдат, собравшись в кучку, читают под деревом какую-то брошюру. Завидев нас, они бросили ее под деревом и скрылись в лесу. «Принесите мне эту брошюру», — попросил я одного из своих помощников. Быстро проглядев брошюру, я передал ее офицеру. Это был последний выпуск «Товарища», подрывного еженедельника, который немцы издавали для русских солдат в Вильне. В статье, озаглавленной «Россия и наступление», датированной 3 июля, ее автор, ссылаясь на Петроградское теле-

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 6—12; 1991, №1.

графное агентство, удивительно провидчески писал: «Согласно сообщениям, полученным из России, наступление в Галиции вызвало бурю возмущения русского народа. Во всех крупных городах собираются толпы людей, протестующих против массовых убийств сынов России. Нарастает волна гнева против англичан, на которых все возлагают вину за продолжение ужасной войны. Керенского совершенно открыто называют предателем родины. Для разгона массовых демонстраций и расправы с их участниками в Москву направлены отряды казаков. Это не может более продолжаться. По сообщению «Русского слова», положение в Петрограде, объявленное осадным, резко ухудшилось. За последние несколько недель было арестовано много крайне левых социалистов. Газета также сообщает, что некоторые руководители крайне левых вынуждены были покинуть Петроград и искать убежища в глубокой провинции».

Очевидно, редактор «Товарища» загодя знал о большевистском восстании 3 июля. По сути дела, он старался внедрить в умы солдат на передовой те же самые идеи, которые ленинские пропагандисты вбивали во время восстания в головы петроградских солдат и кронштадтских матросов. Требуя свержения Временного правительства и призывая к неподчинению военным приказам, немцы и большевики выступали заодно. И те, и другие утверждали, что Керенский и офицеры предприняли галицийское наступление по наущению иностранных капиталистов. Единственное, что было опущено в том выпуске «Товарища» — большевистский лозунг «Вся власть Советам», ибо немецких союзников Ленина мало волновал вопрос, какого рода режим предлагают установить большевики. У немцев была своя задача: парализовать русскую армию на фронте, развалить административный аппарат в стране с тем, чтобы установить свой полный контроль над Россией, а затем разгромить союзников на западе. Согласно данным нашей разведки, немцы начали спешно перебрасывать свои дивизии на Восточный фронт. Картина была предельно ясна: готовилось двойное контрнаступление. Оно и началось 3 июля ударом Ленина ножом в спину революции, и теперь нам следовало ожидать фронтального наступления со стороны Людендорфа.

Вечером 4 июля я получил сообщение о появлении в Петрограде большого отряда кронштадтских матросов, дополненное настоятельной просьбой князя Львова о немедленном возвращении в столицу. Пообещав генералу Деникину, крайне расстроенному моим внезапным отъездом, вернуться к началу наступления 9 июля, я на следующий день отправился поездом в Петроград. На последней перед Петроградом станции ко мне присоединился Терещенко, который ввел меня в курс последних событий и предупредил, что князь Львов принял окончательное решение о выходе из Временного правительства. На вокзале в Царском Селе нас встретили полковник М. П. Якубович, командующий Петроградским военным округом генерал П. А. Половцев и почетный караул из состава Преображенского полка. Платформа и привокзальная площадь были заполнены толпой людей самого разного возраста и разных сословий, пришедших приветствовать меня. С таким же энтузиазмом меня встретила толпа и на площади перед Зимним дворцом, когда я подъехал к штаб-квартире Петроградского военного округа, где после начала восстания разместилось правительство.

Не теряя времени и даже не обратившись с приветствием к собравшимся, я сразу же направился в кабинет князя Львова. Однако возбужденная толпа не желала расходиться, требуя моего появления. Мне пришлось несколько раз выходить на балкон и обращаться к собравшимся внизу людям с краткими речами, в которых я заверял их, что предательское восстание уже подавлено и у них нет больше оснований для беспокойства.

Те двадцать четыре часа, которые я провел тогда в Петрограде, и особенно бессонная ночь 7 июля, никогда не изгладятся из моей памяти. Я застал князя Львова в состоянии ужасной депрессии. Он лишь ожидал моего приезда, чтобы выйти из правительства. В тот самый день я занял пост министра-председателя. И в тот же день поздно вечером из Ставки поступило первое краткое сообщение о том, что немцы прорвали фронт 11-й армии в районе Калуша и что мы беспорядочно отступаем.

Во второй половине дня 8 июля я, как и обещал генералу Деникину, возвратился на фронт. Он и его штаб уже знали о германском наступлении на Галицийском фронте, однако солдаты на передовой об этом еще не прослышали. Во всяком случае, объезжая расположения полков, которым назавтра предстояло вступить в бой, я убедился, что у солдат прекрасное настроение. Поздним вечером того же дня в низине за первой линией окопов я беседовал с группой солдат и офицеров. Большинство из них были из 2-й Кавказской гренадерской дивизии, на которую сильное воздействие ранее оказывала большевистская пропаганда.

Становилось все темнее. Началась артподготовка. Над головой пролетали снаряды. Все это, вместе взятое, создавало атмосферу близости и даже товарищества. Казалось, все мы — и я, и офицеры, и солдаты — охвачены общим стремлением, общим желанием исполнить свой долг. Солдаты 2-й Кавказской гренадерской дивизии с гордостью рассказали, что покончили со всеми предателями в своих рядах и теперь готовы первыми броситься в атаку, что они позднее и сделали. Ни разу за все время пребывания на фронте не было у меня столь сильного желания, как тогда, провести всю ночь в окопах с солдатами, а наутро пойти с ними в бой. И никогда прежде не испытывал я такого стыда, что не делаю того, к чему призываю их. Уверен, что всем людям, облеченным особой ответственностью, довелось пережить в жизни минуты горького презрения к самим себе, но у меня, как и у других, не было выбора: сражению предстояло начаться на следующий день, а мне ничего не оставалось, как возвратиться в Петроград, чтобы принять из рук Львова бремя власти, которое он после восстания 3 июля уже не был способен нести.

На следующий день, когда войска генерала Деникина пошли на штурм германских позиций, они показали себя с самой лучшей стороны. Вот что писал об этом наступлении генерал Людендорф: «Наиболее яростным атакам 9 июля и в последующие дни подверглись войска командующего Восточным фронтом в районе Крево, к югу от Сморгони. Здесь русские прорвали растянувшуюся на большом протяжении линию обороны одной из пехотных дивизий, несмотря на проявленное ею мужество. В течение нескольких дней положение казалось крайне серьезным, пока его не восстановили введенные в бой резервы и артиллерия. Русские ушли из наших окопов. Это были уже совсем не те солдаты, с которыми мы сражались раньше»². Если бы генерал Деникин не был настроен так пессимистически и не бросил 10 июля фронт, вернувшись в свой штаб в Минске, быть может, те несколько дней, когда «положение казалось крайне серьезным», не закончились бы так неожиданно.

Не было ничего постыдного в том, что русские солдаты, среди которых было немало не нюхавших ранее пороху новобранцев, не смогли удержать свои позиции и отразить натиск германских дивизий, пустивших в ход отравляющие вещества и тяжелую артиллерию. В конце концов потерпели же весной того же года сокрушительное поражение, от которого не могли оправиться все лето, первоклассные французские и английские армии, не испытывавшие шока революции. Однако французские и английские генералы не вели себя так, как русские, которые использовали поражение на фронте в своих личных политических интересах, зачастую намеренно изображая поведение своих солдат в искаженном свете. Инцидент, о котором пойдет речь — характерный пример такого предательства.

В начале июля ударные части германской армии под командованием генерала фон Ботмера завершили подготовку к наступлению против нашей 11-й армии на Юго-Восточном фронте в районе между Зборовом и рекой Серет. В подкрепление дислоцированным там немецким и австрийским войскам с Западного фронта было переброшено шесть отборных германских дивизий и большое количество тяжелой артиллерии. На рассвете 6 июля генерал фон Ботмер предпринял мощную атаку и прорвал русский фронт. Правительство узнало об этом поздним вечером того же дня из поступившего краткого донесения, за которым последовало официальное коммюнике ставки Юго-Западного фронта, опубликованное во всех газетах 8 июля. Оно произвело впечатление разорвавшейся бомбы и потрясло всю страну. В коммюнике говорилось: «В 10 часов 607 Млыновский полк, находившийся на участке Баткув — Манаюв, самовольно оставил окопы и отошел назад, следствием

чего явился отход и соседей, что дало возможность противнику развить свой успех. Наша неудача объясняется в значительной степени тем, что под влиянием агитации большевиков многие части, получив боевой приказ о поддержании атакованных частей, собирались на митинги и обсуждали, подлежит ли выполнению приказ, причем некоторые полки отказывались от выполнения боевого поручения и уходили с позиций без всякого давления со стороны противника. Усилия начальников и комитетов побудить к исполнению приказов были бесплодны»³.

На самом же деле все было совсем не так. Как показало расследование, проведенное по приказу главнокомандующего генерала Брусилова, дивизия была буквально сметена с лица земли огнем нескольких сотен артиллерийских орудий противника (в русской дивизии их было всего шесть) и ее потери составили 95 офицеров, включая 2 полковых командиров, и около 2 тыс. солдат из уже неполного состава дивизии. Остается предположить, что офицер, написавший коммюнике, действовал либо по злому умыслу, либо в состоянии полной паники. Из этого коммюнике генерал фон Ботмер вполне мог представить себе, что дисциплина в русской армии находится даже в худшем состоянии, чем это было в действительности.

Я мог бы привести и другие примеры, когда такие недобросовестные сообщения с полей сражений оказывали услугу противнику. По странному совпадению, официальные сообщения с фронта всегда подчеркивали храбрость офицеров и никогда не упоминали об отваге и самоотверженности рядовых солдат, сообщая лишь об их дисциплинарных проступках.

За долгие годы, прошедшие со времени поражения русской революционной армии, я не раз задавался вопросом, как бы повела себя 11-я армия под огнем артиллерии фон Ботмера, если бы первые сообщения о наступлении противника были правдивыми. Одним из самых серьезных последствий таких недобросовестных сообщений было то, что они еще больше подрывали дисциплину. Солдатам вовсе не надо было дожидаться результатов расследования по делу Млыновского полка, они и без того знали о возведенной на него клевете, и к недоверию, которое они испытывали к офицерам, стало примешиваться чувство мести. Верховное командование, стремясь возродить старые порядки, пыталось переложить на них ответственность за свои ошибки. Справедливы ли были подозрения солдат, теперь уже не имеет никакого значения. Но то, что официальные сообщения о положении на фронте благоприятствовали противнику, а отнюдь не нашим войскам, имело огромное значение в их поражении.

Таковую же и даже худшую роль сыграла часть русской прессы, особенно «Русское слово» (популярная в Москве газета с тиражом свыше миллиона экземпляров), которая стала публиковать сообщения с фронта, содержавшие часто информацию, представлявшую огромный интерес для германского верховного командования. Восстановление военной цензуры не разрешило, к несчастью, проблеме утечки этой информации. Военному корреспонденту «Русского слова» были запрещены поездки на фронт, но невозможно было запретить деятельность всех тех штабных офицеров, в чью обязанность входило составление официальных сводок.

Когда год спустя я прочитал все то, что написали Гинденбург, Людендорф и Гофман в своих мемуарах о русской армии в 1917 г., и сравнил их оценки с оценками наших русских генералов, то, к своему удивлению, пришел к выводу, что германские генералы дали гораздо более взвешенную и более благоприятную картину нашего тогдашнего военного положения, чем это сделали наши собственные. Объяснение этому парадоксу крайне простое: немцы ни на минуту не забывали, что ведут войну на два фронта, и рассматривали военные операции в России в рамках единого стратегического плана, охватывающего оба фронта, тогда как русские [политики], видимо, забыв, что в 1917 г. русская армия выполняла лишь часть общего союзного плана, решили использовать психологические последствия тяжелейших тактических ошибок русской армии в своей кампании против ненавистного им Временного правительства.

Позволю себе еще раз напомнить читателю, что после сокрушительного поражения французской и английской армий на Западном фронте весной 1917 г. русское

правительство и верховное командование (генералы Алексеев и Деникин) взяли на вооружение единственно возможную стратегию, которая могла спасти союзников, а следовательно, и Россию; а именно, предпринять наступление силами русской армии с тем, чтобы предотвратить разгром союзников на Западном фронте. Эта благородная стратегия — вызвать огонь Германии на себя — скрупулезно осуществлялась русской стороной. Перед падением монархии, к концу Брусиловского наступления в октябре 1916 г., на русском фронте было сконцентрировано около 74 германских дивизий. К августу 1917 г. там находилось 86 германских дивизий с приданной им тяжелой артиллерией⁴.

И лишь после мертворожденного заговора Корнилова⁵, когда Россия и фронт снова, как и в марте 1917 г. были брошены в пучину беспорядков, немцы смогли перебросить на запад значительное число своих дивизий. К январю 1918 г. на русском фронте осталось лишь 57 немецких дивизий, а к осени 1918 — только 26. Однако такая переброска солдат и техники на запад была проведена слишком поздно, чтобы принести Германии стратегические выгоды, ибо даже наше «умеренное продвижение», по выражению Гинденбурга, не дало возможности Людендорфу нанести решающий удар на западе до прибытия туда американских войск.

В конце июля 1917 г. немцы приступили к переброске своих войск с Румынского и Юго-Восточного фронтов в район Риги, где полным ходом шла подготовка к наступлению. На этой стадии боевые действия как на тех двух фронтах, так и на всем Западном фронте полностью прекратились. Оторвавшись от противника, русские войска закрепились на новых позициях. Упорным трудом наиболее уравновешенные командиры, комиссары [Временного правительства] и представители военных комитетов смогли восстановить в армии хоть какой-то порядок. 18 июля Верховным главнокомандующим был назначен генерал Корнилов, который на заседании Временного правительства 3 августа нарисовал весьма оптимистическую картину сложившейся военной ситуации и заявил, что в самое ближайшее время он планирует перейти в наступление⁶.

Рига

А тем временем на фронте стало происходить нечто странное. Если ранее Верховный главнокомандующий объявил, что планирует наступление и что, как обычно, будет координировать свои действия с командирами, комиссарами и избранными военными комитетами, то теперь такие уверения не нашли подтверждения в реальных делах.

В начале августа на Юго-Западный фронт прибыл генерал Деникин. Взгляды только что назначенного на пост командующего фронтом генерала мало чем отличались от взглядов Корнилова. В эти дни они оба резко изменили свое отношение к комиссарам и военным комитетам. Командиры, которые считали для себя обязательным сотрудничать с комиссарами и комитетами, встречали холодный прием и замещались твердолобыми сторонниками старого режима.

13 августа товарищ председателя Исполнительного комитета фронта Колчинский направил в адрес военного министра и Всероссийского Центрального исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов телеграмму, в которой изложил все, что происходило, подчеркнув при этом, что политика, проводимая без согласования с центральными демократическими организациями, неизбежно вызовет волнения в войсках.

Его слова как нельзя лучше комментируют приказ управляющего военным министерством Б. В. Савинкова за № 177 от 10 августа. «В связи с последними событиями на фронте в ряде воинских подразделений наблюдается определенное беспокойство в отношении дальнейшей судьбы армейских организаций. Такое беспокойство может быть объяснено лишь атмосферой взаимного недоверия, которая, к сожалению, возникла и сгущается вследствие пропагандистской деятельности подозрительных лиц...»

Кто они были, эти «подозрительные лица», которых не называет Савинков?

Если бы он имел в виду большевиков, то, без сомнения, прямо назвал бы их. Но это были не большевики и, если так можно сказать, даже совсем «наоборот». Кампанию против выбранных армейских организаций и комиссаров вели, и я знаю это наверняка, те самые офицерские организации и группы, которые вскоре после этого стали ядром военного заговора. Во время обеда с Корниловым 3 августа я попросил его принять дисциплинарные меры в отношении некоторых штабных офицеров, чьи имена я ему сообщил. Однако никаких мер принято не было. Деятельность определенных лиц, о которых генерал Корнилов был поставлен в известность, не только продолжалась, но и усиливалась как на фронте, так и в Петрограде и в Москве.

Определенное несоответствие между словами нового Верховного главнокомандующего и реальным поведением Деникина и его единомышленников в действующей армии особенно бросалось в глаза на фоне усилий начальника штаба Корнилова генерала А. С. Лукомского, который всячески стремился укрепить боеспособность Северного фронта. Деникин и симпатизирующие ему высшие офицеры, которые, хотя и считались истинно русскими патриотами, судя по всему, хотели любой ценой подорвать моральный дух и восстановленную дисциплину в армии, нанести ущерб доверию солдат к офицерскому составу. Как могли они так поступать, когда и Верховный главнокомандующий, и высшие офицеры прекрасно знали, что германское верховное командование готовится к наступлению на Северном фронте в районе Риги? Был ли хоть какой-нибудь здравый смысл в их систематической клеветнической кампании против комиссаров и комитетов, которая велась и на митингах, и в прессе, и в официальных сводках Ставки? И даже если в этом и была хоть капля здравого смысла, то можно ли было поднимать такой шум, когда в пределах слышимости находился противник, готовящийся к наступлению? И почему Северный фронт в те трагические недели усилиями высшего командования русской армии был намеренно поставлен под угрозу? В то время я не мог найти ответов на эти тягостные вопросы; теперь же мне стал известен весь чудовищный замысел.

В день падения Риги румынский посланник при Временном правительстве Диаманди волею судеб оказался в Ставке в Могилеве. Потрясенный известием об этом, он спросил Корнилова, как могло случиться, что неприятель захватил город, и что за этим последует. Генерал Корнилов ответил, что «не нужно придавать большого значения взятию Риги. Генерал прибавил, что войска оставили Ригу по его приказанию и отступили потому, что он предпочел потерю территории потере армии. Генерал Корнилов рассчитывал также на впечатление, которое произведет взятие Риги в общественном мнении, в целях немедленного восстановления дисциплины русской армии»⁷.

Не знаю, успокоили ли эти слова испуганного Диаманди, однако Корнилов не сказал ему правды. Он не сказал ему, что русские солдаты вели упорные бои под градом снарядов тяжелой артиллерии и в облаках горчичного газа⁸. Он не мог признать, что поразил общественное мнение не тем, что не сообщил об истинном поведении русских солдат под Ригой, а тем, что пустил в ход лживые сводки, будто при первом ударе немцев русские трусливо бросились наутек.

Эти официальные сводки были немедленно опубликованы в столичной и провинциальной прессе, вызвав волну предубеждений против действующей армии. Эффект был таким же, как и при опубликовании лживых донесений о бегстве Млыновского полка и о 6-й гренадерской дивизии в первый день германского наступления на юго-западе. Корнилов не мог, конечно, признаться, что эти лживые рассказы были нужны ему для обеспечения успеха его похода на Петроград, который он предпринял вскоре после падения Риги.

Поскольку я сам лично не был с русскими войсками под Ригой, то не могу дать описания боев, в которых были сметены с лица земли целые полки, «разложившиеся под влиянием революции». Однако есть немало свидетелей, которые поведали о мужестве русских войск, проявленном в самых безнадежных, исключительно неблагоприятных обстоятельствах. Вот что, например, писал в газете «Известия» 22 августа 1917 г. помощник комиссара при главнокомандующем армиями Север-

ного фронта Владимир Войтинский: «19-го августа под прикрытием ураганного огня противнику удалось переправиться на правый берег Двины. Наши орудия не могли помешать переправе, так как большая часть орудий, прикрывающих район переправы, была подбита противником. Наш плацдарм засыпан снарядами, бомбами с удушливым газом. Войска принуждены были отступить на 5 в. от Двины, на фронте протяжением 10 в. Для восстановления положения... двинуты свежие войска. Перед лицом всей России свидетельствую, что в этой неудаче нашей армии не было позора. Войска честно исполняли все приказы командного состава, переходя местами в штыковые атаки и идя навстречу верной смерти. Случаев бегства и предательства войсковых частей не было. Представители армейских комитетов — вместе со мной в районе боев».

Несмотря на это и многие другие свидетельства о мужественном поведении войск, та часть прессы, которая занимала по отношению к Временному правительству враждебную позицию, широко разрекламировала после падения Риги предсказание генерала Корнилова, которое он сделал 14 августа на заседании Московского государственного совещания, что вследствие «развала» русской армии падение Риги неизбежно. Ему нетрудно было сделать такое предсказание, поскольку он с самого начала августа приступил к отводу войск с Северного фронта, а направленная туда начальником его штаба Лукомским кавалерия была вместо этого переброшена к Петрограду.

Г л а в а XVIII. Путь предательства

Несколько лет назад вниманию общественности была представлена часть секретных архивов германского министерства иностранных дел, захваченных в ходе последней войны. Среди них оказалось немало документов, касающихся отношений немцев с Лениным и другими большевиками в период первой мировой войны. Содержание этих документов может быть истолковано по-разному, можно даже и не комментировать их вовсе, однако отрицать их существование уже невозможно. Но и сегодня в СССР в газетах, в академических исторических журналах, в книгах по истории, написанных почтенными исследователями, не говоря уже о последнем издании «Истории КПСС», под редакцией Хрущева⁹, коммунисты по-прежнему отвергают любые упоминания о сделках Ленина с немцами, квалифицируя их как «гнусную клевету» правительства Февральской революции против основателя советской системы.

Почему же кремлевские руководители столь упорно отказываются признать достоверность этих отношений? Ведь в конце концов Хрущев разоблачил некоторые преступления Сталина, ослабил тяжкий гнет диктатуры, несколько облегчил повседневную жизнь людей. Положение мало изменилось и при его преемниках — Брежневе и Косыгине. Правда заключается в том, что, несмотря на все успехи промышленного развития, несмотря на определенные попытки совершенствовать экономику в стране, особенно в области сельского хозяйства, в основном все сохранилось в том же виде, как и при Сталине. Большинство населения, за редким исключением, живет в той же нищете, в том же состоянии бесправия, не имея по-прежнему возможности посвятить свои силы духовному и материальному строительству свободной страны. Почему же? Да потому, что коммунисты не могут обнажить корни зла. Они разоблачили Сталина, наиболее рьяного последователя дела Ленина, но сам Ленин идеализируется и не подлежит критике. Сказать правду о Ленине — значит разрушить тоталитарную диктатуру и дать возможность России вернуться на путь демократии, с которого ее насильственно столкнули большевики в октябре 1917 года. Поэтому-то столь тщательно скрываются от народа СССР германские секретные документы. Но невозможно скрыть их от внешнего мира, и я написал эту главу о большевистском восстании 3 июля 1917 года в свете этих документов, как мог бы ее написать и историк в России, если бы наследники Ленина не боялись так панически правды.

К концу XIX столетия рабочее движение в Европе выросло в могучую полити-

ческую силу. Тесно связанные с ним социалистические партии стали занимать места в парламентах стран Запада. Наибольшую тревогу этих непрерывно крепнувших социалистических партий и профсоюзов вызывала угроза миру, создаваемая гонкой вооружений, которую вели великие державы. Социалисты полагали, что война является неотъемлемой частью капиталистической системы и что трудящиеся должны бороться против любой угрозы войны всеми доступными им средствами, прибегая, если потребуется, к всеобщей забастовке. Однако в рамках этого социалистического движения существовала незначительная группа, к которой принадлежали Ленин и его сторонники, приветствовавшая возможность возникновения войны, видя в ней провозвестника пролетарской революции.

Не позже того, как разразилась Первая Балканская война, Ленин в письме Горькому выразил надежду на то, что императоры — Франц-Иосиф в Австрии и Николай II в России — «начнут взаимную перестрелку!»¹⁰. С началом первой мировой войны надежда эта осуществилась. Ленин, живший в то время вблизи Кракова, был немедленно арестован австрийской военной полицией. После последовавшего вскоре освобождения он в сопровождении Зиновьева и своей жены Крупской сразу же выехал в Швейцарию. В Польше они жили в ужасной нищете и были вынуждены не раз обращаться за помощью к своим соратникам в Петрограде, прося прислать хотя бы сотню рублей, чтобы продолжить свою работу. В Швейцарии их положение несколько улучшилось, и в конце 1914 г. стал выходить в свет «Социал-Демократ»¹¹ — весьма воинственное издание Ленина, орган пролетарской революции.

С повышенным интересом следил Ленин за развитием войны на Западе. Он видел, что под мобилизацию попало почти все мужское население воюющих стран, что все фабрики и заводы перешли на производство военной продукции и что все это привело к чудовищному росту военных расходов. Введение в Германии плановой экономики, которая подчинила все личные интересы требованиям и контролю военных властей, создавало — или так это казалось Ленину — те условия, которые Маркс считал необходимыми для начала мировой пролетарской революции. Богатства страны были сконцентрированы в руках небольшой группы военных, крупных банкиров и промышленников; средние классы пережили процесс обнищания и уровень их жизни приближался к уровню рабочих. Весь континент захлебывался в крови, а старый образ жизни на глазах уходил в прошлое. После неудачи социальной революции в 1848 г., Маркс, стремясь утешить немецких рабочих, писал, что они должны выдержать 15, 20 или 50 лет гражданских и межнациональных войн не только для того, чтобы изменить существующие отношения, но и для того, чтобы они сами могли измениться и стали способны взять в свои руки политическую власть. Много лет спустя, хотя и не через классовую борьбу, а в результате империалистической войны, развязанной великими державами, осуществилось пророчество Маркса. Но об этом пророчестве стали забывать социалисты в долгий период сравнительного процветания и неуклонного упрочения политической мощи рабочего класса.

Именно в это время Ленин обратился ко всем «настоящим» вождям пролетариата с призывом превратить мировую империалистическую войну в «гражданскую войну между классами». Эту историческую миссию должен был взять на себя промышленный пролетариат. В ленинских планах России как слаборазвитой в промышленном отношении стране с огромным крестьянским населением придавалось гораздо меньше значения, чем западноевропейским государствам с их мощным классом городских пролетариев. В то же время он полагал, что поражение царской России ускорит наступление мировой революции. Победить Россию могла только Германия, а посему долг каждого «настоящего» революционера — помочь Германии в этом деле. И соответственно только «социал-шовинисты» и «наемники буржуазии» откажутся содействовать поражению своей собственной страны.

У самого Ленина не было абсолютно никаких сомнений — морального или духовного свойства — в том, что необходимо содействовать поражению своей страны. Старый друг Ленина Г. А. Соломон писал: «Следующее мое свидание было с Лениным... Беседа с Лениным произвела на меня самое удручающее впечатление.

Это был сплошной максималистический бред. Скажите мне, Владимир Ильич, как старому товарищу, — сказал я, — что тут делается? Неужели это ставка на социализм, на остров «Утопия», только в колоссальном размере? Я ничего не понимаю... Никакого острова Утопии здесь нет, — резко ответил он тоном очень властным. — Дело идет о создании социалистического государства... Отныне Россия будет первым государством с осуществленным в ней социалистическим строем... А!.. вы пожимаете плечами! Ну, так вот, удивляйтесь еще больше! Дело не в России, на нее, господа хорошие, мне наплевать, — это только этап, через который мы пройдем к мировой революции!..» Позже, недоумевая по поводу позиции Ленина, Соломон высказывает такое мнение: «Мне вспоминается, что Ленин уже задолго до смерти страдал прогрессивным параличом, и невольно думается, уж не было ли это просто спорадическое проявление симптомов его болезни...»¹².

Ленин твердо верил в марксистские идеи, изложенные в «Коммунистическом манифесте». Для него все, что было на пользу и выгодно рабочему классу, представлялось этическим, а все, что вредно, — неэтическим. Такая доктрина морального релятивизма, если следовать ей до логического конца, неизбежно ведет к той аморальности, которая предельно сжато сформулирована в словах Ивана из «Братьев Карамазовых» Достоевского, что если Бога нет, то все позволено. И именно эту сжатую формулу духовного и морального нигилизма Ленин и его соратники использовали в качестве руководящего принципа всей своей революционной деятельности.

В один из сентябрьских дней 1915 г. некий эстонец по имени Кескюла¹³, бывший коллега Ленина по партии, встретился с германским послом в Берне господином Ромбергом. Он рассказал Ромбергу о том, какой будет внешняя политика русского правительства, если к власти придут большевики. 30 сентября Ромберг направил в Министерство иностранных дел депешу, в которой изложил этот разговор, а сам Кескюла через некоторое время выехал в Берлин. Ознакомившись несколько лет назад с этой депешей Ромберга¹⁴, я понял, насколько ошибался, предполагая, что отношения Ленина с Берлином были установлены лишь после падения монархии, что, между прочим, явилось тогда полной неожиданностью как для Ленина, так и для немцев.

15 января 1915 г. германский посол в Константинополе Вагенхейм сообщил в Берлин о встрече с русским подданным, д-ром Александром Гельфандом, который ознакомил его с набросками плана революции в России. Гельфанда (он же Парвус) немедленно пригласили в Берлин. По прибытии туда 6 марта он был тотчас принят Ритулером, личным советником канцлера Бетман-Гольвега.

После краткого предварительного разговора он вручил Бетман-Гольвегу записку, озаглавленную «Подготовка к массовым политическим стачкам в России». Парвус предложил, во-первых, чтобы немцы передали ему значительную сумму денег на развитие сепаратистского движения в Финляндии и на Украине; во-вторых, чтобы они оказали финансовую помощь пораженческой фракции Российской социал-демократической партии — большевикам, руководители которых находились в то время в Швейцарии. Предложения Парвуса были приняты без малейших колебаний. По распоряжению самого кайзера Вильгельма ему было предоставлено германское гражданство и выдана сумма в 2 миллиона немецких марок.

В мае того же года Парвус отправился в Цюрих на встречу с Лениным. У них состоялся продолжительный разговор, краткий отчет о котором Парвус приводит в своем памфлете «Правда, которая колется», опубликованном в 1918 г. в Стокгольме. «Я изложил ему свои взгляды на социальные и революционные последствия войны и в то же время предупредил его, что в этот период революция возможна только в России и только в результате победы Германии... После падения монархии германские социал-демократы делали все возможное, чтобы помочь русским эмигрантам возвратиться в Россию. Однако глава империалистического большинства¹⁵ в социал-демократической партии, член германского правительства Шейдеман со всей решительностью объяснил большевикам, что пока идет война революция в Германии *невозможна* (курсив Парвуса) и, более того, ни в коем случае не следует ставить в трудное положение Западный фронт. Мы не сделаем это-

го, ибо победа стран Антанты будет означать не только крах Германии, но также и крах русской революции». И хотя, судя по всему, Ленин отказался дать прямой ответ Парvusу на его предложения, тем не менее между ними было решено поддерживать секретную связь через Фюрстенберга (Ганецкого). Ленин направил его в Копенгаген, где он работал вместе с Парvusом.

15 августа того же года германский посол в Дании граф Брокдорф-Ранцау отправил в Берлин сенсационную депешу, в которой сообщал, что он в сотрудничестве с д-ром Гельфандом (Парvusом), которого охарактеризовал как одного из самых блестящих людей, «разработал замечательный план по организации в России революции», добавив в конце депеши: «Победа и, следовательно, мировое господство за нами, если во-время удастся революционизировать Россию и тем самым развалить коалицию»¹⁶. План был одобрен в Берлине самим кайзером Вильгельмом II. Следует отметить, что в характеристике, данной немецким графом Парvusу, нет преувеличения. Он был не только лучшим организатором шпионской и подрывной деятельности против России, но и обладал большим политическим предвидением, чем отцы «Великой Октябрьской революции».

Секретные досье из архивов германского Министерства иностранных дел позволяют сделать вывод, что кайзер Вильгельм и его правительство приступили к деловому сотрудничеству с большевиками лишь после того, как провалились все попытки склонить Николая II к заключению сепаратного мира с Германией ради спасения всей монархической системы правления в Европе. Условия этого сепаратного мира предполагалось согласовать, используя многочисленные каналы (включая родственников императрицы Александры). Однако все германские мирные предложения были решительно и резко отвергнуты Николаем II.

Надежды немцев заключить сепаратный мир с Россией возродились осенью 1916 г., когда министром иностранных дел стал Штюрмер, а на пост министра внутренних дел был назначен Протопопов¹⁷. Приблизительно в это же время Ленин и Крупская стали вновь жаловаться на материальные затруднения, однако их финансовые сложности продолжались недолго.

3 декабря 1917 г. министр иностранных дел барон фон Кюльман направил кайзеру Вильгельму телеграмму следующего содержания: «Берлин, декабрь 3, 1917. Тел. № 1771. Распад Антанты и последующее возникновение в результате этого выгодных нам политических комбинаций является важнейшей целью нашей дипломатии во время войны. Россия (на мой взгляд) является самым слабым звеном в цепи противника. Задача, следовательно, заключается в том, чтобы еще больше расшатать это звено, и, когда представится возможность, вырвать его из цепи. Эта цель лежит в основе всей подрывной деятельности за линией фронта внутри России, а для этого прежде всего необходимо всячески содействовать сепаратистским тенденциям и оказывать поддержку большевикам. Ведь до тех пор, пока они не стали получать от нас по разным каналам и под разными предлогами постоянных субсидий, они не имели возможности создать свой главный печатный орган «Правду», чтобы вести действительную пропаганду и существенно расширить до того времени узкую базу своей партии! Сегодня большевики пришли к власти... Брошенная и отвергнутая своими бывшими союзниками и лишенная финансовой поддержки, Россия будет вынуждена искать нашей помощи. Мы сможем оказывать помощь России самыми различными способами; она примет долгосрочную форму, если Россия заранее обязуется поставлять нам морским путем зерно, сырье и т. д. под контролем вышеупомянутой комиссии. Наша помощь на такой основе, размеры которой можно увеличить если и когда это потребует, привела бы, на мой взгляд, к быстрому сближению двух стран...» На следующий день, 4 декабря 1917 года, Кюльман получил телеграмму от Грюнау, своего представителя в Генеральном штабе, который сообщал, что «его величество кайзер выразил согласие с предложенным Вашим превосходительством планом сближения с Россией»¹⁸.

Общая сумма денег, полученных большевиками от немцев до и после захвата ими власти, определена профессором Фрицем Фишером в 80 миллионов марок золотом¹⁹.

Падение 12 марта монархии было полной неожиданностью как для населения

России и германского правительства, так и для изобретателей «генерального плана». За две недели до этого, выступая на собрании швейцарских рабочих, Ленин заявил собравшимся, что революция в России обязательно свершится, но вряд ли ее свидетелями станет его поколение. Когда ранним утром 28 февраля к Ленину прибежал один из его товарищей и сообщил о начале революции в Петрограде, тот отказался поверить ему. Какое-то время он пребывал в состоянии замешательства, от которого вскоре оправился, а 3 (16) марта послал письмо в Норвегию своей единомышленнице Александре Коллонтай. В нем он писал: «Сейчас получили вторые правительственные телеграммы о революции 1(14).III в Питере. Неделя кровавых битв рабочих и Милюков + Гучков + Керенский у власти!! По «старому» европейскому шаблону... Ну что ж! Этот «первый этап первой (из порождаемых войной) революции» не будет ни последним, ни только русским. Конечно, мы останемся против защиты отечества, против империалистической боини, руководимой Шингаревым + Керенским и К°. Все наши лозунги те же...»²⁰.

Вслед за письмом Коллонтай он направил своим сообщникам в Стокгольме, готовящимся к отъезду в Россию, телеграмму с инструкциями: «Наша тактика: полное недоверие, никакой поддержки новому правительству; Керенского особенно подозреваем; вооружение пролетариата — единственная гарантия; немедленные выборы в Петроградскую думу; никакого сближения с другими партиями»²¹.

Кампанию против меня он развернул с первых же дней после революции, используя такие выражения: «агент революции»²², «фразер», а также «самый опасный человек для революции в ее начальной стадии». В письме Фюрстенбергу (Ганецкому) от 30 марта 1917 г. он развивает ту же тему: «Дорогой товарищ! От всей души благодарю за хлопоты и помощь. Пользоваться услугами людей, имеюших касательство к издателью «Колокола», я, конечно, не могу. Сегодня я телеграфировал Вам, что единственная надежда вырваться отсюда, это — обмен швейцарских эмигрантов на немецких интернированных. Англия ни за что не пропустит ни меня, ни интернационалистов вообще, ни Мартова и его друзей, ни Натансона и его друзей. Чернова англичане вернули во Францию, хотя он имел все бумаги для проезда!! Ясно, что злейшего врага хуже английских империалистов русская пролетарская революция не имеет. Ясно, что приказчик англо-французского империалистского капитала и русский империалист Милюков (и К°) способны пойти на все, на обман, на предательство, на все, на все, чтобы помешать интернационалистам вернуться в Россию. Малейшая доверчивость... и к Милюкову, и к Керенскому (пустому болтуну, агенту русской империалистской буржуазии по его объективной роли) была бы прямо губительна для рабочего движения и для нашей партии, граничила бы с изменой интернационализму. Единственная, без преувеличений единственная, надежда для нас попасть в Россию, это — послать как можно скорее надежного человека в Россию, чтобы путем давления «Совета рабочих депутатов» добиться от правительства обмена всех швейцарских эмигрантов на немецких интернированных... Последние известия заграничных газет все яснее указывают на то, что правительство, при прямой помощи Керенского и благодаря непростительным (выражаясь мягко) колебаниям Чхеидзе, надувает, и небезуспешно надувает рабочих, выдавая империалистскую войну за «оборонительную»... Нет сомнения, что в Питерском Совете рабочих и солдатских депутатов многочисленны и даже, по видимому, преобладают (1) сторонники Керенского, опаснейшего агента империалистской буржуазии...; (2) сторонники Чхеидзе... И я лично ни на секунду не колеблюсь заявить и заявить печатно, что я предпочту даже немедленный раскол с кем бы то ни было из нашей партии, чем уступки социал-патриотизму Керенского и К° или социал-пацифизму и каутскианству Чхеидзе и К°... Лучше всего было бы, если бы поехал надежный, умный парень, вроде Кубы²³ (он оказал бы великую услугу всему всемирному рабочему движению)... Условия в Питере архитрудные... Нашу партию хотят залить помоями и грязью («дело» Черномазова²⁴ — посылаю о нем документ) и т. д. и т. д... На сношения Питера с Стокгольмом не жалейте денег!! Очень прошу, дорогой товарищ, телеграфировать мне о получении этого письма»²⁵.

Вечером 3 апреля Ленин прибыл в Петроград из Германии в «экстерриториаль-

ном вагоне», предоставленном ему немцами. Через две недели после его прибытия, когда город захлестнули вооруженные демонстрации солдат и матросов, организованные штабом Ленина, к немцам на линии фронта под белыми флагами явились никому не известные русские парламентарии. Я считаю этот инцидент, о котором в то время ничего не знал, еще одним свидетельством того, что перед своим возвращением в Россию Ленин взял на себя обязательство заключить как можно скорее сепаратный мир с Германией. Упоминание об этом странном случае, которое я обнаружил в германских секретных архивах всего несколько лет назад, содержится в телеграммах, которыми обменялись между собой штаб Гинденбурга и имперское правительство²⁶.

25 апреля представитель Министерства иностранных дел, прикомандированный к штабу Гинденбурга, сообщил Бетман-Гольвегу в Берлин, что переговоры с «представителями русского фронта» достигли стадии, когда возникла необходимость отозвать германских представителей и проинструктировать их относительно более определенных условий, которые они могли бы предложить на следующей встрече русским поборникам перемирия. Вот полный текст телеграммы: «Генштаб, апрель 25, 1917. Имперскому советнику представительства при Министерстве иностранных дел. Генерал Людендорф сообщает следующее: События опережают переговоры с представителями Русского фронта. *В настоящее время переговоры достигли столь решающей стадии, что тех, кто ведет переговоры с нашей стороны, следует отозвать* и дать им, если потребуется, *более подробную информацию для передачи русским наших более определенных условий мира* (курсив мой. — А. К.). Таким образом, основы для этого могут быть выработаны в результате соглашения между верховным командованием Германии и Австро-Венгрии при участии министров иностранных дел соответствующих стран. Русский фронт находится в состоянии спокойного наблюдения. На изменение этого положения оказывают давление английские агитаторы, допущенные на фронт с согласия Временного правительства, а также наша агитация непосредственно во фронтовых районах. В настоящее время они уравнивают друг друга. Мы легко можем склонить чашу весов на свою сторону, если сделаем на переговорах конкретные предложения тем русским, которые заинтересованы в мире. Выражая эту точку зрения, я прошу Ваше превосходительство согласовать с Австрией наши условия заключения мира на основе обмена мнениями в Крейцнахе 23.4. Тем временем я посоветую Обосту проинформировать русских о том, что им следует 1) удалить из зоны боевых действий английских и французских агитаторов; 2) направить к нам представителей от отдельных армий, с которыми мы могли бы вести серьезные переговоры. Грюнау»²⁷.

В телеграмме Грюнау не упоминаются имена русских участников этих переговоров; представители русского верховного командования и не могли вести такого рода переговоры. Еще большее удивление вызывает то обстоятельство, что в сообщении Ставки германскому Министерству иностранных дел от 7 мая 1917 г. (н. ст.) есть ссылка на появление 4 мая в расположении передовых линий 8-й армии под командованием генерала фон Эйхгорна русских парламентариев.

Беседа с русскими парламентариями к югу от Десны: «Два представителя сообщили, что 4 мая в Петроград были отправлены два курьера с тем, чтобы побудить ближайшего сподвижника Чхеидзе Стеклова прибыть сюда от имени Чхеидзе, который сам этого сделать не может; что Стеклов склонен достичь компромиссных соглашений и потому, как они полагают, было бы полезно, если бы мы, со своей стороны, могли бы тоже направить партийных товарищей (т. е. членов большинства Германской социал-демократической партии). Отвечая на вопрос об отношении к главным пунктам нашей пропаганды, депутаты заявили, что никогда не признают германских аннексий. Если немцы согласны с этим, то русским не будет необходимости консультироваться с Антантой и они заключат сепаратный мир. Россия просит оказать финансовую поддержку своим военнопленным... Генерал Людендорф обращается к вашему превосходительству с просьбой назначить надежного социал-демократа и, для равновесия, члена национальной партии (свободного консерватора) для участия в таких переговорах. От имени армии можно было бы

привлечь к переговорам бывшего военного атташе в Париже полковника Винтерфельда (нынче главный квартирмейстер в Митаве). Ваше превосходительство могло бы выделить ему в помощь кого-либо из молодых дипломатов, более сведущего в подобного рода процедурах. Генерал Людендорф исключает возможность проведения переговоров на нейтральной территории. Для этого подошли бы Митава, Рига или другое место, с которым можно установить телеграфную связь. Я изложил генералу Людендорфу взгляды вашего превосходительства на объединение Литвы с Курляндией под эгидой герцога. Он войдет по этому вопросу в контакт с Главнокомандующим. Слово «аннексия» следует заменить на «уточнение границ». Генерал просит сообщить ему о позиции вашего превосходительства. Лесснер»²⁸.

Если парламентарии сообщили 4 мая, что они поддерживают связь со Стекловым, то очевидно, что к немцам они пришли не в первый раз. И действительно, в своих мемуарах германский министр пропаганды и влиятельный член католического центра в рейхстаге Эрцбергер пишет, что двумя днями ранее, 2 мая, генерал Людендорф сообщил ему о попытках каких-то русских делегатов начать переговоры «на своих собственных условиях заключения мира». Если перевести эти даты с нового на старый стиль, то получится, что таинственные русские «парламентарии» предприняли попытки начать переговоры на фронте именно в те дни (19 и 21 апреля), когда в столице состоялись вооруженные демонстрации, организованные большевиками²⁹. Однако эти демонстрации закончились провалом, и посланцы «от Стеклова» никогда более не появлялись на фронте³⁰.

Но из всех этих документов со всей очевидностью вытекает, что Гинденбург, Людендорф, Бетман-Гольвег, Циммерман и даже сам кайзер готовились вести серьезные переговоры о сепаратном мире с теми лицами в Петрограде, которых считали способными навязать стране свою волю. Генерал Гофман, который, по сути дела, осуществлял командование Восточным фронтом, отнесся к приказу отправиться с Эрцбергером в Стокгольм для получения соответствующих инструкций столь скептически, что в своей книге «Война упущенных возможностей» приходит к абсурдному выводу, что «Керенский посылает нам своих людей будто бы для ведения мирных переговоров, чтобы усыпить бдительность германских военных властей и тем временем подготовить наступление русских армий».

Однако люди, создавшие «генеральный план» (к этой группе генерал Гофман не относился), заранее знали, кто подпишет договор о перемирии или мире — Ленин.

В то время в Петрограде с визитом находился глава шведских социал-демократов Ялмар Брантинг, один из немногих влиятельных людей в Стокгольме, которые выступали против попыток шведской армии и правительственной верхушки вступить в войну на стороне Германии. У нас с ним вскоре установились вполне дружеские отношения, и однажды, когда мы говорили с ним о весьма вольном поведении наших большевиков в шведской столице, он неожиданно со смехом сказал: «А вы знаете, что когда Ленин был в Стокгольме на пути в Петроград (2 апреля), он заявил на собрании крайне левых членов нашей партии, что через две или три недели возвратится в Стокгольм, чтобы вести переговоры о мире?» Увидев недоумение на моем лице, он добавил: «Уверяю вас, что не шучу. Мне сказал об этом один из членов социал-демократической партии, который там присутствовал, человек, которого я давно знаю и которому полностью доверяю».

Достоверность рассказанной Брантингом истории подтверждается телеграммой, которую получил из Гааги от А. И. Бальфура Джордж Бьюкенен:

«За последние несколько дней я получил из четырех разных источников информацию об уверенности Германии в том, что в ближайшие две недели будет объявлено о мире между Россией и Германией. В одном из сообщений говорится, что вести переговоры уполномочен Кюльман, который, по слухам, находится в этом городе». Телеграмма была послана Бальфуром 4 мая (н. ст.), а 15 апреля состоялась встреча Ленина со шведскими социал-демократами, о которой упомянул Брантинг.

Я вспомнил о том, что рассказал мне Брантинг, когда знакомился с немецкими документами о мирных переговорах, и, перебрав в уме все случаи вооруженных демонстраций в 1917 г., пришел в конце концов к выводу, что главной целью Ленина в то время было свержение Временного правительства. Он считал это важным шагом на пути к подписанию сепаратного мира. Это было равно важно и для верховного командования Германии, и для фанатичных приверженцев идеи мировой пролетарской революции. Для достижения этой цели, с точки зрения большевиков, совсем не обязательно было организовывать вооруженное восстание против правительства. Все, что требовалось, полагали они, это — разного рода «мирные» средства давления (массовые демонстрации и др.), чтобы свалить правительство и осуществить лозунг «Вся власть Советам». А уж когда власть перейдет в руки разношерстной компании лидеров разных партий, представленных в Петроградском совете, нетрудно будет преобразовать ее в диктатуру большевистской партии.

Однако Ленин и те, кто поддерживал его за границей, в своих расчетах не учли один существенный фактор: Петроград — это еще не вся страна, «революционная демократия» — ни в коем случае не представляла русскую демократию в целом, а ее лидеры, вопреки их претензиям, не располагали в стране реальной властью. Всякий раз, когда в столице происходили «мирные» вооруженные демонстрации — в конце апреля, 9 и 18 июня, — они кончались провалом³¹. И происходило это потому, что вожди «революционной демократии» четко понимали одну вещь: если они захватят власть, то будут сами тут же свергнуты Лениным, который открыто презирал их и не скрывал своих намерений. Ленин быстро усвоил урок, что между свержением правительства, основанного по воле свободного народа, и захватом власти вооруженным меньшинством не может быть промежуточной стадии.

В середине апреля в Петроград прибыл французский министр снабжения Альбер Тома. Он привез с собой и передал князю Львову некоторую в высшей степени важную информацию о связях большевистской группы во главе с Лениным с многочисленными немецкими агентами. Однако французский министр обусловил это требованием, чтобы о том, что он — источник информации, сообщили лишь тем министрам, которые займется расследованием обстоятельств дела. Через несколько дней на секретном совещании князь Львов с согласия Тома поручил расследование столь серьезного дела Некрасову, Терещенко и мне.

17 мая (а быть может, днем позже) я получил от начальника штаба генерала Деникина пакет с протоколом допроса прапорщика 16-го Сибирского стрелкового полка Ермоленко, проведенного офицерами контрразведки. Находясь в германском плену, этот молодой офицер согласился работать немецким агентом для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией и получил от двух офицеров германского Генштаба Шигицкого и Люберса (существование коих было подтверждено) необходимые инструкции, деньги и адреса. Согласно показаниям Ермоленко, они сообщили ему, что такого рода агитацию ведут в России агент германского Генерального штаба, председатель украинской секции «Союза освобождения Украины», которая функционировала в Австрии с 1914 г. на средства Вильгельма II, А. Скоропись-Иолтуховский, а также — Ленин.

В соответствии с условием, которое выдвинул Тома, больше никто в России, даже другие министры или Верховный главнокомандующий, не были поставлены в известность о сообщенных фактах.

В начале июля, когда наши расследования, давшие весьма плодотворные результаты, близились к завершению, министру юстиции П. Н. Переверзеву были выданы соответствующие документы для проведения необходимых арестов. Министр получил распоряжение без специального разрешения князя Львова никому не показывать этих документов и лично нести ответственность за их сохранность. Созданное вечером 4 июля положение, когда Таврический дворец оказался окружен огромной толпой вооруженных солдат и матросов, принимавших участие в организованном большевиками восстании, показалось Переверзеву и его помощникам столь угрожающим, что они, не обратившись за разрешением к Львову, опубликовали заявление для печати о связях организаторов демонстрации с немцами.

После ссылки на допрос Ермоленко в заявлении говорилось следующее: «Согласно только что поступившим сведениям (курсив мой. — А. К.) такими доверенными лицами являются: в Стокгольме — большевик Я. Фюрстенберг, известный более под фамилией Ганецкий, и Парвус, в Петрограде — большевик присяжный поверенный М. Ю. Козловский и родственница Ганецкого Суменсон, занимающаяся совместно с Ганецким спекуляциями. Козловский является получателем немецких денег, переводимых из Берлина через Disconto-Gesellschaft на Стокгольм Nya Banken, оттуда на Сибирский банк в Петрограде, где в настоящее время на его текущем счету *имеется свыше 2-х миллионов*. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами Стокгольма и Петрограда»³². Следует отметить, что все эти детали были взяты из доклада, подготовленного Терещенко, Некрасовым и мной на основе абсолютно секретных расследований, и не имели никакого отношения к допросу Ермоленко.

В тот же вечер состоялся короткий телефонный разговор между главным прокурором апелляционного суда в Петрограде Н. С. Каринским и близким другом и соратником Ленина Бонч-Бруевичем. «Я звоню к вам, сказал он мне, — как пишет Бонч-Бруевич, — чтобы предупредить вас: против Ленина здесь собирают всякие документы и хотят его скомпрометировать политически. Я знаю, что вы с ним близки. Сделайте отсюда какие хотите выводы, но знайте, что это серьезно, и от слов вскоре перейдут к делу». «В чем же дело?» — спросил я его. «Его обвиняют в шпионстве в пользу немцев». «Но вы-то понимаете, что это самая гнуснейшая из клевет!» — ответил я ему. «Как я понимаю, это в данном случае все равно. Но на основе этих документов будут преследовать всех его друзей. Преследование начнется немедленно. Я говорю это серьезно и прошу вас немедленно же принять нужные меры, — сказал он как-то глухо, торопясь. — Все это я сообщаю вам в знак нашей старинной дружбы. Более я ничего не могу вам сказать. До свидания. Желаю вам всего наилучшего... Действуйте»³³. Бонч-Бруевич не промедлил, и тем же вечером, 4 июля, Ленин и его неизменный приспешник Апфельбаум (Зиновьев) исчезли бесследно. Ленин не тратил времени. Он-то прекрасно знал, о чем идет речь.

В результате опубликованного заявления доселе неизвестный прапорщик Ермоленко стал предметом разговора всего города. Игнорируя другие обвинительные свидетельства, приведенные в заявлении Переверзева, руководители Совета возмутились, каким образом можно предьявить обвинения такому человеку, как Ленин, на основе показаний весьма сомнительного прапорщика, засланного в Россию шпиона. Стоит ли говорить о том, что и сам Ленин постарался запутать дело, сконцентрировав все внимание на Ермоленко.

6 июля «Правда» выпустила специальный листок (обычный номер нельзя было выпустить вследствие того, что в ночь на 5 июля группа юнкеров устроила погром в редакции газеты), где была помещена статья Ленина, которую он написал перед бегством в Финляндию³⁴, когда скрывался в квартирах рабочих-большевиков и, главным образом, в квартире рабочего по фамилии Аллилуев, чья дочь позднее стала женой Сталина. В этой статье Ленин с возмущением отверг обвинения как «позорную клевету» и, следуя старой военной аксиоме, что нападение — лучшая защита, писал: «Вздорность клеветы бьет в глаза... Доклад о «документах» послан был Керенскому еще 16-го мая. Керенский член и Временного правительства и Совета, т. е. обеих «властей». С 16-го мая до 5 июля времени уйма. Власть, будь она властью, могла бы и должна была бы сама «документы» расследовать, свидетелей допросить, подозреваемых арестовать»³⁵. 27 июля, после того, как в газетах были полностью опубликованы все обвинительные показания, Ленин в газете «Рабочий и солдат», отметив, что все обвинения против него сфабрикованы в духе «дела Бейлиса», писал: «Прокурор играет на том, что Парвус связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным! Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких»³⁶.

Ленин преднамеренно забыл ту часть обвинения, где отмечалось, что во время обыска в доме известной балерины Кшесинской, где находилась штаб-квартира Ленина, следователи обнаружили телеграмму Ганецкого Ленину о финансовых

вопросах. Неуместность сравнения дела Ленина с делом Бейлиса почувствовал даже Троцкий. Он написал статью, о «величайшей в мире клевете» и о «новой дрейфусиаде». Это статья, переведенная на многие иностранные языки, в течение длительного времени служила для многих людей на Западе основанием для возмущения попытками Временного правительства очернить честь великого революционера и борца за дело рабочего класса. Однако факты, по выражению самого Ленина, «упрямая вещь», и, когда в июле внешние и внутренние враги свободы в России потерпели крах в попытках сокрушить едва родившуюся в стране демократию, Ленин молчаливо признал справедливость этих фактов, покинув пределы столицы. И в самом деле, после того как вся Россия узнала, с кем водил он компанию, выбора у него не было.

После подавления июльского восстания влияние большевиков резко уменьшилось. Почти нигде в стране нельзя было услышать голосов большевистских агитаторов-пораженцев; представители ленинской партии исчезли из президиумов местных Советов, а на фронте солдаты нередко сами арестовывали большевистских агентов и изгоняли их из своих рядов. Ленин и его сторонники прекрасно отдавали себе отчет в падении своего влияния. Открыто признал это и Троцкий в своей брошюре «Русская революция 1917 года», в которой недвусмысленно писал, что после июльского восстания большевистская партия была вынуждена на некоторое время перейти на нелегальное положение.

В период своего пребывания в Финляндии³⁷ Ленин, опираясь на опыт четырех «мирных» вооруженных демонстраций, пришел к выводу, что соблазняя меньшевиков и партии социалистов-революционеров лозунгом «Вся власть Советам!», он никогда не добьется свержения Временного правительства. Как всегда быстро оправившись от нанесенных ударов, он вскоре обратился к большевистской партии с новой директивой в статье, озаглавленной «К лозунгам»³⁸, где писал, что отныне пролетариат сможет взять власть в свои руки лишь путем вооруженного восстания, а до тех пор ему ничего не остается, как ждать, пока русские «Кавеньяки»³⁹ во главе с Керенским расправятся с Советами, а обе «соглашательские» социалистические партии капитулируют в конце концов без всякой борьбы. А тем временем пролетариату под руководством большевиков следует терпеливо готовиться к тому моменту, когда он лицом к лицу столкнется с «русскими Кавеньяками» в решающей и окончательной схватке.

Пытаясь скрыть степень своей капитуляции от русских солдат и рабочих, которые были мало осведомлены в политике и еще меньше в европейской истории, Ленин не нашел ничего лучшего, как заклеить меня «Кавеньяком» и процитировать известное письмо Карла Маркса к германским рабочим после поражения так называемой социальной революции 1848 года⁴⁰. Излагая свою новую директиву, он писал: «Слишком часто бывало, что, когда история делает крутой поворот, даже передовые партии более или менее долгое время не могут освоиться с новым положением, повторяют лозунги, бывшие правильными вчера, но потерявшие всякий смысл сегодня, потерявшие смысл «внезапно» настолько же, насколько «внезапно» был крутой поворот истории. Нечто подобное может повториться, по-видимому, с лозунгом перехода всей государственной власти к Советам. Этот лозунг был верен в течение миновавшего бесповоротно периода нашей революции, скажем, с 27 февраля по 4-е июля. Этот лозунг явно перестал быть верным теперь. Не поняв этого, нельзя ничего понять в насущных вопросах современности. Каждый отдельный лозунг должен быть выведен из всей совокупности особенностей определенного политического положения. А политическое положение в России теперь, после 4 июля, коренным образом отличается от положения 27 февраля — 4 июля»⁴¹.

Касаясь актов насилия толпы, возмущенной сообщениями о большевистском предательстве после неудачного восстания, и статей крайне правой реакционной прессы, Ленин пытается изобразить Временное правительство как кучку махровых реакционеров. «Народ должен прежде всего и больше всего знать правду — знать, в чьих же руках на деле государственная власть. Надо говорить народу всю правду: власть в руках военной клики Кавеньяков (Керенского, неких генералов, офицеров и т. д.), коих поддерживает буржуазия, как класс, с партией к.-д. во главе ее, и

со всеми монархистами, действующими через все черносотенные газеты, чрез «Новое Время», «Живое Слово» и пр. и пр. Эту власть надо свергнуть. Без этого все фразы о борьбе с контрреволюцией пустые фразы, «самообман и обман народа». Эту власть поддерживают сейчас и министры Церетели и Черновы и их партии: надо разъяснять народу их палаческую роль и неизбежность такого «финала» этих партий после их «ошибок» 21 апреля, 5 мая, 9 июня, 4 июля, после их одобрения политики наступления, — политики, на девять десятых предрешившей победу Кавеньяков в июле... Цикл развития классово-партийной борьбы в России с 27 февраля по 4 июля закончился. Начинается новый цикл, в который входят не старые классы, не старые партии, не старые Советы, а обновленные огнем борьбы, закаленные, обученные, пересозданные ходом борьбы. Надо смотреть не назад, а вперед. Надо оперировать не со старыми, а с новыми, послеиюльскими, классовыми и партийными категориями. Надо исходить, при начале нового цикла, из победившей буржуазной контрреволюции, победившей благодаря соглашательству с ней эсеров и меньшевиков и могущей быть побежденной только революционным пролетариатом. В этом новом цикле, конечно, будут еще многообразные этапы и до окончательной победы контрреволюции и до окончательного поражения (без борьбы) эсеров и меньшевиков и до нового подъема новой революции. Об этом, однако, говорить можно будет лишь позже, когда наметятся эти этапы в отдельности...»⁴².

Вряд ли стоит говорить, что провал попытки Ленина захватить власть в июле был огромной неудачей для немцев. Ленин не обеспечил заключения сепаратного мира, того самого мира, который, как писал фельдмаршал Гинденбург канцлеру Бетман-Гольвегу 5 апреля, столь необходим до наступления зимы 1917 года⁴³.

В отчаянных попытках решить эту проблему кое-кто в германском правительстве или, возможно, в Генеральном штабе выдвинул идею заключения мира с Временным правительством. Однажды, в конце июля, меня в служебном кабинете навещал д-р Рунеберг, прибывший из Финляндии. Я знал д-ра Рунеберга как великолепного врача и как проницательного политика и потому внимательно выслушал его. Весьма значительное лицо из Стокгольма, чье имя он не раскрыл, обратилось к нему с просьбой сообщить мне, что у него есть для меня послание германского правительства и что он соответственно желал бы встретиться со мной. Д-р Рунеберг добавил, что знает мое отношение к подобным предложениям, однако в такой исторический момент, когда судьба стран, ведущих войну, находится в состоянии шаткого равновесия, он полагал, что сделал бы ошибку, не сообщив мне об этом. Меня привела в ярость сама идея — чтобы немцы позволили себе обратиться ко мне — и я попросил своего друга информировать лицо из Стокгольма, что «он может, если пожелает, приехать и встретиться со мной, однако я тут же распоряжусь о его аресте». Не вдаваясь в детали, я упомянул об этом инциденте на Московском государственном совещании⁴⁴.

В конце концов Ленину, конечно, удалось подписать сепаратный мир, но это произошло слишком поздно, чтобы дать возможность немцам одержать победу на англо-французском фронте.

Приложение

Донесение Ромберга германскому канцлеру⁴⁵

Посланник в Берне — канцлеру.

Сообщение № 794 А 28659. Берн, 30 сентября 1915 года

Эстонцу Кескюле⁴⁶ удалось договориться об условиях, на которых русские революционеры готовы заключить с нами мир в случае успешного завершения революции. Согласно информации, полученной от хорошо известного революционера Ленина, его программа содержит следующие пункты: 1. Установление республики. 2. Конфискация крупной земельной собственности. 3. 8-часовой рабочий

день. 4. Полная автономия для всех национальностей. 5. Предложение о мире, без каких-либо консультаций с Францией, но при условии, что Германия откажется от всех аннексий и военных репараций. По пункту 5 Кескюла замечает, что его содержание не исключает возможности отделения от России тех национальных государств, которые смогут стать буферными государствами. 6. Русские армии немедленно выводятся из Турции, иными словами, полный отказ от притязаний на Константинополь и Дарданеллы. 7. Русские войска вводятся в Индию.

Я оставляю открытым вопрос, следует ли в действительности придавать большое значение этой программе, тем более, что сам Ленин настроен весьма скептически относительно перспектив революции. Его, видимо, очень сильно беспокоит предпринятое недавно т. н. социал-патриотами контрнаступление. Согласно данным Кескюлы, это контрнаступление возглавляют социалисты Аксельрод, Алексинский, Дейч, Дневейнский, Марк Качел, Ольгин и Плеханов. Они ведут яростную агитацию и имеют немалые финансовые средства, которые, по-видимому, черпают из правительственных фондов. Их деятельность представляет тем большую опасность для революции, что сами они являются старыми революционерами и поэтому хорошо знакомы с техникой организации революции. По мнению Кескюлы, в связи с этим было бы важно, чтобы мы немедленно оказали помощь движению ленинских революционеров в России. Он лично доложит об этом в Берлин. Согласно его источникам информации, настоящий момент крайне благоприятен для свержения правительства. Поступает все больше сообщений о рабочих беспорядках, а роспуск Думы⁴⁷, как говорят, вызвал всеобщее возбуждение. Тем не менее нам следует действовать без промедления, не дожидаясь, пока социал-патриоты возьмут верх.

...Программу Ленина не следует, конечно, предавать гласности, поскольку ее опубликование приведет прежде всего к раскрытию источника информации, а также потому, что обсуждение этой программы в печати лишит ее всякой ценности. Я считаю, что она должна быть окружена завесой величайшей секретности с тем, чтобы создать впечатление, будто подготовка к соглашению с могущественными кругами в России уже ведется.

Не касаясь французского аспекта, я прежде всего просил бы вас обсудить эту информацию с Кескюлой и сделать все возможное, чтобы не нанести ущерба чрезмерно поспешной ее публикацией в прессе.

Ромберг

(Продолжение следует)

Примечания

1. По сути, восстание началось вечером 2 июля. (Что произошло в Петрограде, я узнал лишь по возвращении 5 июля.) В тот вечер на улицах столицы совершенно неожиданно появились грузовики с вооруженными солдатами и матросами. На флаге, развевавшемся над одним из грузовиков, были начертаны слова: «Первая пуля — Керенскому!» Вооруженные люди намеревались схватить меня в здании Министерства внутренних дел, где я заседал вместе с другими министрами. Один из привратников сказал вооруженным бандитам, что я недавно уехал в Царское Село. Солдаты и матросы кинулись вслед. И, как мне позднее рассказывали железнодорожники, примчавшись на вокзал, мои преследователи увидели лишь хвост уходящего поезда.
2. «My War Memoirs, 1914—1918» by General Ludendorff. Lnd. Hutchinson & Co, p. 439.
3. Русское слово, 8.VII.1917 (*прим. ред.*).
4. См. BUAT E. A. L. L'Armée allemande, de 1914—1918. P. 1920, pp. 42, 51.
5. См. гл. XXI.
6. Когда генерал упомянул о наступлении, я прервал его доклад и весьма сдержанно заметил: «Вряд ли стоит выносить специфические стратегические планы на рассмотрение правительства». В то время я не мог предполагать, чем обернется это замечание.
7. «Известия» (№ 241 от 1 декабря 1917 г.) опубликовали текст телеграммы, которую советник итальянского посольства в Петрограде барон Фасчиотти направил 22 августа итальянскому министру иностранных дел барону Соннино.

8. Горчичный газ — новое отравляющее вещество, созданное советником Хабером и впервые примененное в 1917 г. на Восточном фронте. От этого смертельного газа не защищали даже противогазы, он также проникал сквозь одежду и поражал тело. См. General von Hoffman. The War of Lost Opportunities. Lnd. Kegan, Trench, Paul, Trubner and Co. 1924.
9. Так у автора (*прим. ред.*).
10. В письме А. М. Горькому 25 января 1913 г. Ленин писал: «Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей восточной Европе) штукой, но мало вероятно, чтобы Франц Иозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие» (ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 48, с. 155). — *Прим. ред.*
11. «Социал-демократ» — нелегальная газета, центральный орган РСДРП. [Вильно-Петербург] — Париж — Женева. Февраль 1908 г. — 31 января 1917 г., №№ 1—58; № 33 — первый из вышедших в годы первой мировой войны номеров, в нем был напечатан написанный Лениным Манифест ЦК РСДРП, разоблачающий мировую войну как войну империалистическую. — *Прим. ред.*
12. Г. А. СОЛОМОН. Среди красных вождей. Т. 1. Париж. 1930, с. 15, 83.
13. Кескюла был членом Эстонской националистической организации и сотрудничал с одним из главных контрразведчиков германского Генерального штаба Штайнвахсом, который в 1916 г. был направлен в Стокгольм в помощь германскому послу Люциусу.
14. Источник, откуда взят текст депеши Ромберга, являющийся ключевым документом всего вопроса германо-большевистских отношений, приводится в конце этой главы.
15. Так у автора (*прим. ред.*).
16. Цитируется по материалам Дэвида Флойда в «Daily Telegraph» и «Morning Post» от 13 апреля 1956 года.
17. См. гл. XII.
18. International Affairs (London). April, 1956, p. 189.
19. FISCHER F. Griff nach der Weltmacht. — Die Kriegszielpolitik des kaiserlichen Deutschland 1914—1918. Düsseldorf. 1961, S. 127. Часто цитируемое и широко известное выражение «кайзеровские миллионы для Ленина» следует рассматривать в правильном контексте. По оценкам на 30 января 1918 г., Германия к тому времени ассигновала и истратила из средств специального фонда на пропаганду и специальные цели (Sonderexpeditionen) 382 миллиона марок. 40 580 997 марок, истраченных на Россию, составляют около 10% этих расходов. К 31 января 1918 г. «все еще» не были израсходованы 14,5 миллионов марок, однако к июлю 1918 г. ежемесячные расходы немцев на пропаганду в России уже достигли 3 миллионов марок. Незадолго до убийства посол граф Мирбах запросил дополнительно 40 миллионов марок с тем, чтобы конкурировать с соответствующими ассигнованиями из стран Антанты. Из этих 40 миллионов до конца войны только 6 миллионов, во всяком случае, не более 9 миллионов, высылались и использовались частями каждые два-три месяца.
20. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 49, с. 399 (*прим. ред.*).
21. Там же. Т. 31, с. 7 (*прим. ред.*).
22. Так у автора (*прим. ред.*).
23. Это была кличка Ганецкого. Ленин использует ее из соображений конспирации.
24. Рабочий. член редколлегии «Правды», который был также полицейским агентом. *Прим. ред.*: см. статью В. И. Ленина «Проделки республиканских шовинистов» (ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 31, с. 79—82).
25. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 49, с. 418—423.
26. К сожалению, архивы военного министерства и разведывательного отделения германского Генерального штаба были полностью уничтожены огнем, поэтому о деятельности этих учреждений можно судить лишь по их переписке с правительством. Это огромная утрата для истории России 1917 года. Я уверен, что в военных архивах я обнаружил бы ссылки на определенных лиц, которые подтвердили бы мои исследования. Однако без таких документов я не считаю возможным назвать имена этих лиц.
27. Досье Министерства иностранных дел Германии в Национальном архиве США в Вашингтоне (File 1499, Fr. D627679—680).
28. German Foreign Office Files in National Archives of the USA, Document № D-627769.
29. То, что демонстрации были действительно организованы большевиками, доказывает следующий рассказ лидера большевиков в Кронштадте гардемарина Раскольников (Ф. Ф. Ильин): «20 апреля, вечером, возвратившиеся из Петрограда товарищи сообщили кронштадтскому партийному комитету, что в Питере беспокойно... На следующий день по телефону позвонил из Петрограда т. Николай Ильич Подвойский. Оговорившись, что по проводу он всего сообщить не может, т. Подвойский от имени военной организации потребовал немедленного приезда в Петроград надежного отряда кронштадтцев. Встревоженный, прерывистый голос т. Подвойского обнаруживал, что в Петрограде положение серьезно. Мы тотчас разослали телефонограммы по судам и береговым отрядам, приглашая каждую часть выделить несколько вооруженных товарищей для поездки в Петроград» (Красная летопись, 1923, № 7, с. 91).
30. В мае германское правительство предприняло две попытки побудить Россию, под предлогом заключения переми-

рия, вести сепаратные переговоры и тем самым помешать восстановлению боеспособности наших армий. Одну из них — на Северном фронте, которым командовал генерал А. М. Драгомиров; другую — в Петрограде через посредство одного из руководителей шведских социал-демократов и члена шведского Национального собрания Роберта Гримма. Попытка на фронте осталась без ответа. Гримма же попросили немедленно покинуть Россию после того, как была расшифрована его переписка с Берлином (которую он вел через шведское представительство). См. Russian Provisional Government. Vol. II, pp. 1158, 1130—1181, а также следующие документы в Public Records Office, London: GFM-2, D-965716, 965717, 965718, 965719.

31. Демонстрации начались 20 апреля в Петрограде, а к концу месяца прокатились по всей стране, включая Сибирь. Демонстрация 9 июня 1917 г. в Петрограде была отменена и предотвращена ЦК РСДРП (*прим. ред.*).
32. Цит. по газете «Русское слово», 6.VII.1917.
33. БОНЧ-БРУЕВИЧ Влад. На боевых постах Февральской и Октябрьской революции (2-е изд.). М. 1931, с. 83.
34. С 5(18) июля по 24 октября (6 ноября) В. И. Ленин вместе с Г. Е. Зиновьевым находился на нелегальном положении (*прим. ред.*).
35. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 32, с. 413—415 (*прим. ред.*).
36. См. газета «Рабочий и солдат», 27.VII.1917, № 4, с. 1 (ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 31. — *Прим. ред.*).
37. Близ ст. Разлив (*прим. ред.*).
38. См. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 10—17 (*прим. ред.*).
39. Генерал Луи Кавеньяк подавил в июне 1848 г. восстание рабочих в Париже.
40. В статье В. И. Ленина «К лозунгам» упоминается не письмо Маркса к германским рабочим, а работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». — *Прим. ред.*
41. См. директиву Ленина, озаглавленную «К лозунгам», написанную в середине июля 1917 г. и напечатанную отдельной брошюрой, изданной Кронштадтским комитетом РСДРП(б). (ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 10. — *Прим. ред.*)
42. Там же. (ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 34, с. 15—17. — *Прим. ред.*)
43. German Secret Archives, microcopies. Т. 120, ii, № 1498, А 627623.
44. В Гуверовском институте Стэнфордского университета имеется письменное показание, подписанное мной, в котором содержатся некоторые другие подробности этого инцидента.
45. Цит. по: ZEMAN Z. A. B. Germany and the Revolution in Russia, 1915—1918. Lnd. 1958, pp. 6—7.
46. Кескюла был членом эстонского Национального комитета, который, находясь в Швейцарии, добивался независимости своей страны от Российской империи. Он поддерживал связь с германской миссией в Берне с сентября 1914 года. Позднее он работал на германского агента Штайнвахса.
47. Речь идет о прекращении царским правительством 3 сентября 1915 г. работы IV Государственной думы в ответ на образование Прогрессивного блока (*прим. ред.*).

Два эпизода из истории внутрипартийной борьбы: конфиденциальные беседы Бухарина

Ю. Г. Фельштинский

В журнале «Огонек» (1990 г., № 28) помещена публикация американского историка Стивена Коэна «Предчувствие сталинизма». Во введении от редакции указано, что приводимый им документ о беседе Н. И. Бухарина с Л. Б. Каменевым в июле 1928 г. публикуется впервые. Это не соответствует действительности. Документ впервые был опубликован в извлечениях 24 марта 1929 г. в германской левокоммунистической газете «Volkswille». В обратном переводе с немецкого этот же текст был опубликован 29 марта того же года в заграничном органе меньшевиков «Социалистический вестник» (№ 6). 12 апреля в переводе с немецкого документ был опубликован во французской левокоммунистической газете «Contra le Courant» (№ 27—28). Текст беседы Каменева и Бухарина был затем отпечатан троцкистами в виде отдельной листовки и немедленно передан на запад. Уже в № 7 «Социалистического вестника» от 4 мая редакция известила читателей о получении русского оригинала записи беседы и опубликовала те отрывки, которые отсутствовали в немецкой публикации. В 1956 г. Коэн впервые опубликовал полностью текст этого документа на английском языке. В январе 1986 г. мною этот документ был впервые полностью опубликован на русском языке в парижском журнале А. М. Некрича «Обозрение» (№ 18).

Но главное состоит в том, что «Огонек» опубликовал не русский оригинал документа, извлеченный из архива Троцкого или же заимствованный из моей публикации в журнале «Обозрение», а перевод с английского (по публикации Коэна). При добросовестном обратном переводе сохраняется общий смысл документа, однако теряются оттенки, заменяются или пропускаются отдельные слова и фразы. Для историков такая публикация перестает быть документом. На нее нельзя делать ссылки, ее нельзя цитировать в качестве источника. Редакция «Огонька» не нашла возможным опубликовать мое письмо, направленное ей в июле 1990 г. главным образом для того, чтобы читатели журнала, и прежде всего историки, отнеслись к публикации Коэна как к пересказу, а не как к подлиннику документа. Русский оригинал записи беседы Бухарина с Каменевым 11 июля 1928 г. хранится в архиве Троцкого в Бостоне, в Гарвардском университете. Эта запись имеет конфиденциальный характер¹. Она уникальна: в научный оборот на сегодня введено всего несколько аналогичных записей бесед советских руководителей.

Фельштинский Юрий Георгиевич — доктор исторических наук (США), автор монографий «Большевики и левые эсеры. Октябрь 1917 — июль 1918», «К истории нашей закрытости. Законодательные основы советской иммиграционной и эмиграционной политики. 1917—1927», редактор-составитель публикации «Архивы Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927», тт. 1—4.

Этому разговору уделяется большое внимание в воспоминаниях А. М. Лариной, жены расстрелянного в 1938 г. Бухарина². Она указывает:

1. Разговор происходил под открытым небом, а не на квартире у Каменева (№ 11, с. 118). Для Лариной это немаловажно, так как первое обстоятельство означает лишь «случайный» разговор, а второе наводит на мысль о фракционных переговорах, факт которых она категорически отрицает, поскольку именно их инкриминировали Бухарину как преступление перед партией. Сомнительно, по мнению Лариной, и письмо Г. Я. Сокольников, послужившее «увертюрой» к разговору (№ 11, с. 121). Она оспаривает этот пункт не случайно: предварительное письмо Сокольников Каменеву говорит о заблаговременной их подготовке к «случайной» встрече с Бухариным, а если так, то речь скорее может идти о «переговорах», чем о «разговоре».

2. По мнению Лариной, «Запись» неточна и даже фальсифицирована (№ 11, с. 120). Она настаивает на этом, так как оспаривает сказанную, согласно «Записи», Бухариным фразу, что о разговоре с Каменевым поставлены в известность А. И. Рыков и М. П. Томский (что вновь указывает на фракционные переговоры, в чем и был обвинен Бухарин).

3. Ларина пишет, что конспективная запись разговора сделана не Каменевым, а кем-то другим, так как «вызванный в ЦКК Каменев признал правильность «Записи» «с оговорками»... Бухарин признал «Запись» «в основном» (№ 11, с. 121). Ларина видит в этом еще одно доказательство того, что документ мог быть фальсифицирован (подразумевается, что за этим стоял Сталин).

4. Наконец, Ларина утверждает, что публикация записи беседы Каменева и Бухарина в 1929 г. в меньшевистском «Социалистическом вестнике», выходившем на Западе, была «бомбой гигантской силы», имела провокационную цель, очень повредила Бухарину и никогда не была забыта Сталиным (№ 11, с. 123), то есть в гибели Бухарина виноваты еще и редакторы меньшевистского органа.

Сегодня можно с большей определенностью, ровно настолько, насколько это позволяют имеющиеся в распоряжении историков архивы, осветить затронутые Лариной вопросы.

Совершенно очевидно, и на это справедливо указывает в «Знамени» комментатор мемуаров А. М. Лариной историк Б. А. Старков (№ 11, с. 125), что разговор состоялся не под открытым небом. В «Записи» сказано, что Бухарин «говорил час без... перерывов». Действительно, конспект разговора отнюдь не короток. Ларина пишет: «Бухарин возвращался с заседания июльского Пленума ЦК домой вместе с Сокольниковым (оба тогда жили в Кремле). По дороге они встретили Каменева. Остановились и разговорились» (№ 11, с. 117). Но встреча, конечно же, не была случайной. Сокольников, вызвавший ранее Каменева из Калуги, куда тот был сослан, в Москву, вел Бухарина на встречу с Каменевым. Думается, что она состоялась (как и указывал на то Каменев) на квартире. Разговаривать под открытым небом было бы крайне рискованно. Бухарин, Каменев и Сокольников находились на территории Кремля. Разговор начался в 10 часов утра, в самый разгар рабочего дня, и собеседники тут же обратили бы на себя внимание. Разумнее было пойти к кому-нибудь домой.

«Запись» разговора, видимо, точна, по крайней мере, настолько, насколько вообще можно говорить о точности любой конспективной записи, сделанной наспех после окончания разговора. Николаевский писал: «Правильность записи разговора с Каменевым Бухарин мне сам подтвердил в 1936 г., но, правда, с оговоркой о том, что запись эта небрежная»³. То же самое следует и из речи Бухарина на Объединенном пленуме ЦК и ЦКК 18 апреля 1929 года⁴.

Аргументы Лариной в пользу фальсификации документа кажутся не очень убедительными. Она утверждает, что «старый конспиратор» Сокольников никогда бы не стал писать Каменеву записку в Калугу, где отбывали в ссылке последние часы уже реабилитированные Зиновьев и Каменев. Но «конспиратором» Сокольников был до революции, а не после. К тому же записка была достаточно невинного содержания. Ларина указывает также, что в «Записи» однажды встречается обращение на «ты», в то время как Бухарин и Каменев были на «Вы». Но Каменев,

записывающий наспех и конспективно, мог просто описать, употребив по отношению к себе (а не к Бухарину) «ты» вместо «вы». Считать такую ошибку доказательством фальсификации документа трудно. Любой, даже самый небрежный фальсификатор позаботился бы о том, чтобы в тексте совпадали формы обращения.

Вопрос об авторстве «Записи» — той, которую показывали Каменеву и Бухарину в ЦКК, и той, которая затем была опубликована, — действительно сложен. Очевидно, что по крайней мере один ее экземпляр Каменев переслал Зиновьеву, для которого и составлял конспект разговора. Дошел ли текст до Зиновьева? Прочитал ли он его? Оставил ли затем в своем архиве или уничтожил? Снял ли с него копии? Разослал ли другим? На эти вопросы, к сожалению, нельзя ответить без привлечения материалов архива Зиновьева. Николаевский, начавший изучать судьбу этого документа, но так и не доведший работу до конца⁵, указывает, что «Запись была передана кому-то из сторонников Троцкого одним из секретарей Каменева⁶.

Ларина недвусмысленно намекает, что запись поддельна. Старков доказывает обратное, опираясь на ее копию, обнаруженную в коллекции П. Н. Милюкова в Пражском архиве, вывезенном из Чехословакии в СССР вскоре после окончания второй мировой войны. Между тем история путешествия документа за границу банальна. Троцкисты, получившие от секретаря Каменева текст «Записи», переслали ее Троцкому. Она сохранилась в его архиве в материалах 1928 года. Это с трудом читаемый, не первый экземпляр машинописи, напечатанный убористо, через один интервал. Значит, перепечатка делалась не специально для Троцкого, иначе он получил бы первый экземпляр. Видимо, «Запись» была получена Троцким в сентябре — октябре 1928 г.⁷, когда он находился в алма-атинской ссылке. Все упомянутое в «Записи» лица давно уже порвали с ним связи. К Бухарину Троцкий относился отрицательно как к «правому»; Зиновьеву и Каменеву, изменившим ему и капитулировавшим перед Сталиным и Бухариным, не доверял. Троцкий был заинтересован в том, чтобы обнародовать «Запись»: этим он, с одной стороны, компрометировал «правых», с другой — Сталина и его сторонников. Наконец, Троцкий, предавая документ огласке, мог надеяться еще и на то, что окончательно рассорит Сталина с «правыми» и толкнет его влево⁸. В конце концов, Троцкий мог мстить лично Бухарину: видимо, он, по поручению Политбюро, известил Троцкого о высылке в Алма-Ату⁹. Руководствуясь этими или сходными соображениями, Троцкий дал указание еще находившимся на воле своим единомышленникам отпечатать «Запись» в виде листовки¹⁰. Когда Троцкий распорядился об этом, не вполне ясно¹¹.

Похоже, что троцкисты «на местах» долго не решались выполнить инструкцию¹² и отпечатали запись разговора в виде прокламации лишь 20 января 1929 года. Дату эту не следует считать случайной: 20 января Троцкому под расписку была предъявлена выписка из протокола Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 18 января 1929 г. о высылке за пределы СССР¹³. Листовка вышла, как вспоминал Л. Л. Седов, с предисловием Воронского¹⁴. Она была озаглавлена «К партийным конференциям. Партию с завязанными глазами ведут к новой катастрофе» и подписана «Большевики-ленинцы»¹⁵ — так называли себя оппозиционеры-троцкисты. Именно эта январская публикация троцкистов и была, пользуясь выражением Лариной, «бомбой гигантской силы»¹⁶.

О том, что это было действительно так, свидетельствует документ, датированный 20 марта 1929 г. — «Внутри право-центристского блока. (Письмо из Москвы)»¹⁷. Составленный, безусловно, троцкистами, документ в июле 1929 г. был опубликован полностью в первом (сдвоенном) номере «Бюллетеня оппозиции», который начал издавать после высылки из СССР Троцкий. Из этого весьма интересного документа следуют по крайней мере два вывода. Видимо (тут (№ 11, с. 123) Ларина совершенно права), Сталин был заинтересован в обнародовании документа и пошел на переиздание его в типографии ЦК для сведения актива партии¹⁸. По свидетельству документа от 20 марта, — «сталинцы торжествуют: на их долю выпала полная и легкая победа» — «Запись» свидетельствовала о фракционном сговоре «правых» с левыми. Кроме того, этот документ показывает (и здесь (№ 11, с. 125) прав Старков), что встреча Бухарина с Каменевым не была последней (а может

быть, и первой): в декабре и январе, еще до публикации троцкистами «Записи»¹⁹, Бухарин снова встречался с Каменевым — у Пятакова²⁰. Не исключено, однако, что сведения о переиздании «Записи» еще и типографией ЦК неверны. На это косвенно указывает то обстоятельство, что листовка ЦК отсутствует в западных и, видимо, в советских архивах. По крайней мере Тетюшев, получивший доступ в Центральный партийный архив, о листовке не упоминает, а заимствует информацию из «Социалистического вестника»²¹.

Ларина отмечает, что «не позже начала осени Сталину уже было известно о разговоре [между Бухариным и Каменевым] и его содержании» (№ 11, с. 119). Доказательством этого, по ее словам, служит то, что вбежавший, как ей помнится, к Бухарину в дом с этой новостью чрезвычайно взволнованный Рыков был в легком пальто и кепке. Если Ларина не ошибается, остается предположить, что разговор действительно было несколько. Может быть, осенью 1928 г. Сталин узнал о другом разговоре? Не исключено, что Лариной изменяет память; иначе трудно объяснить чем-либо, кроме крайней беспринципности, тот факт, что Бухарин, заподозривший Каменева в доносительстве и обозвавший его «подлецом и предателем» ранней осенью 1928 г. (№ 11, с. 118), встречался с ним в декабре и январе, как свидетельствует документ от 20 марта 1929 года. Наконец, приходится допустить, что о разговоре (или разговорах) Бухарина с Каменевым знал достаточно широкий круг партийного актива, включая Сталина. Вот что пишет об этом Николаевский: «Вопрос о том, были ли ГПУ или Сталин тогда уже осведомлены о беседе Бухарина с Каменевым, представляет большой интерес. Никаких указаний на этот счет в литературе не имеется, если не считать заявления Луи Фишера (в его воспоминаниях) о том, что он знал об этой встрече на следующий же день: если было так много разговоров, то больше чем вероятно, что [и] Сталин знал. [...] Тогда все поведение Сталина осенью 1928 г. приобретает особый оттенок»²².

Видимо, неправильно предполагать, что члены Политбюро не были склонны к тайным встречам друг с другом или со своими сторонниками. Бухарин не был исключением. Он создал нечто вроде собственного секретариата из нескольких своих учеников — Астрова, Слепкова, Марецкого, Стецкого, Айхенвальда и других. Ларина справедливо указывает, что Сталин начал расправу с Бухариным с его «школки». Решение это Сталин принял не случайно. Он знал, что его собственная сила заключена в личном секретариате, и, заподозрив Бухарина в создании такого же аппарата, начал уничтожать его «секретариат». Встречи Бухарина со своими сторонниками проходили еженедельно, по четвергам, на квартире П. П. Постышева. Жена Постышева работала в Институте Маркса и Энгельса, сочувствовала Бухарину. Сам Постышев больше жил в Ленинграде, и собрания проводились в его отсутствие. Бухарин приезжал прямо с заседаний Политбюро и сообщал о новостях. Разумеется, это было лишь подобие «секретариата»²³.

Выпущенная 29 января троцкистами листовка с «Записью» попала за границу лишь в марте 1929 г., уже после высылки Троцкого и прибытия его в Турцию. Не похоже, что листовку вывозил сам Троцкий (в его архиве остались бы какие-нибудь на то указания, а их нет). Судя по всему, Ларина самой листовки не видела, что не удивительно, так как она является большой редкостью. Создается, однако, впечатление, что Ларина не видела вообще никаких текстов «Записи» (кроме, может быть, ксерокопии машинописного текста из архива Троцкого в Гарвардском университете²⁴). Так, она пишет, что «Запись» была издана «20 января 1929 года в троцкистском бюллетене, издававшемся за границей» (№ 11, с. 119). Но в тот день была издана на русском языке листовка троцкистов. В «Бюллетене оппозиции», который начал выходить только в июле 1929 г., был опубликован лишь документ от 20 марта. «Троцкистских» бюллетеней в январе 1929 г. еще не существовало: Троцкий находился пока в пределах СССР. Только 24 марта 1929 г. германская левокоммунистическая газета «Volkswille» (мы можем назвать ее «троцкистской» с известными оговорками) опубликовала на немецком языке «Запись», начиная со слов «Через час (11 июля...)» и кончая фразой «Их надо спокойно выждать» (последняя фраза — из записки Каменева Зиновьеву; оба текста в германской газете были объединены).

Это была единственная публикация «Volkswille» такого рода. В ноябре 1929 г. газета опубликовала рассказ одного из троцкистов о беседе с К. Радеком в июне 1929 г., во время встречи на каком-то вокзале по дороге в Москву, куда Радек возвращался из ссылки. По словам троцкиста, Радек сказал следующее: «Положение в ЦК катастрофическое. Правые — Бухарин — Томский и центровики — Сталин — Молотов подготовляются к арестам противников (то есть друг друга. — Ю. Ф.) ... Блок правых и центра распался, и против правых ведется ожесточенная борьба. Правые сильны. Их 16 голосов могут удвоиться и даже утроиться. В Москве нет хлеба. Недовольство масс... Мы накануне крестьянских восстаний. Это положение вынуждает нас во что бы то ни стало вернуться в партию. Наше заявление будет исходить из оценки общего положения в партии и констатирования раскола в оппозиции и будет сопровождаться просьбой об обратном приеме в ВКП. С Троцким мы совершенно порвали... Почему он опять вытащил перманентную революцию? А если мы завтра сделаем новые уступки крестьянам, он снова будет пугать нас мужиками и кричать о термидоре?»²⁵.

Таким образом, в самом факте публикации «частного разговора» ничего необычного не было. Точно так же поступала и советская пресса. Например, 15 января 1928 г. «Правда» опубликовала со вступительной статьей под громким названием «Подрывная работа троцкистов против Коминтерна» перехваченные ГПУ письма ссыльных троцкистов. Публикация в центральном партийном органе документов (к тому же перехваченных ГПУ) уже ссыльных противников не кажется высокоморальной даже по стандартам партийных устоев того времени. Не лишним будет сказать, что в то время редактором «Правды» был Бухарин.

29 марта 1929 г. в «Социалистическом вестнике» под заголовком «Большевики о самих себе» был опубликован в переводе с немецкого текст заметки из «Volkswille». Тот факт, что Ларина считает, будто в «Социалистическом вестнике» опубликована «не копия первоначального документа, а хорошо отредактированный текст, вполне способный сойти за личную запись Каменева» (№ 11, с. 123), позволяет предположить, что она с этой публикацией не знакома. Во введении к «Записи» редакция «Социалистического вестника» сообщила, что публикует перевод из немецкой газеты. Это подтверждается при сравнении немецкого и русского (в обратном переводе) текстов с копией «Записи» из архива Троцкого в Гарвардском университете.

Приведенное Лариной доказательство того, что «Запись» редактировалась чуть ли не самим Каменевым, не выглядит убедительным: всякий, кто попытается перевести на немецкий жаргонное «мы голоснули», при обратном переводе неизбежно получит стандартное русское «мы голосовали». Ларина же считает, что изменение «мы голоснули» на «мы голосовали» — результат правки Каменева, а не следствие обратного перевода. 15-й пункт записи беседы Бухарина и Каменева (о Коминтерне) в «Социалистическом вестнике» был убран. Пункт этот, однако, был включен во французское издание «Записи»²⁶. Это означает, что французские оппозиционеры-коммунисты также использовали немецкий текст или же заимствованный у немцев русский оригинал, а не «Запись», опубликованную в «Социалистическом вестнике». Русский изначальный текст листовки троцкистов с записью разговора редакция «Социалистического вестника» получила в апреле и сообщила о ней читателям в номере от 4 мая 1929 г., опубликовав те части листовки, которые не были напечатаны 29 марта в обратном переводе с немецкого. Листовка троцкистов попала в «Социалистический вестник» вместе с копией документа от 20 марта 1929 г., поэтому газета опубликовала еще и выдержки из него.

После издания «Записи» троцкистами, возможного переиздания листовки в типографии ЦК и публикации в немецкой газете перепечатка документа в меньшевистском органе была четвертой по счету. Трудно поэтому поверить, что именно она явилась «бомбой гигантской силы» и повредила Бухарину. Заявление с объяснением по поводу разговора с Каменевым Бухарин направил в Политбюро и Президиум ЦКК 30 января 1929 года. Резолюция объединенного заседания этих двух органов с осуждением действий Бухарина была вынесена 9 февраля. Чем повредила Бухарину «перед апрельским пленумом» 1929 г. мартовская публикация в «Социа-

листическом вестнике», не объясняет даже Ларина. Похоже, что ничем. По крайней мере о «Социалистическом вестнике» на апрельском пленуме не вспоминали.

В конце февраля 1936 г. Бухарин по постановлению Политбюро выехал в заграничную командировку для организации покупки у Социал-демократической партии Германии архивов нескольких немецких коммунистов, прежде всего архива К. Маркса. Германские социал-демократы, часть которых после прихода Гитлера к власти эмигрировала во Францию, с одной стороны, нуждались в деньгах, с другой — не считали, что архивы находятся во Франции в безопасности. СДПГ приняла тогда решение предложить Советскому правительству купить архивы. Посредничать в этом деле должны были меньшевики Ф. И. Дан и Б. И. Николаевский. Участие Николаевского было не случайно. Он пользовался всеобщим уважением как журналист и историк; репутация его как эксперта была бесспорна. Уже после прихода Гитлера к власти Николаевский осуществил вывоз архивов из Германии во Францию²⁷. Понятно, что именно ему и досталась главная роль в переговорах (которые, впрочем, не увенчались успехом)²⁸.

Собирателя архивов Николаевского интересовал, конечно же, и сам Бухарин. Пользуясь формальным предлогом — обязанностью сопровождать Бухарина, он следовал за ним почти неотступно²⁹. Историк Николаевский имел поразительную способность выуживать информацию из «интервьюируемого» им человека. Так было и в случае с Бухариным. Хотел ли Бухарин того или нет, но, неоднократно оказываясь с глазу на глаз с Николаевским, вынужден был отвечать на его многочисленные вопросы³⁰. Оставаясь один, Николаевский записывал бухаринские ответы. Так родилась легендарная запись Николаевским разговоров с Бухариным. Легендарная, поскольку кроме Николаевского этой записи так никто и не видел. В конце 1936 г. он уничтожил ее из опасения, что она может быть выкрадена агентами ГПУ и использована против Бухарина³¹.

Вправе ли мы поверить Николаевскому, что он беседовал с Бухариным, записал беседу, но уничтожил запись? Думается, да. Прежде всего, никаких оснований обвинять Николаевского в фальсификациях или преувеличениях нет³², наоборот, имеются многочисленные свидетельства того, что Николаевский не гнался за сенсацией. Здесь достаточно привести лишь один пример, имеющий отношение к Бухарину. В самом начале 1941 г., в период советско-германского сотрудничества, Николаевский писал в одном из своих писем: « В пятницу виделся с Оффи [...] [Он] рассказывал о своих беседах с Бухариным и пр. (оказывается, Бухарин еще в 1936 г. предупреждал их, что Сталин тянет в сторону союза с Германией!)»³³.

24 года спустя Николаевский осветил эту тему подробнее: «Между прочим, в свое время Оффи, бывший секретарь [посла США в СССР] Буллита, мне рассказывал, что у Буллита летом 1936 г., вскоре после возвращения Бухарина из Парижа, была тайная встреча с Бухариным в поезде по пути в Петроград, во время которой Бухарин ему рассказал, что Сталин ведет тайные переговоры с немцами. [...] Я не писал об этом, так как меня интересует не сенсация, а материал о Бухарине. Но должен сказать, что Бухарин мне тогда [в 1936 г.] говорил, что Сталин по вопросу о немцах стоит в Политбюро на особо осторожной [прогерманской] позиции»³⁴. Об этой встрече Бухарина с Буллитом Николаевский ни разу не упомянул публично. Нужно ли лучшее доказательство того, что он умел хранить тайну? Только в декабре 1965 г., незадолго до смерти, он опубликовал в «Социалистическом вестнике»³⁵ воспоминания о беседах с Бухариным в 1936 году³⁶.

К воспоминаниям о Бухарине Николаевский подошел очень серьезно, поэтому работа продвигалась медленно. Тот факт, что Николаевский был, по существу, последним из живших на Западе людей, которым удалось откровенно (или полуроткровенно) разговаривать с Бухариным, арестованным вскоре после возвращения из-за границы, вносил в работу еще и определенный эмоциональный оттенок³⁷. Результатом ее Николаевский доволен не был. Ему казалось, что он рассказал не все и не так, как следовало³⁸.

Может быть, с середины 1965 г. Николаевский чувствовал себя вправе публиковать воспоминания о Бухарине еще и потому, что сама Ларина в мае передала на Запад текст небольшого письма, оставленного им перед смертью: «К будущему

поколению руководителей партии». 25 мая Э. Кранкшоу напечатал это письмо в лондонском еженедельнике «The Observer» и в «New York Journal American». 28 мая письмо поместили в немецкой газете «Die Zeit». Сохранять тайну у Николаевского более не было оснований, и он дал согласие на публикацию интервью.

Ларина ставит под сомнение сам факт бесед Николаевского и Бухарина. «На процессе Бухарин вынужденно показал, что, находясь в 1936 году в Париже, вошел в соглашение с Николаевским, посвятил его в планы заговорщиков [...]». Тогда же, в марте 1938 года, Николаевский напечатал заявление, в котором опровергал это: «Все без исключения мои встречи с Бухариным, равно как и с другими членами комиссии (по покупке архива Маркса. — А. Л.), проходили в рамках именно этих переговоров. Ничего, хотя бы отдаленно напоминающего переговоры политического характера, во время этих встреч не происходило». Но спустя почти три десятилетия в своих воспоминаниях-интервью Николаевский вдруг поведал о разговорах с Бухариным во время его командировки» (№ 12, с. 123—124).

Неужели Николаевский в 1938 г. должен был рассказать советскому суду о своих разговорах с Бухариным? Так мог бы поступить только провокатор. Николаевский же лишь после смерти Сталина начал упоминать в частных письмах (а не в статьях) о беседах с Бухариным в 1936 году³⁹.

Мемуары Лариной могут создать впечатление, что во время командировки она постоянно была с Бухариным: «Разговоры происходили в моем присутствии и носили чисто деловой, официальный характер» (№ 10, с. 145); «Я свидетель того, что переговоры с Николаевским носили деловой характер, связанный только с командировкой. Лишь одна беседа имела и политический оттенок, однако Бухарин разговаривал с Николаевским как его идеологический противник» (№ 11, с. 167). Но Бухарин (и это признает сама Ларина) мог беседовать с Николаевским до ее приезда в Париж, прежде всего во время поездок в Копенгаген и Амстердам, где находились части архива Маркса. Ларина пишет: «Я не присутствовала при всех встречах Бухарина с Николаевским, поскольку приехала в начале апреля⁴⁰, а Н. И. прибыл из Амстердама в Париж примерно в середине марта, но я была свидетелем всех переговоров, происходивших после моего приезда» (№ 12, с. 113). Следовательно, большую часть командировки, с конца февраля до начала апреля, Бухарин провел без Лариной.

Когда умерли участники беседы (и лишь один из них оставил воспоминания), доказать правильность или ошибочность сказанного часто бывает невозможно. Так, Ларина описывает эпизод, на котором хотелось бы остановиться как на примере обмана памяти. «Поражает, — пишет она, — сочиненный им [Николаевским] разговор о составлении Конституции [...]. «Смотрите внимательно, — якобы сказал Бухарин Николаевскому, — этим пером написана вся новая Конституция [...] (он будто бы вытащил из кармана «вечное» перо и показал его). [...]». Эти сведения — плод фантазии Николаевского. Николай Иванович [...] «вечного» пера не любил. В Париж эту ручку Бухарин не возил и показывать Николаевскому не мог» (№ 11, с. 126—127).

5 апреля 1936 г. парижская газета «Последние новости» писала в репортаже о лекции Бухарина: «Отчеканивая фразы, Бухарин машет ручкой в такт или вытирает цветным носовым платком вспотевший лоб». Так что «вечное» перо у Бухарина в Париже было с собой. По крайней мере в этом Ларина ошиблась.

Еще один пример, более важный. Ларина категорически отрицает (№ 11, с. 127) рассказ Николаевского о свидании Бухарина в Париже с Ф. Н. Езерской, предложившей Бухарину не возвращаться в СССР. В одном из писем Николаевского читаем: «С Бухариным тогда велись разговоры о том, чтобы он остался за границей для издания международного органа «правых». Вела их с ним Езерская, бывшая секретарь Розы Люксембург [...] Ее Бухарин знал хорошо и к ней относился с доверием — Езерская мне тогда же обо всем рассказывала, и я хорошо помню, как она резюмировала итоговые замечания Бухарина: я не могу жить без Советского Союза. Он, действительно, знал о многих подвигах Сталина, но считал для себя невозможным уйти с поля борьбы, тем более, что положение он отнюдь не считал безнадежным, так как в Политбюро Сталин еще не имел большинства (требование

Вышинского на процессе Зиновьева о суде над Бухариным было отклонено Политбюро)»⁴¹.

Между тем с Езерской Бухарин был знаком настолько хорошо, что разговоры их могли иметь очень откровенный характер. Вот что писала Езерская Николаевскому в 1942 г.: «Бухарин в Берлине в 1930 г. (когда он возвращался из Англии с конгресса научных деятелей. — Ю. Ф.) уговаривал меня пойти обратно в компартию. Я ему долго разъясняла, что вне партии я больше могу сделать, чем внутри, и он согласился, что это так [...], но что вне партии бороться трудно. В конце концов он уже не так настаивал»⁴². Если Бухарин в 1930 г. мог советовать Езерской вернуться в Германскую компартию, то почему бы Езерской в 1936 г. не посоветовать ему остаться в Париже?

Наконец, Ларина обвиняет Николаевского в провокации и фальсификации еще и на основании сравнения ею текстов интервью и статьи «Из письма старого большевика», опубликованной Николаевским в декабре 1936 — январе 1937 года⁴³. Однако статья, автором которой действительно был Николаевский, не публиковалась им с провокационной целью, как утверждает Ларина. Ее напечатали анонимно, внешне придав все возможные атрибуты, указывающие на то, что материал получен из СССР, а не составлен за границей. По мнению Лариной, Николаевский специально написал «письмо» так, чтобы в «старом большевике» читатель заподозрил Бухарина. Сам Николаевский, однако, указывает, что «использовал» [в статье] многие из рассказов Бухарина, но не более⁴⁴.

Во всем, что касалось Бухарина, Николаевский был куда осторожнее и предупредительнее, чем это кажется Лариной. И не меньшевики, на долю которых пришлось так много критики в ее мемуарах, виноваты в гибели Бухарина, а совсем другая партия, совсем иная система. Удивительно, что для этой критики в мемуарах Лариной не нашлось места. Неужели же и сегодня можно предполагать, что во всем был виноват один Сталин?

Примечания автора

1. См. Приложение 1.
2. ЛАРИНА А. М. Незабываемое. — Знамя, 1988, №№ 10, 11, 12. Далее ссылки на эту публикацию приводятся в тексте.
3. Архив института Гувера (ГА), колл. Б. И. Николаевского, ящ. 508, п. 2. Письмо Б. И. Николаевского Н. В. Валентинову (Вольскому) от 2 мая 1956 года. Николаевский написал об этом в связи с приговором «шахтинцам». Согласно «Записи», Сталин высказался против смертной казни, а «правые» во главе с Бухариным, Рыковым и Томским — за. Валентинову, старому социал-демократу, симпатизировавшему, конечно же, расстрелянному Бухарину, а не Сталину, в это трудно было поверить. «О Шахтинском деле я слышал от Рыкова, — пишет он Николаевскому. — В беседе Бухарина с Каменевым есть большая ошибка. Бухарин указывал, что Сталин был против расстрела «шахтинских» вредителей, а они за. Тут большая путаница» (там же. Письмо Н. В. Валентинова Б. И. Николаевскому от 25 апреля 1956 г.). На это Николаевский и ответил, что Бухарин правильность записи подтвердил, объясняя жесткую позицию «правых» тем, что «там ведь вплетался вопрос о немцах, которых расстреливать Сталин ни в коем случае не хотел» (там же. Письмо Б. И. Николаевского Н. В. Валентинову от 2 мая 1956 г.), и намекая на связи Сталина и его окружения с немецкой военной разведкой и армией.
4. БУХАРИН Н. И. Проблемы теории и практики социализма. М. 1989. с. 301, 302.
5. ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 504, п. 34. Письмо Б. И. Николаевского от 11 мая 1961 г. Историю беседы Бухарина с Каменевым Николаевский собирался опубликовать в 1964 г. в историческом сборнике (ящ. 510, п. 1), который так и не был издан. В 1965 г. он все еще собирал материалы для публикации (Архив Международного института социальной истории в Амстердаме (МИСИ), колл. С. Эстрина, п. 65. Письмо Б. Николаевского М. Шахтману от 1 января 1965 г.).
6. «Как имя секретаря Каменева, который передал троцкистам копию этой записи?», — спрашивал Николаевский в одном из писем (ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 472, п. 32. Письмо Б. И. Николаевского И. М. Бергеру от 6 июля 1961 г.). В ответном письме от 26 сентября 1961 г. Бергер о секретаре Каменева не пишет.

7. Там же, ящ. 519, п. 30. Комментарии Б. И. Николаевского к книге Л. Шапиро. 1958 год. Гл. 12, с. 7.
8. Так и произошло, хотя не стоит приписывать эту заслугу Троцкому, а причину «сорь» Сталина с «правыми» искать в одной лишь неосторожной беседе Каменева и Бухарина.
9. «Я перенеслась в обстановку этих последних дней «рукопашной», — писала позднее Н. И. Седова. — [...] Вижу, вижу все с ясностью вчерашнего дня, слышу телефонный разговор Л. Д. с Бухариным — голос его [Троцкого], страстное негодование — отъезд в Алма-Ату» (МИСИ, колл. С. Якобс-Вебер, письмо Н. И. Седовой-Троцкой от 29 февраля 1960 г.).
10. «Очень интересно выходит с беседой Бухарина с Каменевым, — пишет Николаевский бывшему руководителю французской компартии Б. Суварину 9 сентября 1958 г. — Нашел запись рассказа Л. Л. [Седова] о том, как отец его [Троцкий] дал приказ публиковать» (там же, колл. Б. Суварина).
11. У Троцкого упоминание о разговоре Бухарина с Каменевым содержится в письме от 21 октября 1928 года, следовательно, «Запись» была получена им ранее (Троцкий в Алма-Ате. Десять писем Троцкого. — Время и мы, Нью-Йорк, 1986, № 90, с. 188).
12. «Кое-что мне рассказал в свое время Лев Львович [Седов], но я тогда его рассказ не записал [...]. Кто точно прислал эту запись в Алма-Ата? Когда она была там получена? У меня в памяти это получение связано с осенью, печатная листовка с этим текстом была выпущена в январе. Выходило, что печатание задерживали, а Л. Д. [Троцкий] из ссылки настаивал. Верно это?» (ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 628, п. 13. Письмо Б. И. Николаевского Н. И. Седовой-Троцкой от 23 декабря 1950 г.). Подробностей Седова сообщить не могла, о чем и сказала в ответном письме.
13. Подробнее о высылке Троцкого см.: ТРОЦКИЙ Л. Дневники и письма. Изд. 2-е, доп. Тенефлай (США). 1990, доп. 2.
14. МИСИ, колл. Б. Суварина. Письма Николаевского Суварину от 12 июля и 3 августа 1958 г.; ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 508, п. 1. Письмо Б. И. Николаевского Н. В. Валентинову от 4 ноября 1955 года.
15. К сожалению, мне так и не удалось обнаружить в коллекции Николаевского оригинал листовки, хотя его существование подтверждается ссылками в ряде писем (ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 508, п. 2. Письмо Б. И. Николаевского Н. В. Валентинову от 2 мая 1956 г.; МИСИ, колл. Б. Суварина. Письма Б. Николаевского Суварину от 27 июля 1957 г. и 9 сентября 1958 г.). Описание листовки дано в «Социалистическом вестнике» от 4 мая 1929 г., с. 9. В коллекции Милюкова в Пражском архиве, видимо, и была найдена перепечатка с этой листовки. Очевидно, по крайней мере, что Милюков отношения к документу или его передаче на Запад не имел; вывод Старкова о причастности Милюкова к этому делу неправилен.
16. В. И. Тетюшев также считает, что запись была опубликована в январе 1929 г. троцкистами, рассчитывавшими осложнить этим внутривнутрипартийное положение (ТЕТЮШЕВ В. И. Борьба партии за генеральную линию против правого уклона в ВКП(б) в период между XV и XVI съездами. — Вестник Московского университета, вып. 3, с. 16). Эта информация взята им из «Социалистического вестника», на который он дает ссылку.
17. См. Приложение 2. Машинописный текст документа хранится в ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 778, п. 7. Выдержки из документа опубликованы в «Социалистическом вестнике» от 4 мая 1929 г., с. 9. В настоящей статье текст приводится по журналу «Бюллетень оппозиции», 1929, № 1—2, с. 15—17.
18. Николаевский, черпая информацию из этого документа, указывает, что «Запись» была переиздана «официально Сталиным» (ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 519, п. 30. Комментарии Б. И. Николаевского к книге Л. Шапиро. 1958 год. Гл. 12, с. 5—7).
19. Похоже, что конспектирование бесед было не столь уж редким явлением. В архиве Троцкого лежит, например, с трудом читаемый листок машинописи, не первый экземпляр, который называется «Встреча и разговор гг. К. и П. с Каменевым 22 сентября 1928 года» (Хогтонская библиотека Гарвардского университета, архив Троцкого, ф. 1 Ms Russ 13 T-2630). См. Приложение 3.
20. См. Знамя, № 11, с. 124, где Ларина это отрицает, а также статью Тетюшева, в которой, основываясь на публикации в «Социалистическом вестнике» отрывков из документа от 20 марта 1929 г., он пишет о встрече Бухарина «с Каменевым, Пятаковым и другими троцкистами» (ТЕТЮШЕВ В. И. Ук. соч., с. 16). «Других троцкистов», разумеется, не было, только Каменев, Бухарин и Пятаков (к тому же первых двух нельзя считать троцкистами).
21. См. ТЕТЮШЕВ В. И. Ук. соч., с. 16.
22. ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 519, п. 30. Комментарии Б. И. Николаевского к книге Л. Шапиро. 1958 год. Гл. 12, с. 7.
23. Там же, ящ. 476, п. 34. Письмо Б. Николаевского от 19 сентября 1965 г., с. 7. Николаевский получил

эту информацию от Э. Волленберга. Кадровый офицер германской армии, после подавления восстания 1921 г., в котором принимал активное участие, он эмигрировал в РСФСР. Работал в учреждениях Красной Армии, в военной комиссии при Коммунистической академии. В 1926—1928 гг. жил в Москве, видимо, занимал комнату в квартире Постышева. На собраниях Бухарина Волленберг не присутствовал, но знал о том, что таковые происходят. От него этого не скрывали, так как он был известен как противник Сталина. Содержание бухаринских рассказов о заседаниях Политбюро Волленберг знал.

24. По крайней мере два американских историка привезли в свое время в Москву копии «Записи» разговора из архива Троцкого. Думается, что именно эту копию цитирует Ларина.
25. Цит. по статье «Радек о положении в России». — Дни, Париж, № 65, 1.XII.1929, с. 7.
26. «Contra le Courant», P., № 27—28, 12.IV.1929, с. 12—15.
27. Рассказ Николаевского о вывозе им из гитлеровской Германии немецких социал-демократических и русских архивов (ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 470, п. 5).
28. Николаевский считал, «что Сталин с самого начала был в оппозиции к этим переговорам, которым [Ф.] Адлер сознательно придал политический оттенок», составив комиссию из Модильяни, [Р.] Гильфердинга, Пернсторфера и [Ф.] Дана. Формально в комиссию входил и Л. Блюм, но он не участвовал в переговорах; Бухарин с ним познакомился лишь за полчаса до отъезда на юг Франции к В. Ориолю (там же, ящ. 479, п. 13. Письмо Б. Николаевского Л. Фишеру от 14 декабря 1965 г.).
29. Он не раз вспоминал об этом: «Бухарин из Парижа уехал 30 апреля 1936 г. [...] я тогда с Бухариным встречался почти каждый день» (там же, ящ. 508, п. 44. Письмо Б. Николаевского Э. Волленбергу от 11 апреля 1965 г.). «С Бухариным в течение почти двух месяцев я встречался почти каждый день и очень много с ним говорил на самые разные темы» (там же, ящ. 501, п. 24. Письмо Б. И. Николаевского С. М. Шварцу от 26 июля 1965 г.). «У меня с ним было много интересных разговоров в 1936 г., когда он приехал в главе особой комиссии ЦК для покупки архива Маркса, который я вывез из гитлеровской Германии и хранил тогда в Париже» (там же, ящ. 477, п. 36. Письмо Б. И. Николаевского А. М. Дольбергу от 21 сентября 1957 г.). Постоянно встречаясь с Бухариным в 1936 г., Николаевский до конца своих дней не мог поверить в то, что в Париже Бухарин встречался еще с Даном. Именно поэтому описанный в мемуарах жены Дана, Л. О. Дан, эпизод о приезде к ним Бухарина Николаевский считал выдумкой. Мемуары эти были опубликованы в мартовской 1964 г. книжке «Нового журнала». Об отношении к ним Николаевского говорят следующие выдержки из его писем: «Ее рассказ не просто неправда от начала до конца — в обеих ее версиях, и в первоначальной, той, которую напечатал [Д.] Шуб [в «Новом журнале»], и в последней, которую она дала бундовцам с условием печатать [на идиш] только после ее смерти» (ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 501, п. 24. Письмо Б. И. Николаевского С. М. Шварцу от 26 июля 1965 г.); «Очень предостерегаю от пользования рассказом Л. Дан: этот рассказ сплошная выдумка» (МИСИ, колл. С. Эстрина, п. 65; ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 500, п. 29. Письмо Б. Николаевского М. Шахтману от 1 января 1965 г.).
- Я попросил прокомментировать эти реплики Николаевского Б. М. Сапира, последнего современника тех событий. Вот что он мне ответил: «Выпуская в свет материалы из архива Л. О. Дан, я отметил отношение Николаевского к рассказу о визите Бухарина к Дану. Это отношение объясняется, по моему, не столько враждебностью Николаевского к Л. О. Дан (их взаимоотношения знали взлеты и падения), сколько восприятием его собственных встреч с Бухариным: Николаевский уверовал, что Бухарин открыл ему свою душу и не мог себе представить, что тот скрыл от него свидание с Даном. Николаевский иной раз ошибался в людях, особенно когда он увлекся кем-нибудь. Л. О. Дан не выдумала свой рассказ» (Архив автора. Письмо Б. М. Сапира от 18 июня 1989 г.).
30. Вот несколько цитат из не предназначавшихся для печати комментариев Николаевского к книге Шапира: «Эту свою статью [«Политическое завещание Ленина»] Бухарин писал, уже зная, что троцкисты печатают его беседу, и будучи уверен, что его «Завещание Ленина» явится и его собственным завещанием (это мне говорил сам Бухарин, подробно при этом рассказавший о своих тогдашних беседах с Лениным)» (ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 519, п. 30. Комментарии Б. И. Николаевского к книге Л. Шапира. 1958 год. Гл. 12, с. 9). «Бухарин мне говорил, что его брошюра «Путь к социализму» была по возможности точным, «часто буквальным», прибавлял Бухарин, изложением тех мыслей, которые Ленин развивал в начале 1923 г. во время бесед с ним, Бухариным» (там же, с. 10). «Бухарин называл Сталина «гениальным дозировщиком», в том смысле, что он «гениально» умеет вводить в организм только такие «дозы» своей отравы, которые в этот момент партией будут восприняты как правильные идеи [...]. Эти слова Бухарин [...] сказал в разговоре со мною. Троцкий в своей книге их употребляет с прямой ссылкой на меня, хотя он никогда не получал от меня разрешения на использование их в печати» (там же, с. 2—3).

31. «К сожалению, записи наших разговоров я уничтожил в 1936 г., когда ГПУ пыталось похитить у меня архивы Троцкого, но память у меня хорошая» (МИСИ, колл. Б. Суварина, п. 1. Письмо Б. Николаевского Б. Суварину от 12 июля 1958 г.; колл. С. Эстрина, п. 65; а также: ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 500, п. 29. Письмо Б. Николаевского М. Шахтману от 1 января 1965 г.). Память у Николаевского была поразительная. «Его особенно сильной стороной является феноменальная, почти «фотографическая» память», — писал Войтинский (МИСИ, колл. В. С. Войтинского, п. 2. Письмо В. Войтинского Дж. Х. Виллиту от 3 февраля 1941 г., на англ. яз.). Современника тех событий, хорошо знавшего Николаевского сотрудника Гуверовского института С. Хука (недавно скончавшегося) я спросил, насколько следует считать основательными опасения Николаевского относительно возможной кражи в те годы бумаг его архива. Хук ответил, что кражи бумаг политических противников заграничной агентурой НКВД в то время были банальной повседневностью, и опасения Николаевского были более чем оправданны.
32. На мой вопрос, мог ли Николаевский выдумать эпизод с Бухариным, Сапир ответил: «Я не знаю ни одного случая, чтобы Николаевский выдумал ту или иную информацию. Он мог увлечься, он мог быть несправедливым в своих оценках, но выдумщиком он не был!» (Архив автора. Письмо Б. М. Сапира от 18 июня 1989 г.).
33. МИСИ, колл. В. С. Войтинского, п. 2. Письмо Б. И. Николаевского В. С. Войтинскому от 15 января 1941 года.
34. ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 479, п. 13. Письмо Б. Николаевского Л. Фишеру от 14 декабря 1965 года.
35. С годами газета «Социалистический вестник» стала ежемесячным бюллетенем. В 1965 г. она выходила уже лишь четыре раза в год в виде журнала. Вызвано это было тем, что старое поколение меньшевиков вымирало. Со смертью Николаевского прекратилось и издание журнала, декабрьский выпуск 1965 г. стал последним.
36. Бухарин об оппозиции Сталину. Интервью с Б. Николаевским (Социалистический вестник, сб. 4, декабрь 1965. Английский текст интервью, вышедший несколько раньше, в кн.: Power and the Soviet Elite. N. Y. — Washington — Lnd. 1965). Черновой текст записей Николаевского, использованных для этого интервью, хранится в ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 522, п. 19.
37. Решение написать воспоминания о Бухарине было принято Николаевским, видимо, в 1959 г. (ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 472, п. 32. Письмо И. М. Бергера Б. И. Николаевскому от 18 декабря 1961 г.; Письма Б. И. Николаевского И. М. Бергеру от 3 февраля, 30 апреля и 6 июля 1961 г.; МИСИ, колл. Б. Суварина. Письмо Б. Николаевского Б. Суварину от 13 июля 1963 г.). Однако начинает давать о себе знать возраст Николаевского: «Моя работоспособность сильно упала» (ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 504, п. 34. Письмо Б. Николаевского от 31 августа 1963 г.). В результате воспоминания о Бухарине появились не в форме статьи, а в виде интервью, данного по-английски. В «Социалистическом вестнике» материал печатали в переводе: «Русского текста интервью нет и никогда не было. Надо переводить и притом точно, так как оно выйдет и на других языках и переводы будут сопоставлять. Для русского издания я дам особое предисловие» (там же, ящ. 501, п. 24. Письмо Б. И. Николаевского С. М. Шварцу от 4 августа 1965 г.). Но этого Николаевский не сделал — оставались считанные недели до его смерти.
38. «Дорогой С. М., — пишет Николаевский редактору «Социалистического вестника» Шварцу, — прилагаю: [...] [английскую] корректуру моего «интервью» о Бухарине. [...] [Северин] Бялер [...] убедил меня дать это «интервью». Но недовольство у меня осталось и теперь, хотя я сильно переработал первоначальный текст, кое-что выбросил, многое прибавил. [...] Этими частями «интервью» я недоволен и в теперешней редакции. Думаю, что причина не только во мне, в моем неумении передать, что я тогда видел и слышал, но и в сложности этого слышанного, в противоречивости настроения самого Бухарина. Бухарин, конечно же, мне говорил далеко не все и не обо всем, к чему его подводили наши тогдашние разговоры, но он, для меня это несомненно, хотел показать, как велико значение того основного, за что он там вел борьбу, а именно — нарастание антигуманистической стихии, которая несет огромную опасность не для России только, но и для всего поступательного развития человечества. И поэтому особенно часто возвращался к этой теме» (там же. Письмо Б. И. Николаевского С. М. Шварцу от 26 июля 1965 г.).

«Лучше, чем кто-либо, я вижу недостатки моего «интервью». [...] Я написал к сроку. [...] Переделывать я не могу. Нет времени. [...] Правил много раз. Выслушал много мнений. Очень хотел взять обратно из книги. Помимо всего прочего, в моих глазах тогдашние беседы Бухарина со мною были его завещанием, правда, во многом недосказанным до конца, быть может, в некоторых частях даже недодуманным, но отражавшим его подлинные искания. И даже не его одного лишь. Он совсем не слу-

чайно раза два обмолвился: «Мы с Алексеем [Рыковым]». А как-то раз сказал: «Что мы с Вами все торгуемся, давайте поедem куда-нибудь на Средиземное море, я буду писать, что Вы не согласны, Вы пишете то же [самое] своим, и проживем так месяца два, отдохнем и наговоримся вдоволь». Это было сказано в шуточной форме, но такой, которая не скрывала серьезного зерна. Ему явно хотелось высказаться, поделиться результатами своих многолетних дум, и в то же время он явно боялся говорить откровенно: слишком часто и сильно он за свою откровенность страдал. Один из других большевиков, с которыми я тогда встречался, как-то мне о нем сказал: «Вот сколько его били, а ему все неймется!». Таким образом, в известном смысле судьба сделала меня как бы душеприказчиком Бухарина» (там же. Письмо Б. И. Николаевского С. М. Шварцу от 4 августа 1965 г.). «Вообще говоря, той моей статьей («интервью») я очень недоволен: много не сказал, вспоминаю позднее» (там же, ящ. 476, п. 34. Письмо Б. Николаевского от 19 сентября 1965 г.).

39. «В том, что Горький был отравлен, я уверен. Бухарин в 1936 г. мне рассказал, что конституцию писал он с Радеком. В числе деталей на мой вопрос сказал, что предполагается легализация союза беспартийных для того, чтобы были другие списки, и что во главе них должны были встать Горький, Павлов, Карпинский, Бах и др. академики. К сожалению, прибавил Бухарин, Павлов и Карпинский умерли. Вскоре умер и Горький» (там же, ящ. 508, п. 2. Письмо Б. И. Николаевского Н. В. Валентинову от 1 сентября 1954 г.).

«Он вел очень решительную борьбу против «насильственной коллективизации», как, впрочем, вели ее и Рыков с Томским. Бухарин мне рассказывал, как в 1930 г. он фактически покушался на самоубийство — во время поездки на Памир... Знаете ли Вы его статьи 1929 г. в «Правде», где он писал об опасности бюрократического перерождения общества и цитировал Макса Вебера? Мы с ним тогда много спорили, вернее, говорили на эти темы, так как наши мысли работали в одном и том же направлении, но я считал ошибочным говорить о бюрократизации общества, так как термин бюрократия сбивает с толка» (там же, ящ. 477, п. 36. Письмо Б. И. Николаевского А. М. Дольбергу от 21 сентября 1957 г.).

«Бухарин мне рассказывал, что в годы гражданской войны таким представителем [Политбюро в ВЧК] был он. [...] Его представительство длилось во всяком случае до весны 1920 г.» (МИСИ, колл. Б. Суварина, п. 1. Письмо Б. И. Николаевского Б. Суварину от 27 декабря 1957 г.).

«Бухарин в коллегию ВЧК входил в 1919 г. — он мне рассказывал ряд эпизодов этого времени (дело Штейнгеля, заговор Миллера, дело коммунистки Петровской и др.) [...] Он тогда не был членом Политбюро... В то время было возможно, что, не будучи в Политбюро, он его представлял. Он воевал против ВЧК — и Ленин его послал на практике проверить свою критику» (там же. Письмо Б. И. Николаевского Б. Суварину от 17 апреля 1958 г.).

«Вообще же относительно Бухарина я не ошибаюсь. Он мне этот эпизод своей биографии, как и ряд других, рассказывал подробно. Его туда послал Ленин — за то, что Бухарин поддерживал протесты против самоуправства ВЧК. Когда точно, я припомнить не могу, но мне вспоминается, что это относилось к началу 19 г. Во всяком случае он был там летом и осенью 19 г. (рассказывал мне, как видел Штейнгеля перед расстрелом, как не допустил расстрела [меньшевиков] Розанова и Потресова и др). Говорил, что от него зависело вето Политбюро. В это время он еще не был в ПБ, но тогда, при Ленине, дело не было так формально поставлено. [...] Вспоминаю еще, Бухарин говорил, что он скоро отказался — не выдержал. Но это было уже после дела Розанова, т. е. в 20 г.» (там же. Письмо Б. И. Николаевского Б. Суварину от 16 мая 1958 г.).

«Относительно Бухарина и ВЧК: у меня ошибки быть не может. [...] Он мне определенно говорил, что был именно представителем и что послали его туда по предложению Ленина как человека, который бунтовал против разгула «красного террора» в конце 1918 г.: «Он много говорит против, — пусть пойдет и сам посмотрит». Бухарин, действительно, в конце 1918 г., после возвращения из Германии (там его едва-едва не расстреляли — об этом он тоже рассказывал) печатал в «Правде» статьи против ЧК. Он не просто работал в ЧК, а был именно представителем, имевшим право накладывать вето на решения коллегии (от мне говорил, что именно он наложил такое вето на уже состоявшееся решение о расстреле В. Н. Розанова). Приводил много других фактов» (там же. Письмо Б. Николаевского Б. Суварину от 12 июля 1958 г.).

«Сталинская конституция» написана Бухариным (он мне сам рассказывал) и принята при оппозиции Сталина (есть рассказ швейцарского коммуниста)» (ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 485, п. 23. Письмо Б. И. Николаевского А. Е. Капралову от 16 сентября 1958 г.).

«Я опустил [в интервью] почти все его [Бухарина] рассказы о прошлом, о наших общих друзьях и далеко не общих противниках. Ему явно хотелось облегчить душу этими воспоминаниями, особенно из эпохи «красного террора», когда он отказался спасти судебного следователя, хотя к нему пришли

и плакали дочери последнего, близкие знакомые Бухарина по гимназическим кружкам, которые [когда-то] выкрали у отца обвинительный материал против Бухарина и тем спасли его от вечной каторги (потом в документальной литературе я нашел доказательства правильности этого рассказа)» (там же, ящ. 501, п. 24. Письмо Б. И. Николаевского С. М. Шварцу от 26 июля 1965 г.).

«Бухарин был хорошо осведомлен об этом (двойственном. — Ю. Ф.) отношении Ленина к Сталину и обо всех фактах, которые лежали в его основе. Он мне подробно рассказывал о своих разговорах с Лениным зимою 1922—23 гг., в период, когда Ленин писал «завещание». Как мне Бухарин говорил, главной темой его тогдашних разговоров с Лениным были вопросы, как он выразился, «лидерогнозии» [...] Бухарин, говоря о «лидерогнозии», вкладывал в свой рассказ об этих беседах с Лениным совсем особый оттенок. [...] Из разговоров с Бухариным я вынес представление, что концепция «пролетарского гуманизма» как таковая сложилась после событий 1929 г. и в сильной мере связана с личными переживаниями во время поездки на Памир» (там же, ящ. 476, п. 34. Письмо Б. Николаевского от 19 сентября 1965 г.). «Бухарин мне в свое время раскрыл секрет, по каким признакам можно узнавать в «Известиях» его неподписанные статьи. [...] Кстати: приказ из Москвы в две недели закончить переговоры с Вторым Интернационалом о немецком архиве пришел около 10 апреля» (там же, ящ. 479, п. 13. Письмо Б. Николаевского Л. Фишеру от 14 декабря 1965 г.). «Ключ для нахождения статей Бухарина очень прост: все они набирались особым шрифтом, который только в его годы (1934—36) и встречался в газете. Кроме бухаринских, этим шрифтом были набраны статьи еще только двух-трех человек, но эти статьи подписаны. Все неподписанные, если они набраны этим шрифтом, принадлежат Бухарину. Особенно они важны для недель после убийства Кирова, когда решался вопрос, проводить ли решение, принятое на ноябрьском пленуме ЦК, об изменении конституции. Именно об этих статьях шла речь, когда Бухарин упрекнул меня, что мы за границей совсем разучились понимать эзоповский язык. После его отъезда я внимательно их прочел. Действительно интересны, хотя расшифровывать их много труднее, чем говорил Бухарин» (там же. Письмо Б. Николаевского Л. Фишеру от 18 января 1966 г.).

40. Так вспоминает и Николаевский: «Жена Бухарина приехала, когда мы закончили наши поездки, в начале апреля» (там же, ящ. 478, п. 37. Письмо Б. Николаевского Е. Эстриной от 15 апреля 1965 г.).
41. Там же, ящ. 508, п. 44. Письмо Б. Николаевского Э. Волленбергу от 11 апреля 1965 г.
42. Там же, ящ. 478, п. 43. Письмо Ф. Н. Езерской-Тома Б. И. Николаевскому от 16 октября 1942 г., с. 1—2. То же самое писала она Николаевскому 22 сентября 1942 г. (там же, с. 3).
43. Как подготовлялся московский процесс. Из письма старого большевика. — Социалистический вестник, №№ 23—24, 22.XII.1936; 1—2, 17.I.1937.
44. ГА, колл. Б. И. Николаевского, ящ. 472, п. 32. Письмо Б. И. Николаевского И. М. Бергеру от 30 апреля 1961 г. «Не считайте «Письмо старого большевика» принадлежавшим Бухарину, — писал Николаевский Дольбергу. — Это не верно [...] При его составлении я использовал некоторые рассказы Бухарина, но не его лишь одного, и освещение дал не то, которое он давал, а то, которое я считал удобным дать в письме, которое должно отражать настроение старого, но не занимающего видного поста большевика. Настроения Бухарина были много более сложны, до полной откровенности он не договаривался, такие разговоры мы откладывали, так как собирались поехать вместе на море... Но и фраза Радека о конституции далеко не отражает его и Бухарина отношение к ими написанной конституции (это мне рассказывал Бухарин)» (там же, ящ. 477, п. 36. Письмо Б. И. Николаевского А. М. Дольбергу от 14 июня 1958 г.). «Не все письмо написано со слов Бухарина. Далеко не все его рассказы я использовал в «Письме», и далеко не все, включенное в него, взято из рассказов Бухарина. Оно в ряде частей — мозаика. Я должен был считаться с тогдашней обстановкой», — продолжает Николаевский ту же тему в письме Л. Фишеру (там же, ящ. 479, п. 13. Письмо Б. Николаевского Л. Фишеру от 3 февраля 1960 г.).

Приложение 1.

Материалы о беседе Н. И. Бухарина с Л. Б. Каменевым¹

Письмо Сокольникова Каменеву

1. Москва. 9/VI 28 г.

Дорогой Л. Б. Несколько дней, как мы вернулись в Москву — прямо к пленуму. Я думал, что Вас здесь застану, а Вы, оказывается, еще отсиживаетесь в Калуге. Будете ли Вы здесь

вскорости? Очень нужно бы с Вами переговорить и посоветоваться — нет ли у Вас возможности побывать здесь на этих днях [?] Это было бы крайне важно. Пленум, видимо, кончится завтра. Сегодня еще идут прения по Микоян[овскому] докладу и завязываются «сражения». Если возможно, ответьте по телефону (3-49-24). До скорого свидания. Жму руку. Г. Сокольников.

Конспективная запись Каменевым телефонного разговора с Сокольниковым

2. Среда. 11/VII 9 час. утра. Разговор с Сокольниковым.

Изложение. 1) Дело зашло гораздо дальше, у Бухарина окончательный разрыв со Сталиным. Вопрос о снятии поставлен конкретно. Калинин и Ворошилов изменили [Бухарину]. Теперь относятся легче ввиду его уступок. 2) Бухарин дважды говорил: разве Вы не понимаете, что я сейчас отдал бы Сталина за Каменева и Зиновьева. У Бухарина — трагическое положение — больше всего боится, что Вы [Каменев] скажете: линия Сталина правильная. 3) Четверки и пятёрки [блоков] не было — клянется. 4) На пленуме речь Ст[алина] — две струи троцкизма, подлинная — восстановительные цены. Бухаринцы — троцкисты. Чтобы развивать промышленность, нужна «дань с крестьянства». Микоян тоже: «Ножницы будут еще долго, закрыть ножницы нельзя». (Троцкий-де тоже хотел закрыть ножницы). «Сокольников протаскивает троцкизм». Молотов: «середняк окреп и поэтому пришел в столкновение». 5) Ответ Бух[арина]: Теория дани ничем не отличается от теории Преображ[енского] «закон первонач[ального] соц[иалистического] накопления». Ответ Томского: «Если Молотов прав — то какая же перспектива? Вы хотите нэпа без нэпманов, кулаков и концессионеров. Не выйдет». Рыков расколотил Кагановича. Выводы: Линия Сталина будет бита. Бухарин в трагическом положении. Не хвалите Сталина. Положительная программа напишется вместе с Вами [Каменевым]. Бухарин сам хочет поговорить [с Вами]. Блок для снятия Сталина — почему ничего не сделали — Вы для него X, Y, Z. Сталин пускает слухи, что имеет Вас в кармане.

Конспективная запись Каменевым беседы с Бухариным и Сокольниковым

3. Подчеркнутое [в публикации — курсив] — буквально. Копия с копии.

Через час (11/VII 10 ч. утра) после моего приезда ко мне явился без предупреждения и звонка Бухарин [и] Сокольников, который к концу ушел. Вид [у Бухарина] взволнованный и замученный до крайности. Очень волнуясь, сказал следующее. Говорил час без моих перерывов. Записано как можно точнее: «Прежде чем перейти к сути разговора, я должен устранить два слуха. 1) Никакого голосования о назначении (четверка — пятёрка) не было. Не было вообще обсуждения этого вопроса. 2) Примечание к статье Зиновьева было продиктовано Сталиным против меня как компромисс с Молотовым, который был решительно против помещения статьи Зин[овьева]. Теперь к сути дела.

1. Дело в ЦК и в партии зашло так далеко, что Вы (а также, вероятно, и троцкисты) неизбежно будете в него втянуты и будете играть в его решении важную роль.

2. Когда это произойдет, я не знаю. Может быть, еще не так быстро, ибо обе стороны еще опасаются апеллировать к Вам. Но, во всяком случае, в течение пары месяцев это неизбежно.

3. Я хочу, поэтому, чтобы Вы знали ситуацию. Я знаю (или предполагаю), что к Вам обратятся и сталинцы. Вы, конечно, как политики будете пользоваться этим положением: «набивать цену», но я этого не боюсь. Решать будет политическая линия, и я хочу, чтобы Вы знали, вокруг чего идет борьба.

4. Каменев: «Да серьезная ли борьба-то?» Бухарин: «Вот об этом я и хотел поговорить. Мы считаем, что линия Сталина губительная для всей революции. С ней мы можем пропасть. *Разногласия между нами и Сталиным во много раз серьезнее всех бывших у нас разногласий с Вами.* Я, Рыков и Томский единогласно формулируем положение так: «было бы гораздо лучше, если бы мы имели сейчас в ПБ вместо Ст[алина] — Зиновьева и Каменева». Об этом

я говорил с Р[ыковым] и Т[омским] совершенно откровенно. Я со Сталиным несколько недель не разговариваю. Это беспринципный интриган, который все подчиняет сохранению своей власти. Меняет теории ради того, кого в данный момент следует убрать. В «семерке» мы разругались с ним до «врешь», «лжешь» и пр. Он теперь уступил, чтобы нас зарезать. Мы это понимаем, но он так маневрирует, чтобы нас выставить раскольниками. Резолюция принята единогласно, потому что он дезавуировал Молотова, заявив, что на 9/10 принимает мою декларацию, которую я прочитал в «семерке», *не выпускай из рук (ему нельзя дать в руки ни одной бумажки)*. Его задача сейчас отобрать у нас Моск[овскую] и Ленингр[адскую] «Правду» и сменить Угланова (Кагановичем), который целиком с нами. Линия же его такая (высказано на пленуме): 1) Капитализм рос или за счет колоний, или займов, или эксплуатации рабочих. Колоний у нас нет, займов не дают, *поэтому наша основа — дань с крестьянства* (ты понимаешь, что это то же, что теория Преображенского). 2) Чем больше будет расти социализм, тем больше будет сопротивление (смотри фразу в резолюции). Это идиотская безграмотность. 3) Раз нужна дань и будет расти сопротивление — нужно твердое руководство. Самокритика не должна касаться руководства, а носителей.

Самокритика на деле двинута против Томского и Угланова. В результате получается полицейщина. Теперь дело не в «кукушке», а действительно решаются судьбы революции. При этой теории может погибнуть все. В то же время во вне Сталин ведет правую политику: выгон Коминтерна из Кремля провел он. Он предлагал ни одного расстрела по шахтинскому делу (мы голоснули против), во всех переговорах идет на уступки. Томский формулировал так: я (Томский) правее тебя (Бух[арина]) в междунаро[дн]ых делах на 30 километров. Но я (Томский) левее Сталина на 100 километров. Линия губительная, но он не дает возможности даже обсуждать. Ловит, пришивает уклоны. Фраза в его речи, в которой сказано, что так рассуждать могут только «помещики», — буквальная цитата из одной речи Угланова. Нас он будет резать».

5) Я: «Какковы же Ваши силы?» Бухарин: «Я+Р[ыков]+Т[омский]+Угл[анов] (абсолютно). Питерцы вообще с нами, но испугались, когда зашла речь о возможной смене Сталина, поэтому Комаров дезавуировал речь Стецкого, но вечером ко мне прибежал Угаров извиняться за Комарова. Андреев за нас. Его снимают с Урала². Украинцев Сталин сейчас купил, убрав с Украины Кагановича. Потенциальные силы наши громадны, но 1) середняк-цекист еще не понимает глубины разногласий, 2) страшно бояться раскола. Поэтому, уступив Сталину в чрезв[ычайных] мерах, [середняк-цекист] затруднит наше нападение на него. Мы не хотим выступать раскольниками, ибо тогда нас зарежут. Но Томский в последней речи на пленуме показал явно, что раскольник — Сталин. Ягода и Трилиссер — наши. 150 случаев типа маленьких восстаний. Ворошилов и Калинин изменили нам в последний момент. Я думаю, что Сталин держит их какими-то особыми целями. Наша задача постепенно разъяснить гибельную роль Ст[алина] и подвести середняка-цекиста к его снятию. Оргбюро наше».

6) Я: «Пока он снимает Вас». Он: «Что же делать? Снятие сейчас не пройдет в ЦК. По ночам я иногда думаю: «а имеем ли мы право промолчать? Не есть ли это недостаток мужества?» Но расчет говорит: надо действовать осторожно. В пятницу доклад Рыкова. Там поставим точки над i. В «Правде» я буду печатать ряд статей. Может быть нужен еще удар, чтобы партия поняла, куда он ее ведет».

7) В приложении к сему и между этими приложениями куча «разоблачений» о «семерке» и пр. и пр. Тон — абсолютной ненависти к Сталину и абсолютного разрыва. Вместе с тем — метания — выступать открыто или не выступать. Выступать — зарежут по статье о расколе. Не выступать — зарежут мелкой шахматной игрой да еще свалит, взвалит [на нас] ответственность, если хлеба в октябре не будет.

Я: «А на что они надеются, чтобы получить хлеб?» Он: «В том-то и дело, что на воспроизведение чрезвыч[айных] мер при воспроизведении трудностей. А это военный коммунизм и зарез».

Я: «А Вы?» Он: «Может быть придется идти на еще более глубокий маневр, чтобы мириться с середняком. Кулака можно травить сколько угодно, но с середняком мириться. Но при Стал[ине] и тупице Молотове, который учит меня марксизму и которого мы называем «каменной задницей», ничего сделать нельзя».

8) Я: «Чего же ты хочешь от нас?» Он: «Сталин хвалится, что Вы у него в кармане. Ваши (персонально — Жук) всюду ангажируют за Сталина. Это было бы ужасно. Вы сами, конечно, определите свою линию, но я просил бы, чтобы Вы одобрением Сталина не помогали

ему душисть нас. Сталин, вероятно, будет искать контакта с Вами. Я хочу, чтобы Вы знали, о чем идет дело.

9) Не нужно, чтобы кто-нибудь знал о нашей встрече. Не говори со мной по телефону, ибо мои телефоны прослушивают. За мной ходит ГПУ и у тебя стоит ГПУ. Хочу, чтобы была информация, но не через секретарей и посредников. О том, что я говорил с тобой, знают только Рыков и Томский. Ты тоже не говори никому, но скажи своим, чтобы не напали на нас».

10) Я: «Показал тебе Ст[алин] записку Зи[ньков]?» Он: «Нет, первый раз слышу». Я: «Что с нами будут делать?» [Он:] «Не знаю, с нами об этом не говорят. Либо Сталин попробует Вас «купить» высокими назначениями или назначит на такие места, чтобы ангажировать, — ничего наверное не знаем. До свидания. В ближайшие дни буду очень занят Конгрессом, не смогу тебя видеть. Вообще, нужно конспирировать». Я условился с Сокольников[овым], что перед моим отъездом он еще зайдет.

Записка Каменева, возможно — Зиновьеву

Я передал ему твое письмо ему (личное). Он прочитал, сказал: боится бумажек. Боится, что статья подведет. Лучше бы поговорить о программе лично. «Программу во многих местах мне испортил Сталин. Он сам хотел читать доклад в пленуме о программе. Я насилу отбил. Его съедает жажда стать признанным теоретиком. Он считает, что ему только этого не хватает».

Кроме того, масса мелочей, деталей Потрясен он чрезвычайно. Порой губы прыгают от волнения. Порой производит впечатление человека знающего, что он обречен. Все думают: на днях должны появиться сигналы из другого лагеря. Их надо спокойно выждать. Это будет. Ехать тебе сейчас сюда поэтому не следует. Посмотрим, что скажут. Завтрашним днем звони мне ответ [в] 8 ч.

11.VII. 6 часов.

Приписка (на полях): Все это было заискивание. Другого слова не нахожу: политически, конечно.

Дополнение к конспективной записи беседы Каменева, Бухарина и Сокольникова

4. Дополнение к рассказу Бухарина. Ночь с 11 на 12. VII.

1) В общем, впечатление скорее обреченности. Его выражение: не есть ли вся наша «буза» онанизм. Иногда я говорю Ефиму³: не безнадежны ли наши дела? 1. Если страна гибнет — мы гибнем. 2. Если страна выкручивается — Ст[алин] вовремя поворачивает, и мы тоже гибнем. Что делать? Что делать, когда имеешь дело с таким противником: Чингисханом — низкая культура ЦК.

2) Молотов и Сталин о выходе из Уханского пр[авительств]а [в Китае].

3) Сталин говорит комсомольцам: как решится вопрос о броне зависит от того, прекратит ли Бух[арин] подлую политику.

4) Нам начинать дискуссию — нас за это зарежут. ЦК боится дискуссии.

5) А что, если мы подадим коллективно в отставку — я, Р[ыков] и Т[омский]?

6) Не отстраниться ли мне на время — 2 [месяца] — не путаться в текущую политику, а когда наступит кризис — выступить прямо и полностью открыто?

7) Дискуссию нельзя нам начинать потому, что она прямо начинается с вооруж[енного] столкновения, ибо каковы будут обвинения? Мы скажем: вот человек, который довел страну до голода и гибели. А он: они защищают кулаков и нэпманов.

8) Партия и государство слились — вот беда.

9) Сталина ничего не интересует, кроме сохранения власти. Уступив нам, он сохранил ключ к руководству, а сохранив его, потом нас зарежет. Что нам делать? Ибо субъективные условия для снятия в ЦК Сталина зреют, но еще не созрели.

10) Сокольников: активизируйте свою политику, требуйте хотя бы удаления Молотова.

11) Ст[алин] знает одно средство — месть, и в то же время всаживает нож в спину. Вспомним теорию «сладкой мести».

12) Серго [Орджоникидзе] — не рыцарь. Ходил ко мне, ругательски ругал Ст[алина], а в решающий момент предал.

13) История резолюции пленума и драки. 1. Я требовал обсуждения общего вопроса. Сталин уклонялся: нужен промфинплан и т. д. 2. Пишу Ст[алину] письмо и требую общего обсуждения. Он прибегает ко мне: Бухарин, ты можешь даже слону испортить нервы, но на обсуждение не соглашается. 3. Я пишу второе письмо — он зовет меня к себе. Начинает: мы с тобой Гималаи. Остальные — ничтожества. 4. Идем в «семерку». Дикая сцена. Он начинает на меня орать. Я рассказываю его слова с Гималаями. Он кричит «врешь». «Ты [это] выдумал, чтобы натравить на меня членов ПБ». Расходимся. 5. Я читаю, не выпуская из рук, декларацию на 20 стр. Молотов объявляет антиленинизмом, антипартийным. Сталин: на 9/10 могу принять. Молотов уходит. Принимается, как основа. Я ухожу писать резолюцию. Они тоже. Неожиданно приносят резолюцию, украденную с моей декларации. Я делаю три поправки. Рыков — одну. Все принимается единогласно. Сталин рассуждает так: «Я дал хлеб экстренными мерами. Я повернул вовремя и сам написал резолюцию. Если понадобятся меры, я один их смогу провести». А на деле ведет к гибели.

14) Варга читает доклад потому, что Ст[алин] не хочет, чтобы читал Рыков. Что мне делать с этим докладом — еще не знаю. Варга будет развивать, что голод неизбежен, раз индустриализация.

15) О Коминтерне. Сепар — за Сталина. Тельман — за Ст[алина]. Эвэрт не правый, но его заставляют быть правым.

16) Ст[алин] нарушил постановление ПБ («семерки»). Было решено разослать письмо Фрумкина всем членам ПБ и составить ответ. Ст[алин] не дождавшись этого, сам написал и отправил ответ. Мы приняли резолюцию порицания за нарушение постановления. «Ответ признали правильным, но не полным. Больше я не мог натянуть».

17) При этом или другом случае я, (Бух[арин]) сказал Ст[алину]: не думайте, что ПБ является совещ[ательным] органом при генсеке.

18) Политика Ст[алина] ведет к гражданс[кой] войне. Ему придется заливать кровью восстания.

Заявление Сокольников — Каменеву

Сокольников (со слов Бух[арина]): на одной вышивке Томский соверш[енно] пьяный, наклонившись к Ст[алину], говорит: наши рабочие в тебя стрелять станут.

Конспективная запись рассказа Сокольников Каменеву

12/VI. Утром, 11 часов.

Сокольников рассказывал следующее].

Из колхозных прений интересно только следующее. Ст[алин] выступил с резкой критикой, грубой речью против Томс[кого]. «С большим удивлением слушал я речь Томского. Томский думает, что у нас нет никаких резервов, кроме уступок деревне. Это капитулянтство и неверие в стр[оительство] социализма. А если деревенщики потребуют уступки в моноп[олии] вн[ешней] торговли? Крест[ьянский] союз? Тоже уступить? Это капитулянтство. Наш резерв — совхозы и работа среди бедноты». Черный, зеленый, злой, раздраженный. Впечатление гнетущее: теперь все поняли, что нападает не только Бух[арин], но и Ст[алин]. Поражала грубость.

Сок[ольников] механику пленума представляет так: открыл наступление Рык[ов], отвечает Ст[алин]. Питерцы колебались дезавуировать Стецкого. Тогда Бух[арин] зарылся в землю и под землей нарыл траншеи, но ни одного фугаса не взорвал. Молотов обнаглел и обстрелял «Правду». (Астрова в особенности, но вообще «однобокость» всей «Правды» и примеч[ание] к Кришману и пр. и пр.). Тогда Томский напал на Молотова, но по форме мягко. Тогда Ст[алин] напал на Томского прямо и грубо.

Внутри правоцентристского блока

(Письмо из Москвы)⁴

Сообщаем вам последние сведения о положении внутри Политбюро и вокруг него. За точностью передаваемых сведений, проверенных в большей своей части через два и три канала, ручаемся безусловно. Многие выражения приводятся нами дословно.

Запись разговора Каменева с Бухариным была опубликована 20/1⁵. На верхах этот документ ускорил столкновение, а низы оглушил. Зиновьеву и Каменеву опубликование испортило комбинационную игру. По поводу опубликованной беседы Политбюро заседало... три дня. Окончательно разругались. Фракция Сталина решила на ближайшем пленуме вывести из П. Б. — Бухарина, Томского и Рыкова. Правые ведут подготовку к пассивному сопротивлению. Сталинцы торжествуют: на их долю выпала полная и легкая победа. Наша листовка переиздана ЦК, ибо все говорили: мы о положении вещей знаем из листовок оппозиции, а не от ЦК. Политическое значение листовки и популярность ее в массах огромны. Все говорят: да, партию ведут с завязанными глазами. В результате П. Б. и президиум ЦКК устроили форменный суд над «тройкой». Сообщаем некоторые подробности.

В декабре — январе у Каменева были некоторые встречи с Бухариным, у Пятакова. Бухарин рассказывал о подготовке к VI-му пленуму следующее: расстановка наших сил перед пленумом была такая, что я, сидя в Кисловодске, писал статьи для «Правды», Рыков должен был следить за хозяйством, а Угланов, который был настроен очень драчливо, велено было сидеть спокойно, чтобы не давать повода Сталину вмешаться в дела московской организации. Угланов не вытерпел — сделал вылазку на IX пленуме МК, за что был бит, растерявшись, наговорил глупостей о мнимых ошибках своих и т. д. Я узнал, что Рыков закончил тезисы о контрольных цифрах для VI пленума. Решил, что Сталин на П. Б. обведет Рыкова вокруг пальца и ухушит и без того, может быть, не совсем удачные тезисы. К очередному заседанию П. Б. я не мог уже попасть поездом, полетел на аэроплане. В Ростове снизились. Местное начальство встретило меня подозрительными разговорами о вреде для меня продолжать полет и проч. и т. д. Послал их к черту. Полетели дальше. В Артемовске снова снизились. Не успел выйти из кабины, подадут пакет с сургучными печатями, оказывается шифровка П. Б. с категорическим предписанием прекратить полет — в виду болезни сердца. Не успел опомниться, агенты ГПУ увели куда-то летчика, а передо мной появилась делегация рабочих с просьбой сделать доклад. Спросил, когда поезд. Оказалось, через сутки. Пришлось делать доклад».

Каменев: «Так это ты писал резолюцию о борьбе против правого уклона?» — Бухарин: «Конечно, я. Должен же я был оповестить партию, что я не правый. В Москву приехал в пятницу, а заседание П. Б. было в четверг. Ознакомился с тезисами — явно неудовлетворительны. Потребовал созыва П. Б. Молотов не согласился, ругался, кричал, что я мешаю дружной работе, что мне надо лечиться и т. д. и тому подобное. П. Б. было создано. Мне удалось внести значительные изменения, хотя и после этих изменений резолюция не перестала быть каучуковой. Подвели итоги: Москву разгромили, решили форсировать наступление, составили одиннадцать пунктов требований, снятия сталинских людей. Когда показали Сталину эти требования, он заявил: нет ни одного пункта, который нельзя было бы выполнить. Выделили комиссию (Рыков, Бухарин, Сталин, Молотов, Орджоникидзе). Прошел день, другой, третий. Сталин комиссию не созывает.

Открылся пленум ЦК. Обсужден первый доклад, на носу второй. Мы в ультимативной форме потребовали созыва комиссии. Сталин на комиссии кричал, что он не допустит, чтобы один человек мешал работе целого пленума, «что это за ультиматумы, почему Крумин должен быть снят»⁶ и т. д. и тому подобное. Я разозлился, наговорил ему резкостей, выбежал из комнаты. В коридоре встретил Товстуху, которому вручил заготовленную заранее бумажку об отставке моей и Томского. Следом шел Сталин. Товстуха передал ему заявление. Он пробежал его и вернулся. Рыков рассказал, что руки у него тряслись, был он бледен и выражал желание пойти на уступки. Требовал уничтожить заявление об отставке. Там они договорились снять Кострова, Крумина и кого-то еще, но я на пленум больше не ходил». После этого Бухарин показал Каменеву написанный им документ на 16 страницах, в котором дана была оценка хозяйственного положения. По словам Каменева, документ этот правее апрельских 1925 г. тезисов Бухарина. Каменев спросил: «Что ты думаешь делать с этим документом?» — Бухарин ответил: «дополню главой о международном положении и закончу внутрипартийным вопросом». — Но ведь это будет платформа? — спросил Каменев. — Может быть, но разве ты не писал платформ? Тут в разговор вмешался Пятаков, который заявил: «Мой горячий совет не выступать против Сталина, за

которым идет большинство (большинство чиновников типа Пятакова и еще хуже?). Опыт прошлого учит нас, что подобное выступление оканчивается плохо». (Замечательный по цинизму довод!). Бухарин на это ответил: «Это, конечно, верно, но что же делать?» (бедный Бухарин!).

После ухода Бухарина Каменев спросил Пятакова: зачем он дает такие советы, только мешает развязыванию борьбы. Пятаков сказал, что он совершенно серьезно считает, что выступать против Сталина нельзя. «Сталин единственный человек, которого можно еще слушаться. (Перлы, поистине, перлы: вопрос не в том, какой путь верен, а в том, кого «слушаться», чтоб не было «плохих» последствий). Бухарин и Рыков делают ошибку, когда предполагают, что вместо Сталина управлять будут они. Управлять будут Кагановичи, а Кагановичей я слушаться не хочу и не буду». (Неверно: будет слушаться и Кагановича). — «Что ж ты предполагаешь делать?» — «Вот мне Госбанк поручили, я и буду заботиться, чтобы в банке были деньги». — «Ну, а я не хочу заботиться, чтобы в НТУ⁷ входили ученые, — это не политика», сказал Каменев. На этом они расстались.

Зиновьев и Каменев к концу декабря положение формулировали так: «Нужно схватиться за руль. Это можно сделать только поддержав Сталина, поэтому не останавливаться, чтобы платить ему полной ценой». (Бедняги: сколько уж платили, а до руля все еще далеко). Один из них (кажется, Каменев) пошел к Орджоникидзе. Много говорили о том, что политика ЦК в настоящий момент правильная. Орджоникидзе поддакивал. На заявление Каменева, что им непонятно их пребывание в Центросоюзе, Орджоникидзе ответил, что «пока рано — надо расчистить путь. Правые будут возражать». (А ведь по резолюции правые — главный враг.)

Каменев говорил, что необязательно нужен высокий пост, что легче всего было бы дать ему Ленинский Институт (да ведь это же главный очаг сталинской фальсификации!), что им нужно разрешить выступление в печати и т. д. Орджоникидзе поддакивал и обещал поставить вопрос на П. Б. Через три дня Каменев пошел к Ворошилову, два часа распинался перед ним, расхваливая политику ЦК, на что Ворошилов не ответил ни единым словом (за это хвалим.)

Еще через два дня к Зиновьеву пришел Калинин, который пробыл у него 20 минут. Он сообщил о высылке т. Троцкого, а когда Зиновьев стал спрашивать о подробностях, он ответил, что вопрос еще не решен, и что поэтому говорить об этом пока не стоит. На вопрос Зиновьева, что делается в Германии, Калинин ответил, что не знает. «У нас своих дел по горло». Далее он как бы в ответ на визит Каменева к Ворошилову сказал буквально следующее: «Он (Сталин), болтает о левых делах, но в очень скором времени он вынужден будет проводить мою политику в тройном размере, — вот почему я поддерживаю его». (Вот это правильно. Ничего более правильного и меткого Калинин за всю свою жизнь не сказал и не скажет).

Узнавши о высылке Троцкого, зиновьевцы собрались. Бакаев настаивал на выступлении по этому поводу с протестом. Зиновьев говорил, что протестовать не перед кем, так как «нет хозяина». (Кому же собирается Зиновьев платить полной ценой?) На том и сошлись. На следующий день Зиновьев направился к Крупской и сказал, что слышал от Калинина о высылке Л. Д. [Троцкого]. Крупская заявила, что и она слышала об этом. «Что же вы собираетесь с ним делать?» — спросил Зиновьев. «Во-первых, не вы, а они, а во-вторых, даже если бы мы и решили протестовать, кто нас слушает?» Зиновьев рассказал ей о беседе Каменева с Орджоникидзе, о котором Крупская сказала, что он каждому плачется в жилетку, но что верить ему нельзя.

Каменев встретил Орджоникидзе, который сказал, что он выпускает сборник о борьбе с бюрократизмом, и предложил Каменеву помочь ему в этом деле. Каменев охотно согласился, после чего Орджоникидзе пригласил его и Зиновьева к себе. При встрече о сборнике говорилось мало. Орджоникидзе заявил, что он вопрос ставил на П. Б. и что Ворошилов сказал так: «Никакого расширения прав. Ишь, чего захотели — Ленинский Институт! Центросоюз можно еще сменить на другое учреждение, если не нравится Центросоюз. Печататься у нас не запрещено, но это не значит, что все печатать можно». (Ай-да Ворошил!) — Ну, а Сталин? — Сталин сказал: «расширить права, значит делить пополам. Делить пополам не могу. Что скажут правые? (Да ведь правые, это же «главный враг»?) Каменев: Он так и сказал на П. Б.? — Орджоникидзе: «Нет, это до П. Б. было». Ушли ни с чем. — Зиновьев на двух страницах написал тезисы (раз Орджоникидзе не помог, приходится писать тезисы): «в стране растет кулак, кулак не дает хлеба рабочему государству, кулак стреляет и убивает селькоров, избачей и т. д. Бухаринская группа и ее линия взращивает кулака, поэтому никакой поддержки Бухарину. Политику большинства ЦК (сталинской группы) мы поддерживаем сегодня постольку, поскольку сегодня Сталин борется против нэпмана, кулака и бюрократа». (Значит, Зиновьев раздумал платить полную плату?) Каменев говорит: «со Сталиным каши не сварить, ну их всех к черту. Вот через 8 месяцев я выпущу книгу о Ленине, а там видно будет». Иначе настроен Зиновьев, он говорит: «надо, чтобы нас не забывали, надо выступать на собраниях, в печати и т. д., стучаться во все двери, чтобы толкать партию влево». (На деле

никто не причинил такого вреда левой политике, как Зиновьев с Каменевым.) И он действительно печатается. Впрочем совет Ворошилова редакторы «Правды» восприняли вполне. Они опять отказали ему [Зиновьеву] в напечатании статьи, на том основании, что она выражает собою панику перед кулаком. За последнее время Зиновьев выступал на партсобрании в Центросоюзе, в плехановском Институте и др. по поводу десятилетия Коминтерна.

После опубликования нами знаменитого документа — беседы Каменева с Бухариным — Каменев был вызван к Орджоникидзе, где в письменной форме подтвердил с оговорками (гм! гм!) правильность записки. К Орджоникидзе был вызван и Бухарин, который тоже подтвердил правильность записки. 30/1 и 9/11 состоялось объединенное заседание П. Б. и президиума ЦКК. Правые объявили листовку «троцкистской» интригой. Не отрицают наличия беседы. Считают, что условия для работы созданы ненормально. К членам П. Б. (Бухарину и Томскому) приставлены комиссары: Крумин, Савельев, Каганович и др. К братским партиям Сталин применяет методы окриков. На 12-м году революции ни одного выборного секретаря губкома; партия не принимает участия в решении вопросов. Все делается сверху. Эти слова Бухарина были встречены криками: где ты это списал, у кого? У Троцкого! Комиссией была предложена резолюция, осуждающая Бухарина. Но правые не согласились ее принять, мотивировав свое несогласие тем, что их уже «прорабатывают» в районах.

На объединенном заседании П. Б. и президиума ЦКК Рыков огласил декларацию на 30 страницах, в которой критикуется хозяйственное положение и внутривластный режим. На московской губпартконференции Рыкова, Томского и Бухарина открыто называли — правый уклон. Однако эти выступления в печать полностью не попали. Пленум ЦК отложен на 16 апреля. Конференция на 23. Примирения между Сталиным и бухаринской группой не достигнуто, хотя слухи об этом кем-то упорно распространяются, должно быть для того, чтобы ячейки били по левому крылу.

Москва, 20 марта 1929 г.

Г. Г.

Приложение 3

Встреча и разговор гг. К. и П. с Каменевым 22 сентября 1928 года⁸

Встретились на Театральной. Они числом в 5 человек шли с фракционного собрания. Пригласили нас к себе. Решили зайти, но не как представители, а как К. и П. После некоторых замечаний о том, что редко видимся, перешли к основным вопросам оценки хозяйственно-политического положения страны.

Зная, что Л. Б. [Каменев] в этих вопросах лицо весьма компетентное, что за движением роста и упадка следит внимательно, нам важно было узнать его мнение по этим вопросам. В полуторачасовой речи Л. Б. путем ответов на поставленные вопросы и разъяснений по вопросам дал следующее определение положения в стране. Страна, экономически растущая после четвертого урожая, вступает в более острый экономический кризис. Состояние хлебозаготовок служит показателем, что мероприятиями предпринятыми кризисного положения не изжить. Чрезвычайные меры истекшего года, проведенные по-дурацки, захватили значительную часть середняцких элементов и даже бедняцких. В момент проведения хлебозаготовок партия и соввласть обещали бедняцкому населению весьма много, лишь бы этот бедняк помог справиться аппарату с кулаком и получить хлеб. В ряде мест на призыв беднота откликнулась, и кулаки были оседланы.

Что ж получила беднота за оказанную помощь? Весной, когда эта беднота больше всего нуждалась, когда ей не только засеять, но и жрать было нечего, правительство не смогло выполнить [своих] обещаний и требований бедноты. В силу необходимости она вынуждена была пойти к тому же кулаку, снова встать в зависимость от него, с той лишь разницей, что этот кулак сдирал уже в два, три, пять раз больше, чем раньше. Безвыходное положение заставляло бедняка идти на эти условия.

Прошло лето, прошел осенний сев, а беднота все еще не получила обещанного. В результате осеннего сева в ряде районов беднота опять стала в зависимость от кулака. Соввласть опять опоздала, не выполнила обещаний, обманула. Естественно, такое положение создало

настроение среди бедноты далеко не в пользу соввласти и не за наступление на кулацкие элементы. Кулак выручил весной, выручил осенью, помог бедняку в трудные моменты и стал для этого бедняка авторитетом. Если бы правительству и партии пришлось бы поставить вопрос о применении вновь чрезвычайных мер, то с уверенностью можно сказать, что эти меры бедняцкой частью деревни поддержаны не были бы. Бедняк на этот раз пошел бы в большинстве за кулаком, от которого он реально получил помощь в трудную минуту. Руководство довело страну до такого положения, когда мер хозяйственного порядка, способных вывести страну из кризиса и своими собственными средствами, уже нет. Применение снова чрезвычайных мер в данное время было бы чрезвычайной ошибкой и создало бы положение, при котором крестьянское население может перейти к нежелательным методам борьбы за хлеб. Единственно возможными мерами в данный момент являются меры политического порядка, т. е. смена руководства, выпрямление линии партии в направлении большей классовой четкости и разработка ряда мер с длительными сроками проведения, политическая мобилизация масс, активизация их.

На данный же момент, чтобы смягчить положение кризиса, они везут хлеб из-за границы. По последним сведениям, это уже сделано. Правительство закупило 30 миллионов пудов, кроме прежних ввезенных 15 миллионов.

Но увеличение цен на хлеб, ввоз из-за границы, увеличение цен на сельхозсырье увеличивает накопления деревни и уменьшает реальную зарплату рабочих. Противоречие растет по мере расширения кризиса. Это расширение кризисного положения ставит перед руководителями вопрос[ы]: Как же дальше? Куда идем? С кем идем? Если ясна, особенно после июльского пленума, платформа Рыкова, то не ясна, расплывчата она у Сталина. Сталин не может дальше ограничиваться оговорками, согласованием оговорок. Жизнь вносит в формулировки исправления, многие совсем отбрасывает. Жизнь в очередях гораздо убедительнее формулировок июльского пленума. И это обязывает Сталина сказать свое слово, дать платформу, программу действий. Поэтому Л. Б. полагает, что на октябрьском пленуме все эти вопросы будут стоять вновь и пройдут в заостренной форме через пленум. Группировки должны будут сказать каждая свое, и отсюда пойдет путь или к термидору, стремительно, без оговорок, без перевалов, или к тому же термидору с замазыванием перед рабочей массой истинного положения в стране и в партии, т. е. путем длительным, более вредным, обманчивым. Дальше Л. Б. заявил, что оценка июльского пленума, данная Л. Д. Троцким, абсолютно верна. На вопрос товарищей, чем объясняет Л. Б. абсолютную пассивность массы к вопросам кризиса и что сделать, чтобы предупредить эту массу о развивающемся тяжелом кризисе... На это Л. Б. отвечает, что в период наших боевых выступлений широкая партмасса не знала существа наших разногласий. Она не была подготовлена к такого рода жарким дискуссиям, кои изредка прорывались на собраниях ячеек. Мы же, видя все трудности, к которым ведет руководящая часть партию и страну, выступили стремительно, свалили на партийную массу огромное количество важнейших вопросов и стали, где удавалось, отстаивать их. Но масса, не ознакомившись с нами, не решалась переходить на нашу сторону. А мы не переставали бить партию нашими вопросами. Вот это слишком настойчивое битье и заложило отчасти то недоверие, боязнь (как бы не было хуже), которые мы наблюдали в октябре и ноябре месяце истекшего года. Выходом из этого положения Л. Б. считает вхождение в партию, постепенное занятие ответственных советских и профессиональных должностей. Товарищи заметили, что пока эти операции вы будете проводить, правая часть захлестнет, и вам не удастся этого плана осуществить.

На это Каменев отвечает, что кризис зреет, и когда он дойдет до известного предела, мы об этом скажем, заявим партии и рабочему классу. В настоящее же время надо принять меры к тому, чтобы работать вместе.

Присутствующий Жаров заметил, что уже имеются случаи, где ихних единомышленников проводят даже в бюро ячеек, что доказывает жизнеспособность наших взглядов в партии.

Л. Б. неодобрительно отнесся к выпуску листовок о болезни Л. Д. [Троцкого]. Это, мол, усугубляет положение (полученные позднее сведения говорят, что вопрос о вашем, Л. Д., переводе стоял в ПБ. Подробнее в другом месте. Отсюда, видимо, исходил Каменев, говоря об усугублении положения). Дальше Каменев говор[ил] что Л. Д. следовало бы теперь подать документ, в котором надо сказать: «Зовите, мол, нас, будем вместе работать». Но Л. Д. человек упорный. Он не сделает этого и будет сидеть в Алма-Ата до тех пор, пока за ним не пришлют экстренный поезд. Но ведь когда этот поезд пошлют, положение в стране

будет таким, что на пороге будет стоять Керенский. Товарищи заметили, что если экстренный поезд будет послан, когда на пороге будет стоять Керенский, то это уже будет, во-первых, керенщина, а во-вторых, ответственность за это ляжет на вас, ибо вы, сдав позицию и войдя в партию в целях выпрямления линии, палец о палец не ударили для предотвращения этих тяжелых последствий. В частности, вы, мол, не приняли никаких мер к тому, чтобы возвратить Л. Д. из того гиблого места, в которое загнали его Сталин и иже с ним. Как же вы после этого беретесь критиковать листовку. Каменев немного стушеввался и заявил, что он может поговорить с Бухариным. Что касается наших шагов в этом направлении, то Зиновьев говорил еще месяц тому назад с Молотовым. Дальше Л. Б. выражает неодобрение Л. Д. Троцкому за то, что он в каждом письме напирает на их капитулянтство, уж слишком часто и резко.

Этого теперь не следовало бы делать, надо, мол, работать вместе. Ошибки бывают у всех, обострять их не следует. Ведь и у Л. Д. есть кое-что, на чем можно было бы остановиться. Если он насчет капитулянтства, то с нашей стороны может быть указано насчет второй партии. Это приведет к новым разговорам, чего повторять теперь не нужно. Приходится сожалеть, что произошел разрыв. Жизнь подтвердила все положения оппозиции. Диагноз, поставленный оппозицией, абсолютно верен. О группировках рассказал, что ведется организационная работа и борьба за снятие Томского и Угланова. Первый, по их мнению, является определенным и представляющим особый законченный тип термидорианца, поставившего ставку на слияние Профинтерна с Амстердамским Интерном, и высказывающ[его]ся осторожно за подготовку слияния Коминтерна с II Интерном. В отношении Угланова ведется работа с низов. Хотят обмануть верхушку через низовой аппарат. Путем подбора кизовых аппаратов провести на конференцию большинство сторонников Сталина и таким способом провалить кандидатуру Угланова. В отношении Рыкова он сказал, что Рыков еще по ряду вопросов своего не сказал. Он, мол, хитрый, выжидает, когда скажут другие. Возможно ли, что Сталин, победив Рыкова на октябрьском пленуме, сядет на его место и проведет рыковскую программу? Да, возможно, отвечает Л. Б. Уходя от Каменева, товарищи получили приглашение заглядывать на огонек.

Антон

Примечания

1. Печатается по первой публикации на русском языке, осуществленной Ю. Г. Фельштинским в журнале «Обозрение» (Париж), январь 1986, № 18, с. 44—47. Текст в квадратных скобках принадлежит публикатору. — *Ред.*
2. Северн[ый] Кавказ? — *Прим. Троцкого.*
3. Цейтлиц, его секретарь? — *Прим. Троцкого.*
4. Публикуется по: Бюллетень оппозиции, Париж, 1929, № 1—2, с. 15—17. — *Ред.*
5. В виде листовки троцкистами.
6. Крумин был назначен фактически редактором «Правды».
7. Научно-Техническое Управление, во главе которого стоит Каменев.
8. Печатается по публикации Ю. Г. Фельштинского архивной копии (Обозрение, 1986, июнь, № 20). — *Ред.*

Письма чиновника А. А. Клопова царской семье

По словам В. С. Дякина, «еще в конце XIX в. Николай (царь Николай II. — В. С.) случайно обратил внимание на мелкого чиновника А. А. Клопова, получившего с тех пор право писать Николаю, выступая как бы его личным информатором о настроениях в стране. Клопов широко пользовался этим правом, особенно активизировавшись во время войны»¹. Как явствует из цитируемой книги Дякина, Клопов общается с матерью императора, с великими князьями, начальником штаба Верховного главнокомандующего, а фрондирующий великий князь Николай Михайлович составляет для него записки. Посредником же между генералом М. В. Алексеевым и Клоповым выступает лидер буржуазной оппозиции князь Г. Е. Львов. Вот так мелкий чиновник! Дякин упоминает Клопова еще раз, когда характеризует предреволюционные дни января-февраля 1917 года². А в вышедшей несколько лет спустя коллективной монографии Дякин в основном повторил то, что он уже писал о демаршах Клопова, процитировав одну фразу из письма Клопова царю от 29 января 1917 года³. В той же монографии упоминает о Клопове и Р. Ш. Ганелин, рассказывая об активности этого частного корреспондента царя в первой половине 1905 года⁴.

Анатолий Алексеевич Клопов родился в 1841 г., работал агрономом и экономистом, был причислен к Министерству финансов, в 1896 г. получил пожизненную пенсию. Его первая беседа с Николаем II состоялась в 1898 г., о чем Клопов составил конспективную запись, хранившуюся в его личном архиве. Царь принимал его затем в 1899 и в 1914 годах. Наконец, последняя встреча, о которой упоминал Дякин, состоялась 29 января 1917 г., то есть менее чем за месяц до начала Февральской революции. Десятки писем Клопова Николаю II охватывают период с 1898 по 13 февраля 1917 года.

Ниже публикуются письма конца 1916 — начала 1917 года. Дякин лишь перечислил и кратко пересказал их содержание. Клопов не вписывается прямо ни в буржуазный лагерь, ни в монархический. Письма же его вопиют! Они хранят на себе отпечаток тех дней, того предчувствия близкой революции, которые мы обнаружим даже не у каждого революционера. Их значение заключается в том, что они помогают избавиться от некоторого схематизма при изучении событий того времени. Схематизм состоит тут в привычном черно-белом их делении, в распределении людей и событий только по двум лагерям (В. И. Ленин видел накануне Февральской революции три главных лагеря) и в том, что из сложнейшего переплетения и взаимосвязи социальных сил и политических событий выхватывалось одно противоречие, «самое главное», прочие игнорировались или о них говорилось мимоходом.

Вот к такому неглавному, на первый взгляд, противоречию и относятся письма Клопова. Даже столь крупный специалист по истории предреволюционной эпохи, как Дякин, замечал Клопова только на дальней периферии политической борьбы, в ее арьергарде, связанном с великокняжеской фрондой. Правда, готовя свою главу для коллективной монографии, Дякин добавил новые детали, связывающие выступления Клопова с кадетской партией. Но за ним прямо не стояла ни одна политическая партия или группа. Это был старый человек, вообще не участвовавший в политической борьбе. Сегодня его назвали бы экспертом. А в этом качестве к его мнению прислушивались и в лагере буржуазной оппозиции царизму, и в монархическом лагере. В искренности монархизма Клопова нельзя усомниться. Но его последние письма представляют собой гневное обвинение царствующего монарха.

Формирование взглядов Клопова пришлось на 1860-е годы — вдохновляющее время буржуазных реформ. Такая молодость не забывается. Клопов (как и М. В. Родзянко) до февраля 1917 г. не терял надежды, что удастся как-то вразумить Николая II, убедить его, что только немедленные уступки, шаг в сторону буржуазии, политический маневр и компромиссы могут спасти страну от революции, а династию — от гибели. Он находил доброжелательные слова для всех, даже для рабочих — социал-демократов, и призывал царя не видеть в последних лишь врагов государства. Только один слой общества вызывал у него ненависть (вполне в духе либеральной традиции) — бюрократия.

Письма Клопова не были неким изолированным демаршем, как может показаться с первого взгляда. Если, с одной стороны, он был связан с великими князьями, то с другой — напрямую с генералом Алексеевым и князем Львовым. Кго и на кого здесь влиял? Мне думается, что через Клопова прокладывали еще один путь к великим князьям, в частности к Михаилу Александровичу, уже намеченному буржуазной оппозицией в регенты при малолетнем цесаревиче Алексее после отречения Николая II. Содержание последних писем таково, что кажется, будто они продиктованы не столько Родзянко или князем Львовым, сколько Коноваловым, Некрасовым и Керенским. Буржуазные требования радикального руководства лишь прикрыты в письмах монархическо-верноподданнической словесной оболочкой.

Из исследований Дякина ясно, что параллельно с готовившимся визитом Николая Михайловича к царю (для выступления от имени царской семьи) готовилась также аудиенция Клопова. Она не состоялась вследствие болезни генерала Алексеева. 1 ноября 1916 г. Николай Михайлович должен был сам иметь аудиенцию у царя. «Клопову было предложено быть в Петрограде 1 ноября», — делает вывод Дякин⁵. Первый же публикуемый ниже документ добавляет важный штрих к этому клубку маневров. Оказывается, Клопов 31 октября 1916 г. написал письмо царице Александре Федоровне с просьбой дать ему аудиенцию. Письмо было передано через сестру Николая II великую княгиню Ксению Александровну, но аудиенции Клопов не получил.

В проекте рескрипта о назначении Алексеева обращает на себя внимание то, что его фамилия прямо в тексте не названа, генерал только подразумевается (рескрипт, согласно установившемуся формуляру, адресовался данному лицу). Кабинет должен был состоять из «государственных и общественных деятелей», то есть быть коалицией «либеральных» царских министров и буржуазии. Слова о том, что они спаяны «единым пониманием стоящих перед Россией задач» и способны «опираться на большинство Государственной думы», указывают на кадетских авторов вариантов рескрипта, хотя Клопов уверял Николая II, что писал это «ночью и в волнении» и никому не мог доверить данную работу.

Что касается Алексеева, то радикальная часть лидеров либерального лагеря еще с весны 1916 г. вела обработку генерала с тем, чтобы добиться от него согласия возглавить «правительство доверия» или ответственное министерство либо участвовать в прямом заговоре с целью ареста царицы и отказа царя от престола. Так что болезнь Алексеева имела скорее нервно-дипломатическое происхождение: он очень боялся, а будучи уличен на основе переписки с А. И. Гучковым, публично отрекся от нее. Только в момент победы Февральского восстания 1917 г. в Петрограде генерал набрался духу и помог Родзянко добиться отстранения Николая II от

власти, организовав коллективную просьбу главнокомандующих фронтами к царю об отречении.

Следующая группа документов касается подготовки аудиенции Клопова у Николая II 29 января 1917 г. (об этом Клопов узнал 19 января) и ее последствий. Он решил перед аудиенцией послать царю предварительное письмо и просил того взглянуть на это послание как «на глас народа», «как на отражение общего мнения о современном положении России». Копию письма Клопов направил великому князю Михаилу Александровичу. Из сопроводительного текста видно, что их встречи и беседы вообще носили регулярный характер, что Михаил Александрович участвовал в обсуждении содержания будущей беседы Клопова с царем. Клопов просил Михаила еще раз приехать к нему домой (Клопов с дочерью жил на Ставропольской улице в пятиэтажном доме всего на 10 квартир с единственным подъездом), так как боялся простудиться и берег себя «ввиду аудиенции». Среди вопросов, о которых надо поговорить: «главное — о князе Львове». Черновик письма, посланного Клоповым перед аудиенцией, датирован последней неделей января 1917 года. Письмо очень резкое, содержит прямые обвинения в адрес царя. Любопытно, что при редактировании письма оказались исключенными два места — о существовании рядом с царем «немецкой партии», действующей в направлении сепаратного мира с Германией. Слова о «немецкой партии» подводят нас к известной речи Милкокова в Государственной думе 1 ноября 1916 г. «о глупости или измене».

Отправляясь на аудиенцию в Александровский дворец Царского Села, Клопов захватил с собой еще одно письмо (от 29 января 1917 г.), которое передал царю при встрече. Но беседа их была устной, как видно из дальнейших документов, и письмо вслух не было зачитано. Оно составлено в еще более резких тонах, чем предыдущее. Здесь, характеризуюя единый антиправительственный лагерь в стране, Клопов включает в него «крестьян и рабочих». На стороне правительства находится только ничтожная группа черносотенцев и темных дельцов. Армия «в критический момент пойдет со страной, а не с нынешним правительством». Может «разыгаться такая агархия, что она все сметет». Клопов обращается к царю с призывом — нужно решение еще в его руках: один путь — немедленные, срочные реформы, второй — «ведет к анархии, к разрушению существующего строя, к гибели династии, к бесславному миру и к унижению России». Далее в письме излагается программа действий, которые царь мог бы предпринять.

Запись беседы от 29 января 1917 г. свидетельствует, что Клопов нашел в себе мужество заявить обо всем этом царю. Привлекает здесь внимание категорическое утверждение Клопова, что «ропуск Думы немислим». Он повторил требование немедленного открытия Думы еще до 14 февраля, призвал царя выступить в Думе с объявлением о введении ответственности правительства, реформах и амнистии. В письме от 6 февраля Клопов прямо говорил Николаю II: или немедленные, самые срочные реформы и уступки или революция. Тут же — требование отставки Протопопова. Письма Клопова и последний доклад Родзянко царю перед его последней аудиенцией 10 февраля 1917 г. имеют массу совпадений, и вряд ли это случайно.

Уже в беседе 29 января Клопов рекомендовал царю князя Львова как кандидата в новые председатели Совета министров. В письме от 6 февраля Клопов возвращается к этому вопросу и дает царю биографическую справку о Львове. Последний предстает в ней как убежденный монархист, человек «непартийный». В заслугу ему ставится то, что он отказался подписать Выборгское воззвание части членов распущенной I Государственной думы. Если бы такую биографию Львова опубликовали 4 марта 1917 г., вряд ли Временное правительство обрело бы тогда поддержку. Но историки знают, что стремление представить Львова «лучшим другом» романовской монархии было маневром, попыткой обмануть царя и вырвать у него ответственное министерство. Напомним, что в пользу Львова сделало свой выбор и объединенное руководство буржуазной оппозиции. Он участвовал в «кавказском варианте» дворцового заговора, на него же рассчитывали и заговорщики из группы Гучкова.

Вряд ли искренним был и Клопов, разочаровавшийся к тому времени в своем адресате. Хотя на аудиенции царь и сумел создать у собеседника ощущение сочув-

ствия и понимания, позволив тому сказать все, что он думал, через неделю Клопов опомнился и написал царю 7 февраля новое большое письмо с жесткой критикой в адрес правительства. Тут содержится протест против ареста Рабочей группы Центрального военно-промышленного комитета (ЦВПК). Если сравнить его со справкой, изготовленной под руководством А. И. Коновалова в ЦВПК, и с речью Коновалова в Думе через несколько дней по тому же вопросу, то обнаружится много совпадений. Поэтому, как мне думается, в своих последних письмах Клопов выступал уже не как ходатай по делам великокняжеской фронды, а как рупор радикальной группы руководства буржуазной оппозиции. Здесь царю грозят забастовкой рабочих; несколько дней такой забастовки — «и войну продолжать нельзя». Клопов пишет: «Взрыв при таких условиях возможен, и если при тушении его придется пролить еще кровь, то это может дать толчок началу общего пожара, началу действительной революции». Налицо предвидение событий, разыгравшихся через две недели.

Клопов опять предложил царю немедленно, до открытия Думы, объявить о создании ответственного министерства, а затем явиться в Таврический дворец на открытие Думы. Тогда же, 7 февраля, Клопов пишет великому князю Михаилу Александровичу и просит его о свидании (такое состоялось 9 февраля), чтобы посоветоваться насчет содержания дальнейших писем царю, выражает сомнение в успехе своей посреднической миссии и опасается, что Львов откажется от поста премьера. 13 февраля, перед самым открытием Думы, Клопов отправляет последнее письмо Николаю II. Вновь — призыв действовать солидарно с Думой, явиться туда и даровать ответственное министерство. Но тщетно! Родзянко уже получил 10 февраля ответ, что Николай II не боится революции, что ее вообще не может быть. Князь Голицын (которому царь сказал 21 февраля, что решил приехать в Думу и даровать ответственное министерство) 22 февраля с изумлением услышал от Николая II, что он переменял решение и уезжает в Ставку. А 23 февраля стало первым днем второй российской революции.

Неизвестно, насколько пережил Клопов отрекшегося царя. Судя по всему, он скончался уже в советское время (его личный фонд благополучно поступил в Центральный государственный исторический архив — ЦГИА). Его письма остались как свидетельство неудачной попытки побудить Николая II пойти на компромисс с буржуазной оппозицией и избежать революционных потрясений.

Введение написано В. И. СТАРЦЕВЫМ. Публикация подготовлена Б. Д. ГАЛЬПЕРИНОЙ. Примечания составлены ими совместно.

Письмо А. А. Клопова императрице Александре Федоровне⁶

31 октября 1916 года

Нет слов, чтобы выразить Вам мое извинение за решимость беспокоить Вас настоящим письмом и просьбой, которую передам ниже. Поступить так требует моя совесть, сердце и патриотизм. Пишущий эти строки посвятил свою жизнь на освещение разных нужд родины, с целью приносить ей пользу. Моя деятельность известна деловым и государственным людям. Его величество знает меня шестнадцать лет и не раз давал мне аудиенцию. Помимо того какой-то голос свыше давно подсказывает мне написать Вам как верноподданный к своей царице. Ваше императорское величество! Россия переживает тяжелую годину и очень критический опасный момент. В такие времена все мы, искренне любящие родину, обязаны сплотиться воедино — не жалея живота работать и помогать Государю и родине кто как может. Вот какие мысли и соображения дают мне смелость прямо обратиться к Вам, Госуда-

---

Старцев Виталий Иванович — доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена;

Гальперина Берта Давыдовна — кандидат исторических наук, ведущий специалист Центрального государственного исторического архива (Ленинград).

рыня, с просьбой дать мне аудиенцию. Мне думается, что старость, многолетний жизненный опыт, знание людей, мое нейтральное положение — ведь я стою на краю могилы (75 лет), мне ничего не нужно и я ничего не ищу — все это может создать такую духовную обстановку, зажечь такую божью искру, которая сблизит нас, несмотря на ту пропасть, которая лежит между царицей и простым смертным. Кто знает, может быть, при такой обстановке и хотя [бы] некотором доверии ко мне, бог поможет и успокоит Ваше величество и осветит некоторые вопросы, которые несомненно беспокоят Вас как царицу и мать. Если к моей величайшей радости Вы отнесетесь ко мне с некоторым доверием и добрым чувством, то не откажите, пожалуйста, сделать надлежащее распоряжение об аудиенции⁷.

ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 1, л. 1. Копия. Рукопись.

Проект составленного А. А. Клоповым рескрипта⁸ Николая II начальнику штаба Верховного главнокомандующего М. В. Алексееву⁹

Конец 1916 года

Затянувшаяся мировая война ставит передо мною и Россией все новые и новые задачи по организации страны в уровне с великими требованиями, которые эта война предъявляет. Враг истощен, но еще не сломлен, он готовит против нас и наших союзников новые удары. Россия с своей стороны должна готовиться к решительному их отражению. Вместе со мною весь русский народ живет одной мыслью о доведении войны до победного конца. Путь к победе требует новых великих напряжений, новых жертв, новых испытаний патриотизма и любви к России. Опасность велика и грозна. Решаются судьбы России на многие поколения. Спасение в действительном патриотизме и в твердом сознании ответственности перед родиной всех граждан России.

В объединении всех живых сил страны лежит первейший залог успеха такой борьбы, которую ведет Россия за свою честь, достоинство и будущее счастье. Эта уверенность разделяется всей страной, которая в лице Государственного совета, Государственной думы, земств, городов, всех сословий: дворянства, купечества, крестьянства непоколебимо верит, что перед правительством, способным объединить эти силы, не может быть непреодолимых препятствий. Перед таким правительством в настоящую грозную годину стоят величайшей важности и сложности задачи. Они касаются не только организации победы и необходимого для этого срочного устройства тыла, но и подготовки ликвидации войны и обеспечения в дальнейшем народных интересов России.

Памятуя Ваши заслуги передо мною и Россией и то доверие, которое Вы снискали в глазах армии¹⁰ и страны, я поручаю Вам образование кабинета, к которому Вам надлежит привлечь государственных и общественных деятелей, объединенных единым пониманием стоящих перед Россией задач и способных опираться на большинство Государственной думы. Я выражаю уверенность, что Вы приложите все силы к созданию правительства, достойного великого народа в одну из величайших минут его истории. Состав кабинета Вы представите на мое утверждение.

ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 16, лл. 1-1об. Копия. Машинопись.

Письмо А. А. Клопова Николаю II

19 января 1917 года

Ваше Императорское Величество! Я извещен, к моей радости, что Вы изъявили желание принять меня. Приношу Вам за это глубочайшую благодарность. Чтобы беседа была более плодотворной и для сокращения времени я считаю долгом послать Вам предварительно¹¹ прилагаемое послание. Взгляните на него, как на глас народа, как на отражение общего мнения о современном положении России¹². Представьте, что оно получено Вами¹³ после моей смерти, как от человека, уже не заинтересованного лично ничем земным. Оно заключает в себе, так сказать, как бы фотографию переживаемого времени. Способы для выхода из этого положения я изложу при личной беседе. Позволяю себе убедительно просить Вас, Ваше Величество, принять меня поскорее в виду срочности и важности затронутого вопроса. С чувством глубочайшего уважения и бесконечной преданности Вашего императорского величества.

Верноподданный *Анатолій Клопов*

[Р. С.] ¹⁴Государь, я чувствую инстинктивно, что мой визит на этот раз, несмотря на то, что я человек маленький, может принести пользу Родине и Вам, я надеюсь, что он успокоит Вас как монарха и человека, а бог поможет Вам найти выход из этого тупика, в котором очутилась наша дорогая Родина¹⁵.

ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 15, лл. 1-1об. Подлинник. Рукопись.

Письмо А. А. Клопова великому князю Михаилу Александровичу

19 января 1917 года

Ваше императорское высочество! Глубокоуважаемый великий князь Михаил Александрович!¹⁶

Прилагаю при сем пакет для передачи Государю в запечатанном виде, так как его величество изъявил желание вообще отправлять мои желания под моей печатью с надписью в собственные руки. Тожественную копию посылаю Вам. По прочтении, как условились, прошу уничтожить или возвратить мне при случае, что еще лучше¹⁷.

Остальные части (II и III) я несколько переделал после моего последнего разговора с Вами; послать остальное для прочтения Вам не могу, так как оно не совсем закончено, да у меня сломалась машинка, которую починят только к вечеру. Не скрою, что перед аудиенцией мне очень бы хотелось еще раз повидать Вас. Ведь шаг, делаемый мною, очень серьезен. Необходимо переговорить о некоторых вопросах, а главное о кн. Львове. Мне очень совестно просить Вас о приезде, я бы приехал к Вам, но боюсь простудиться, берегу себя в виду аудиенции¹⁸.

Глубоко и искренно уважающий и любящий Вас,
готовый к услугам А. Клопов.

Петербург, Ставропольская ул. № 1/18, тел. № 247-25.

ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 3, лл. 1-1об. Подлинник. Рукопись.

Письмо А. А. Клопова Николаю II

23 января 1917 года

Все мы, захваченные вихрем текущих событий, будучи по горло заняты разной злободневной работой, часто не отдаем себе отчета, не сознаем, насколько исторически велик переживаемый момент для всего человечества и для России в частности. Если некоторые предметы можно охватить взглядом только встав от них на известное расстояние, то на текущий исторический момент мы должны смотреть с высоты веков, пережитых Россией и предстоящих ей.

В судорогах борьбы народов катастрофически решается судьба России, молот истории с неслыханной силой бьет по ней, пробуя ее крепость, силу, жизнеспособность. На многие века, быть может, спешно готовится России место среди народов. Как ничтожны отдельные личности перед этой грандиозностью мировых исторических событий!! На арену мировой борьбы выступают сплоченные соединения великих народов мира. Отдельные личности, отдельные группы этих соединений, забыв свои групповые интересы, жертвуя своею жизнью, стремятся во что бы то ни стало слиться воедино, слиться всецело, дабы таким образом создать силу, соответствующую величиюдвигающихся исторических событий, способную вершить дела данной мировой эпохи.

Хочет вершить свои исторические дела и Россия. Единодушный порыв охватил всех; устремились к победе, полной победе все отдельные элементы великого народа, забыв свои племенные, групповые, партийные, личные интересы. Сотни тысяч уже отдали свою жизнь за Россию и ее будущее счастье, миллионы готовы отдать ее сейчас. Народная мысль и душа народа с напряжением ищет путей к победе, страдает, мучается муками любви к родине, поставленной в опасность, находит эти пути, сливается в общем стремлении к устранению опознанных препятствий и с воплем обращается к Вам, помогите, вождь земли русской!

Что же делаете Вы в этот полный величия и трагизма момент жизни России? Устремились ли Вы к великому соединению народов? Примкнули ли Вы к великому народу, вождем

которого Вы поставлены и который бьется и мучается в борьбе? Дали ли Вы свободу выявиться, организовать и окрепнуть в единении творческим народным силам? Дали ли им возможность свободно комбинироваться, развиваться и сливаться в единую народную мощь, действительно грозную для нашего врага? Нет! Вы разошлись с Россией как никогда еще не было. Спешно Вы устремились только к тому, чтобы изолировать и себя и правительство от всей России. Правительство, Вами поставленное, точно с нарочной целью кинуло вызов стране, разошлось и с Государственной думой, и с Государственным советом, и с земствами, и с городами. Даже объединенное дворянство разошлось с правительством, а следовательно, и с Вами!¹⁹ И Вас коллективная мысль, с напряженным вниманием следящая за совершающимися событиями, слила лишь с той кучкой министров и приспешников, которые окружают Вас и которые почти сплошь состоят из лиц, которым страна не верит и немощность которых как исторических деятелей ясна для всей страны и во всей полноте²⁰.

Как народ может понять Вас, когда Вы под влиянием этих людей идете против страны, не даете ей действовать и выявлять свою волю?²¹ Россия осознала и сознает с каждым днем, с яркой для себя убедительностью, что при тех препятствиях, которые везде поставлены Вами и правительством проявлению ее общей воли и мысли, желанная победа делается гадательной и грозная опасность растет. Ответственность за то, что «отечество в опасности», Вы, отъединяясь от страны, тем самым берете однако на себя одного, и в этом весь ужас Вашего положения и в этом ужас положения России. Неужели Вы думаете, что Россия простит Вам и Вашей династии свое поражение — в этот грозный час ее исторического бытия!²² Ведь несущийся к Вам вопль о помощи не затихнет, он превратится в дикий вопль отчаяния и гнева, а этот последний вопль подкрепит все стоны жертв, которые уже принес народ в великой борьбе за существование. Неужели этот конец нужно готовить патристическому порыву, в котором живет вся Россия уже два с половиной года?!

Вождь земли Русской!! Нужно полное преображение во взглядах на народ²³ и нужны с Вашей стороны особые, чрезвычайные, спешные и большие решения, чтобы слиться Вам с народной волею и мыслью и засвидетельствовать это единение историческим актом, который не оставил бы ни капли сомнения в сердцах²⁴. Этим Вы дадите умиротворение стране, найдете личное спокойствие в сознании исполненного долга перед Богом и народом. В такую эпоху, которая переживается сейчас, каждый день исторический. Медлить нельзя.

19/1-1917²⁵. Петроград

ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 15, лл. 2-3об. Копия. Машинопись.

Письмо А. А. Клопова Николаю II

29 января 1917 года

Ваше Императорское величество! Россия накануне катастрофы. Никогда это еще не чувствовалось так реально, как теперь... В стране нет доверия к власти, у Вас же нет доверия к стране, доверия настолько, чтобы дать ей то Правительство, которое она хочет и которому может верить. Вся Россия в лице Государственной думы, Государственного совета, объединенного дворянства, земства, земских организаций, городских, общественных, промышленных, рабочих и крестьян — объединилась теперь независимо от партий в желании победить врага внешнего и устроить нашу внутреннюю жизнь на началах свободы и самостоятельности.

Вы тоже, конечно, хотите победы и хотите блага родины. Но, Государь, между Вами и страной стоит правительство, которое все ненавидят и которому Вы сами не верите (об этом говорят постоянные перемены в нем). Правительство, поддерживаемое лишь ничтожной кучкой марковцев и дубровинцев²⁶ и их органов, субсидируемых правительством, а также темных дельцов, вроде Рубинштейна и К²⁷, — так безжалостно грабящих, обирающих и продающих Россию. Главное же, в чем ужас, — голос народа считает это правительство порождением немецкой партии. Такое правительство, конечно, ведет страну не к победе, а к поражению. Но, Государь, страна не простит поражения и не допустит его безропотно.

И вот в настоящий момент народ, потеряв всякое доверие к правительству, задает вопрос: а с кем же царь, с Россией или с правительством. Поймите же, Ваше величество, что ждет Вас, а вместе с Вами и Россию, если страна придет к заключению, что Вы не с ней. А такая вполне определенная политика, как теперь, и события последних недель все более и

более обостряют этот вопрос и наводят ужас за будущее России. Ведь последними назначениями бездарнейших и безнадёжных членов кабинета и Государственного совета Вы причинили глубокую обиду стране²⁸.

На что Вы надеетесь? На войско? Но оно, поверьте, в критический момент пойдет со страной, а не с нынешним правительством. Ведь армия тот же народ — это плоть от плоти России. Армия положит свой живот за честь и спасение родины от внешнего врага, но пойдет ли она на братоубийственную внутреннюю войну в защиту кучки нынешнего ничтожного правительства? Вот тут может разыгаться такая анархия, что она все сметет. И все это, Государь, падет на Вашу совесть. И во имя чего?

Не забудьте, что сейчас Россия переживает неслыханный по своей важности исторический момент, который современники не могут даже оценить во всей полноте. Ведь от него зависит все будущее России и то положение, которое она займет в ряду государств мира. Чтобы достойно исполнить такую великую задачу, надо собрать воедино всю мощь страны, все ее творческие силы и таланты и дать простор проявиться гению нашего великого народа. И все это в Ваших руках, Государь. Вы стоите на расстани двух путей: один (путь нынешнего режима) ведет к анархии, к разрушению существующего строя, к гибели династии, к бесславному миру и к унижению России; другой — к победе над врагом, к светлому будущему родины, к могучему росту всех ее сил и богатств, а Вас — к славе победителя и великого преобразователя всего уклада жизни России. Не страшитесь, Государь, твердо и без всяких колебаний вступить на этот путь. Ваши нынешние советники, которых мы считаем врагами отечества, будут пугать Вас и отыскивать все способы отклонить Вас на старый путь. Не слушайте их. Что же надо сделать? С чего начать? 1. Отречься твердо и навсегда от старого режима безответственного правительства, ведущего Россию к гибели и на Вас сваливающего вину за это. 2. Выбрать в России лицо, которому Вы доверяете и которое пользуется уважением страны, и поручить ему составить кабинет из общественных и государственных деятелей, объединенных единым пониманием стоящих перед Россией задач и способных опираться на большинство Государственной думы. Это положит конец нынешней министерской безответственности. 3. На имя этого лица дать рескрипт, в котором выразить определенно и ясно Вашу волю, установить начало ответственного перед царем и народом министерства. 4. Созвать теперь же, не откладывая до 14 февраля²⁹, Государственную думу; приехать на открытие ее и сказать сильное искреннее слово, которое сразу зажгло бы между Вами и народными представителями божью искру доверия и взаимного понимания и которое бы показало, что для России действительно зажглась новая эра и возврата к старому режиму нет, что отныне страна управляется правительством, ответственным перед царем и народом, что царь с народом и что в такую великую минуту он приглашает забыть все старые счеты и дарует амнистию.

Государь, это будет началом пути к обновлению России. А там сама жизнь и Ваше сердце подскажут Вам, что делать дальше и как закончить великое дело преобразования России. Мне еще хочется добавить, что этот путь даст Вам и семейный покой. Тогда уже вина за события не будет сваливаться на царя и его семью, а во всем этом будет ответственна Дума и страна. Итак, да благословит Вас бог и да поможет он Вам твердо идти на этот путь. Смело и не колеблясь протяните руку к этому историческому Вашему жребию. Созидается великая свободная Россия и Вы будете ее первым монархом, которого восторженно³⁰ благословит вся страна сейчас и увенчает славой история.

29-1-1917 .

ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д.15, лл. 8-9об. Копия. Машинопись.

Конспект разговора А. А. Клопова с Николаем II

29 января 1917 г. (5 ч. 45 мин. до 7 час. 15 мин.)

1) Буду говорить для сокращения телеграфным языком.

2) Как я должен говорить с Вами, как подданный с монархом, между которым и мною лежит пропасть, или как старец, который стоит на краю могилы, вне всяких забот о земном существовании, для которого все люди представляются братьями — который любит народ, всех людей, начиная с монарха, который любит свою родину и желает ей благ и лучшего будущего. Как отец. Двойной трагизм Ц. По физике обыкновенной человеку: один ум, одни нервы и одно сердце.

3) Родина и ее судьба одинако дороги монарху и простому смертному. Если это так, то монарх, как и простой смертный, должен сообразно своему положению и всеми средствами помогать развитию, благу и могуществу страны. Царь и мы одинаково любим и должны помочь благу и могуществу.

4) В силу требования истории — все в жизни движется вперед. России дана была 17 Октября Государственная дума, но акт этот вышел на свет божий болезненно и не в том виде, как требовалось жизнью³¹. С первых же дней к Государственной думе замечалось недоверие, некоторая ревность со стороны монарха, под влиянием бюрократии. Явилась недосказанность политики, стремление ограничить прерогативы и права Думы. Словом, началась с первого же дня тайная борьба между правительством и народным представительством. Все движется вперед. 17 окт. Болезненное недоверие монарха, правительства, борьба, стремление ослабить Думу.

5) Кто и что виновато в этой борьбе?

а) Прежде всего недоразумение, привычка, традиция ко всему старому и боязнь ко всякому новшеству. Вековая изолированность царя от пульса народной жизни, в силу этого незнание, неосведомленность его в народной жизни и ее требованиях. Недоразумение, привычка, традиции и боязнь нового. Галиция и Архангельск³².

б) Вы как царь стоите на страже самодержавного принципа во всей его целостности, но Вы изолированы от народа. Вы боитесь умалить или потерять некоторые прерогативы могущества самодержавной власти. Вы защищаете действительность этой власти, как помазанник божий.

в) Ваши министры и окружающие престол лица. Они, пользуясь недосыгаемостью и высотой Вашего положения, стоя близко от престола, получают через Вас всякую благодать земную (власть, положение, связи, безответственность за свои действия, материальные выгоды и т. д. и т. д.), защищают всеми способами все стороны устаревшей для нашего времени самодержавной власти. Они изощраются во что бы то ни стало задерживать правильный ход народной жизни. В большинстве случаев Вы лишены возможности им противодействовать, находясь в одиночестве и далеко от земли. Окружающий Вас этикет, вся атмосфера, в которой живут цари, неустанная, якобы, забота их о Вашей жизни, о целостности государственного строя, все это дает благодатную, богатую почву для людей, не любящих искренне Вас и Россию, не понимающих и не знающих историю и психику русского народа, поддерживать все старое. Они умышленно или неумышленно, по своей безнравственности, эгоизму, невежеству, постоянно пугают Вас перспективой умаления самодержавной власти и всякими беспорядками, происходящими от этого.

г) С другой стороны, все растущая сложность и трудность современной жизни (дороговизна, безработица, отсутствие практического образования, русская невыдержка, легкомыслие, авось, затем многовольные и невольные грехи правительства и ошибки, его безответственность, постоянное стремление задерживать нормальный ход народной жизни и народного хозяйства) вызывают в нас, в народе, нетерпение, злобу, страстность, чрезмерную критику, намерение указывать только промахи правительства — тоже вредят Вам выйти на торную дорогу, на тот путь всевозможных реформ, на который Вас тянет Ваша любовь к Родине, Ваше сознание долга великой ответственности перед таким великим многострадальным народом. Вспомните, например, Вашу проповедь министрам о серьезном, любовном отношении к нашей молодежи, предоставление императорских театров, вопреки желанию министров, анархистам, потом приезд Ваш 9 февраля в Думу³³ и что из всего этого вышло и кто мешал идти в таком благом и полезном направлении для Родины. Вот где главный фокус, вот где камень преткновения для движения вперед и вечного топтания на месте. Переживаемая эпоха с ее грядущими ужасами, анархией, бесконечными волнениями как бы свыше указывает Вам на неотложную необходимость и решительную борьбу добра со злом во имя счастья и блага всем нам дорогой России. Сколько было добрых пожеланий и как мало проведено их в жизнь — учительский съезд, 9-го февраля, 17 апреля.

б) Конфликт Думы и правительства неизбежен в силу невозможности работать ей с настоящим кабинетом.

7) Но роспуск Думы немислим. Вы обязались рескриптом, что правительство будет работать в согласии и в единении с Думой. Европейские парламенты все работают: может наступить ликвидация войны, м[инист]ры не в силах создать новых условий. При разладе нет охоты, нет веры, нет уверенности.

8) Очень частые и неудачные перемены министров доказали, что прежний способ назначения их по Вашему личному усмотрению не улучшает, а еще более запутывает и осложняет дело³⁴.

9) Министры прежнего режима³⁵ постоянно обманывали и Вас и народ, отдаляли царя от народа, последнее же время они и окружающие Вас лица своим вопиющим произволом, беззакониями, творимыми якобы с Вашего ведома, вызвали всеобщее раздражение и недовольство уже против Вас: недовольство это все более и более растет.

10) Теперь действительно необходимо ответственное министерство. Осуществить его люди с бюрократическими привычками и тенденциями не могут, ибо они не понимают самую идею необходимости твердого объединения правительства с Государственной думой и народом.

11) Жизнь действительно требует выдвинуть во главе правительства людей твердых, убежденных, сильных волей, богатых опытом и знаниями, понимающих требования времени и жизни, людей честных, действительно любящих Россию и в то же время пользующихся всеобщей симпатией и уважением. Что могут дать Протопоповы, Щегловитовы, Кульчичские, Раевы, Рейн, Риттихи и др.?³⁶

12) Вот почему необходимо сейчас же поручить составление кабинета лицу, хорошо известному Вам с деловой и с нравственной стороны, — составление кабинета, но кабинета вполне приемлемого Государственной думой.

13) Отсюда-то и вытекает необходимость образования и у нас действительно ответственного министерства.

14) Теперь ради счастья и спасенья России все сошлись на одной мысли: перенести ответственность монарха на правительство и сам народ в лице Государственной думы.

15) Неудовлетворение неотложной, самой жизнью вызванной потребности еще более понизит настроение страны, еще более увеличит смуты, волнения, недовольство, что, конечно, учет наш враг. Все это грозит потрясением всего государственного организма вплоть до династического вопроса. Все это грозит династии.

16) В такой грозный час Вы не должны испытывать терпение народа и брать исключительно на себя ответственность за судьбу родины, за судьбы монарха, наследника и Вашей семьи.

17) Если Вы пойдете навстречу требованиям времени, жизни и народа, то будете великим монархом. Такой шаг царя произведет громадное впечатление, он вызовет необычайный подъем народного духа, он усилит нашу мощь, он твердо закрепит единодушие и связь царя с народом. Что нужно: ответственное министерство.

18) Немедленное открытие Думы, Ваше теплое слово к депутатам, с указанием, что для России началась новая эра, совершился великий праздник и для царя и для народа. Что нужно: ответственное министерство.

19) Затем требуются дальнейшие шаги в смысле обещания разработки избирательного права, проведения разных реформ и т. д. Сколько явилось из этого лагеря добровольцев за границей.

20) Амнистия.

21) Семейные дела. Необходимо достичь того, чтобы вина за события не сваливалась на царя и на семью, а была бы во всем ответственна страна.

22) Настроение России. Государственная дума и Государственный совет объединились во едином требовании изменить режим.

23) Не слушаться советников.

24) Награда — победа над Германией, развитие мощи России, слава победителя и преобразователя России.

ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 20, лл. 1-4. Копия. Машинопись.

Письмо А. А. Клопова Николаю II

6 февраля 1917 года

Через 10 дней открытия Государственной думы, встреча ее с правительством и, конечно, неизбежный конфликт. Дума не потерпит в своих стенах Протопопова после всего, что он наделал. Поймите, дорогой Государь, Дума не может, не смеет и не должна с ним работать.

Или Протопопов собирается опять заболеть? Но ведь это будет лишь временная оттяжка и этим он не только себя, но и Вас поставит в невозможное положение перед всем миром. А чтобы Протопопов был здоров, должна заболеть (как сейчас) или умереть Дума. Неужели, Государь, Вы пойдете на это ради человека, которого ненавидит вся Россия за его ренегатство? Он, говорят, готов залить кровью всю страну лишь бы сохранить старый режим и властвовать. Господи, как тяжело все это переживать в то время, когда Россия должна напрячь все силы для борьбы с внешним врагом и когда весь мир смотрит на Вас (ведь у нас гостят представители союзных держав).

Говорят, каждая страна достойна своего правительства. Но, Государь, в каждой стране бывают моменты, когда она перерастает свое правительство и сбрасывает его с себя. Тогда история отмечает революцию в этом государстве. Но счастлива та страна, глава которой растет вместе с ней, и вовремя сумеет уловить момент и добровольно дать ей те законы и то правительство, до которого она доросла. Революция тогда предотвращена и история прославляет такого монарха, как великого преобразователя.

Государь, Вы переживаете такой момент, который, быть может, не повторится в истории монархов. Россия переросла свое правительство и теперь от Вас зависит, что будет написано на страницах ее истории: «Революция» или «Великие преобразования». Беседуя с Вами неделю назад, мне казалось, что сами Вы не отстали в росте от России, но беда в том, что близкие и окружающие Вас отстали чуть не на столетие... и тянут Вас назад. Я не смею больше касаться этой области, но умоляю Вас, дорогой Государь, будьте достойны Великой России в величайший, быть может, момент ее истории. Вспомните Петра, который сыном пожертвовал для России. Если Вам придется страдать как человеку, то Бог поможет монарху перенести эти страдания. Не давайте тянуть Вас назад. Боритесь. Идите вперед и ведите Россию.

Отбросьте разных Протопоповых, Щегловитовых и т. п. и возьмите настоящего человека, одно имя которого давало бы стране гарантию новой эры. И начните сами эту веру. Дайте ответственное министерство, поручив этому лицу составить кабинет. В беседе с Вами я упомянул князя Львова, который по своему уму, знанию России, энергии, инициативе, сильной воле, честности и организаторской способности — человек большой. Мне кажется, Вам неправильно обрисовали его и поэтому Вы предубеждены против него.

К моей радости мне удалось за это время собрать некоторый материал, в дополнение к тому, что я знал о нем раньше. Материал этот я прилагаю отдельной справкой. Прочтите его, дорогой Государь. Оказывается, что он десятки лет имеет непосредственную связь с деревенской Россией как помещик, ведущий сам хозяйство. Он землец, много лет состоит гласным, был председателем Тульской губернской земской управы. Был избран Московским городским головой, но бывший министр Маклаков не представил Вам его на утверждение. Затем, он убежденный монархист, который, как и я, видит единственное спасение России в единении царя с народом на началах представительного строя. Он человек не партийный. Самым лучшим доказательством этого может служить то, что он в бытность членом 1-й Государственной думы протестовал против Выборгского воззвания и отказался подписать его.

Право, Государь, пригласите его просто побеседовать хотя бы о делах союза, чтобы проверить Ваши впечатления; и если, как я уверен, Вы увидите, что этот человек действительно нужный в данный момент, который может создать солидарную работу правительства с народным представительством, то доверьтесь ему и поручите составить кабинет, ибо только осуществление Вашей мысли о совместной работе правительства с народными представителями может дать общий подъем для победы и отвести от России грозный призрак революции. Приурочьте этот акт к открытию Думы. Какой это будет праздник для всей России!

Р. S.³⁷ Сейчас узнал об интересном факте, ярко характеризующем то, как министры изоцряются в стремлении скрывать от Вас правду. На днях в заседании Особого совещания по обороне значительное большинство членов просило военного министра доложить Вам о необходимости Вашего присутствия в этом совещании, но министр, игнорируя мнение большинства, отказался доложить Вам об этом. Умоляю Вас, Ваше Величество, для пользы и ввиду особой важности этого дела присутствовать в этом совещании.

ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 15, лл. 12-13об. Копия. Машинопись.

Ваше Величество! Простите, пожалуйста, что я послал Вам вчера письмо № 36: второпях ни одним словом не обмолвился в смысле благодарности за аудиенцию, которая навсегда останется в моей памяти. Она произвела на меня самое глубокое впечатление. Вы вдохновили меня и создали такое настроение, что я говорил с Вами совершенно не стесняясь, как будто вел разговор с самым близким родным человеком. Спасибо, большое спасибо, Вам, дорогой Государь, за оказанное доверие и сердечность. Ваше отношение к моему письму, предшествовавшему аудиенции, и самая аудиенция показали мне, кроме того, что Вы сами чувствуете опасность, а это дает надежду, что Вы склоняетесь стать на путь тех мер, которые так настоятельно указываются самой жизнью. Но меня не покидает мысль о тех трудностях и сомнениях, которые Вы встретите на Вашем пути, и страшит то одиночество, в котором Вы находитесь в эту минуту. Не сердитесь на меня за откровенность. Это ужасно не иметь около себя никого, кто бы мог сказать искреннее правдивое слово, дать бескорыстный совет.

А между тем, дорогой Государь, время не ждет; надо решиться, надо предупредить, чтобы естественная народная тревога не превратилась бы в народный гнев, который сдерживается пока лишь сознанием, что во время войны в этом гневе нашли бы свою победу наши враги. Поставленные Вами у власти люди — недруги и Вам и народу. Когда я вышел из Вашего кабинета и спустился на землю, я пришел опять в ужас, озираясь вокруг, что творят эти люди. Они не предупреждают, а ускоряют катастрофу, делая ее с каждым часом все ближе и ближе. Государь, позвольте в дальнейшей моей речи излагать мысль тезисами.

1) Министры по-прежнему не только не докладывают Вам правды, но всячески препятствуют Вам узнать ее другими способами. Как иначе объяснить отказ военного министра в ходатайстве членов Особого совещания по государственной обороне, чтобы Вы присутствовали на совещании. Они отгораживают Вас от живых сил страны. Они боятся, что их поставят на очную ставку перед Вами и Вы сможете о них, в их же присутствии, узнать правду. Они этого не хотят. Они не хотят и отвечать на эту правду при свидетелях, ибо там в тиши Вашего кабинета можно многое скрыть и дать другое освещение.

2) Нынешнюю тревогу всех без исключения классов и слоев населения за будущие судьбы России они стараются изобразить Вам, как революционное движение для захвата власти и обещают подавить его своими старыми испытанными способами — арестами, высылками, полным стеснением печати, обысками и пр.

3) Своими безрассудными, бессердечными действиями, постоянными оскорблениями и непониманием народной психики они внесли небывалое доселе всеобщее раздражение против себя и Вас, Государь.

4) Добиваясь своей цели, они на своем пути устраняют все преграды. а) Ваши предначертания и повеления для них иногда — пустой звук; например: рескрипт князю Голицыну³⁸ ими понят в том смысле, что Дума должна подлаживаться к правительству и слушать его, а в случае резкой критики его действий ей угрожают роспуском. б) Ваше сочувственное отношение к деятельности общественных организаций вызвало ряд репрессий и стеснений со стороны правительства: неразрешение съездов Всероссийского, Земского и Городского союзов, Военно-промышленных комитетов и т. п. и преследование отдельных групп или лиц, принимающих участие в деятельности этих организаций³⁹. Так, 30 января было опубликовано официальное сообщение об аресте рабочей группы при Центральном Военно-промышленном комитете⁴⁰. В этом правительственном сообщении говорится: «Вместо того, чтобы посвятить свои силы делу обороны страны, группа стала обращаться в центральную организацию по подготовке и осуществлению рабочего движения в империи, поставив своей конечной целью превращение России в социал-демократическую республику».

Редкий фабричный или заводской рабочий по своим убеждениям не социал-демократ, и это не только у нас, но и во всем мире; однако это не грозит нигде созданием социал-демократической республики, даже в тех странах, где социал-демократы пользуются полной политической свободой и достигают власти. Неужели же время теперь говорить об этом у нас, опорочивать деятельность рабочих представителей, к которым так чутко относятся все рабочие. Ведь эта же группа рабочих в октябре прошлого года предотвратила забастовку фабрик и заводов; ведь она сама обратилась тогда с воззванием к рабочим, которое правительство

сочло нужным огласить в печати. Ведь этой же группой и ее влиянием все время поддерживается порядок на фабриках и заводах, работающих на оборону. С этим надо считаться. Теперь нельзя применять старые способы борьбы, которые влекут за собой только забастовки. Ведь несколько дней такой забастовки — и войну продолжать нельзя. Настроение рабочих очень повышенное. Правительство своими мерами бросило искру в пороховой погреб. Взрыв при таких условиях возможен и если при тушении его придется пролить еще кровь, то это может дать толчок началу общего пожара, началу действительной революции⁴¹. Всех примеров не перечислить, но и этих довольно...

5) Правительство испытывает терпение страны. Повторяю, — тревога охватила всех нас без исключения, тревога не только за Россию, за царя, но и за самих себя.

6) Над нынешним правительством и над старым режимом уже произнесен единодушно приговор всей Россией, и если правительство сохраняет свое существование, то это объясняется, как я уже сказал, лишь тем, что от революционных выступлений удерживает страну только война и желание достичь победы. Это прекрасно понимают нынешние министры и, чувствуя себя столь же недолговечными, как и их предшественники, мало интересуются возможными событиями по окончании войны. Какое им дело до царя и России, которым придется выпутываться из созданного ими омута!

7) Преступно со стороны правительства бросать народу вызовы, умышленно обзывая «революцией» ту тревогу и волнение, которые вполне теперь естественны: война с ее ужасами, пролитая кровь, все растущая дороговизна, предстоящий голод, слухи об измене, растерянность и немощность правительства, репрессии, Протопопов, прекращение работы Думы и т. д. Нельзя эти чувства тревоги подавлять мерами репрессии. Ведь аресты и высылки пришлось бы применить в данном случае не к десяткам, сотням или тысячам лиц, а ко всей России, ибо этой тревогой заражены уже все — от солдата до генерала и от рабочего до тайных советников включительно, значит меры эти прямо бессмысленны. Между тем сам народ, если бы он дружно работал с правительством, которому он доверяет и которое его понимает, наверное справился бы со всеми ненормальностями и тягостями переживаемого времени. Но для этого, конечно, нужно другое правительство, ответственное перед царем и народом. Разве мы не видим примеров у наших союзников, чего можно достигнуть при доверии нации к своему правительству? В опасный для государства момент они не побоялись призвать к власти даже социал-демократов и в своих расчетах они не ошиблись. А какое же впечатление увезут союзники из России, этой богатейшей страны, погибающей от своего внутреннего настроения? Как прискорбно, как стыдно нам, что они являются невольными наблюдателями всей нашей разрухи, и становится страшно, когда подумаешь, как это может отразиться на наших с ними дальнейших отношениях и на мирных переговорах.

8) Необходимо немедленно ввести новую систему правления.

9) Я понимаю причины Ваших колебаний: Вас смущает быстрота принятия этой меры, трудности найти подходящих людей, наконец, возможное и предвиденное Вами противодействие Вашего нынешнего правительства и окружающих Вас.

10) И все-таки колебаний быть не должно, так как время не ждет.

11) Самым лучшим выходом является действительная ответственность министров. Средство это бескровно и быстро устранил всякую опасность. Людей Вы найдете, — они сами обозначатся, как только страна освободится от бюрократического гнета. Теперь этот гнет чувствуется на всем прострaнстве России; он стесняет всякую самостоятельность, тормозит народное хозяйство, убивает народный дух, его творчество и рядом с этим порождает апатию, произвол и беззаконие.

12) При настоящих условиях и при нынешнем составе правительства оппозиционное настроение Государственной думы вполне естественно. Если было бы иначе, то страна, которая в оппозиционном настроении опередила Думу, утратила бы в нее веру и сама выступила бы на свою защиту. Сейчас страна и армия верят в Государственную думу и только в нее, чувствуя, что она все же, по мере своих сил, отстаивает интересы Родины. С этим надо серьезно считаться, и распустить Думу значило бы потерять и этот единственный сдерживающий страну аппарат.

13) Министры это знают и, понимая, что их совместная работа с Государственной думой невозможна, будут Вам советовать или, быть может, даже настаивать на ее роспуске, утверждая, что Дума революционирует страну. Но оборони бог послушать такого совета!

14) Наоборот, необходимо сейчас же, до открытия Думы, переменить кабинет, сделать

его ответственным перед Вами и Государственной думой, для этого, как я писал, теперь же необходимо выбрать лицо, которое за свою деятельность и нравственные качества пользуется доверием страны и ее избранных, и поручить ему составить кабинет.

15) Это сразу примирит власть с народом, успокоит все волнения и тревоги. С таким только кабинетом станет плодотворной работа Государственной думы, которая направит нашу жизнь в нормальное русло. Это благотворительно отразится на фронте, который чутко прислушивается ко всему, что творится у нас в тылу. Только при этих условиях можно достичь победы. Только эти условия могут вернуть прежнюю веру народа за царя⁴². Нельзя же допустить, чтобы разложившаяся власть, дезорганизовавшая и ослабившая наше государство в критический момент его бытия, продолжала ослаблять его, доводя страну до отчаяния, результатом чего могло бы быть пролитие крови. Довольно крови — мы от нее в ужасе. Итак, смена правительства и системы управления до созыва Государственной думы неизбежны.

Появление Ваше в Таврическом дворце при открытии Думы с новым кабинетом будет встречено Государственной думой, обществом и народом с громадным энтузиазмом. Вы перестанете быть одиноким. Да благословит Вас бог на этот путь! Не бойтесь — этот шаг не новшество. Это естественный исторический путь, которым шли почти все культурные страны, и для России настал час, когда монарху надо возвестить этот путь народу по своей воле для спасения родины, не дожидаясь, чтобы он был проведен самой страной. Вспомните мудрую французскую поговорку: *gouverner c'est prévoir*⁴³ Государь, ради бога, не сердитесь за эти слова, — я глубоко люблю Россию и Вас и желаю блага Вам и Вашей семье.

ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 15, лл. 19-22. Копия. Машинопись.

Письмо А. А. Клопова Великому князю Михаилу Александровичу

7 февраля 1917 года

Ваше Высочество! Мих[аил] Ал[ександрович]⁴⁴. Пишу в спехе под диктовку моей дочери. Дело горит, надо действовать, ибо дорога каждая минута. Поэтому извините за вид, тон и спешность редакции. Прилагаемое письмо прочтите непременно. Оно приложено в виде справки к письму Г[осударю]. Может быть, Вы увидите на днях последнего и, пожалуйста, будьте в курсе. Самое же письмо, которое мною уже отправлено, я Вам читал вчера в черняке, значит, содержание Вам известно. С содержанием же предыдущего письма (отправленного туда же 6-го февраля), к сожалению, я не успел Вас познакомить — Вы торопились. В нем я говорил и о кн. Львове. Личность его мне, безусловно, нравится и он был бы самый подходящий человек. Я боюсь, что он откажется: он побоится взять на себя такую ответственность. Вообще в переживаемый момент мне очень бы хотелось с Вами поговорить, но не спеша. Я мало, оч[ень] мало верю в свою миссию, но употребляю все усилия, не жалея живота, чтобы быть полезным⁴⁵. Не наше дело рассуждать, что от этого будет, когда идет дело о спасении Родины. Поэтому, пожалуйста, если можно, устройте свидание без спеху, а главное, не упускайте случая влиять на кого следует. Мне хотелось бы послать Вам копии последних двух писем, но я не имею возможности: нет рабочей силы, а моя барышня захворала.

Искренне и глубоко Вас уважающий А. К. 7/II.1917 г.

Петербург, Ставропольская ул. № 1/18.

ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 3, лл. 2-2об. Подлинник. Рукопись.

Характеристика князя Г. Е. Львова, посланная А. А. Клоповым Николаю II

Кн. Г. Е. Львов никогда не был узко партийным политическим деятелем. Широка и терпимость в вопросах политики, твердость и трезвость взглядов, способность сообразовать действия с реальными силами и требованиями жизни составляют отличительные черты его характера. Кн. Львов в 1906 году был избран от Тульской губернии членом 1-ой Государственной думы, где состоял в рядах кадетской партии. В состав ответственных ее руководителей никогда не входил. При роспуске Государственной думы принадлежал к числу тех, которые возражали против Выборгского воззвания, и отказался его подписать. Это послужило поводом к расхождению его с партией, в деятельности которой он с тех пор никакого участия

не принимает. Кн. Львов является убежденным монархистом, стоящим за представительный строй, на основах которого в прочном искреннем единении монарха с народом видит единственный залог для выхода из настоящего тяжелого положения России и дальнейшего ее преуспеяния. Эти взгляды, вместе с глубокой верой в духовную мощь русского народа, находят себе отражение во всех его выступлениях по политическим вопросам.

Родился в 1861 г., окончил Московский университет, помещик Тульской губернии. Сам ведет хозяйство, всю жизнь не прерывал непосредственной связи с деревней, прекрасно, глубоко знает все условия русской жизни, быт и душу русского крестьянина. Служил земским начальником и непременным членом присутствия по крестьянским делам; 17 лет работал в качестве гласного в Тульском земстве, где в 1903 году избран был председателем Тульской губернской земской управы. Работа в земстве была прервана, когда в 1906 году в период резкой политической борьбы по всей России в земствах реакционные течения взяли верх над прогрессивными. Так было в то время со многими выдающимися земскими деятелями. Теперь состоит гласным Московского губернского земского собрания по избранию Московской городской думы. В 1913 году был избран кандидатом на должность Московского городского головы, но министром внутренних дел Маклаковым не был представлен на Ваше утверждение. Участвовал в принятой Вашим Величеством 6-го июня 1905 г. исторической земской депутации во главе с кн. С. Н. Трубецким.

Широкую известность кн. Львову в России доставила его выдающаяся работа как руководителя объединенной деятельности русских земств. Начало последней было положено в 1904 году, когда во время русско-японской войны возникла Общеземская организация помощи раненым воинам. Кн. Львов был избран ее Главноуполномоченным и в течение всей кампании работал на фронте в качестве главного организатора и руководителя земских санитарных учреждений. С окончанием войны Общеземская организация не прекратила своей деятельности и направила свои силы на удовлетворение вновь возникающих народных нужд — на помощь пострадавшим от неурожаев, помощь переселенцам и погорельцам. Во главе организации оставался кн. Львов.

Устранившись после роспуска 1-й Государственной думы от всякой политической деятельности, он посвятил себя изучению продовольственного и переселенческого вопроса. С этой целью он лично обследовал переселенческое дело в Амурском крае, а затем предпринял путешествие в Канаду, где изучал постановку дела английской колонизации края, а также ознакомился с бытом русских выселенцев в Канаде. Поразившие значительные области России неурожаем в 1906, 1907, 1910 и 1911 годах потребовали оказания широкой продовольственной помощи населению. К этому была привлечена Общеземская организация. Эта ее работа была проведена под непосредственным руководством кн. Львова. В качестве знатока этого дела в 1907 г. он был также привлечен бывшим Председателем Совета министров Столыпиным к работам Центрального продовольственного комитета.

При образовании в начале настоящей войны Всероссийского земского союза кн. Львов был единодушно выбран его Главноуполномоченным. Исключительные способности кн. Львова как организатора общественного дела и выдающегося практического деятеля, умение объединить и воодушевить людей, неутолимая энергия и работоспособность в связи с никогда не ослабевающей верой в русского человека и Россию проявились с необычайной силой и яркостью. Широка размахом деятельность Земского союза и способность ответить многообразным нуждам фронта и тыла обязаны в значительной мере таланту и умению его руководителя.

Работа кн. Львова третий год проходит на глазах всей России. Общество не могло не признать в нем одного из самых выдающихся деятелей, которых выдвинула Россия в переживаемую нами грозную годину. Авторитет кн. Львова как руководителя Союза в земской России стоит очень высоко, подтверждением чего могут служить многочисленные выражения доверия, проявленные к нему как со стороны отдельных земских собраний, так и Собрания уполномоченных губернских земств, которым земства вверили высшее направление деятельности Земского союза. Этот авторитет продолжает расти и крепнуть и его не могут отрицать даже политические противники кн. Львова. Деятельность Земского союза хорошо известна Вашему Величеству, она заслужила признание не только страны, но и армии и составит одну из блестящих страниц истории России за настоящую мировую войну; вместе с нею перейдет в историю и имя кн. Львова⁴⁶.

ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 17, лл. 1-2 об. Копия. Машинопись.

Ваше Императорское Величество! Не сердитесь, что опять пишу. Завтра миллионы русских людей, наши союзники, весь свет будут смотреть на Таврический дворец со страхом, с великими упованиями и надеждами на Вас, Государь. Если Вы останетесь по-прежнему один, с кучкой ненавистных министров, то в такую минуту я как человек, любящий свою Родину и Вас, не могу еще раз не предостеречь, что на Вас падет вся ответственность за будущее России.

Государь, взвесьте все это, отнесите к Думе не как к врагу, а как к доброму дорогому союзнику. Ведь Дума не разрушает монархизм, а возвеличивает его и Родину, так как она стоит за закон и порядок, вместо безответственности и хаоса, так как цель Думы — полная победа над врагом. Вся Россия высказала единодушное желание о необходимости обновленной сильной власти, способной объединить страну и идти вместе со страной. Все надеялись, что Дума откроется уже при наличии правительства, но этого, к несчастью, не случилось, и Государственная дума завтра вновь встретится с правительством, враждебным ей и стране.

Государственная дума олицетворяет Россию во всем ее многообразии, во всей ее шире, со всеми ее достоинствами и недостатками. Только путем единения с Государственной думой Вы войдете в единение со всей Россией, Вы станете действительным ее вождем и тогда обеспечена победа и будущее России и Вашей династии. Не надо неприязни и злобы к Думе, недостатки Думы надо прощать. Даже эксцессы ее являются признаком здоровья, признаком роста ее. В ее оппозиции надо видеть оппозицию Его Величества, а не оппозицию Его Величеству. И оппозиция и эксцессы разъясняют и освещают затрагиваемые вопросы.

Дорогой Государь, послушайте Вашего сердца и без советников по внутреннему побуждению, по божьему, раскройте Ваше сердце для России, которую, повторяю, олицетворяет Государственная дума. Идите с Думой, а не против нее. Идите в Думу и объявите, что Вы с ней и в знак доверия к стране даете ей то правительство, которому она верит, которое будет ответственно перед царем и народом. Это будет слияние Ваше с народом. Кому поручить составить такое правительство? Сделайте выбор лица, которому верила бы вся Россия и которое не выдаст ни Россию, ни ее Монарха. Государь, перекреститесь. Вспомните, что сегодня Прощеный день. В этот день, когда великий учитель и мученик за наши грехи шел на крестные страдания, в этот день в старину вся Русь браталась и каждый из нас прощал друг другу свои грехи.

Петроград, 13 февраля 1917 г.
ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 15, лл. 24—25. Копия. Машинопись.

Примечания

1. ДЯКИН В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917). Л. 1967, с. 245.
2. Там же, с. 265.
3. Кризис самодержавия в России, 1895—1917. Л. 1984, с. 616—617, 640.
4. Там же, с. 172, 178—179, 191—204.
5. Там же, с. 616—617.
6. Заголовок автора: «Копия письма Государыне Александре Федоровне, посланного Ксении Александровне с дороги». На полях помета простым карандашом: «Не отправлено». Далее синим карандашом: «Было послано ВК К. А.»
7. Обращение к императрице было связано с неудачей получить аудиенцию у Николая II, которую старались организовать генерал М. В. Алексеев и великий князь Николай Михайлович для Клопова во второй половине октября 1916 года.
8. Данный проект рескрипта о назначении нового Председателя Совета министров для представления списка ответственного министерства составлен, по мнению В. С. Дякина, в связи с запиской Клопова о необходимости подобной меры, относящейся ко второй половине октября 1916 г. (текст ее см.: ЦГИА СССР, ф. 1099, оп. 1, д. 14, лл. 45—48). 26 октября на ней оставил свои пометы великий князь Николай Михайлович (1859—1919 гг.). Последний отличался от большинства представителей царской фамилии: он был историк, издавал альбомы «Русские портреты», знал шесть иностранных язы-

ков, много времени проводил за границей, избегал заниматься государственными делами. Был сторонником превращения России в конституционную монархию. В кругах буржуазных либералов имел прозвище «Филипп Эгалитэ», как и герцог Орлеанский, принимавший активное участие во Французской революции 1789 года. В июле 1916 г. Николай Михайлович написал Николаю II письмо с призывом к проведению реформ, а в ноябре 1916 г. — записку по тем же вопросам, которую согласовал с многими другими представителями царской фамилии. За это и за несдержанные «клубные разговоры» был сослан в Тифлис. Вероятно, и там он продолжал свою оппозиционную деятельность, поскольку в то время в Тифлисе развернула свою работу заговорщическая группа Г. Е. Львова и А. И. Хатисова. Николай Михайлович стал вторым (после И. С. Тургенева) русским членом закрытого французского общества «Биксио» (названного так в честь двух итальянских братьев-карбонариев) из 16 человек, являвшегося разновидностью масонской ложи. Николай Михайлович отказался эмигрировать после 1917 г. и был расстрелян во дворе Петропавловской крепости во время красного террора второй половины 1918 — начала 1919 г. вместе с другими, находившимися в Петрограде членами царской фамилии.

9. Сверху письма черными чернилами написано: «Ради бога, простите за смелость этого приложения и за его грязный вид. Я эту работу не могу доверить никому. Пишу ночью и в волнении. Я излагаю мысли, которые должны послужить, мне кажется, основанием этого рескрипта тому лицу, на которое Вы захотите возложить составление обновленного кабинета. Решаюсь сделать такой смелый шаг, говорю по совести, так как чувствую ту душевную травму, в которой Вы находитесь перед лицом переживаемых нами событий, и я хочу немножко облегчить Ваше одиночество. Надеюсь, Вы не сомневаетесь в искренности моих побуждений».
10. Далее сделана вставка черными чернилами в конце письма: «Слово армии я упоминаю на том основании, что лицо, избираемое Вами для обновления правительства, должно быть, мне кажется, известно не только стране, но и армии».
11. Слова «и для сокращения времени» и «предварительно» вписаны сверху простым карандашом.
12. Слова «на глас народа, как» и «России» вписаны сверху простым карандашом.
13. Слово «Вами» вписано сверху простым карандашом.
14. Постскриптум написан простым карандашом.
15. В этом письме, как и в других, легко можно различить «посторонние влияния», касающиеся конкретных предложений реформ, и личные черты, связанные, видимо, с особенностями характера самого Клопова. Так, обращения к царю с надеждой, что их беседа успокоит последнего «как монарха и человека», напоминают обращения к Александре Федоровне — «как царице и как матери»; повторяется также во многих письмах и мотив о возникновении мгновенной духовной близости; связи, нити, которые могут возникнуть из общения царя со старым, простым, «маленьким человеком».
16. Над обращением помета простым карандашом о том, что письмо отправлено 22 января.
17. Слева на полях помета о том, что письмо возвращено великим князем 9 февраля 1917 года.
18. Письма Клопова великому князю Михаилу Александровичу отличаются трезвостью и деловым содержанием, это переписка единомышленников, «на равных». Сравнение стиля писем к великому князю с письмами царю показывает, что риторика последних, хотя и кажется искренней, была все же нарочитой, являлась политическим приемом, рассчитанным на то, чтобы Николай II согласился на меры, рекомендуемые Клоповым.
19. Клопов имеет в виду посещение Председателем Совета объединенного дворянства А. Д. Самариным Николая II 10 января 1917 г. и высказанные во время аудиенции просьбы об отставке министра внутренних дел А. Д. Протопопова и скорейшем созыве Думы. Эти требования в последующие дни были поддержаны резолюциями ряда губернских дворянских собраний.
20. Далее зачеркнуто: «Мало того, страна знает, что около Вас имеется еще худшая кучка людей равнодушных и холодных и, может быть, своекорыстных, стремящихся разыграть войну в «ничью», мировая и содействующая стремлениям нашего врага. Страна ненавидит эту партию».

Тезис о наличии «немецкой партии», группирующейся около императрицы, имеет происхождение от выступления на эту тему лидера кадетской партии П. Н. Милюкова при открытии осенней сессии IV Государственной думы 1 ноября 1916 года. Милюков тогда воспользовался собранными им во время заграничной поездки высказываниями немецких и швейцарских газет, восторженно встретивших назначение на пост главы правительства Б. В. Штюмера как знак победы «немецкой партии» (Штюмер происходил из семьи обрусевших немцев). На этой основе кадетская пресса пустила в ход версию о подготовке сепаратного мира придворной «немецкой партией». Данная версия была некритически воспринята в 20—30-е годы для создания концепции «двух заговоров», в частности «заговора царизма», с целью заключения мира и предотвращения тем самым революции. Пока еще не найдены

- убедительные доказательства того, что Николай II выступал за сепаратный мир. Однако вопрос в целом требует дальнейших тщательных исследований. Об успехе кадетской пропаганды свидетельствует и то, что Клопов говорит уже о «немецкой партии» не около царницы, а прямо около самого царя. Впрочем, симптоматично и то, что Клопов все же не решился включить места о «немецкой партии» в текст своего послания царю.
21. Далее зачеркнуто: «а рядом с этим действует властно эта партия, одно существование которой около Вас теперь, даже спустя два с половиной года после начала войны, уже говорит народу больше, чем все Ваши рескрипты?»
  22. Приписывание царю и династии намеренного стремления к военному поражению России — еще один прием дискредитации власти и подрыва доверия к царю, который использовала в то время в своей работе в массах кадетская пропаганда.
  23. Данная вставка сделана на полях чернилами.
  24. Далее вставка, написанная черными чернилами.
  25. В левом верхнем углу первой страницы имеется новая дата карандашом: «23.I.1917». На основании этой записи нами датируется документ.
  26. Н. Е. Марков-2-й — черносотенец, депутат IV Государственной думы. Активный враг находившегося под кадетским влиянием Прогрессивного блока, объединившего большинство — шесть фракций Думы — в оппозицию правительству и самодержавию. Вместе с Г. Г. Замысловским издавал газету «Земщина», разоблачавшую в январе—феврале 1917 г. план «наших Юань-шикаев», А. И. Гучкова и других участников планировавшегося военного переворота. А. И. Дубровин — инициатор создания черносотенного Союза русского народа, массовой монархической организации, выступавшей против превращения России в буржуазную монархию. Издавал газету «Русское знамя».
  27. Д. Л. Рубинштейн — банкир, строивший свое обогащение на связях с темными личностями из царского окружения — Распутиным и др. В конце 1916 г. был обвинен в шпионаже, измене и арестован.
  28. Имеется в виду назначение последнего царского правительства во главе с князем Н. Д. Голицыным, а также объявление с 1 января новых членов Государственного совета по назначению (одна треть его ежегодно назначалась царем и могла быть как угодно изменена персонально) во главе с новым его председателем И. Г. Щегловитовым, бывшим министром юстиции, заслужившим в народе кличку «Ванька Каин».
  29. После перерыва в работе Государственной думы с 17 декабря 1916 г. она должна была вновь приступить к работе 14 февраля 1917 года.
  30. Так в тексте.
  31. Государственная дума как учреждение берет начало от царского манифеста 6 августа 1905 года. Но в нем ее права трактовались только как законосовещательные, а круг избирателей был крайне узким. Манифест 17 октября 1905 г. дал Государственной думе права законодательного учреждения и обещал расширить круг избирателей. Однако избирательный закон, опубликованный в начале декабря 1905 г., игнорировал такое требование народных масс, как всеобщее избирательное право. 3 июня 1907 г. представительство в Думе трудовых классов населения было еще более урезано. Защита Государственной думы Клоповым показывает его связь (быть может, через посредников) с кадетами и лидерами буржуазной оппозиции.
  32. Галиция — видимо, имеется в виду разгром там русской армии весной 1915 года. В какой связи упомянут Архангельск, установить не удалось.
  33. Имеется в виду приезд Николая II на открытие весенней сессии Государственной думы 9 февраля 1916 г. по настоянию вновь назначенного Председателя Совета министров Б. В. Штюрмера. Царю был оказан торжественный прием, отслужен молебен. По отзыву Родзянко, Николай II был доволен посещением Таврического дворца. Депутаты ожидали, что последует объявление ответственного министерства. Царь обещал «подумать», но так ничего и не предпринял в этом направлении.
  34. За два с половиной года войны царь (чаще всего под нажимом буржуазной общественности) сменил четырех председателей Совета министров и свыше 30 министров.
  35. Клопов употребляет выражение «прежний режим» «старый режим» в том смысле, что этот режим себя изжил, что царь примет его предложения немедленно, а порядок назначения министров и взаимоотношения между правительством и Государственной думой будут тотчас изменены.
  36. Протопопов А. Д. — помещик Симбирской губернии, владелец суконной фабрики, левый октябрист. В 1916 г. стал товарищем председателя Государственной думы, являлся главой заграничной делегации Думы летом 1916 года. 18 сентября 1916 г. он неожиданно для всех был назначен управляющим Министерством внутренних дел. Это вызвало растерянность в кругах буржуазной оппозиции. Но вскоре выяснилось, что Протопопов обязан своему назначению не тем, что он октябрист и депутат Думы, а

близким знакомством с Распутиным, которое началось еще до войны. Протопопов (будучи крайне неуравновешенным и психически не вполне нормальным человеком), оказавшись в правительственном лагере, «полюбил» царя и царицу и ревностно начал бороться с бывшими друзьями, буржуазными либералами, рабочим и революционным движением. Своими репрессиями он превзошел своих предшественников в МВД. «Протопоповщина» усилила недовольство различных слоев общества правительством и способствовала обострению революционной ситуации перед Февральской революцией. О И. Г. Щегловитове см. прим. 28. Н. К. Кульчицкий — министр просвещения в последнем царском правительстве, распутинский ставленник. Н. П. Раев — с августа 1916 г. обер-прокурор Синода, распутинский ставленник, Г. Е. Рейн и А. А. Риттих — министры последнего царского правительства.

37. Далее текст написан черными чернилами.
38. Имеется в виду рескрипт Николая II на имя князя Н. Д. Голицына — заместителя императрицы по комитету помощи военнопленным — о назначении его председателем Совета министров, в котором говорилось о солидарной работе правительства и Думы. Однако первым шагом нового правительства стало решение 3 января 1917 г. перенести начало возобновления работы Думы с 12 января на 14 февраля 1917 года. 6 января был опубликован рескрипт Николая II на имя Голицына, где говорилось о «благожелательном и достойном отношении» к Государственной думе.
39. Отказ разрешить всероссийские земский и городской съезды имел место в начале декабря 1916 года. Упоминание об этом — еще одно доказательство связей Клопова в тот момент с лидерами буржуазной оппозиции.
40. Рабочая группа создана в начале 1916 г. из меньшевиков-оборонцев во главе с рабочим завода Эриксона К. Гвоздевым. В ее состав был внедрен провокатор В. М. Абросимов. Именно он произносил самые «революционные речи» на заседаниях группы. Нарастание революционного кризиса зимой 1916—1917 г. заставило и гвоздевцев начать политическую агитацию среди рабочих. В середине декабря 1916 г. они выдвинули лозунг замены царского правительства «Временным правительством». В январе 1917 г. Протопопов начал кампанию полицейских репрессий против Рабочей группы, а 27 января, воспользовавшись изданием ее воззвания о поддержке Государственной думы, приказал арестовать ее членов.
41. Заступничество за Рабочую группу и содержание данного места письма Клопова заставляет предположить среди информировавших его лиц и руководителей Центрального военно-промышленного комитета А. И. Гучкова и А. И. Коновалова, скорее всего через посредников.
42. Так в тексте.
43. Управлять — значит предвидеть (*фр.*).
44. «Мих. Ал.» написано красным карандашом под титулом, а на полях синим карандашом — о том, что письмо возвращено великим князем 9 февраля.
45. Слова о «миссии», о том, что он употребит все усилия, чтобы «быть полезным», адресованные великому князю Михаилу Александровичу, свидетельствуют о запланированности и согласованности акций Клопова и включения их в общий план наступления буржуазной оппозиции на Николая II.
46. Биографию князя Г. Е. Львова (1859—1925 гг.) Клопов получил от кого-то. В курсе дела был и великий князь Михаил Александрович. Ее составляли, очевидно, друзья и помощники Львова (одним из них был московский профессор Т. Полнер, издавший позднее в эмиграции книгу «Жизненный путь князя Львова»). Данный вариант специально составлялся для царя, ибо содержал прямые обращения к нему. Трудно найти другой такой пример лицемерия руководящей группы буржуазных либералов: заведомого врага Николая II изображали его лучшим другом. Действительно, Львов не подписал Выборгского воззвания. Но в Выборг как член кадетской фракции Думы он поехал, присутствовал на всех заседаниях. А отказывался подписать воззвание не из-за несогласия с его содержанием, а отговорившись «болезнью». Из партии кадетов Львов не выходил, хотя и активно не работал в ней. Милюков называл его «сомнительным кадетом». Тем не менее Львов никогда не прекращал оппозиционной деятельности. Особенно она усилилась в годы первой мировой войны. Его речи на земских и городских съездах (их писал ему Полнер) отличались критическим отношением к правительству. В 1916 г. лидеры оппозиции (в том числе и ее радикального крыла) наметили кандидатуру Львова на пост председателя ответственного министерства. Охранка давно уже числила Львова заговорщиком и давала соответствующие сведения «наверх». Так что Николай II действительно имел о нем собственную информацию, хотя он и помнил о внешне лояльных ходатайствах за Львова как кандидата в премьеры ответственного министерства. В момент отречения 2 марта 1917 г. он без колебания подписал указ о назначении Львова председателем Совета министров.

«Свободу депутатам!»

А. И. Лейберов

5 ноября 1914 г. царские власти арестовали членов большевистской фракции IV Государственной думы. Волна возмущения тем, что нарушены права думских депутатов, прокатилась по стране. Выступления протеста прошли в Москве, Харькове, Екатеринославе, Владимире, Костроме, Рязани и других городах. Выпускались листовки с осуждением этой акции. Столичные рабочие и студенты дали свой ответ властям. Объединенный комитет (ОК) социал-демократических фракций высших учебных заведений Петрограда 8 и 10 ноября обсудил на своих заседаниях план действий по организации протеста и текст воззвания к студенчеству. В воззвании содержался призыв присоединиться к организованной Петербургским комитетом (ПК) РСДРП однодневной забастовке и митингам протеста 12 ноября. Кроме того, социал-демократическая фракция Политехнического института выпустила прокламацию: арест думской фракции приравнивался в ней к государственному перевороту, целью которого являлось уничтожение представительского строя¹. Рукописные призывы к акциям протеста появились и в других высших учебных заведениях города.

12 ноября в вузах Петрограда распространялись прокламации ОК и социал-демократической фракции Политехнического института. В университете, Политехническом, Технологическом, Психоневрологическом институтах и на Высших женских курсах состоялись публичные выступления. В университете они сопровождались столкновениями со студентами-«академистами» (членами монархической Академической корпорации). В здании университета была введена полиция, которая произвела аресты и переписала 197 участников демонстрации².

В феврале 1915 г. в Петрограде поднялась вторая волна массовых протестов по поводу суда над членами думской фракции большевиков. В первых числах февраля, как по сигналу, монархическая и буржуазная печать начала новую кампанию, направленную против думской фракции большевиков, требуя, как писала черносотенная газета, «самого сурового, беспощадного приговора для главарей обнаруженного заговора»³.

Определенное чувство удовлетворения по поводу ареста и предстоящего суда над большевистскими депутатами испытывали и члены мелкобуржуазных партий. Об этом, в частности, свидетельствует письмо от 14 ноября 1914 г. бывшего секретаря Организационного комитета Петербургской меньшевистской организации К. И. Цедербаум, направленное из пермской ссылки в Одессу Я. Н. Цедербауму: «История с беками-депутатами (то есть большевиками. — А. Л.) настолько возмутительна и непонятна, что до сих пор не могу прийти в себя... Надо было иметь две головы, чтобы высказаться против войны, когда эта война

Лейберов Андрей Игоревич — кандидат исторических наук, доцент Ленинградского сельскохозяйственного института.

ведется не более, не менее, как в защиту России от дикого неистовства немцев... Я доволен хотя тем, что беков не смешивают с социал-демократами (то есть меньшевиками. — А. Л.) — и то хлеб. А то из-за их глупости пришлось бы и мекам отвечать»⁴.

Чтобы предупредить выступления протеста со стороны пролетариата и демократических слоев населения, военно-полицейские власти прибегли к карательным мерам: в конце января — начале февраля 1915 г. состоялись массовые аресты большевистских активистов в Петрограде, Москве, Харькове, Екатеринославе, Иваново-Вознесенске, Костроме. Судя по тому, что аресты были проведены одновременно и именно в тех промышленных центрах, от которых большевистские депутаты баллотировались в октябре — ноябре 1912 г. в IV Государственную думу, Департамент полиции имел на этот случай единый, заранее разработанный план.

В Петрограде в дни судебного процесса были приняты чрезвычайные меры по охране здания Окружного суда на Литейном проспекте, а также крупных предприятий⁵. Усиленные наряды полиции несли патрульную службу около главного корпуса Петроградского университета. Такие же меры применялись и в Москве.

Только большевики выступили с открытой поддержкой позиции своей фракции в Государственной думе. ПК и ОК к 10 февраля 1915 г. выпустили четыре листовки. В них пролетарии, солдаты и студенты призывались к революционным выступлениям солидарности с думской фракцией большевиков. «Товарищи рабочие! — говорилось в одной из них, — ... Докажем, что в грозный час, когда призрак каторги висит над головами наших депутатов, мы с ними. Пусть перед судом предстанут не пять депутатов, а весь рабочий класс, громко заявляющий о своей солидарности с подсудимыми и готовности бороться за своих представителей и за идеалы, начертанные на нашем красном знамени»⁶.

Университетская организация большевиков в листовке, выпущенной в начале марта, писала: «Ожидая протеста рабочих против политики самодержавия в целом и против ареста с.-д. депутатов, правительственные агенты в печатных листках угрожали рабочим карами вплоть до расстрела, называя рабочую стачку «изменой отечеству»... Социал-демократы никогда не забывали, что они противники войны... Мы (большевики. — А. Л.) всегда говорили, что война — дитя капитализма, империалистической и колониальной политики буржуазии. И если вы, — говорим мы пролетариату, — хотите быть могильщиками капитализма, станьте и могильщиками войны»⁷.

Листовки солидарности с думской фракцией были выпущены большевистскими организациями Москвы, Харькова, Самары, Сормова, Тулы, Орехово-Зуева и других промышленных центров. Большевистская партия призывала соединять выступления рабочих в поддержку ее думской фракции непосредственно с лозунгами борьбы против войны и самодержавия.

Демократическое студенчество Петрограда под руководством ОК сумело организовать 10—13 февраля общестуденческое политическое выступление, которое было проведено одновременно в крупнейших учебных заведениях города: университете, Политехническом, Психоневрологическом, Горном, Технологическом и Женском медицинском институтах, на Высших женских и Сельскохозяйственных курсах. В выступлениях принимало участие не менее 6 тыс. человек⁸. На сходках была распространена выпущенная ОК прокламация с призывом поддержать протест рабочего класса и принята общая резолюция, в которой говорилось: «В сегодняшний день суда над депутатами правительства Николая II-го прибавляет новое звено в длинной цепи своих преступлений. Общестуденческая сходка, собравшаяся 10-го февраля, горячо протестует против варварской расправы над представителями пролетариата и с лозунгами: «Свободу депутатам!», «Долой романовскую монархию!» присоединяет свой протест в форме однодневной забастовки и демонстрации к голосу пролетариата».

Большевистские агитаторы призывали студентов идти на демонстрацию к зданию Окружного суда. Обеспокоенные размахом выступлений власти вынуждены были усилить охрану этого здания⁹. Ужесточились санкции, применяемые властями к студенчеству. По первому же сигналу администрации высших учебных заведений о готовящихся выступлениях в учебные корпусы вводились наряды полиции. Однако жесткие меры не помешали социал-демократической фракции университета организовать 14 февраля сходку и демонстрацию протеста, в которой приняло участие около 400 студентов. Демонстрация сопровождалась пением революционных песен, произошло столкновение со студентами-«академистами», пытавшимися устроить контрдемонстрацию¹⁰.

Действия властей повлекли за собой также стачки и демонстрации протеста столичного пролетариата. Он был поддержан рабочими в других промышленных центрах страны. Судебный процесс над думской фракцией большевиков и грубое нарушение царскими властями парламентской неприкосновенности рабочих депутатов были осуждены и международным пролетариатом¹¹.

Царским судом депутаты-большевики были приговорены к ссылке в Сибирь на поселение. В феврале — марте 1915 г. питерские большевики послали В. И. Ленину в Швейцарию подробную информацию о судебном процессе. На основе этих материалов он написал статью «Что доказал суд над РСДР фракцией?». На примере деятельности думской фракции большевиков он показал, как должна вести себя в условиях империалистической войны подлинно революционная, интернациональная рабочая партия¹².

Путь осужденных к месту ссылки длился месяц. Меньшевик Б. И. Аронов, прошедший несколько дней на этапе вместе с депутатами-большевиками, писал в июне 1915 г. об их настроении председателю думской фракции меньшевиков Н. С. Чхеидзе: «Самочувствие... олимпийское. Все остаются верны занятой позиции (№ 33), ожидают светлых дней»¹³. Депутаты-большевики продолжили революционную деятельность и в ссылке.

Неожиданностью для директора Департамента полиции явилась секретная записка начальника Петроградского охранного отделения от 6 июля 1915 года. В ней сообщалось: «Несколько дней тому назад от бывшего члена Государственной думы Петровского из места его заключения, на имя одного из рабочих гор. Петрограда, было получено письмо с приложением его собственной рукописи, представляющей собой наставления для постановки партийной работы, озаглавленное: «Общая постановка организации»¹⁴.

Инструкция состояла из пяти разделов, касавшихся: общей постановки партийной организации в городском, районном и заводском (кружок) масштабе; хранения адресов; устройства маевок; организации собраний на нелегальных квартирах; налаживания подпольных типографий («техники») и выпуска листовок. При организации подпольной техники инструкция рекомендовала: «Самый главный вопрос в организации — это вопрос о технике... И поэтому обращение с техникой должно быть самое конспиративное... Держать технику нужно в таком месте, где ее при обыске трудно было бы найти, причем шрифт нужно держать отдельно от наборного текста, а рукопись не мешает совсем держать в другом месте... Переносить технику с одного места на другое нужно хорошо запакованную, чтобы форма кассы или шрифта не выделялась... Работать нужно днем, потому что ночью будет слишком слышен стук. А чтобы стук был по возможности меньше, нужно технику устанавливать на войлоке, что заглушает звук».

Анализ деятельности столичной партийной организации с августа 1915 по февраль 1917 г. показывает, что питерские большевики приняли во внимание советы своего депутата. Практические наставления Петровского были размножены и распространены в июле 1915 г. среди руководящих работников столичной парторганизации¹⁵.

В середине июля 1915 г. за несколько дней до открытия очередной сессии Государственной думы депутаты-большевики из сибирской ссылки направили телеграмму председателю Думы М. В. Родзянко, лидерам фракций меньшевиков и трудовиков Н. С. Чхеидзе и А. Ф. Керенскому. В ней говорилось: «Считаем долгом перед страной и перед избирателями заявить, что лишение нас, членов Государственной думы, свободы будет лишением сотен тысяч наших избирателей, рабочих, права подать свой голос в решительный момент истории народов России. Как до суда, так и после него мы остаемся избранниками рабочего класса»¹⁶.

Петроградская организация большевиков с конца июля развернула на предприятиях города агитационно-политическую кампанию в поддержку большевистской фракции. На заводах Выборгского, Нарвского, Василеостровского и Петроградского районов рабочие выносили резолюции протеста с требованием освободить депутатов-большевиков. Эта кампания совпала с массовыми забастовочными выступлениями питерского пролетариата в августе — начале сентября 1915 г. в связи с расстрелом властями иваново-вознесенских рабочих 10 августа и поэтому приняла широкий и политически острый характер.

Поддерживали думскую фракцию большевиков также московские и екатеринославские пролетарии. 2 августа 1915 г. собрание представителей московских предприятий приняло резолюцию, в которой говорилось: «Теперь, когда русский рабочий жестоко страдает под тяжестью современной буржуазной войны,.. рабочий класс в особенности нуждается в том, чтобы его представители вновь были в Государственной думе и с думской кафедры высту-

пили в защиту интересов рабочего класса... Мы обращаемся ко всем русским рабочим с призывом требовать немедленного возвращения рабочих депутатов в Госуд. думу»¹⁷. Резолюция получила широкое распространение среди рабочих Москвы.

4 сентября екатеринославский большевик А. И. Серик писал Г. И. Петровскому в с. Яланское Енисейской губ.: «Аресты (в Екатеринославе. — А. Л.) процветают, кругом нашего брата-пролетариев уничтожают... Жить уж больше не хочется, но я все-таки мужаюсь и тебе не советую падать духом... Привет всем вам от всех рабочих»¹⁸. Вместе с письмом Петровскому были пересланы деньги, собранные Сериком среди екатеринославских пролетариев. Рабочие просили Петровского принять эти деньги для «подкрепления своего здоровья, для блага нас, рабочих». Активную моральную и материальную поддержку думской фракции большевиков оказывали рабочие и других промышленных центров России.

Думская фракция большевиков, невзирая на арест и ссылку, не только сохраняла свои связи с российским (прежде всего, с петроградским) рабочим движением, но даже в какой-то мере влияла на него. Начальник столичной охранки в августе 1915 г. сообщал в Департамент полиции: «Осужденные социал-демократические депутаты-большевики даже из места ссылки напрягают все усилия для воссоздания прочной большевистской подпольной организации»¹⁹. Настроения членов думской фракции выразил Петровский в письме от 4 декабря 1915 г., отвечая группе рабочих Енисейска: «Рабочие нас не забывают... Мы чутко прислушиваемся к всплескам далекого нам родного моря... Только брэнное тело здесь, а думы там... Там, где кровь льется, где жертвы приносятся. Пока будем прислушиваться. А от нас вам и всем живущим с вами товарищам лучший привет»²⁰. Связь с рабочим движением давала ссыльным депутатам уверенность в конечном успехе дела революции.

Примечания

1. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 1405, оп. 530, д. 883, лл. 70—70 об.; Ленинградский государственный исторический архив (ЛГИА), ф. 569, оп. 17, 1914 г., д. 188, лл. 4—4 об.; Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1914 г., д. 61, ч. 10, т. 5, лит. А; ч. 2, л. 165 об.
2. ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1914 г., д. 61, ч. 10, т. 5, лит. А; ч. 2, лл. 167—168.
3. Свет, 11. II. 1915.
4. ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1914 г., д. 5, ч. 51, лит. Б, лл. 82—83.
5. Там же, ч. 57, лл. 20—21, 36—42 об.; ч. 88, лит. Б, лл. 4, 64, 113 об.; ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 470, лл. 10—13; Летопись революции, 1923, № 2, с. 128—129; ДАЖИНА И. М. Несломленные. М. 1986, с. 88.
6. Листовки петербургских большевиков, 1902—1917. Т. 2. Л. 1939, с. 135—140.
7. ЦГАОР СССР, ф. 1741, Коллекция нелегальных изданий, № 16166.
8. Подсчитано по: ЦГАОР СССР, ф. ДП, 4-е д-во, 1915 г., д. 108, ч. 61, лит. А, лл. 2—3; ф. 111, оп. 5, 1916 г., д. 644, лл. 37—38; ЦГИА СССР, ф. 733, оп. 201, д. 509, лл. 2—2 об., 6, 8, 9, 10—10 об.; ЛГИА, ф. 569, оп. 17, 1915 г., д. 188, л. 23.
9. ЦГАОР СССР, ф. 111, оп. 5, 1916 г., д. 644, л. 41; ф. ДП, 00, 1915 г., д. 341, т. 1, л. 13 об.
10. ЛГИА, ф. 569, оп. 17, 1915 г., д. 188, л. 12.
11. ДАЖИНА И. М. Ук. соч., с. 87—89.
12. См. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 26, с. 168—176.
13. Речь в данном случае идет о верности депутатов-большевиков идеям Манифеста ЦК «Война и российская социал-демократия», опубликованного в № 33 центрального органа партии — газете «Социал-демократ», 1.XI.1914; ЦГАОР СССР, ф. ДП, оп. 265, 1915 г., д. 1007, лл. 71—71 об.
14. ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1915 г., д. 5, л. 42.
15. Там же, лл. 42, 44 об.
16. Утро, 19.VIII.1915.
17. ЦГАОР СССР, ф. ДП, 00, 1915 г., д. 5, ч. 46, лит. Б, л. 89 (автором резолюции являлся большевик З. И. Яхонтов).
18. Там же, ч. 22, лит. Б, лл. 19—20.
19. Там же, д. 20, ч. 57, л. 1 об.
20. Там же, ф. 1167, оп. 3, 1915 г., д. 8227, л. 3.

Виктория Вудхалл — кандидат в президенты США

А. Ю. Зубков

В статьях и выступлениях К. Маркса и Ф. Энгельса о причинах раскола I Интернационала в США часто упоминается имя Вудхалл. Именно она и ее сестра Клафлин — проповедницы женской эмансипации и «свободной любви» — возглавили секции, которые задались целью «убедить всех в том, что Интернационал является не рабочей организацией, а буржуазной»¹. В Нью-Йорке по инициативе Вудхалл состоялось в мае 1872 г. собрание лиц, представлявших различные реформаторские течения, на котором было объявлено о создании Партии равных прав, а Вудхалл выдвинута кандидатом на пост президента США.

Виктория Клафлин (по мужу — Вудхалл) родилась 23 сентября 1838 г. в г. Хомер, штат Огайо. Она была седьмым ребенком из десяти. Отец, мелкий почтовый чиновник, с трудом содержал многочисленную семью. Мать не утруждала себя воспитанием своих чад, зато увлекалась месмеризмом, веря, что любую болезнь можно излечить с помощью оккультных сил, и Виктория с детства впитывала мистические представления. Учителя считали ее одаренным ребенком, но в школе она пробыла всего три года. Когда ей исполнилось 11 лет, семья покинула город, и в течение нескольких лет Клафлины бродили по просторам штата, зарабатывая гаданием и продажей «эликсира жизни». 16-ти лет Виктория вышла замуж за доктора К. Вудхалла. Ее привычки к кочевью и увлечение романами Жорж Санд не принесли счастья служителю Эскулапа. Как раз тогда входил в моду спиритизм, медиумы ценились на вес золота, и вместе с младшей сестрой Теннесси Виктория давала сеансы спиритизма, лечила страждущих с помощью магнетизма. Не гнушались хорошенькие сестры и «самой древней профессии».

В конце 60-х годов XIX в. клан Вудхалл — Клафлин попадает в Нью-Йорк. Там Виктория приобретает покровителя — миллионера К. Вандербильта, обладателя одного из крупнейших в США состояний. Разочаровавшийся в медицине, 74-летний набоб поверил в спиритическо-магнетические способности сестер. В итоге 20 января 1870 г. газеты сообщили о создании брокерской конторы «Вудхалл, Клафлин и К⁰». Сила имени Вандербильта (никто не сомневался, что контора финансируется им) и шарм сестер привлекли множество клиентов. Вудхалл сообщила, что первоначальный капитал фирмы составляет 250 тыс. долларов, а удачная спекуляция акциями не без помощи Вандербильта принесла еще 700 тысяч².

Однако деньги не были главным для Виктории. Она получает еженедельную колонку в одной из крупнейших газет города «New York Herald» и под рубрикой «Политик в юбке» публикует статьи на различные темы, чаще всего касательно политических прав женщин. 2 апреля 1870 г. газета напечатала строчки, которые буквально ошеломили выдавших виды горожан: «В то время как другие лишь рассуждают о равенстве между женщиной и мужчиной, я доказала это, успешно действуя в сфере бизнеса, — писала «политик в юбке». —

Зубков Александр Юрьевич — кандидат исторических наук.

Поэтому я считаю себя вправе говорить за женщин, не имеющих права голоса, и, полагая, что предрассудки против участия женщин в политической жизни... в скором времени исчезнут, объявляю себя кандидатом на пост президента США»³. Заявление смелое, если учесть, что в то время женщины страны пользовались правом голоса лишь в штате Вайоминг, а случаем, когда представительница прекрасного пола выставила бы свою кандидатуру на пост президента, за всю историю США еще не бывало.

Вудхалл упорно искала пути осуществления своих честолюбивых замыслов. Ей необходим был орган печати, который поддержал бы ее кандидатуру. Вскоре вышел в свет еженедельник, в № 1 которого сообщалось, что газета редактируется двумя сестрами и что главная ее задача — «всемерно поддерживать выдвижение кандидатуры Виктории К. Вудхалл на пост президента»; газета собиралась также «поддерживать избирательное право всех граждан независимо от их пола»⁴. За короткое время тираж газеты составил 20 тыс. экземпляров⁵. В ней пропагандировались вегетарианство и укороченные женские юбки, налоги на высокие доходы и программа общественного строительства, «свободная любовь» и лечение магнетизмом, отмена смертной казни, гибкие законы о разводе, публиковались материалы, разоблачавшие магнатов с Уолл-стрит, не исключая самого Вандербильта. Настойчиво создавался образ Виктории как идеального кандидата на пост президента.

Спириты, приверженцы свободной любви, суфражистки и феминистки, члены реформаторских обществ — всех их Вудхалл считала потенциальными сторонниками и пыталась использовать в своих целях. Она первой в США политизировала движение спиритов и, выступая на их конгрессе в январе 1872 г. в качестве президента, заявила о необходимости «организовать массы спиритов... для согласованных действий по всем политическим вопросам»⁶. Это была внушительная сила, ибо к началу 1870-х годов в США насчитывалось около 4 млн. спиритов⁷.

Сложнее складывались отношения Вудхалл с суфражистками. Подавляющее их большинство враждебно относилось к Виктории из-за того, что она проповедовала свободную любовь, хотя части руководства Национальной ассоциации суфражисток импонировала энергия, с которой Вудхалл отстаивала права женщин. В январе 1871 г. Вудхалл выступила перед членами юридического комитета палаты представителей с петицией, в которой говорилось, что, раз женщины являются гражданами США, они обладают правом голоса в силу 14-й и 15-й поправок к конституции. Эти аргументы произвели впечатление на президента У. Гранта⁸. И хотя практических результатов петиция не имела, этот демарш поднял общественные акции Вудхалл.

Между тем деятельность североамериканских секций I Интернационала привлекла к ним внимание, на время он стал «чем-то вроде модной вещи»; поэтому прагматистка Вудхалл пыталась использовать МТР в своих целях. В июле 1871 г. возглавленная ею секция № 12 и возглавленная ее сестрой секция № 9 вопли в МТР⁹. Костяк первой составляли члены реформаторского общества «Новая Демократия», исчезнувшего в 1870 году. Для Вудхалл Интернационал служил инструментом достижения честолюбивых целей. Виктория предоставляла секции помещения для заседаний и оказывала ей финансовую помощь. Практическое руководство работой осуществлялось реформаторами У. Уэстом и С. П. Эндрюсом, но в интересах патронессы.

Сохранилось письмо Вудхалл Марксу: «Карлу Марксу. 44 Брод-стрид, Нью-Йорк, 20 марта 1872 г. Милостивый государь, прилагаю при сем помещенный в «Herald» отчет об интернациональном банкете, состоявшемся здесь 18-го числа. Мы с большим интересом следим за всеми движениями на континенте, имеющими отношение к делу интернационализма, и твердо убеждены, что быстро приближается время, когда произойдут потрясения, которые разрушат троны мира. Мы сожалеем о несогласованности дела в Америке и полагаем, что это объясняется различным духовным складом многочисленных рас, занятых в нем. Это различие в духовном складе не имеет, однако, никакого значения для той специфической политической окраски, которой отличается движение в Америке в сравнении с тем, что происходит в Европе. Нам здесь легче добиться победы при помощи тайного голосования, нежели путем насильственных мер. У Вас в Европе нет тайного голосования, при помощи которого можно удушить угнетателей. Здесь нам нужна политическая организация; там, раз она невозможна, — революция. С той же почтой имею честь отправить Вам документы и др. С глубоким уважением остаюсь искренне Ваша Виктория Вудхалл.

Р. S. Я собираюсь посетить Лондон в сентябре»¹⁰.

К письму прилагался напечатанный в «New York Herald» отчет об интернациональном банкете, состоявшемся в Нью-Йорке 18 марта, и перепечатанный затем в еженедельнике. Он был посвящен годовщине Парижской Коммуны. Выступившая на банкете Вудхалл, высоко оценив героизм коммунаров, высказала надежду на то, что в США деспотизм буржуазии может быть свергнут без насилия, посредством демократических выборов. Теоретически она не отрицала возможности насильственного свержения государственного строя, однако отстаивала примат политических действий¹¹.

Пролетарское крыло МТР в США не желало, чтобы сторонники Вудхалл использовали рабочую организацию «для охоты за должностями и избирательных целей»¹². Между тем секции № 9 и № 12 выдвинули свою программу в воззвании ко всем гражданам, говорящим по-английски, — конечной целью Интернационала провозглашалось установление политического равенства и социальной свободы: «Политическое равенство означает личное участие каждого в подготовке, принятии и осуществлении законов, которым подчиняются все. Социальная свобода означает полную гарантию от какого бы то ни было неуместного вмешательства во все вопросы чисто личного характера, каковы, например, религиозные убеждения, отношения между полами, моды и пр.»¹³.

После этого дело дошло «до открытой войны между сторонниками использования государственной власти, карьеристами, сторонниками свободной любви, спиритами и прочими буржуазными шарлатанами, с одной стороны, и рабочими, с другой, простодушно полагающими, что Международное Товарищество Рабочих является и в Америке организацией рабочего класса, а не буржуазии»¹⁴. Как раз эту борьбу Вудхалл именovala в письме Марксу достойной сожаления «несогласованностью дела в Америке» и объясняла «различным духовным складом многочисленных рас»¹⁵.

Кампания «Вудхалл — в президенты» набирала темпы. Ее сторонники, объединившиеся в Лигу Виктории, заявили о намерении создать Партию равных прав (ПРП) для достижения «равных социальных и политических прав всех американских граждан независимо от их пола» и просили Victорию «стать знаменосцем этой идеи», разрешив считать ее кандидатом от этой партии на президентских выборах 1872 года. Такое согласие было дано. В нью-йоркском Аполло-холле начал работать конвент, собравший свыше 600 делегатов — представителей реформаторских организаций, спиритов, сторонников свободной любви и нескольких секций МТР. Конвент объявил о создании Партии равных прав и принял ее программу, разработанную Эндрюсом. Ее даже с натяжкой трудно было назвать социалистической, большинство ее пунктов не выходило за рамки буржуазных реформ.

Когда смолкла буря восторга, вызванная объявлением о выдвижении Вудхалл кандидатом в президенты, конвент приступил к выборам кандидата на пост вице-президента. Подавляющее большинство голосов получил борец за права негров Ф. Дуглас. «Не может быть никаких сомнений, — писал еженедельник, — что цветное население будет голосовать за партию, у которой нашлись мужество и принципиальность включить представителя их расы в президентский список»¹⁶. Сам Дуглас ничего не знал о событиях в Аполло-холле до тех пор, пока в утренней прессе не прочел отчет о конвенте, после чего послал в газеты открытое письмо с отказом баллотироваться от ПРП.

Еще полтора месяца подогревался интерес читателей к ПРП. Однако номер еженедельника от 22 июня оказался последним в предвыборной кампании Вудхалл; следующий, датированный 2 ноября 1872 г., о президентских выборах почти ничего не сообщал. Зато там за подписью Виктории был помещен материал, вызвавший новую сенсацию: не скупясь на пикантные подробности, Виктория изложила историю тайной связи известного церковного проповедника Г. У. Бичера с женой его друга, любовника самой Вудхалл. По ее словам, она хотела выставить напоказ лицемерие людей, погрязших в тайном разврате, но берущих на себя смелость осуждать тех, кто бросает вызов устаревшей морали.

Газеты утверждали, что после известия об убийстве президента А. Линкольна ни одна новость не привлекала такого внимания прессы¹⁷. Свыше 100 тыс. экземпляров разошлись в считанные часы. Затем Виктория и Теннесси по инициативе нью-йоркских блюстителей нравственности были арестованы по обвинению в распространении непристойной литературы и доставлены в тюрьму, где провели более месяца, после чего были выпущены под залог. В июне 1873 г. суд присяжных вынес вердикт об их невиновности.

Президентские выборы, состоявшиеся 5 ноября 1872 г., не принесли Виктории лавров: она не получила ни одного голоса! Ее интерес к политике постепенно угас. 10 июня 1876 г.

вышел в свет последний номер еженедельника. В конце 1877 г. она отправилась в Англию, где познакомилась с преуспевающим банкиром Дж. Б. Мартином. Его родители, наслышанные о бурной карьере Вудхалл, всячески противились их браку, и Виктории потребовалось шесть лет борьбы, чтобы войти в семью Мартинов. Бракосочетание состоялось в октябре 1883 г., когда Вудхалл исполнилось 45 лет. Семейная жизнь не поглощала всей ее энергии, и в 1892 г. она вновь возымела желание выдвинуть свою кандидатуру на пост президента США. На этот раз кампания велась по почте.

Постепенно общественная деятельность Виктории приобретает филантропические черты: в своем поместье в Нортоне эта обладательница почти миллионного состояния основала сельскохозяйственный колледж для девушек и открыла несколько детских садов. Уже в годы первой мировой войны она сотрудничала с организациями Красного Креста. До конца жизни Виктория сохраняла экстравагантные вкусы. Так, будучи в преклонном возрасте, она с шофером в спортивной машине носилась с головокружительной скоростью по окрестностям Вустершира; учредила крупный приз летчику, который первым перелетит через Атлантический океан. Скончалась Виктория 10 июня 1927 г., не дожив до своего 90-летия.

Примечания

1. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 18, с. 95.
2. WELLES I. The Square Pegs. N. Y. 1957, p. 106.
3. Ibid.
4. Woodhull and Claflin's Weekly, 14.V.1870.
5. MARBERRY M. M. Vicky. N. Y. 1967, p. 15.
6. Woodhull and Claflin's Weekly, 22.I.1872.
7. SYMES L., CLEMENT T. Rebel America. N. Y. — Lnd. 1934, p. 120.
8. The Concise History of Woman Suffrage. Urbana — Chicago — Lnd. 1987, pp. 24, 281—287.
9. ЗОРГЕ Ф. Рабочее движение в Соединенных Штатах. СПб. 1907, с. 167; La Première Internationale. T. III. Genève. 1971, p. 582.
10. Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 1, оп. 5, д. 2812 (пер. с англ., публикуется впервые).
11. Woodhull and Claflin's Weekly, 23.III.1871.
12. Генеральный Совет Первого Интернационала, 1871—1872. М. 1965, с. 247.
13. Цит. по: МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 18, с. 92.
14. Там же, с. 93—94.
15. Первый Интернационал. Ч. 2. М. 1965, с. 539—548.
16. Woodhull and Claflin's Weekly, 25.V.1872.
17. MARBERRY M. M. Op.cit., p. 107.

А. И. Неусыхин — выдающийся ученый и педагог

Л. Т. Мильская

Имя видного советского медиевиста, исследователя истории раннего западноевропейского средневековья, Александра Иосифовича Неусыхина (1898—1969) прочно вошло в летопись советской исторической науки. Такие люди, как Неусыхин, помогли предвоенному, военному и послевоенному поколениям студентов-гуманитариев выстоять, сохранить в себе совесть и веру в человеческое достоинство, убежденность в непреходящей значимости гуманизма и культуры.

История в его книгах и лекциях, на семинарах и в научных докладах непременно оставалась наукой даже тогда, когда многие историки утрачивали доверие не только к собственному мнению, более того, как бы отменялась самая необходимость его иметь, — это становилось непозволительным и опасным. Неусыхин поддерживал в себе и в своих многочисленных учениках верность научной истине, не зависящей от конъюнктурных поветрий. Его всегда окружала атмосфера высокого нравственного пафоса, непреложной убежденности в том, что наука неразрывно связана с этикой. Можно смело сказать, что его мысли, неподкупная совесть ученого, сама благородная личность оказывали влияние далеко за пределами узкого круга медиевистов.

К Неусыхину тянулись студенты и аспиранты, историки и филологи, коллеги и друзья, которые регулярно наполняли крохотную комнатку на Малой Бронной, где он жил, обстановку предельно скромно. Здесь властвовали не вещи, а книги и портреты учителей — Д. М. Петрушевского, С. П. Моравского, Е. А. Мороховца, а позднее ушедших друзей — математика и поэта Е. Е. Слуцкого, историка Т. И. Райнова, философа А. И. Рубина. В этой комнатке любили читать стихи Пушкина и Блока, Тютчева и Фета, Мандельштама и Пастернака. Неусыхин читал по-немецки Рильке, Георге, Гёльдерлина, по-французски — Валери, тут же переводя и толкуя содержание. От него ученики узнавали о глубоких идеях, заключенных в романах Т. Манна и М. Пруста, о книгах и статьях М. О. Гершензона, о Владимире Соловьеве и К. Ясперсе, о тех огромных пластах культуры, которыми обделила их эпоха. И это было для его студентов и аспирантов вторым университетом.

Внешняя канва жизни Неусыхина не отличается большим разнообразием, хотя ему не раз приходилось испытывать удары судьбы. В учителях-наставниках он был поистине счастлив и в гимназические и в студенческие годы. В 1916 г. он с золотой медалью окончил одну из лучших в дореволюционной России гимназий в Ростове-Ярославском, что открыло ему двери университета. Основанная на средства купца-мецената Кекина, Ростовская гимназия возглавлялась замечательным историком и педагогом С. П. Моравским (1866—1942), который сумел подобрать учителей самой высокой квалификации и демократических убеждений. Среди них особенно выделялся Е. А. Мороховец (1880—1942), связанный с социал-демократами и открыто посвящавший старшеклассников в материалистическое понимание истории.

Мильская Лидия Тихоновна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР.

Неусыхин окончил Московский университет в 1921 г., представив своему руководителю Петрушевскому дипломное сочинение «Экономическая организация королевского поместья эпохи Каролингов по «Capitulare de villis» (сохранилось в двух общих тетрадах в архиве ученого). Последующие годы он в качестве аспиранта (научного сотрудника II разряда по тогдашней номенклатуре) Института истории Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук (РАНИИОН) посвятил исследованию самых начальных стадий европейского средневековья — истории древних германцев. Эта работа была завершена научным диспутом и публикацией первой монографии¹.

Период 1922—1929 г. был исключительно плодотворным для Александра Иосифовича², он сразу же заявил о себе как серьезный исследователь, незаурядный полемист. Для него с самого начала было характерно стремление глубоко проникать в сущность общественного устройства, принципиальное неприятие вульгарно-социологического схематизма. В его работах — монографиях, статьях, рецензиях — теоретические выводы выростали как бы сами из огромного собранного и всесторонне осмысленного материала. Вместе с тем Неусыхин на всем протяжении своей научной работы не ослаблял внимания к проблемам историографии и методологии. Среди авторов, к анализу идей которых он обращался, — М. Вебер, К. Бюхер, В. Зомбарт, О. Шпенглер, Г. Кунов, Л. И. Мечников, Н. П. Павлов-Сильванский и другие.

С 1920 по 1924 г. Неусыхин работает в Институте Маркса и Энгельса, расшифровывает некоторые рукописи Энгельса. Сотрудничает Неусыхин и в редакции Большой Советской энциклопедии (БСЭ). С 1927 г. начинается его педагогическая деятельность в высшей школе. До 1930 г. он — доцент Педагогического института им. К. Либкнехта.

Перед молодым ученым открывалось блестящее будущее. Но на дальнейшую его жизнь существенно повлияло смелое выступление во время печально известной дискуссии 1928 г. по книге Петрушевского «Очерки из экономической истории средневековой Европы»³, в ходе которой Неусыхин не отрекся от своего учителя, как это требовалось уже входящим в жизнь «церемониалом», а стремился разъяснить его научную позицию вульгаризирующим и плохо понимающим ход мыслей ученого «оппонентам», показать, что книга Петрушевского была попыткой разобрататься в новых течениях, развивающихся в западной исторической науке, и направлена была против устаревшей вотчинной теории и ее адептов, а совсем не против марксизма. Но ниспровергатели Петрушевского — и среди них А. Д. Удальцов, С. С. Кривцов, Ц. Фридлянд, П. И. Кушнер, В. Д. Аптекарь и др. — не пожелали понять разъяснения Е. А. Косминского и А. И. Неусыхина.

Уже в те же годы «злым гением» Неусыхина стал А. Д. Удальцов, совсем иначе поведший себя в начавшихся гонениях на Петрушевского. На протяжении многих лет Удальцов не упускал ни одной возможности навредить Неусыхину, особенно когда мог оставаться при этом в тени. Он, в частности, всемерно препятствовал тому, чтобы Александр Иосифович вошел в число ученых, которым в 30-х годах после восстановления преподавания истории была присвоена докторская степень без формальной защиты диссертации. Трудное положение ученого усугубилось общим гонением на историческую науку. Несколько лет Неусыхин, как и многие историки, вынужден был работать не по специальности — референтом Всесоюзной ассоциации сельскохозяйственной библиографии при Библиотеке им. В. И. Ленина.

Только в 1934 г. Неусыхин возвращается к научной и педагогической деятельности. Однако он пока редко печатается. Его лишили возможности продолжить печатание работы о М. Вебере⁴. Публикации его научных статей возобновляются в 1939—1942 годах. Статья «Общественный строй лангобардов в VI—VII вв.» открывает новую тематику в его научном творчестве.

Не раз и в дальнейшем Неусыхина резко критиковали за верность учителю и его научным принципам: грубому разному в заметке З. В. Мосиной подверглись статьи, публиковавшиеся во втором выпуске сборника «Средние века» (1946 г.), посвященные памяти Петрушевского, скончавшегося в 1942 г., и особенно принадлежащие перу Неусыхина и Косминского. От Неусыхина требовали отречения от Петрушевского в конце 40-х годов; наконец, пытались помешать выходу его монографии «Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI—VIII веков», труда всей его жизни. Заведующая сектором истории средних веков Института истории АН СССР Н. А. Сидорова требовала от автора поместить в предисловии к книге критику взглядов Петрушевского, отречься от него. Тогдашний Ученый совет Института, к которому Александр Иосифович обратился с письмом, объясняющим необоснованность таких требований (письмо это сохранилось в архиве ученого), поддержал автора, рекомендовав монографию к печати без унижительных для ученого оговорок.

В убедительной, полной достоинства речи защищался Неусыхин и от обвинений в «космополитизме» в 1949 году. Редчайший в те времена случай — человеку, посмевавшему не

каяться в несуществующих грехах, а отстаивать свои взгляды, аплодировали присутствующие в зале. Среди многочисленных учеников нашелся лишь один, кто выступил против своего учителя в поддержку грубых, зашутельских обвинений. Это не помешало ему на другой же день явиться к своему руководителю на консультацию и получить советы по подготовке диссертации. Но после ее защиты Александр Иосифович прекратил всякое общение с В. В. Дорошенко, которого считал одним из самых одаренных своих учеников. Он порвал также отношения и с профессором-филологом Р. М. Самариным, с которым его связывали несколько лет общие интересы, сочтя его поведение в 1949 г. недостойным чести человека и звания ученого.

Если рыцарское поведение Александра Иосифовича в дискуссии 1928 г. повлекло за собой резкое сокращение числа его публикаций в печати, то в 1949 г. удар был нанесен по его педагогической деятельности. Неусыхин перестал читать общий курс истории средних веков на Историческом факультете МГУ, что, несомненно, сказалось на уровне подготовки студентов. Он продолжал вести просеминарий (практикум) на II курсе, читал курс источниковедения средних веков, но число специализирующихся у него студентов сократилось, аспирантов ему не давали, некоторых его учеников прикрепляли к другим руководителям. Однако они полулегально продолжали работать под его руководством.

Периоды отлучения от печати в 30-е годы (он повторился в 1949—1952 гг.) стали временем расцвета педагогической деятельности Неусыхина. В 1934—1941 гг. он — профессор МИФЛИ, где некоторое время заведует кафедрой средневековой истории; параллельно в разные годы он преподает в Московском педагогическом институте им. В. И. Ленина, в Московском городском педагогическом институте, на Историческом факультете МГУ (с 1943 по 1959 г. уже без перерывов); в первые военные годы — в вузах Томска и Свердловска.

Лекционные курсы Неусыхина⁵ отличались фундаментальностью содержания, строгой логичностью, отточенностью формы. Они были лишены каких-либо внешних эффектов, но слушателя покоряла глубина мысли и безупречная аргументация. Он с редким умением раскрывал общее и особенное, индивидуальное в конкретно-историческом процессе, обращая внимание на внутреннюю причинно-следственную связь явлений и событий, подчеркивая значимость наиболее важных социальных институтов. При этом никогда не упускал из виду общий контекст развития европейской культуры.

Студентов-медиевистов он вводил в лабораторию своего исследования, знакомил с источниками, их возможностями, состоянием изученности тех или иных проблем, основными течениями в историографии. Его спецкурс по истории Германии, начиная с древних германцев и до конца XV в., все время обновлялся благодаря привлечению новой специальной литературы (хотя в те годы было крайне трудно следить за развитием европейской исторической мысли). На глубоком анализе источников был построен спецкурс «История права и средневековых учреждений», собиравший не только студентов, но и аспирантов, преподавателей и научных работников⁶. Этот курс не был полностью завершен, ибо популярность его крайне раздражала недоброжелателей Неусыхина, да и обстоятельства 1948—1949 гг. не способствовали его продолжению.

Как откликались слушатели МИФЛИ на лекции Неусыхина, как высоко ценили студенты своего профессора, видно из переписки военных лет, которую Александр Иосифович вел со своими учениками; их письма сохранились в его архиве⁷. В одном из писем военных лет Неусыхин писал: «Среди студенчества ИФЛИ я подметил целое такое поколение «веселых юношей» (в условном значении этого термина); я очень полюбил их, прилепился к ним, как к родным, .. нас единило одно: вера в грядущую жизнь... Глядя на них, я думал: в ваших руках теперь, как никогда, судьба мира и человека... так хочется верить, что они, несмотря на их «хрупкость» и «детскость», своими худыми и лишь случайно огрубелыми руками восстановят живую жизнь. Некоторые из них пишут мне (с фронта и из разных пунктов тыла, стоя на карауле и работая в колхозе), и их письма полны сознания лежащей на них исторической миссии, хотя они прямо об этом и не говорят; м. б., они скорее смутно ощущают ее, чем ясно сознают; но ведь это не так важно. История и подлинная жизнь ведь не творятся по плану»⁸.

Косминский справедливо называл Неусыхина выдающимся преподавателем⁹. И это с особой силой проявилось в руководимых им практикумах и семинарах. Тематика практикумов концентрировалась на проблемах социально-экономической истории и праве раннего и классического средневековья. Постепенно сложился практикум «Возникновение феодальных отношений во Франкском государстве» с устойчивой тематикой. Неусыхин не придерживался жесткой схемы занятий, варьируя темы докладов в зависимости от состава и подготовки участников просеминария: при достаточно хорошей подготовке студентов он дробил некоторые особенно важные темы на несколько докладов ради более углубленного изучения ими источников.

В первые годы в практикумах использовались источники в русских переводах и специальная литература на русском языке (переводная и отечественная, тогда еще весьма немногочисленная). В 1937/38 учебном году в МИФЛИ Александр Иосифович вел два просеминария: «Эволюция политического строя Англии» и «Эволюция феодальных отношений во Франкском государстве». В последнем использовались латинские источники и привлекалась литература на немецком языке. В последующие годы круг источников был значительно расширен, изучалась и сравнительно обширная специальная литература на немецком и французском языках. Александр Иосифович умел направить работу так, чтобы все студенты достигли уровня наиболее сильных. Подобная организация работы превращала просеминарий в сообщество молодых исследователей, занятых коллективным поиском научной истины. В студентах с самых первых шагов воспитывалось чувство строжайшей ответственности. Александр Иосифович начинал занятия в практикуме словами своего учителя Петрушевского: «Доклад есть такое произведение, в котором автор ответствен за каждое слово и за каждую запятую, поставленную или не поставленную»¹⁰.

Придавая большое значение терминологическому анализу, столь важному для историка вообще, а при работе с раннесредневековыми памятниками в особенности, Александр Иосифович никогда не делал его самоцелью, направляя своих учеников на отыскание связей между терминологией и действительностью. Все варианты толкований, предлагаемых студентами, Александр Иосифович всегда сопоставлял с контроверзами, известными в науке. Трогательно видеть, говорил он на занятиях, как незнакомые с большой и сложной литературой вопроса начинающие студенты, в сущности, идут теми же путями и приходят к тем же контроверзам и гипотезам, что и крупнейшие исследователи в этой области. Поражало умение Неусыхина видеть в каждом студенте творчески развивающуюся личность, стремление отыскать в робких, неопытных построениях студентов зерно истины и сопоставить эти находки с уже имеющимися в науке.

Вспоминается, как после одного из первых занятий Александр Иосифович повел весь наш практикум в полном составе в сектор истории средних веков Института истории АН СССР на доклад Н. П. Грацианского «К толкованию термина *villa* в Салической правде»¹¹. Из этого посещения, помимо интереса ко всему обсуждаемому в секторе и на кафедре, на заседаниях которых с тех пор стали бывать постоянно многие из участников практикума, было вынесено на всю жизнь впечатление, что в источнике важно каждое слово, что интерпретация текстов — дело ответственное и требует большой точности и самоконтроля. С этого и начинается ремесло историка.

При ярко выраженных эстеторетических и социологических интересах Неусыхин высоко ценил конкретность изложения и аргументации. Все обобщения должны были строиться на прочном фундаменте самостоятельно добытых фактов. Самый подбор источников для работы практикума исключал возможность пересказа или иллюстративного метода работы.

Спецсеминары Неусыхина на III курсе, номинально факультативные, начинались с углубленного изучения историографии: каждый участник семинара должен был представить два реферата — один по русской (или переводу) работе, второй — по книге на иностранном языке. Книги для рефератов выбирались в соответствии с темой, взятой студентом для разработки по источникам, и вместе с тем так, что, взятые в совокупности, они отражали определенные важные этапы в развитии историографии.

«Историк — общественный человек, изучающий общественного человека: тем самым история есть путь общественного самопознания человека (на это указывал еще Вико)... Если бы историк не был членом современного общества, он совсем не мог бы судить о прошлом общества, то есть без известной субъективности не было бы и объективности», — писал Александр Иосифович В. М. Лавровскому¹². Педагогическая деятельность Неусыхина, которой он годами отдавал себя, объективно противостояла системе, насаждавшей «репрессивное сознание»¹³.

Начиная с 1942 г., Александр Иосифович публикует серию статей о варварских правах. В 1946 г. он защитил докторскую диссертацию «Собственность и свобода в варварских правах», обобщившую его исследование в этой области. Единство институтов собственности и свободы рассматривается им как несущая конструкция общества древних германцев. Смелое по тем временам сопоставление свободы и собственности в их взаимной обусловленности, вкупе с закулисными интригами Удальцова, почти на год задержали присуждение Неусыхину степени доктора исторических наук и на десять лет — публикацию этой работы в расширенном виде.

Неусыхин подчеркивал, что «социально-экономические отношения таких переходных эпох, в течение которых только еще складывается классовое общество, не поддаются определению и истолкованию при помощи категорий последнего». Он стремился «понять специфичность этих отношений без перенесения на них категорий феодального или бур-

жуазного общества»¹⁴. Диссертация Неусыхина, оцененная как новое слово в науке, стала основой монографии «Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв.» (М. 1956). В 1961 г. книга вышла в немецком переводе. Александр Иосифович тщательно работал над ним, углублял и существенно дополнял текст: это завершённое и отшлифованное автором исследование, посвященное варварскому обществу и переходу к становлению феодальных отношений в странах континентальной Европы, значительно превышает по объёму (почти на 10 печатных листов) русское издание.

В следующей монографии «Судьбы свободного крестьянства в Германии в VIII—XII вв.», основанной преимущественно на материале дарственных грамот (картуляриев), Неусыхин продолжал разработку истории раннефеодального крестьянства, органически соединив локально-исторические исследования с широкой общей постановкой проблемы и общетеоретическими заключениями. В послевоенные же годы он опубликовал статьи, посвященные ранней общине в Германии, которые продолжают оказывать значительное влияние на изучение аграрной истории. По условиям времени он был лишен возможности дать соответствующие разъяснения по поводу своего отношения к общине-марке как институту гораздо более позднего периода и был вынужден пользоваться этим термином в работах, трактующих раннесредневековые формы и стадии развития общины в германских землях¹⁵.

В последние годы жизни Александр Иосифович опубликовал серию статей по источниковедению Салической правды, в которых обобщил все достижения современной науки в этой области¹⁶. В то же время он возвращается к проблеме переходного периода, предприняв теоретическое осмысление результатов своих исследований¹⁷. Эти статьи занимают важное место в его научном наследии, хотя они до сих пор не оценены в полной мере, а при жизни ученого подвергались критике и вызвали возражения¹⁸.

Для догматического мышления идея о неизбежности существования длительного переходного периода между отживающей или уже отжившей и новой общественно-экономической формацией была неприемлемой, в лучшем случае — непонятной. Между тем концепция дофеодального переходного периода, созданная и обоснованная Неусыхиним, имеет очень важное и конкретно-историческое и теоретическое значение; она еще ожидает внимательного и основательного анализа. В письме Райнову от 10 июня 1956 г., благодаря его за замечания, сделанные при чтении книги «Возникновение зависимого крестьянства», Александр Иосифович писал: «Меня... интересует даже не столько зарождение феодальных отношений, сколько переходный период, который может протекать (и реально протекает) как между родо-племенным и феодальным строем, так и между родо-племенным и рабовладельческим, так, наконец, и между рабовладельческим и феодальным строем. Меня занимают главным образом именно эти «между»... я убежден в том, что этот «переходный период» представляет собою если не отдельную общественную формацию, то во всяком случае весьма своеобразный тип производственных отношений с особыми — именно ему имманентно присущими закономерностями развития»¹⁹.

Публикация трудов Неусыхина продолжалась и после его кончины²⁰. Ряд его работ был переведен на немецкий, итальянский и японский языки. Неусыхину принадлежат главы по истории Германии, Италии, Испании, полабских славян в томе III «Всемирной истории» (1957 г.). Он был одним из вдохновителей трехтомного издания «История крестьянства в Европе» и первым ответственным редактором первого тома этого издания, которое ему не суждено было увидеть при жизни²¹.

Неусыхин создал свою научную школу, многие из его учеников защитили докторские и кандидатские диссертации, являющиеся авторами ряда монографий, прочно вошедших в научный оборот и преподавательскую практику. Неусыхин оставил наследие, достойное имени большого ученого. Но обстоятельства его жизни, те условия, в которых он вынужден был работать после катастроф 1928 и 1949 гг., помешали полному раскрытию его незаурядного дарования. Лишь в замыслах остались труды, которые нашли бы свое место в нашей науке: «Становления раннефеодального государства», «Экономическое учение Фомы Аквинского», «Проблемы исторического мышления». О замыслах, касающихся этого последнего труда, свидетельствует фрагмент проспекта (или тезисов), сохранившийся в архиве ученого с пометкой: «Книга, которая никогда не будет напечатана»²². Можно только предполагать, насколько интересно она была задумана. Лишь частично осуществилась работа над монографией по истории Германии: в 1949 г. она была остановлена. И даже в том виде, в котором сохранилась в архиве — незавершенной, без научного аппарата, опубликованная посмертно, она сослужила хорошую службу, помогая преподавателям истории средневековья.

Велико эпистолярное наследие Неусыхина. В одном из писем он писал своему другу Слуцкому: «Нет печали печальнее, чем печаль молчания»²³. Этот открытый миру и жизни

человек, не имея возможности публично выражать свои заветные мысли и наблюдения, высказывал их в обширных письмах друзьям, коллегам, своим учителям и некоторым ученикам²⁴. Из этих писем можно было бы составить интереснейшую книгу — об истории и жизни, искусстве и природе, любимых поэтах, психологии творчества, о Томасе Манне и Достоевском, Марселе Прусте и Германе Гессе, Тютчеве и Владимире Соловьеве, Гегеле и Ясперсе, особенно любимых им Рильке и Гёльдерлине. В письмах, как живые, встают перед нами его гимназические учителя, и прежде всего Петрушевский. В них — его отношение к ученикам, смысл его педагогической деятельности. Особое место в его архиве занимают письма его учеников с фронта. Книга, составленная из писем Неусыхина, рассказала бы об истории духовной жизни человека, выстоявшего и сохранившего «душу живую», несмотря на все удары судьбы²⁵.

Одаренность Александра Иосифовича как исследователя стала ясной еще в годы его аспирантуры в РАНИИОН. В отзыве от 27 мая 1928 г. Волгин писал: «А. И. Неусыхин выявил незаурядные научные дарования. Среди научной молодежи, работающей в области истории европейского общества в эпоху феодализма и первичного капитализма, он занимает бесспорно первое место... Очень широки также его интересы в области исторической теории и методологии».

Выходец из дореволюционной демократической интеллигенции, Неусыхин вобрал в себя ее лучшие черты, сохранил и развил их, передал своим ученикам и слушателям.

Примечания

1. НЕУСЫХИН А. И. Общественный строй древних германцев. М. 1929.
2. Обзор этого этапа см.: ШАКИНА Т. Д. Первый период научной деятельности А. И. Неусыхина (1922—1931). — Средние века. Вып. 42.
3. Стенограмму заседаний см.: Историк-марксист. 1928, т. 8.
4. Завершая статью «Эмпирическая социология» Макса Вебера и логика исторической науки», Неусыхин обещает читателю разбор логики М. Вебера в о второй части своей работы, которая так и не появилась. Интерес к логике исторической науки и творчеству М. Вебера не оставлял Неусыхина и позднее: в его архиве сохранилась рецензия, к сожалению, так и не опубликованная, на книгу А. Шельтинга о логических проблемах исторического познания у Вебера (SCHELTING A. Max Webers Wissenschaftslehre. Tübingen. 1934).
5. В архиве ученого сохранилась стенограмма общего курса по истории средних веков, прочитанного им в МИФЛИ в 1937 г., и материалы к некоторым лекциям. Он читал их без каких-либо записей.
6. В архиве ученого сохранились материалы к этому спецкурсу (1947 г.).
7. См. ДАНИЛОВ А. И. Письма А. И. Неусыхину. В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 18. Томск. 1986.
8. Архив АН СССР, ф. А. И. Неусыхина. Письмо А. И. Рубину от 11.VI.1942.
9. КОСМИНСКИЙ Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М. 1963, с. 106.
10. Эти слова приводит и Косминский в своей статье «Дмитрий Моисеевич Петрушевский» (Средние века. Вып. 2, с. 10).
11. Доклад Н. П. Грацианского был прочитан в ноябре 1943 г., опубликован посмертно (Средние века. Вып. 2).
12. НЕУСЫХИН А. И. Проблемы европейского феодализма. М. 1974, с. 509.
13. См. НАНИВСКАЯ В. Т. Анатомия репрессивного сознания (как создавалась отечественная школа). — Вопросы философии, 1990, № 5.
14. НЕУСЫХИН А. И. Проблемы европейского феодализма, с. 36.
15. НЕУСЫХИН А. И. Структура общины в Южной и Юго-Западной Германии в VIII—X веках. — Средние века. Вып. 4—5.
16. НЕУСЫХИН А. И. Новые данные по источниковедению Салической правды. — Средние века (очерк 1 — вып. 17, очерк 2 — вып. 21, очерк 3 — вып. 25, очерк 4 — вып. 30).
17. НЕУСЫХИН А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодальному (на материале истории Западной Европы раннего средневековья). — Вопросы истории, 1967, № 1; в расширенном виде в кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М. 1968.
18. Разделял мысли Неусыхина А. Р. Корсунский (см. КОРСУНСКИЙ А. Р., ГЮНТЕР Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М. 1984, гл. 12; возражения см.: Средние века. Вып. 31, с. 49, 55—56).

19. НЕУСЫХИН А. И. Проблемы европейского феодализма, с. 514.
20. Библиографию трудов Неусыхина см.: НЕУСЫХИН А. И. Проблемы европейского феодализма, с. 521—529.
21. СКАЗКИН С. Д., БЕССМЕРТНЫЙ Ю. Л. История европейского крестьянства: задачи и характер издания. — Средние века. Вып. 32, с. 25. Вопреки традиции, имена первых редакторов этого издания — А. И. Неусыхина, С. Д. Сказкина, А. Р. Корсунского, А. Д. Люблинской, Л. В. Черепнина — отсутствуют на титульном листе и упомянуты лишь в примечании.
22. НЕУСЫХИН А. И. Проблемы европейского феодализма, с. 503—509.
23. Архив АН СССР, ф. А. И. Неусыхина. Письмо Е. Е. Слуцкому от 3.VII.1942.
24. Пять писем Неусыхина опубликованы с незначительными купюрами в сборнике его избранных трудов. Опубликована также его переписка с Н. И. Кареевым (Средние века. Вып. 42).
25. Показательно для Александра Иосифовича то, что он хранил в своем личном архиве рукописные материалы жертв сталинского террора: в его бумагах обнаружено письмо философа Г. Г. Шпета (опубликовано по другому списку: Г. Г. Шпет Д. М. Петрушевскому 16.IV — 4.V.1928 г. — Вопросы истории естествознания и техники, 1988, № 3), хранил он письма и бумаги друга, поэта Юрия Кривоногова.

История советских немцев в современной историографии ФРГ

Л. В. Малиновский

Возникновение лакун в нашей истории связано не только с отдельными историческими деятелями, но и с народами, которые были во времена сталинщины репрессированы либо подверглись дискриминации. Одним из них являются немцы, прожившие в России и СССР более 200 лет и дважды пережившие незаслуженную национальную дискриминацию: в 1914—1917 г. со стороны царизма и в 1941—1955 г. со стороны «отца народов», который преследовал немцев и все немецкое более жестоко, чем царь и его черносотенцы, — сослал целый народ.

В этих условиях, естественно, какие-либо исследования по истории немцев в России и в СССР были невозможны, даже статьи в научных журналах вплоть до последнего времени появлялись «под псевдонимом»; слова «немцы» или «немецкие колонисты» в названиях статей не упоминались¹. Отдельные работы, выходявшие за рубежом, особенно в ФРГ, были посвящены частным сюжетам и имели в большинстве своем конъюнктурный характер, редкое исключение составляли немногие, основанные на серьезном изучении архивных материалов труды об эмиграции немцев в Россию в XVIII — начале XX века². В последнее время усилился интерес зарубежных исследователей к этой теме. Расширилась источниковая база, в том числе и за счет советских архивов.

Одним из первых, кто их использовал, был английский историк Р. Бартлет³. Он ограничился сравнительно узкими хронологическими рамками (до 1804 г.), работа не охватывает поэтому иммиграцию из германских государств. К тому же автор ограничился изучением правительственной политики России в отношении иммиграции, а вопрос о фактическом положении и деятельности немцев в местах их поселения в его книге даже не ставился. Не предпринимались и попытки историко-демографического анализа состава и судьбы приехавших иммигрантов. Другие работы о немецких колонистах в России⁴ содержат данные об их численности в определенное время (по проводившимся в то время ревизиям), но не рассматривают такие важные вопросы, как возрастной состав, естественный прирост населения и его зависимость от социально-экономических условий (заболеваемость, смертность, рождаемость и т. д.), масштабы новой иммиграции, как легальной, так и нелегальной.

Особого внимания заслуживает капитальная работа И. Флейшхауэр⁵. В ней излагается история немцев в России от норманнов и ганзейцев до образования АССР Немцев Поволжья. Книга основана на изучении печатных источников и различных работ, а также материалов советских, западногерманских и американских архивов. Автор в основном верно освещает историю немцев в России. Периодизация не вызывает особых возражений, хотя Флейшхауэр ориентируется главным образом на членение истории России по царствованиям. Выделенный ею период «модернизации империи» (1855—1905 гг.) охватывает в основном пореформенное время (здесь можно было бы поспорить о хронологических рамках, особенно в применении к немецкой деревне, где основная реформа прошла в 1871 г., и о терминологии).

Малиновский Лев Викторович — доктор исторических наук.

Флейшхауэр пытается доказать, будто вследствие Октябрьской революции, и особенно после гражданской войны, положение немцев в нашей стране изменилось к худшему. Это тем более странно, что в ее книге говорится о зарождении автономии немцев Поволжья, о создании Поволжского комиссариата, которое перетолковывается в смысле провала попыток создания буржуазной автономии (с. 591). Впрочем, эти искажения истории относятся главным образом к послереволюционному периоду, выходящему, строго говоря, за рамки исследуемой автором темы.

Искусственной представляется попытка Флейшхауэр объединить такие разнородные по своему содержанию сюжеты, как история прибалтийских немцев, немецкого чиновничества и городской буржуазии, судьба немецких колонистов в России⁶. Автор не излагает историю немецкого дворянства в Прибалтике — она ограничилась лишь теми его представителями, которые переселились в пределы собственно России. Однако связи их с Прибалтикой сохранились, как и пропасть между городской немецкой буржуазией и крестьянами-колонистами. Хотя автор и признает, что у прибалтийских баронов и колонистов до 1905 г. «не было и следа общих интересов» (с. 337), она тем не менее упорно старается отыскать свидетельства, позволяющие говорить о некоей «единой» истории всех немцев, проживавших в России. При характеристике немецкой городской буржуазии и чиновничества все сводится к описанию личностей, влияние же их на ход событий не показано.

Автор не пытается проследить социальные процессы в немецком крестьянстве. Упущены важные моменты социальной жизни колонистов: социальный состав новоселов, противоречия между отдельными общественными группами, вылившиеся потом в религиозные движения, процесс «первоначального накопления» в немецких селах. Объяснение причин пролетаризации части немецкого крестьянства сведено Флейшхауэр к тезису, что жители некоторых немецких колоний «передали свои участки состоятельным крестьянам» (с. 341). П. А. Столыпин, по словам Флейшхауэр, «защищал немецких крестьян и относился к ним с пониманием» (с. 430), хотя, как известно, именно он был автором антинемецкого проекта закона 1910 г., позже — уже в годы первой мировой войны — реализованного в форме «ликвидационных законов», которые угрожали немецкому крестьянству экспроприацией, хотя оставляли в покое немцев — городских буржуа и крупных землевладельцев.

Флейшхауэр не привлекает данные из трудов Г. Писаревского, работы меннонитского историка Ф. Изака, пастора К. Келлера о католических колониях и даже работы позднее эмигрировавшего в Германию пастора Я. Штаха, содержащие материал о социальной истории колонистов⁷. Не приняты ею во внимание и работы советских историков — Д. Шмидта и А. И. Клибанова, Б. Бартеля, И. Гебгарта и других⁸, а также дореволюционные издания по истории отдельных округов и территорий России, где селились немецкие колонисты⁹. Дело, по-видимому, в том, что Флейшхауэр (так же, как и Бартлет) сосредоточивается в основном на анализе правительственной политики в вопросах колонизации и регулирования жизни немецкого крестьянства. Основным источником для нее служит Полное собрание законов Российской империи. Не использована автором немецкая дореволюционная печать, но зато привлечены «свидетельства» черносотенных авторов вроде Велицына и Ренникова.

Книга Флейшхауэр посвящена в основном истории немецкой буржуазии, дворянства и интеллигенции, а также некоторым аспектам правительственной политики в отношении немецкого национального меньшинства в России. Гораздо интересней доклад той же Флейшхауэр «Немцы в русской революции», прочитанный на международной конференции в Бонне в мае 1988 года¹⁰. Здесь рассматривается отношение немцев России к Февральской и Октябрьской революциям. Основным источником послужили публикации Союза русских немцев, вышедшие в 1917 г. на русском языке, в которых отражалась точка зрения немецкой буржуазии, ранее близкой к октябристам и мирнообновленцам. В Обращении Союза к немцам России осуждалась национальная дискриминация немцев в России в годы первой мировой войны, отмечалось совпадение антикрестьянской позиции немецких землевладельцев и русских шовинистов, возлагавших ответственность за военные неудачи на «внутренних немцев».

Однако попытку автора сконструировать «специфически российско-немецкую форму революционной теории» нельзя признать удачной. Конечно, немцы России, а среди них преимущественно колонисты, претерпели «глубокое отрезвление» в своем отношении к династии Романовых¹¹. Но это никак не свидетельствует о создании ими или немецкой интеллигенцией какой-то особой «теории». Да и наличие таких деятелей, как Н. Бауман и П. Шмидт, в рядах участников революции 1905 г. не дает оснований говорить о каком-то специфическом революционном движении немцев в России.

Автор считает, что дифференциация мнений среди ранее «консервативных, аполитичных и преданных престолу» колонистов была сильнее, чем среди немецкого городского

населения. Однако отход части немцев-помещиков от линии русских октябристов не может служить здесь аргументом. Не аргументировано и положение о наличии крупной группы немцев-избирателей, голосовавших за меньшевиков и эсеров. В то же время интересно приводимое Флейшхауэр свидетельство о том, что попытки создать в России общенациональное немецкое парламентское представительство предпринимались «по инициативе из Германии», но успеха не имели «из-за полной незаинтересованности преобладающего большинства российских немцев».

В созданный в марте 1917 г. Всероссийский союз российских немцев вошли все те же октябристы (под главенством К. Э. Линдемана) и кадеты (из одесской немецкой буржуазии). Вряд ли правильно изображать этот союз как нечто единое и монолитное. Крестьяне-колонисты в Поволжье выступали за территориальную автономию, а в южных губерниях она буржуазии была не нужна. Отделения союза выдвинули в ходе выборов в Учредительное собрание различные программы в зависимости от своей политической ориентации и местной политико-экономической специфики: колонисты Поволжья были крестьянами-общинниками, а меннониты Юга — капиталистическими фермерами на подворном землевладении или землепользовании, они защищали частную собственность. Среди крестьян-колонистов Поволжья в 1917 г., наоборот, развернулось движение против хуторян и собственников, за общинный передел всей земли под лозунгом «Долой межевые столбы!».

Неверным представляется тезис Флейшхауэр, что в вопросе о мире немцы России в 1917 г. проявили «понятную сдержанность». Правильнее было бы говорить об их приспособлении к конъюнктуре в условиях дискриминационной политики, которую проводило Временное правительство (в частности, запрета немецкой прессы).

Соображения автора насчет участия немцев России в выборах в Учредительное собрание также нельзя признать обоснованными, поскольку специально избранных представителей немецкого населения там не было, а немцы, попавшие в число его депутатов, меньше всего думали об интересах немецкого населения (среди них были четыре представителя украинских эсеров и четыре фронтовика из той же партии). Вместе с тем автор вынужден согласиться с тем, что большевистские лозунги о земле повлияли на немецкое крестьянство, а лозунг мира был единодушно поддержан всеми немцами России. Флейшхауэр отмечает, что аграрная программа Октября была враждебно встречена немецкими землевладельцами, но поддержана сельским пролетариатом и малоземельным крестьянством, которые приветствовали подушное распределение земли.

Совместно с Б. Пинкусом (Израиль) Флейшхауэр написана объемистая работа о немцах в СССР¹², но серьезного анализа положения немецкого крестьянства в СССР в 20-е и особенно в 30-е годы в ней фактически нет. Сказалась при этом зависимость авторов от эмигрантских источников. Событиям 1941—1945 гг. Флейшхауэр посвятила специальную работу¹³, в которой рассматривается положение советских немцев на временно оккупированной фашистами территории. В ней использованы в основном материалы из архивов ФРГ и США. К сожалению, Флейшхауэр ограничилась изучением политики оккупационных властей, да и то главным образом в той мере, в какой она отражалась в деятельности центральных учреждений третьего рейха.

Из приведенных автором материалов видно, что Гитлер и его окружение имели весьма искаженное представление о немцах СССР. Слишком большое значение придается автором разногласиям между отдельными учреждениями и деятелями третьего рейха (прежде всего между Розенбергом и Гиммлером, то есть «министерством Востока» и аппаратом СС). «Команда д-ра Штумппа» (эмигранта с Украины) обследовала немецкие поселения на оккупированной территории, уделяя особое внимание численности населения и землевладению немцев в России и в СССР. Предполагалось довести это землевладение до уровня 1 августа 1914 г. (с. 58—59, 124), причем земли, принадлежавшие немецким колонистам, должны были стать базой для широкой германской колонизации Украины и Крыма. Немцев Поволжья Розенберг предполагал переселить на Украину или в Прибалтику (с. 68, 81).

Оккупанты стремились прежде всего взять на учет всех немцев на захваченной ими территории (с. 98, 100). Гитлеровцы понимали, что молодое поколение немцев СССР (особенно Поволжья) было менее всего готово к сотрудничеству с Германией (об этом говорилось в записке германского посольства в Москве от 2 января 1940 г.) (с. 62, см. также: с. 202—203). По распоряжению Гиммлера от 16 февраля 1942 г. (с. 67) советские немцы, оказавшиеся на оккупированной территории, в случае отказа от принятия германского подданства подлежали аресту и заключению в концлагерь (с. 68). Насильственному переселению должны были быть подвергнуты 600 тыс. немцев Украины и Крыма (с. 76), чьи земли подлежали передаче новым германским «колонистам» (с. 82).

В книге показано, что в ряде районов на Украине были очень сильны религиозные различия среди немцев (с. 107). Целью оккупационных властей было смягчение религиозных

распрей и усиление националистических настроений (с. 108). Фашисты передавали местным немцам имущество, дома и целые деревни евреев и украинцев, создавали преимущества в зарплате и снабжении (с. 109, 125). Автор отмечает факты сопротивления местных немцев расстрелам евреев, репрессий оккупантов в отношении немецкого населения захваченных ими советских территорий (с. 112, 114—116, 133). До 50 учителей-немцев, пишет Флейшхауэр, придерживались «просоветских взглядов» (с. 122), за что подвергались преследованиям со стороны оккупационных властей (с. 133). Создаваемые ими из местных немцев «отряды самообороны» (в основном против партизан) применялись и для «наведения порядка» среди колонистов (с. 143, 144). Транспорты немцев, переселяемых на Запад, «сопровождались» отрядами эсесовцев (с. 197, 217). Флейшхауэр отмечает факты сопротивления советских немцев массовому, насильственному их переселению (с. 216—217); дело доходило до разоружения «отрядов самообороны» и расстрелов (с. 216—217).

Основные разногласия между оккупантами и местными немцами возникали из-за земельного вопроса: сохранять ли прежние колхозы или же раздать земли в частное владение (либо пользование) (с. 176). Конфликт, пишет автор, доходил до «разочарования, ожесточения и до самовольного присвоения виноградников, имений и земель» (с. 147). Оккупанты не только сохранили колхозы, совхозы и МТС, но и принимали жесткие меры для укрепления дисциплины в этих хозяйствах (с. 147). В части немецких поселений были созданы бригады «арендаторов» (с. 181), которым отводилось не более 10% земли, большая же ее часть предназначалась для «германских фронтовиков» (с. 175).

Переселяемые с Украины советские немцы на новых местах были сначала заключены в лагеря, подвергались наказаниям и т. п. (с. 227), все мужчины были мобилизованы в армию (с. 229). Оккупационные власти в Польше не доверяли советским немцам (с. 234); по словам одного из свидетелей, русские немцы в Польше «были доведены до такого состояния, до которого их не могли довести ни раскулачивание, ни принудительная коллективизация при Советском правительстве» (с. 235).

Появление рассмотренных выше работ западноевропейских авторов, прежде всего И. Флейшхауэр, несмотря на имеющиеся в них недоработки и недостатки, вызванные специфическим подходом к проблеме и нехваткой источников, полезно и для советской науки, которая пока еще очень робко подходит к освещению истории немцев в России и в СССР.

Примечания

1. См., напр., наши статьи в «Исторических записках» (1983, № 109) и в «Известиях Сибирского отделения АН СССР» (1980, № 1).
2. См., напр., STUMPP K. Die Auswanderung aus Deutschland nach Rußland in den Jahren 1763 bis 1862. Tübingen. 1972.
3. BARTLETT R. Human Capital. Cambridge — Lnd. — N. Y. 1979.
4. Напр., КЕППЕН П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей в России в 1851 г. СПб. 1857; см. также: KABUZAN V. M. Zahl und Siedlungsgebiet der Deutschen im Russischen Reich 1796—1917. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1984, Hf. 10.
5. FLEISCHHAUER I. Die Deutschen im Zarenreich. Stuttgart. 1986 (далее сноски на эту книгу даны в тексте).
6. Неудачный опыт подобного соединения уже был в прошлом (см. SOMMER F. Die Einigungsbestrebungen der Deutschen im Vorkriegsrußland (1905—1914). Leipzig. 1940).
7. См., напр., ПИСАРЕВСКИЙ Г. Из истории иностранной колонизации в России XVIII в. М. 1909; ШТАХ Я. Очерки из истории и современной жизни южнорусских колонистов. М. 1916; ISAAK F. Die Molotschnajer Mennoniten. Halbstadt. 1908; KELLER C. Die deutschen Kolonien in Südrußland. Bd. 1—2. Odessa. 1905, 1914.
8. SCHMIDT D. Studien über die Geschichte der Wolgadeutschen. Pokrowsk. 1930; КЛИБАНОВ А. И. Мennonиты. М. 1931; BARTELS B. Die deutschen Bauern in Rußland einst und jetzt. М. 1928; GEBGART I. Das deutsche Dorf in der Ukraine. Charkow. 1927.
9. См., напр., HOFFMANN P. Die deutschen Kolonien in Transkaukasien. Brl. 1905.
10. FLEISCHHAUER I. Die Deutschen in der russischen Revolution. Erstes Internationales Symposium... Bonn, 1—3 Mai 1988.
11. Антикрестьянский характер «ликвидационных законов» был показан еще в годы войны (см. ЛИНДЕМАН К. Э. Прекращение землевладения и землепользования поселян-собственников. М. 1917, с. 384; ШТАХ Я. Ук. соч., прим. 10).
12. PINKUS B., FLEISCHHAUER I. Die Deutschen in der Sowjetunion. Baden-Baden. 1987.
13. FLEISCHHAUER I. Das Dritte Reich und die Deutschen in der Sowjetunion. Stuttgart. 1983 (далее сноски на эту работу даны в тексте обзора).

Рецензируемую работу доктора исторических наук Д. К. Шелестова неправильно было бы рассматривать только как политическую биографию А. И. Рыкова, хотя она и занимает в книге очень важное место, восполняя галерею политических портретов партийных и государственных деятелей, павших жертвой сталинских репрессий и надолго вычеркнутых из исторической памяти народа. В работе как бы воссоздается то «социальное время», которое довелось прожить, через которое пришлось пройти этому активному деятелю, оказавшемуся в гуще событий трех революций, призванному историей быть в составе руководящей коллегии советского государства в 20-е годы. Можно даже сказать, что само это «социальное время» — лейтмотив рассматриваемого труда.

В нем содержится большой и убедительный материал, работающий на преодоление мифа о том, что рядом с Лениным единственно «верным ленинцем» был только Сталин, который и стал по праву его преемником, продолжателем его дела. Автор показывает, что в формировании личности Рыкова огромное значение имело 20-летнее его общение и длительная совместная работа с Владимиром Ильичом¹. Они не раз расходились во взглядах, Ленин критиковал Рыкова (и порой резко), но вместе с тем считал его одним из виднейших большевиков, коммунистов² и эту убежденность сохранял до конца своих дней (с. 15). В книге подробно раскрываются основные вехи политических отношений Ленина и Рыкова. Автор особенно внимателен к различиям в их политических позициях. Он анализирует существо этих расхождений, преодолевая политические клише, предназначенные для мотивации «антиленинских» тенденций в биографиях тех, кто пал жертвой сталинизма.

Одно из крупных расхождений Ленина и Рыкова в оценке текущего момента и вытекающих из нее политических выводов имело место в апреле 1917 г. в связи с выступлением последнего на Апрельской конференции. Автор приходит к мотивированному выводу: «Нельзя не видеть, что это было выступление революционера-большевика, неотделимого от революционно-практической деятельности своей партии, по-своему оценившего весной 1917 г. «текущий момент», допускавшего возмож-

ность блока с меньшевиками и эсерами, но не соглашательского, а на основе «размаха революции», на основе иллюзорного представления о стягивании при помощи этого блока «социалистических партий» в революцию. Эта политическая иллюзия, — заключает автор, — обернулась для него позже, в первые послеоктябрьские дни, драматически». В книге аргументированно отвергается бытовавшее утверждение, что Рыков занял «меньшевистскую» (или «полуменьшевистскую») позицию, и доказываемым, что «меньшевизм с его соглашательством был всегда чужд революционеру Рыкову» (с. 93).

В результате Октябрьской революции Россия — страна, как считает автор, второго эшелона мировой капиталистической системы, «вышла на самый передний рубеж всемирной истории» (с. 17). Здесь, по-видимому, следовало бы уточнить, что речь идет о переднем рубеже — в области политической. Впрочем, сам автор разделяет тот взгляд, что в начале осени 1917 г. образовались объективные политические предпосылки, «которые создавали практическую возможность взятия власти пролетарской партией». Вместе с тем здесь же говорится, что страна вплотную подошла к экономической катастрофе (с. 107). Однако проблема предпосылок социалистической революции, к которой неоднократно возвращается автор, характеризуется в книге довольно противоречиво: отдается дань и новому видению этой проблемы и укоренившейся традиции.

Дискуссионным является и авторский подход к объяснению колебаний и ошибок ряда большевиков (в том числе и Рыкова) по вопросу об «однородном социалистическом правительстве» осенью 1917 г., их выход из состава ЦК партии и первого советского правительства. Автор правильно определяет существо этой первой оппозиции внутри руководящей партийной коллегии как результат неверной ориентировки в сложной политической обстановке. Однако правомерно ли считать, что такое понимание до сих пор сдерживает «существующая в нашей литературе трактовка вопроса об объективных предпосылках социалистической революции», которая, как пишет автор, отрицает по существу «вполне реальную вероятность капиталистического развития страны после Февральской революции и тот факт, что социалистическая революция была лишь альтернативой такой вероятности»? (с. 107), Думается, такое толкование этой проблемы является упрощением и не может служить аргументом.

В книге показано, что «звездные часы

1. В книге уточняется время первой встречи Рыкова с Лениным, зафиксированное в ленинской Биохронике датой — апрель 1909 г., тогда как в действительности она произошла в 1903 г. в Женеве (с. 61).

2. ЛЕНИН В. И. Полн. собр. соч. Т. 41, с. 417.

политической биографии» Рыкова приходится на годы совместной работы его с Лениным в 1918—1922 г. в качестве председателя ВСНХ (до мая 1921 г.) и заместителя председателя СНК РСФСР. Весной 1918 г. Рыков возглавил орган, обладавший в то время чрезвычайной широтой полномочий, ведавший организацией всего народного хозяйства и финансов. Новый председатель ВСНХ полностью воспринял ленинскую программу очередных задач Советской власти, в которой, как известно, было заложено немало идей, вошедших впоследствии в ленинскую концепцию нэпа. Автор подчеркивает, что Рыков одним из первых государственных деятелей, возглавлявших ведомственные структуры, приветствовал переход к новой экономической политике, считая, что она «вводится твердо и на долгий срок» (с. 162).

В книге приводятся малоизвестные факты, свидетельствующие о том, что и в годы гражданской войны Рыков не идеализировал административно-командную систему управления военной экономикой, считая ее исторически обусловленной состоянием военного времени, выступая против крайних мер (в частности, против установления проддиктатуры). В недрах ВСНХ уже в начале 1920 г. зрела идея упразднения подразделения, подвергалась критике гипертрофия централизованного управления промышленностью, бюрократизация управленческого аппарата (с. 161). Фигура Рыкова на рубеже 1921—1922 г. выделяется в качестве одного из ведущих лидеров перестройки советской экономики на базе нэпа. Не случайно поэтому, что именно весной 1922 г. после XI съезда РКП(б) по предложению Ленина было принято решение о расширении состава Политбюро ЦК партии и в него были избраны не входившие в его состав ранее и не являвшиеся кандидатами в члены бюро Рыков и Томский. Автор считает, что при принятии этого решения учитывалось такое качество Рыкова, как «непримиримость к «левизне», левацким шарханьям в политике и экономике, последовательность в проведении нэпа» (с. 227).

Решение ЦИК СССР от 2 февраля 1924 г. об утверждении Рыкова главой советского правительства не было неожиданным. Оно свидетельствовало о том, что руководящая коллегия страны признавала восстановление и развитие экономики, осуществление

нэпа приоритетной задачей. По оценкам западных экспертов, часть которых воспроизводится в книге (с. 222—223), Рыков был самой крупной фигурой из числа тех советских руководителей-«прагматиков», которые уже не питали надежд на мировую революцию, а ориентировались на внутренние факторы возрождения и развития страны. Председатель СНК прекрасно понимал, что необходимо достигнуть «в материальном и культурном отношении уровня, превышающего Западную Европу или даже достигающего его». И только тогда можно будет говорить о вступлении в стадию непосредственного социалистического строительства (с. 231). Автор показывает, что взгляды Рыкова на судьбу социализма, перспективы и этапы его строительства отличались реалистической взвешенностью, далекой от набравших силу настроений «революционного нетерпения».

Воссоздавая политический портрет героя своей книги, автор стремится избежать его идеализации. В целом это ему удалось и именно потому, что политический облик Рыкова рассматривается в реальном контексте социального времени, в котором он жил и действовал. Это обстоятельство необходимо учитывать и при оценке неадекватного отношения Рыкова, как и всего ближайшего окружения Ленина, к его политическому завещанию (с. 213), позиции, занятой Рыковым в январе 1928 г. в отношении введения чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок (с. 214). В книге подвергается критике непоследовательность и противоречивость политической позиции, занятой Рыковым в процессе ожесточенной внутривластной борьбы (с. 244—247). Вместе с тем автор конкретизирует роль Рыкова в организации сопротивления сталинщине, в отстаивании ленинских принципов новой экономической политики.

Уничтожая выдающихся представителей ленинской гвардии, Сталин стремился вытравить из общественного сознания подлинную историю революции и ее традиции. Но правда должна была восторжествовать. Рецензируемая книга, написанная не только профессионально, но и на большом эмоциональном подъеме, помогает осмыслению самых сложных и трагических страниц нашего прошлого.

В. М. Селунская

Г. А. ГЕРАСИМЕНКО. *Земское самоуправление в России*. М. Наука.. 1990. 264 с.

В литературе, изданной в досоветское время, история земства представлена достаточно широко и разнообразно; особенно

интенсивно она разрабатывалась в 1910—1914 гг., когда отмечался полувековой юбилей земского самоуправления. Советские

историки продолжили эти исследования, но сосредоточили свое внимание главным образом на изучении земского либерализма и роли земской интеллигенции в освободительном движении.

До последнего времени в отечественной историографии оставался неразработанным один из самых ответственных периодов в истории земства — 1917—1918 годы. Единственная статья, посвященная этому времени, касается частного вопроса¹. Между тем именно в эти годы земства пережили свой звездный час в ходе Февральской революции, затем коренную реорганизацию в соответствии с реформой, проведенной Временным правительством, участвовали в острой борьбе за место под солнцем в период от Февраля до Октября, а затем прошли полосу крушения в связи с установлением власти Советов.

Автор рецензируемой монографии заведующий кафедрой истории СССР Академии общественных наук при ЦК КПСС доктор исторических наук Г. А. Герасименко рассматривает всю историю земств, исходя при этом из того, что они представляли собой институт, выражавший интересы, цели и намерения российской буржуазии.

Дофевральский период освещен в книге в основном по уже имеющейся литературе, хотя по некоторым вопросам, изученным слабее, автор привлекает новые источники. Рассматривая период между первой и второй русскими революциями, автор весьма подробно рассказывает о попытке П. А. Столыпина поставить земства на службу аграрной реформе. Интересна характеристика состояния органов земского самоуправления накануне Февральской революции.

По мнению автора, основной результат, достигнутый земствами за полвека их существования, это земский аппарат и его кадры, которыми буржуазия могла воспользоваться при переходе государственной власти в ее руки. «Подобно тому, как рабочий класс к моменту Октябрьской революции имел готовый механизм государственной власти в виде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, в канун Февральской революции в качестве буржуазного аппарата управления оказались земские учреждения и армия земских служащих, способных пустить его в дело» (с. 51).

Материалы книги свидетельствуют о неизбежности возникновения земского самоуправления, однако царская бюрократия сделала все от нее зависящее, чтобы подавить ростки нового общественно-политического института. Она выступала против

земской реформы на всех стадиях ее разработки. Борьба шла по важнейшему вопросу — о линии разграничения, отделяющей хозяйственные проблемы уездов и губерний от политических вопросов.

Автор показывает, какими сложными и противоречивыми процессами сопровождалось рождение земств. Вынужденная под давлением обстоятельств согласиться с появлением органов местного самоуправления, бюрократия сумела деформировать их и приспособить к своим потребностям. В итоге земства, скованные мелочной бюрократической опекой, так и не смогли полностью раскрыть свои возможности.

И тем не менее система земств оказалась работоспособной. Их жизнеспособность обеспечивалась прежде всего тем, что они были самоуправляющимся механизмом: сами избирали свои руководящие органы, определяли структуру управления, направления своей деятельности, подбирали и готовили нужных им специалистов и т. д. К тому же они располагали значительными финансовыми возможностями, поскольку имели право вводить специальные налоги.

Основное внимание в монографии уделено истории земства в 1917—1918 годах. Этому периоду посвящены пять глав. Вошедшие в них сюжеты во многом исследованы впервые. Выяснение роли и места земств, представлявших, по мнению автора, правое крыло российского общества в событиях 1917 г., позволяет более точно определить расстановку сил в революции 1917 г. и правильнее оценить сущность общественно-политических институтов, представлявших эти силы.

Восстановление подлинной истории земства дает возможность получить более полное представление и о Февральской революции, и о событиях лета и осени 1917 г., и об Октябрьской революции. Советы, с одной стороны, земства и думы — с другой, представляли два противоположных пути развития революции: первые — революционно-демократический, а затем пролетарский, вторые — буржуазный. Борьба земств против Советов шла с переменным успехом. Земствам иногда удавалось захватить власть в свои руки, однако удержать ее более или менее длительное время они были не в состоянии. Как только они приступали к практической деятельности, то сразу же обнаруживалась их сущность и народ отказывал им в доверии, отдавая предпочтение Советам.

По вопросу о причинах краха земского самоуправления в науке ведутся споры. Американский историк У. Розенберг считает, что земства сошли со сцены из-за темноты, невежества и консерватизма крестьян, их приверженности к старым инсти-

1. См. АБРАМОВ П. Н. Волостные земства. — Исторические записки. Т. 69.

тутам управления и враждебности к либеральному конституционализму². Герасименко же считает, что главная причина краха земского самоуправления заключалась в том, что земства изначально и после земской реформы Временного правительства были буржуазными учреждениями. Борьба между Советами и органами местного самоуправления непосредственно отражала противоборство рабочего класса и крестьянства с буржуазией, в ходе которого пролетариат показал себя более организованным, сплоченным и сильным, нежели буржуазия, и поэтому одержал победу.

Выводы и обобщения, сделанные в кни-

2. ROSENBERG W. The Zemstvo in 1917 and under the Bolshevich Rule. — *Zemstvo in Russia*. Cambridge University Press. 1982, pp. 402, 403, 405.

А. ЦІТОУ. *Гарадская геральдыка Беларусі*. Мінск. Полымя. 1989. 207 с.

А. ТИТОВ. *Городская геральдика Белоруссии*.

В последние годы проблемы отечественной геральдики, и прежде всего история городских гербов, привлекают большое внимание. Но сравнительно хорошо изучена в настоящее время лишь российская городская геральдика XVIII—XIX веков. Даже оставляя в стороне дискуссионный вопрос о существовании городских гербов на собственно русских землях до Петра, следует все же констатировать, что геральдика как петровского, так и позднейшего времени, несомненно, вобрала в себя и во многом сохранила наследие прежних веков: и древние земельные гербы Российского государства, и памятники иных геральдических систем, в том числе гербы городов Прибалтики, Белоруссии, Литвы, Украины.

Городская геральдика указанных регионов изучена до сих пор довольно слабо, и книга А. К. Титова во многом восполняет этот пробел применительно к территории нынешней Белоруссии. Автор рассматривает гербы городов, а также населенных пунктов, в прошлом имевших статус города. Анализируя функции городского герба, он отмечает его значение как внешнего признака наличия у городских общин статуса самоуправления (обычно на основе магдебургского права), существования у них собственных органов власти, своего административного аппарата, обязательными атрибутами которого были герб и печать.

Гербы появились у белорусских городов уже в XV—XVI вв., еще до Люблинской унии 1569 года. Случаи пожалова-

ге, базируются на солидном массиве разнообразных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, а также на значительном статистическом материале, разработанным автором.

Нельзя не отметить, что деятельность земств в годы первой русской революции представлена в книге мимоходом и бегло, хотя она и заслуживала самостоятельного анализа. Деятельность же земств в предреволюционный период показана весьма основательно и полно. При рассмотрении места и роли земства в революции 1917 г. на первый план снова выходят общие социально-политические сюжеты, а история собственно земства отступает на второй план и воссоздается лишь фрагментарно.

П. С. Кабытов

ния гербов довольно многочисленны до середины XVII века. Затем этот процесс прерывается, и новый «всплеск» герботворчества отмечен в Западной Белоруссии в 1791—1792 гг. при утверждении магдебургского права за многими городами этого региона. В то же время для Восточной Белоруссии, еще в 1772 г. присоединенной к Российской империи, характерен «отказ русских властей от традиционных символов городского самоуправления и пожалование городам новых гербов» (с. 44). При этом использовались элементы земельной и государственной геральдики Великого княжества Литовского. В том же духе Герольдия действовала и после присоединения к Российской империи остальных белорусских земель (1793—1795 гг.). Из 42 городских и уездных белорусских гербов только 7 сохранили прежние эмблемы. Титов объясняет это стремление властей к «стандартизации и нивелировке локальных особенностей в угоду идеологическим требованиям самодержавия, .. целенаправленным уничтожением старых городских гербов», напоминавших о независимости Речи Посполитой (с. 47).

Автор считает, что «сам институт геральдики имеет западноевропейское происхождение», причем белорусская геральдика испытала «влияние польской, а последняя — немецкой геральдической традиции» (с. 48). Однако городские гербы Белоруссии не просто копировали европейские образцы, но творчески перерабатывали их «с включением целого ряда местных, специфических

черт, использованием сюжетов, непосредственно связанных с особенностями того или иного города» (с. 48—49). Титов справедливо отмечает, что белорусская городская геральдика «является неотъемлемой частью как белорусской, так и общеевропейской культуры» (с. 48).

В книге рассмотрена история гербов 70 городов, от крупных, таких, как Минск, Брест, Гродно, Могилев, Витебск, Полоцк, до небольших городков, в том числе таких, как Угорье, известное с конца XVI в., но в первой половине XIX в. исчезнувшее с географической карты. Вызывает, однако, сомнение избранный в этих очерках стиль описания некоторых городских гербов. Присутствующие в них изображения христианских святых «зашифрованы»: св. Петр в гербе Малеча — «мужская фигура с ключами в руке», св. Мария в гербе Минска — «женская фигура между двумя ангелами и херувимами» (с. 146—147) и т. д. (По-видимому, такая трактовка их символики — это попытка облегчить возвращение старинных гербов в современную городскую жизнь.)

Возникает вопрос, насколько оправдано вычленение белорусской городской геральдики в рамках Великого княжества Литовского и как соотносится история, эмблематика рассматриваемых гербов с гербами других (литовских, русских) городов, также входивших в состав этого государства и получивших магдебургское право практически одновременно. Лишь мимоходом упомянуты, но не раскрыты связи геральдики исследуемого региона с польской геральдической традицией. Специфические черты исследуемых памятников были бы заметнее в сравнении с другими, то есть на более широком историческом фоне.

Автору удалось ввести в научный оборот целый ряд неизвестных ранее источников (королевских привилеев, городских печатей). Работа Титова проливает дополнительный свет на историю городской геральдики Великого княжества Литовского, составляющей важный элемент белорусского культурного наследия.

С. В. Думин

J. BASZKIEWICZ. *Francuzi 1789—1794. Studium świadomości rewolucyjnej*. Warszawa. 1989.

Я. БАШКЕВИЧ. *Французы 1789—1794. Исследование революционного сознания*.

Развитие революционного сознания французов 1789—1794 гг. является одной из центральных тем в современной историографии¹. Автор рецензируемой книги Ян Башкевич — известный польский историк, видный специалист по истории Франции — справедливо замечает, что массовое революционное сознание, а также размышления лидеров революции над революционным процессом принадлежат к сюжетам, слабо разработанным в историографии и недооцененным историками Великой французской революции. Между тем изучение этих вопросов важно. Ведь от состояния общественного сознания зависел накал революционных событий, а значит, во многих случаях — и их развитие, да и судьба революции также зависела от состояния умов народной массы, ее творческой, и от революционной мысли ее политических лидеров. Исследование их взглядов на причины революции (главные и второстепенные), ее задачи, желаемый результат расширяет наши представления и о революционном процессе и о самом времени и людях, творящих историю.

Оригинальны и замысел и построение книги. Она состоит из очерков, посвященных различным аспектам революционного

сознания и политического мышления на протяжении всей революции, а в ряде случаев — и предреволюционного времени. Свое исследование Башкевич построил на богатом документальном материале. Он привлек записки, мемуары, публицистические статьи и заметки, публичные выступления очень разных по своим политическим взглядам деятелей (от Мирабо до Бабефа), брошюры, песни, плакаты, спектакли.

Башкевич отмечает, что для большинства политических лидеров буржуазии первоначально была характерна чрезвычайно умеренная политическая программа — монархия, но на основе ее «обновленного союза» с третьим сословием. У этой программы были сторонники, и получила она особую актуальность в период конфликта короля с собранием французских нотаблей весной-летом 1788 года. Начало же действительно революционной политической активности Башкевич справедливо связывает с выборами в Генеральные штаты.

Вполне обоснованно обращается в книге внимание на то, что вовлечению масс в активную политическую жизнь способствовало политическое и административное переустройство Франции. Только различных муниципальных и других выборных должностей было введено

1. См. VOVELLE M. *La mentalité révolutionnaire*. P. 1985.

1,3 миллиона. По конституции 1791 г. «активными», то есть обладающими политическими правами, стали 4,3 млн. человек. Автор подчеркивает факт чрезвычайной политизации общественного сознания во время революции и его идейной поляризации.

В очерке, который озаглавлен «Мы и они», рассматриваются причины жестокого классового противостояния в годы революции. Автор связывает его со спецификой предреволюционных социальных и политических структур, относительно слабой социальной мобильностью французского общества, традиционным пренебрежением к торговой и промышленной деятельности. В книге прослежен весьма динамичный процесс перегруппировки сил в годы революции. Врагами могли оказаться вчерашние друзья революции. Оппозиционная партия сразу превращалась не в оппонента, а во врага. Характерны были категоричность суждений, отсутствия какого бы то ни было сомнения в собственной правоте.

Рассуждая об истоках такой ментальности, Башкевич все же недостаточно уделяет внимания просветительской идеологии, которая определяла духовную и идеологическую атмосферу эпохи. Категоричность французских революционеров, их нетерпимость, стремление к полному разрыву с прошлым, конструирование идеального общества в опоре только на свой разум и безграничная вера, что именно им открылась «высшая добродетель» — все это было вызвано к жизни не только классовым противостоянием, но и в первую очередь указывает автор, но и характерными чертами общественного сознания, которые были свойственны эпохе Просвещения. Башкевич исследует мотивы поведения и требования, выдвигавшиеся различными социальными группами, входившими в третье сословие, обращает наше внимание и на психологические мотивы поведения политических лидеров буржуазии.

Развитие идеи революционного преобразования общества Башкевич прослеживает, начиная с предреволюционной эпохи, когда французские политические деятели возлагали свои надежды на «реформы сверху» и мирный исход кризиса 1788 — начала 1789 года. Но как только власть продемонстрировала свою слабость и беспомощность, возникает мысль о завоевании этой власти. Автор сосредоточивается на проблеме рождения и утверждения идеи

революционного насилия как наиболее надежного средства от всех бед и единственного способа расправиться с врагами и утвердить добродетель. Соглашаясь с многими выводами автора, мы все же считаем, что рассмотрение якобинского режима, личностей Робеспьера и Сен-Жюста могло бы быть более взвешенным и многосторонним. Нельзя, в частности, уходить от вопроса об ответственности Робеспьера за террор.

В книге показано, как изменялось содержание великих лозунгов революции — «Свобода, равенство, справедливость, добродетель, братство, всеобщее счастье», как они влияли на формирование революционного сознания. Так, идея равенства прошла путь от «равенства прав» до коммунистических настроений и замыслов.

В заключении, которое Башкевич назвал эпилогом, он нарисовал картину резкого спада и политической активности и революционного сознания французов, который наступил очень скоро после переворота 1794 года. Вывод автора таков: «Когда сытая, эгоистичная и консервативная французская буржуазия отворачивалась с неодобрением от дела своих отцов, когда мелкобуржуазные радикалы могли только жестикулировать, но не действовать якобински — дух Великой революции мы находим в первой рабочей революции XIX в., той, которая произошла в июне 1848 г., так высоко оцененной Марксом» (с. 301). Этот вывод кажется несколько категоричным и односторонним. Разочарование, наступившее после Французской революции, было огромным и всеобщим. Это было разочарование, вызванное несоответствием между великими обещаниями и реальными результатами. Буржуазия отвернулась от «дела своих отцов», нация устала от скороспелых преобразований, террора, от полного отрицания всего прошлого. И тем не менее прав Башкевич: дух Великой революции жив и по сей день. Жив он и среди обездоленных, «взбунтовавшихся против прошлого и смело перекраивающих настоящее» (с. 302), но он жив и в его более широком звучании. Дух Французской революции — в ее свободолюбии, в ее вере в возможность гармонии в человеческих отношениях, в ее жертвенности во имя высоких идеалов.

Е. И. Федосова

История науки

На протяжении ряда лет в Италии выходит многотомная серия «Социальная история и история культуры Италии». Ранее были опубликованы три книги I тома («История: события и персонажи»), две книги т. II («Литература и язык»), т. III («Спектакли — музыка, театр, кино»), две книги т. IV («История искусства»), первая книга т. V («Философская и научная культура»), т. VI («Фольклор»). Только что вышедшая вторая книга т. V «История науки» представляет собой подготовленные под общей редакцией К. Маккани и П. Фрегуля тематические очерки. В них учтены новейшие западноевропейские достижения в изучении как истории науки в целом, так и ее отдельных отраслей.

Работа не имеет строгих хронологических рамок. Составители объясняют это тем, что решили не стеснять творческой мысли авторов, и в еще большей степени — стремлением осветить очень большой период от средних веков до третьей четверти XX в. и притом так, чтобы сосредоточиться в изложении материала лишь на тех хронологических отрезках и проблемах, по которым можно сказать новое слово, переосмыслить прежние выводы или дать отсутствовавшие ранее обобщения. Отсюда и структура книги: рубрика «Астрономия» охватывает факты XV—XX вв., «Математика» — с XIII по XX в., «Физика» — с XVI по XX в., «Химия» — с XV по XX в., «Биология» — с XVI по XIX в., «Геология» — с XVI по XX в., «Медицина» — с XIII по XX в., «Техника» — в основном с XIV по XIX век. Конкретные данные по истории науки приводятся авторами преимущественно в контексте всей истории Италии и на фоне развития европейской науки в целом.

Наиболее интересен раздел, касающийся развития техники. Он содержит богатые сведения по истории производительных сил, научно-технических взглядов и состоит из двух подразделов: «Инженерия» и «Техническая мысль». Авторы первого (Э. Бенвенуто, М. Корради, Дж. Пигафетта), использовавшие большое количе-

ство фактов, поясняют, что, по их мнению, XIV в. отмечен концом строительства сооружений средневекового типа, а XIX в. знаменует собой начало успехов современной механики. Однако параграфы этого подраздела («Возрождение», «Галилеева школа», «Новая механика XVIII в.», «Структурная механика XIX в.») охватывают далеко не все тематическое содержание изучаемого периода, поскольку практически лишь мимоходом упомянуты в книге сюжеты о «вторичной механике» в Италии под воздействием открытий Р. Декарта, Х. Гюйгенса, И. Ньютона, Г. В. Лейбница и Л. Эйлера. Наиболее любопытно в подразделе последняя глава, в которой прослежена линия научно-технического развития от успехов инженерии XIX в. к современным всемирного значения трудам С. П. Тимошенко по сопротивлению материалов и теории упругости.

Автор второго подраздела, К. А. Сеньини, предпочел разбить материал на десятки параграфов, охватывающих только XV—XVII вв. и привязанных каждый к конкретным ученым, их изобретениям либо научным работам. Такая дробность затрудняет восприятие материала. В то же время подраздел отличается обилием самых свежих данных по отдельным вопросам. В этом смысле он, как, впрочем, и вся книга, конкурирует с дополнительными томами к «Итальянской энциклопедии наук, литературы и искусств», где постатейное изложение доведено до 1960 года¹.

Рассматриваемая книга может служить полезным научно-историческим справочником. В ее заключительной главе (автор Э. Калкини) речь идет об историческом и лингвистическом аспектах технической терминологии.

В. Н. Шевардин

1. *Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti.* Tt. 1—36. R. 1929—1939. Nuov. append. Tt. 1—2. 1961.

Некоторые проблемы Великой Отечественной войны на страницах «Военно-исторического журнала»

История Великой Отечественной войны была и остается одной из самых важных и острых проблем советской историографии. И в средствах массовой информации, и публицистических изданиях она неизменно занимает существенное место. Естественно, что для «Военно-исторического журнала» (ВИЖ) все, что относится к истории этой войны, имеет первостепенное значение.

К сожалению, не все публикации этого журнала могут удовлетворить профессионального историка. Можно было бы заметить, в частности, что слишком много места отведено не узловым темам и эпизодам. Но гораздо важнее, конечно, то, как освещаются крупные, ключевые проблемы.

Возьмем, например, вопрос о поражениях Красной Армии в первый период войны — сама суть этой проблемы, главные вопросы, к ней относящиеся, обходятся молчанием. А к ним относятся: роль фактора внезапности, по чьей именно вине противник в июне 1941 г. сумел им воспользоваться, в каком смысле вообще можно говорить о внезапности, в чем она конкретно проявилась, как повлияла на формирование способа ведения войны, на ее ход и исход, на послевоенное развитие страны. Авторы ВИЖ нередко предпочитают обходиться старыми доводами: ссылаются на то, что история отвела нам мало времени, на «объективные» причины. Но при этом не подчеркивается главное, что суть дела сводится к просчетам Сталина и его ближайшего окружения в оценке противника и его намерений, бездеятельности руководства страны и армии перед лицом грозной опасности. Объективные же факторы — колоссальные духовные силы советских народов, огромная территория и развитая экономика СССР, возможность других антифашистских государств — действовали как раз в противоположном направлении. Достаточно напомнить, что в конкретных условиях лета-осени 1941 г., когда все активные факторы сопротивления агрессии были чрезвычайно ослаблены, необъятные просторы нашей страны, несомненно, оказались спасительными. В ВИЖ встречаются и совершенно нелепые суждения: Сталин не развернул войска, потому что знал точно соотношение сил наших и немецких (1989, № 6, с. 5). Но разве именно это обстоятельство не должно было побудить советское командование к заблаговременному развертыванию сил? Высказывается в журнале и такое соображение: если РККА «перешагнет границу... против СССР пойдет весь капиталистический

мир» (однако развертывание ни в коей мере ещё не означало «перешагивания» через границу).

В большой мере производной от предыдущей является проблема военных потерь. До сих пор не осуществлены капитальные исследования и публикации документов по этому вопросу. Напечатаны отдельные материалы, позволяющие сделать лишь некоторые наблюдения. Учет людей в РККА в военное время осуществлялся плохо. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) и ныне не имеет, например, данных о численности красноармейцев, оказавшихся в плену, не говоря уже об обстоятельствах их пленения. Известные солдатские медальоны были отменены приказом НКО № 138 еще 15 марта 1942 года. Фактически они и раньше были не у всех военнослужащих. Отказались от поименного учета потерь. 12 апреля 1942 г. на таком учете состояло лишь около одной трети общего числа убитых. Графа «без вести пропавшие» позволяла списывать миллионы мертвых и живых, святых и грешных. Подобное отношение к жертвам продолжалось и в последующие десятилетия. Соответствующие ведомства начали заниматься данным вопросом лишь в самое последнее время. И дело вовсе не в том, что сведения эти были недоступны. Фактически сбрасывалась со счетов вся эта проблема вместе с так и не погребенными останками сотен тысяч красноармейцев.

Соотношение потерь на советско-германском фронте компрометирует все сталинское руководство войной. Институт военной истории Министерства обороны СССР соорудил на этот счет несложную комбинацию: названное Н. С. Хрущевым число советских потерь убитыми сопоставляли с числом убитых, а также раненых и других потерь Германии. ВИЖ пошел дальше. Жертвы Германии были объявлены «несколько не меньшими», чем понесенные Советским Союзом (1990, № 3, с. 16). Впрочем, здесь же авторы сообщили, что безвозвратные потери немцев будто бы составляли около 5,5 млн., а СССР — 8 668 400 человек. По-прежнему смешивают потери общие, безвозвратные, убитыми. Ряд авторов утверждает, что все исследования их предшественников построены «на домыслах» (1990, № 3, с. 16). По утверждению В. И. Филатова, сведения о потерях СССР (20 млн.) сфабрикованы пропагандистами вермахта еще в 1942 г. и ныне направлены на «разложение наших войск» (1990, № 3, с. 96). Между тем, по данным весьма авторитетных ученых из Института марксизма-

ленинизма при ЦК КПСС, а также из Германии, потери вермахта убитыми на Восточном фронте составляли около 2,8 млн. (а на всех фронтах — свыше 4 млн.), а РККА — около 14 млн., то есть соотношение потерь — 1:5. Соотношение жертв в целом по населению Германии (свыше 6 млн.) и СССР (27 млн.) несколько меньше — 1:4,5¹.

Вызывают сомнение приводимые журналом сведения о безвозвратных потерях СССР по годам войны. Если на первые два года (оборона и отступление) приходится, как утверждается в ВИЖ, немногим более 50%, то вывод о «наибольших потерях» (1990, № 3, с. 15—16) в этот период оказывается несостоятельным. Если число красноармейцев, попавших в плен в последующие годы, резко уменьшилось, значит, выросла доля убитых (поскольку общее число убитых и пленных в 1941—1942 и 1943—1945 г. почти одинаково). Потери погибшими в 1941 г., по данным ВИЖ, составили примерно 1,7 млн. (20% общего числа), в том числе около 1,5 млн. в Смоленском сражении, Киевской и Московской оборонительных операциях. Не слишком ли мало — всего 0,2 млн. остается на долю всего Приграничного сражения, Ленинградской битвы и других операций 1941 года? И главное. Как быть с не меньше чем 3 млн. погибших в 1941 г. пленных, если общее число погибших, по мнению авторов ВИЖ, — 1,7 млн.?

ВИЖ пытается вообще обойти вопрос о причинах непомерно больших потерь, понесенных Советским Союзом. Повторяются ссылки на то, что «война есть война» (1989, № 6, с. 6), что мы терпели поражения, но «в конечном итоге победили». «Пацифисты кричат», заявляет В. И. Филатов, что победа «досталась слишком дорогой ценой! А поражение было бы дешевле?» — задает он сугубо риторический вопрос. Но тем самым автор переходит к совсем другому вопросу, не дав ответа на первый. По мнению Е. И. Рыбкина, «большая разница в потерях — это прежде всего результат различного политического характера войны» (1989, № 3, с. 53). Агрессор стремился истребить максимальное число людей, в том числе мирных жителей и пленных. В этом суждении доведен до абсурда классовый подход, чувствуется влияние ложного тезиса Сталина о нациях агрессивных и миролюбивых. А суть дела заключается в порочном руководстве одной из «миролюбивых наций», позволившем агрессору уничтожить не только 14 млн. военнослужащих, но и почти столько же мирного населения. Особенно нетерпимо, когда об этих потерях говорят как о вкладе СССР в разгром фашизма. Апология жертвенности пронизывает публикации журнала, в том числе и «странички главного редактора» (1990, № 4, с.96).

По-старому трактуются советско-германские договоры 1939 года. Авторы ВИЖ отвергают существование секретных приложений к ним, как и известное решение Съезда народных депутатов СССР по этому вопросу (1990, № 12, с. 42). Не лишним будет напомнить, что документы о разграничении советских и германских войск по рекам Писса, Нарев, Висла, Сан были опубликованы в СССР сразу же после вступления Красной Армии в западные области Украины и Белорус-

сии². Прямо или косвенно о наличии секретного соглашения свидетельствуют и многочисленные факты, такие, как отвод германской армии с оккупированных ею территорий (район Бреста и др.) и занятия их РККА.

Авторы ВИЖ отрицают существование в 1939 г. приемлемой для СССР альтернативы договорам с Германией (1990, № 12, с. 70), хотя специально эту проблему никто еще достаточно глубоко не изучил. Так, никем не доказано, что возможности переговоров СССР с Англией и Францией были исчерпаны, что была невозможна военная конвенция этих государств, что в случае отказа СССР от соглашения с Германией последняя немедленно напала бы на него, что полный нейтралитет СССР был будто бы невозможен. В свете новых данных по меньшей мере наивно звучат старые утверждения о «вынужденном» решении Сталина вступить в соглашение с Гитлером (1990, № 2, с. 29—34). Это были договоры равноправных партнеров. Односторонни или просто неверны утверждения о гитлеровских «зондаже» и «ультиматуме». Обоюдное движение диктаторов навстречу друг другу началось сразу же после Мюнхенского соглашения. Разумеется, нельзя впадать и в противоположную крайность: сбрасывать со счетов известную политику «умиротворения». Однако нелепо возвращаться сегодня к мысли Сталина о том, что новую войну готовил мировой империализм во главе с Англией «изначально как войну против Советского Союза» (1989, № 12, с. 9). Вторую мировую войну готовил и развязал фашистский блок во главе с Германией, и она не была направлена исключительно против СССР.

Вопреки новейшим исследованиям, авторы ВИЖ утверждают, что договоры с Германией будто бы полностью соответствовали международному праву и нравственным нормам (1990, № 10, с. 19). По мнению В. И. Прибылова, любое соглашение нужно оценивать в зависимости от того, насколько оно обеспечивает национальные интересы государства. Но ведь что бы ни говорили Сталин и его преемники, договоры 1939 г. были направлены против третьих держав. Не только провозглашение 28 сентября общей советско-германской границы, но и секретное приложение к пакту 23 августа были сговором о ликвидации Польши. Разумеется, в этих договорах было праведное — воссоединение с Украиной и Белоруссией их западных областей. Это признает большинство ученых и политиков различной ориентации во всем мире. Но было в них и другое. По соглашению 23 августа к СССР отходили также земли Варшавского и Люблинского воеводств, населенные почти исключительно поляками. Правда, вскоре это было пересмотрено, и новая западная граница СССР в основном стала совпадать с восточной этнографической границей Польши.

Авторы и единомышленники ВИЖ утверждают, что пакт 23 августа подготовил будто бы создание будущей антифашистской коалиции. Антифашистская коалиция возникла в 1942 г., в первую очередь, вследствие противоречий между двумя группировками в капиталистическом мире. СССР же вступил в войну, не имея ни одного

1. См. История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. М. 1965, с. 29—30; Deutschland im zweiten Weltkrieg. Bd. 6. Brl. 1985, S. 782

2. См. также: Разъяснение к секретному дополнительному протоколу от 23 сентября 1939 года. В кн.: Год кризиса, 1938—1939. Док. и м-лы. Т. 2. М. 1990, с. 335.

союзника. Повторяется в журнале и утверждение о том, что пакт позволил нам выиграть время. Да, была такая возможность. Но вместе с тем возникла и опасность — овладение новыми территориями отвлекло внимание, силы, средства от укрепления старой границы. Пакт не спас нас от нападения Германии. Фактически Сталин и его окружение позволили Гитлеру свободно выбирать выгодный для него момент агрессии против СССР.

Одиозны попытки ВИЖ снять с НКВД ответственность за убийство польских офицеров под Катынью, признанную большинством историков и политиков мира, в том числе Правительством СССР (в 1990 г.) (1990, №№ 3, 11, 12). Под претенциозными обещаниями «Гриф секретности снят», «Итак, слово документам!» ВИЖ опубликовал справку о результатах «предварительного расследования Катынского дела» без указания, кем и когда она была составлена. Ее авторы обвиняют в убийстве немецкие оккупационные власти. Были напечатаны также материалы Министерства пропаганды фашистской Германии. Как известно, Геббельс с помощью «Катынского дела» стремился внести раскол в антифашистскую коалицию. Отвечая на письмо советника посольства Польши в «Орловскую правду», В. И. Филатов отчитал МИД СССР, который из-за недостатка патриотизма будто бы «распустил» иностранных дипломатов в Советском Союзе, а один из авторов ВИЖ, И. М. Комаров, вообще отверг упомянутое выше признание Правительства СССР. ВИЖ не дал слова «другой стороне». Труды В. С. Парсадановой и других советских ученых, изучивших ранее не доступные документы³, были при этом обойдены молчанием. Вместо того чтобы выделить не освещенные еще стороны проблемы, например, мотивы убийства польских офицеров, возможность трех «этажей» захоронения в Катыни («врагов народа» и польских офицеров до оккупации Смоленска, «врагов третьей империи» — во время оккупации), авторы ВИЖ фактически «закрыли проблему».

Один из членов редколлегии ВИЖ, К. Б. Раш, в своих статьях, опубликованных в ВИЖ и в других изданиях, называет Г. К. Жукова «величайшим из военных авторитетов» и полководцев «всех времен», «партийным типом большевика (?) и народного заступника», «укротителем Сталина», «избавителем от газовых камер и от бериевского понимания марксизма», «спасителем» Хрущева от Берии, «гением», «натурой мирового калибра», «самой блистательной фигурой истории русской». Жуков, по словам Раша, выиграл войну, защитил Москву, окружил немцев в Сталинграде и взял Берлин. «Всем, что мы имеем сегодня, мы в известной степени обязаны одному человеку — Георгию Жукову». «Это — явление, символ народный, идея тысячелетия, «прорыв в будущее». «Такого не знала история всей земли». «Это было как чудо! Как знамение!» «Мы живем сейчас в жуковское время». Даже «жестокость» Жукова автором воспринимается как благо (кстати, о грубости и самодурстве Жукова говорится в воспоминаниях К. К. Рокоссовского — ВИЖ, 1989, № 6, с. 53—55; № 7, с. 3 и др.).

Никто еще не занимался изучением роли различных маршалов в обеспечении нашей общей

победы. Поэтому любые выводы будут по меньшей мере поспешными. Наивно возлагать на Сталина поражения, а на Жукова — победы. Эти два человека были неразрывно связаны друг с другом на протяжении 1939—1945 годов. Бытующая у нас в литературе формула — до августа 1942 г. Сталин как полководец был плохим, а назначив Жукова своим заместителем, стал хорошим, — основана на одностороннем подобранном источниках. При общем чрезвычайно невыгодном для нас соотношении людских и материальных потерь нельзя говорить о каком-то одном великом полководце, выигравшем войну. Наша победа была великой лишь вследствие ее исключительного значения и невиданного духовного подъема народов Советской страны. Можно и нужно, очевидно, говорить о наиболее выдающихся операциях и маршалах, их осуществивших. Но для этого необходимо ясно представлять себе, какой ценой была достигнута победа в этих операциях.

Возьмем, например, операцию по освобождению Вязьмы, которая осуществлялась по приказу Жукова. Историки ее еще не изучили. Суждения же самого маршала весьма противоречивы. Однако уже сейчас можно считать доказанным, что и Сталин и Жуков недооценили противника на этом направлении. Силы и средства, выделенные для операции, были крайне недостаточны; взаимодействие 33-й армии и других войск, причастных к операции, было организовано плохо; 113-я, 160-я, 329-я, 338-я дивизии 33-й армии были брошены на произвол судьбы без должного прикрытия и обеспечения. Армейская группа во главе с генералом М. Г. Ефремовым, выполнявшая безрассудный приказ Сталина — Жукова, погибла в неравном сражении. И вместо того, чтобы обратиться к имеющимся документам, таким, как хранящийся в ЦАМО подготовленный в Генеральном штабе в июне 1942 г. обзор «Операция 33-й, 43-й армий на Вяземском направлении» и другим важным материалам, ВИЖ просит ветеранов и «местных жителей» помочь в отыскании неких «архивных документов» (1990, № 1, с. 62).

Показательно нетерпимое отношение авторов и редакторов ВИЖ к инакомыслящим. С порога отвергается все новое, что есть в работах оппонентов, при этом более или менее тонко искажаются их позиции. Характерна в этом плане пространная рецензия главного редактора шестого тома 12-томника «История второй мировой войны» Г. Т. Хорошилова на работы Г. В. Ключарева о сражении оперативной группы Г. Ф. Захарова 14—19 декабря 1942 г. в междуречье Аксай — Мышкова с превосходящими силами противника, пытавшегося вызволить окруженную в Сталинграде армию Паулюса (1990, № 11). Ключарев ставит весьма важные вопросы: было ли правомерным преимущественное внимание Ставки к «котлу» в ущерб операции «Сатурн» (наступление на Ростов, которое сделало бы невозможным и деблокирование армии Паулюса); кто ответствен за образование в решающий момент битвы громадной бреши во внешнем фронте, которой воспользовался Манштейн, иными словами, вследствие чьей некомпетентности или халатности Красная Армия потеряла около 10 тыс. человек; какова роль группы Захарова и 2-й гвардейской армии (Р. Я. Малиновский) в срыве деблокирования; насколько соответствует подлинной истории Сталинградской битвы принятая многими историками сталинская концепция

3. См.: Новая и новейшая история, 1990, № 3; Международная жизнь, 1990, № 5.

этой битвы, ход которой неоднократно искажался в угоду Сталину, а позднее — Хрущеву, Еременко, Чуйкову, как в дальнейшем и битвы за Кавказ — в угоду Брежневу, Гречко. Это имело место и в бытность Министром обороны СССР Малиновского.

Большинство этих вопросов рецензент оставляет без ответа, а работы Ключарева⁴ отвергает, исходя из своего убеждения в непогрешимости «великого полководца». По мнению Хорошилова, в сентябре 1942 г. произошла будто бы «глубокая перестройка»: Сталин стал советоваться с генералами. Но достаточно ли этого для подлинной перестройки? Изменился ли его подход к цене войны? Рецензент утверждает, будто было сделано все возможное, чтобы закрыть брешь по р. Аксай. Может быть, это и верно, если считать приоритетным штурм «котла». Именно для этой цели Сталин и передал 2-ю Гвардейскую армию в

распоряжение Донского фронта вместо того, чтобы направить ее на рубеж р. Аксай. Но о том, насколько верны были приоритеты, рецензент молчит и нарочито низводит сражение в между-речье лишь к «эпизоду у хутора Верхне-Кумского», хотя оно вместе с последующими действиями 2-й Гвардейской армии предотвратило вероятные прорыв внутреннего фронта и очень опасное для нее столкновение ее походных колонн с боевыми порядками противника. Сражение было значительным и по своей длительности (6 дней) и по охваченному им пространству (2500 кв. км). Рецензент же тенденциозен. Так, именем 51-й армии он называет лишь ее остатки (группа Захарова). Противник же обладал на р. Аксай многократным превосходством (в танках — в 6 раз).

Содержание ВИЖ за 1988—1990 гг., как в зеркале, отражает общее состояние нашей военной историографии. Из всех разделов советской исторической науки она в наименьшей степени подверглась перестройке и в наибольшей степени остается под влиянием старой методологии.

А. Н. Мерцалов

4. КЛЮЧАРЕВ Г. В. Стальное пламя. М. 1987; ЕГО ЖЕ. Новый взгляд на ход Сталинградской битвы. — Вопросы истории. 1989, № 12.

Батарея Раевского

В свое время один из специалистов по истории Отечественной войны 1812 г. И. П. Липранди дал резко критическую оценку трехтомному труду генерала М. И. Богдановича¹, усмотрев в нем многочисленные фактические ошибки, и обвинил автора в недобросовестности. По мнению рецензента, генерал многое почерпнул «из Мюнхаузена, не цитируя, однако, его»². Замечания Липранди, часто справедливые, обнажали слабые места трехтомника, заставляя читателя с улыбкой отнестись и к самому его названию³. Возможно, поэтому Богданович не отважился официально ответить своему оппоненту. Между тем одно из утверждений Липранди вызывает резкое возражение — настойчивое его нежелание согласиться с правомочностью названия «батарея Раевского», которое получил центральный пункт Бородинской позиции.

Липранди делал вывод, что главная роль в обороне Курганной высоты приписывалась Н. Н. Раевскому и руководимому им 7-му корпусу неправомочно. Основную заслугу в создании 18-орудийной батарее следовало, по его мнению, отнести на счет Л. Л. Беннигсена, а во время второй, решающей атаки французов на батарею войска 7-го корпуса вообще якобы не играли сколько-нибудь существенной роли; всю тяжесть обороны этого важнейшего пункта русской позиции вынесли части 6-го корпуса под командованием Д. С. Дохтурова. «Следует ли называть укрепление, находившееся в центре Бородинской

позиции, батареей Раевского?»⁴ — еще раз спрашивал несколько позднее Липранди и объявлял это название плодом «поэтического воображения». Кто же прав в этом споре — народная молва, увековечившая имя Раевского, или подкрепленное некоторыми документами мнение историка?

Современники события знали, что инициатива сооружения батареи на Курганной высоте исходила от Раевского. Артиллерийский офицер Богданов указывает на это в своих воспоминаниях: «В 11 часов ночи (25 августа по ст. ст. — Ю. Е.) мне дано приказание идти к генералу Раевскому. Я нашел его на батарее, построенной вследствие данного им распоряжения. Батарея была совершенно окончена и орудия стояли на местах»⁵. Возведение укреплений и установка батареи на Курганной высоте осуществлялись солдатами 26-й дивизии, 1-го пионерского полка и отчасти ополченцами. Работа по созданию дополнительной системы укреплений вокруг батареи была завершена к четырем часам утра. Осмотрев результаты работы, Раевский сказал: «Теперь, господа, мы будем спокойны. Император Наполеон видел днем простую, открытую батарею, а войска его найдут крепость»⁶.

Задача Раевского осложнялась тем, что командующий 2-й армией П. И. Багратион в начале сражения взял из 7-го корпуса половину батальонов, по большей части включенных в сводную гренадерскую дивизию М. С. Воронцова. «Сие побудило меня потребовать сикурсу, который я получил из трех егерских полков под

1. ЛИПРАНДИ И. П. Материалы для истории Отечественной войны 1812 года. Бородинское сражение. Заключение с некоторыми примечаниями на историю этой войны, сочинения г. М. Богдановича. СПб. 1861.
2. Там же, с. 12.
3. БОГДАНОВИЧ М. И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Тт. 1—3. СПб. 1859—1860.

4. ЛИПРАНДИ И. П. Материалы для истории Отечественной войны 1812 года. Сбор. ст. СПб. 1867, с. 65.
5. БОГДАНОВ Д. Записки очевидца о Бородинском сражении. В кн.: Бородино. Документы, письма, воспоминания. М. 1962, с. 337—338.
6. См. ТАРЛЕ Е. В. Соч. Т. 12. М. 1962, с. 439—440, 338.

командою полковника Вуича»⁷, — отмечал в рапорте Раевский. Учитывая высокую плотность артиллерийского огня, он отказался от линейного порядка войск и свои батальоны «расположил таким образом позади редута, чтобы они при атаке оног неприятелем взяли его колонны с обоих флангов, а полки, находящиеся в кустарниках, заняли бы свои места в первой линии»⁸.

Использованный Раевским характер построения позволил ему избежать больших потерь в начале сражения, несмотря на то, что Курганная и ее окрестности уже с утра представляли собой истинный ад⁹. С. И. Маевский вспоминал: «Раевский взвел меня на высоту батареи, которая в отношении к полю была то ж, что бельведер в отношении к городу. Сто орудий засыпали ее. Раевский с торжествующей миной сказал мне: «Скажи князю — вот что у нас делается!»¹⁰.

Около девяти часов утра войска принца Е. Богарне предприняли попытку овладеть курганом, но были отбиты картечным огнем и русскими егерями, составлявшими стрелковую цепь перед батареей. Приблизительно в 11 час. наступила кульминация Бородинской битвы. «К полудню 2-я армия, весь 8-й корпус и сводная гренадерская дивизия, потеряв большую часть своих генералов и лишившись самого даже главнокомандующего своего, была опрокинута, все укрепления левого фланга взяты были неприятелем, который всеми силами угрожал нашему флангу и тылу 7-го и 6-го корпусов»¹¹, — докладывал М. Б. Барклай де Толли.

Курганная батарея оказалась под перекрестным огнем, который «обратил всю свою силу против 7-го корпуса и высоты центра, но встречен был неустранимостью»¹². Генерал А. П. Ермолов так оценивал этот ответственный момент: «Высота, важная по положению своему и лично защищаемая генерал-лейтенантом Раевским, испытывала сильнейшие нападения. 18 действующих орудий с трудом уже противились почти вчетверо превосходящей артиллерии. Неприятель уже дерзнул приблизиться на картечный выстрел. Бесстрашный Раевский не взирал на слабое прикрытие батареи, на грозящую ей опасность, но истощившись, наконец, снаряды его артиллерии и хотя стоящие по сторонам батареи еще охраняли ее, но такое состояние не могло продлиться»¹³.

Солдаты французского 30-го пехотного полка из дивизии Ш. Морана ворвались на батарею. Егеря были сначала ошеломлены «первым натиском столь знаменитого безумия французской отваги»¹⁴. Но возможность подобной ситуации была Раевским предусмотрена. Расположенные позади кургана части генералов И. Ф. Паскевича и И. В. Васильчикова контратаковали противника («вследствие данных мною повелений»¹⁵, отмечал Раевский), а начальнику штаба 1-й армии Ермолову с помощью возглавленного им батальона из 24-й дивизии¹⁶ удалось остановить 19-й и 40-й егерские полки бригады Н. В. Вуича. Вскоре Ермолов и начальник артиллерии А. И. Кутайсов организовали штурм потерянной высоты, и «в то же время по распоряжению генерал-лейтенанта Раевского 18-й егерский полк последовал за ними»¹⁷. Слаженными действиями удалось отбить батарею и отбросить французские части второго эшелона. Передовой же отряд, захвативший батарею, был уничтожен. Инициатива, проявленная Ермоловым, явилась ярким эпизодом сражения, а основную боевую нагрузку в тот момент вынесли отряды Паскевича и Васильчикова, действия которых были спланированы Раевским.

В рапорте Ермолова не нашлось места для описания действий упомянутых отрядов. Но его рапорт практически совпадает с донесениями М. И. Кутузова и Барклая де Толли, хотя последние тоже отметили участие в бою названных частей 7-го корпуса. Инициатива Ермолова заслужила широкую известность, действия корпуса Раевского — нет. Думается, что такое умолчание Ермоловым о некоторых эпизодах битвы не было случайностью: во многих случаях (как отмечал близко знавший его великий князь Константин Павлович) он поступал «с обманцем»¹⁸. Барклай де Толли, говоря о своем начальнике штаба, писал, что он «человек с достоинствами, но лживый и интриган»¹⁹. Д. В. Давыдов тоже сообщал о способности Ермолова поступать в угоду конъюнктуре: «Хотя на знаменитом военном совете в Филях Ермолов... был убежден, что новое сражение бесполезно и невозможно, но, будучи вынужден подать свой голос одним из первых, дорожа популярностью, приобретенной им в армии, которая приходила в отчаяние при мысли о сдаче Москвы... он подал голос в пользу новой битвы»²⁰. При всем уважении к прославленному

7. РАЕВСКИЙ Н. Н. Записки. В кн.: ДАВЫДОВ Д. В. Замечания на некрологию Н. Н. Раевского с прибавлением его собственных записок на некоторые события войны 1812 года, в коих он участвовал. М. 1832, с. 66; см. также: ТАРЛЕ Е. В. Ук. соч., с. 319, 161.
8. ТАРЛЕ Е. В. Ук. соч., с. 90.
9. ГЛИНКА Ф. Н. Письма русского офицера о Польше, Австрийских владениях, Пруссии и Франции, с подробным описанием Отечественной и заграничной войны с 1812 по 1815 год. М. 1870, с. 24.
10. МАЕВСКИЙ С. И. Мой век, или История Сергея Ивановича Маевского. — Русская старина, 1873, т. 8, с. 138.
11. Цит. по: ТАРЛЕ Е. В. Ук. соч., с. 174.
12. БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ М. Б. Изображение военных действий Первой армии в 1812 году. М. 1859, с. 20.
13. ЕРМОЛОВ А. П. Записки о 1812 годе. — Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1863, кн. 3, с. 94.

14. СЕГЮР Ф. П. Поход в Москву. Мемуары участника. М. 1911, с. 36.
15. РАЕВСКИЙ Н. Н. Ук. соч., с. 66.
16. Ермолов и большинство других авторов утверждают, что это был 3-й батальон Уфимского полка (ТАРЛЕ Е. В. Ук. соч., с. 139, 171, 175, 324, 355), но адъютант командующего 1-й армией В. И. Левенштерн настаивал на принадлежности батальона к Томскому полку (там же, с. 363—364).
17. Там же, с. 325.
18. ДУБРОВИН Н. Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. VI. СПб. 1888, с. 186. «Сочинитель случился с Ермоловым», — оценивал его рапорт генерал-квартирмейстер 2-й армии М. С. Вистицкий (ХАРКЕВИЧ В. И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. Вильна. 1900, с. 187).
19. БАРКЛАЙ ДЕ ТОЛЛИ М. Б. Ук. соч., с. 6.
20. ДАВЫДОВ Д. В. Военные записки. М. 1982, с. 158—159.

генералу, мы не вправе обходить эти свидетельства.

В свете сказанного понятно, почему Липранди, используя рапорты Ермолова и Баркляя де Толли, констатировал, что «при помянутом описании ни один полк 7-го корпуса не назван»²¹. Вина его не критический подход к источникам.

Позднее подобная трактовка событий нашла отражение в ряде работ. Так у Тарле говорится: «Ермолов выбил дивизию Брусье из батареи Раевского и от подступов к батарее»²². Здесь неверно указан командир французской дивизии и не упомянуты 12-я и 26-я дивизии Васильчикова и Паскевича. В книге Н. Ф. Гарнича сообщается, что «полки 26-й и 12-й пехотных дивизий» лишь «поддержали» контратаку батальонов, возглавленных Ермоловым и Кутайсовым²³. П. А. Жилин придерживался мнения, что защиту Курганной высоты осуществляли «войска знаменитого гене-

рала Дохтурова»²⁴, и не упоминал о 7-м корпусе. В новых своих книгах он переписал отрывок из своей давней работы²⁵. Документы же свидетельствуют, что в момент атаки на высоту Дохтуров находился на левом фланге, где возглавил после ранения Багратиона 2-ю армию. Л. Г. Бескровный, в свою очередь, «заставил» оборонять батарею Раевского 24-ю дивизию П. Г. Лихачева²⁶, которая на деле выдвинулась на эту позицию лишь во второй половине дня, сменив понесшую большие потери дивизию Паскевича.

То, что ускользнуло от взгляда ряда историков, было верно оценено современниками и сохранено благодарными потомками. Название «батарея Раевского» запечатлело имя этого военачальника и стало общественной наградой его подвигу.

Ю. Л. Епанчин, Саратов

21. ЛИПРАНДИ И. П. Материалы для истории Отечественной войны 1812 года. СПб. 1867, с. 71.

22. ТАРЛЕ Е. В. Ук. соч. Т. 7. М. 1959, с. 575.

23. ГАРНИЧ Н. Ф. 1812 год. М. 1956, с. 160.

24. ЖИЛИН П. А. Контрнаступление русской армии в 1812 году. М. 1953, с. 151.

25. ЖИЛИН П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М. 1974, с. 155—156; ЕГО ЖЕ. Отечественная война 1812 года. М. 1988, с. 162.

26. БЕСКРОВНЫЙ Л. Г. Бородинское сражение. М. 1971, с. 56.

Наказанная неосторожность

Известно, что после опубликования осенью 1836 г. в журнале «Телескоп» первого философического письма П. Я. Чаадаева репрессиям подвергся не только автор, но и редактор журнала Н. И. Надеждин, который после закрытия «Телескопа» оказался в ссылке в Усть-Сысольске (Вологодская губерния). Такому выбору места ссылки есть свое объяснение.

В 1835 г. Надеждин возвратился из путешествия, побывав в Германии, Франции, Швейцарии, Италии и опубликовал в «Телескопе» «Выдержки из дорожных воспоминаний». Из пребывания во Франции Надеждин вынес, в частности, впечатление, что жизнь ее сосредоточена в Париже, что город этот «есть голова, которую мыслит, сердце, которым чувствует» страна. В связи с этим он рассказывал о встрече в Бельфоре с молодым врачом, расспрашивавшим приезжающих из столицы, о новостях, изливая им свое недовольство провинциальной жизнью и влечение к Парижу. Не следует думать, замечает Надеждин, что этот энтузиазм вызван ностальгическими чувствами, ибо молодой человек родился не в Париже, или же несносностью существования в Бельфоре, который сам по себе «городок прекрасный, с отличным обществом из офицеров, занимающих крепость... не больше как в трехстах верстах от Парижа, следовательно, не какой-нибудь наш Усть-Сысольск или Стерлитамак»¹. Насколько известно, Надеждин прежде не был связан с

Усть-Сысольском и назвал его наугад, однако, сам того не ожидая, выбрал себе кару.

Следственная комиссия по делу об опубликовании философического письма (А. Х. Бенкендорф, его помощник А. Н. Мордвинов, министр народного просвещения С. С. Уваров и обер-прокурор Синода Н. А. Протасов) 19 ноября 1836 г. получила подготовленные для Уварова обширные выписки из «Телескопа» за 1835 и 1836 гг., доказывающие неблагонадежность издания, сгруппированные по разделам, в один из которых попали высказывания о Париже², включая и непатриотичное сравнение российского Усть-Сысольска с «прекрасным» французским Бельфором.

Комиссия предложила отправить Надеждина в один из губернских городов, но царь обошелся с ним строже, заменив своей личной резолюцией губернский город на Усть-Сысольск, — образец мрачного юмора венценосца. Что же касается редактора «Телескопа», то он скорее всего забыл о своих словах, и так никогда и не узнал, что заточением в глухом северном городке был в какой-то степени обязан неумному темпераменту врача из Бельфора.

Е. Ю. Тихонова

1. Телескоп, 1836, ч. 32, № 5 (цензорское разрешение от 21 марта 1836 г.), с. 81, 85.

2. ЛЕМКЕ М. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПб. 1908, с. 443.

Рабочие комитеты и архивное дело в Кузбассе

Критическую ситуацию, сложившуюся в архивной службе Кузбасса, сотрудники Государственного архива Кемеровской области (ГАКО) связывают с

происходящими в Кузбассе событиями. Как и повсюду, напряженность в среде архивистов Кузбасса возникла поначалу на сугубо материальной

почве. В конце 1989 г., как известно, была повышена зарплата партийным и советским работникам, в том числе и работникам архивных отделов облисполкомов. Это обстоятельство вызвало волнения, забастовки в ряде государственных областных архивов, коллективы которых к избранной категории «советских работников», как выяснилось, не относятся. Выполняя за архивные отделы львиную долю работы, фактически исполняя их функции и обеспечивая их содержание за счет собственного бюджета, облгосархивы находятся в мелочной зависимости от этих учреждений. И это при том, что наши архивы, в сравнении с аналогичными службами на Западе, не выдерживают никакой критики: зарплата нищенская, материальная база в ужасном состоянии.

Неудивительно, что к требованиям архивистов чисто материальным постепенно добавлялись и более серьезные. Обеспокоенный таким поворотом событий, Главархив РСФСР разрешил незначительное повышение зарплаты работникам облгосархивов, но... при наличии возможностей местных бюджетов. Разумеется, это не могло способствовать снижению социальной напряженности.

Изучив и обобщив требования некоторых облгосархивов, участвовавших в забастовках и других формах протеста, прежде всего Тульского облгосархива, коллектив ГАКО разработал пакет следующих требований и предложений: 1. Ликвидация архивного отдела облисполкома как лишнего управленческого звена, не несущего полезной нагрузки (на Украине это уже сделано). 2. Подчинение облгосархива облсовету, а не облисполкому. Директор облгосархива должен утверждаться на сессии облсовета и быть подотчетным ему, а не облисполкому. 3. Предоставление облгосархиву правовой, хозяйственной и финансовой самостоятельности, что позволит его работникам самим решать большинство своих проблем.

С этими предложениями (и обоснованиями к ним) архивисты вышли на майскую сессию Кемеровского областного Совета. В местной прессе появились материалы по архивному вопросу. Архивистов поддержали и некоторые круги интеллигенции, в частности в Кемеровском университете. Дважды вопрос, ввиду его «незначительности», откладывали, переносили с одной сессии Совета на другую. Но на июльской его сессии пункт о ликвидации архивного отдела был включен в повестку дня и решен положительно. Все основные предложения архивистов сессия утвердила, и в настоящее время начала свою работу ликвидационная комиссия по передаче ГАКО дел и имущества бывшего архивного отдела облисполкома. Это произошло благодаря твердой поддержке со стороны лидеров рабочего движения Кузбасса и депутатов, стоящих на платформе рабочих комитетов.

Совет рабочих комитетов взял на себя расходы по участию представителей ГАКО в работе I съезда Конфедерации труда и учредительном съезде Независимой ассоциации историков и архивистов в Москве.

В чисто профессиональном плане архивисты несколько запоздали со сбором и обработкой документальных материалов, касающихся забастовочного движения в Кузбассе. Ленинградский музей Великой Октябрьской социалистической

революции проявил в этом отношении завидную оперативность: его представители появились в Кузбассе сразу же после летней забастовки и собрали «богатый урожай». Теперь многие ценнейшие документы, в том числе протоколы заседаний рабочих комитетов, тексты соглашений с правительственной комиссией, другие документы, освещающие самые первые шаги рабочего движения в Кузбассе, покинули его землю. Но не во всех центрах движения удавалось ленинградцам завладеть подобными материалами. Так, очень бережно относятся к своим документам Осинниковский и Прокопьевский рабочие комитеты: для этих целей ими выделены люди. К сожалению, в большинстве городских рабочкомов к сохранению и обработке своих же документов относятся далеко не лучшим образом — в иных комитетах нет даже секретарей, которые могли бы собирать и обрабатывать текущую документацию. В Кемеровском городском рабочем комитете большая часть документов безвозвратно утеряна, и только часть из них осела в городском архиве.

Основная масса документов по рабочему движению Кузбасса накапливается, естественно, в областном Совете рабочих комитетов (здесь же находится и большинство документов Союза трудящихся Кузбасса). На основании заключенного по инициативе архивистов договора о сотрудничестве в этом Совете трудятся представители ГАКО: собраны и обработаны все документы; разработана и утверждена номенклатура дел — ведь до сих пор никакого опыта работы с забастовочными комитетами у наших архивистов не было; подготовлены описи и историческая справка. Секретарю-делопроизводителю областного Совета рабочих комитетов систематически оказывается методическая и практическая помощь. В настоящее время отношение к документам в этой рабочей организации ответственное и бережное, делопроизводство и архивное дело ведутся на профессиональном уровне.

Состав документов самый разнообразный: протоколы заседаний областного Совета и городских рабочих комитетов Кузбасса, протоколы соглашений с правительством, выписки из протоколов, требования трудовых коллективов области, письма и телеграммы трудящихся, материалы конференций рабочих комитетов Кузбасса; документы Союза трудящихся Кузбасса, в том числе устав и проекты устава Союза трудящихся, положение о Союзе трудящихся Кузбасса; тексты выступлений и статей; переписка с различными учреждениями, начиная от неформальных организаций и кончая правительством; списки народных депутатов и кандидатов в депутаты от рабочих комитетов и Союза трудящихся Кузбасса; справки, доклады, сметы и другие документы. Значительный интерес представляют материалы по злободневным для Кузбасса экологическим вопросам, по вопросам радио и телевидения, по проблемам экономики и др. Со временем документы и материалы Совета рабочих комитетов Кузбасса предполагается передать в Кемеровский облгосархив на депонирование, а впоследствии — и на государственное хранение.

Н. В. ГАЛКИН,
научный сотрудник Государственного архива
Кемеровской области

Contents

Articles: **A. P. Novoseltsev.** Formation of the First Russian State and Its First Ruler; **A. Y. Gurevich.** On the Crisis in Historical Science Today; **Historical Profile:** **M. Ts. Arzakayan.** Charles de Gaulle; **Reminiscences:** Memoirs of Nikita Khrushchev; **Willi Brandt** (FRG). Memoirs; **Historical Journalism:** **A. G. Avtorkhanov.** The Technology of Power; **History and Lives:** **General A. Denikin.** Essays on the Russian Troubled Times. **A. F. Kerensky.** Russia at the Turning Point of History. **Publications:** **Y. C. Falstinsky.** Two Episodes from the History of the Struggle inside the Party: Bukharin's Confidential Talks; Letters of Official **A. A. Klopov** to the Imperial Family (Introduced by **V. I. Startsev**, commented by **V. I. Startsev** and **B. D. Galperin**). **People Events Facts.** **A. I. Leiberov** «Freedom to the Deputies!»; **A. Y. Zubkov.** Victoria Woodhall a US Presidential Candidate. **Historiography:** **L. T. Milskaya.** **A. I. Neusykhin,** a Prominent Scholar and Teacher; **L. V. Malinosky.** The History of the Soviet Germans in FRG's Contemporary Historiography; **D. Shelestov.** Alexei Rykov Time; **G. A. Gerasimov.** Zemstvo Self-Administration in Russia; **A. Titov.** Symbols of Byelorussian Towns; The French in 1789—1794. Studies of the Post-Revolutionary Consciousness; History of Science. **Letters to Editor.**

Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Академия наук СССР,

Издательство «Прогресс»

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ, П. В. ВОЛОБУЕВ, А. С. ГРОССМАН, В. П. ДАНИЛОВ,
В. А. ДЬЯКОВ, И. Д. КОВАЛЬЧЕНКО, В. И. КУЗИЩИН, Б. В. ЛЕВШИН,
А. П. НОВОСЕЛЬЦЕВ, Б. В. ОРЕШИН, О. А. РЖЕШЕВСКИЙ,
И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), К. И. СЕДОВ,
А. Я. ШЕВЕЛЕНКО, В. В. ШЕЛОХАЕВ, В. Л. ЯНИН**

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ № 2-3, 1991, 256 стр.

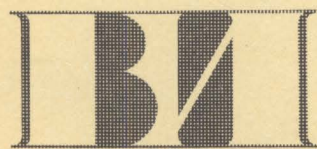
Художественно-технический редактор **В. Г. Паленцева**

Сдано в набор 2.04.91. Подписано в печать 24.06.91. Формат 70×108/16. Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Печ. л. 22,4. Бум. л. 8,0. Уч.-изд. л. 27,15. Тираж 93 175. Зак. 2180. Кр.-отт. 44,8. Индекс 70145. Цена 4 р. 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Гос. комитета СССР по печати. 119847, ГСП, Москва, Г-21, Zubovskiy bul. 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Тверской полиграфический комбинат Государственного комитета СССР по печати. 170024, Тверь, просп. Ленина, 5.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**